Берлинский дневник (Европа накануне Второй мировой

Уильям Ширер

SHOUT
SHARE
IT

- Ширер Уильям

Ширер Уильям Берлинский дневник (Европа накануне Второй мировой войны глазами американского корреспондента)

Ширер Уильям
Берлинский дневник
Европа накануне Второй мировой войны
глазами американского корреспондента
Пер. с англ. Л.А. Игоревского
{1}Так помечены ссылки на примечания. Примечания в конце текста

Аннотация издательства: Личный дневник, запечатлевший поворотный момент в жизни Европы XX века - канун Второй мировой войны, воспринимается сегодня как уникальный документ. Его страницы сохранили атмосферу предвоенной Германии, одурманенной реваншистскими настроениями, истерически обожавшей фюрера; на них подробно рассказано о планомерной милитаризации страны, о приемах работы гитлеровской пропагандистской машины, о мобилизации всех резервов нации ради тотальной войны за мировое господство. Среди упоминаемых лиц не только Адольф Гитлер и его ближайшие сподвижники Гесс, Геринг, Гиммлер, Лей, Риббентроп, но и лидеры мировых держав Рузвельт, Черчилль, Сталин, Франко, Муссолини, Петэн, Бенеш, де Голль и др., главы правящих королевских династий, министры, послы, высший генералитет. Автор приводит, кроме того, множество выразительных подробностей, собственных оригинальных наблюдений над немцами и жителями европейских государств.

Содержание
Предисловие
1934-1935
1936
1937
1938
1939
1940
Примечания
Посвящается Тэсс, которая делила со мной многое

Предисловие

Большинство из ведущих дневники наверняка не помышляют об их публикации в дальнейшем. Личный дневник не рассчитан на глаз постороннего человека, он таит интимные переживания и являет собой ту часть пишущего, которая в значительной степени спрятана от грубости окружающего мира.

Эти записи не претендуют на откровения такого рода. Конечно, я вел их для собственного удовольствия и душевного спокойствия, но если честно, то и с мыслью, что когда-нибудь большая часть моих записей может быть опубликована, при условии, что найдется издатель, который решится подписать их в печать. Разумеется, ни секунды не заблуждался я на свой счет, полагая, что моя персона и жизнь, которую я вел, могли бы представлять хоть малейший интерес для читающей публики. Единственным оправданием моих амбиций были превратности судьбы и род работы, кои предоставили мне уникальную возможность ежедневно передавать полученную из первых рук информацию о событиях в Европе, уже находившейся в состоянии агонии и с каждым месяцем и каждым годом неумолимо скатывавшейся в бездну войны и саморазрушения.

Таким образом, героем этого дневника является не автор записей (разве что иногда, случайно), а та самая Европа, которая во второй половине 30-х годов, как наблюдал он с нарастающим интересом и вместе с тем ужасом, бешено неслась по пути к Армагеддону. Главной причиной сдвига целого континента были одна страна - Германия, один человек - Адольф Гитлер. Большую часть лет, прожитых мною за границей, я провел в этой стране, вблизи этого человека. Именно с этого выгодного наблюдательного пункта я следил за тем, как дрогнули и затрещали по швам европейские демократии, как парализовало их уверенность, здравый смысл и волю и как сдавали они бастион за бастионом (за исключением Великобритании) до тех пор, пока дальнейшее сопротивление становилось бессмысленным. Изнутри цитадели тоталитаризма я мог наблюдать также, как Гитлер, действуя цинично, жестоко и лживо, с очевидными всем помыслами и целью, которых континент не знал со времен Наполеона, шел от победы к победе, объединяя Германию, перевооружая ее, разделяя и захватывая соседние государства, пока не сделал Третий рейх военным хозяином Европы и не довел свой несчастный народ до состояния рабов.

Я бегло записывал все эти события изо дня в день. К несчастью, некоторые из моих тогдашних записей были утеряны; другие я сжег, чтобы избежать риска и не оказаться "на попечении" гестапо; некоторые вещи я не осмеливался

фиксировать, стараясь запечатлеть их в своей памяти, чтобы воспроизвести их позднее, в более безопасные времена. Но основную часть дневников и копии текстов всех моих радиопередач, не порезанных цензурой, мне удалось вывезти. Отсутствующие события я реконструировал из моих официальных донесений и текстов состоявшихся радиосообщений. В некоторых случаях мне пришлось восстанавливать события дня по памяти, при этом я отдавал отчет в том, какие ловушки таит подобный способ, и требовал от себя безжалостной правдивости.

И наконец, имена некоторых лиц, живущих в Германии или имеющих там родственников, были изменены либо обозначены буквами, лишенными связи с подлинными именами. Гестапо не найдет улик.

Чаппакуа, Нью-Йорк

Апрель 1941

1934

Льорет-де-Мар, Испания, 11 января 1934 года

Деньги у нас кончились. Послезавтра я должен вернуться на работу. Мы как-то особенно не задумывались об этом. Пришла телеграмма. Предложение. Не слишком выгодное предложение от парижской "Herald". Но оно даст возможность перебиться, пока не подыщу что-нибудь более подходящее.

Так заканчивается самый лучший, самый счастливый и самый обделенный событиями год из всех, что мы прожили. Он оказался для нас "выходным" годом, состоящим из одних воскресений, и мы жили в этой маленькой испанской рыбачьей деревушке именно так, как мечтали и планировали, приятно независимые от остального мира, от событий, людей, боссов, издателей, редакторов, родственников и друзей. Так не могло длиться вечно. Хотя мы и не собирались, но, если бы та тысяча, которую мы скопили, не уменьшилась внезапно до шести сотен из-за обвала доллара, можно было растянуть время до того момента, когда подвернется хорошая работа. Думаю, это были отличные деньки для того, чтобы быть безработным. Я восстановил свое здоровье, пошатнувшееся в Индии и Афганистане в 1930-1931 годах из-за перенесенной там малярии и дизентерии. Оправился от шока после несчастного случая в Альпах весной 1932 года, когда некоторое время мне угрожала полная слепота, но, к счастью, я лишился лишь одного глаза.

А только что закончившийся 1933 год, вполне возможно, оказался переходным не только лично для нас, но и для всей Европы и Америки. То, что делает Рузвельт дома, кажется, отдает чуть ли не социальной и экономической революцией. Гитлер и нацисты продержались в Германии достаточно долго, и наши

друзья из Вены пишут, что фашизм, как местный клерикальный, так и берлинского толка, быстро делает успехи в Австрии. Здесь, в Испании, революция обернулась ничем и правое правительство Хиля Роблеса и Алехандро Лерруса, кажется, склоняется к восстановлению монархии или созданию фашистского государства по итальянской модели, а возможно - к тому и другому. Париж, в который я приехал в 1925 году, будучи в нежном возрасте двадцати одного года, и который любил, как любят женщину, уже не тот, что я увижу послезавтра - у меня нет на этот счет никаких иллюзий. Кажется даже, что весь мир, в который мы опять погружаемся, уже отличается от того, из которого мы уезжали всего год назад, когда упаковывали одежду и книги в Вене и отправлялись в Испанию.

Путешествуя по побережью от Барселоны, мы случайно наткнулись на деревушку Льорет-де-Мар. Она находится в пяти милях от железной дороги и раскинулась в виде полумесяца в широкой песчаной бухте у подножия Пиренеев. Тэсс она понравилась сразу. Мне тоже. Мы нашли меблированный дом прямо на пляже - три этажа, десять комнат, две ванные, центральное отопление. Когда владелец назвал цену - пятнадцать долларов в месяц, мы сразу заплатили за год вперед. Наши расходы, включая аренду дома, составляли в среднем шестьдесят долларов в месяц.

Что мы сделали за прошедшие двенадцать месяцев? Не очень-то много. Никаких великих свершений. Мы купались по четыре-пять раз в день с апреля до Рождества. Совершали прогулки по невысоким и доступным горным склонам, которые спускались к деревушке и морю, прошли тысячу оливковых рощ и сотню дубовых лесов, откладывая на завтра и - навсегда восхождение на покрытые снегом вершины, которое мы все время собирались совершить поздней весной и ранней осенью. Мы прочитали некоторые из тех книг, на которые не хватало времени, когда днем надо было составлять еженощную телеграмму с сообщениями и когда мы метались из одной столицы в другую - из Парижа и Лондона в Дели. Что касается меня, то это были несколько книг по истории, несколько по философии, "Закат Европы" Шпенглера, "История русской революции" Троцкого, "Война и мир", "Путешествие на край ночи" Селина - самый оригинальный французский роман со времен войны, и чуть ли не весь Уэллс, Шоу, Эллис, Бирд, Хемингуэй, Дос Пассос и Драйзер. К нам приезжали друзья и останавливались у нас: Джей Алленс, Рассел и Пэт Штраус, Луис Кинтанилья один из самых многообещающих молодых испанских художников и ярый республиканец. Андрее Сеговия жил по соседству и заходил

вечерами поговорить или поиграть на своей гитаре Баха или Альбениса.

За этот год у нас было время узнать друг друга, побездельничать и поиграть, поесть и выпить, посмотреть бой быков после обеда, а ночью - на яркую Баррио-Чино в Барселоне; время прочувствовать краски, оливковую зелень холмов, ни с чем не сравнимую синеву Средиземного моря весной и удивительные суровые бело-серые небеса над Мадридом; а также узнать испанского крестьянина, и рабочего, и рыбака, людей с глубоким чувством собственного достоинства, мужественных и открытых, несмотря на их жалкое полуголодное существование; а в Прадо и в Толедо было немного времени на Эль Греко. Его стремительная манера письма и краски просто сразили нас, и вся живопись Возрождения, которую мы видели в Италии, даже да Винчи, Рафаэль, Тициан, Боттичелли, показалась нам бледной и анемичной.

Это был хороший год.

Париж, 7 февраля

С прошлого вечера ничего необычного. Вчера около пяти после полудня я бил баклуши в офисе "Herald", раздумывая, не снизойти ли мне до Национального собрания, где новый премьер Эдуард Даладье вроде бы должен зачитать свое заявление, и вдруг до нас долетел слух, что на площади Согласия волнения. Я поймал такси и помчался взглянуть. Но ничего неприятного не обнаружил. Несколько роялистов из "Королевских камелотов", "Юных патриотов" депутата Пьера Тэтинже и головорезов парфюмера Франсуа Коти - правая молодежь или гангстеры - попытались прорваться к парламенту, но были рассеяны полицией. На площади оказалось все спокойно. Я позвонил в редакцию "Herald", но Эрик Хоукинс, ведущий редактор, посоветовал мне быстренько перекусить где-нибудь неподалеку и попозже еще раз взглянуть на площадь. Около семи я вернулся на площадь Согласия. Там, действительно, что-то происходило. Конные гвардейцы в стальных шлемах расчищали сквер. В центре за обелиском горел автобус. Я пробился через гвардейцев, которые лихо орудовали саблями, и перешел на сторону Тюильри. На террасе собралось несколько тысяч человек. Смешавшись с толпой, я быстро понял, что это не фашисты, а коммунисты. Когда полицейские попыталась оттеснить их вниз, они начали забрасывать их камнями и кирпичами. Мост через Сену, ведущий от площади Согласия к парламенту, был запружен огромным количеством конных гвардейцев, щелкавших затворами ружей, за ними стояли полицейские и пожарная команда. Несколько небольших групп пытались продвинуться к мосту по

набережной от Лувра, но два пожарных шланга вынудили их обратиться в бегство. Около восьми часов пара тысяч ветеранов войны из U.N.C. (Union Nationale des Combattants){1} строем вышли на площадь и промаршировали от Рон-Пуан вниз к Елисейским Полям. Они шли стройными рядами под огромными трехцветными флагами. Остановились возле моста, и их лидеры начали вести переговоры с полицейскими чинами. Я добрался до "Крийона" и с балкона третьего этажа стал обозревать площадь. Она была заполнена людьми. Первые выстрелы мы не услышали. Мы поняли, что началась стрельба, когда здесь же, на балконе, вдруг упала на пол женщина с пулевым ранением в лоб. Она стояла за Мелвином Уайтлетером из A.P{2}. Потом мы услышали стрельбу, доносящуюся с моста и противоположного берега Сены. Кажется, стреляли из автоматических ружей. В ответ толпа ворвалась на площадь. Вскоре та вся была охвачена огнем. Слева от морского министерства начал распространяться дым. В ход пустили пожарные шланги, но люди стояли слишком плотно, чтобы их можно было рассредоточить. Я спустился в холл позвонить в редакцию. Там лежали несколько раненых и им оказывали первую помощь.

Стрельба продолжалась до полуночи, пока конная гвардия не начала одерживать верх. Несколько раз площадь Согласия переходила из рук в руки, но ближе к полуночи полиция уже контролировала ситуацию. В какой-то момент около десяти часов - толпа, которая к этому времени была еще в ярости, но, очевидно, осталась без лидеров, попыталась штурмом взять мост. Часть народа пробиралась по набережным, где деревья служили хорошей защитой, часть бешено атаковала площадь. "Если они пройдут по мосту, - подумал я, - они перебьют всех депутатов Национального собрания". Но смертельный огонь - теперь, похоже, пулеметный - остановил их, и через несколько минут люди бросились врассыпную в разных направлениях.

Вскоре доносилась только редкая стрельба, и примерно десять минут двенадцатого я побежал вверх по Елисейским Полям по направлению к редакции, чтобы подготовить материал в газету. Около президентского Елисейского дворца я заметил охрану из нескольких рот регулярных войск, их я увидел сегодня впервые. Расстояние до редакции вверх по Елисейским Полям около мили, и я прибежал почти бездыханный, но успел написать пару колонок в срок. Официальные данные: шестнадцать убитых, несколько сот раненых.

Позднее. Даладье, строивший из себя сильного человека, ушел в отставку. Он сделал такое заявление: "Правительство, на коем лежит ответственность за порядок и безопасность,

отказывается обеспечивать их исключительными мерами, которые могут привести к дальнейшему кровопролитию. Оно не желает использовать солдат против демонстрантов. Поэтому я вручил Президенту Республики заявление об отставке кабинета министров".

Представьте себе Сталина, или Муссолини, или Гитлера, не решающихся бросить войска против толпы, которая пытается свергнуть их режим. Возможно, что непосредственной причиной вчерашнего ночного бунта и вправду явился скандал с финансистом Стависким. Но мошенничество Ставиского просто продемонстрировало разложение и слабость французской демократии. На самом деле, Даладье и его министр внутренних дел Эжен Фро выдали U.N.C. разрешение на демонстрацию. А обязаны были отказать. Они должны были еще рано вечером иметь под рукой достаточное количество конных гвардейцев, чтобы рассеять толпу и не дать ей набрать силу. Но уйти в отставку сейчас, подавив фашистский мятеж, - а мятеж был именно фашистский, - это либо полнейшее малодушие, либо глупость. Интересно также, каким образом коммунисты оказались этим вечером по одну сторону баррикад с фашистами. Мне это не нравится.

Париж, 8 февраля

Старый "папаша" Думерг собирается возглавить правительство "национального единства". Они вытащили его из его деревни в Турнефейе, где он отдыхал со своей любовницей, на которой женился вскоре после ухода с поста президента. Он заявил, что сформирует кабинет из бывших премьер-министров и лидеров партий, но он будет правым и реакционным. Так как умеренные левые - люди, подобные Шотану, Даладье, Эррио, - показали, что они не могут управлять или не хотят.

Париж, 12 февраля

Сегодня всеобщая забастовка, но не очень эффективная, и волнений не произошло.

Позднее. Дольфус нанес удар по социал-демократам в Австрии, единственной организованной силе (сорок процентов населения), способной спасти его от заглатывания нацистами. Связи с Веной не было почти весь день, но сегодня вечером материал начал поступать в офис. Это гражданская война. Социалисты окопались в больших муниципальных домах, которые они построили после войны - как образцы для всего мира: Карл-Марксхоф, Гетехоф и т. д. Но Дольфус и хеймвер{3} под предводительством принца Штаремберга, плейбоя-невежды, а также майор Фей, жестокий реакционер с лошадиной физиономией, контролировали всю остальную часть города. С

имеющимися у них танками и артиллерией они победят, если только социалисты не получат помощь из предместья Братиславы.

Так вот что вчера имел в виду Фей! Меня поразили слова из его речи, переданные Гавас{4} прошлой ночью: "За последние несколько дней я убедился, что канцлер Дольфус человек хеймвера. Завтра мы начнем устраивать в Австрии чистосердечные признания". Но я счел это его обычным горлопанством. И что за роль для маленького Дольфуса! Всего год назад мы с Джоном Гунтером и Эриком Геде имели с ним длительную беседу после ланча, который англо-американский пресс-клуб устроил в его честь. Я увидел застенчивого невзрачного парня и был удивлен, как незаконный крестьянский сын смог пойти так далеко. Но дай маленьким людям немного власти, и они станут опасными. Я посочувствовал своим друзьям социал-демократам, наиболее порядочным людям, которых я встречал в Европе. Хотел бы я знать, сколько их падет жертвой сегодняшней ночью. Демократия в Австрии погибла, погибла еще в одной стране. Я оставался в офисе до часа тридцати, пока номер не был готов к печати, а сейчас чувствую себя слишком уставшим и подавленным новостями, чтобы уснуть.

Париж, 15 февраля

По официальным донесениям, сражение в Вене сегодня завершилось. Дольфус уничтожил последних рабочих с помощью артиллерии и отправился помолиться. Ну что ж, по крайней мере, австрийские социал-демократы сражались - в отличие от своих товарищей в Германии. По-видимому, Отто Бауэр и Юлиус Дойч благополучно перебрались через чешскую границу. Это хорошо, а то Дольфус бы их повесил.

Париж, 23 февраля

День моего рождения. Тридцать лет. И у меня самая худшая работа за всю мою жизнь. Тэсс устроила громадный банкет, а после него мы отправились на концерт. До чего "вскользь" французы относятся к Бетховену! Эллиот Поль, бывало, говорил, что если бы французские музыканты во время своего выступления перестали читать свои газеты "L'lntrasigeant" или "Paris-Soir", то играли бы лучше. Надо посмотреть шекспировского "Кориолана" в "Комеди Фран-сез", левые усматривают в нем антидемократические настроения. Сегодня слышал, что Дольфус повесил Коломана Вал-лиша, социал-демократа, мэра города Брук-ан-дер-Мур. Клод Кокберн, которому следовало бы знать что к чему, на днях опубликовал в "Week" абсурдный отчет о бесчинствах 6 февраля. Описал их как протест рабочего класса. Довольно любопытно, что его описание этой ночи подозрительно похоже на описание Троцким восстания 1917 года в Петрограде в

его "Истории русской революции". На самом деле 6 февраля была попытка фашистского переворота, которой коммунисты, вольно или невольно, помогли Силезии, доктор Эрих Клаузнер, лидер "Католического действия" в Германии, Фритц фон Бозе и Эдгар Юнг, два секретаря Палена (сам Папен еле-еле ноги унес), Грегор Штрассер, который ранее был для Гитлера вторым по важности лицом в нацистской партии, и генерал фон Шляйхер с женой, двоих последних хладнокровно убили. Вижу в этом списке и имя фон Кара, человека, который препятствовал гитлеровскому "пивному путчу" в 1923 году. Таким образом, Гитлер взял свой личный реванш. Вчера, в пятницу 13-го, Гитлер отправился в рейхстаг с объяснениями. Когда он завопил: "Верховный суд немецкого народа в течение этих двадцати часов представлял я!" - депутаты встали и зааплодировали. Кое-кто уже почти забыл, как силен в немцах садизм и мазохизм.

Париж, 30 июня

Сегодня несколько часов не было связи с Берлином, но к вечеру телефонную связь восстановили. И что за новость! Гитлер и Геринг провели чистку в рядах тайной полиции СА, убив многих ее лидеров. По сообщению одного агентства, Рему, который был арестован лично Гитлером, позволили совершить самоубийство в мюнхенской тюрьме. Французы довольны. Они думают, что это начало конца нацизма. Как бы я хотел получить место в Берлине! Это история, которую мне хотелось бы описывать.

Париж, 14 июля

Сейчас здесь моя сестра, и вечером мы втроем отметили День Бастилии. Повели ее в кафе, посмотреть, как люди танцуют. Закончили вечер" в кафе "Флер", где я познакомил ее с несколькими обитателями Латинского квартала. Алекс Смолл был в отличной форме. Когда он в своих рассказах дошел до сражения под Верденом, я с трудом увел мою семью, так как слышал это не первый раз и не первый год.

Теперь выясняется, что гитлеровская чистка была еще радикальнее, чем это показалось по первым сообщениям. Рем не застрелился, а был убит по приказу Гитлера. Погибли также: Хайнес, печально известный нацистский босс

Париж, 25 июля

Дольфус мертв, его убили нацисты, которые сегодня взяли под контроль ведомство канцлера и венскую радиостанцию. Очевидно, их путч провалился, и Миклас и доктор Шушниг контролируют ситуацию. Я не люблю убийства, нацистские тем более. Но я не способен оплакивать Дольфуса после устроенной им хладнокровной резни социал-демократов в феврале. Кажется,

Фей, согласно донесениям, сыграл любопытную роль. Он находился в канцелярии с Дольфусом, и его заставили выйти на балкон, чтобы позвать Ринтелена, которого нацисты назвали своим первым канцлером. Видимо, он подумал, что нацистский путч удался, и был готов к ним присоединиться. Гнусная лошадиная морда этот Фей.

Париж, 2 августа

Сегодня утром умер Гинденбург. Кто теперь сможет стать президентом? Что предпримет Гитлер?

Париж, 3 августа

Гитлер сделал то, чего никто не ожидал. Он назначил себя и президентом, и канцлером. Все сомнения относительно лояльности армии были отброшены еще до того, как тело фельдмаршала успело остыть.. Армия дала Гитлеру клятву в безусловном подчинении ему лично. Этот человек находчив.

Париж, 9 августа

Днем мне позвонил в офис Дош-Флеро из Берлина и предложил работать у него в агентстве. Я сразу же согласился, мы договорились об оплате, и он сказал, что даст мне знать после переговоров с Нью-Йорком.

Вечером Ларри Хиллс, редактор и управляющий "Herald", поныл немного по поводу моего ухода, но переборол свой дурной характер, и в итоге мы отправились в бар отеля "Калифорния" и выпили. Надо бы освежить в памяти мой немецкий.

Берлин, 25 августа

Наше вступление в границы гитлеровского Третьего рейха сегодня вечером было вполне обычным. Выехав дневным поездом из Парижа, чтобы немного посмотреть страну, мы прибыли на вокзал Фридрихштрассе около десяти. Первыми, кто приветствовал нас на платформе, были два агента тайной полиции. Я ожидал, что рано или поздно встречусь с тайной полицией, но не думал, что так скоро. Как только я вышел из вагона, два человека в штатском схватили меня, отвели немного в сторону и спросили, не я ли герр такой-то - в жизни не разобрал бы ту фамилию. Я ответил, что нет. Один из них задавал мне этот вопрос еще и еще раз, и я наконец показал ему паспорт. Он внимательно разглядывал его несколько минут, потом подозрительно посмотрел на меня и сказал: "Итак... следовательно, вы не герр такой-то. Вы герр Ширер". - "И никто иной, - ответил я, - как вы могли убедиться по паспорту". Он еще раз подозрительно взглянул на меня, подмигнул своему напарнику, неловко отдал честь и удалился. Мы с Тэсс прошли до отеля "Континенталь" и сняли громадный номер. Завтра я начинаю новую главу своей жизни.

Берлин, 26 августа

Никербокер рассказал мне, что Дороти Томпсон отбыла вчера с вокзала Фридрихштрассе незадолго до нашего приезда. Ей велено было выехать в двадцать четыре часа - очевидно, работа Путци Ханфштенгля. Он не мог простить ей ее книги "Я видела Гитлера", в которой к тому же она сильно недооценила этого человека. Положение самого Ника здесь ненадежное, очевидно, из-за некоторых его прошлых и нынешних статей. Геббельс, раньше симпатизировавший ему, поссорился с ним. Через день или два он едет в Бад-На-ухайм повидаться с Хёрстом.

Берлин, 2 сентября

У меня тяжелый случай депрессии. Скучаю по старому Берлину времен республики: атмосфера беззаботности, свободы и цивилизации, женщины с вздернутыми носиками и коротко стриженные "под мальчика", и молодые мужчины, с короткими или длинными волосами, - это не имело значения; - те, что сидели с тобой ночь напролет и что-то обсуждали умно и страстно... Постоянное "Хайль Гитлер!", щелканье каблуков и штурмовики в коричневых рубашках или эсэсовцы в черных плащах, марширующие туда-сюда, раздражают меня, хотя старожилы говорят, что сейчас людей в коричневых рубашках меньше, чем до переворота. Жильи, работавший в Берлине корреспондентом "Morning Post" (сейчас он трудится в Париже), упрямо проводит здесь часть своего отпуска. Мы несколько раз прогуливались и дважды вынуждены были нырять в магазины, чтобы избежать либо необходимости салютовать штандарту проходящих батальонов СС или СА, либо перспективы быть избитыми в том случае, если этого не сделаем. Позавчера Жильи пригласил меня на ланч в пивную на Фридрихштрассе. Когда мы возвращались, он показал здание, откуда год назад несколько дней подряд можно было слышать крики евреев, которых там пытали. Я обратил внимание на вывеску. Это до сих пор была штаб-квартира какого-то босса СА. Тэсс пыталась взбодрить меня и повела вчера в зоопарк. Был приятный жаркий день, и, понаблюдав за обезьянами и слонами, мы позавтракали на затененной террасе тамошнего ресторана. Позвонил нашему послу профессору Уильяму И. Додду. Он произвел на меня впечатление прямого и честного человека либеральных взглядов, цельной натуры, что необходимо американскому послу здесь. Мне показалось, что он остался недоволен моим высказыванием, что я не скорблю о смерти Дольфуса, и мог интерпретировать это как мою симпатию к нацистам, хотя надеюсь, что это не так. Позвонил также секретарю посольства Дж. К. Уайту, который оказался обычным карьерным дипломатом государственного

департамента. Он немедленно прислал мне в отель визитные карточки, но так как я не понимаю этой карточной дипломатии, то ничего с ними и не предпринял. Послезавтра собираюсь понаблюдать за ежегодным съездом нацистской партии в Нюрнберге. Это позволит по-настоящему познакомиться с нацистской Германией.

Нюрнберг, 4 сентября

Подобно римскому императору, Гитлер въехал сегодня в этот средневековый город на закате, минуя фаланги бурно приветствовавших его нацистов, заполонивших узкие улочки, которые видели когда-то знаменитого поэта Ганса Сакса и других мейстерзингеров. Десятки тысяч флагов со свастикой закрывали готическую красоту площади, фасады и остроконечные крыши старинных домов. На улицах города, которые едва ли шире дорожек в парке, море коричневой и черной униформы. Первый раз я увидел Гитлера мельком, когда он проезжал по улице мимо нашего отеля "Вюртембергер Хоф" к своей штаб-квартире в "Дойче Хоф", его любимом старинном отеле, который специально для него реконструировали. Стоя в машине, он сжимал левой рукой фуражку, а правую вяло вскидывал в нацистском приветствии, выражая признательность за этот сумасшедший прием. Он был одет в поношенную габардиновую полушинель. В лице ничего особенного, я предполагал, что оно у него более волевое. Мне никогда не понять, какие тайные источники он вскрыл в этой истеричной толпе, чтобы она так бурно его приветствовала. Он не держится перед толпой с некоторой театральной властностью, которую я наблюдал у Муссолини. Я рад был видеть, что он не выдвигает вперед подбородок и не отбрасывает голову назад, как дуче, не делает стеклянные глаза, хотя и есть что-что стеклянное в его глазах - самой выразительной части его лица. В его манере держаться чувствуется даже какая-то наигранная скромность. Сомневаюсь, что она неподдельная.

Этим же вечером в прекрасной старинной ратуше Гитлер официально открыл четвертый партийный съезд. Он говорил минуты три, видимо приберегая голос для шести больших выступлений, которые были включены в программу следующих пяти дней. Путци Ханфштенгль, необъятный, легковозбудимый, непоследовательный неотесанный парень, который не забывал напоминать нам, что он частично американец и окончил Гарвард, выступил с докладом о событиях дня в качестве шефа представителей иностранной прессы на съезде. Стараясь, очевидно, угодить своему боссу, он имел наглость просить нас, чтобы мы "сообщали о событиях в Германии, не пытаясь их интерпретировать". "Только история, - орал Путци, - сможет

оценить события, которые происходят сейчас под руководством Гитлера". Мы должны поддакивать нацистской пропаганде - вот что он имел в виду и что имеют в виду Геббельс и Розенберг. Боюсь, что эти слова Путци без особого внимания, если не сказать добродушно, были восприняты американскими и британскими корреспондентами, которым он даже нравился, несмотря на его непроходимую глупость.

Сегодня около десяти часов вечера я оказался в толпе из десяти тысяч истериков, которыми был запружен крепостной ров перед отелем Гитлера. Они кричали: "Мы хотим нашего фюрера". Я был слегка шокирован лицами этих людей, особенно женщин, в тот момент, когда фюрер наконец появился на минуту на балконе. Они напомнили мне специфическое выражение, которое я видел однажды в глуши Луизианы на лицах сектантов-трясунов, готовых начать свои дикие пляски. Они смотрели на него как на мессию, в их лицах явно появилось что-то нечеловеческое. Думаю, задержись он на виду чуть подольше, большинство женщин попадали бы в обморок от возбуждения.

Потом мне удалось протолкнуться в вестибюль "Дойче Хоф". Я узнал Юлиуса Штрайхера, которого здесь называли некоронованным королем Франконии. В Берлине он больше известен как антисемит номер один и издатель вульгарной и порнографической антисемитской газетенки "Stunner". Он был обрит наголо, и это, казалось, прибавляло садизма его физиономии. Когда он прохаживался, угрожающе размахивал короткой плеткой.

Сегодня приехал Ник. Он будет работать здесь корреспондентом.

Нюрнберг, 5 сентября

Кажется, я начинаю понимать некоторые причины поразительного успеха Гитлера. Позаимствовав тексты законов римской церкви, Гитлер возвращает пышную зрелищ-ность, красочность и мистицизм в однообразную жизнь немцев двадцатого столетия. Сегодняшнее утреннее заседание в Луитполд-Халле, в предместье Нюрнберга, оказалось более чем великолепным; в нем тоже был некий мистицизм и религиозная страстность пасхальной или рождественской мессы, проходящей в громадном кафедральном соборе. Везде море разноцветных флагов. Даже приезд Гитлера был обставлен театрально. Оркестр перестал играть. В зале, где собралось тридцать тысяч человек, установилась тишина. Потом оркестр заиграл "Badenweiler March", очень легко запоминающуюся мелодию, и, как мне рассказали, именно в тот момент, когда Гитлер совершал свой великий выход. Он появился в глубине зала и, сопровождаемый

своими помощниками Герингом, Геббельсом, Гессом, Гиммлером и другими, медленно зашагал по длинному центральному проходу, и в это время тридцать тысяч рук поднялось в приветствии. Этот ритуал, как говорят корреспонденты-старожилы, соблюдается всегда. Затем огромный симфонический оркестр исполнил бетховенскую увертюру "Эгмонт". Громадные прожектора освещали сцену, где сидел Гитлер в окружении сотни партийных чиновников и армейских и морских офицеров. За ними "кровавый флаг", пронесенный по улицам Мюнхена во время злополучного путча. Позади него - четыреста или пятьсот штандартов СА. Когда музыка закончилась, Рудольф Гесс, ближайшее доверенное лицо Гитлера, встал и медленно зачитал имена нацистских "мучеников" - коричневорубашечников, погибших в борьбе за власть. Это была перекличка мертвецов, которая, судя по всему, сильно растрогала тридцать тысяч сидящих в зале.

Естественно, что в такой атмосфере каждое брошенное Гитлером слово воспринималось как ниспосланное свыше. В такие моменты способность людей, по крайней мере немцев, мыслить критически испаряется и любая произнесенная ложь принимается за высшую истину. Именно в таком состоянии были собравшиеся в зале нацисты, когда им преподнесли воззвание фюрера. Он зачитывал его не сам. Зачитывал гауляйтер Баварии Вагнер. Интересно, что его голос и манера говорить были похожими на гитлеровские, поэтому некоторые корреспонденты, которые слушали выступление в отеле по радио, думали, что говорил сам Гитлер.

Что касается воззвания, то оно содержало следующие заявления, встреченные такими бурными аплодисментами, будто явились для всех откровением: "Немецкий образ жизни точно определен на ближайшую тысячу лет. Для нас нестабильный девятнадцатый век наконец завершился. В следующее тысячелетие в Германии не будет революций!"

Или: "Германия сделала все возможное, чтобы обеспечить мир во всем мире. Если война снова приходит в Европу, то только из-за коммунистического хаоса". Позже, перед заседанием "по культуре", он добавил: "Только безмозглые карлики не в состоянии понять, что Германия встала волноломом на пути коммунистических потоков, которые могут затопить Европу и ее культуру".

Гитлер коснулся также борьбы, ведущейся сейчас против его попытки сделать нацистской протестантскую церковь. "Я стараюсь объединить ее. Я убежден, что Лютер сделал бы то же самое и думал бы об объединенной Германии в общем и целом".

Нюрнберг, 6 сентября

Сегодня Гитлер впервые представил народу свой Трудовой корпус, и это оказалась хорошо подготовленная полувоенная организация фанатично настроенной нацистской молодежи. Стоя в лучах утреннего солнца, искрящегося на их блестящих лопатах, пятьдесят тысяч юнцов (первая тысяча была обнажена до пояса) заставили немецких зрителей зареветь от восторга, когда неожиданно начали маршировать настоящим гусиным шагом. С тех пор гусиный шаг всегда кажется мне проявлением глупости и полного отсутствия человеческого достоинства, но в то утро я впервые почувствовал, какую тайную струну затрагивает этот шаг в странной душе немца. Все непроизвольно вскочили и заорали приветствия. Это был ритуал даже для мальчиков из Трудового корпуса. Они образовали скандирующий хор и синхронно произносили: "Мы хотим одного лидера! Ничего для нас! Все для Германии! Хайль Гитлер!"

Странно, что никто из близких или друзей руководителей СА, скажем генерала фон Шляйхера, не мог на этой неделе встретиться с Гитлером, Герингом или Гиммлером. Хотя Гитлера тщательно охраняет СС, глупо думать, что его не могут убить. Вчера мы строили предположения по этому поводу: Пэт Мэрфи из "Daily Express", бесцеремонный, но смешной и занятный ирландец, Кристофер Холмс из "Reuter", похожий на поэта, а может, и правда поэт, Ник и я. Мы сидели в комнате Пэта и наблюдали за крепостным рвом. Возвращаясь с заседаний, Гитлер проезжал мимо нас. И все мы сошлись на том, что из комнаты, подобной нашей, можно запросто бросить бомбу в его машину, выбежать на улицу и затеряться в толпе. Но до сих пор таких попыток не было, хотя некоторые нацисты беспокоились по поводу воскресенья, когда Гитлер должен проводить смотр СА.

Нюрнберг, 7 сентября

Сегодня вечером еще одно пышное зрелище. Двести тысяч партийных чиновников собралось на Цеппелин-Вайзе (лугу Цеппелинов), украшенном двадцать одной тысячью флагов, которые расцвели в свете прожекторов, как фантастический сад. "Мы сильны и будем еще сильнее!" - кричал в микрофон Гитлер, и его слова эхом отдавались в тишине. И в этой залитой светом прожекторов ночи спрессованные, как сардины в банке, простые люди Германии, которые допустили фашизм, достигали высочайшего, в понимании немецкого человека, состояния. Происходило соединение душ и умов отдельных людей, - с их личными заботами, сомнениями и проблемами, - до тех пор, пока под действием мистических огней и магического голоса австрийца они полностью не слились в единое германское стадо.

Потом они пришли в чувство - эти пятнадцать тысяч - и устроили факельное шествие по старинным улицам Нюрнберга, а Гитлер салютовал им, стоя у вокзала напротив нашего отеля. Сегодня приехал фон Папен и весь вечер оставался в одиночестве в машине позади Гитлера. Кажется, это первое его появление на публике после того, как 30 июня он еле избежал смерти от руки Геринга. Счастливым он не выглядел.

Нюрнберг, 9 сентября

Сегодня Гитлер впервые со дня кровавого путча стоял лицом к лицу со штурмовыми отрядами СА. В своем страстном обращении к пятидесяти тысячам штурмовиков он "простил" им вину за "переворот", устроенный Рёмом. На стадионе ощущалась напряженность, и я заметил, что личная эсэсовская охрана Гитлера выстроилась перед ним в полной боевой готовности, отделяя вождя от коричнево-рубашечной массы. Нам было интересно, не вытащит ли хоть один из этих пятидесяти тысяч "коричневых" револьвер, но никто этого не сделал. Виктор Лутце, преемник Рема на посту шефа СА, тоже произнес речь. У него неприятный пронзительный голос, и мне показалось, что парни из СА приняли его холодно. Гитлер пригласил на сегодняшний завтрак нескольких иностранных корреспондентов, но я в их число не попал.

Нюрнберг, 10 сентября

Сегодня был день торжества для армии, которая весьма реалистично демонстрировала учебный бой на лугу Цеппелинов. Трудно преувеличить неистовство трехсот тысяч немецких зрителей, увидевших своих солдат в действии, услышавших гром орудий и почувствовавших запах пороха. Я понял, что все те американцы и англичане (среди прочих), которые считали, что германский милитаризм был детищем Гогенцоллернов - от Фридриха Великого до кайзера Вильгельма II, ошибались. Скорее, это что-то глубоко укоренившееся во всех немцах. Они вели себя сегодня как дети, играющие в солдатиков. Сегодня рейхсвер{5} "сражался" только "оборонительным" оружием, разрешенным ему Версальским договором, но каждому известно, что он имеет и все остальное: танки, тяжелую артиллерию и, возможно, авиацию.

Позднее. Сегодня после семи дней почти непрерывного марширования гусиным шагом, произнесения речей и пышных торжеств съезд подошел к концу. И хотя я смертельно устал и у меня развился тяжелый случай боязни толпы, все-таки я доволен, что приехал сюда. Через это надо пройти, чтобы понять власть Гитлера над людьми, прочувствовать динамику запущенного им механизма и в высшей степени дисциплинированную силу немецкой толпы. И теперь, как рассказывал Гитлер вчера

иностранным корреспондентам, разъясняя свой метод, полмиллиона человек, побывавших здесь в течение этой недели, вернутся в свои города и деревни и будут с новым фанатизмом проповедовать новую доктрину. Завтра посплю подольше и ночным поездом вернусь в Берлин.

Берлин, 9 октября

Мы сняли удобную квартиру-студию на Тауенцинштрассе. Хозяин квартиры, еврейский скульптор, говорит, что собирается уехать в Англию, пока еще есть возможность, - вероятно, он поступает мудро. Он оставил нам прекрасную библиотеку немецкой литературы, которой, надеюсь, я найду время воспользоваться. Мы немного устали от житья в квартирах или домах, обставленных чужими людьми, но кочевая жизнь, которую мы вели, не позволяла нам иметь собственные вещи. Нам повезло, что заполучили это жилье, обставленное современно и с хорошим вкусом. Большая часть квартир для среднего класса, которые мы посмотрели в Берлине, были заставлены ужасной мебелью и завалены хламом и безделушками.

Позднее. Когда в восемь вечера я позвонил в наш парижский офис, мне рассказали, что сегодня после полудня в Марселе был убит король Югославии, а Луи Барту, министр иностранных дел Франции, тяжело ранен. Берлин не сильно огорчится, так как король Александр, кажется, был расположен к более тесному сотрудничеству с французским блоком против Германии, а Барту неплохо трудился на ниве укрепления французских альянсов со странами Восточной Европы и привлечения России к подписанию восточного варианта Локарнского договора.

Берлин, 15 ноября

Новостей в эти дни мало. Освещал столкновение в протестантской церкви. Протестантские круги, кажется, проявляют больше мужества перед лицом нововведений, чем социалисты или коммунисты. Но я думаю, что Гитлер заполучит их и постепенно навяжет стране некую разновидность германского язычества, которую вынашивают сейчас "интеллектуалы" вроде Розенберга. Сегодня вечером ходил на розенберговскую пивную вечеринку, которую он устраивает раз в месяц для дипломатов и иностранных корреспондентов. Розенберг был для Гитлера одним из "духовных" и "интеллектуальных" наставников, хотя, как и большинство прибалтов, которых я встречал, он поражает меня чрезвычайной непоследовательностью, а его книга "Мифы двадцатого века" - в этой стране бестселлер номер два после "Майн кампф" производит впечатление мешанины из исторической чепухи. Некоторые из его врагов, например Ханфштенгль,

говорят, что Розенберг мог стать образцовым русским большевиком, так как во время революции был студентом в Москве, но сбежал, потому что большевики ему не доверяли и не назначили бы его на важный пост. Он говорит с сильным прибалтийским акцентом, поэтому я с трудом понимал его немецкий. В этот вечер за столом для почетных гостей у него был посол Додд, и выглядел профессор совершенно несчастным. Ораторствовал Бернгард Руст, нацистский министр образования, но во время его речи мысли мои где-то блуждали. Руст - человек не без способностей и изо всех сил внедряет нацистскую идеологию в школах. В том числе и новые нацистские учебники, фальсифицирующие историю - иногда до абсурда.

Берлин, 28 ноября

Здесь много говорят о том, что Германия тайно вооружается, хотя точную информацию получить трудно, а если раздобудешь и передашь, то тебя могут выслать. Вчера вернулся из Лондона сэр Эрик Фиппс, британский посол, которого мне случалось видеть в Вене в бытность его там советником посольства (выглядит как венгерский денди, лицо абсолютно бесстрастно), которого я здесь до сих пор не встречал, и, как сообщают, он задал вопрос о вооружении на Вильгельмштрассе. Сегодня зашел в дешевый магазин и купил для бала иностранных журналистов в "Субботнюю ночь" в "Адлоне" чудный готовый фрак. Мне сказали, что смокинг не подойдет.

Берлин, 2 декабря

Бал прошел нормально. Тэсс была в новом платье и выглядела отлично. Среди присутствовавших были Геббельс, сэр Эрик Фиппс, Франсуа Понсе, Додд и генерал фон Рейхенау, наиболее близкий к нацистам в рейхсвере и поддерживающий хорошие отношения с большинством американских корреспондентов. Предполагалось и присутствие фон Нейрата, но прошел слух, что он остался недоволен порядком распределения мест за столом - обычная проблема с немцами на приемах, и я его на вечере не видел. Мы танцевали и пили почти до трех и закончили завтраком из яичницы с беконом в баре "Адлона".

Вчера истинные католики и рабочие Саара проголосовали за возвращение в рейх. За воссоединение проголосовали почти девяносто процентов - больше, чем мы ожидали, но многие наверняка испугались, что их выявят и накажут, если они не отдадут свой бюллетень за Гитлера. Что же, по крайней мере, одна причина напряженности в Европе исчезает. Гитлер заявил и повторил вчера еще раз по радио, что Саар был последним яблоком раздора с Францией. Посмотрим...

Дипломатические круги и большинство журналистов

испытывают оптимизм по поводу важного решения, которое должно обеспечить мир. Сэр Джон Саймон, британский министр иностранных дел, прибывает в Берлин. Несколько дней назад Лаваль и Фланден встретились в Лондоне. Их предложение состоит в следующем: освободить Германию от условий мирного договора, касающихся разоружения (Гитлер быстро освободился от них сам) в обмен на обещание Германии уважать независимость Австрии и всех остальных малых государств. Тем не менее французы отметили, что Гитлер по-умному разлучил Париж и Лондон, пригласив сюда на переговоры британца, а не француза. И наивный Саймон попался на эту удочку.

Саарбрюккен, 1 марта

Сегодня немцы формально оккупировали Саар. Там весь день лил дождь, но он не поубавил энтузиазм местных жителей. В них сидит вирус нацизма - к сожалению. Но я вернусь сюда через пару лет, чтобы посмотреть, будет ли тогда он нравиться им, тем католикам и тем рабочим, которые составляют большинство населения. Гитлер прибыл сегодня днем и устроил смотр СА и войскам. Перед началом парада я встал на помост рядом с Вернером фон Фричем, главнокомандующим рейхсвера и главным авторитетом растущей германской армии. Меня немного удивило его поведение. Он, не прекращая, вел беглый огонь полными сарказма замечаниями в сторону СС, партии и различных партийных лидеров по мере их появления. Он был полон презрения к ним всем. Когда приехали машины Гитлера, он недовольно хмыкнул, потом прошел к нему и на время парада занял место позади фюрера.

Берлин, 5 марта

Что-то не то творится с подготовкой всеобщего соглашения. Предполагалось, что послезавтра сюда для переговоров с немцами прибудет Саймон, но сегодня утром фон Нейрат заявил британцам, что Гитлер простудился и попросил Саймона отложить поездку. Небольшое расследование на Вильгельмштрассе показало, что это "дипломатическая простуда". Немцы раздражены вчерашней публикацией в Лондоне парламентского доклада, подписанного премьер-министром Макдональдом и комментирующим активное перевооружение германских военно-воздушных сил. Особенно, по их словам, обидел немцев следующий пассаж в этом документе: "Их (германских военно-воздушных сил. - Примеч. авт.) перевооружение, если оно продолжится теми же темпами, стабильными и неконтролируемыми, усилит существующую угрозу для соседних с Германией государств и, следовательно, может создать ситуацию, когда мир окажется в опасности.

Правительство его величества приняло к сведению и приветствовало заявления германских руководителей о том, что они желают мира. Однако оно не может не признать, что общий характер организации не только вооруженных сил, но и всего населения, особенно молодежи страны, делает более правдоподобным и достаточно обоснованным ощущение небезопасности, которое уже бесспорно возникло".

Все это достаточно правдиво, но нацисты злятся, и Гитлер отказывается встречаться с Саймоном.

Берлин, 15 марта

Саймон, как сейчас объявили, приедет сюда 24 марта. Но все не так хорошо. Геринг рассказал "Daily Mail", которая благодаря лорду Ротермеру, своему владельцу, и Барду Прайсу, разъездному корреспонденту (оба пронацистски настроены), стала для нацистов отличным рупором и звуковым отражателем, что Германия создает военно-воздушные силы. Он впервые публично признал это. Сегодня здесь было заявлено, что Геринг как министр авиации будет находиться под началом фон Бломберга, министра обороны, таким образом он получил благословение армии на создание новых германских военно-воздушных сил. Сегодня на Вильгельмштрассе выразили протест против увеличения во Франции срока воинской службы.

Берлин, 16 марта

Сегодня примерно в три часа дня мне позвонили из министерства пропаганды и взволнованно попросили прийти в пять часов на пресс-конференцию, где д-р Геббельс сделает заявление "чрезвычайной важности". Когда я туда добрался, в конференц-зал набилось уже около сотни корреспондентов, все были сильно, возбуждены, но никто не знал, зачем нас созвали. Наконец притащился Геббельс, важный и мрачный. И сразу же начал зачитывать громким голосом текст нового закона{6}.

Он читал слишком быстро, чтобы я мог записывать от руки, но в этом не было необходимости. Гитлер по собственной воле положил конец военным статьям Версальского договора, восстановил всеобщую воинскую повинность и объявил о создании на ее основе армии из двенадцати корпусов и тридцати шести дивизий. Все корреспонденты тут же вскочили и бросились к телефонам в холле, не дожидаясь конца выступления Геббельса. Наконец маленький "доктор" закончил. Два или три чиновника остались, чтобы ответить на вопросы, но было ясно, что они боялись сказать больше того, что содержалось в официальном коммюнике. Сколько человек будет в новой армии? Тридцать шесть дивизий, - отвечали они. Сколько человек в немецкой дивизии? - Как сказать... И так далее.

Я прошелся по Вильгельмштрассе с Норманом Эбботом из лондонской "Times", самым осведомленным здесь иностранным корреспондентом, и Пэтом Мэрфи из "Daily Express". Эббот казался слегка ошеломленным такими новостями, но настаивал, что в конце концов это не новость, что немцы создавали свою армию уже больше года.

Я заторопился в офис на Доротеенштрассе, чтобы сделать несколько звонков, а затем, не откладывая, сел писать. Была суббота, а утренние воскресные газеты у нас отправляют в печать рано.

Позднее. Закончил свою статью около десяти вечера и посидел в офисе, чтобы ответить на вопросы из Нью-Йорка. Я понимаю, что Гитлер действует с молниеносной скоростью, видимо побуждаемый тем, что настало время наконец-то - совершать поступки, и совершать их безнаказанно, и похоже, он на это нацелен. Из парижского офиса мне сообщили, что французы взволнованы и пытаются заставить британцев что-нибудь предпринять, но Лондон держится в стороне. Гитлер вернулся из своего убежища в горах в Берхтесгадене вчера вечером и немедленно созвал кабинет и военных руководителей. Решение было принято тогда, или, скорее, Гитлер просто сообщил его остальным. Кажется, насколько я смог выяснить, там ни у кого не было сомнений, а если и были, то никто их не выразил. Эксперты отправились работать над проектом закона, а Гитлер и Геббельс начали составлять два воззвания: одно для партии, другое для народа Германии.

В час дня Гитлер снова собрал кабинет и военных и зачитал им тексты закона и двух воззваний. По данным моего осведомителя, члены кабинета обнимали друг друга, после того как умолк магический голос Гитлера. Седовласый генерал фон Бломберг опередил всех присутствующих возгласом: "Да здравствует Гитлер!" Должно быть, это было одно из самых недостойных заседаний кабинета министров в истории Германии. Но нацистов не заботит чувство собственного достоинства, - если можно добиться желаемого результата. И прусское юнкерство многое забудет - и многое проглотит теперь, когда Гитлер дал им то, чего они хотели. Вечером на Вильгельмплац собралась огромная толпа и славила Гитлера до тех пор, пока он не показался в окне с приветствием. Сегодняшнее решение строить армию на основе всеобщей воинской повинности, открыто поправ Версальские договоренности, значительно усилило его позиции внутри страны, потому что мало найдется немцев, независимо от того, насколько они ненавидят нацистов, - которые не поддержат его от всего сердца. Громадному большинству пришлось по душе,

как он "натянул нос" Версалю, на который все были сильно обижены, и, будучи в душе милитаристами, они приветствовали возрождение армии.

Это страшный удар по союзникам - Франции, Великобритании, Италии, которые выиграли войну и заключили мир, чтобы уничтожить военную мощь Германии и не дать ей подняться. Что предпримут Лондон и Париж? Они могли бы начать "превентивную" войну, 'и это был бы конец Гитлера. Здешние поляки говорят, что Пилсудский проявляет желание помочь. Но первая реакция сегодня вечером, по крайней мере по сообщению нашего парижского офиса, - все против этого. Посмотрим.

Иду спать, устал и тошнит от этого фашистского триумфа, но с профессиональной точки зрения я доволен, что освещаю великие исторические события. Дош уходит, значит, вся эта работа ложится на меня.

Берлин, 17 марта

Первый абзац моего сегодняшнего вечернего сообщения подводит итоги этого экстраординарного дня: "День отдания почестей героям в память о двух миллионах немцев - жертвах войны, отмеченный сегодня среди декораций, равных которым не было с 1914 года, как день возрождения германской военной мощи, принес нам мирные заверения пополам с вызовом". Основная церемония состоялась на Штаатсопер в полдень и прошла со всей красочностью, на которую способны нацисты. На первом этаже Оперного театра море униформ и удивительно много старых армейских офицеров, которые за ночь, должно быть, стряхнули пыль со своих выцветших мундиров и начистили до блеска причудливые довоенные остроконечные каски, которые теперь мозолят глаза. Мощное освещение сцены было направлено на взвод солдат рейхсвера, застывших подобно мраморным статуям с развевающимися военными знаменами. Над ними на безбрежном занавесе висел громадный серебряно-черный железный крест. Соответствующая атмосфера возникла тотчас же, как только оркестр заиграл "Похоронный марш" Бетховена, - трогательная вещь, такая, что тронет каждую немецкую душу. Гитлер со своими приспешниками сидел в королевской ложе, но сам не выступал. За него говорил генерал Бломберг, хотя мне показалось, что он произносил слова, несомненно написанные фюрером. Вот что сказал Бломберг: "Миру придется признать, что Германия не погибла от поражения в мировой войне. Германия вновь займет достойное место среди других наций. Мы присягаем Германии, которая никогда не уступит и никогда вновь не подпишет какого-либо договора, который не может быть

выполнен. Нам не нужен реванш, потому что мы достаточно прославили себя в веках". После одобрительного взгляда Гитлера генерал продолжил: "Мы не хотим быть втянутыми в новую мировую войну. Европа стала слишком мала для того, чтобы стать полем битвы в еще одной мировой войне. Так как все государства имеют в своем распоряжении равные средства для ведения войны, будущая война означала бы только самоуничтожение для всех. Мы хотим мира с равными правами и безопасностью для всех. Мы не стремимся к большему".

Разумные слова, и они предназначены для того, чтобы успокоить не только немецкий народ, который, конечно, не хочет войны, но и французский и британский также. Что касается французов, то слово "безопасность" витает на набережной Де-Орсе. Сбоку от Гитлера сидел фельдмаршал фон Макензен, единственный выживший фельдмаршал старой армии. Старик напялил на себя форму гусара из "Мертвой головы". Я заметил также присутствие кронпринца Вильгельма, хотя Гитлер и не позаботился пригласить его в свою ложу. Из послов был только Додд; британский, французский, итальянский и русский послы блистали своим отсутствием. Не показался даже японский. Додд чувствовал себя довольно неловко.

После оперной "службы" Гитлер провел смотр контингента войск. Не обошлось и без батальона летчиков в небесно-голубой форме, которые вышагивали, как ветераны, коими, несомненно, и были, - но об этом никто не должен был догадываться.

Думаю, ничего не стоят те два воззвания, появившиеся вчера и перечитанные мною в воскресных утренних газетах. Они впечатлили меня, даже более чем когда-либо, умением Гитлера представить свою судьбоносную миссию в наиболее выгодном свете своему собственному народу и в то же время создать впечатление во внешнем мире, что он не просто имеет основания делать то, что делает, но что он человек глобального масштаба. Чего стоит, например, официальное партийное заявление: "...С сегодняшнего дня возродилась честь германской нации. Мы стоим прямо, как свободный народ, среди других наций. Как суверенное государство мы вольны вести переговоры и предлагаем сотрудничество в деле обеспечения мира"...

Или собственное воззвание Гитлера к немецкому народу. Оно начинается с истории, которую он рассказывал много раз: "Четырнадцать пунктов" Вильсона, несправедливый мирный договор, полное разоружение Германии в мире, где все прочие полностью вооружены, повторная попытка Германии достичь соглашения с противниками и т. д. А затем: "Делая так (устанавливая обязательную воинскую повинность. - Примеч.

авт.), мы исходим из тех же предпосылок, которые м-р Болдуин высказал так правдиво в своей последней речи: "У страны, которая не желает принимать необходимые превентивные меры для своей собственной обороны, никогда не будет никакого могущества в мире, ни морального, ни материального".

Затем для Франции: "Германия, наконец, предоставила Франции формальное подтверждение, что после урегулирования саарского вопроса она более не будет предъявлять территориальных требований Франции".

В заключение - обращение к немцам и ко всему миру: "...В этот час германское правительство повторяет немецкому народу и всему миру заверения в своей решимости никогда не выходить за рамки охраны чести немцев и свободы рейха, и тем более оно не намеревается, перевооружая германскую армию, создавать инструмент для военного нападения, а наоборот, исключительно для обороны и, следовательно, для поддержания мира. Таким образом, правительство рейха выражает уверенную надежду в том, что германскому народу, вновь обретшему свое достоинство, можно оказать честь стать равными и независимыми и внести свой вклад в упрочение свободного и открытого сотрудничества с другими государствами".

Все немцы, с которыми я сегодня разговаривал, приветствовали эти установки. Один из немцев в моем офисе (не нацист) сказал: "Могли мир ожидать лучшего мирного предложения?" Я признаю, что звучит оно хорошо, но Эббот предупреждал, что я должен быть очень большим скептиком, каковым, надеюсь, и являюсь.

Сегодня вечером говорил по телефону с нашими парижским и лондонским офисами. Они сказали, что французы и британцы все еще пытаются составить свое мнение. В Лондоне рассказали, что Гарвин в редакционной статье в "Observer" говорит, что действия Гитлера не вызвали удивления, и призывает Саймона поторопиться с визитом в Берлин. "Sunday Express" Бивербрука предостерегла от угрозы Германии силой. "Times", по сообщениям нашего офиса, займет завтра примиренческую позицию. Лично я так понимаю, что Гитлеру все сошло с рук.

Берлин, 18 марта (в офисе)

Эскадрилья бомбардировщиков Геринга только что пролетела в боевом порядке над нашей крышей - это их первое появление на публике. Строй они держали отлично.

Берлин, 26 марта

В течение последних двух недель здесь находились Саймон и Идеи, которые вели переговоры с Гитлером и Нейратом, а сегодня днем эти два британских посланника приняли нас в старом

обветшалом британском посольстве, чтобы рассказать... ни о чем. Саймон поразил меня своим самодовольством. Идеи, который выглядел и вел себя как школьник, то спускался, то поднимался на сцену (мы были в бальном зале, где есть сцена) и подсказывал своему шефу, иногда шепотом, в тех случаях, когда наш вопрос ставил его в затруднительное положение. Единственное, что из сказанного Саймоном стоило того, чтобы поместить в отчет: они с Гитлером обнаружили несогласие практически по всем вопросам. Очевидно, по крайней мере так говорят немцы, Гитлер затеял длительную свистопляску против России и предложил вариант восточного Локарнского договора, который привлечет Россию в состав оборонительной системы на восточных границах Германии. Вильгельмштрассе почти не скрывает тот факт, что во время переговоров говорил один Гитлер, а Саймон слушал. Идеи отправляется в Варшаву и Москву, Саймон - домой.

Берлин, 9 апреля

Сегодня вечером гала-прием в Опере по случаю свадьбы Геринга. Он женился на провинциальной актрисе Эмми Зонеман. Я получил приглашение, но не пошел. Люди из партии говорят, что Геббельс в ярости от расточительных показных мероприятий своего заклятого врага, и сегодняшнее - лишь одно из них, и что он сказал прессе, что она может комментировать его саркастически. Думаю, немногие редакторы осмелятся.

Берлин, 11 апреля

Д-р С., успешный еврейский юрист, который служил своей родине на фронте во время войны, сегодня неожиданно появился в наших апартаментах после нескольких месяцев, проведенных в гестаповской тюрьме Колумбия-Хаус. Тэсс была дома и сообщила мне, что он в плохом состоянии, немного не в себе, но понимает, очевидно, свое положение, потому что боится идти домой и встречаться с семьей. Тэсс подкрепила его глотком виски, приободрила и отправила домой. Его жена длительное время находилась на грани нервного истощения. Он рассказал, что против него не было выдвинуто никаких обвинений, кроме того, что он был евреем, или наполовину евреем, и одним из тех немногих адвокатов, которые предложили помощь в защите Тельмана. Многие евреи приходят к нам в эти дни за советом или просят помочь уехать в Англию или в Америку, но, к несчастью, мы мало что можем сделать для них.

Бад-Саарау, 21 апреля (Пасха)

Взял отпуск на пасхальный уик-энд. Отель заполнен в основном евреями, и мы слегка удивлены, что их здесь так много, вполне процветающих и, видимо, не напуганных. По-моему, они большие оптимисты.

Берлин, 1 мая

Сегодняшняя метель сильно подпортила большое шоу в честь Дня труда в Темпельхофе. Дош настаивал на том, чтобы отправиться туда и дать репортаж в газету, несмотря на то что плохо себя чувствовал. Гитлер не сказал ничего особенного и казался подавленным. Тысячи рабочих, маршировавших к Темпельхофу, воспользовались тем, что разыгралась непогода, выскользнули из рядов демонстрантов и направились в ближайшую пивную. Вечером на улицах было на удивление много пьяных - для Берлина это необычно. По городу ходят слухи, что британцы собираются обсуждать военно-морской договор с Гитлером, помогая ему таким образом убрать еще одно препятствие Версальского договора.

Берлин, 21 мая

Сегодня вечером Гитлер закатил еще одну грандиозную "мирную" речь в рейхстаге, и я боюсь, что она произведет впечатление большее, чем того заслуживает, особенно в Великобритании. Этот человек действительно великолепный оратор, и, выступая перед шестью сотнями, или около того, "карманных" членов рейхстага, - колбасников, бритоголовых, вырядившихся в коричневое подлипал, вскакивающих с мест и орущих всякий раз, когда Гитлер замолкает, чтобы перевести дыхание, - он, я полагаю, убеждает всех немцев, которые его слушают. Как бы то ни было, сегодня он находился в отличной форме, и его программа (из тринадцати пунктов) действительно убедит большинство людей. Программа к тому же просто поразительная; очень умно составлена.

Подойдя к ней, Гитлер воскликнул: "Немцам нужен мир... Немцы хотят мира... Никто из нас не собирается никому угрожать". По поводу Австрии: "Немцы не собираются и не хотят вмешиваться во внутренние дела Австрии, аннексировать Австрию или устраивать аншлюс"{7}.

После этого он начал излагать свою программу из тринадцати пунктов.

1. Германия не может вернуться в Женеву до тех пор, пока Версальский договор и статьи о Лиге Наций не будут разделены.

2. Германия будет уважать все условия Версальского договора, включая территориальные.

3. Германия будет добросовестно поддерживать любой договор, подписанный ею добровольно. В частности, она будет поддерживать и выполнять все обязательства, вытекающие из Локарнских договоренностей... Что касается демилитаризованной зоны, то германское правительство рассматривает ее существование как вклад в умиротворение Европы...

4. Германия готова сотрудничать в коллективной системе обеспечения мира в Европе...

5. Навязывание односторонних условий не может способствовать сотрудничеству. Необходимы поэтапные переговоры.

6. Германское правительство в принципе готово заключить пакты о ненападении со всеми своими соседями и дополнить эти пакты всеми условиями, направленными на изоляцию зачинщика войны и изоляцию зоны военных действий.

7. Германское правительство готово дополнить Локарн-ские договоренности соглашением по военно-воздушным силам.

8. Германия готова ограничить на основе паритета с отдельными крупными державами Запада вооружение в воздушном пространстве, а также тоннаж военно-морского флота до 35 процентов британского флота.

9. Германия выражает желание объявить вне закона оружие и приемы ведения войны, которые противоречат Женевской конвенции Международного Красного Креста. В данном случае германское правительство имеет в виду все виды оружия, которые несут смерть не столько воюющим солдатам, сколько невоюющим женщинам и детям. Оно считает, что можно запретить некоторые виды оружия как противоречащие международному закону и объявить вне закона те государства, которые до сих пор их используют. Например, можно было бы ввести запрет на сбрасывание газовых, зажигательных и фугасных бомб за пределами зоны реальных боевых действий. Это ограничение можно затем довести до полного запрета любых бомбардировок.

10. Германия желает уничтожения самых тяжелых видов оружия, особенно тяжелой артиллерии и тяжелых танков.

11. Германия примет любые ограничения, касающиеся калибра артиллерии, размера военных кораблей и водоизмещения подводных лодок, или даже пойдет на полный запрет на использование подводных лодок, если будут достигнуты соответствующие соглашения.

12. Необходимо принять какие-то меры, запрещающие безответственным элементам отравлять общественное мнение в других государствах устно или письменно, а также посредством театра или кино.

13. Германия готова в любое время подписать международное соглашение, которое будет эффективно предотвращать все попытки вмешательства извне в дела других государств.

Что может быть приятнее и разумнее, если у него действительно были такие намерения? Гитлер говорил почти до десяти часов. Он выступал спокойно и уверенно.

Дипломатическая ложа была заполнена: послы Франции, Британии, Италии, Японии и Польши сидели в первом ряду. Додц в третьем - обычный нацистский дипломатический знак невнимания к Америке, как мне кажется. Напишу несколько тысяч слов, а затем в постель, устал и слегка озадачен этой речью. Сегодня в "Таверне" некоторые британские и французские корреспонденты высказывались в том духе, что она сможет в конце концов проложить путь к миру на несколько лет.

Берлин, 3 июня

Мы опять переезжаем, на этот раз к Темпельхофу, наша квартира-студия на Тауенцинштрассе, которая располагалась прямо под крышей, оказалась очень жаркой. Теперь сняли апартаменты капитана Кёля, немецкого аса времен мировой войны и первого человека, перелетевшего (вместе с двумя друзьями) Атлантику с востока на запад. Он и его жена, симпатичная, темноволосая женщина, друзья семьи Ника. Кёль один из немногих немцев, имеющих достаточно мужества, чтобы не подчиняться Герингу и нацистам. В результате он абсолютно не у дел и даже потерял работу в "Люфтганзе". Ярый католик и человек с сильным характером, он предпочел уехать на свою маленькую ферму в Южной Германии, а не заискивать перед нацистами. Один из очень немногих. Я проникся к нему большой симпатией.

Берлин, 7 июня

Телеграф принес новость: Болдуин сменил Макдональда на посту премьер-министра. Никто не будет лить слез по Макдональду, который предал британское лейбористское движение, а в последние пять лет превратился в глупого и тщеславного человека. Риббентроп ведет в Лондоне переговоры по поводу военно-морского соглашения, которое позволит Германии иметь флот тоннажем, составляющим 35 процентов тоннажа британского флота. Здесь нацисты говорят, что оно, считай, у них в кармане.

Берлин, 18 июня

Оно действительно у них в кармане, подписано сегодня в Лондоне. На Вильгельмштрассе совсем приободрились. Германия получает тоннаж подводных лодок, равный британскому. Почему британцы согласились на это - уму непостижимо. Германские субмарины едва не победили их в прошлой войне и смогут победить в будущей. Завершили день в "Таверне", как и многие другие вечера. "Таверну", итальянский ресторан, содержит Вилли Леман, крупный, грубовато-добродушный немец, в котором нет ничего итальянского, вместе со своей женой, стройной застенчивой бельгийкой. Этот ресторан стал здесь клубом

британских и американских корреспондентов, и он помогает нам сохранять нормальную психику, дает возможность встретиться в неформальной обстановке и поговорить о своих профессиональных делах - без чего долго не протянет ни один зарубежный корреспондент. У нас был постоянно зарезервированный столик в углу зала, и примерно с десяти вечера до трех или четырех утра он, как правило, не пустовал. Во главе стола обычно сидел Норман Эббот. Посасывая ночь напролет старую трубку, он беседует и спорит, делится опытом, так как уже давно находится здесь и имеет контакты в правительстве, партии, церкви и армии, у него блестящий ум. Недавно он пожаловался мне по секрету, что "Times" печатает не все, что он отсылает, что там не хотят слышать чересчур много плохого о нацистской Германии и что газету, очевидно, захватили сторонники нацистов в Лондоне. Он этим обескуражен и поговаривает о том, чтобы бросить работу. Рядом с ним сидит миссис Холмс, женщина с крючковатым носом и, несомненно, большим интеллектом. Однако она так глотает слова, что я с трудом понимаю, что она говорит. Другими завсегдатаями являются: Эд Битти из UP{8}, круглолицый, похожий'на Черчилля, с живым умом и огромным запасом забавных историй и песенок; Фред Экс-нер из UP с женой Дороти, он скучный тип, но способный корреспондент, она привлекательная блондинка с кипучим нравом и низким грубоватым голосом; Пьер Гасс из INS{9}, прилизанный, вежливый, амбициозный, он в лучших отношениях с фашистами, чем другие; Гвидо Эндерис из нью-йоркской "Times", ему за шестьдесят, но он неизменно щеголяет в ярком костюме гонщика и в красном галстуке, фашизм заботит его меньше всего, этот человек отличился тем, что продолжал работать здесь даже после того, как мы вступили в войну; Эл Росс, его помощник, неуклюжий, ленивый, медлительный и милый; Уолли Дьюэл из чикагской "Daily News", молодой, тихий, старательный, необыкновенно интеллигентный; его жена Мэри Дьюэл, во многом похожая на мужа, с большими прелестными глазами; они очень сильно влюблены друг в друга; Зигрид Шульц из чикагской "Tribune", единственная женщина-корреспондент нашего ранга, веселая, жизнерадостная и всегда хорошо информированная; и Отто Толишус, который хотя и не глава здешнего бюро нью-йоркской "Times", но является хорошей подпоркой для своего шефа, сложный, глубокий, серьезный человек, обладающий прекрасным свойством докапываться до сути вещей. Часто присутствует Марта Додд, дочь посла, привлекательная, жизнерадостная, большая спорщица. Изредка приходят два американских корреспондента - Луис Лохнер из AP

и Джон Эллиот из нью-йоркской "Herald Tribune". Джон очень способный и знающий корреспондент, трезвенник, не курит и страстный, как и все мы, книголюб.

Нью-Йорк, 9 сентября

Я дома на кратких каникулах, Нью-Йорк выглядит просто здорово, но я нахожу, что большинство хороших людей чересчур оптимистичны по поводу событий в Европе. Здесь у всех, я вижу, есть позитивные сведения и оценки.

Нью-Йорк, 16 сентября

Уик-энд с Николасом Рузвельтом на Лонг-Айленде. Не видел его с тех пор, как он был советником в Будапеште. Он слишком озабочен "диктатурой" (как он это называл) Франклина Рузвельта, чтобы обстоятельно обсуждать европейские дела. Кажется, был сильно возмущен тем, что "новый курс" Рузвельта не позволит ему выращивать картофель в собственном огороде, и начал обсуждать этот вопрос в деталях, но я, признаюсь, не следил за его рассуждениями. Я продолжал думать об Эфиопии и возможной войне. Хотя человек он очень умный. Нанес приятный визит, хотя и очень краткий, моей семье. Мама, несмотря на ее возраст и недавнюю болезнь, выглядит довольно бодро. Офис настаивает на моем немедленном возвращении в Берлин из-за положения в Абиссинии. Дош едет в Рим, а я принимаю бюро.

Берлин, 4 октября

Муссолини начал захват Абиссинии. Согласно итальянскому коммюнике, войска дуче пересекли вчера ее границу, "чтобы предотвратить надвигающуюся из Эфиопии угрозу". На Вильгельмштрассе в восторге. Муссолини либо столкнется с трудностями и увязнет в Африке так, что его позиция в Европе сильно ослабнет, а Гитлер в это время захватит Австрию, находившуюся до того под защитой дуче, либо он победит, бросив вызов Франции и Британии, и после этого созреет для союза с Гитлером против западных демократий. Гитлер выиграет в любом случае. Лига Наций устроила жалкий спектакль, и ее нынешний провал, после маньчжурского разгрома, действительно ослабляет ее. В Женеве говорят о санкциях. Это последняя надежда.

Берлин, 30 декабря

Додд созвал нас сегодня на беседу с Уильямом Филлипсом, помощником государственного секретаря, который находится здесь с визитом. Мы спросили его, какие действия предпримет Вашингтон, если нацисты начнут нас высылать. Он дал честный ответ, сказав: "Никаких". Мы считали, что если бы на Вильгельмштрассе знали, что за каждого высланного американского корреспондента Америка выдворит одного

немецкого журналиста, то, возможно, нацисты дважды бы подумали прежде, чем действовать против нас. Но помощник госсекретаря заявил, что у государственного департамента нет закона, по которому он может действовать в таких случаях, - прекрасный пример слабости нашей демократии.

1936

Берлин, 4 января 1936 года

Вечерние газеты, особенно "Borsen Zeitung" и "Angriff", очень злы на Рузвельта за высказанное им осуждение диктатур и агрессии, что было направлено, очевидно, главным образом против Муссолини, хотя Рузвельт имел в виду и Берлин. Кстати, я забыл записать: Х. из "Borsen Zeitung" не будет казнен. Смертный приговор заменен пожизненным заключением. Его преступление: он случайно увидел, что кое-кто из нас получает копии секретных приказов, которые Геббельс ежедневно отдает прессе. Они делали чтение газет приятным, так как запрещали печатать правду и заменяли ее ложью. Как я слышал, его выдал польский дипломат, парень, которому я никогда не доверял. Немцы, если они не читают иностранных газет (у лондонской "Times" здесь сейчас огромный тираж), совершенно отрезаны от событий во внешнем мире, и, естественно, им ничего не рассказывают о том, что происходит за пределами их собственной страны. До недавних пор они штурмовали газетные киоски, чтобы купить "Baseler Nachrichten", газету немецкоязычных швейцарцев, в Германии она расходилась в большем количестве, чем в Швейцарии. Но теперь эта газета запрещена.

Берлин, 23 января

Неприятный день. Утром меня разбудил телефонный звонок, - я работал допоздна и поздно уснул, звонил Вильфред Баде, фанатичный фашистский карьерист, в настоящее время отвечающий за иностранную прессу в министерстве пропаганды. "Вы были недавно в Гармише?" - начал он. Я ответил: "Нет". Потом он стал орать: "Я знаю, что вы не были там, и тем не менее вы без зазрения совести сочинили фальшивку о притеснении местных евреев..." - "Минуту, сказал я, - вы не можете называть меня бессовестным...", но он повесил трубку.

В полдень Тэсс включила радио, чтобы послушать новости, и как раз вовремя, потому что мы услышали, как разносят именно меня, называя грязным евреем и обвиняя в том, что я пытаюсь торпедировать зимние Олимпийские игры в Гармише (они начинаются через несколько дней) с помощью фальшивок о тамошних евреях и фашистах. Когда после завтрака я добрался до офиса, первые страницы дневных газет были полны обычных для нацистов истеричных обвинений против меня. Немцы,

работавшие в офисе, предполагали, что гестапо может прийти за мной в любую минуту. Я действительно некоторое время назад написал серию корреспонденции о том, как нацисты убрали в Гармише все таблички с надписями "Евреи нежелательны" (их можно увидеть сейчас по всей Германии) и поэтому олимпийские гости будут ограждены от каких-либо знаков подобного обращения с евреями в этой стране. Я отметил также, что нацистские чиновники прибрали все хорошие отели для себя и поселили прессу в неудобных пансионах, что было правдой.

С каждой новой газетой, которую курьер приносил днем в офис, я все больше заводился. Большинство позвонивших мне друзей советовали не обращать внимания и говорили, что если я полезу в драку, то меня вышлют. Но в статьях было столько преувеличений и клеветы, что я уже не мог себя контролировать. Я позвонил в офис Баде и потребовал встречи с ним. Его не было на месте. Я продолжал звонить. Наконец секретарь сказал, что его нет и он едва ли придет. Около девяти вечера я уже не мог себя сдерживать. Я отправился в министерство пропаганды, прошмыгнул мимо охраны и ворвался в офис Баде. Как я и предполагал, он был там и сидел за своим столом. Я без приглашения сел напротив и, пока он не пришел в себя от удивления, потребовал извинения и признания ошибки в германской прессе и по радио. Он начал орать на меня. Я заорал в ответ, хотя от волнения не помню, что говорил, и речь, вероятно, была бессвязной. Наш крик, видимо, встревожил пару лакеев, потому что они открыли дверь и заглянули в кабинет. Баде приказал им закрыть дверь, и мы снова пошли друг на друга. Он стал колотить по столу. Я в ответ. Дверь поспешно открылась, и вошел один из лакеев, якобы предложить шефу сигареты. Я закурил свою. Еще дважды на наш стук заходил лакей, один раз опять с сигаретами, другой - с графином воды. Но я начинал понимать, что ничего не добьюсь, что никто, и меньше всего Баде, не обладает такой властью или просто порядочностью, чтобы внести даже самое маленькое исправление в механизм нацистской пропаганды, который уже запущен, какую бы великую ложь он ни символизировал. В конце концов он успокоился, стал даже слащавым. Заявил, что они решили не высылать меня, как планировали вначале. Я снова возмутился и пригрозил, мол, пусть попробуют выслать, но он не отреагировал, и я ушел. Боюсь, чересчур взвинченным.

Гармиш-Партенкирхен, февраль

Антракт оказался более приятным, чем я ожидал. С восхода до полуночи у нас с Тэсс уйма напряженной работы по освещению Олимпийских игр. Вокруг много эсэсовцев и военных, но пейзаж

Баварских Альп, особенно на восходе и закате, великолепен, горный воздух опьяняет, румяные девушки в лыжных костюмах в основном весьма привлекательны, сами игры захватывают, главным образом опасные прыжки на лыжах с трамплина, гонки на санях (тоже очень опасные, иногда воспринимаются как вызов смерти), хоккейные матчи и фигуристка Соня Хейни. А в общем-то нацисты проделали великолепную пропагандистскую работу. Они произвели огромное впечатление на иностранных гостей тем, с каким размахом и как гладко провели эти игры, а также понравились своими хорошими манерами, которые нам, приехавшим из Берлина, конечно, казались наигранными. Меня это так насторожило, что я устроил завтрак для нескольких наших бизнесменов и пригласил Дугласа Миллера, торгового атташе в Берлине и наиболее информированного относительно ситуации в Германии человека в нашем посольстве, чтобы он немного просветил их. Но получилось так, что они рассказывали ему, как обстоят дела, а Дагу едва удавалось вставить слово. Забавно находиться здесь с Пеглером, острый и злой язык которого находит тут возможность хорошо порезвиться. У него, Галлико и у меня постоянно происходили стычки с эсэсовскими охранниками, которые всегда перекрывали стадион, когда на нем присутствовал Гитлер, и пытались нас не пропустить. Большинство корреспондентов обидела статья в "Volkische Beobachter", процитировавшая Берчэлла из нью-йоркской "Times". Он написал в том духе, что на этих играх нет ничего милитаристского и что журналисты, которые утверждают обратное, ошибаются. Пега это особенно возмутило. Сегодня вечером он казался немного встревоженным, боялся, что гестапо арестует его за правдивые корреспонденции, но я так не думаю. "Олимпийский дух" будет царить в течение двух недель, или даже дольше, а к тому времени Пег уже будет в Италии. Мы с Тэсс много общались с Галлико. Он сейчас на распутье. Добровольно бросил работу самого высокооплачиваемого спортивного журналиста в Нью-Йорке, распрощался со спортом и собирается поселиться в английской деревушке, чтобы проверить, сможет ли он прожить как писатель на вольных хлебах. Мало у кого хватит пороху на это. Завтра возвращаюсь в Берлин, чтобы снова впрячься в работу и освещать политические дела нацистов. Тэсс собирается в Тироль - немного отдохнуть от фашистов и покататься на лыжах.

Берлин, 25 февраля

Узнаю, что в первых числах месяца лорд Лондондерри находился здесь и встречался с Гитлером, Герингом и многими другими. Он всей душой поддерживает нацистов. Боюсь, что

ничего хорошего его визит не принес.

Берлин, 28 февраля

Национальное собрание Франции значительным большинством голосов одобрило договор с Советами. Сильное негодование на Вильгельмштрассе. Фред Экснер рассказал, что, когда они с Роем Ховардом видели позавчера Гитлера, тот был чем-то сильно озабочен.

Берлин, 5 марта

В партийных кругах говорят, что Гитлер созывает рейхстаг 13 марта, в день, когда ожидается одобрение советско-французского договора сенатом. Атмосфера на Вильгельмштрассе сегодня неприятная, но в чем причина - понять трудно.

Берлин, 6 марта, полночь

Это был день самых невероятных слухов. Одно вполне определенно: завтра в полдень Гитлер созывает рейхстаг, а на утро он пригласил послов Великобритании, Франции, Италии и Бельгии. Так как они представляют четыре державы, присутствовавшие в Локарно, то ясно, что Гитлер намеревается денонсировать Локарнский договор, а ведь год назад в марте он заявил, что Германия будет его "добросовестно соблюдать". Я догадываюсь также, основываясь на сегодняшних слухах, что Гитлер положит заодно конец Рейнской демилитаризованной зоне, хотя на Вильгельмштрассе это яростно отрицают. Пошлет ли он туда рейхсвер - точно сказать нельзя. Думаю, это слишком рискованно, так как французская армия легко с ним справится. Сегодня сообщают о серьезных трениях в кабинете министров между фон Нейратом, Шахтом и генералами, которые, вероятно, советуют Гитлеру не торопиться. Один осведомитель сказал мне вечером, что Гитлер не станет посылать войска, а просто откроет всем, какие мощные полицейские силы, входящие в состав армии, он держит сейчас в Рейнской области, что фактически означает конец ее демилитаризации. По словам одного осведомителя с Вильгельмштрассе, молниеносная реакция Гитлера последует после сообщения о том, что французский сенат через день-два проголосует за пакт с Советами. Сегодня ночью в Берлине полно нацистских лидеров, спешно созванных на заседание рейхстага. Похоже, они в очень задиристом настроении. Несколько раз говорил по телефону с доктором Ашманом, пресс-секретарем министерства иностранных дел, он продолжает категорически отрицать, что германские войска войдут завтра в Рейнскую область. Это означало бы начало войны, сказал он. Написал сообщение - на всякий случай. Но завтра посмотрим.

Берлин,, 7 марта

"На всякий случай" - пригодилось! Сегодня Гитлер разорвал

Локарнский договор и бросил рейхсвер на оккупацию демилитаризованной Рейнской области! Немногие пессимистично настроенные дипломаты считают, что это означает начало войны. Большинство думает, что этим все и обойдется. Важен факт, что французская армия не пошевельнулась. Сегодня вечером впервые после 1870 года немецкие солдаты в сером и французские войска в голубом оказались лицом к лицу в верховьях Рейна. Но час назад я звонил в Карлсруэ, стрельбы там нет. Весь вечер я был на связи с нашим парижским офисом, передавая свои сообщения. Там сказали, что мобилизация во Франции не объявлена, по крайней мере пока, хотя кабинет министров совещается с Генеральным штабом. Лондон, как и год назад, кажется, остается в стороне. Генералы рейхсвера все еще нервничают, но не так, как утром.

Если смогу, подробно опишу сегодняшний день:

В десять часов утра Нейрат вручил послам Франции, Великобритании, Бельгии и Италии обширный меморандум. В кои-то веки нам дали шанс получить новости, потому, что доктор Дикгоф, министр иностранных дел, вызвал Фрэдди Мейера, советника нашего посольства, и вручил ему копию меморандума, явно предложив передать ее американским корреспондентам, так как американское посольство редко делает что-нибудь подобное по собственной воле. Гассу надо было отправить раннее сообщение для INS, поэтому он заторопился в посольство, а я пошел на заседание рейхстага, которое начиналось в полдень в Кролл-Опера-Хаус (Государственной опере). Однако все уже было ясно из текста меморандума и со слов Нейрата, сообщившего послам, что германские войска сегодня на рассвете вошли в Рейнскую область.

В меморандуме говорится, что с подписанием франко-советского пакта Локарнский договор "утратил силу", что именно поэтому Германия больше не считает себя связанной этим договором и что по этой же причине "германское правительство с сегодняшнего дня восстанавливает полный и без всяких ограничений суверенитет рейха в Рейнской демилитаризованной зоне". Далее следует еще одна великолепная попытка Гитлера - и кто после 21 мая сможет сказать, что неудачная? - бросить пыль в глаза "миролюбивых людей" Запада, вроде Лондондерри, Асторов, лорда Лотиана, лорда Ротермера. Он предложил план "мира" из семи пунктов, направленный, как сказано в меморандуме, на то, чтобы "предупредить любые сомнения относительно его (правительства рейха) намерений и прояснить чисто оборонительный характер такой меры, а также выразить его постоянное желание истинного умиротворения Европы...". Этот

план - чистейшей воды обман, и, если у меня или у американской журналистики есть хоть капля мужества, я должен так и сказать в сегодняшнем ночном сообщении. Но не уверен, что оно попадет на первую полосу.

В своем последнем "мирном плане" Гитлер выдвигает следующие предложения: подписать с Бельгией и Францией пакт о ненападении сроком на двадцать пять лет, гарантами которого выступят Великобритания и Италия; предложить Бельгии и Франции провести демилитаризацию по обе стороны их границ с Германией; подписать военно-воздушный договор; заключить пакты о ненападении со своими восточными соседями; и наконец, вернуться - в Лигу Наций. О степени гитлеровской искренности можно судить по предложению провести демилитаризацию по обе стороны границ, то есть заставить Францию пожертвовать своей линией Мажино - последней в настоящее время защитой от нападения Германии.

Заседание рейхстага, более напряженное, чем когда-либо (вероятно, находившимся в зале депутатам еще не рассказали, что произошло, но они знали, что что-то готовится), началось ровно в поддень. Французский, британский, бельгийский и польский послы отсутствовали, но там были итальянский посол и Додд. Генерал фон Бломберг, военный министр, сидел среди членов кабинета министров с левой стороны сцены, белый как простыня, и нервно барабанил пальцами по спинке скамьи. Я никогда не видел его в таком состоянии. Гитлер начал с длинного разглагольствования, с которым выступал и прежде, при этом не уставая повторять о несправедливости Версальского договора и миролюбии немцев. Когда он стал изливать свой гнев на большевизм, его голос, до того низкий и грубый, поднялся до пронзительного истерического крика.

"Я не позволю этой ужасной, полной ненависти международной коммунистической диктатуре обрушиться на немецкий народ! Это деструктивное азиатское мировоззрение рушит все ценности! Мне становится страшно за Европу при мысли, что с ней произойдет, если эта разрушительная азиатская концепция жизни, этот хаос большевистской революции окажутся успешными" (бешеные аплодисменты).

Затем, более спокойным голосом, он доказывал, что французское соглашение с Россией обесценило Локарнский договор. Небольшая пауза - и эффектное заключение:

"Германия больше не считает себя связанной Локарнскими договоренностями. В интересах элементарнейших прав своего народа на безопасность границ и обеспечение своей обороны германское правительство с сегодняшнего дня восстановило

абсолютный и неограниченный суверенитет рейха в демилитаризованной зоне!"

После этого шестьсот депутатов, все эти назначенные лично Гитлером мелкие людишки с большими телесами и мощными шеями, коротко стриженные, с мешкообразными животами, в коричневой форме и тяжелых ботинках, маленькие глиняные человечки, послушные в его руках, вскакивают как автоматы, вытягивают правую руку в нацистском приветствии и орут "Хайль!", первые два-три раза - нестройными голосами, а следующие двадцать пять - в унисон, как клич в колледже. Гитлер поднимает руку, прося тишины. Она устанавливается не сразу. Люди-автоматы медленно садятся. Теперь они у него в когтях. Кажется, он это понимает. Он произносит низким звучным голосом: "Мужчины германского рейхстага!" Тишина абсолютная.

"В этот исторический час, когда в западных землях рейха германские войска маршируют в свои будущие мирные гарнизоны, все мы объединяемся, чтобы дать две священные клятвы".

Ему не дают продолжить. Для истеричной толпы "парламентариев" это новость, что немецкие солдаты уже движутся в Рейнскую область. Весь милитаризм их германской крови ударяет им в голову. С громкими воплями они вскакивают на ноги. То же самое делают зрители на галерке, все, кроме нескольких дипломатов и нас, пятидесяти корреспондентов. Их руки подняты в рабском приветствии, лица искажены истерией, без конца орущие рты широко раскрыты, они не могут оторвать горящих фанатизмом глаз от своего нового бога, Мессии. Мессия же играет свою роль потрясающе. Он склоняет голову, само воплощение скромности, и спокойно ждет тишины. Затем по-прежнему тихим, но полным эмоций голосом он произносит две клятвы:

"Первое, мы клянемся, что бы ни случилось, не жалеть сил на восстановление чести нашего народа, предпочитая умереть с честью в жестоких лишениях, чем капитулировать. Во-вторых, мы торжественно обещаем, что сейчас, более чем когда-либо, мы будем прилагать усилия для достижения понимания между народами Европы, особенно с соседними западными государствами... У нас нет территориальных претензий в Европе!.. Германия никогда не нарушит мир".

Прошло много времени, прежде чем затихли аплодисменты. Внизу в холле депутаты все еще находились под магическими чарами, изливая свои чувства друг другу. Несколько генералов направились к выходу. За их улыбками, однако, нельзя было не заметить нервозности. Мы подождали у здания Оперы, пока не

уехал Гитлер вместе с другими важными персонами, тогда эсэсовская охрана пропустила нас. С Джоном Эллиотом прошлись по Тиргартену до "Адлона" и перекусили там. Мы были слишком ошеломлены, чтобы много говорить.

На 29 марта назначены "выборы", "для того чтобы германский народ смог дать оценку моему руководству", как сформулировал это Гитлер. Результат, конечно, предрешен заранее, но сегодня вечером объявили, что завтра Гитлер начинает серию предвыборных выступлений.

В своей сегодняшней речи он по-умному постарался успокоить Польшу. Вот его слова: "Я хочу, чтобы народ Германии понял, что, хотя это для нас и болезненно, доступ к морю с территории Германии, население которой составляет тридцать пять миллионов человек, будет отрезан. Вместе с тем неразумно отказывать в нем другой великой нации".

После завтрака, чтобы собраться с мыслями, я прогулялся по Тиргартену. Около Скагеракплац наткнулся на генерала фон Бломберга, прогуливавшего двух собак на поводке. Его лицо все еще было бледным, щеки дергались. "Что-то не так?" - подумал я про себя. Потом направился в офис и всю вторую половину дня усиленно трудился, прерывался только на тс, чтобы передать по телефону свой материал в Париж, когда набиралось три-четыре сотни слов. Вспомнил, что сегодня суббота, когда пришла телеграмма из Нью-Йорка с требованием прислать материал пораньше, чтобы он попал в утренние воскресные газеты. Суббота удачный день для Гитлера: очищение крови, призыв на военную службу, вот и сегодня - все субботние дела.

Ночью, когда закончил работу, наблюдал за окном кабинета, выходящим на Вильгельмштрассе, бесконечные колонны штурмовых отрядов, марширующих в факельном шествии вниз мимо рейхсканцелярии. Послал Германна посмотреть. Он сообщил по телефону, что Гитлер приветствует их с балкона, рядом с ним Штрайхер (непонятно, с какой стати). Власти объявляют, что факельные шествия продлятся всю ночь.

Несколько раз звонил наш корреспондент из Кёльна, чтобы рассказать, как идет оккупация. По его словам, немецким войскам устроили повсюду сумасшедший прием, женщины усыпали их путь цветами. Он говорит, что на аэродроме в Дюссельдорфе и на нескольких других летных полях приземлились немецкие бомбардировщики и истребители. Сколько всего войск отправила сегодня Германия в Рейнскую область, никто не знает. Вечером Франсуа Понсе (французский посол) рассказал моему знакомому, что министерство иностранных дел Германии трижды обманывало его в течение этого дня. Сначала немцы объявили,

что направили 2000 человек, позже - что 9500 человек и "тринадцать артиллерийских расчетов". По моей информации, они отправили туда четыре дивизии - около 50 000 человек.

Итак, исчезает последняя опора мира в Европе - Локарно. Этот договор Германия подписала добровольно, это не был диктат, и Гитлер не раз торжественно клялся уважать его. Ночью в "Таверне" один французский корреспондент подбадривал нас, категорически утверждая, что французская армия выступит завтра, но после того, что сообщили вечером из нашего парижского офиса, я в этом сомневаюсь. Я не понимаю, почему она затаилась. Она более чем равный по силам противник для рейхсвера. И если она выступит, то Гитлеру конец. Он все поставил на успех своего шага и не переживет унижения, если Франция оккупирует западный берег Рейна. В "Таверне" большинство сидевших вокруг нашего столика были с этим согласны. Много пива, две тарелки спагетти до трех утра, а потом - домой. Надо встать вовремя, чтобы присутствовать в Опере еще на одном торжестве Дня памяти героев. Оно будет даже грандиознее, чем в прошлом году, если только французы...

Гитлеру удалось остаться безнаказанным. Франция не направляет свои войска. Вместо этого она взывает к Лиге Наций! Неудивительно, что Гитлер, Геринг, Бломберг и Фрич имели такой сияющий вид, когда сидели днем в королевской ложе Государственной оперы и второй раз за эти два года отмечали на самый что ни на есть милитаристский манер День памяти героев, хотя, по идее, обязаны чтить память двух миллионов немцев, убитых в последнюю войну.

О, глупость (или паралич) французов! Сегодня я узнал из абсолютно достоверного источника, что германские войска, которые вчера маршем вошли в Рейнскую демилитаризованную зону, имели строгий приказ спешно отступить, если французская армия окажет какое-либо сопротивление. Они не готовы и не вооружены для, того, чтобы сражаться с регулярной армией. Возможно, этим и объясняется вчерашняя бледность Бломберга. Очевидно, Фрич (главнокомандующий рейхсвера) и большинство генералов были против такого шага, но Бломберг, который слепо доверял фюреру и его решению, уговорил их. Возможно, что Фрич, не любивший ни Гитлера, ни фашистский режим, согласился выступить, надеясь, что провал операции будет концом для самого Гитлера, а если она окажется успешной, то будет решена одна из его важнейших военных проблем.

Сегодня еще одна странная история. Французское посольство сообщает (и я ему верю), что несколько дней назад Понсе нанес визит Гитлеру и попросил представить условия франко-

германского сближения. Фюрер попросил у него несколько дней на то, чтобы обдумать предложение. Послу показалось это вполне разумным, но его удивило, что Гитлер настаивал на том, чтобы ни слова об этом визите не дошло до общественности. Теперь он уже не удивляется. Если бы мир узнал, что Франция, фактически еще не ратифицировавшая договор с Россией, проявляет желание вести с немцами переговоры, то это помешало бы Гитлеру оправдываться, что, мол, Франция сама виновата в том, что он нарушил Локарнский договор.

Мемориальные торжества в Опере проходили сегодня днем на фоне Вагнера (влияние музыки Вагнера на нацизм, на Гитлера никогда не понимали за границей). Залитая огнями сцена была заполнена солдатами в стальных касках с военными знаменами в руках, за ними - неувядаемый громадный серебряно-черный железный крест. Нижний ярус и балконы пестрели униформами старой имперской армии и остроконечными шлемами. Гитлер гордо восседал в имперской ложе в окружении германских военных руководителей, как бывших, так и нынешних. Среди них были: фельдмаршал фон Макензен - в гусарской форме дивизии "Мертвая голова", Геринг - в ослепительной ало-голубой форме генерала ВВС, генерал фон Зеект - создатель рейхсвера, генерал фон Фрич - его нынешний руководитель, адмирал фон Рёдер - шеф быстрорастущего военно-морского флота и генерал фон Краусц - в форме старой австро-венгерской армии и с огромными бакенбардами а-ля Франц Иосиф. Отсутствовал один лишь Людендорф, который отверг примирение со своим бывшим капралом и не принял предложения стать фельдмаршалом. Не было и кронпринца.

Генерал фон Бломберг зачитал обращение - странную смесь блефа, демонстративного вызова и прославления милитаризма. "Мы не хотим наступательных действий, - сказал он, - но не боимся оборонительной войны". Хотя если не в Париже и в Лондоне, то здесь всем известно, что он боится и что вчера был в ужасе оттого, что, возможно, ее придется вести. Бломберг, видимо по приказу Гитлера, изо всех сил старался самым недостойным для военного человека способом заглушить слухи о несогласии генералов рейхсвера с оккупацией Рейнской области и их слабой симпатии к нацизму. Я даже заметил, как поморщился Фрич, когда его шеф разоблачал "распространяемые во внешнем мире сплетни об отношениях между партией и армией". Генерал особо подчеркнул: "Мы, армейские, - национал-социалисты. Ныне партия и армия ближе друг к другу". Далее он объяснил почему. "Национал-социалистская революция вместо уничтожения старой армии, как это делали всегда другие революции, воссоздала ее.

Национал-социалистское государство предоставляет в наше распоряжение всю свою экономическую мощь, свой народ, всех юношей". А затем взгляд в будущее: "На наших плечах лежит огромная ответственность. И она становится все тяжелее, потому что перед нами могут встать новые задачи".

Пока Бломберг говорил, Геббельс усердно работал осветительной лампой и кинокамерой, направляя их сначала на сцену, затем на ложу, в которой сидел вождь. После "торжественной службы" - обычный военный парад, но с меня было достаточно, я проголодался и направился в отличный винный погребок Хабеля на Линден, там позавтракал и выпил "Дайдесгеймера".

Позднее. Вечером у Дош-Флеро оказался интересный материал из Рейнской области, где он наблюдал германскую оккупацию. Он сообщает, что католические священники встречали германские войска на мостах через Рейн и благословляли их. В Кёльнском кафедральном соборе кардинал Шульте возносил хвалу Гитлеру за "возвращение нашей армии". Быстро же забылось, как нацисты преследуют церковь. Дош говорит, что сегодня ночью рейнское вино льется рекой.

А французы взывают к Женеве! Я позвонил в наш лондонский офис, чтобы узнать, что собираются делать англичане. Они посмеялись и зачитали мне несколько выдержек из воскресных газет. "Sunday Observer" Гарвина и "Sunday Dispatch" Ротермера в восторге от такого шага Гитлера. Британцы заняты сейчас сдерживанием французов! Здесь в министерстве иностранных дел, которое работает всю ночь, чтобы наблюдать реакцию Лондона и Парижа, приподнятое настроение. Ничего удивительного!

Карлсруэ, 13 марта

Сегодня вечером здесь, в пределах досягаемости артиллерией, стоящей на линии Мажино, Гитлер произнес свою первую "предвыборную" речь. Весь день курсировали специальные поезда из близлежащих городов, подвозя правоверных и тех, кому приказали прибыть. Митинг собрали под громадным шатром, и атмосфера была настолько удушающая, что я вернулся в отель, где под хороший обед и бутылку вина, с большинством других корреспондентов прослушал речь по радио. В ней не было ничего нового, хотя он красиво говорил про свое желание дружить с Францией. Конечно, жители берегов Рейна не хотят еще одной войны с Францией, но этот повторный захват германскими войсками привил им нацистскую заразу. Они так же истеричны, как и все остальные немцы. Позднее отправился в винный погребок с таксистом, который возил меня весь день, и у него

было немного шнапса. Он оказался коммунистом, резко настроенным против фашистов, и предсказывал их скорый крах. Для меня было облегчением встретить здесь хоть одного немца, выступающего против фашистского режима. Он говорит, что здесь таких много, но, говоря по правде, я сомневаюсь.

29 марта

Для так называемых выборов выдался прекрасный для ранней весны день, и, по данным Геббельса, девяносто пять процентов населения Германии одобрили повторную оккупацию Рейнской области. Несколько корреспондентов, побывавших сегодня на избирательных пунктах, сообщили о нарушениях. Но я не сомневаюсь, что значительное большинство людей приветствовали переворот на Рейне, независимо от того, нацисты они или нет. Правда и то, что немногие отважились проголосовать против Гитлера из страха быть разоблаченными. Вечером узнал, что в Нёйкёльне и Веддинге, бывших цитаделях коммунистов в Берлине, голоса "против" составили до 20 процентов и что тамошние жители собираются в ближайшие несколько дней опротестовать результаты.

Вчера над нашим офисом величаво проплыл новый цеппелин, который получит название "Гинденбург". На днях я прошелся к Фридрихсхафен, чтобы осмотреть поле и это чудо германского инженерного гения на нем. Вчера цеппелин проводил предвыборную агитацию, разбрасывая листовки, призывающие простой народ голосовать "за". Д-р Гуго Экенер, который готовит цеппелин к первому полету в Бразилию, энергично возражал против его запуска в эти выходные, обосновывая это тем, что испытания еще не закончены, но д-р Геббельс настаивал. Экенер, не сторонник режима, отказался сам поднимать аэростат, но разрешил сделать это капитану Леману. Другой доктор, говорят, взревел от бешенства и постановил все-таки заставить Экенера.

Берлин, апрель (без даты)

Сегодня забавный ланч у Додда. Почетным гостем был Экенер, который вскоре отбывает в Америку, чтобы попросить лично у Рузвельта необходимый для новых баллонов гелий (на родине его, кажется, не очень-то поддерживают). Он рассказывал про Геббельса, к которому не испытывает ничего, кроме презрения, один анекдот за другим. Кто-то спросил его о голосовании на "Гинденбурге", проходившем в воздухе. "Геббельс установил новый рекорд, - выпалил он в ответ. - На "Гинденбурге" находилось сорок человек. Насчитали сорок два бюллетеня "за". Геббельс запретил прессе упоминать имя Экенера.

Берлин, 2 мая

Сегодня итальянцы вошли в Аддис-Абебу. Негус{10} сбежал.

Муссолини одержал победу - главным образом, с помощью горчичного газа. Именно так он победил эфиопов. Он также одержал победу над Лигой Наций - путем обмана. Именно так он избежал санкций за поставку нефти, которые могли бы его остановить. Мы поймали по радио его приветствия с балкона палаццо Венеция в Риме. Куча вздора о трехсотлетней истории, римской цивилизации и победе над варварством. Чьим варварством?

Рагуза (латинское название Дубровника), Югославия, 18 июня

Славно проводим отпуск в Далмации. Здесь есть всё: море, солнце, горы, цветы, хорошее вино, хорошая еда, симпатичные люди. С нами отдыхают Никербокеры, которые приехали из Аддис-Абебы. Агнес должна родить через несколько месяцев. У Ника полно фантастических историй о том, как ссорились и дрались корреспонденты в Аддис-Абебе, как умер и был похоронен там несчастный Билл Барбур из чикагской "Tribune", как бомбили Дессе, какие кошмарные публичные дома в Джибути, где полно прокаженных, и тому подобные. Днем мы бездельничали, купались, болтали и читали, вечером спускались в старый порт, чтобы выпить, поесть и потанцевать. Я дочитал "Волшебную гору" Томаса Манна, потрясающий роман, и сборник чеховских пьес, которые очень люблю, как и короткие его рассказы.

Рагуза, 20 июня

Сегодня жуткая паника. Пока мы с Ником и Агнес завтракали на террасе отеля, который расположен на берегу примерно в полумиле от города, Тэсс отправилась в город сделать несколько фотографий. Вдруг появилась пара армейских бомбардировщиков и начала выделывать акробатические номера над Рагузой. Странное занятие, поскольку они были слишком тяжелыми для выполнения фигур высшего пилотажа. Потом один из них пошел в глубокое пике прямо над центром города. Агнес отвела взгляд. Самолет не смог полностью выйти из пике и, похоже, развалился в воздухе на части прямо над крышами домов. После этого произошел взрыв и возникло пламя. Я подумал о Тэсс. Пламя поднималось как раз рядом с кафедральным собором. Именно там она собиралась снимать. На мне были только шорты, рубашка и пляжные сандалии. Должно быть, я рванулся автоматически. Бегом бросился по дороге в город. Что-то подсказывало мне, что она там. Когда я подбежал к маленькой площади перед кафедральным собором, несколько домов были в огне. Полицейские выносили на носилках накрытые простынями тела. Я начал заглядывать под простыни, потом взял себя в руки. С

трудом пробивался сквозь людские пробки, забившие улицы. Никаких признаков Тэсс. Стал требовать мэра, губернатора, кого-нибудь, кто мог мне что-нибудь рассказать. В конце концов кто-то толкнул меня локтем: "Отойди, я хочу снять это". Тэсс смотрела на меня, прищурившись, сквозь свою "лейку". Закончив съемку, она рассказала, что была на расстоянии сотни ярдов от того места, где разбился самолет.

Позднее. Такое впечатление, что летчики встретили вчера в ночном городе пару ослепительных девочек и, чтобы продолжить романтическое приключение, попросили их быть в восемь утра на своих балконах, пообещав нечто "увлекательное". Погибло десять человек, включая пилота и летчика-наблюдателя.

Рагуза, 22 июня

На пароходе добрались до небольшого городка, что в пятнадцати милях вверх по побережью, чтобы посмотреть часовню, которую проектировал Местрович и в которую он поместил самые потрясающие скульптурные работы из тех, что я когда-либо видел. Это великолепное произведение искусства, архитектура, рельефы, статуи, сливающиеся в прекрасной гармонии. С тех пор как увидел Эль Греко в Музее Прадо в Мадриде, я не встречал ничего подобного, что так взволновало бы меня.

Берлин, 15 июля

Начал, да поможет мне Бог, писать роман. Место действия - Индия. Я был там дважды, в 1930-м и 1931 годах, во времена движения Ганди за гражданское неповиновение, и не могу выкинуть Индию из головы.

Берлин, 18 июля

Беспорядки в Испании. Правый переворот. Бои в Мадриде, Барселоне и других городах.

Берлин, 23 июля

Сейчас здесь находится чета Линдбергов{11}, и нацисты ставят для них под руководством Геринга большой спектакль. Сегодня на завтраке, устроенном для него министром авиации, он сделал нечто вроде предупреждения, сказав, что самолет становится таким страшным орудием разрушения, что если "люди, связанные с авиацией", не осознают свою громадную ответственность и не разработают "новую разумную систему безопасности", то всему миру, и особенно Европе, будет нанесен непоправимый ущерб. Это была очень своевременная маленькая угроза, так как Геринг, несомненно, занимался строительством самых смертоносных военно-воздушных сил в Европе. DNB заставили отметить сегодня, что замечания Линдберга "произвели сильное впечатление", но я сомневаюсь в формулировке. "Вызвали

раздражение" - вот более точные слова.

Во второй половине дня компания "Люфтганза" пригласила нескольких корреспондентов на чаепитие в Темпельхоф, устроенное в честь Линдбергов. Их, видимо, не проинформировали о нашем присутствии из боязни, что они откажутся, причиной была их фобия по отношению к прессе. Я впервые увидел его после 1927 года, когда освещал его прилет в Ле-Бурже. Был удивлен, как мало он изменился, хотя он показался мне более уверенным. Позже мы отправились на воздушную прогулку на самом большом немецком самолете "Фельдмаршал фон Гинденбург". Где-то над Ванзее Линдберг взял управление на себя и сделал несколько очень опасных, учитывая размер самолета, виражей и других маневров, которые привели в ужас всех пассажиров. Дело в том, что Линдбергу понравилась машина и все, что показали ему немцы. Он не выразил энтузиазма по поводу встречи с иностранными журналистами, у которых была порочная страстишка освещать визиты в Третий рейх так, как они это видят, и мы не настаивали на интервью.

Берлин, 27 июля

Кажется, испанское правительство одерживает верх. Оно подавило мятеж в Мадриде и Барселоне, в двух самых больших городах Испании. Но дело гораздо серьезнее, чем казалось неделю назад. Фашисты выступают против испанского правительства, и их партийные круги начинают вести переговоры об оказании помощи мятежникам. Трагическая страна! И как раз в тот момент, когда, казалось, есть надежда на республику. А здесь все интересы сосредоточились на Олимпийских играх, которые открываются на следующей неделе. Нацисты из кожи вон лезут, чтобы произвести благоприятное впечатление на иностранных гостей. Они построили потрясающий спортивный комплекс со стадионом на сто тысяч мест, плавательный бассейн на десять тысяч зрителей и так далее. Здесь находится Галлико, и был приятный обед с ним и Элеонорой Холм Джерретт, феноменальной американской пловчихой, очень красивой, которую, кажется, выгоняют из команды за излишнее пристрастие к шампанскому на борту парохода по дороге сюда.

Берлин 16 августа

Сегодня Олимпийские игры наконец закончились. Я просто помешался на атлетических дорожках и площадках, плавании, гребле и баскетболе, но для нас эти игры головная боль. Гитлер, Геринг и прочие прибыли днем на церемонию закрытия, которая продолжалась дотемна. Нам с Гассом пришлось проявить ловкость, чтобы провести контрабандой супругу Уильяма Рэндолфа Херста, ее подругу и Адольфа Менжу с женой, которые

приехали только прошлой ночью, когда все билеты уже были распроданы. Менжу мы в потасовке потеряли, но через несколько минут он появился. Нам пришлось запихнуть их в уже набитую кабину для прессы, но потом удалось уговорить эсэсовских охранников разрешить им сесть на места, зарезервированные для дипломатов. Оттуда они прекрасно могли видеть Гитлера. Потом их, кажется, трясло от всего перенесенного.

Боюсь, что нацисты преуспели в своих пропагандистских трюках. Во-первых, они провели игры с невиданным до той поры размахом, и это впечатлило спортсменов. Во-вторых, они показали весьма приятный фасад для широкого зрителя и особенно для бизнесменов. Года два назад нас с Ральфом Барнесом попросили встретить кого-то из американцев. Они прямо сказали, что были приятно удивлены нацистской "организованностью". Рассказывали, как беседовали с Герингом и что он заявил им, будто мы, американские журналисты, несправедливы к нацистам.

"Он не говорил вам о закрытии нацистами, скажем, церквей?" - спросил я.

"Говорил, - ответил один из них, - и заверил нас, что неправда то, что пишут "ваши парни" о преследовании в Германии религии".

После чего мы с Ральфом чуть не взорвались от возмущения. Но не думаю, что мы их убедили.

Берлин, 25 августа

Теперь пресса совершенно открыто нападает на испанское правительство. И я узнал из независимого источника, что первые немецкие самолеты переданы в распоряжение мятежников. Тот же источник говорит, что итальянцы тоже делают ставку на самолеты. Мне кажется, если бы французы проявили немного здравого смысла, то смогли бы направить туда несколько частей, под видом добровольцев, и немного оружия и подавили бы мятеж в Мадриде. Но кажется, Блюм, хотя он и социалист, проводит политику невмешательства, страшась ответных действий Германии и Италии.

Берлин, 4 сентября

Отправляюсь в Нюрнберг освещать партийный съезд, который начинается на следующей неделе. После олимпийских толп не знаю, как его переживу.

Берлин, сентябрь (без даты)

Завтракал с Томом Вулфом. Марта Додд предложила нам встретиться, так как я часто выражал симпатию к его работе. Мы нашли тихий уголок у Хабеля. Громадный физически, бурлящий энергией, он продемонстрировал аппетит Гар-гантюа, заказав

второй раз горячее блюдо из мяса и овощей и более чем достаточно (по крайней мере, для меня) бутылок пфальцского вина. Я в него сразу же влюбился, и у нас был долгий хороший разговор - об американской литературе и о том, почему в пору расцвета своих жизненных сил большинство американских писателей (Льюис, Драйзер, Андерсон, например) либо перестали писать, либо пишут что-то более слабое по сравнению с их лучшими книгами. И это в то время, когда европейцы создают свои величайшие романы и пьесы. Я не раз размышлял на эту тему и однажды обсуждал ее с Льюисом в Вене. Вулф в какой-то степени осознает, что политика его не интересует так, как интересует большинство писателей и как должна интересовать (в этом мы с ним согласны) всех в такое время. Он признал этот недостаток, но сказал, что находится в процессе учения. "Я поддерживаю переизбрание Рузвельта", сказал он. Любопытная вещь: Вулф великолепно переводит на немецкий, и я считаю, что роман "Взгляни на дом свой, Ангел" имел здесь большой успех. Мы расстались, договорившись встретиться в Нью-Йорке. Он очень искренний человек и подает больше надежд (если сможет раскрыться), чем кто-либо из молодых романистов.

Гитлер объявил в Нюрнберге четырехлетний план превращения Германии в страну, самодостаточную в сырьевом отношении. За его выполнение отвечает Геринг. Ясно, что это военный план, но немцы это, конечно, отрицают. На съезде партии основное внимание было сконцентрировано на атаках на большевизм и Советы. Ходят разговоры о разрыве дипломатических отношений.

Лондон, октябрь

Приятная неделя, встречался со старыми друзьями, разорился на два новых костюма на Сейвил-роу и, что самое приятное, пять дней провел в Солкомбе в Девоншире со сквайром Галлико, который приобрел там поместье. У нас была фантастическая рыбалка (первый опыт Тэсс, и она поймала больше меня и Пола), великолепные прогулки вдоль продуваемого ветром клифа и много хороших бесед. Задуманная Полом авантюра пока идет успешно. Он написал и продал три коротких рассказа и получил приличный гонорар за право экранизации одного из них. Забавно: он ужасно боится своего дворецкого, который выглядит так, как будто только что сошел со сцены, и он полностью держит в руках все поместье.

Завтра возвращаемся в Берлин. Запомнились визиты к Ньюэллу Роджерсу, к Штраусам, Дженни Ли, она настоящая шотландка, очень красивая, очень остроумная, и ей обязательно надо вернуться в парламент, откуда ее вынудили уйти в

результате последних выборов. Ее муж, Энь-юрин Бивен - член парламента от уэльского шахтерского района, сам бывший шахтер, с проницательным умом, немного озорным - отличный парень. Сегодня днем пили чай с Биллом Стоунмэном, который только что сменил здесь Джона Гюнтера на посту корреспондента чикагской "Daily News", и Мэй Лиз (его женой). Билл был ужасно взвинчен, нервный, как старая курица, - настолько, что в минуту раздражения я сказал: "Билл, почему ты не расскажешь в чем дело? Может, тебе легче будет". Тогда он достал из кармана телеграмму и бросил ее мне. Это было сообщение из десяти строк в сегодняшний дневной выпуск его газеты. Я пробежал его глазами. В нем говорилось: "Миссис И.А. Симпсон подала на развод с мистером И.А. Симпсоном в суд присяжных графства Ипсвич. Дело будет слушаться..." Далее в двух словах, когда будет слушаться дело. И все.

Это грандиозная сенсация, и ее стоит разнести до небес. Очевидно, сам король намеревается жениться теперь на этой женщине и сделать ее королевой.

Берлин, 18 ноября

На Вильгельмштрассе сегодня объявили, что Германия (вместе с Италией) признала Франко. Генерал Фаупель, который хорошо поработал на Германию в Южной Америке и Испании, назначен послом Гитлера в Саламанке. Видимо, это решение приурочено к сегодняшнему дню, чтобы компенсировать провалившуюся попытку Франко взять Мадрид в тот момент, когда ему казалось, что город уже в его власти. Мне говорили, что первоначально признание должно было совпасть со вступлением Франко в Мадрид, которого немцы ожидали десять дней назад. Додд рассказал мне, что наше консульство в Гамбурге сообщило об отплытии на этой неделе трех германских кораблей с оружием для Испании. Тем временем в Лондоне продолжается комедия "невмешательства". За последние два года политика Лондона и Парижа меня полностью разочаровала; они будто не видят собственных жизненных интересов. Они не сделали ничего ни 16 марта 1935 года, ни 7 марта этого года и сейчас ничего не предпринимают по отношению к Испании. У меня что, искаженный взгляд на вещи после двух лет, проведенных в этой истеричной нацистской стране? Но разве абсурдно сделать вывод, что Блюма и Болдуина заботят только сугубо личные соображения?

Берлин, 25 ноября

Сегодня нас собрали в министерстве пропаганды для важного сообщения. Нам было интересно, что затеял Гитлер, но оказалось, что просто подписан антикоминтерновский договор между

Германией и Японией. Риббентроп, подписавший документ от имени Германии, четверть часа с напыщенным видом разглагольствовал перед нами о значении договора, если таковое вообще имеется. Он сказал, что, помимо всего прочего, документ означает, что Германия и Япония объединились для защиты "западной цивилизации". Это было настолько ново, по крайней мере со стороны Японии, что в конце беседы один британский корреспондент спросил, правильно ли он его понял. Тогда Риббентроп, у которого отсутствует чувство юмора, не моргнув глазом повторил свое глупое заявление. Было ясно, что в это же самое время Германия и Япония подготовили тайное военное соглашение о совместных действиях против России в случае, если одна из этих стран окажется втянутой в войну с Советами.

Берлин, 25 декабря

Замечательный рождественский обед с Ральфом и Эстер Барнес и их детьми, к тому же настоящий американский, вплоть до пирога с изюмом и миндалем. Нам с Ральфом пришлось прервать его посередине, чтобы проверить слухи из Нью-Йорка о сенсационном сообщении, будто в Марокко высадилось большое количество германских войск для оказания помощи Франко. На Вильгельмштрассе никого не было, так как все официальные лица находились на каникулах за городом, поэтому мы не смогли получить ни подтверждения, ни опровержения. Хотя похоже на "утку".

Уже апрель, и до сих пор от Гитлера ни одного сюрприза этой весной. Может быть, это год консолидации нацистов, строительства вооруженных сил, обеспечения победы Франко в Испании, укрепления отношений с Италией (поддержка дуче в Испании и Средиземноморье в обмен на свободу действий Германии в Австрии и на Балканах) и год, который даст немного отдыха нервам населения?

1937

Берлин, 14 апреля

За четыреста марок купил у одного бывшего боксера, нуждавшегося в деньгах, парусную шлюпку. В ней есть кабина с двумя сиденьями, и мы с Тэсс можем проводить на ней уик-энды, если только когда-нибудь выдадутся свободные. Хотя мы совершенно не разбираемся в навигации, но с помощью наспех нацарапанных на обратной стороне конверта схем, показывавших, что делать при попутном, или встречном, или боковом ветре (их изобразил один из работающих в нашем офисе немцев), а также при очень большом везении нам удалось пройти десять миль до Ванзее, где Барнесы сняли на лето дом. Были некоторые трудности со швартовкой, потому что ветер дул в сторону берега

и я не знал, как быть. Хозяин маленького эллинга завопил, что я могу повредить его причал, но бумажка в пять марок его успокоила.

Берлин, 20 апреля

День рождения Гитлера. Он все больше и больше походит на Цезаря. Сегодня всенародный праздник с отвратительным подхалимажем всех партийных проституток, делегациями с подарками из всех земель рейха и большим военным парадом. Рейхсвер показал немногое из того, что он имеет: тяжелую артиллерию, танки и великолепно обученных людей. Гитлер более двух часов простоял на высоком помосте перед зданием Высшей технической школы счастливый, как ребенок, играющий с оловянными солдатиками, отдавая честь каждому танку и каждому орудию. Военные атташе Франции, Великобритании и России, я слышал, были потрясены. Наш, наверное, тоже.

Берлин, 3 мая

Около полуночи мы с Гордоном Юнгом столкнулись в холле "Адлона" с лордом Лотианом. Вчера он неожиданно приехал сюда на совещание с нацистскими лидерами. Юнг спросил его, зачем он приехал. Тот ответил: "О, меня попросил Геринг". Он, пожалуй, один из самых умных представителей тори, принимаемых Гитлером, Герингом и Риббентропом. Нам хотелось спросить, с каких это пор он подчиняется Герингу, но воздержались.

Сегодня около четырех утра Хиллмэн разбудил меня телефонным звонком из Лондона и сообщил, что цеппелин "Гинденбург" разбился у Лакехурста, есть жертвы. Я немедленно позвонил одному из проектировщиков дирижабля на Фридрихсхафен. Он отказался верить моим словам. Я позвонил в Лондон и дал им небольшое сообщение для поздних выпусков. Только мне удалось с большим трудом заснуть, как позвонила Клэр Траск из "Коламбия Бродкастинг Систем" и попросила сделать радиосообщение о реакции на катастрофу в Германии. Разбуженный в такую рань, я был в дурном настроении, сказал ей, что не смогу этого сделать, и предложил двух-трех других корреспондентов. Около десяти она позвонила снова и настаивала, чтобы я взялся за это. В конце концов я согласился, хотя никогда в жизни не выступал по радио.

Все утро думал о том, как сначала меня, а потом Тэсс приглашали в это путешествие на "Гинденбурге" и мы это предложение почти приняли. Им почему-то не удалось продать несколько мест на дирижабль, и примерно за десять дней до отлета представитель "Гинденбурга" по связям с прессой Редерей позвонил мне и предложил бесплатный полет до Нью-Йорка. Я не мог, так как офис держался на мне одном. На следующий день он

позвонил и поинтересовался, не полетит ли Тэсс. По каким-то непонятным причинам, - а может, и не столь уж непонятным, во всяком случае, я не могу сказать, что у меня были какие-то предчувствия, - я даже не упомянул об этом Тэсс и на следующий день вежливо отказался от ее имени.

Записывая днем между сообщениями в Нью-Йорк мое радиовыступление, Клэр Траск отдавала его страницу за страницей в министерство авиации на цензуру. Меня удивило, что для радио была нацистская цензура, а для нас, газетных журналистов, нет, но мисс Траск пояснила, что это только в данный момент. Я приехал на студию за пятнадцать минут до назначенного срока, трясущийся, как старая курица. За пять минут до начала передачи прибыла мисс Траск со сценарием. Цензоры вырезали мои упоминания о возможном саботаже, хотя ранее я передал это в своем сообщении по телеграфу. Я так нервничал, когда начал говорить по радио, что мой голос прыгал то вверх, то вниз, а губы и горло пересохли, но после первой страницы испуг постепенно прошел. Боюсь, что диктор из меня никогда не выйдет, но я почувствовал облегчение, что не испытываю страха перед микрофоном, а ведь многие, я знаю, теряют перед ним дар речи.

Берлин, 10 мая

Закончил свой индийский роман, по крайней мере черновик. Большой груз с плеч.

Ни разу не видел на Вильгельмштрассе такого негодования, как сегодня. Все чиновники, которых я встречал, кипели от злости. Вчера испанские республиканцы удачно бомбили малый линкор "Дойчланд" у Ибицы, уничтожив, по словам немцев, около двадцати офицеров и матросов и ранив восемьдесят. Один осведомитель рассказывает, что Гитлер в бешенстве орет весь день и хочет объявить войну Испании. Армия и флот пытаются его удержать.

Берлин, 31 мая

Похоже, я сам готов вопить от злости. Сегодня немцы сделали нечто символическое. Они обстреляли со своих военных кораблей испанский город Алмерия в отместку за бомбардировку "Дойчланда". Таким образом, Гитлер взял свой жалкий реванш, и погибло еще несколько испанских женщин и детей. На Вильгельмштрассе объявили также, что Германия прекращает патрулирование у берегов Испании и переговоры о невмешательстве. Около десяти утра доктор Ашман созвал нас в министерстве иностранных дел, чтобы сообщить эти новости. Он сильно лицемерил. Я тоже рвался задать вопросы, но некоторые из них задали Эндерис и Лохнер. Возможно, сегодняшняя акция

положит конец фарсу с "невмешательством". Это трюк, с помощью которого Британия и Франция, по каким-то странным причинам, позволяют Гитлеру и Муссолини одерживать верх в Испании.

Берлин, 4 июня

Гельмут Гирш, еврейский юноша двадцати лет, который формально был американским гражданином, хотя никогда не был в Америке, казнен сегодня на рассвете. Посол Додд месяц боролся за то, чтобы спасти ему жизнь, но безрезультатно. Печальный случай, типичная трагедия этих дней. Он был обвинен наводящим на всех ужас "народным судом", судом инквизиции, введенным нацистами пару лет назад, в том, что намеревался убить Юлиуса Штрайхера, ярого антисемита из Нюрнберга. Что это был за суд, можно только догадываться, на нем не было ни американских, ни каких-либо других иностранных представителей. До этого я видел несколько судебных процессов, хотя большинство из них проходит при закрытых дверях, и знаю, что у человека практически нет никаких шансов, когда четыре из пяти судей - парни из нацистской партии (пятый судья обычный), которые делают то, чего от них ждут.

В действительности у нацистов было кое-что на несчастного Гирша. Его, студента Пражского университета, подстрекали на это дело то ли Отто Штрассер, то ли его последователи, то ли мнимые последователи в Праге. Среди "последователей" наверняка был агент гестапо, и Гирш с самого начала был обречен. Насколько я вспоминаю эту историю по разрозненным сведениям, Гирша снабдили чемоданом, наполненным бомбами, и револьвером и отправили в Германию убить кого-то. Наци заявляют, что Штрайхера. Сам Гирш, кажется, так и не признался - кого. Агент гестапо в Праге настучал людям Гиммлера, и Гирша с его чемоданом схватили, как только он вступил на землю Германии. Вполне возможно, как предполагает адвокат Гирша, что молодой человек просто доставлял оружие в Германию для кого-то, кто уже находился здесь и должен был выполнить задание, и что он даже не догадывался о содержимом своего багажа. Мы уже никогда этого не узнаем. Возможно, улики против него были просто сфабрикованы гестапо. Его арестовали, пытали и сегодня утром казнили. Утром я долго говорил с Доддом об этой истории. Он рассказал, что лично обращался к Гитлеру с просьбой смягчить приговор; и зачитал текст своего трогательного письма. Ответ Гитлера был резко отрицательным. Когда Додд попытался встретиться с Гитлером, чтобы получить разрешение самому выступить на суде, то получил категорический отказ.

Днем мне доставили от адвоката Гирша в Праге копию

последнего письма этого молодого человека. Он написал его в камере смертников и адресовал сестре, к которой, видно, был сильно привязан. Никогда за всю свою жизнь я не читал более мужественных слов. Ему только что сообщили, что его последняя апелляция отвергнута и никакой надежды больше нет. "Теперь я умру, - пишет он. - Пожалуйста, не бойся. Я не чувствую страха. Я чувствую облегчение после страдания от полной неизвестности". Он описывает в общих чертах свою жизнь и находит в ней смысл, несмотря на все ее ошибки и краткую продолжительность - "меньше двадцати одного года". Признаюсь, я заплакал, еще не закончив чтение. Он был мужественнее и порядочнее своих убийц.

Берлин, 15 июня

Вчера арестовали еще пятерых протестантских пасторов, включая пастора Якоби из большой Гедехтнискирхе. Теперь я едва ли буду в курсе церковной войны, потому что они арестовали и моего осведомителя, молодого пастора. Не хочу подвергать опасности жизнь еще одного человека.

Берлин, 21 июня

Блюм покинул Париж, и это конец Народного фронта. Любопытно, как такой умный человек, как Блюм, мог совершать такие грубые ошибки, как его политика невмешательства в дела Испании, ведь он тоже помог разрушить испанский Народный фронт.

Берлин, 5 июля

Австрийский посланник рассказывает, что новый британский посол сэр Невиль Гендерсон сказал Герингу, с которым он на дружеской ноге, что, по его, Гендерсона, мнению, Гитлер может присоединить Австрию. Меня потрясло, что Гендерсон весьма "про".

Обедали с Ником у Симпсонов, а затем отправились к нему домой, где к нам присоединились Джей Аллен и Кэрролл Биндер, заведующая внешнеполитическим отделом чикагской "Daily News". Мы болтали почти до двух. Джей сказала, что Биндер хотела поговорить со мной наедине, чтобы предложить работать на "News" (полковник Нокс в Берлине уже интересовался, не хочу ли перейти туда), но она ничего такого не сделала. Джей дала мне также визитную карточку Эда Марроу, который, по ее словам, связан с Си-би-эс, но у меня не будет времени встретиться с ним, так как завтра мы с Ником уезжаем в Солкомб, где Агнес и Тэсс уже устроились у Галлико. Оттуда мы с Тэсс отправимся во Францию, не заезжая в Лондон.

Париж, июль (без даты)

Ван Гог на Парижской выставке действительно стоил того,

что мы заплатили за вход. У нас было мало времени посмотреть что-нибудь еще. Встретили Бексона, шефа Юниверсал Сервис в Нью-Йорке. Он заверил меня, что слухи о закрытии Юниверсал не заслуживают внимания и что на самом деле впервые за период своего существования агентство получает прибыль. Итак, успокоенные насчет моей работы, мы отправляемся завтра на Ривьеру - немного позагорать и поплавать. Тэсс задержится там до осени, потому что - у нас будет ребенок!

Юниверсал Сервис все-таки обанкротилось. Херст сокращает свои расходы. Я собираюсь остаться здесь в INS, но в качестве второго лица, что мне не нравится.

Берлин, 16 августа

Норман Эббот из лондонской "Times", бесспорно, лучший корреспондент в Берлине, уехал сегодня вечером. Его выслали после аналогичной акции Великобритании, которая выдворила двух нацистских корреспондентов из Лондона. Нацисты воспользовались подходящим случаем, чтобы избавиться от человека, которого они всегда боялись и ненавидели за его всестороннюю осведомленность относительно их страны и их закулисных дел. "Times", которая пошла на поводу пронацистской клики Кливдена, никогда не оказывала Норману особой поддержки и печатала лишь половину того, что он писал, и, разумеется, оставляет в офисе его помощника Джимми Холберна. Мы устроили Норману грандиозные проводы на вокзале Шарлоттенбургер. На платформе собралось около пятидесяти корреспондентов из разных стран, несмотря на намек из официальных нацистских кругов, что наше присутствие там будет рассматриваться как недружественный акт по отношению к Германии! Забавно отметить корреспондентов, которые боялись показываться на виду, среди них два очень известных американских. Платформа была забита гестаповцами, которые записывали наши имена и фотографировали нас. Эббот ужасно нервничал, но его тронула наша искренняя, если не сказать неистовая, демонстрация прощания.

Берлин, август (без даты)

Сегодня вечером слегка расстроился. Я безработный. Около десяти часов вечера я потерял место. Сидел в своем офисе и писал сообщение, когда вошел курьер с телеграммой. Что-то такое было в его лице. Телеграмма была короткая, похожая на телетайпную ленту. Пришла из Нью-Йорка. В ней говорилось - ну, что-то о неспособности INS оставить всех прежних корреспондентов Юниверсал Сервис и об отправке обычного двухнедельного уведомления.

Кажется, я был даже ошеломлен. Думаю, от неожиданности.

Кто же это прошлой ночью - по-моему, один английский корреспондент - шутливо заметил, что плохо заводить ребенка в семье, потому что это неизменно совпадает с тем, что тебя выгоняют? Что ж, может, нам и не следовало бы заводить ребенка сейчас? Может, вообще нельзя иметь ребенка, если занимаешься таким делом? Может, права была та девушка-парижанка, сказавшая много лет назад: "Поместить ребенка в этот мир? Pas moi!"

Я закончил писать Сообщение (что с ним делать?) и, чтобы подышать воздухом, прогулялся вниз вдоль Шпрее за рейхстагом. Стояла прекрасная, теплая, звездная августовская ночь, и там, где река делает мягкий изгиб перед рейхстагом, я заметил проходивший мимо катер, заполненный шумными отдыхающими, возвращавшийся из поездки в Хавель. Никаких мыслей у меня не возникло, и я вернулся в офис.

На столе заметил телеграмму, которая пришла через десять минут после той, фатальной. Она была из Зальцбурга, очаровательного города с архитектурой в стиле барокко, куда я обычно ездил послушать Моцарта. На ней стояла подпись: "Марроу, Коламбия Бродкастинг". Си-би-эс! Я смутно помнил это имя, но не мог связать его с названием компании. "Не пообедаете ли со мной в "Адлоне" в пятницу вечером?" - говорилось в телеграмме. Я телеграфировал: "С удовольствием".

Работа у меня есть. Собираюсь трудиться на "Коламбия Бродкастинг Систем". Но это если...

И что это за если! С ума сойти. Я получаю работу, если с моим голосом все в порядке. В этом-то вся хитрость. Кто бы мог подумать, чтобы возможность получить хорошую интересную работу взрослому человеку без каких-либо претензий стать певцом или артистом так зависела от его голоса? А у меня он ужасный. Я в этом совершенно уверен. Но таково мое положение сегодня ночью.

Был тихий вечер. Я встретился с Эдвардом Р. Марроу, руководителем европейского отделения Си-би-эс, в вестибюле "Аддона" в семь часов. Когда я подошел к нему, меня поразило его красивое лицо. Я подумал: именно таким представляешь его себе, когда слышишь его голос по радио. Он пригласил меня на обед, я подумал, для того чтобы выведать у меня кое-какую информацию для радиопередачи, которую он должен вести из Берлина. Мы зашли в бар, и там в его разговоре я почувствовал что-то такое, что стало настраивать меня на дружеский лад. Что-то в его глазах, что было искренним, не голливудским. Мы сели. Заказали два мартини. Принесли коктейли. Я размышлял, зачем он меня позвал. У нас оказались общие друзья: Ферди Кун, Раймонд Грэм

Свинг... Поговорили о них. Стало ясно, что он пришел сюда не из-за радиопередачи.

"Вы должны прийти поплавать со мной на яхте завтра или в воскресенье", - сказал я.

"Отлично. С удовольствием".

Официант забрал пустые стаканы из-под коктейля и положил перед каждым меню.

"Одну минуту, - прервал меня Марроу, - прежде чем сделать заказ, мне надо высказать кое-какие соображения".

Вот как все произошло. Он сказал, что у него есть кое-какие соображения. Он сказал, что подыскивает человека с опытом работы в качестве зарубежного корреспондента для того, чтобы открыть офис Си-би-эс на континенте. Из Лондона он не может охватить всю Европу. Мне стало легче, хотя я ничего и не говорил.

"Вам это интересно?" - спросил он.

"Да, конечно", - ответил я, пытаясь сдерживать свои чувства.

"Сколько вы зарабатывали?"

Я сказал.

"Хорошо. Мы будем платить вам столько же".

"Отлично", - сказал я.

"Дело сделано", - произнес он и потянулся за меню. Мы заказали обед. Говорили об Америке, Европе, музыке, которую он только что слушал в Зальцбурге. Выпили кофе. Выпили бренди. Было уже поздно.

"Ах, я забыл сказать про одну маленькую деталь, - вспомнил он. Голос..."

"Что?"

"Ваш голос".

"Плохой, как видите", - сказал я.

"Может быть, и нет. Но, видите ли, для радиовещания это очень важно. И наши члены правления и многочисленные вице-президенты захотят услышать в первую очередь ваш голос. Мы организуем передачу. Вы проведете беседу, скажем, о приближающемся партийном съезде. Я уверен, все отлично получится".

И мое "судное" радиовыступление выпало на выходной. Перед самым началом я очень нервничал, думая о том, что поставлено на карту, и о том, что все зависит от того, что сделают с моим голосом маленький глупый микрофон, усилитель и эфир между Берлином и Нью-Йорком. Не переставал также думать обо всех этих вице-президентах Си-би-эс, неодобрительно хмыкающих по поводу услышанного. Сначала все шло не так. За пятнадцать минут до выхода в эфир Клэр Траск обнаружила, что оставила сценарий своего вступительного слова в кафе, где мы встречались. Она как сумасшедшая вылетела из студии и вернулась за пять минут до начала. В последнюю минуту микрофон, который был, видимо, установлен для человека не менее восьми футов роста, не хотел опускаться. "Он застрял, майн герр", - сказал немец-инженер. И посоветовал мне задрать голову к потолку. Я попытался, но в таком положении мои голосовые связки оказались настолько зажатыми, что, когда я начинал говорить, получался писк.

"Одна минута до эфира", - прокричал инженер.

"Не могу я с этим микрофоном", - запротестовал я.

В углу за микрофоном я заметил несколько ящиков. У меня появилась идея.

"Поставьте меня на эти ящики, пожалуйста".

И через секунду я оказался верхом на ящиках, с красиво свисающими ногами и губами как раз на уровне микрофона. Все смеялись.

"Тихо", - закричал инженер, показывая нам на красную лампочку. Больше у меня не было времени волноваться.

И теперь я должен ждать вердикта. А пока отправляюсь вечером в Нюрнберг освещать партийный съезд - Уебб Миллер и Фред Экснер очень настаивают, чтобы я им там помогал. Это и лучше - отвлечься на несколько дней, пока я в ожидании. Написал Тэсс, что, возможно, мы не будем страдать от голода.

Нюрнберг, 11 сентября

Прошла неделя, и ни звука от Марроу. Видимо, мой голос был чересчур мерзким. Берчэлл из нью-йоркской "Times" поговаривает о том, чтобы дать мне работу, но платить много не будет. Послезавтра возвращаюсь в Берлин.

Нюрнберг, 13 сентября

Позвонил Марроу и сказал, что меня берут. Начинаю работать с 1 октября. Телеграфировал Тэсс. Вечером немного отметили, боюсь, очень крепким местным франконским вином. Здесь был Прентисс Гилберт, советник нашего посольства, первый американский дипломат, присутствовавший на съезде нацистской партии. Посол Додц, который сейчас находится в Америке, очень этого не одобряет, но Прентисс, мировой парень, говорит, что его втянули в это Гендерсон, пронацистски настроенный британский посол, и Понсе, который раньше был "про", но теперь уже нет. Съезд в этом году проходит более вяло, и многие спрашивают, не снижает ли Гитлер активность. Я на это надеюсь. Была здесь Констанс Пекхэм, красивая молодая леди из журнала "Time". Она считает, что мы, ветераны, слишком пресытились этим партийным шоу, которое, кажется, произвело на нее грандиозное впечатление. Этой ночью много хорошо говорили и пили с ней, Джимми Холберном и Джорджем Киддом. Наверное, так и надо было начать и закончить мою временную газетную работу в Германии в таком сумасшедшем доме, каким был этот съезд. Три года. Они быстро пролетели. Германия достигла успеха. Что-то будет на радио?

Берлин, 27 сентября

Вернулась Тэсс, чувствует себя хорошо, и мы пакуем чемоданы. Должны организовать нашу штаб-квартиру в Вене,

нейтральной и расположенной в центре Европы, откуда я буду вести работу. Большинство наших старых друзей уехали Гунтеры, Уит Бернеттсы, но в нашем деле всегда так. На следующей неделе едем в Лондон, потом в Париж, Женеву и Рим, чтобы встретиться с людьми, работающими на радио, возобновить контакты с редакциями газет, а в Риме выяснить, правду ли говорят, что папа умирает. Мы рады, что покидаем Берлин.

Если подвести итоги этих трех лет, то лично для нас они не были несчастливыми, хотя тень нацистского фанатизма, садизма, преследования, строгой регламентации жизни, террора, жестокости, подавления, милитаризма и подготовки к войне висела над нами, как темное, окутывающее облако, которое никогда не уходит. Нам часто приходилось отделять себя от всего остального. Мы нашли три убежища: мы сами и наши книги; "иностранная колония", небольшая, ограниченная, в каком-то смысле тесная, но состоящая из нормальных людей, наших друзей - супругов Варне, Робсон, Эббот, Додд, Дьюэл, Экснер, Гордона Янга, Дага Миллера, Зигрид Шульц, Левериха, Джейка Бима и других; третье - это леса и озера вокруг Берлина, где, забыв обо всем, можно было побегать и поиграть, походить под парусом и искупаться. Театр оставался приятным времяпрепровождением, когда ставил классику или донацистские пьесы, а опера и симфонический оркестр филармонии, несмотря на очищение от евреев и годичную муштру Фюртвенглера (который теперь заключил мир с Сатаной), подарили нам самую лучшую музыку, какую мы только слушали за пределами Нью-Йорка и Вены. Что касается меня, то меня вдохновляло то, что мне представился случай писать летопись этой великой страны, охваченной каким-то дьявольским брожением.

Так или иначе, я чувствую, что, несмотря на нашу репортерскую работу, и здесь, в Германии, и за ее пределами слабо представляют, что такое Третий рейх, чего достиг, к чему идет. Это сложная картина, и, возможно, мы сделали лишь несколько сильных произвольных мазков кистью, оставив фон таким же неясным и не отражающим смысла, как у раннего Пикассо. Конечно же англичане и французы не имеют представления о гитлеровской Германии, Возможно, нацисты правы, когда говорят, что западные демократии теперь слабые, что они разлагаются и достигли той стадии упадка, которую предсказывал Шпенглер. Но Шпенглер не отделял Германию от европейского упадка, и, разумеется, возврат нацистов к древним, примитивным мифам - это признак ее регрессии, так же как и сжигание книг, подавление свободы и стремления к знаниям.

Но Германия сильнее, чем представляют ее враги. Это правда,

что страна бедна сырьевыми ресурсами и имеет слабое сельское хозяйство, но она компенсирует эту бедность пробивной энергией, жестким государственным планированием, целенаправленностью усилий и созданием мощной военной машины, с помощью которой она сможет вернуть свой воинственный дух. Правда и то, что прошедшей зимой мы видели длинные очереди угрюмых людей перед продуктовыми магазинами, правда, что не хватает мяса, масла, фруктов и жиров, что костюмы мужчин и платья женщин сделаны из целлюлозного сырья, бензин - из угля, резина - из угля и извести, что нет ни золотого, ни какого-либо другого покрытия для рейхсмарки и для жизненно важного импорта. Конечно, снизилась активность рынков, по крайней мере большинства из них, и в наших сообщениях мы информировали об этом.

Гораздо сложнее было показать источники ее роста, сообщить о лихорадочных усилиях, направленных на то, чтобы сделать Германию самодостаточной, в соответствии с четырехлетним планом, который вовсе не шутка, а очень серьезный военный план, объяснить, что большинство немцев, несмотря на неприязнь многих к нацистам, поддерживают Гитлера и верят ему. Непросто выразить словами динамику этого движения, скрытые пружины воздействия на немцев, безжалостность далекоидущих идей Гитлера или даже сложность коренной перестройки, в ходе которой страна мобилизует свои силы для тотальной войны (хотя Людендорф уже написал по ней учебник).

Многое из того, что происходит и будет происходить, внешний мир мог бы узнать из "Майн кампф", одновременно Библии и Корана Третьего рейха. Но удивительно, нет ни одного перевода этой книги на английский или французский языки, и Гитлер не позволит его сделать, что вполне понятно, потому что многих на Западе эта книга бы шокировала. Скольким благоденствующим визитерам я говорил, что цель нацистов - господство! Они смеялись. Но Гитлер открыто это признает. В "Майн кампф" он говорит: "Государство, которое в эпоху расового загрязнения посвящает себя культивированию своих самых лучших расовых элементов, должно однажды стать хозяином на земле... Все мы понимаем, что в далеком будущем человечество может столкнуться с трудностями, которые сможет преодолеть только высшая господствующая раса, поддерживаемая средствами и ресурсами всего мира".

Когда появляются заезжие специалисты по тушению пожаров из Лондона, Парижа и Нью-Йорка, Гитлер болтает только о мире. Разве он не был в окопах минувшей войны? Он знает, что такое война. Он никогда не станет обрекать на это человечество. Мир?

Читайте "Майн кампф", братья. Прочтите вот это: "Конечно, идея пацифизма и гуманизма, возможно, очень хороша, но только тогда, когда человек высочайшего образца предварительно завоюет и подчинит мир в такой степени, что это сделает его единственным хозяином земли... Поэтому сначала - борьба, а потом посмотрим, что можно сделать... Потому что угнетенные страны нельзя вернуть в лоно единого рейха пламенными протестами, а только могущественным мечом... Каждому должно быть абсолютно ясно, что утерянные земли можно возвратить не с помощью молитв к любимому Богу или благочестивых надежд на Лигу Наций, а только с помощью силы и оружия... Мы должны перейти к активной политике и броситься в последний и решительный бой с Францией..."

Франция будет полностью уничтожена, говорит Гитлер, а затем начнется великое наступление на восток.

Мир, братья? Знаете ли вы, как высказалась "Deutsche Wehr", которая выступает за милитаризацию этой страны, два года назад? "Любая деятельность человека или общества оправдана только в том случае, если она способствует подготовке к войне. Сознанием нового человека полностью овладела идея войны. Он не должен и не может думать о чем-нибудь еще".

И как это будет? Опять же цитата из "Deutsche Wehr": "Тотальная война означает полное и окончательное исчезновение побежденных с исторической сцены!"

Вот, согласно Гитлеру, каков путь Германии. Нагрузка на жизнь человека и экономическую систему государства уже огромна. И та и другая могут не выдержать. Но молодежь, управляемая СС, фанатична. Так же как и средний класс, "старые вояки", которые раньше дрались за Гитлера на улицах, а теперь получили в награду хорошую работу, полномочия, власть, деньги. Банкиры и промышленники уже не с тем энтузиазмом, какой у них был, когда я приехал в Германию, но тоже его поддерживают. Они вынуждены. Либо так, либо концентрационный лагерь. Рабочие тоже. В конце концов, шесть миллионов из них вновь получили работу, и они тоже начинают понимать, что Германия достигает успехов, и они вместе с ней.

Этой осенью 1937 года я покидаю Германию со словами нацистского марша, до сих пор звенящего у меня в ушах:

Сегодня нам принадлежит Германия, Завтра - весь мир.

Лондон, 7 октября

Марроу отличный парень, с ним здорово будет работать. Разочаровывает только одно: мы с Марроу, видимо, не будем сами вести радиопередачи. В Нью-Йорке хотят, чтобы мы наняли для этого газетных корреспондентов. Мы только организовываем

радиовещание. Так как я знаю о Европе не меньше, чем большинство газетных журналистов, и гораздо больше, чем многие молодые, то не понимаю, в чем тут дело.

Париж, 12 октября

Ужинал с Бланш Кнопф. Она убеждала меня заняться доработкой индийского романа.

Женева, 15 октября

Дует биза (резкий ветер с Альп), и появляется что-то унылое и печальное в этом городе.

Рим, 18 октября

Сегодня видел папу, и он показался мне весьма бодрым для человека, про которого говорят, что он одной ногой в могиле. Фрэнк Джервази взял меня на аудиенцию в Кастель-Гондольфо, летнюю резиденцию папы. Папа принимал делегацию австрийских мэров, что было приятно для меня, потому что он говорил по-немецки и я мог его понимать. Энергия из него бьет ключом. Провел тщательную подготовку для радиорепортажа на случай смерти папы (впервые за всю историю радио будет иметь возможность освещать это событие). Но я не стал нанимать монсеньора Пуччи, пронырливую колоритную личность, который работает на всех журналистов и на все посольства в городе.

Мюнхен, октябрь (без даты)

Примчался сюда, чтобы познакомиться с герцогом Виндзорским. Получил инструкции не отходить от него ни на шаг, сопровождать в Америку и там организовать для него выступление по радио. Он совершал поездку по Германии с целью изучить "условия труда" в сопровождении настоящего фашистского головореза доктора Лея. Сегодня первый раз увидел миссис Симпсон, и она показалась мне довольно милой и привлекательной. Рэндолф Черчилль, похожий на своего отца, но иначе мыслящий, по крайней мере пока, оказался наиболее полезным. Надо же было такому случиться, что герцог приехал со своей миссией в Германию и как раз перед его отъездом в Америку здесь разогнали профсоюзы. Он оказался плохим советчиком.

Брюссель, 11 ноября

Сегодня День перемирия, положившего конец последней мировой войне, холодный, мрачный, с моросящим дождем, но не более мрачный, чем перспективы проходящей здесь конференции девяти держав. Цель ее - попробовать разобраться с войной Японии в Китае. Это фактически мое первое задание на радиовещании, и не очень простое. Положился, или полагаюсь, на Нормана Дэвиса, Веллингтона Ку, который мне очень нравится, и на других делегатов. Литвинов отказывается выступать по радио

и, кажется, встревожен новостями из Москвы об аресте ОГПУ его личного секретаря. Идеи тоже уклоняется. Глупая эта установка Си-би-эс, что я не должен сам делать никаких сообщений, а нанимать кого-то. Поговорить о печальной ситуации в мире здесь можно с Эдгаром Маурером, Бобом Пеллом, Чипом Боленом, Джоном Эллиотом и Верноном Бартлеттом. Провел приятный вечер с Энн и Марком Зомерхаузен, она прелестная и сверкающая как всегда, он спокойнее и очень занят в парламенте, где представляет социал-демократов. Пока конференция девяти держав - чудовищный фарс.

Вена, 25 декабря

Днем отметили Рождество с четой Биллей, Джон - наш временный поверенный в делах здесь. Там были, как всегда, Уолтер Дьюрэнти, чета Фоудор и т. д. Чип Болен, приехав из русского посольства, забежал ко мне на студию Австрийской радиовещательной компании, чтобы помочь провести рождественскую радиопередачу с молодежью американской колонии. Детсадовская работа, из тех, что я не люблю, так как меня гораздо больше интересует современная политическая ситуация.

Мы прекрасно устроились в апартаментах на Плесслъглассе, рядом с дворцом Ротшильда. Хозяева, евреи, для большей безопасности переехали в Чехословакию, хотя здесь Шушниг, кажется, полностью контролирует ситуацию. Но Вена ужасно бедна и подавлена, по сравнению с нашим последним в ней пребыванием с 1929-го по 1932 год. Рабочие угрюмы, даже те, у кого есть работа, и на каждом углу можно видеть нищих. Немногие имеют деньги и тратят их в ночных клубах и немногочисленных фешенебельных ресторанах, таких, как "Три гусара" и "Ам Францискаренплац". Контраст болезненный, и существующий режим не устраивает народные массы, которые намереваются либо вернуться в свою старую социалистическую партию, которая действует в подполье, либо перейти на сторону нацизма. Большая ошибка этой клерикальной диктатуры отсутствие социальной программы. Гитлер и Муссолини не сделали такой ошибки. И все-таки продуктов питания здесь больше, чем в Германии, и диктатура мягче - вот она, разница между пруссаками и австрийцами! После Парижа это второй город, в который даже теперь я влюблен больше, чем в любой другой город Европы: уютность, обаяние и интеллигентность его жителей, барочная архитектура, хороший вкус, любовь к искусству и к жизни, мягкий акцент и очень спокойная атмосфера в целом. Здесь довольно сильно проявляется антисемитизм, что очень даже на руку нацистам, но

он был здесь всегда - еще со времен мэра Карла Люгера, первого наставника Гитлера в этом вопросе, когда его свергли и он разочаровался в этом городе. Подолгу и интересно беседовал с Дьюрэнти, он несколько месяцев живет здесь; с четой Фоудор, она - мила, как и прежде, он - ходячая энциклопедия по Центральной Европе и щедро делится всем, что знает; Эмилом Ваднаи из нью-йоркской "Times", это венгр, обладающий невероятным шармом, знаниями и интеллектом. На днях Дьюрэнти вел передачу, хотя в Нью-Йорке боялись, что у него чересчур высокий голос. В тот же вечер из Чикаго пришла телеграмма: "...ваш чистый, похожий на колокольчик голос...", подписана Мэри Гарден, которую он якобы должен знать.

Мы ждем беби, теперь уже через семь недель, а пока спорим по поводу имени.

События в Берлине. Сегодняшние газеты сообщают, что Бломберг и Фрич, два человека, которые создали германскую армию, уволены. Гитлер сам стал чем-то вроде верховного главнокомандующего, взяв на себя полномочия министра обороны. Появляются два новых генерала: Вильгельм Кейтель в качестве начальника штаба верховного командования и Вальтер Браухич в качестве главнокомандующего сухопутных войск вместо Фрича. Риббентроп заменил Нейрата на посту министра иностранных дел. Шахт уволен, вместо него Вальтер Функ. Геринга - странно! - сделали фельдмаршалом. Что за всем этим стоит? Заседание рейхстага, которое было назначено на 30 января, а затем отложено, должно состояться 20 февраля. Тогда мы, возможно, все узнаем.

1938

Вена, 7 февраля

Фоудор рассказал мне странную историю. Он говорит, что на днях австрийская полиция устроила налет на штаб-квартиру нацистов на Тайнфальтштрассе и нашла там план нового путча, составленный Рудольфом Гессом, помощником Гитлера. Идея состояла в том, рассказывает Фоудор, чтобы организовать бесчинства перед германским посольством на Меттернихштрассе, заставить кого-нибудь стрелять в Палена и германского военного атташе и таким образом дать Гитлеру повод для того, чтобы вступить в Австрию.

Вена, 13 февраля

В эти выходные здесь большая напряженность. Шушниг провел секретное совещание с Гитлером в Берхтесгадене, но мы не знаем, что произошло. Произошло ужасное. Позавчера мы выяснили про ситуацию в Берхтесгадене. Гитлер обвел Шушнига вокруг пальца, потребовав, чтобы он назначил нескольких наци во

главе с Зейсс-Инквартом в кабинет министров, амнистировал всех нацистских заключенных и восстановил политические права для нацистской партии. Иначе - вторжение рейхсвера. Президент Миклас, кажется, заартачился. Тогда Гитлер прислал ультиматум: либо выполняйте условия "договора" в Берхтесгадене, либо рейхсвер выступает. Сегодня вскоре после полуночи Шушниг и Миклас сдались. Объявлен состав нового кабинета (Зейсс-Инкварт занимает ключевой пост министра внутренних дел) и амнистия для всех нацистов. Когда я встретил Дугласа Рида, он был так возмущен, что едва мог говорить. Он передал лондонской "Times" полный отчет о том, что произошло в Берхтесгадене. Возможно, это принесет какие-нибудь плоды. Вечером я забежал в наше представительство. Джон Биллей мерил шагами пол.

"Это конец Австрии", - подумал я.

Вена, 20 февраля

В воскресенье днем мы с Тэсс и Эдом Тейлором сидели мрачные у радиоприемника и слушали угрозы Гитлера, которые он произносил в Берлине перед рейхстагом. Сегодня он обнародовал свою теорию относительно того, что Германия сама защитит десять миллионов немцев, живущих за пределами Третьего рейха, - подразумевая, хотя он так не сказал, семь миллионов в Австрии и три миллиона судетских немцев в Чехословакии. Он даже провозгласил их право на "расовое самоопределение". Вот его слова: "Не должно быть сомнений в одном. Политическое отделение от рейха не может привести к лишению прав, то есть всеобщих прав на самоопределение. В конце концов, невыносимо для мировой державы знать, что рядом с ней живут собратья по национальности, которые постоянно обречены на тяжелейшие страдания за свои симпатии или свое согласие со всей нацией, ее судьбой и ее мировоззрением. В интересах Германии рейху подобает защищать этих немцев, которые не в состоянии из-за наличия границ между нами обеспечить свою политическую и духовную свободу собственными силами".

Позднее. Из Нью-Йорка передали по радио, что Идеи ушел в отставку. Такое впечатление, что чуть ли не по распоряжению Гитлера, который отметил его нападки в своей сегодняшней речи. На Бальхаузплац серьезно обеспокоены.

Вена, 22 февраля

Время родов пришло, но ребенок еще не появился. Мне придется уехать сегодня вечером на радиопередачу из Софии. Не повезет, если пропущу это событие, но может быть, вернусь вовремя.

Вена, 26 февраля

Когда я в четыре часа дня сошел с поезда, на платформе стоял Эд Тэйлор, и по его лицу я понял, что это произошло.

"Поздравляю!" - сказал он, но я видел, что он заставляет себя улыбаться.

"А Тэсс?"

Он был в нерешительности. "Боюсь, ей пришлось нелегко. Кесарево сечение. Но сейчас ей лучше".

Я попросил таксиста быстрее ехать в больницу.

"Ты не хочешь узнать, кто родился?" - спросил Эд.

"Кто?"

"Девочка", - ответил он.

Несколько минут спустя я увидел прелестную девочку, не бесцветную и сморщенную, как в книгах, а светлокожую, хорошо сформировавшуюся, с кучей погремушек, но ее рождение чуть не стоило жизни ее матери. Операцию сделали вовремя, сегодня рано утром.

"Опасность миновала. Ваша жена поправится. А ребенок замечательный", сказал доктор. Он, казалось, был слегка возмущен тем, что я появился так поздно.

Я так сильно взволнован, боюсь, не усну.

Вена, 2 марта

Тэсс и ребенок чувствуют себя отлично во всех отношениях. Я провожу большую часть времени в больнице. Напряженность в Вене растет с каждым днем. Знаю, что Шушниг ведет сейчас переговоры с рабочими, которых его коллега Дольфус так хладнокровно расстреливал четыре года назад. Они просят немногого, но переговоры с такими тупыми реакционерами продвигаются медленно. Пока рабочие просят то, что, несомненно, могут сейчас получить, у Шушнига, а не у нацистов. Чувствую себя слегка не у дел - нахожусь в гуще событий, но не веду актуальных репортажей. Странное радио, которому не нужны сообщения из первых рук. Но Нью-Йорк ни о чем не просит, его заботит главным образом образовательная передача, которую я через несколько дней должен сделать из Любляны - школьный хор или что-то в этом роде! Вчера Геринг произнес приятную доброжелательную речь, если верить местной прессе. Он сказал: "Мы (военно-воздушные силы Германии) станем ужасом для наших врагов... В этой армии мне нужны железные люди, жаждущие действия... С того момента, когда Гитлер в своей речи перед рейхстагом заявил, что мы больше не станем терпеть подавления десяти миллионов немецких товарищей, живущих за нашими границами, вы, как солдаты военно-воздушных сил, знаете, что, если понадобится, вам придется подкреплять делом эти слова фюрера. Мы горим желанием доказать нашу

непобедимость".

Любляна, Югославия, 10 марта

Вот он, город, который может пристыдить весь мир. Он полон памятников, и среди них нет ни одного памятника воину. Только поэты и мыслители удостоены такой чести. Подготовил выступление хора шахтерских детей для трансляции в программе Колумбийской школы. Пели они великолепно, как уэльские шахтеры. После всего, в ожидании венского поезда, выпил много хорошего словенского вина с местными священниками, в Словении очень силен католицизм. За два дня, что провел здесь, не имел никаких новостей о том, что происходит в мире.

Вена, 11-12 марта (4 часа утра)

Произошло самое худшее! Шушнига нет. Есть нацисты. Рейхсвер вторгается в Австрию. Гитлер нарушил дюжину торжественных обещаний, обетов, договоров. И Австрии конец. Прекрасной, трагической, цивилизованной Австрии! Кончилась. Скоропостижно скончалась сегодня днем. Сегодня днем. Уснуть невозможно, поэтому буду писать. Должен что-то писать. Нацисты не разрешат мне выйти в эфир. И я сижу сейчас над самым большим репортажем в моей жизни. Радиопередатчик здесь только у меня. Макс Джордан из Эн-би-си, мой единственный конкурент, еще не приехал. Однако вещать я не могу. Нацисты глушили меня всю ночь. Я спорил, жаловался, боролся. Час назад они выгнали меня штыками.

Начну с самого начала этого кошмарного дня, если смогу.

Выглянуло солнце и в воздухе ощущалась весна, когда мой поезд в восемь утра подошел к Южному вокзалу. У меня было отличное настроение. Проезжая по Плесльгассе, я заметил, что улицы замусорены бумагой. Сверху два самолета разбрасывали листовки.

"Что это?" - спросил я таксиста.

"Плебисцит".

"Какой плебисцит?"

"Который назначил Шушниг".

Он не доверял мне и больше ничего не сказал.

Озадаченный, я поднялся по лестнице в нашу квартиру. Спросил у служанки. Она принесла стопку газет за последние три дня. За завтраком я набросился на новости. Ночью в среду (9 марта) Шушниг, выступая в Инсбруке, неожиданно назначил плебисцит. На это воскресенье. Вопрос: "Вы за независимую, дружественную, христианскую, германскую, объединенную Австрию? Да или нет".

Позавтракав, я заторопился в больницу. Тэсс чувствовала себя не очень хорошо. Хуже того, доктор опасался возникновения

флебита в левой ноге. Тромба. Одно страшней другого. Я пробыл у нее часа два, пока она не задремала. Около одиннадцати поймал такси и поехал в кафе "Шварценберг" на Шварценбергплац узнать, что происходит. Там сидели Фоудор, Тэйлор и несколько австрийских журналистов. Они были в некотором напряжении, но полны надежд. Они считали, что плебисцит пройдет мирно. И Шушниг, при поддержке рабочих, выиграет без всяких усилий. Это сдержит Гитлера на какое-то время. Мне стало легче. Кто-то включил радио. Диктор читал официальное объявление о призыве лиц 1915 года рождения на срочную службу. Мы решили, что это просто для того, чтобы обеспечить проведение голосования. Одного из австрийцев позвали к телефону. Вернувшись, он сказал что-то о нацистах, только что побивших окна в представительствах монархистов на Штефанплац. Сейчас вспоминаю, что неизвестно почему все засмеялись. Я думал позвонить полковнику Вольфу, с которым вел переговоры по поводу радиопередачи с Отто Габсбургом. Но не позвонил.

Незадолго до четырех отправился в больницу, чтобы узнать, не лучше ли Тэсс. Пересекая Карлсплац, чтобы попасть в метро, был остановлен толпой примерно из тысячи человек. Это были нацисты, и все выглядело немного комично. Один-единственный полицейский кричал на них и яростно жестикулировал. И они отступали! "Если это все, на что способны нацисты, то Шушниг легко победит, - подумал я. - И он вооружает рабочих. Уж они-то позаботятся о нацистских бандитах". И поспешил к поезду.

Около шести, возвращаясь из больницы, я вынырнул из метро на Карлсплац. Что произошло? Кое-что. Пока я понял это, меня несло в толпе истерично орущих нацистов мимо Кольца, мимо Оперы, вверх по Кернтнерштрассе к германскому "туристическому" бюро, которое уже несколько месяцев служило нацистским храмом, и на нем висел украшенный цветами портрет Гитлера. Эти лица! Я видел такие раньше в Нюрнберге - глаза фанатиков, широко разинутые рты, истерия. И сейчас они кричали, как сектанты-изуверы: "Зиг хайль! Зиг хайль! Зиг хайль! Хайль Гитлер! Хайль Гитлер! Хайль Гитлер! Шушнига повесить! Шушнига повесить! Шушнига повесить! Один народ, один рейх, один фюрер!" А полицейские! Они смотрели на это, широко улыбаясь. Что же произошло? Я все еще был в неведении. Прокричал свой вопрос в уши троих или четверых втиснувшихся передо мной. Не отвечают. Не могут расслышать. Наконец одна женщина средних лет, кажется, поняла меня. "Плебисцит отменен!" прокричала она.

Больше выяснять было нечего. Это означало конец Австрии. Я

выбрался из толпы кружащихся дервишей и пошел вниз по Кольцу к отелю "Бристоль". Тэйлор был там. Он представил меня своей жене, Врени, приятной брюнетке интеллигентного вида, которая только что приехала. Подтвердил новости. Сказал, что об этом объявили час назад по радио. Мы поехали на такси в американское консульство. Джон Биллей стоял у стола, постукивая своим неимоверно длинным мундштуком, со странной улыбкой на лице - улыбкой человека, который только что потерпел поражение и знает это.

"Все кончено, - произнес он тихо. - Был ультиматум из Берлина. Никакого плебисцита, иначе войдет германская армия. Шушниг капитулировал. Все остальное вы услышите вскоре по радио, не уходите".

Я отправился заказывать разговор с Марроу, который находится в Варшаве. Выйдя из консульства, наткнулся на Гедди, сильно взволнованного. Дома, пока я заказывал разговор с Эдом, по радио нежно наигрывали венский вальс. Было мерзко, оттого что он звучал. Внезапно музыка прервалась. "Внимание! Внимание! - произнес голос диктора. - Через несколько минут вы услышите важное сообщение". Затем - тиканье метронома, отличительный знак пустоты. Он сводит с ума. Тик... тик... тик... тик. Я убавил звук. Затем голос Шушнига, - я узнал его, - без всякого вступления.

"Сегодняшний день поставил нас в трагическое и очевидное положение. Я должен подробно изложить моим соотечественникам австрийцам события этого дня.

Сегодня правительство Германии вручило президенту Микласу ультиматум, приказывающий ему в короткий срок объявить канцлером лицо, назначенное правительством Германии, и сформировать кабинет министров в соответствии с указаниями правительства Германии. В противном случае в Австрию войдут германские войска.

Я объявил всему миру, что распространенные в Германии сообщения о беспорядках, устроенных рабочими, льющихся потоках крови и выходе ситуации из-под контроля австрийского правительства есть ложь от "а" до "я". Президент Миклас попросил меня сказать народу Австрии, что мы уступаем силе, потому что не готовы даже в такой страшной ситуации проливать кровь. Мы решили отдать приказ войскам не оказывать сопротивления.

Поэтому я прощаюсь с австрийцами с немецкой молитвой, идущей из самого сердца: Боже, храни Австрию".

К концу речи чувствуется, что голос его вот-вот сорвется, что раздастся рыдание. Но он все-таки сдерживает слезы. Секунда молчания. А затем звучит со старой пластинки национальный

гимн. Это мелодия "Deutschland uber Alles", только в оригинальной и слегка отличной от первоначальной версии, написанной Гайдном. Вот и все. Это конец.

Остаток вечера? Чуть позже скрипучий голос Иуды. Что-то говорит доктор Зейсс-Инкварт, говорит, что он считает себя ответственным за приказ, говорит, что австрийская армия не будет оказывать сопротивления. О вторжении Германии мы слышим впервые. Шушниг говорит, что ультиматум требует капитуляции, в противном случае - вторжение. Теперь Гитлер нарушил даже условия своего собственного ультиматума.

Не могу застать Эда в Варшаве; В отеле все время отвечают, что его нет. Еще рано. Позвонил на австрийское радиовещание по поводу моей передачи. Никто не отвечает. Пошел в центр города. На Карлсплац огромная толпа. Кто-то громко произносит речь со ступенек Карлскирхе. "Гесс и Беркель", - шепчет стоящий рядом штурмовик. От его формы несет нафталином. "Гесс и Беркель. Это они там". Но мне не удается подойти ближе, чтобы посмотреть.

Я выбирался из толпы по направлению к Кернтнерштрассе. На всем пути толпы народа. Теперь поющего. Поют нацистские песни. Вокруг стоят немногочисленные добродушно настроенные полицейские. Что это у них на руке? Повязка с красно-черно-белой свастикой! Значит, они тоже переметнулись! Я прокладывал себе путь вверх по Кернтнерштрассе по направлению к Грабен. Молодые хулиганы бросали булыжники в окна еврейских магазинов. Толпа ревела от восторга.

Наверху в кафе "Лувр" сидит Боб Бест из UP - за тем же самым столиком, который он занимает каждый вечер в течение последних десяти лет. Вокруг него толпа иностранных корреспондентов: мужчины и женщины, американцы, англичане, венгры, сербы. Все, кроме Беста, в состоянии крайнего возбуждения, каждые пять минут бегают к телефону, чтобы передать или узнать какие-нибудь новости. Слухи самые фантастические. Боб перечитывает мне свои сообщения. Его позвали к телефону. Он возвращается. Шушниг вновь назначен канцлером, а наци ушли, говорит он. Он оптимист, еще не все кончено. Несколько минут спустя; сообщение ложное. Нацисты захватили власть на Бальхаузплац. Мы мчимся на Бальхаузплац, Бальхаузплац Меттерниха... Венский конгресс... Перед зданием двадцать штурмовиков стоят друг на друге, образовав человеческую пирамиду. Маленький парнишка быстро карабкается на ее вершину, сжимая в руке огромный флаг со свастикой. Он подтягивается на балкон, тот самый, на котором четыре года назад мэр Фей, объявленный нацистами преступником после убийства Дольфуса, вел переговоры с

людьми Шушнига. Мальчишка размахивает флагом с балкона, и площадь оглашается приветствиями.

Возвращаюсь в "Лувр". Там Марта Фоудор старается сдержать слезы и каждые несколько минут сообщает Фоудору новости по телефону. Эмиль Маас, мой бывший помощник, американец австрийского происхождения, который долгое время изображал из себя антифашиста, подходит с важным видом и останавливается у нашего столика. "Ну, дамы и господа, - ухмыляется он, - время пришло". Он отворачивает лацкан своего пальто, откалывает спрятанный там значок со свастикой и прикалывает его с внешней стороны над петлей для пуговицы. Две-три женщины пронзительно кричат ему: "Позор!" Майор Гольдшмидт, легитимист, католик, но наполовину еврей, который до сих пор спокойно сидел за столиком, встает. "Я иду домой за револьвером", - произносит он. В это время кто-то врывается. Зейсс-Инкварт формирует нацистское правительство. Время чуть больше одиннадцати. Пора идти в Дом радио.

В Нью-Йорке пять утра.

На Иоханнесгассе, перед зданием радиостудии, стоят охранники в серой полевой форме со штыками на изготовку. Объясняю, кто я. После долгого ожидания мне разрешают войти. В вестибюле и коридоре полно молодых людей в армейской форме, в форме СС и СА, угрожающе размахивающих револьверами и поигрывающих штыками. Два-три раза меня останавливают, но, набравшись смелости, я рявкаю на них и прохожу в главный холл, вокруг которого расположены студии. Чежа, генеральный директор студии, и Эрих Кунсти, директор программ, старые друзья, стоят посередине комнаты в окружении возбужденно разговаривающих фашистских юнцов. Хватает одного взгляда, чтобы понять, что они арестованы. Мне -удается перекинуться словом с Кунсти.

"Когда я смогу выйти в эфир?" - спрашиваю я.

Он пожимает плечами. "Меня здесь нет", - смеется он. Но, во всяком случае, подзывает парня с изуродованным шрамами лицом, видно старшего, Я объясняю, что мне нужно. Никакой реакции. Я повторяю. Он не понимает.

"Разрешите мне поговорить с вашим начальством в Берлине, - прошу я. - Я с ними знаком. Они захотят, чтоб я вышел в эфир".

"В Берлин не пробиться", - говорит он.

"Но вы попробуете где-нибудь ночью?"

"Ладно, может быть, попозже. Зайдите еще раз".

"Никаких шансов", - шепчет Кунсти. Двое охранников, поигрывая револьверами, выпроваживают меня. Жду снаружи в холле, без конца врываюсь узнать, не связался ли тот со шрамами

с Берлином. Около полуночи приходит сообщение по радио с Бальхаузплац. Вскоре объявят состав нового кабинета. Я мчусь туда. На балконе горят прожектора (откуда?). Там стоят около дюжины человек. Я различаю Зейсс-Инкварта, Глайзе-Хорстенау... Иуда зачитывает список нового кабинета. Сам он теперь канцлер.

Возвращаюсь на студию. Жду. Аргументирую. Жду. Аргументирую. Они не могут пробиться в Берлин. Нет связи. Вещание невозможно. Сожалеем. Опять аргументы. Угрозы. В конце концов меня выводят под конвоем. Со штыками никаких аргументов. Выйдя на Иоханнесгассе, смотрю на часы. Три часа утра. Опять иду к Кернтнерштрассе. Теперь здесь пустынно. Иду домой.

Звонит телефон. Это Эд из Варшавы. Рассказываю ему новости. И наши печальные тоже. Даже если я завтра останусь здесь и получу доступ к аппаратуре, - говорю я, - мы окажемся под жесткой нацистской цензурой.

"Почему бы тебе не вылететь в Лондон? - предлагает Эд. - К завтрашнему вечеру ты будешь там и сможешь дать не порезанный цензурой отчет из первых рук. А я вернусь в Вену".

Звоню в аэропорт Асперн. На завтра все места забронированы. Когда вылетают самолеты на Лондон и Берлин? В семь и в восемь утра. Спасибо. Забыл, что ночью не поговорил с Фоудором. Нацисты его не любят. Может быть... Звоню. "Со мной все в порядке, Билл", - говорит он. Всхлипывает. Сообщаю Тэсс, объясняю, почему не увидимся в течение нескольких дней. Теперь в постель. Поспать часок.

На борту голландского самолета между Амстердамом и Лондоном, 12 марта

Только что набросал текст передачи. Могу выйти в эфир, как только попаду в Лондон. Начал работать над ним сразу после взлета с аэродрома Темпельхоф в Берлине, следующая посадка в Амстердаме, поэтому опасности нацистской цензуры нет. Сегодня мне повезло. В семь утра был в аэропорту Асперн. Он в руках гестапо. Сначала они сказали, что ни один самолет не получит разрешение на взлет. Потом выпустили самолет на Лондон. Но я не смог попасть на него. Предлагал фантастические суммы нескольким пассажирам за их места. Большинство из них были евреи, и я не мог винить их за отказ. Следующим был рейс на Берлин. Я сел на этот рейс.

Вена в это утро была едва узнаваема. Почти на каждом доме развевались флаги со свастикой. Как они так быстро раздобыли их? От полицейского чиновника в Ас-перне второпях получил еще кое-какую информацию. Он настаивает, что Шушниг не бежал. Отказался, хотя для него держали самолет, ожидавший до

полуночи. Характер. Когда мы взлетели, летное поле Асперна было уже забито немецкими военными самолетами. У нас была посадка в Праге и Дрездене, и после полудня мы прибыли в Берлин. Опять повезло. Место в голландском самолете, отправляющемся в Лондон. У меня оставался час, чтобы позавтракать. Купил утренние берлинские газеты. Удивительно! Геббельс проявляет себя с наилучшей стороны, или с наихудшей!.. У меня на коленях собственная газета Гитлера "Volkische Beobachter". Кричащий заголовок на всю первую полосу: "ГЕРМАНСКАЯ АВСТРИЯ СПАСЕНА ОТ ХАОСА". И невероятная история, созданная дьявольской, но богатой фантазией Геббельса, в которой описаны устроенные вчера красными разрушительные беспорядки на главных улицах Вены, драки, стрельба, грабежи. Полнейшая ложь. Но как люди в Германии узнают, что это ложь? Немецкое агентство выдало очевидную фальшивку, заявив, что прошлой ночью Зейсс-Инкварт телеграфировал Гитлеру и просил прислать войска, чтобы защитить Австрию от вооруженных социалистов и коммунистов. Поскольку прошлой ночью в Вене не было "вооруженных социалистов и коммунистов", то это чистой воды выдумка. Но интересно отметить гитлеровский метод. Тот же, что он использовал для оправдания мятежа 30 июня. Сойдет любая ложь.

Позднее. Эфир в двадцать три тридцать. Сейчас немного поспать.

Лондон, 14 марта

Сегодня в час ночи (в восемь вечера вчерашнего дня в Нью-Йорке) мы передали первую европейскую радиосводку новостей. Происходило это таким образом.

Вчера около пяти вечера у меня зазвонил телефон. Из Нью-Йорка звонил Пол У. Уайт, директор "Коламбии" по связям с общественностью. Он сказал: "Сегодня вечером нам нужна сводка европейских новостей. Около часу ночи по вашему времени. Мы хотим услышать вас и нескольких членов парламента из Лондона, Эда Марроу, разумеется, из Вены, и корреспондентов американских газет из Берлина, Парижа и Рима. Получасовая программа, и я сообщу вам точное время выхода для каждой столицы примерно за час до эфира. Вы с Марроу сможете сделать это?"

Я ответил "да", и мы повесили трубки. Правда, у меня не было ни малейшего представления, как это сделать, во всяком случае за восемь часов. Одну или пару таких передач мы делали, но тогда перед каждой из них у нас были месяцы на технические приготовления. Я заказал международный разговор с Веной, чтобы переговорить с Марроу. И пока убегали бесценные минуты,

я размышлял, что делать. Чем больше я думал, тем проще все оказывалось. У нас с Марроу были друзья-газетчики в каждой столице Европы. Мы также были лично знакомы с директорами и главными инженерами различных европейских радиовещательных компаний, техническое оборудование которых должны были использовать. Я позвонил Эдгару Мауреру в Париж, Фрэнку Джервази в Рим, Пьеру Гассу в Берлин, а также директорам и главным инженерам радиокомпаний в Париж, Турин и в Берлин.

Марроу действовал из Вены; он взял на себя организацию вещания из Берлина и Вены и проинструктировал меня, что было крайне необходимо, как проделать всю эту работу. В каждой столице нам нужен был мощный коротковолновый передатчик, который отчетливо донесет голос до Нью-Йорка. В Риме такой был, но доступ к нему оставался под сомнением. В Париже не было. В таком случае мы должны заказывать телефонные линии к ближайшей коротковолновой передающей станции. Вскоре уже работали три моих телефона, и на четырех языках: английском, немецком, французском и итальянском. Первые три я знаю отлично, но мой итальянский едва теплится. Но все-таки из разговора с Турином я уловил, что в данный момент невозможно связаться ни с одним руководящим сотрудником Итальянской радиовещательной компании. О Аллах, было воскресенье. У меня еще был выход на Рим. Возможно, удастся все организовать с помощью тамошнего филиала. В Берлине удалось, коллеги взялись провести все наилучшим образом. Только, объяснили они, единственная венская линия находится в руках военных, поэтому возможность ее использования вызывает сомнения.

Когда вечер был на исходе, радиопередача начала принимать четкие очертания. Снова позвонили из Нью-Йорка и сообщили точное время выхода каждой столицы в эфир. Железное спокойствие Нью-Йорка, его уверенность, что вещание пройдет успешно, воодушевили меня. Мои друзья-газетчики начали проявляться. Эдгар Маурер, парижский корреспондент чикагской "Daily News", проводил воскресенье за городом. Долго убеждал его вернуться в город и принять участие в нашей программе. И Эдгар меня не подвел. Я знаю, что ни один человек не переживает все случившееся в Австрии так сильно, как он. Откликнулись Джервази из Рима и Гасс из Берлина. Они выйдут в эфир, если получат согласие своего нью-йоркского офиса. Выяснения в нью-йоркских редакциях газет не заняли много времени, тем более в воскресенье во второй половине дня. Еще один звонок в "Коламбия" в Нью-Йорк: получить разрешение на участие Джервази и Гасса. И из Нью-Йорка, между прочим,

поинтересовались, какие передатчики и какие волны используют Берлин и Рим? Я забыл об этом. Еще один звонок в Берлин. Будет станция DJZ, 25,5 м, 11 870 килогерц. Срочно телеграмму на Си-би-эс с информацией для аппаратной.

Время шло. Вспомнил, что должен еще написать текст для лондонского эфира. Что собирается предпринять Великобритания по поводу гитлеровского вторжения в Австрию? Обзвонил город в поисках материала. Великобритания ничего не собирается делать. Вдруг вспомнил, что Нью-Йорку нужен член парламента, чтобы обсудить официальную реакцию Британии на аншлюс. Позвонил двум или трем знакомым членам парламента. Все они весело проводили свой английский уик-энд. Позвонил Эллен Уилкинсон, депутату парламента от лейбористов. С ней было так.

"Сколько вам нужно времени, чтобы добраться до Би-би-си?" - спросил я у нее.

"Около часа", - ответила она.

Я посмотрел на часы. У нас оставалось чуть больше двух часов до начала. Она согласилась выступить.

На линии голос Джервази из Рима. "Итальянцы не могут все организовать за такой короткий срок, - сообщает он. - Что делать?"

Хотел бы я знать. "Мы передадим твое выступление через Женеву, произношу наконец я. - А если не получится, перезвони через час, продиктуй свое сообщение, я зачитаю его отсюда".

Сидя в одиночестве в маленькой студии, без трех минут час провел окончательное согласование с Нью-Йорком. Мы сверили точное время выхода каждого выступления в эфир и реплики, которые послужат сигналом для выступающих в Вене, Берлине, Париже и Лондоне, когда начинать и когда заканчивать свои сообщения. Я передал в аппаратную в Нью-Йорке, что Рим не участвует, но в эту минуту Джервази диктовал по телефону свой репортаж стенографистке. Мы договорились сделать краткое включение Лондона, чтобы я мог его зачитать. В час ночи сквозь наушники слышу на нашей трансатлантической линии "обратной связи" спокойный голос Боба Траута, объявляющего радиопередачу из нью-йоркской студии. Думаю, наша часть прошла успешно. Особенно хороши были Эдгар и Эд. Рыжеволосая Эллен Уилкинсон приехала вовремя. После окончания программы из Нью-Йорка сообщили, что это был успех.

В официальных сообщениях говорится, что сегодня днем Гитлер с триумфом вошел в Вену. Никто не стрелял. Чемберлен только что выступил в парламенте. Он не собирается ничего делать. "Реальность такова, - говорит ОН; _ что остановить то, что

произошло, можно было только в том случае, если бы эта страна и другие страны были готовы к применению силы". Войны там не будет. Британия и Франция отступили еще на шаг перед растущей нацистской мощью.

Позднее. В сообщении Элбэна Росса из берлинской редакции нью-йоркской "Times" во время нашей ночной сводки новостей был любопытный штрих. Он сказал, что берлинцы восприняли аншлюс с "невозмутимым спокойствием".

Лондон, 15 марта

Гитлер, выступая сегодня с балкона Хофбурга, дворца когда-то могущественных Габсбургов, объявил о включении Австрии в состав Германского рейха. Итак, нарушено еще одно обещание. Он не мог даже подождать результатов плебисцита, назначенного на 10 апреля. Утром я беседовал по телефону с Уинстоном Черчиллем. Тот согласен на пятнадцатиминутное выступление по радио, но просит за это пятьсот долларов.

Лондон, 16 марта

Эд звонил из Вены. Сказал, что мэр Эмиль Фей покончил с собой, после того как выстрелил в свою жену и девятнадцатилетнего сына. Он был несчастным человеком. Наверняка он боялся, что нацисты убьют его за то, что он дважды обманул их в 1934-м, когда был застрелен Дольфус. Послезавтра я возвращаюсь в Вену. Кризис миновал. Поэтому надеюсь, мы что-нибудь придумаем с этими сводками новостей для радио.

Вена, 19 марта

Прошлым вечером Эд встречал меня в аэропорту Асперн. Когда мы подъехали в темноте к моему дому на Плесльгассе, перед дверью стояли эсэсовские охранники в стальных касках и со штыками. Бросив взгляд вдоль улицы, понял, что они охраняют все двери, особенно у соседнего дворца Ротшильда. Мы с Эдом направились к нашему дому, но охранники прогнали нас штыками.

"Я здесь живу", - сказал я, неожиданно выйдя из себя.

"Не имеет значения. Вы не можете войти", - парировал один из охранников.

"Я же сказал, я здесь живу".

"Сожалею. Строгий приказ. Никому не входить и не выходить". Это был вежливый австрийский парень, его выдавал акцент, и моя злость улеглась.

"Где я могу найти вашего командира?" - спросил я.

"Во дворце Ротшильда".

Он приставил к нам высокого эсэсовца, который препроводил нас в примыкающий к нашему зданию дом садовника при дворце, где Ротшильд действительно провел прошлое лето. Когда мы туда

вошли, то буквально столкнулись с несколькими офицерами СС, которые вывозили на тележке с цокольного этажа серебро и прочую добычу. Один держал под мышкой картину в золоченой раме. Другой оказался командиром. Руки его были заняты серебряными вилками и ножами, но он не смутился. Я объяснил, чем я занимаюсь и какой мы национальности. Он фыркнул и велел охраннику проводить нас до моих дверей.

"Но вам придется задержаться там на некоторое время", - засмеялся он.

Мы пробыли в доме, пока не стемнело. Потом захотелось выбраться в город. Спустившись незаметно по лестнице, мы дождались, когда наши стражники отошли на несколько шагов от двери, и на цыпочках проскользнули в темноту. Нашли тихий бар недалеко от Кернтнерштрассе, где можно было поговорить. Эд слегка нервничал.

"Пойдем в другое место", - предложил он.

"Почему?"

"Я был здесь вчера ночью примерно в это же время, - сказал он. - У стойки стоял парень, похожий на еврея. Через некоторое время он вытащил из кармана старомодную бритву и перерезал себе горло".

Тэсс чувствует себя неважно. По-прежнему есть опасность тромбов. Да и нервы уж точно не успокоились от всего пережитого, к тому же утомителен не прекращавшийся весь день гул геринговских бомбардировщиков. Утром Эд летит обратно в Лондон.

Вена, 20 марта

Эфир был сегодня утром. Я рассказывал, как за одну неделю Вена стала полностью нацистской, - это ужасно. Одна американская радиосеть целую неделю твердила, что сообщения ее корреспондента отсюда не подвергаются цензуре. Но когда он приехал в студию, чтобы выйти в эфир после меня, нацисты потребовали от него текст, так же как и от меня, и подвергли его тщательной проверке.

Вена, 22 марта

Состояние Тэсс все еще критическое. Да и атмосфера в больнице не способствует выздоровлению. Во-первых, говорит Тэсс, там находится одна дама-еврейка, зять которой совершил самоубийство в день, когда Гитлер вошел в город. Всю первую ночь она кричала. Сегодня она покинула больницу в черной траурной одежде и в вуали, крепко прижимая к груди ребенка. Была еще одна еврейская леди. В ее семье никого не убили, но люди из СА, захватив фирму ее мужа, пришли и ограбили их дом. Она боится, что ее мужа убьют или арестуют, и всю ночь плачет.

На улицах сегодня группы евреев, стоя на четвереньках, в окружении глумящихся над ними штурмовиков и насмехающейся толпы, счищают эмблемы Шушнига с тротуаров. Многие евреи кончают жизнь самоубийством. Всякого рода сообщения о садизме нацистов, притом от австрийцев, меня удивляют. Еврейских мужчин и женщин заставляли чистить отхожие места в казармах. Сотнями их просто хватали на улицах и отправляли мыть туалеты нацистским парням. Этой участи избегали счастливчики, которые мыли машины - тысячи автомобилей, украденных у евреев и "врагов" режима. Жена одного дипломата, еврейка, сказала мне сегодня, что не решается выйти на улицу из страха, что ее схватят и отправят на "очистительные работы".

Вена, 25 марта

Ходили с Джилли посмотреть синагогу на Зайтенштатенгассе, которая служила также штаб-квартирой общества еврейской культуры. Нам рассказали, что евреев заставили вымыть все туалеты святыми молитвенными лентами. Но эсэсовские охранники не впустили нас. Мы смогли заметить, что внутри синагоги сидели развалясь и покуривая эсэсовцы. По дороге в маленький итальянский ресторан за кафедральным собором, где мы собирались позавтракать, у Джилли была стычка с несколькими штурмовиками, которые приняли его за еврея, хотя он чистейший шотландец. Ужасно раздраженные, мы приходили в чувство в "Кьянти". Ник и Агнес сейчас здесь, хотя Ник вскоре уезжает, так как его отстраняют от работы в Германии, и, видимо, здесь он бывать не будет. Гасс пытается здесь вызволить из тюрьмы нашего коллегу Альфреда Тирнауэра. Его жена была просто в отчаянии, когда я разговаривал с ней по телефону. Фоудоры уехали в Братиславу, по инициативе Джона Виллея, который отправил их туда на машине консульства. Шушниг под арестом, и ходят слухи, что нацисты пытают его, не выключая радио в его комнате ни ночью, ни днем.

Вена, 8 апреля

Тэсс с ребенком наконец выписали из больницы. Утром я нес ее от машины и по лестнице на руках, так придется делать какое-то время, пока она не может ходить. Но самое худшее позади.

Вена, 10 апреля (Вербное воскресенье)

Так называемый плебисцит прошел сегодня в странно праздничной атмосфере. Девяносто девять процентов австрийцев, согласно подсчетам Геббельса, ответили "да". Может, и так. Для того чтобы сказать "нет", храбрым австрийцам требовалось мужество, потому что каждый понимал, что нацисты найдут способ проверить, кто и как голосовал. Во второй половине дня я побывал на пункте голосования в Хофбурге. Это помещение, как я

представляю, когда-то занимала охрана императора. Я зашел внутрь одной из кабинок. На стене перед вами приклеен образец бюллетеня, на котором показано, где поставить значок с ответом "да". В углу кабины большая щель, которая дает отличную возможность сидящей в нескольких футах избирательной комиссии видеть, как вы голосуете! Пятнадцатиминутный эфир состоялся в девятнадцать тридцать, и, хотя участки для голосования только что закрылись, я сообщил, что девяносто девять процентов австрийцев сказали "да". Как раз перед моим выходом в эфир мне сообщил об этом один нацистский чиновник, и я предположил, что он-то знает наверняка. Возможно, еще вчера знал. Таким образом, Австрия сегодня голосует против своей вековой независимости и присоединяется к Великому рейху. Конец Австрии!

Вена, 12 апреля

Этот кризис пошел нам на пользу. Думаю, теперь наши с Эдом радиобеседы получили право на существование. Так сказать, рождение "зарубежного радиокорреспондента".

Чехословакия определенно станет следующей в гитлеровском списке. В военном отношении она теперь обречена, имея границу с Германией как на юге, так и на севере. Все наши радиосообщения из Праги должны сейчас идти по телефонной линии через Германию, даже если мы получаем их через Женеву. Плохо будет в случае неполадок на линии. Когда поеду в Прагу, надо поинтересоваться у чехов насчет их нового коротковолнового передатчика.

Прага, 16 апреля

В сегодняшнюю ночную передачу на Америку пригласил президента Бенеша и мисс Алису Масарик. Вчера я высказал надежду, что доктор Бенеш скажет что-нибудь по германскому вопросу, несмотря на то что основной темой их выступления был якобы Красный Крест. Доктор Бенеш любезно согласился, хотя высказывания его были умеренны и благоразумны. Странно поэтому, что, когда он перешел к германскому вопросу, звук совершенно пропал. К несчастью, для нашей передачи зарезервировали линию связи через немецкую коротковолновую станцию в Цезене, а не через Женеву, как я просил. Подозреваю, что немцы специально заглушили Бенеша, хотя они и отрицали это, когда я позвонил им после передачи. Они сказали, что помехи были здесь, в Праге. Чехи этого не признают. Я долго беседовал ночью с главным инженером чехословацкой системы радиовещания Свободой, убеждал его поторопиться с новым коротковолновым передатчиком и объяснил, что если немцы поведут себя жестко, то он окажется для Праги единственным

средством выхода в эфир. Пообещал, что мы окажем помощь в проведении трансатлантических испытаний. Наивный парень, он считает, что немцы ничего не будут делать, пока не переварят Австрию, на что, по его мнению, уйдут годы. Но он пообещал продвинуть дела с новым передатчиком.

Сегодня утром вернулся домой. Тэсс лучше, и мы подарили беби громадное пасхальное яйцо, которое я вчера купил в Праге. Очень веселились.

Рим, 2 мая

Ночью на границе Австрии и Италии меня вытащили из постели в купе спального вагона эсэсовцы и изъяли все мои деньги. Они долго спорили, арестовывать меня или нет, но в конце концов от ареста воздержались. Сегодня на закате дня приезжает Гитлер. Я должен вести репортаж с крыши королевских конюшен, наблюдая за входом во дворец Квиринале, и начало его назначено на тот момент, когда король и фюрер будут подъезжать.

Позднее. К моему несчастью, лошади, запряженные в экипаж Гитлера, промчались быстрее, чем все мы предполагали. Когда я вышел вечером в эфир, он уже прибыл, вошел во дворец, вышел, поклонился публике и исчез, и мне с моим включенным микрофоном нечего было рассказывать. Однако я сказал несколько слов о подготовке визита и принял радиоотчеты о том, как он эффектно проехал по Триумфальной дороге к дворцу, мимо прекрасных руин Древнего Рима, мимо Колизея, в сводчатых проходах которого полыхали столбы красного огня. Во время моей передачи совсем стемнело и электрическая лампочка, прикрепленная к микрофону, вдруг погасла. Я не мог прочесть ни слова из моих записей. Единственное, что я мог делать, это импровизировать по памяти, но после пятичасового стояния на продуваемой ветром крыше я понял, что вся информация из моей головы тоже улетучилась. Неподалеку на крыше горело несколько факелов в честь приезда Гитлера. Я жестом попросил итальянского инженера принести мне один из них. Пламя сильно дрожало, но все-таки освещения оказалось достаточно, чтобы я смог выудить несколько ключевых моментов из моих наспех сделанных заметок. Чувствую, однако, что говорил я плохо.

Рим, 3 мая

Телеграмма с поздравлениями от Пола Уайта по поводу вчерашней передачи, она меня приободрила. Город полон сыщиков, говорят, их здесь пятьдесят тысяч, немецких и итальянских, для обеспечения безопасности двух великих людей. Всех евреев-иностранцев на время визита выслали или посадили в тюрьмы. Итальянцы с трудом скрывают свое враждебное

отношение к немцам. Наблюдая за прогуливающимися немцами, презрительно плюются им вслед. Вечный город прекрасен в эти весенние дни. Прогулялся до площади Испании, полной восхитительных цветов, высаженных напротив лестницы, ведущей к церкви в стиле барокко. Буду проводить эти дни, бродя по городу.

Флоренция, май (без даты)

Последовал сюда за Гитлером, но передачу вести не надо. В Нью-Йорке хотели, чтобы я нашел для радиопередачи каких-то певчих птиц, - вот те на! но я не смог. Провел день в Уффици, но после Эль Греко в Испании для меня Леонардо, Рафаэль, Тициан и даже Боттичелли выглядят как-то бледно. Прогулялся вдоль Арно. Вспомнил фантастический вид из Фьезоле, старинного этрусского города в горах в пяти милях отсюда, но нет времени побывать там еще раз. Завтра возвращаюсь в Вену.

Вена, 20 мая

Когда мы с Тэсс ужинали сегодня вечером с Шарлем Димоном (из Рейтер) и его смуглой красавицей женой в маленьком венгерском ресторанчике рядом с Оперой, его позвали к телефону. Возвратился он сильно взволнованный. Звонили из Лондона. Сообщили, что германские войска движутся к Чехословакии. Шарль решил нанять машину и мчаться к Братиславе, чтобы увидеть происходящее своими глазами. Я решил остаться в городе и, прежде чем метаться из стороны в сторону, связаться по телефону с Прагой, Берлином и Лондоном.

Вена, 21 мая

Сегодня ночью уезжаю в Прагу. Дело в том, что Гитлер мобилизовал вдоль границы с Чехословакией десять дивизий. Чехи призвали на военную службу очередников и укомплектовали личным составом свою "линию Мажино", Надеялся задержаться здесь на несколько дней, так как послезавтра у Тэсс еще одна операция. Если не будет войны в Чехословакии, то мы точно уедем отсюда 10 июня в нашу новую штаб-квартиру в Женеве. У Тэсс кончается швейцарская виза, и если мы не уедем до этого, то получение новой визы - дело долгое. Женеву выбрали потому, что отсюда у меня уже нет возможности продолжать работу из-за валютных ограничений, нацистской цензуры, слежки и всего остального.

Вена, 9 июня

Завтра уезжаем. В течение двух дней здесь у нас работало гестапо, проверяли мои книги и фонограммы, но это были австрийские парни, и пиво с сосисками в большом количестве сделали их сговорчивыми и более-менее разумными. Тэсс не в той форме, чтоб путешествовать, до сих пор вся в бинтах, но мы

собираемся лететь самолетом.

Женева, 10 июня

Вот это был денек! Но мы здесь. Было три опасных момента. Первый, когда я пошел забирать пятьсот марок, одолженных мне управляющим одной транспортной компании. Гестапо арестовывало людей направо и налево за якобы незаконные валютные сделки. Любая передача денег вызывала подозрение. Когда я вошел в офис управляющего, передо мной стоял, ухмыляясь, нацистский шпион, Х., который долгое время выдавал себя за эмигранта-антифашиста. Я решил было, что это ловушка. Но управляющий, англичанин, прошел со мной к Кольцу и передал деньги. Я все-таки боялся, что Х. шпионит за мной, и радовался, что наш самолет вылетает через два часа.

В аэропорту Асперн они вели себя очень подозрительно. Я объяснял начальнику гестапо, что Тэсс слишком слаба, чтобы стоять, и я один пройду с ним на осмотр багажа. Я устроил Тэсс на скамейке в зале ожидания. Он потребовал, чтобы она стоя отвечала на вопросы во время таможенного досмотра. Иначе мы не сможем улететь. Я постарался ее поднять. После этого полицейский увел меня. Я оставил няню, чтобы она помогла ей, как сможет. В маленьком помещении полицейские проверили мой бумажник и карманы. Все было в порядке. Затем они повели меня в боковую комнату. Сказали: "Подождите здесь". Я сказал, что хотел бы вернуться, чтобы помочь с проверкой багажа, что моя жена в критическом состоянии, но они захлопнули дверь. Я слышал, как щелкнул замок. Меня заперли. Пять, десять, пятнадцать минут. Меряю шагами пол. Самолету пора взлетать. Время идет. Потом услышал крик Тэсс: "Билл, они взяли меня на личный досмотр!" Я говорил с начальником гестапо по этому поводу, объяснил, что она вся забинтована, что есть опасность заражения... Я колотил в дверь. Безрезультатно. За окном я мог видеть и слышать, как швейцарец разгоняет оба двигателя своего "Дугласа", с нетерпением ожидая взлета. Через полчаса меня вывели в коридор, ведущий из зала ожидания на летное поле. Я хотел заглянуть в зал ожидания, но дверь оказалась закрытой. Наконец, появилась Тэсс, няня одной рукой поддерживала ее, в другой несла ребенка.

"Эй вы, поторопитесь! - заорал какой-то служащий. - Вы заставили самолет ждать полчаса". Я попридержал язык и подхватил Тэсс.

Она скрежетала зубами от злости, никогда в жизни я не видел ее такой. "Они раздели меня..." - повторяла она. Мне казалось, что Тэсс была готова развернуться и расцарапать физиономию следовавшему за нами чиновнику. Мы торопливо

пересекли взлетную полосу по направлению к самолету. Я размышлял, что еще может произойти за те секунды, пока мы не окажемся в безопасности на его борту. Не исключено, что выбежит Х. и потребует меня арестовать. Потом мы устроились в самолете, и он стремительно помчался по полю аэродрома.

Весь путь от Вены до Цюриха летели вслепую в грозовых облаках вдоль Альп, самолет бросало то вверх, то вниз, большинство пассажиров укачало, и они умирали от страха. Потом показался Цюрих, Швейцария, снова чистота и цивилизация.

Лозанна, июнь (без даты)

Мы приплыли на это озеро на колесном пароходе - Тэсс, Эд Марроу и я, в благоухающий июньский день, вода голубая, как в Средиземном море, зеленые берега, слева - Юрские горы, крутые, дымчато-голубые, справа - Альпы, розовые и белые от снега и солнца. Это даже подавляло. Мы с Эдом приехали сюда на проходящую раз в полгода конференцию Международного радиовещательного союза. Будучи ассоциативными, а не постоянными членами союза, мы избегаем вникать в детали европейского радиовещания, а выступаем просто в роли наблюдателей, что дает нам время на различные мероприятия, выходящие за рамки программы. Радиовещательный союз - это еще и один из немногих примеров реального европейского сотрудничества, особенно в области распределения диапазонов, без чего не могло бы существовать ни одно европейское радио. Чехов и некоторых англичан очень встревожила редакционная статья в лондонской "Times" от 3 июня, в которой чехам советуют провести референдум среди судетских немцев и, если они захотят, разрешить им присоединиться к Третьему рейху. "Times" доказывает, что если это произойдет, то Германия потеряет право вмешиваться в дела Чехословакии. "Старую леди" просто ничему не научишь. Эд и Дик Мэрриот из Би-би-си, умные и мужественные молодые люди, с большим пессимизмом смотрят на силу и цели "политики умиротворения" в Лондоне. Вечером, когда мы пили кофе на террасе, ко мне подошел майор Аткинсон из Би-би-си (его перевод "Заката Европы" Шпенглера даже лучше оригинала, это один из величайших переводов с немецкого языка, практически непереводимого, к тому же майора считают самым лучшим специалистом по Гражданской войне в США). Я понимаю, что мы будем иметь здесь гражданскую войну. И эти военные англичане знают о ней гораздо больше, чем любой гражданский американец.

Эвьян-ле-Бен, 7 июля

Здесь, по инициативе Рузвельта, собрались представители

тридцати двух государств, чтобы обсудить, что делать с беженцами из Третьего рейха. Майрона Тэйлора, который возглавлял американскую делегацию, избрали сегодня постоянным председателем комиссии. Сомневаюсь, что многое удастся сделать. Похоже, что британцы, французы и американцы слишком озабочены тем, чтобы не обидеть чем-нибудь Гитлера. Абсурдная ситуация. Они хотят ублажить человека, который виноват в их трудностях. Нацистам, разумеется, понравится, что демократические страны освободят их от евреев за свой собственный счет. Кажется, я немного поторопился, решив, что во время аншлюса родился "зарубежный радиокорреспондент". Я организовал выступление Тэйлора, но не получил из Нью-Йорка приглашения самому участвовать в программе об этой конференции. Практически мы ее совсем не освещаем. Встретил Джимми Шина, которого не видел десять лет со времени нашего пребывания в Париже. Прошлой ночью мы устроили большую встречу друзей в казино. К нам присоединился Роберт Делл из "Manchester Gardian". Джимми сорвал банк в баккара, пока я с большими усилиями выигрывал пару тысяч в рулетку. Делл, ему шестой десяток, проводил время в танцевальном зале. Потом пришла Дина Шин, красивая женщина с большими умными глазами. Возобновил знакомство с другими старыми друзьями, Бобом Пеллом из американской делегации, Джоном Эллиотом и кое с кем еще. Стоит упомянуть Джона Уайнэнта, которого я встречал месяц назад в Женеве и который тоже находится здесь, очень приятный человек, либерал, держится неловко, слегка по-линкольновски.

Прага, 4 августа

Сегодня приехал лорд Рэнсимен, чтобы все испортить и нанести вред чехам, если сможет. Он, его леди и его персонал с кучей багажа проследовали в самый роскошный отель в городе - "Алькорн", где заняли почти целый этаж. Позднее Рэнсимен, маленький молчаливый человек с тонкими губами и лысой головой, настолько круглой, что она смотрится как яйцо неправильной формы, принял нас - сотни три чешских и иностранных корреспондентов - в зале для приемов. Мне казалось, что он из кожи вон лез, выражая свою благодарность за их присутствие лидерам судетских немцев, которые, наряду с членами правительства Чехословакии, явились встречать его на вокзал.

Вся миссия Рэнсимена дурно пахнет. Он заявляет, что приехал сюда, чтобы быть посредником между правительством Чехословакии и Судетской партией Конрада Генлейна. Но Генлейн не вольная птица. Он не может вести переговоры. Он

полностью подчиняется Гитлеру. Спор идет между Прагой и Берлином. Чехи знают, что лично Чемберлен хочет, чтобы Чехословакия уступила желаниям Гитлера. Мы эти желания знаем: вхождение всех немцев в состав Великого рейха. Сегодня ночью кто-то, кажется Уолтер Керр из "Herald Tribune", принес вырезку из своей газеты с сообщением, написанным лондонским корреспондентом Джозефом Дрисколлом после его участия в ланче с Чемберленом, устроенном леди Астор. Оно датировано прошлым маем, но из него ясно, что правительство тори заходит так далеко, что предпочитает, чтобы Чехословакия полностью уступила Судетские земли Гитлеру. Я убежден, что прежде, чем чехи пойдут на это, они будут бороться. Потому что это означало бы сдать свою природную линию обороны, свою "линию Мажино". Это означало бы ее конец. Они хотят предоставить Судетам реальную автономию. Но Генлейн требует права на создание маленького нацистского Судетского государства внутри государства. Как только он это получит, он, конечно, присоединит его к Германии.

Вечером ужинал на студии "Баррандов", обозревая прекрасную Влтаву, с Джеффом Коксом из "Daily Express" и Керром. Прага, с ее готической и барочной архитектурой, маленькими извилистыми улочками, великолепным Карловым мостом через Влтаву с крутыми берегами, на одном из которых возвышается замок Градчаны, построенный Габсбургами, имеет большую индивидуальность, чем любой другой город в Европе.

Ежедневно испытываем с чешскими радиоинженерами их новый коротковолновый передатчик. Наши специалисты каждый день присылают отчет о качестве приема там. В воскресенье мы впервые опробуем его во время передачи с каких-то чехословацких военных маневров. Свобода не уверен, что передатчик сможет хорошо работать на Нью-Йорк.

Прага, 14 августа

Сегодня днем за пять минут до нашего выхода в эфир, когда сухопутные войска на земле, а авиация в небе репетировали грандиозное шоу, истребитель "шкода" упал с высоты десять тысяч футов, не сумев выйти из пике. Он разбился прямо перед моим микрофоном, и его протащило на пару сотен футов мимо меня. Когда он остановился, это была груда покореженного металла. Я вел репортаж, описывая его падение. Фиби Пакард, который помогал мне вести передачу, говорит, что я продолжал кричать в микрофон, когда он уже разбился, но я этого не помню. Пилот и летчик-наблюдатель были еще живы, когда мы извлекли их из-под обломков, но, боюсь, до конца дня они не доживут. Четверых или пятерых солдат, находившихся в цепи прямо перед

нами, тяжело ранило во время падения самолета. Мы были слегка в шоке, и я предложил прервать передачу, но распоряжавшийся всем генерал велел продолжать. Фиби, крупная, немного мужеподобная, единственная женщина-корреспондент, прошедшая войну в Эфиопии и Испании, что сделало ее стойкой к подобным вещам, сохраняла абсолютное спокойствие, хотя явно показное.

Специалисты из Си-би-эс сказали потом, что для идеального вещания было слишком много артиллерийской стрельбы, но тем не менее они полны энтузиазма в отношении нового передатчика. Он обеспечивает нам независимый выход в эфир на тот случай, если немцы отключат телефонную связь.

Прага, 24 августа

Рэнсимен все еще суетится здесь, упрашивая чехов пойти на все уступки. Он заставляет правительство Чехословакии разработать план кантонального управления а-ля Швейцария. Так как в данный момент ситуация спокойная, я собираюсь уехать завтра в Берлин, чтобы посмотреть военный парад, который Гитлер устраивает для Хорти, регента Венгрии.

Берлин, 25 августа

Сегодня вечером у военных атташе глаза все еще готовы вылезти из орбит. Среди всего прочего, что показал рейхсвер Хорти (и всему миру) во время большого военного парада, была огромная полевая пушка, по крайней мере одиннадцатидюймовая, которую по частям тащили четыре мощных грузовика. Были также другие большие орудия и новые большие танки, и пехота отлично маршировала гусиным шагом. Но сенсацией дня стала огромная моторизованная "Берта". Никто никогда не видел такого громадного орудия вне поле боя, разве что на железнодорожных платформах. И как ей аплодировали зрители! Как будто это не был неживой холодный кусок металла. Когда после парада я позвонил в посольство, наши военные эксперты были заняты тем, что делали зарисовки этого орудия по памяти. Никакая фотосъемка на параде не разрешалась, за исключением одного или двух официальных снимков, которые никому особенно не демонстрировали. Ральф Барнес возбужден, как кошка. Некоторые американские корреспонденты, дружески настроенные к фашистам, вчера в "Таверне" смеялись надо мной, когда я настаивал, что чехи будут сражаться.

Женева, 9 сентября

Еще одна краткая встреча с семьей, пока не разразилась военная гроза. В Берлине наиболее знающие люди считают, что Гитлер принял решение начать, если это будет необходимо, войну, чтобы заполучить обратно Судеты. Я сомневаюсь в этом по

двум причинам: во-первых, германская армия еще не готова; во-вторых, народ решительно против войны. По радио целый день говорят, что Великобритания заявила Германии о своей решимости воевать в случае ее вторжения в Чехословакию. Возможно, но нельзя забывать, что три дня назад в передовой статье газеты "Times" чехов призывали сделать свое государство более "однородным", передав Судеты Гитлеру.

Атмосфера здесь, в Женеве, восхитительно нереальная. В понедельник открываются сто второе заседание Совета Лиги Наций и девятнадцатая ассамблея, и все интернационалисты собираются сюда, чтобы ничего не делать. Ситуация в Чехословакии даже не стоит в повестке дня и ставиться не будет. Кто же это на днях так хорошо сказал, когда мы прогуливались вдоль Женевского озера и увидели величественное здание секретариата Лиги Наций? Не помню. "Прекрасная гранитная гробница! Давайте полюбуемся ее красотой на фоне зеленых гор и холмов. В ней, мой друг, погребены несбывшиеся надежды нашего поколения на мир".

К концу месяца Тэсс с ребенком уезжают в Америку, чтобы организовать местожительство для получения ею гражданства. Я улетаю завтра в Прагу освещать там мир или войну. Почти убедил Си-би-эс, чтобы они разрешили мне делать ежедневные пятиминутные сообщения - революционер в радиовещательном бизнесе!

Вся Европа ждет окончательного слова Гитлера, которое он должен произнести на закрытии съезда нацистской партии послезавтра. А пока мы имеем два выступления: одно здесь - президента Бенеша, другое - Геринга в Нюрнберге, где всю неделю из уст нацистов звучали угрозы в адрес Чехословакии. Бенеш, говоривший из студии радиовещательной системы Чехословакии, был спокоен и рассудителен, казалось, даже слишком, хотя было очевидно, что он хочет сделать приятное британцам. Он сказал: "Я твердо верю, что не потребуется ничего, кроме моральной силы, доброй воли и взаимного доверия... Если мы мирным путем решим наши национальные проблемы... наша страна станет одной из самых прекрасных, наилучшим образом управляемых, самых богатых и самых справедливых стран мира... Я говорю не из страха перед будущим. Никогда в жизни я ничего не боялся. Я всегда был оптимистом, и сегодня мой оптимизм силен как никогда... Давайте сохранять спокойствие." но давайте будем оптимистами... и, главное, не забывайте, что вера и добрая воля сдвигают горы..."

Доктор Бенеш обращался и к чехам, и к немцам, я так это понял, поэтому, столкнувшись с ним в холле Дома радиовещания

после окончания его выступления, я хотел броситься к нему и сказать: "Ведь вы имеете дело с бандитами, с Гитлером и Герингом!" Но у меня не хватило мужества, я просто поздоровался кивком, а он прошел мимо, маленький чех, крестьянский сын, который за прошедшие двадцать лет наделал много ошибок, но, когда все уже сказано и сделано, он выступает за соблюдение демократических норм, которые Гитлер готов уничтожить. Лицо у него было мрачное, совсем не такое оптимистичное, как его слова. И я не сомневаюсь, что он знает, в какое ужасное положение попал.

А вот другая речь, Геринга, в изложении Рейтер: "Мелкий сегмент Европы будоражит человечество... Эта ничтожная раса пигмеев (чехи) без какой бы то ни было культуры - никто не знает, откуда они взялись, - угнетает культурный народ, а за ним стоят Москва и проклятая маска еврейского дьявола..."

Прага, 11 сентября

Здесь все спокойно, но напряженность настолько ощутима, что ее можно резать ножом. Есть сообщения, что немцы сосредоточили двести тысяч солдат на границе Австрии и Чехословакии. В Лондоне - бесконечные совещания на Даунинг-стрит. В Париже Даладье совещается с Гамеленом. Но все ждут завтрашней речи Гитлера. Си-би-эс наконец дает добро на ежедневные пятиминутные репортажи отсюда, но просит предварительно телеграфировать, если я сочту новости не заслуживающими того, чтобы занимать мое эфирное время.

Прага, 12 сентября

Великий человек высказался. И войны нет, по крайней мере в данный момент. Такова первая реакция Чехословакии на сегодняшнее выступление Гитлера в Нюрнберге. Гитлер набросился на Прагу с оскорблениями и угрозами. Но прямо не потребовал, чтобы ему отдали Судеты. Он даже не потребовал референдума. Однако он настаивал на "самоопределении" судетских немцев. Я слушал речь Гитлера в доме у Билла и Мэри Моррелл в трансляции радиостанции Вильсона. Задымленная комната была полна корреспондентов: Керр, Кокс, Морис Гиндуш и др. Никогда не слышал, чтоб в речах Адольфа было столько ненависти, а публика была настолько на грани помешательства. Сколько яда было в его голосе, когда в начале своего продолжительного сольного концерта на тему мнимой несправедливости по отношению к судетским немцам он сделал паузу, чтобы подчеркнуть: "Я говорю для Чехословакии!" Его слова, его тон источали злобу.

В Чехословакии, думаю, эту речь прослушал каждый человек, улицы с восьми до десяти вечера были пустынны. Сразу же после

нее было созвано чрезвычайное заседание совета министров в узком составе, но Бенеш не пришел. Мы с Морреллом заказали разговор с Карлсбадом и Рейхенбергом{12}, чтобы выяснить, не крушат ли все вокруг после этой речи три с половиной миллиона жителей Судет. К счастью, по всей стране шел проливной дождь. Около шести тысяч горячих поклонников Тенлейна со свастикой на рукавах прошли парадом по улицам Карлсбада, а после этого кричали: "Долой чехов и евреев! Мы хотим референдума!" Но столкновений не было. Та же история в Рейхенберге.

В этот день, когда мир висел на волоске, Прага стала темной и мрачной, шел холодный, колючий, проливной дождь. Большую часть дня я ходил по старым улочкам, пытаясь выяснить, как люди реагируют на угрозу войны и оккупации, когда знаешь, что через двадцать одну минуту после начала войны, если она будет объявлена, на тебя уже могут дождем сыпаться бомбы. Чехи занимались своими обычными делами, они не были ни печальны, ни подавлены, ни испуганы. Или у них совсем нет нервов, или это люди с железными нервами.

Русские, возможно не без помощи чехов, прекрасно сегодня поработали, заглушая речь Гитлера. Кенигсберг, Бреслау, Вена - все радиостанции на востоке передавали неразборчиво. Нам пришлось пробиваться через Кельн, чтобы обеспечить чистый прием.

Прага, 13-14 сентября (три часа утра)

Война совсем близко, и с полуночи мы ждем немецких бомбардировщиков, но пока их не видно. Сильные обстрелы в Судетах, Эгере, Эльбогене, Фалькенау, Хаберсбирке.

Убито несколько жителей Судет и чехов, а немцы разграбили чешские и еврейские магазины. Так что чехи очень правильно сделали, что объявили сегодня утром в пяти судетских районах военное положение. Около семи вечера мы узнали, что Генлейн послал правительству шестичасовой ультиматум. Отправлен он был в шесть вечера, срок его истекает в полночь. Требования ультиматума: отменить военное положение, вывести чешскую полицию из Судетской области, "отделить" военные казармы от гражданского населения. Стоит ли за всем этим Гитлер, мы не знаем, хотя после его речи в Нюрнберге вряд ли приходится в этом сомневаться. Во всяком случае, чехословацкое правительство его отвергло. По-другому оно поступить не могло. Оно сделало свой выбор. Оно будет сражаться. Теперь ждем ответного хода Гитлера.

Напряженность и замешательство дипломатов и журналистов, собравшихся ночью в вестибюле отеля "Амбассадор", трудно описать. Интересно наблюдать за реакцией

людей, которых внезапно охватил страх. Некоторые не могут с ним справиться. Они позволяют себе доходить до истерики, затем в панике бежать бог знает куда. Большинство страх преодолевают, с разной степенью мужества и хладнокровия. В вестибюле сегодня собрались: газетчики, которые беспорядочно носятся, пытаясь сделать телефонные звонки с помощью одного-единственного оператора; напуганные евреи, которые пытаются забронировать места на последний самолет или поезд. Каждый вошедший через вращающиеся двери в вестибюль приносит самые разные слухи, все собираются вокруг, чтобы послушать, кто верит, кто не верит, в зависимости от собственных ощущений. Бомбардировщики Геринга прилетят в полночь, если чехи не примут ультиматум. Они будут использовать газы. Как достать противогазы? Их нет. Что тогда делать? Бенеш примет ультиматум. Он должен! Газетчики носятся вверх-вниз, злятся на телефоны и немцев и настороженно прислушиваются, не началась ли бомбардировка.

Элемент комедии помогает разрядить напряженность. Алекс, с большой кружкой пива, и Фиби Пакард - с другой склонились над телеграммой, которую только что получил Алекс. Она от его босса, полковника Маккормика, который с военной точностью инструктирует, как освещать военные действия. "Войны всегда начинаются на рассвете. Будьте там на рассвете", - телеграфирует полковник.

Робкий американский бизнесмен подкрадывается к нашему столу, представляется. "Я получаю огромное удовольствие от сегодняшнего вечера, говорит он. - Наши газетчики ведут действительно интересную жизнь".

"Что будете пить, сэр?" - спрашивает его кто-то. Мы продолжаем нашу беседу и разговоры по телефону.

Близится полночь. Срок ультиматума. Входит чиновник из министерства иностранных дел с мрачным видом и сообщает по-немецки, что ультиматум отвергнут. Корреспонденты опять летят к телефону. Несколько евреев поспешно уходят. Входит пресс-секретарь Судетской партии, крупный веселый парень, который обычно заглядывает к нам, чтобы сообщить новости. Сейчас он невесел. "Они отвергли ультиматум?" - спрашивает он. И кажется, не дождавшись ответа, хватает небольшой портфель, который он оставил в углу, и исчезает в дверях.

Пакард, или кто-то еще, наконец дозваниваются до Судетской области. Там идут бои с применением винтовок, ручных гранат, пулеметов, танков. Все согласны, что это война. Билл Моррелл пробивается по телефону из Хаберсбирка. Не передам ли я его сообщение в "Daily Express"? Да, какое сообщение? Он говорит, что звонит из полицейского участка. В углу помещения в

нескольких футах от него лежат под простыней тела четырех чешских жандармов и одного немца. Немцы убили всех четверых жандармов в городе, но прибыло чешское подкрепление, и сейчас управление под контролем. Звоню Мэри, его жене, которая вот-вот станет мамой, и сообщаю, что с Биллом все в порядке. Подходит время моей радиопередачи. Несусь по улице к Дому радиовещания. Должен сказать, что на улице мне стало даже как-то неловко за себя. Люди спокойны и невозмутимы. Нигде не видно ни солдат, ни полиции. Все идут домой, чтобы лечь спать как всегда. Вышел в эфир, но мы не слышали Нью-Йорка, и, боюсь, были сильные помехи. А теперь в постель.

Прага, 14 сентября (утром)

Телеграмма от Пола Уайта повергла меня в уныние. Моя ночная передача не прошла. Он говорит, атмосферные помехи или пятна на Солнце. Сейчас с Гиндушем, Коксом и Морреллом отправляюсь в поездку по Судетам, чтобы взглянуть на бои.

Вечером. - Проехали двести миль по Судетской области. Везде бои. Мятеж, инспирированный из Германии и с помощью германского оружия, подавлен. И чешская полиция, и военные, действуя с невероятной сдержанностью, понесли больше потерь, чем судетские немцы. Если Гитлер не вмешается, то пик кризиса миновал. Жители Судет, с которыми я сегодня разговаривал, очень удивлены. Они предполагали, что германская армия войдет в ночь на понедельник сразу после выступления Гитлера, и когда этого не случилось, а вместо нее вошла чехословацкая армия, они пали духом. Сторонники Генлейна удерживают власть только в Швадербахе, потому что чехи не могут обстреливать этот город, не задевая снарядами территории рейха. Сегодня днем Генлейн объявил из Аша о роспуске комиссии, которая вела там переговоры с правительством. Эрнст Кундт, глава делегации, смуглый вспыльчивый человек и наиболее честный из всех, говорит, что останется в Праге, "если они не убьют меня".

Вскоре после обеда в вестибюль "Амбассадора" влетел мальчишка-газетчик с экстренным выпуском одной немецкоязычной газеты, единственной, которую я могу здесь читать, поскольку не знаю чешского языка. Заголовки гласят: "Завтра Чемберлен отправляется в Берхтесгаден на встречу с Гитлером!" Чехи ошеломлены. Они подозревают сделку, и я боюсь, что они правы. Ночью по дороге на радиопередачу шедший со мной Гиндуш, который понимает чешский, остановился послушать, что кричат мальчишки, продающие газеты. Они кричали: "Чрезвычайная новость! Чрезвычайная новость! Читайте про то, как могущественнейший человек Британской империи идет на поклон к Гитлеру!" Лучшего комментария в этот вечер я

не слышал. Опять выход в эфир, но боюсь, что нам не удастся пробиться. Мощные пятна на Солнце работают против нас.

Чувствую себя разбитым. Снова телеграмма из Нью-Йорка, что передача сорвалась. Вечером отправлю телеграмму со своими заметками, чтобы их зачитали. Сегодня Генлейн выпустил прокламацию с требованием немедленного аншлюса, после чего вылетел в Германию. Правительство отдало приказ арестовать его как изменника. Эд Битти из UP звонил сегодня утром из Эгера, но, хотя он и американец до мозга костей, Пакард не понял ни слова из того, что он сказал. Пак прибежал ко мне. "Битти рехнулся. Говорит на каком-то непонятном языке. Ты не поговоришь с ним?" Я вышел на связь. Эд объяснил по-немецки, что он говорит из полицейского участка, что чехи понимают по-немецки, но не знают английского и предоставили ему связь с условием, что он передаст свое сообщение по-немецки, чтобы они могли его проверить. Я записал сообщение. Прошлой ночью во время штурма чешской полицией штаб-квартиры Генлейна в отеле "Виктория" убито шесть человек.

Сегодня взгляд чехов, как и всех остальных, прикован к Берхтесгадену. Они задаются вопросом, не последует ли за мирным решением вопроса, которое пытается получить от Гитлера Чемберлен, призыв пойти на все уступки. Правительственные круги настроены весьма мрачно. Марроу позвонил из Лондона и предложил мне немедленно отправиться в Берхтесгаден. Не знаю, сумею ли я. Чешские поезда перестали ходить через границу, и я не могу найти чешского водителя, который согласится вести через нее свою машину.

Позднее. Позвонил Эд и сообщил, что утром Чемберлен возвращается в Лондон. Моя поездка в Берхтесгаден отменяется. Гора с плеч. Предпочитаю освещать эту войну со стороны Чехословакии.

Прага, 16 сентября

Еще одна телеграмма из Нью-Йорка. Они меня не слышат третий день подряд, но зачитывают мои сообщения, полученные по телеграфу. Это несчастье для радио. Из Берлина сообщают, что Гитлер потребовал референдума для жителей Судет, а Чемберлен более или менее согласен. Здесь правительство заявляет, что этот вопрос даже не обсуждается. Но они боятся того, что произошло в Берхтесгадене. Другими словами, что мистер Чемберлен предал их. В сегодняшнем эфире я скажу: "Согласятся ли чехи разрушить свое государство и принести в жертву свою стратегически важную горную преграду, которая защищала Богемию на протяжении тысячелетия?.. У меня такое впечатление, что они не потерпят унижения и вверят свою судьбу даже конференции четырех

великих европейских держав. Чехи говорят: предположим, что пройдет референдум и Судеты отойдут Германии. В качестве компенсации, они считают, мистер Чемберлен должен предоставить им торжественно подписанные Великобританией, Францией, Германией и Италией гарантии, что агрессии не будет. А чего будет стоить другой договор, спрашивают они".

Позднее. Ура! Сегодня отлично слышал Нью-Йорк, и они меня так же хорошо слышали. После четырех дней неудач, и каких четырех дней! Рэнсимен уехал в Лондон, совершенно спокойно уйдя в сторону как не пользующийся симпатией, никем не уважаемый и не воспетый.

Прага, 18 сентября

Чехи ужесточают свои позиции, по мере того как становится очевидным, что Чемберлен готов поддержать требования Гитлера отдать ему Судеты, а на деле - всю Чехословакию. Мило Годжа, премьер-министр, сегодня выступил по радио и на весь мир сказал твердое "нет" референдуму. "Это неприемлемо. Это ничего не решит", - заявил он. Когда я встретил Годжу в Доме радиовещания после его выступления, он поразил меня тем, что, в отличие от других словаков, был взвинчен и очень нервничал. В нем явно чувствовалось напряжение последних дней. Интересно: выступает он сильно, но не сдается ли?

Позднее. Я должен ехать в Германию. В полночь из Лондона позвонил Марроу с новостями. Британцы и французы решили, что они не будут бороться за Чехословакию, и попросили Прагу уступить Гитлеру безо всяких условий и передать Судеты Германии. Я запротестовал и сказал Эду, что чехи не пойдут на это, что они будут бороться в одиночку...

"Возможно. Надеюсь, что ты прав. Но тем временем в среду мистер Чемберлен встречается в Годесберге с Гитлером, и мы хотим, чтобы ты освещал эту встречу. Если там война, тогда можешь вернуться в Прагу".

"Хорошо", - сказал я.

Мне все равно сейчас, куда ехать. Взял себя в руки, пошел к Морису Гиндушу, вытащил его из постели и рассказал ему все новости, которым он отказался поверить. Мы позвонили двум-трем знакомым из министерства иностранных дел. По их тону мы поняли, что им эти новости тоже известны, хотя они и не признались. Они заявили, что это слишком "фантастично", чтобы в это поверить. Разумеется, так оно и есть. Мы с Морисом пошли прогуляться. Люди возвращались домой из кафе и не выглядели сильно взволнованными, и было ясно, что они еще не слышали сообщений из Лондона.

В мое отсутствие передачу будет вести Морис. Утром лечу в

Берлин. Спать, четыре часа утра, устал и испытываю ко всему отвращение.

Берлин, 19 сентября

Нацисты ликуют, - и это абсолютно понятно, - по поводу того, что они называют величайшим триумфом Гитлера. "И, в отличие от других, без кровопролития", - вдалбливают они весь день. Что касается простых людей на улицах, то они испытали большое облегчение. Они не хотят войны. Нацистские газеты полны истерических заголовков. Сплошная ложь. Вот некоторые примеры: "ЧЕШСКИЕ БРОНЕВИКИ ДАВЯТ ЖЕНЩИН И ДЕТЕЙ" или "КРОВАВЫЙ РЕЖИМ - НОВЫЕ УБИЙСТВА НЕМЦЕВ ЧЕХАМИ". "Borsen Zeitimg" бьет все рекорды: "ГАЗОВАЯ АТАКА НА АУССИГ?" Очень хороша "Hamburger Zeitimg": "ГРАБЕЖИ, РАЗБОЙ, СТРЕЛЬБА ЧЕШСКИЙ ТЕРРОР В ГЕРМАНСКОЙ СУДЕТСКОЙ ОБЛАСТИ УСИЛИВАЕТСЯ С КАЖДЫМ ДНЕМ!"

Из Праги пока ни слова о том, примут ли чехи ультиматум Чемберлена. Я все еще надеюсь на чудо - что они будут бороться. Потому что, если они будут бороться, война в Европе неизбежна и Гитлер не сможет ее выиграть. Свое сегодняшнее радиовыступление закончил так: "Ясно одно: мистеру Чемберлену, безусловно, окажут теплый прием в Годесберге. На самом деле сегодня в Берлине у меня сложилось впечатление, что мистер Чемберлен здесь весьма популярная фигура".

В поезде Берлин - Годесберг, 20 сентября

Провели сейчас немыслимую радиопередачу. В шесть вечера, когда я упаковывал вещи, позвонил из Нью-Йорка Пол Уайт. Я сказал, что ему придется отменить мою постоянную передачу в десять тридцать, так как в десять тридцать отправляется поезд на Годесберг. Он предложил выйти в эфир прямо из поезда, интервьюируя находящихся там корреспондентов по поводу шансов на мирный или военный исход переговоров в Годесберге. Телефонный звонок на государственное радио. Из поезда сделать это невозможно. Спрашиваю, как насчет того, чтобы провести передачу с вокзала Фридрихштрассе. Годится, говорит доктор Харальд Дитрих, энергичный, предприимчивый исполняющий обязанности начальника отдела коротковолновой связи. Телефонный звонок в Нью-Йорк. Уайт доволен. Когда я приехал без пяти десять на вокзал, прямо перед началом передачи, микрофон уже работал.

Но американских корреспондентов там не оказалось. Платформа была пуста. В десять я начал импровизировать. Единственная новость, которая у меня была, это то, что венгры и поляки примчались сегодня, как шакалы, в Берх-тесгаден, чтобы потребовать свою долю чешской добычи. Когда эта тема была

исчерпана, я начал читать заголовки вечерних газет. Как всегда ложь, но, если я так скажу, нацисты меня отключат. Например, такой заголовок: "ЧЕШСКИЕ СОЛДАТЫ НАПАДАЮТ НА ГЕРМАНСКУЮ ИМПЕРИЮ!" Посмотрел вокруг. Корреспондентов все еще нет. Я ожидал, что все они опоздают на поезд. Кажется, порассуждал на тему национальных меньшинств в Чехословакии. Наконец показался Гасс. Я буквально схватил его за полы пальто, и, не поняв, в чем дело, он уже был в эфире. Подъехали и остальные газетчики, но они, казалось, были заняты устройством своего багажа. Гасс начал подавать отчаянные знаки. Одному богу известно, как прозвучал конец передачи. Я дал слово двум или трем англичанам, потом Зигрид Шульц, Уэббу Миллеру, Ральфу Барнесу. Филиппе Бойано, итальянский журналист, жестом показал, что он тоже хочет выступить. Я знал, как он тайно ненавидит фашистов, но не был уверен в его английском. Оказалось все замечательно. Никакое поставленное произношение не могло быть и вполовину лучше. Жюв из Гавас тоже захотел сказать несколько слов. Не успел я спросить, говорит ли он по-английски, как он уже вещал - по-французски. Я начал переводить то, что он сказал, и вдруг краем глаза вижу, что поезд уже движется. Моя заключительная фраза была неразборчивой, но я успел вскочить в вагон. Боюсь, что передача провалилась, но сейчас приходится думать о более важных вещах.

Годесберг, 22 сентября

Свастика и британский "юнион джек" развеваются друг напротив друга в этом прелестном рейнском городе - думаю, весьма уместно. Как уместно было и устроить вашу встречу в этом вагнеровском городе, потому что, говорят, именно здесь любили порезвиться Вотан, Тор и другие боги древних тевтонов.

Утром я заметил кое-что интересное. Когда я завтракал в саду отеля "Дризен", где остановился Гитлер, неожиданно появился этот великий человек, проскользнул мимо меня и спустился к берегу Рейна проверить свою яхту. Х., один из ведущих немецких издателей, тайно презирающий режим, слегка толкнул меня локтем: "Посмотри на его походку!" Взглянув, я убедился, что походка действительно забавная. Во-первых, она была очень женственной. Изящные маленькие шажки. Во-вторых, каждые несколько шагов он нервно вздергивал правое плечо, а его левая нога при этом издавала хрустящий звук. Я внимательно посмотрел на него, когда он возвращался мимо нас. Тот же нервный тик. Под глазами у него были безобразные черные пятна. Мне показалось, что этот человек на грани нервного срыва. Теперь я понимаю, что имели в виду журналисты, когда мы собрались вчера выпить в "Дризене". Они все время повторяли

слово "теппихфрессер", "пожиратель ковров". Я сначала не понял, но потом кто-то шепотом пояснил. Говорят, что Гитлер недавно перенес один из своих нервных кризисов, и в последнее время они начали принимать странную форму. Когда он приходит в ярость по поводу Бенеша и Чехословакии, то бросается на пол и жует краешек ковра, то есть пожирает ковер. После того как я увидел его сегодня утром, готов в это поверить. Чемберлен и Гитлер имели трехчасовую беседу сегодня во второй половине дня, следующая состоится завтра. Как раз, когда я вел передачу из небольшой студии, которую мы организовали в комнате для швейцаров, эти два человека вышли после своей конференции прямо под мои окна. Гитлер, конечно, был сама любезность, а Чемберлен, выглядевший чванливым дураком, улыбался и, полный самомнения, явно радовался аплодисментам, которыми наградила их эсэсовская охрана, стоящая у дверей. Я знаю, что Чемберлен предложил создать международную комиссию по контролю за международными гарантиями того, что остается от Чехословакии. Нью-Йорк телеграфирует, что наша вчерашняя передача с вокзала Фридрихштрассе оказалась сенсацией. Странно. В Праге новый кабинет министров. Новый премьер - одноглазый, видавший виды генерал Ян Сыровый, генерал-инспектор сухопутных войск. Чехословакия еще может повоевать.

Годесберг, 23-24 сентября, 4 часа утра

После странного прошедшего дня кажется, что война совсем близка. Все британские и французские корреспонденты, а также Берчэлл из нью-йоркской "Times", который является английским подданным, отправляются на рассвете (примерно через час) к французской, бельгийской и голландской границам. Такое впечатление, что Гитлер здорово обманул Чемберлена. И старый индюк обижен. Весь день он хандрил в своих апартаментах в "Петерсхофе", что в городке Петерсберг на другом берегу Рейна, отказываясь идти на переговоры с диктатором. В пять часов вечера он отправил сэра Горация Вильсона, своего "конфиденциального" советника, и сэра Невиля Гендерсона, британского посла в Берлине (мы догадываемся, что и тот и другой готовы продать Чехословакию за пять центов), на другой берег Рейна встретиться с Риббентропом. Результат: Чемберлен и Гитлер встретились в двадцать два тридцать. Эта встреча, последняя, прервалась в час тридцать без какого-либо соглашения, и теперь похоже, что дело идет к войне, хотя из моей "студии" в швейцарской, всего в двадцати пяти футах от вышедших Чемберлена и Гитлера, я не мог разглядеть какого-либо напряжения или особого разочарования на птичьей физиономии Чемберлена, когда он прощался с Гитлером. Гитлер

тоже улыбался и выглядел любезным. И все-таки немцы впали сегодня ночью в глубокую печаль, как будто в страхе, что оказались перед лицом войны. Они печальны, но все равно пребывают в лихорадочном возбуждении. Когда я собирался выйти в эфир в два часа утра со своим ежедневным сообщением и официальным коммюнике, ворвались Геббельс и Адамовски, нацистский босс германского радио, и запретили нам с Джорданом передавать что-либо, кроме официального коммюнике. Позднее я наспех ужинал в вестибюле "Дризена". Геббельс, Риббентроп, Геринг, Кейтель и другие то входили, то выходили, и все они выглядели так, как будто получили мощный удар кувалдой по голове. Меня это сильно удивило, потому что эта война - то, к чему они стремились. В коммюнике просто сообщалось, что Чемберлен пообещал направить в Прагу германский меморандум, содержащий "окончательную позицию" Германии по судетскому вопросу. Дело в том, что Чемберлен, приехав сюда, был готов отдать Судетскую область Германии, но только "британским" способом - с помощью международной наблюдательной комиссии. Но он обнаружил, что аппетиты Гитлера возросли. Гитлер хочет заполучить ее своим способом, то есть немедленно и безо всяких глупостей с международной комиссией. На самом деле это не столь важный пункт ни для одной ни для другой стороны, но, кажется, каждый настаивал на своей позиции{13}.

Тем временем пришло сообщение, что чехи наконец объявили мобилизацию.

Сейчас пять утра. Прилягу на столе в вестибюле, потому что в шесть должен отправиться в Кельн, чтобы успеть на берлинский самолет.

Берлин, 24 сентября

Описание сегодняшнего дня содержится в моей передаче, которую я провел в полночь. Вот что я рассказал. "Утром все мы в Годесберге были в некотором замешательстве, но вечером в Берлине ситуация выглядит так:

Гитлер потребовал, чтобы Чехословакия не позднее субботы, 1 октября, согласилась передать Германии Судетскую область. Мистер Чемберлен должен был сообщить об этом правительству Чехословакии. Сам по себе факт, что человек, наделенный всеми полномочиями политического лидера Британской империи, взял на себя эту задачу, воспринимается здесь, да, думаю, и везде, как означающий, что Чемберлен поддерживает Гитлера.

Вот почему немцы, с которыми я беседовал утром на улицах Кельна и вечером в Берлине, верят, что будет мир. Как вы думаете, какой новый лозунг появился сегодня вечером в

Берлине? Его можно прочитать в вечерних газетах. Вот он: "С ГИТЛЕРОМ И ЧЕМБЕРЛЕНОМ ЗА МИР!" А "Angriff" добавляет: "ГИТЛЕР И ЧЕМБЕРЛЕН ТРУДЯТСЯ ДЕНЬ И НОЧЬ В ИНТЕРЕСАХ МИРА".

Итак, Берлин выражает оптимизм по поводу мира. Не смог сегодня связаться по телефону и телеграфу с Гиндушем в Праге, чтобы сообщить расписание передач. Вся связь с Прагой прервана. Слава богу, что есть новый чешский передатчик{14}.

Берлин, 25 сентября

Завтра вечером Гитлер выступает с речью в Спортпала-се. Кажется, его бесят сообщения из Праги, Парижа и Лондона о том, что в своем годесбергском меморандуме он вышел за пределы первоначального соглашения с Чемберленом, достигнутого в Берхтесгадене. Он утверждает, что это не так. В этот спокойный выходной день здесь не наблюдается никакой военной лихорадки, даже никаких античехословацких настроений. Кажется, в былые времена накануне войн толпы разгневанных демонстрантов собирались перед посольствами враждебных стран. Я прошелся сегодня мимо чехословацкого консульства. Вокруг ни души, даже ни одного полицейского. Тепло и солнечно, возможно, последний летний день в этом году, и, кажется, половина жителей Берлина проводит его на соседних озерах или в лесах Грюневальда. Трудно поверить, что будет война.

Берлин, 26 сентября

Гитлер наконец сжег за собой последние мосты. С криками и воплями, - я никогда прежде не видел его в таком сильном возбуждении, - он заявил сегодня вечером в Спортпаласе, что получит свою Судетскую область 1 октября, в ближайшую субботу (сегодня понедельник). Если Бенеш откажется ее передать, он пойдет на войну, в эту субботу. Любопытная была аудитория, в зал набилось пятнадцать тысяч партийных бонз. Они аплодировали его речам с обычным энтузиазмом. Но военной лихорадки все еще не ощущалось. Толпа была настроена добродушно, как будто не осознавала, что значили его слова. Переполненный ядом более чем когда-либо, босс бросал оскорбления лично Бенешу. Дважды Гитлер выкрикивал, что это самое последнее его территориальное требование в Европе. Говоря о своих заверениях Чемберлену, он заявил: "Я по-прежнему заверяю его, что, когда чехи урегулируют отношения со своими национальными меньшинствами, государство Чехословакия перестанет меня интересовать, и, если хотите, я могу дать ему еще одну гарантию: нам не нужны никакие территории Чехословакии". В конце речи Гитлер имел наглость возложить ответственность за сохранение мира или развязывание

войны исключительно на Бенеша!

Я вел передачу сидя на балконе как раз над тем местом, где находился Гитлер. У него по-прежнему был нервный тик. В течение всего выступления у него подергивалось одно плечо, а противоположная нога ниже колена подпрыгивала. Зрители не могли этого видеть, а я мог. За все годы, что я наблюдаю за ним, сегодня вечером он, кажется, впервые полностью потерял контроль над собой. Когда он сел после выступления, Геббельс вскочил и прокричал: "Одно бесспорно: 1918-й никогда не повторится!" Гитлер посмотрел на него снизу вверх с диким нетерпеливым выражением глаз, так, как будто это были те слова, которые он искал весь вечер и не смог найти. Он вскочил на ноги и с фанатичным огнем в глазах, который я не забуду никогда, сильно размахнувшись, ударил правой рукой по столу и прокричал во всю глотку: "Да!" После этого тяжело опустился в кресло в полном изнеможении.

Берлин, 27 сентября

Этим вечером в сумерках по улицам города в направлении чехословацкой границы пронеслась моторизованная дивизия. Я вышел на угол улицы Линден, где колонна поворачивала на Вильгельмштрассе, предполагая увидеть огромную демонстрацию. Я представлял себе сцены 1914 года, о которых читал когда-то, как восторженные массы на этой же самой улице бросали цветы марширующим солдатам, а девушки подбегали и целовали их. Несомненно, этот час был выбран сегодня, чтобы застать сотни тысяч берлинцев, выходящих из своих учреждений в конце рабочего дня. Но они быстро исчезали в метро, отказываясь смотреть на все это, а горстка людей, стоявших на краю тротуара в полнейшей тишине, не способна была найти и слова приветствия своим уходящим на славную войну молодым людям. Это была самая впечатляющая антивоенная демонстрация, которую я когда-либо видел. По слухам, сам Гитлер был в ярости. Я недолго простоял на углу улицы, когда от здания рейхсканцелярии на Вильгельмштрассе пришел полицейский и прокричал немногочисленным прохожим, стоявшим на обочине, что фюрер проводит с балкона смотр войск. Некоторые двинулись посмотреть. Я тоже пошел взглянуть. Гитлер действительно стоял там, а на улице и громадной площади Вильгельма не было и двухсот человек. Гитлер выглядел сначала мрачным, потом злым и вскоре ушел с балкона внутрь здания, оставив свои войска маршировать без присмотра. От того, что я увидел сегодня, вновь вспыхнула слабая вера в немецкий народ. Они совершенно не хотят войны.

Сегодня Тэсс с ребенком отправляются в путешествие из

Шербурга в Америку, билеты она заказала месяц назад. Прошлой ночью она звонила из Парижа и сказала, что во Франции объявлена мобилизация и нет уверенности в том, что поезд, согласованный с пароходным расписанием, отправится в Шербург. Сегодня от нее ни слова, надеюсь, поезд ушел.

Берлин, 28 сентября

Войны не будет! Гитлер пригласил Муссолини, Чемберлена и Даладье встретиться с ним завтра в Мюнхене. Эти трое избавят Гитлера от непослушного ребенка Чехословакии, и он получит свою Судетскую область без войны, ну может быть, на пару дней позднее, чем он обещал. Люди на улицах почувствовали большое облегчение, и, если я правильно оцениваю, на Вильгельмштрассе и Бендлерштрассе (военное министерство) тоже. Ночью сразу после моей радиопередачи уезжаю в Мюнхен.

Мюнхен, 30 сентября

Все кончено. В двенадцать тридцать ночи, через полчаса после полуночи, Гитлер, Муссолини, Чемберлен и Даладье подписали договор о передаче Судетской области Германии. Германская оккупация начинается завтра, в субботу 1 октября, и будет завершена 10 октября. Таким образом, две "демократии" идут даже на то, чтобы позволить Гитлеру выполнить его хвастливое обещание заполучить Судеты 1 октября. Он получает все, что хотел, если не считать того, что ему придется еще несколько дней подождать, пока он завладеет Судетами полностью. Его краткое десятидневное ожидание спасло мир в Европе - забавный комментарий для этого больного и разлагающегося континента.

Как я имел возможность наблюдать в течение этих бесконечных, до странности нереальных двадцати четырех часов, Даладье и Чемберлен до сих пор ни разу не потребовали от Гитлера ни одной уступки. Они ни разу не встретились наедине и не сделали никаких попыток выступить как бы единым "демократическим" фронтом перед двумя диктаторами. Гитлер встречал Муссолини вчера ранним утром на вокзале Кюфштейн, и они составили свой план. Даладье и Чемберлен прилетели каждый на своем самолете и вчера даже не сочли нужным вместе позавтракать, чтобы выработать свою стратегию, как это сделали диктаторы.

С Чехословакией, которую попросили пойти на все жертвы во имя мира в Европе, здесь не консультировались ни на одной стадии переговоров. Двум ее представителям, доктору Мастны, честному и интеллигентному чехословацкому посланнику в Берлине, и доктору Мацарику из министерства иностранных дел Чехословакии, в час тридцать ночи было сказано, что

Чехословакии придется подчиниться, причем сказано не Гитлером, а Чемберленом и Даладье! Их протесты, мы слышали это, высокий государственный муж просто обсмеял. Чемберлен был похож на черного грифа, которого я видел в Бомбее. Он выглядел особенно довольным собой, когда возвращался ранним утром после подписания соглашения в отель "Регина", хотя и слегка утомленным, но приятно утомленным.

Даладье же выглядел совершенно разбитым и сломленным. Он зашел в "Регину" попрощаться с Чемберленом. Наша компания ожидала, когда он спустится по лестнице. Кто-то спросил или начал было спрашивать: "Monsieur le President, вы удовлетворены соглашением?.." Он повернулся к нам, как будто хотел что-то сказать, но был слишком уставшим, и, не сказав ни слова, молча проковылял за дверь. Французы говорят, что он боится возвращаться в Париж, думает, что его встретит враждебно настроенная толпа. Остается надеяться, что так оно и будет. Потому что Франция принесла в жертву свое положение на континенте и потеряла свою главную поддержку в Восточной Европе. Для Франции этот день станет катастрофой.

Насколько же по-другому выглядел Гитлер! После того как весь вечер нас не подпускали к резиденции фюрера, нам наконец удалось туда пробиться как раз в тот момент, когда он уезжал. В сопровождении Геринга, Риббентропа, Геббельса и Гесса он прошел мимо меня как победитель, коим он и был в это утро. Я отметил его преисполненную важности и самодовольства походку. Тика как не бывало! Что касается Муссолини, он удалился рано, нахальный, как петух.

Кстати, меня здорово обскакали в эту ночь. Макс Джордан из Эн-би-си вышел в эфир на час раньше меня с текстом подписанного соглашения - одно из самых больших моих поражений в жизни. Благодаря особому положению его компании в Германии, он получил эксклюзивное право на использование гитлеровской радиостанции в резиденции фюрера, где и проходила конференция. Виганд, который тоже находился в этом здании, рассказывает, что Макс припер к стенке сэра Горация Вильсона, когда тот вышел из зала заседаний, заполучил от него английский текст соглашения, бросился в студию фюрера и через несколько мгновений уже был в эфире. Не имея возможности сразу же выйти в эфир из этой студии, я оставался вблизи другой студии - местной мюнхенской радиостанции. Я договорился с несколькими английскими и американскими коллегами, что они передадут мне документ по возможности сразу же после завершения заседания, если не сумеют получить его раньше от членов какой-нибудь делегации. Первой с копией документа

приехала Демари Бесс, но, о Аллах, мы опоздали. Примерно в два тридцать утра мне позвонили из Нью-Йорка и любезно сказали, чтобы я не переживал - черт бы побрал их приличия. Фактически я вышел в эфир в двадцать три тридцать с объявлением, что соглашение достигнуто. Я изложил все его существенные детали, заявив, что оккупация начнется в субботу, что она будет завершена через десять дней и т. д. Но я мечтал получить официальный текст документа первым. К счастью для Си-би-эс, Эд Марроу оказался в Лондоне первым, кто отправил официальное сообщение в Америку о подписании соглашения через полчаса после полуночи. Он поймал его с мюнхенской радиостанции в разгар переговоров.

Позднее. Чемберлен, очевидно понимая свое дипломатическое поражение, проделал очень ловкий трюк для спасения своей репутации. Утром перед отъездом он еще раз встретился с Гитлером, и после этого появилось совместное коммюнике. Суть его такова: "Мы рассматриваем подписанное вчера соглашение и англо-германский морской договор как выражающие желание наших двух народов никогда не воевать друг против друга". А последний параграф гласит, что они будут консультироваться в дальнейшем по всем вопросам, которые могут касаться их стран, и "готовы продолжить усилия по устранению возможных источников расхождений и таким образом вносить свой вклад в обеспечение мира в Европе".

Позднее. В поезде Мюнхен - Берлин. В поезде едут большинство ведущих немецких журналистов, и они осушают бутылки шампанского и не пытаются больше маскировать свой восторг по поводу величайшей победы Гитлера над Великобританией и Францией. В вагоне-ресторане Хальфельд из "Hamburger Fremdenblatt", Отто Крик из "Nachtausgabe", д-р Бёмер, начальник по связям с иностранной прессой из министерства пропаганды, злорадствуют, скупают все шампанское в ресторане, торжествуют, похваляются... Когда немец испытывает свое величие, он испытывает его с размахом. Вечером в Берлине у меня будет два часа на то, чтобы получить военные пропуска, принять ванну и отправиться ночным поездом в Пассау, дабы войти в Судетскую область вместе с германской армией - печальное для меня задание.

[Позднее. А Чемберлен вернется в Лондон и с балкона на Даунинг-стрит, 10 будет хвастаться результатами этой ночи: "Мои дорогие друзья, второй раз в нашей истории (а толпа с криками: "Отлично, старина Невиль" и пением "Он отличный парень" вспомнит Дизраэли, Берлинский конгресс 1878 года?) на Даунинг-стрит приходит из Германии мир на почетных условиях.

Я верю, что это мир для нашего поколения". Мир на почетных условиях! А Чехословакия? И только Дафф Купер покинет кабинет со словами: "Мы победили в 1914-м не для Сербии или Бельгии... а для того, чтобы одной великой державе не позволено было в нарушение обязательств договора и законов наций, против всех правил морали, с помощью жестокой силы господствовать на всем Европейском континенте... В течение этих дней премьер-министр возлагал надежды на обращения к господину Гитлеру на языке мягких увещеваний. Я считал, что он более открыт для языка военной силы..." Только Уинстон Черчилль, глас вопиющего в пустыне в те годы, скажет, обращаясь к палате общин: "Мы потерпели полное, абсолютное поражение... Не позволяйте ослеплять себя. Мы должны предвидеть, что все страны Центральной и Восточной Европы пойдут на самые выгодные уступки торжествующей нацистской власти... Дорога на Дунай... дорога к Черному морю и Турции открыта. Мне кажется, что все страны срединной Европы и долины Дуная, одна за другой, окажутся втянутыми в огромную систему нацистской политики, не только военной, но и экономической, исходящей из Берлина". Черчилль - единственный оставленный без внимания предсказатель на британской земле.]

В поезде Регенсбург - Берлин, 2 октября

Вчера перед рассветом был в Регенсбурге, потом автобусом добрался до Пассау на Дунае, а оттуда на машине с майором германского Генерального штаба проследовал за марширующими, словно на пикник, войсками в зону Су-детской области. Ночью под проливным дождем вернулся в Пассау, где военная цензура не дала мне разрешение на радиопередачу; сажусь в поезд на Регенсбург, прибываю туда в полночь и диктую свой репортаж по телефону в "Пресс вайелесс" в Париж, с тем чтобы его зачитали в Нью-Йорке, так как из Берлина сообщают, что военные наложили запрет на все радиосообщения об оккупации, включая свои собственные. Самолета на Берлин нет, поэтому сел на этот поезд, и передачу буду вести ночью из Берлина.

Берлин. Позднее. Военные еще не наложили свой запрет, так что пришлось зачитывать другой текст, который я написал в поезде по поводу политического значения победы Гитлера в Мюнхене. В нем я цитирую редакционную статью Рудольфа Кирхера, единственного порядочного и мужественного редактора, оставшегося в нацистской Германии, в утреннем выпуске "Frankfurter Zeitung", где он честно говорит о преимуществах угрозы применения силы и начала войны, потому что Гитлер все это время знал, что демократические государства боятся войны. Когда вернулся в отель, мне позвонил генерал, заведующий

военной цензурой на германском радио, и сообщил, что только что прочитал мое сообщение об оккупации, что оно ему понравилось, что он вынужден был до настоящего времени запрещать все отчеты репортеров германского радио, но я могу выйти со своим в эфир. Позвонил Полу Уайту в Нью-Йорк, но он сказал, что кризис миновал и люди там хотят забыть про него и отдохнуть. Что и для меня неплохо бы. Могу поспать и отвлечься от этих немцев, сейчас таких воинственных и невыносимых.

Берлин, 3 октября

Звонил Эду Марроу в Лондон. Он так же подавлен, как и я. Послезавтра будем топить свои печали в Париже. Из моего окна в "Адлоне" вижу, как на противоположной стороне Линден демонтируют противозенитное орудие на крыше здания компании "ИГ Фарбен". Так заканчивается кризис. Не забыть бы некоторые детали. Герои драмы: чувство собственного достоинства у Бенеша на протяжении этих событий; увиденный мной пять раз Гитлер; птица-Чемберлен; маленький подавленный человек Даладье, которому, кажется, суждено терпеть поражение (как 6 февраля 1934 года) всякий раз, когда он оказывается в затруднительном положении. Не забыть также: себя на мосту через маленькую речушку около Крумау, где нас могло разнести на куски, успей наша немецкая армейская машина проехать на два фута дальше; мужество жителей Праги, уверенных, что война и бомбы на рассвете неминуемы; испуг на лицах немецких бюргеров на Вильгельмштрассе в ту ночь, когда мимо неслась моторизованная дивизия и война казалась им неизбежной, а потом сумасшедшая радость жителей Мюнхена и Берлина, когда в пятницу они узнали, что это не просто мир, а победа; убитый вид судетских немцев, когда чехи подавили их восстание, и перемена на их лицах две недели спустя, когда вошел рейхсвер; и как бургомистр судетского городка Унтервальдау герр Шварцбауэр (мистер Черный Крестьянин) отвел меня в сторонку от немецких офицеров, и я спросил: "Что самое ужасное из того, что сделали чехи вам, герр бургомистр?" И его ответ, дурацкий и невероятный, что чехи забрали у него радиоприемник, поэтому он не мог слушать речи Гитлера - более жуткого преступления быть не может!

Париж, 8 октября

Париж - страшное место. Он полностью поддался пораженческим настроениям, без малейшего представления о том, что произошло с остальной Францией. У "Фуке" и "Максима" жирные банкиры и бизнесмены празднуют мир реками шампанского. Но даже официанты и таксисты, обычно люди разумные, разглагольствуют, как здорово, что удалось избежать

войны, что это было бы преступлением, что они повоевали в прошлую войну и этого достаточно. Все было бы отлично, если бы немцы, которые тоже навоевались в прошлую войну, испытывали бы те же самые чувства, но это не так. Мужество Франции - Франции времен Марны и Вердена - где оно? В отсутствие Пьера Комера никто на набережной Де-Орсе не имеет понятия о реалиях Германии. Французские социалисты прониклись пацифизмом; французские правые, за исключением немногих вроде Анри де Керильи, - либо фашисты, либо пораженцы. Я больше не понимаю французов.

Эд Марроу в таком же унынии, как и я. Мы пытаемся избавиться от него, беседуя ночь напролет, поглощая бутылками шампанское и бродя по улицам, но, видимо, для этого нужно больше времени. Наши мнения сходятся вот в чем: война сейчас близка как никогда; скорее всего, она начнется после уборки зерновых; Польша наверняка будет следующей в списке Гитлера (как слепы и глупы поляки в этом кризисе, помогая Германии кромсать Чехословакию!); мы должны убедить Варшаву быстро установить более мощный коротковолновый передатчик, если поляки хотят, чтобы мир их услышал; нам необходимо создать штат репортеров для американского радио. Но если честно, мы мало думаем о работе. Эд говорит, что американское радио проделало потрясающую работу по освещению кризиса, но нам на это наплевать - почти на все, и даже от шампанского уже тошнит. Мы уезжаем.

Забежал к Галлико. Он уезжает в путешествие по столицам мира собирать материал для своих рассказов. Отдаю ему письма работающим в тех местах корреспондентам, обедаем у "Максима", но для меня это уже невыносимо. Утром уезжаю в Женеву. Практически первая в этом году возможность побыть с Тэсс и Эйлин. Но они в Америке.

Женева, 6 ноября

Здесь целый месяц стояло чудное бабье лето, но сегодня с Альп к нам спускается снег, а утром покрылись снегом - Юрские горы на противоположном берегу озера. Скоро мы сможем кататься на лыжах. Это был месяц самой сильной депрессии в моей жизни - и в умственном, и в духовном плане. Я все еще нахожусь в таком состоянии, что совершил две сумасшедшие вещи: начал писать пьесу и освоил - в моем-то возрасте, в тридцать четыре! - гольф. Может, они помогут мне вернуть душевное равновесие. В Дивоне у подножия Юрских гор есть прекрасное поле, откуда можно любоваться озером и, когда садится солнце, наблюдать Монблан во всем его снежном великолепии. С Артуром Берроузом (англичанином пятидесяти

двух лет, он секретарь Международного радиовещательного союза) мы издеваемся над лунками, выдираем с корнем дерн, быстро теряем счет очкам, если они есть, и после первых девяти лунок прерываем игру, чтобы спуститься в деревушку Дивон, расположенную с французской стороны границы, на роскошный обед из девяти блюд, который запиваем двумя бутылками бургундского. Потом возвращаемся, навеселе и в хорошем настроении, чтобы пройти оставшиеся девять лунок. Игра называется "Иностранный корреспондент". Это позволяет мне хорошо расслабиться.

Варшава, 11 ноября

Делал получасовую программу, посвященную двадцатилетию Польской Республики. По ряду причин передача оказалась безнадежно испорчена. Сидя во Дворце, я начал со слов: "Леди и джентльмены, государственный гимн Польши..." - его должен был играть оркестр из студии, расположенной в другой части города. Вместо оркестра начал говорить президент Мосьцицкий. Он обещал выступить по-английски, но через наушники я услышал только польский. Тогда я бросился по дворцовому коридору к его кабинету, чтобы выяснить, в чем дело. У дверей меня остановил высокий адъютант. Я сказал: "Президент обещал говорить по-английски". Он странно посмотрел на меня и слегка приоткрыл дверь. "Он и говорит по-английски, сэр", - сообщил он. Стрелой назад в свою комнату, чтобы представить посла Тони Биддла, который должен произнести несколько тщательно подготовленных фраз. Он начал что-то нести, и я, решив, что он внезапно стал жертвой "испуга перед микрофоном", отключил его. Тогда он взял текст своего выступления. Это была куча иероглифов. "На польском! прошептал он. - Произнесите..." Он сделал небольшое сообщение на польском языке. Когда он закончил, мы так смеялись, что поляки во Дворце слегка забеспокоились.

После всего этого встретил Дьюранти, и была одна из его "русских ночей". Остановили извозчика. Упорно разговаривая с кучером по-русски, он настоял, чтобы нас отвезли в русский кабак. Ветер любимых Дьюранти русских степей хлестал снегом по нашим лицам, и казалось, прошла вечность, прежде чем кучер остановил наконец свою умирающую клячу перед ветхим старинным зданием.

"Русский кабак?" - прокричал Вальтер. За снежным пологом мы не могли разглядеть кучера. Нет, это не русский кабак. Это польское заведение, публичный дом. Потом на фоне метели длительная дискуссия по-русски между московским корреспондентом нью-йоркской "Times" и польским извозчиком с

дряхлой лошадью и коляской. Нас засыпало снегом. Было уже далеко за полночь, когда мы нашли русский кабак. Там оказалось много пухлых девушек, которые говорили по-русски и были, по словам Вальтера, чистокровными русскими. И много водки, и игра на балалайке, и песни, и девушки грели спины у громадной изразцовой печи и выглядели все более усталыми, сонными и, как мне казалось, грустными.

Поляки - очаровательные и очень романтичные люди, и с ними я много и хорошо ел, пил и слушал музыку. Но они чудовищно нереалистичны. Например, в своей доверчивости Гитлеру. Польское радио обещает поторопиться с новым коротковолновым передатчиком. Я рассказал им про наш опыт в Чехословакии.

Брюссель, 20 ноября

Я здесь в качестве наблюдателя на международной конференции радиоспециалистов по распределению новых диапазонов. Так как мне здесь делать нечего, на неделю заперся в комнате и закончил пьесу.

Белград, 26 ноября

Здесь другая "юбилейная" передача, аналогичная той, что была в Варшаве.

Позднее. Б поезде на Рим. В шесть вечера позвонила мисс Кэмпбелл из нашего лондонского офиса и сообщила, что умер папа. Я поймал на коктейле молодого Шульцберегера из нью-йоркской "Times" и уговорил его провести мою воскресную программу, объяснил что и как и успел на девятичасовой поезд в Рим.

Рим, 29 ноября

Во вторник папа еще раз победил смерть после жестокого сердечного приступа. Договорился с отцом Делани, блестящим и чрезвычайно приятным молодым иезуитом из Нью-Йорка, прикомандированным к Радио Ватикана, помочь нам в подробном освещении папиной смерти. Вчера и сегодня консультации по этому вопросу с властями Ватикана. Конечно, они очень осторожны, потому что папа еще жив. Но все согласились, что мы должны начать приготовления. Итальянцы подключают для нас дополнительные линии связи из собора Святого Петра в свои студии. Много полезных разговоров, спагетти и кьянти, а завтра самолетом - в Париж, хотя один мой итальянский приятель, он же близкий приятель четы Чиано, подсказал, что мне следовало бы остаться на завтрашний митинг фашистского парламента. Но у нас неотложный вопрос, который необходимо выяснить у французского правительства.

Париж, 1 декабря

Мой приятель пытался мне удружить. Вчера в парламенте фашисты устроили большую демонстрацию против Франции, скандируя: "Тунис! Савойя! Ницца! Джибути!" Но здесь на набережной Де-Орсе заявляют, что Даладье ответит "нет". В данный момент достаточно Мюнхена. Вчера вечером через час после моего приезда (наш итальянский самолет едва избежал катастрофы: между Римом и Генуей сломалось шасси, и я до сих пор слегка не в себе) ко мне в отель пришли немецкий беженец и его жена (она бывший профсоюзный деятель и посредственный романист) и заявили, что собираются покончить с собой, бросившись с моста в Сену. Я отвел их в "Пети Риш" и хорошо накормил, они успокоились. Надеюсь, что убедил их не топиться в Сене. Они получили приказ покинуть Францию до следующей недели, хотя он выполнял какую-то работу для французского правительства. Попытаюсь вступиться за них на набережной Де-Орсе.

Бонне, один из главных творцов Мюнхенского договора и зловещая фигура во французской политике, подписал сегодня на набережной Де-Орсе декларацию о "добрососедских отношениях" с Риббентропом - другой зловещей фигурой. Я нахожу, что Париж в какой-то степени оправился от своей пораженческой паники мюнхенской поры. Когда Риббентроп ехал из ворот Де-Орсе по улицам, они были совершенно пустынны. Некоторые члены кабинета и многие руководящие лица отказались прийти на официальные мероприятия, устраиваемые в его честь. С другой стороны, французские почитатели Риббентропа занимают высокое положение в политических, деловых и общественных

кругах. В подписанном сегодня соглашении говорится, что обе страны торжественно заявляют, что отныне не существует ни территориальной, ни пограничной проблемы, а в случае возникновения разногласий в будущем они будут проводить консультации. Что за фарс!

Париж, 15 декабря

Сегодня на "Куин Мэри" возвращаются Тэсс с ребенком. На рождественские каникулы отправляемся в Женеву.

Гштаад, Швейцария, 26 декабря

Одно из самых красивых горных местечек, которые я когда-либо видел. И снег так великолепен, что я снова встал на лыжи, впервые после несчастного случая, который произошел со мной шесть лет назад. Здесь толпы богатых англичан и французов, по глупости не обращающих внимания на то положение, в котором оказалась Европа. Прошлой ночью на большом рождественском балу эти весельчаки показались мне такими отвратительными, что мы быстро ушли. Вот это год! Ребенок, аншлюс, чехословацкий кризис и Мюнхен. Как всегда, мы с Тэсс гадаем, где окажемся через год и что нам этот год принесет.

Сегодня прибыли Чемберлен и Галифакс, министр иностранных дел, чтобы утихомирить дуче. На вокзале Чемберлен, ставший еще более похожим на птицу и более самодовольным, чем я видел его в Мюнхене, прогуливался с зонтиком в руке туда-сюда по платформе, кивая пестрой толпе живущих здесь британских граждан, которых Муссолини тайком пригласил поприветствовать его. Муссолини с Чиано, в черной фашистской форме, неторопливо двигались позади двух прибывших смешных английских джентльменов, при этом с лица Муссо не сползала глупая ухмылка. Когда они проходили мимо меня, он шепотом весело беседовал со своим зятем, отпуская остроты. Выглядит он гораздо старше и гораздо вульгарнее, чем обычно, лицо заплывает жиром. Мои местные осведомители рассказывают, что он проявляет большой интерес к некой юной белокурой леди девятнадцати лет, которую он поселил на вилле напротив своей резиденции, а также, что его былые энергичность и деловитость начинают заметно снижаться. Как нам сообщили, Чемберлен был весьма тронут теплыми приветствиями на остановках по пути в Рим. Он что, не знает, как все это организуется?

1939

Женева, 19 января

В последние четыре дня Лига Наций, находившаяся в предсмертной агонии, имела жалкий вид. Сюда прибыли Бонне и Галифакс, чтобы убедиться, что Лига не имеет твердого

намерения попридержать победу Франко. Дель Вайо произнес вчера полную достоинства речь перед Советом Лиги. Галифакс, для того чтобы показать свое отношение к Дель Вайо, в середине его речи встал и демонстративно покинул зал. Сегодня вечером я имел длительную беседу с Дель Вайо. Он подавлен, обескуражен, и, хотя он этого и не сказал, я понял, что с Республикой покончено. Франко, со своими итальянскими и немецкими помощниками, у ворот Барселоны. Завтракал с Эдгаром Маурером, Ником, Гарри Мэсдиком и мадам Табуи. Говорили много, но наша сторона проиграла.

В пятницу утром около шести пятнадцати мне в Женеву позвонил из Рима Кортези и сообщил, что папа скончался. В семь часов две минуты уходил поезд на Милан. Я разбудил Тэсс, и она помогла мне успеть на него. Сегодня, в воскресенье, радиопередача с площади перед собором Святого Петра. Останавливал людей, выходивших из церкви, где тело Пия XI выставлено для торжественного прощания, и брал у них интервью. Так как я не католик и многого не знаю о церкви и Ватикане, хотя и прочитал за этот год бесчисленное количество книг, то большую часть программы попросил провести служителей церкви.

Рим, февраль (без даты)

Сегодня состоялось погребение Пия XI, очень красивая служба, но в соборе Святого Петра было холодно, да еще церемония очень задержалась, кажется, из-за того, что не могли найти припой, чтобы запечатать гроб, перед тем как его опускать в склеп. Послали срочно его достать, но, так как большинство мастерских в Риме было в тот день закрыто, потребовалось какое-то время, чтобы достать его в нужном количестве. Отец Делани, комментировавший для нас службу с вершины одной из колонн, совершил чудо, прекрасно заполнив час или около того, пока охотились за припоем.

Рим, 3 марта

Новым папой стал кардинал Евгенио Пачелли, он был избран вчера, и этот избранник очень популярен везде, наверное, кроме Германии. Нам очень повезло передать эту новость уже через несколько минут после выборов, несмотря на то что днем раньше положение у нас было катастрофическое. Когда я накануне уезжал из Лозанны, у меня был грипп, и к моему приезду в Милан состояние мое настолько ухудшилось, что пришлось отправиться в отель и лечь в постель. Кое-как добрался до поезда, а приехав вчера утром в Рим, совсем вышел из строя. Около полудня из Парижа прибыл Том Гранден, наш парижский корреспондент, человек знающий, но абсолютно не подготовленный для работы

на радио, его только что взяли к нам на работу. Но он мне говорит, что я совсем не в себе и инструкции, которые я даю ему в бредовом состоянии, не имеют никакого смысла. Все-таки до него дошло, что я организовал все для эфира с балюстрады собора Святого Петра сегодня во второй половине дня. Он пошел туда, нашел отца Делани, который работал на нас, и как только они начали вещание, через наушники услышали сигнал из Ватикана быть наготове, передали его в Нью-Йорк, там его приняли. Через минуту они уже объявляли имя нового понтифика.

Рим, 9 марта

На то, что осталось от несчастной Чехословакии, надвигается гроза. Д-р Гаха, слабый ничтожный президент, преемник великого Мацарика и компетентного Бенеша, объявил военное положение в Словакии, сместил отца Тисо и распустил кабинет министров Словакии. Но я знаю, что Тисо - ставленник Берлина. Странно, - а может быть, и нет, - что Германия и Италия никогда не давали Чехословакии гарантий, которые они обещали в Мюнхене. Люди из министерства иностранных дел Италии признают, что Лондон и Париж требовали от Гитлера таких гарантий, но Гитлер, по их словам, считает Чехословакию все еще слишком "еврейской, большевистской и демократичной". Я не припоминаю каких-либо оговорок на этот счет в Мюнхене.

Я до сих пор в постели с гриппом, а мне придется здесь остаться до воскресной коронации папы.

Женева, 14 марта

По радио сообщают, что Словакия провозгласила свою "независимость". В нее входит то, что осталось от Чехословакии. Надо ехать в Прагу, но сердце не лежит. Не становлюсь ли я слишком мягкосердечным и слишком сентиментальным для хорошего репортера? Я уже не воспринимаю так болезненно убийства, кровопролитие - за последние четырнадцать лет я немало насмотрелся на все это. Но видеть сейчас Прагу - не могу. По радио сообщают, что Гаха и министр иностранных дел Хвалковский сегодня ночью приезжают в Берлин. Спасать осколки?

В этот весенний день с зимней метелью германская армия оккупировала Богемию и Моравию и Гитлер устроил дешевый спектакль, объявив из замка Градчаны в Праге над Влтавой об их присоединении к Третьему рейху{15}. Банально напоминать, что он нарушил еще один священный договор. Но так как я лично присутствовал в Мюнхене, то не могу не вспомнить, как Чемберлен сказал, что этот договор спас не только мир, но и фактически спас Чехословакию.

В Париже полнейшая апатия по поводу этого последнего гитлеровского мятежа. Франция и пальцем не пошевельнет. Разумеется, Бонне сказал сегодня в комиссии парламента по международным делам, что мюнхенские гарантии пока еще "не вступили в действие" и поэтому Франция не обязана что-то предпринимать. Звонит Эд Марроу и сообщает, что в Лондоне реакция та же самая, что Чемберлен, выступая сегодня в палате общин, зашел еще дальше, заявив, что он отказывается связывать себя какими-либо обвинениями Гитлера в вероломстве. Мой бог!

Думал сегодня ехать в Прагу или Берлин, но рано утром обсудил это с Марроу, который находится в Женеве. Мы решили, что и там и там нацистская цензура будет свирепствовать, поэтому то, что я смогу выяснить с помощью своей секретной агентуры здесь, зная всю подоплеку событий, мне лучше рассказать из Парижа. Я почувствовал облегчение. Самолет, на котором я летел в Париж, получил обледенение и, заблудившись в снежном буране в районе Бельгардского перевала вскоре после вылета из Женевы, повернул назад, и в конце концов мы возвратились в аэропорт. Поехал ночным поездом. Бонне ввел цензуру на радио, и я боролся с его подручными за текст моей радиопередачи до поздней ночи.

Париж, 22 марта

Кто-то, - по-моему, это был Пертинэкс, который только что возвратился из Лондона, - рассказал мне вчера фантастическую историю о том, как Чемберлен неожиданно изменил свою позицию, выступая в прошлую пятницу в Бирмингеме. За два дня до этого он заявил в палате общин, что не стал бы обвинять Гитлера в вероломстве. В Бирмингеме же он сурово осудил Гитлера за "нарушение договора". Пертинэкс говорит, что на самом деле сэр Гораций Вильсон, мелкая темная личность, ведшая закулисную игру в Годесберге и Мюнхене, составил проект выступления премьер-министра в Бирмингеме в соответствии с курсом на умиротворение, о котором тот говорил в парламенте, но половина кабинета и большинство издателей ведущих лондонских газет приняли услышанное в штыки, поэтому Чемберлену пришлось пересмотреть свою политику и в поезде, по дороге в Бирмингем, практически написать заново большую часть своей речи.

Каким претенциозным стал Париж за последние десять лет! Некоторые французы, указывая на неоновые вывески, кричащие фасады кинотеатров, витрины автомобильных салонов, дешевые бары, которые сейчас преобладают на когда-то прекрасных Елисейских Полях, говорят: "Вот что с нами сделала Америка". Может быть, и так, но я думаю, что это то, что Франция сделала с

собой. Франция потеряла что-то такое, что было в ней, когда я приехал сюда четырнадцать лет назад: свой вкус, свою душу, понимание своей исторической миссии. Везде коррупция, классовый эгоизм и полная политическая неразбериха. Мои знакомые из приличных людей почти в отчаянии. Они говорят: "Je т 'enfous (черт с ним)". Это ведет к пораженческим настроениям...

Женева, 29 марта

Вчера был окружен Мадрид, нынешняя Опора республиканской Испании. Нет слов, чтобы выразить мои переживания этой ночью. Кровавая бойня, которую устроит Франко, будет ужасной. Сегодня, когда Гитлер начал свое выступление по радио на Вильгельмсхафен, в операторскую комнату, где я находился в полной готовности, пришел приказ прекратить вещание за границу. Все находившиеся в операторской были какое-то время в сильном замешательстве. Я неистово выражал немцам свой протест по поводу нашего отключения именно в тот момент, когда Гитлер начал говорить. Но приказы с Вильгельмсхафен были недвусмысленными. Они были отданы самим Гитлером прямо перед началом выступления. Его речь не транслировалась и в Германии, а прозвучала позднее в записи. Эта деталь и наше отключение от эфира означали, что Гитлер хотел обдумать то, что он скажет под горячую руку, прежде чем его слова разойдутся по миру. Запись всегда можно подредактировать. Я предложил д-ру Ратке, начальнику отдела коротковолновой связи, чтобы он сообщил нашей радиосети в Америке, что трансляция речи Гитлера не состоялась из-за недоразумений и что на самом деле он ее произносит в настоящий момент. Он, человек крайне нервный и возбудимый, отказался. И вместо этого приказал запустить в эфир какую-то дурацкую музыку. Произошло именно то, чего я ожидал. Через пятнадцать минут из Нью-Йорка срочно вышел на связь Пол Уайт. Почему отключили Гитлера? Нью-йоркские репортажи загублены. Его не убили? А откуда вы знаете? Потому что в данный момент слышу его по телефонной связи с Вильгельмсхафен. Немцы записывают его речь.

Я не смог выйти в эфир до тех пор, пока немцы не получили утвержденный вариант гитлеровской речи, который, как оказалось, совершенно не отличался от оригинала. Гитлер сегодня очень агрессивен, очевидно, от злости на Чемберлена, который вчера в парламенте объявил наконец о полном изменении британской внешней политики и о том, что Великобритания пойдет на оказание помощи Польше, если ее независимость окажется под угрозой. Завтра уезжаю в Варшаву, чтобы узнать, когда ожидается нападение Германии.

Варшава, 2 апреля

В воскресенье днем посетил жалкое авиационное шоу, при этом мои польские знакомые извинялись за громоздкие медлительные бомбардировщики и истребители-бипланы - все устаревшие. Они продемонстрировали шесть современных истребителей, которые кажутся довольно скоростными, но это и все. Как Польша может воевать с Германией с такой авиацией?

Варшава, 6 апреля

Бек, министр иностранных дел Польши, который в течение многих лет проводил пронацистскую и антифранцузскую политику, побывал в Лондоне, и сегодня ночью мы получили англо-польское коммюнике, объявляющее о том, что эти две страны подпишут долговременное соглашение о взаимопомощи в случае нападения на одну из них третьей державы. Я думаю, что это остановит Гитлера на какое-то время, потому что сила - это единственное, что он понимает и уважает, а после моего недельного пребывания здесь я не сомневаюсь, что поляки будут воевать и что если Великобритания и Франция тоже будут воевать, то он окажется в трудном положении. Только три момента вызывают у меня тревогу: кошмарное стратегическое положение Польши, в котором она окажется после того, как Германия (с помощью и одобрения Польши) введет свою армию в протекторат и Словакию и таким образом выйдет к южным границам этой страны (на севере Польша и так граничит с Восточной Пруссией); Западный вал (линия Зигфрида), строительство которого будет закончено следующей зимой, отобьет охоту у Франции и Британии напасть на Германию с запада и помочь таким образом Польше; и наконец, Россия. На этой неделе я ел-пил со многими поляками - из министерства иностранных дел, военными, старыми легионерами Пилсудского, которые руководят польским радио. И все они не хотят понять, что для них это непозволительная роскошь быть одновременно врагами и России, и Германии, что они должны выбирать, что если они привлекут для оказания помощи Россию, наряду с Францией и Великобританией, то они спасены. Они тянутся за следующим куском замечательного копченого лосося "вистула", запивают его одним из пятидесяти семи сортов водки и рассуждают об опасностях, которые таит в себе российская помощь. Разумеется, опасность есть. Опасность состоит в том, что Красная армия, попав на землю Польши, уже не уйдет, что власть захватят большевики со своей пропагандой (эта страна стала настолько неуправляемой ее полковниками, что, вне всякого сомнения, она окажется благодатной почвой для большевиков) и так далее. Это правда. Тогда заключите мир с нацистами. Отдайте

им Данциг и Прусский (Данцигский) коридор. Поляки говорят: "Никогда!"

И все-таки в этот весенний день, получив гарантии Великобритании, все мы почувствовали облегчение. Фоудор, который сегодня ночью отправляется морем в Англию на пасхальные каникулы (ему запрещено пересекать Германию), настроен оптимистично. В посольстве люди (Биддл и военные) счастливы. Только второй секретарь Ландрет Гаррисон настроен скептически. Он по-прежнему раздраженным тоном говорит о слабости Польши. Он человек с предрассудками, хотя и умный.

Сегодня пошли слухи о передвижениях германских войск, но поляки их опровергают. Польское радио все еще тянет со своим новым коротковолновым передатчиком. Плохо. Завтра утром отправляюсь в Париж на пасхальную радиопередачу, потом, на второй день Пасхи, в Женеву.

Берлин, 7 апреля

Когда сегодня вечером восточный экспресс прибыл на вокзал Шлейзишер, первое, что я увидел на платформе, было лицо Гасса, и я понял, что у нас плохие новости. Он сообщил, что позвонили из Лондона и велели мне сойти с поезда, потому что у англичан есть сообщения о передвижении германских войск к польской границе. Я должен был их заметить, когда мы пересекали границу, но ничего не увидел. Гасс сказал, что в Лондоне волнуются по поводу Албании. "А там что случилось?" - спросил я. Он ответил, что сегодня утром туда вошли итальянцы. Сегодня. Страстная пятница. Про себя обрадовался, что немцы не затевают ничего против Польши прямо в Пасху, а завтра утром планирую улететь в Париж.

Лондон, 23

апреля

Радиопередача с лордом Страболджи, моя основная тема: вся жизнь Германии поставлена в зависимость от войны, но есть признаки экономического развала. Черного металла так мало, что в рейхе разбирают железные печи. Нервы немцев не выдерживают, и они не хотят идти на войну. Страболджи так порадовали мои новости, что он попросил меня прийти и выступить на заседании комитета палаты лордов, но я отказался. 28 апреля лечу обратно в Берлин на заседание рейхстага.

Берлин, 28 апреля

Сегодня на заседании рейхстага Гитлер денонсировал еще два договора (мне трудно описать радостное кудахтанье в зале во время этой части его выступления) и ответил на призыв Рузвельта предоставить гарантии, что Германия не станет нападать на остальные независимые государства Европы. Думаю, его ответ

был довольно ловким, он был рассчитан на то, чтобы сыграть на симпатиях миротворцев и противников "нового курса" в Америке и таких же миротворцев в Великобритании и Франции. Он заявил, что поинтересовался у всех стран, которым, по мнению Рузвельта, он угрожает, считают ли они сами, что такая угроза существует, и "во всех случаях ответ был отрицательным". Такие государства, как Сирия, сказал он, я спросить не мог, так как "в настоящее время они не обладают свободой, и их права постоянно ущемляются военными агентами демократических государств". А "мистер Рузвельт, очевидно, избегает упоминать такой факт, как оккупация Палестины, но не германскими, а английскими войсками". И так далее в том же саркастическом тоне, с помощью которого Гитлер мастерски, а он стал в эти дни превосходным актером, излил всю иронию до последней капли. Америка отстаивает способ решения спорных вопросов путем совещаний? - спрашивает он. Но разве не она первая отклонилась от членства в Лиге Наций? "Только спустя много лет я решил последовать примеру Америки и тоже покинуть это самое большое совещание в мире".

Однако в конце Гитлер согласился предоставить каждой из перечисленных президентом стран "гарантии, которые так нужны мистеру Рузвельту". Но разумеется, это был просто маленький нацистский спектакль. Депутаты-колбасники, сидевшие под нами, во время заседания разражались громким смехом, именно это Гитлеру и нужно. Это был превосходный пример его способа отделаться смехом от раздражающих вопросов, так как предложение Рузвельта было все-таки обоснованным.

Разрыв еще двух договоров вызвал громкие аплодисменты поддакивающих "парламентариев". Гитлер денонсировал морской договор с Великобританией на том основании, что лондонская "политика окружения" лишила его действенности - неубедительное оправдание; да и какие могут быть вообще оправдания. Между прочим, оправдание по поводу расторжения второго договора, 1934 года с Польшей, более серьезного, точно такое же. В своей речи Гитлер обнародовал и содержание своего "предложения" Польше: Данциг должен быть возвращен Германии, а рейху предоставлен экстерриториальный проход по коридору в Восточную Пруссию. Чтобы напугать поляков, он сказал, что такое предложение делается "только один раз". То есть теперь его условия жестче. Среди информированной публики здесь еще большие сомнения, действительно ли Гитлер принял решение начать мировую войну ради Данцига. Я предполагаю, что он получит его мюнхенским способом.

Лондон, июнь (без даты)

Завтра первым рейсом новой "Мавритании" отправляюсь на родину. Тэсс телеграфировала, что суд Вирджинии только что предоставил ей гражданство.

На борту "Мавритании" (без даты)

Унылое путешествие. Сэр Перси Бэйт, председатель совета директоров компании "Кунард", уверяет меня, что войны не будет.

Вашингтон, 3 июля

Надеюсь, что смогу немного задержаться в родных местах. После фактически непрерывного моего здесь отсутствия с двадцать первого года приходится почти заново ко всему привыкать. Здесь и в Нью-Йорке у людей весьма слабое представление о кризисе в Европе, и Тэсс говорит, что с моей пессимистической точкой зрения я становлюсь самой непопулярной личностью. Беда в том, что здесь каждый знает все ответы. Они знают, что войны там не будет. Хотелось бы мне, чтобы я это знал. Но я считаю, что, если Германия не отступит, война там будет, и я совсем не уверен, что она это сделает, хотя такая возможность и существует. Здесь в конгрессе полная неразбериха. Под влиянием Хэма Фиша, Бораха, Хаима Джонсона, которые выступают против всякой внешней политики, конгресс настаивает на запрете продажи оружия, как будто республике, которая выигрывает войну между западной демократией и Осью, это все равно. У Рузвельта руки связаны конгрессом - ситуация похожа на ту, в которой очутился Линкольн в начале своего первого срока президентства, но Линкольн сумел с этим справиться, а у Рузвельта, как здесь говорят, не хватает мужества, и он ничего не предпримет. Он правильно оценивает ситуацию в Европе, но именно потому, что понимает и чувствует опасность. Борах и Фиш называют его поджигателем войны.

Ну да ладно, приятно проводить здесь время со своей семьей, побездельничать и расслабиться на несколько дней, которые пролетают так быстро...

Нью-Йорк, 4 июля

Вторую половину дня приятно провели с Биллом Левайсом на Всемирной выставке. Завтра мы должны возвращаться в Европу. Тревожные новости из Данцига, и в офисе беспокоятся, что я не поспею вовремя. Ганс Кальтенборн рассказывал мне сегодня вечером, что он настолько уверен, что войны не будет, что отправляет своего сына в свадебное путешествие на Средиземноморье.

На борту "Куин Мэри", 9 июля

На борту очень приятная компания. Поль Робсон, которого я не видел с тех пор, как он брал приступом Лондон, играя в Плавучем театре, десять лет назад. Вечерами сидим и беседуем -

Робсон, Константин Уманский, советский посол в Вашингтоне, и мы с Тэсс. Уманский рассказывает, что спускался в третий класс, чтобы прочитать нескольким американским студентам лекцию на тему "Советская демократия". Но он добродушно воспринимает мое подшучивание. Советская демократия! Я не виню его за его работу. Его предшественник в Вашингтоне сейчас в опале. Я знал многих советских дипломатов, и все они рано или поздно были ликвидированы. Уманский думает, что Советы окажут поддержку Великобритании и Франции на демократическом фронте в борьбе против фашистской агрессии, если Париж и Лондон продемонстрируют серьезные намерения, а не просто будут пытаться втянуть Россию в войну против Германии в одиночку (или на пару с Польшей). До сих пор, говорит он, британцы и французы ничего не делают, кроме того что затягивают переговоры с Кремлем.

Все путешествие без устали играем с Тэсс в пинг-понг.

Лондон, 14 июля

Вместе с Полом Уайтом и нашим "европейским персоналом", состоящим из Марроу, Тома Грандена из Парижа и меня, совещаемся здесь по поводу освещения войны. Обсудили технические вопросы, такие, как линии связи и коротковолновые передатчики, договорились создать постоянный штат корреспондентов из проживающих здесь американцев (например, в нью-йоркской "Times" работают несколько англичан в качестве зарубежных корреспондентов), полагая, что американские ассоциации издателей и газеты не разрешат своим людям вести радиопередачи, когда начнется война. Нам известно о планах конкурирующей радиосети нанять нескольких известных иностранных журналистов, таких, как Черчилль здесь в Лондоне, Фланден в Париже, Гайда в Италии и так далее, но мы считаем, что наш план лучше. Если война начнется, американским слушателям нужны будут новости, а не иностранная пропаганда. Мы расстроились из-за того, что полякам не удалось быстро завершить работу со своим новым коротковолновым передатчиком, так как можем оказаться в безвыходном положении. Бурная игра в гольф с Эдом, и было здорово - после слушаний в парламенте, где мои знакомые лейбористы ругали всеобщую мобилизацию, а консерваторы выражали надежду на дальнейшее умиротворение, - услышать, как мальчик, подвозящий на тележке клюшки, говорит на невнятном жаргоне: "Кажется, на днях нам придется задать этому типу Гитлеру хорошую трепку..."

Джон Эллиот, в прошлом берлинский, а сейчас парижский корреспондент "Herald Tribune", рассказывает, что за все годы, в

течение которых он описывал для своей газеты день за днем жизнь Европы, получил десяток или около того писем от читателей, которых хоть как-то интересовало то, о чем он сообщал. А после двух или трех радиопередач из Парижа во время оккупации Праги 15 марта он получил десятка два писем - с одобрением, протестами, вопросами.

Женева, 28 июля

Сегодня поздно вечером зашли Фоудор и Хантер, и мы проговорили почти всю ночь. Джон довольно оптимистично настроен по поводу мира. У Фоудора - по профессии он инженер - много материала о нехватке металла в Германии. Металла много не запасешь, говорит он. Его последняя книга, "Внутренняя Азия", становится популярной. Мы поспорили немного об Индии, я, похоже, помешался на этой теме. Ганди не производит на Джона такого впечатления, как на меня.

Женева, 3 августа

Много гольфа, в том числе веселая игра с Джо Филлипсом, множество прогулок по окрестным горам, купание в озере с семьей, с которой, как всегда, начинаю заново знакомиться. С моей личной точки зрения, все будет замечательно, если не будет войны. Но на следующей неделе надо поехать и посмотреть, что в Данциге.

Берлин, 9 августа

Люди, вошедшие вчера ночью в поезд в Базеле, выглядели элегантно и благопристойно, это тот тип людей, который заставляет нас хорошо относиться к немцам как к людям, в отличие от нацистов. Утром, завтракая в "Адлоне", я попросил, если есть, стакан апельсинового сока.

"Конечному нас есть апельсины", - надменно произнес официант. Но когда он принес завтрак, апельсинового сока не оказалось. "Ни одного во всем отеле", - уже робко признался он.

Сегодня беседовал с капитаном Д. Офицер, участвовавший в мировой войне, настоящий патриот, во время Мюнхенского кризиса он выступал против войны, но переменил свою позицию, как я заметил, после 28 апреля, когда Гитлер денонсировал договоры с Польшей и Великобританией. Он гневно говорил: "Почему англичане вмешиваются в проблему Данцига и угрожают войной за возвращение нам германского города? Почему поляки (sic!) провоцируют нас? Мы же имеем право на такой германский город, как Данциг?"

Я спросил: "А вы имеете право на такой чешский город, как Прага?" Молчание. Ответа нет. Невидящий взгляд, который вы ловите на лицах многих немцев.

"Почему поляки не принимают великодушного предложения

фюрера?" начинает он снова.

"Потому что они боятся новых Судет, капитан".

"Вы имеете в виду, что они не доверяют фюреру?"

"После 15 марта - не особенно", - отвечаю я, но прежде, чем произнести эдакое богохульство, внимательно оглядываюсь вокруг, чтобы убедиться, что никто меня не подслушивает. Снова отсутствующий немецкий взгляд.

Завтракал с майором Элиотом и его женой он только что вернулся из Лондона и Парижа и хорошо отзывается о французской армии и британских военно-воздушных силах, для меня это хорошие новости. В полночь в "Таверне" встретил Джона Барнеса ("Herald Tribune"). Он только что вернулся из Данцига и Польши. Его мнение таково, что, если Гитлер подождет месяцев девять, он получит Данциг, а может, и больше, без особых трудностей и, разумеется, без всякой войны. Он считает, что сопротивление поляков гитлеровским требованиям потерпит крах, что Польша просто не сможет дольше находиться в состоянии мобилизации. Я доказывал, что Британия и Франция смогут оказывать финансовую поддержку полякам. Джо не думает, что они пойдут на это. Не скажу, что он совсем не прав, но, думаю, он недооценивает изменения, произошедшие во Франции и Британии. Описание отсталости Польши в рассказах Джо очень впечатляет. Они с Морисом Гиндушем побывали в деревнях. Только миллион человек в Польше читают какую-либо газету, и есть множество деревень, где нет ни одного радиоприемника.

Насколько же изолирован мир, в котором живет сейчас народ Германии! Об этом напоминает просмотр вчерашних и сегодняшних газет. В то время как все вокруг считают, что Германия вот-вот нарушит мир, что именно Германия угрожает напасть на Польшу из-за Данцига, здесь, в Германии, в мире, который создают местные газеты, трактуется все наоборот. (Нет, это меня не удивляет, просто, когда отсутствуешь какое-то время, то забываешь.) Вот что заявляют нацистские газеты: это Польша нарушает мир в Европе; это Польша угрожает вооруженным вторжением в Германию и так далее. В прошлом сентябре Германия выпустила пары на Чехословакию.

"ПОЛЬША? БУДЬТЕ НАСТОРОЖЕ!" - предупреждает заголовок в берлинской газете и добавляет: "ОТВЕТИМ ПОЛЬШЕ, ОХВАЧЕННОЙ БЕШЕНЫМ ЖЕЛАНИЕМ НАРУШИТЬ МИР И ПРАВА В ЕВРОПЕ!"

Или заголовок в "Der Fuhrer", ежедневной газете Карлсруэ, которую я купил в поезде: "ВАРШАВА УГРОЖАЕТ БОМБАРДИРОВКОЙ ДАНЦИГА - НЕВИДАННЫЙ ВСПЛЕСК

ПОЛЬСКОГО СВЕРХСУМАСШЕСТВИЯ!"

Для извращенного искажения истины это хорошо. Вы спросите: но не может же немецкий народ верить этой лжи? Тогда вы им скажите. Говорили, и не раз.

Но до сих пор пресса ограничивается Данцигом. Не скрывают ли немцы до поры до времени свои планы? Каждый дурак знает, что им наплевать на Данциг. Это просто предлог. Позиция нацистов, широко поддержанная в партийных кругах, состоит в том, что Германия не может больше терпеть мощную военную силу на своей западной границе, поэтому Польшу сейчас необходимо уничтожить и захватить не только Данциг, который жизненно необходим Польше, но и весь Прусский коридор, Познань и Верхнюю Силезию. А Польшу сделать государством-огрызком, вассалом Германии. Затем, когда таким же образом окажутся урезанными Венгрия, Румыния и Югославия (Венгрия уже практически урезана), Германия станет независимой в экономическом и сельскохозяйственном отношении и будет покончено с великим страхом перед англо-французской блокадой, который победил в прошедшей войне, а теперь может победить и в следующей. Германия будет в силах развернуться к Западу и, возможно, разгромить его.

Поражаюсь уродству немецких женщин на улицах, в ресторанах и кафе. Действительно, самая непривлекательная раса в Европе. У них нет лодыжек. Ужасная походка. Они одеваются хуже, чем англичанки. Ночью уезжаю в Данциг.

Данциг, 11 августа

Данциг совсем не походит на то место, где вот-вот должна разразиться война. Как и в Берлине, местные жители не думают, что дело идет к войне. Они слепо верят, что Гитлер обеспечит их возвращение в рейх мирным путем. Свободный город быстро милитаризуется, немецкие военные легковые машины и грузовики - с данцигскими номерами! - носятся по улицам. В моем отеле "Данцигерхоф" полно офицеров германской армии. Дороги, ведущие из Польши, блокированы противотанковыми заграждениями и шлагбаумами. Ситуация напоминает мне Судетскую область год назад. Две стратегические высоты, Бишофсберг и Хагельберг, укреплены. А под покровом ночи из Восточной Пруссии через реку Ногат перевозится в большом количестве оружие. Это в основном пулеметы, противотанковая, зенитная и легкая артиллерия. Они явно не в состоянии доставить сюда какие-либо тяжелые орудия. Большая часть оружия чешского производства.

Город полностью нацистский. Верховный босс - Альберт Форстер, нацистский гауляйтер, он даже не из Данцига, а из

Баварии. Герр Грайзер, глава сената, более умеренный человек, но получает приказы от Форстера. Напряженность среди местного населения меньше, чем я ожидал. Люди хотят присоединения к Германии. Но не ценой войны и не ценой потери своего положения главных ворот для польской торговли. Без этой функции, которая ослабла после строительства чисто польского порта Гдыня в двенадцати милях отсюда, они обречены на голод, если Германия не завоюет Польшу. Как и все немцы, они хотят этого не важно каким способом.

На вид Данциг очень привлекательный город. Мне нравятся массивные замки прибалтийских немцев, готические ганзейские дома с остроконечными крышами и богато украшенными фасадами. Он напоминает мне другие ганзейские города: Бремен, Любек, Брюгге. Погулял вокруг порта. Выглядит совсем вымершим. Судов мало. Здесь, в Данциге, процветает такое пьянство, какого я не видел еще за пределами Америки. Шнапс - они называют его "данцигской золотой водой", потому что в нем плавают маленькие золотистые частички, - действительно хороший и крепкий.

Завтракал с нашим консулом мистером Куикендалом, он готов помочь и понимает важность своего положения. Неизвестно откуда появился за завтраком Джон Гунтер. После этого мы с Джоном поехали на такси в Сопот, главный балтийский летний курорт, и вторую половину дня и вечер провели на пирсе, на пляже, в игровых комнатах казино (где оба проиграли в рулетку), говорили без умолку, решали мировые проблемы. К полуночи он умчался в Гдыню, чтобы не упустить ночной экспресс на Варшаву.

Данциг, 12 августа

Я все больше и больше понимаю, что дело не в Данциге и я напрасно трачу здесь время. Дело в независимости Польши или ее порабощении Германией. Надо двигаться в Варшаву. Сегодня несколько раз звонил в Берлин. Работники берлинского радио тянут с подготовкой оборудования для моей завтрашней радиопередачи отсюда. Позвоню на польское радио в Варшаву, узнаю, нет ли у них микрофона в Гдыне. Я могу вести программу и оттуда. Мне не нравится затея немцев помешать мне выйти в эфир, потому что я не зря приехал сюда и у меня есть что сказать. Местные нацисты со мной очень холодны.

В спальном вагоне поезда Гдыня - Варшава, 13 августа, полночь

Я провел свою передачу из Гдыни, а не из Данцига. Немцы в Берлине не говорили ни "да" ни "нет". Поляки в Варшаве смело взялись за дело. Обрадованный тому, что свел на нет усилия нацистов заставить меня молчать, я решил проехать на машине

двенадцать миль от Данцига до Гдыни. Но мой немецкий шофер струсил, сказал, что, если мы поедем на данцигской машине, в нас будут стрелять поляки. Я помчался на вокзал и сел в поезд. Черт знает сколько времени потратил на поиски радиостудии в Гдыне. Никто не знал, где она находится. Ее не было в телефонной книге. Армейские, моряки, полиция никто не знал. Наконец, когда я совсем потерял надежду провести радиопередачу, мы обнаружили ее в здании почтового отделения. Радиотелефонная связь с Лондоном, откуда моя программа на коротких волнах шла в Нью-Йорк, только что закончилась. Но Лондон сообщил, что прием хороший. Побеседовал с двумя польскими радиоинженерами, которые приехали на радиопередачу из Торуня. Спокойные, уверенные в себе. Они сказали: "Мы готовы. Мы будем воевать. Мы родились здесь, по соседству, во времена правления Германии, и нам лучше умереть, чем еще раз пройти через это".

После обеда в ожидании варшавского экспресса я осмотрел этот портовый город. Поляки осуществили с помощью французов потрясающий проект. Пятнадцать лет назад Гдыня была сонной рыбачьей деревней на четыреста душ. Сегодня это крупнейший порт на Балтике с населением свыше ста тысяч человек. Не имея естественных бухт, поляки просто выдвинули все пирсы в море. Похоже, сам город растет как грибы и напоминает наши западные города тридцать пять лет назад. Это одна из надежд Польши.

Позднее. Что касается ситуации с Данцигом: Гитлер еще не готов раскрыть карты. Иначе бы сенат Данцига не пошел на попятную неделю назад, когда, объявив Польше, что польские таможенники должны сложить с себя свои обязанности, принял ультиматум Польши и не отменил приказ. Но возможно, это только временная уступка Германии.

Варшава, 16 августа

Сегодня в официальных польских кругах большое волнение. Совещания между Смиглы-Рыдзом, Веком и генералами. На данцигской границе убит польский солдат. Результат: ночью польские войска получили приказ стрелять в любого, кто пересекает границу с Данцигом, сразу и без предупреждения. Завтракал у посла Биддла. Он полон энтузиазма по поводу своей работы, и хороших новостей у него через край, хотя я не всегда согласен с его выводами. Он очень пропольски настроен, что вполне естественно, и я все понимаю. Биддл беспокоится, что французы и британцы опять хотят все решить мирным путем, и предполагает, что профессор Бурхардт, верховный комиссар Лиги Наций в Данциге, швейцарец, который встречался в прошлый уик-энд с Гитлером в Берхтесгадене, может оказаться вторым

Рэнсименом.

Варшава, 20 августа

Сегодня в четыре утра состоялась радиопередача в Америку. Возвращался в отель на рассвете, ветерок мягкий, свежий, успокаивающий. По распоряжению из Нью-Йорка ночью уезжаю в Берлин, боюсь, судьба моя такая - вечно быть не там, где нужно. В итоге поляки спокойны и уверенны, а берлинские насмешки, проводимая Геббельсом в прессе кампания лжи и подстроенные инциденты оставляют их равнодушными. Но они слишком романтично настроены, слишком самоуверенны. Спросите их, как спрашивал на прошлой неделе я многих чиновников в министерстве иностранных дел и военных, про Россию, и они пожмут плечами. Россия для них не имеет значения. А должна ведь. Я думаю, что поляки будут воевать. Знаю, что ошибочно говорил то же самое про Чехословакию в прошлом году. Но повторяю то же самое про Польшу. Наше посольство разделилось. Большинство считает, что Польша успешно справится сама. Наш военный атташе думает, что Польша сможет продержаться одна против Германии месяцев шесть. С другой стороны, Гаррисон уверен, что эта страна потерпит крах. Здесь находится майор Элиот. Он считает, что польская армия весьма надежна, но недостаточно вооружена и не осознает полностью своего неудачного стратегического положения. Записать в дневник: пышный обед, который устроил Джон Гунтер, - много водки, копченый лосось и разговоры; сегодняшний завтрак с молодым Ричардом Маурером, очень похожим на своего отца, Пола Скотта Маурера, и его невестой, необыкновенно привлекательной, и прогулка по Варшаве прошлой ночью перед началом радиопередачи с Морисом Гиндушем. Новый коротковолновый передатчик польского радио до сих пор не готов, что меня беспокоит.

Берлин, 23 августа

Ганс Кальтенборн, наш ведущий комментатор международных новостей, был сегодня задержан тайной полицией по прибытии из Лондона в Темпельхоф. Нацисты здорово нас провели. По распоряжению из Нью-Йорка я сделал запрос в официальные учреждения по поводу его приезда. Мне ответили, что против его визита сюда возражений нет, но он не сможет ни вести радиорепортажи из Германии, ни встречаться с кем-либо из официальных лиц. Я заподозрил что-то неладное, когда чиновники на паспортном контроле все еще держали его, хотя всех остальных пассажиров уже отпустили. Его жена, несколько ее немецких родственников и я терпеливо ждали за бронзовым ограждением, которое отделяло нас от него. Было

душно и жарко, и, пока стало ясно, что произошло, все мы изрядно вспотели. Немецкие родственники, которые подвергали себя опасности быть арестованными просто за то, что находились там, смело оставались у ограды. В конце концов я пожаловался человеку из гестапо, что нас заставляют так долго ждать, и после длительного и жаркого спора он позволил Гансу присоединиться ко всем нам на террасе кафе, где мы заказали пиво. Ганс прибыл в пятнадцать сорок пять. Без четверти шесть подошел гестаповский офицер и объявил, что шестичасовым самолетом Ганс будет отправлен обратно в Лондон.

"Почему? Он только что прилетел оттуда", - вмешался я.

"А сейчас он возвращается туда", - сказал офицер.

"Могу я узнать почему?" - спросил Ганс, внутри он весь кипел, но внешне оставался спокойным, хотя лоб у него покрылся испариной.

У офицера имелся готовый ответ. Заглянув в записную книжку, он заявил с величайшей серьезностью: "Герр Кальтенборн, в такой-то и такой-то день вы произнесли речь, оскорбляющую фюрера".

"Дайте мне, пожалуйста, взглянуть на ее текст", - громко попросил Ганс. Но с гестапо спорить бесполезно. Ответа не последовало. Ганс побежал садиться в самолет, но там не оказалось места, и он вернулся и сел за наш столик. Я спросил гестапо, нельзя ли ему уехать ночным поездом в Польшу. Теперь я испугался, что он может провести всю ночь в тюрьме. Я сказал, что предоставлю гарантии американского посольства, что он не выпрыгнет из поезда на территории Германии. Наконец они неохотно согласились. Я позвонил консулу Гейсту. Он все сделает по правилам. Мы опять уселись за пиво. Потом прибежал запыхавшийся гестаповец. На самолете все-таки нашлось место для "преступника". Они кого-то выкинули. И впихнули Ганса. Когда он очутился за загородкой, вспомнил, что карманы у него набиты американским табаком для меня. Он начал было перебрасывать его мне, но гестаповский агент остановил его. Запрещено. Потом он исчез.

Позднее (четыре часа утра). Ночью большое волнение в "Таверне". Примерно часа в два мы получили текст российско-германского пакта. Дело зашло дальше, чем мы думали. Это фактически альянс, и Сталин, как предполагалось, самый главный враг нацизма и агрессии, своими условиями приглашает Гитлера вторгнуться в Польшу и уничтожить ее. Друзья большевиков в ужасе. Несколько немецких журналистов - Хальфельд, Крик, Зилекс, - которые только позавчера истерично писали об опасности большевизма, приходят, заказывают

шампанское и изображают из себя старых друзей Советов! Все мы потрясены тем, что Сталин ведет непродуманную политическую игру с позиции силы и играет на руку нацистам. Корреспонденты, особенно британские, заказывали шампанское или коньяк, чтобы заглушить свои эмоции. Сталинский шаг подорвет мировой коммунизм. Потерпит ли, скажем, французский коммунист, которого шесть лет учили ненавидеть нацизм больше всего на свете, сближение Москвы с Гитлером! Хотя, может быть, Сталин хитрит. Его цель - ввергнуть Германию и Западную Европу в войну, которая закончится хаосом, после чего большевики вмешаются, и тогда в европейские страны, или в то, что от них останется, придет коммунизм. А возможно, он и не хитрит. Гитлер разорвал все заключенные им когда-то международные соглашения. Если он использует Россию так же, как однажды использовал Польшу, подписав с ней аналогичный договор в 1934 году, то - прощай, Россия. Мы спорим на эту тему с Джо Барнесом, который потрясен новостями, несмотря на то что он здесь единственный, кто действительно знает Россию. Сидим вместе с немецкими журналистами. Они злорадствуют, хвалятся, брызжут слюной, говоря, что теперь Великобритания не посмеет воевать, отрицая все, что им ведено было говорить последние шесть лет их нацистскими хозяевами. Мы бросаем им это прямо в лицо, я и Джо. Спор принимает угрожающий характер. Джо нервничает, он подавлен. Я тоже. Очень скоро все это начинает вызывать тошноту. Если мы не уйдем, что-нибудь произойдет... Входит миссис Кальтенборн. Я договаривался встретиться с ней в три утра. Приношу свои извинения. Мне надо идти. И Джо надо уходить. Сожалею. Мы бродили по Тиргартену, пока не успокоились и не начало светать.

Берлин, 24 августа, девятнадцать часов

Сегодня ночью все выглядит так, как будто уже война. На противоположной от меня стороне улицы устанавливают зенитное орудие на крыше "ИГ Фарбен". Наверное, то же самое, что я видел там в прошлом сентябре. Весь день над городом летают немецкие бомбардировщики. Вполне возможно, что сегодня Гитлер войдет в Польшу. Многие так думают. Но я считаю, что это зависит от Великобритании и Франции. Если они твердо заявят, что сдержат свое обещание по поводу Польши, то Гитлер отложит вторжение. И добьется своего без войны. Забрал текст заявления Чемберлена, которое он произнес в парламенте. Звучит жестко. Час назад из Лондона звонил Эд и сказал, что был в палате общин и позиция ее твердая. Гитлер, похоже, собирается твердо стоять на своем. Вчера британский посол Гендерсон улетел на встречу с ним в Берхтес-гаден. Он сказал Гитлеру, что

Великобритания сдержит свое обещание помочь Польше в случае нападения Германии, несмотря на российско-германский пакт. Гитлер ответил, что никакие британские обязательства не заставят Германию "отказаться от своего права на жизнь".

Очевидно, что с российским договором в кармане Гитлер не пойдет на компромисс. Россия у него в кармане! Как все перевернулось за последние сорок восемь часов. Большевистская Россия и нацистская Германия, самые заклятые враги на земле, подставляя вдруг другую щеку, становятся друзьями и заключают, ко всеобщему ужасу, что-то вроде союза.

Все произошло в понедельник (21 августа) в двадцать три часа. Германское радио неожиданно прекратило вещание в середине музыкальной программы, и диктор объявил, что Германия и Россия решили заключить пакт о ненападении. Я это пропустил. Находился в это время в офисе "Herald Tribune", вел обычные споры с Джо Барнесом до без пяти одиннадцать. Никакого намека на предстоящие события, кроме - позднее я вспомнил - туманных слов с Вильгельмштрассе, что вечером может появиться сообщение. Кажется, толстый немецкий журналист упомянул об этом. Фактически я узнал обо всем, когда в полночь позвонил из Лондона Эд Марроу. Власти не разрешили бы мне выйти в ту ночь в эфир. Очевидно, они ждали "редакционных" указаний. Накануне, в воскресенье, был какой-то намек на объявление о новом торговом соглашении между Россией и Германией. Дружественный тон по этому поводу в местной прессе, до тех пор яростно обличающей Россию и большевизм, должен был меня насторожить, но я не обратил на это внимания. Сообщение оказалось для большинства нацистских шишек такой же сногсшибательной новостью, как и для всего остального мира. В гитлеровский секрет было посвящено не более дюжины лиц.

Любо-дорого было созерцать на следующий день (вторник, 22 августа) германскую прессу. Геббельсовская газета "Angriff", самая свирепая в преследовании "красных", писала: "Мир поставлен перед выдающимся фактом: два народа нашли общую позицию в международной политике, которая, основываясь на длительной, традиционной дружбе, обеспечит фундамент для всеобщего взаимопонимания"! (Восклицательный знак мой, а не "Angriff".) И д-р Карл Зилекс, в прошлом один из самых правдивых журналистов-международников, а сейчас пресмыкающийся автор передовиц в "Deutsche Allgemeine Zeitung", в своей редакционной статье на первой полосе газеты назвал новое соглашение "естественным партнерством". В течение многих лет, превратившись в раба нацистов, он яростно нападал на

большевизм и Советскую Россию.

Нет сомнений, что поразительный ход Гитлера популярен среди немцев. Во вторник я задался целью поездить в метро, электричках, на трамвае и автобусе. Каждый читал сообщение в своей газете. По их лицам и разговорам можно было видеть, что эти новости им нравятся. Почему? Потому что для них это означает, что угроза окружения (война на два фронта) развеялась, как ночной кошмар. Вчера она еще существовала. Сегодня ее нет. Теперь не нужно будет оборонять протяженную границу с Россией.

Сегодня ночью за ближайшую границу, с Данией, уехал последний английский корреспондент - по распоряжению своего посольства. Селкерк Пэнтен из "Daily Express" забежал узнать, не поезжу ли я на его машине, пока паника не кончится и он не вернется обратно{16}. Сказал, что вернется дней через десять. Еще один Мюнхен, понимаете ли. В баре "Адлона" без англичан ночью очень уныло. Много разговоров о том, что Гитлер отдал немцам приказ на рассвете вступить в Польшу. Сомневаюсь. Немецкий народ еще в достаточной степени не подготовлен к войне. Нет еще "повода". Нет лозунга. Газеты еще не написали, что война неминуема. Люди на улицах до сих пор уверены, что Гитлер опять справится с этим и без войны. Я не вижу, чтобы война была популярной в массах, как в 1914 году.

Берлин, 25 августа

Кое-кто в Нью-Йорке настаивает, чтобы мы продолжали работать над запланированной несколько недель назад программой под названием "Европейские танцы" - музыкальная подборка из ночных клубов Лондона, Парижа, Берлина. Я готовлю одну из заведения "Сан-Паули", но сегодня дал телеграмму Марроу и предложил отменить ее. Война слишком близка для увеселений такого сорта. Ночь сегодня очень беспокойная, потому что всю вторую половину дня и вечером не было ни телефонной, ни телеграфной связи с внешним миром. Приехав в час ночи в Дом радио на передачу, я не очень надеялся, что смогу выйти в эфир, но служащие меня не остановили, и я начал говорить. Видимо, это была первая весть из Берлина, которую услышала Америка за весь день, и судя по тому, что мы услышали по обратной связи, в Нью-Йорке испытали некоторое облегчение, когда я сообщил, что здесь все спокойно и войны пока нет. Думаю, радио играет важную роль. Сегодня Гендерсон дважды встречался с Гитлером, а рано утром он вылетает в Лондон. Если они найдут предмет для переговоров, то войны не будет.

Утром Гендерсон улетел в Лондон и, предположительно, не вернется раньше завтрашнего (воскресного) вечера. Думаю, все

выходные мы проведем в состоянии ожидания. Никаких признаков, что Гитлер утрачивает решимость, нет. А на Вильгельмштрассе надеются, что Чемберлен сдаст свои позиции. Сегодня наше посольство передало всем находящимся здесь американцам официальный циркуляр с просьбой всем, чье присутствие не обязательно, покинуть страну. Большинство журналистов и бизнесменов уже отправили своих жен и детей. Назначенный на завтра съезд нацистских лидеров в Танненберге, где должен был выступить с речью Гитлер, отменили из-за "серьезности обстановки", так что мне не придется туда ехать. Разговаривал по телефону с Марроу, и он с готовностью согласился, что нам следует отменить нашу программу "Европейские танцы". Несколько заголовков на выбор из сегодняшних немецких газет: "ПОЛНЕЙШИЙ ХАОС В ПОЛЬШЕ - НЕМЕЦКИЕ СЕМЬИ СПАСАЮТСЯ БЕГСТВОМ", "ПОЛЬСКИЕ СОЛДАТЫ ДВИЖУТСЯ К САМОЙ ГРАНИЦЕ ГЕРМАНИИ!", "ЭТА ИГРА С ОГНЕМ ЗАХОДИТ СЛИШКОМ ДАЛЕКО", "ТРИ ГЕРМАНСКИХ ПАССАЖИРСКИХ САМОЛЕТА ОБСТРЕЛЯНО ПОЛЯКАМИ", "В ДАНЦИГСКОМ КОРИДОРЕ МНОЖЕСТВО НЕМЕЦКИХ СЕЛЬСКИХ ДОМОВ В ОГНЕ!".

Опять жаркий день, и большинство берлинцев, забыв о войне, отправились на окрестные озера.

Позднее. Час тридцать утра. После полуночи ненадолго вышел в эфир. Старался не оказаться в роли пророка, но сказал следующее: "Я не знаю, будем мы воевать или нет. Но могу сказать, что сегодня ночью в Берлине чувствуется, что, если не будут выполнены требования Германии в отношении Польши, война начнется". Из завтрашних утренних газет (воскресных) явствует, что теперь Гитлер требует не только Данциг и Данцигский коридор, но и все, что Германия потеряла в 1918 году, то есть Познань и Силезию. Как раз перед тем, как я вышел в эфир, национальное агентство проинформировало, что с понедельника вводится карточная система. Будут карточки на продовольствие, мыло, обувь, текстиль и уголь. Это заставит немцев осознать, в каком положении они находятся. Однако вполне возможно, что идут на это, чтобы произвести впечатление на Лондон и Париж. Съезд нацистской партии в Нюрнберге сегодня ночью был отменен. Это тоже сбросит с людей апатию. Завтрашние газеты усилят напряженность. Заголовок в "Volkische Beobachter" газете, фактически принадлежащей Гитлеру: "ВСЯ ПОЛЬША В ВОЕННОЙ ЛИХОРАДКЕ! 1 500 000 МУЖЧИН ПРИЗВАНО В АРМИЮ! НЕПРЕРЫВНАЯ ПЕРЕБРОСКА ВОЙСК К ГРАНИЦЕ! ХАОС В ВЕРХНЕЙ СИЛЕЗИИ!"

Разумеется, нет никаких упоминаний о мобилизации в

Германии, хотя немцы проводят мобилизацию уже в течение двух недель.

Берлин, 27 августа (воскресенье)

Сегодня жарко и душно, что еще больше усиливает напряженность. Гендерсон не смог вернуться сегодня, как ожидалось, в результате на Вильгельмштрассе обвиняют британцев в увиливании от ответа. (В течение двух следующих недель в Польше начинаются дожди, и дороги станут непроходимыми.) Некоторые нацисты, однако, считают, что задержка Гендерсона в Лондоне означает, что британцы уступают. Завтрашняя "Volkische Beobachter" призывает людей к сдержанности: "Фюрер все еще требует проявить терпение, потому что хочет использовать последние возможности мирного выхода из кризиса. Это означает бескровное выполнение минимальных требований Германии". Красивый спектакль, призванный убедить людей, что фюрер сделал все возможное, чтобы избежать надвигающейся войны. Однако газета заканчивает словами, что Германия от своих требований не отказывается. "Как каждый человек, так и нация в целом могут отказаться только от таких вещей, которые не являются для них жизненно важными". В этом суть германского характера. Немец не может отказаться от жизненно важных вещей, но предполагает, что другой человек пойдет на это. Сегодня во второй половине дня Гитлер обратился к членам рейхстага, собравшимся в здании рейхсканцелярии, хотя это не было очередным заседанием. Никакого отчета о его речи нет. В коммюнике просто говорится, что фюрер "подчеркнул опасность ситуации". В первый раз народу Германии сказали, что "ситуация опасная".

Сегодня установлены нормы на продукты питания, и я слышал, что многие немцы жалуются, что они очень невелики. Например: мяса - 700 г в неделю, сахара - 280 г, джема - 110 г, кофе или его заменителей - одна восьмая фунта в неделю. Что касается мыла, то на ближайшие четыре недели каждому человеку полагается 125 г. Новости о нормировании продуктов оказались для людей тяжелым ударом.

Сегодня приехал специальный представитель Хэм Фиш, которого, кажется, полностью одурачил Риббентроп, предоставивший ему самолет для того, чтобы добраться до состоявшейся на днях межпарламентской встречи в Скандинавии и рассказать собравшимся там демократам, насколько опасна сложившаяся ситуация. Он удивил нас тем, что весьма опасается продолжения своей миссии. Мы с Джо Барнесом наблюдали, как он очень серьезно беседовал за завтраком во внутреннем дворике "Адлона" с доктором Цаллаттом, мелким чиновником из

министерства иностранных дел, который, кажется, курирует здесь американскую прессу, но никто из американских корреспондентов с ним не общается, потому что он ничего не знает. Позднее, заставив весь журналистский корпус час прождать его, Фиш появился после завтрака и мрачным тоном произнес: "Извините меня, джентльмены, за опоздание, но я только что беседовал с важным чиновником из германского правительства". Ребята с трудом подавили смех. Фиш уехал первым же поездом во второй половине дня. Джеффри Парсонс, автор передовиц "Herald Tribune", человек спокойный, интеллигентный, выдержанный, основательный, уехал вчера ночью в Париж. На прошлой неделе он встречался с Черчиллем и уверен, что война будет.

Несмотря на все это, на Вильгельмштрассе сегодня все еще надеются на мирный исход.

Берлин, 28 августа

Они ставят себя под удар. Любому европейскому лидеру теперь трудно отступать. В два часа утра мы получаем текст писем, которыми обменялись в субботу и воскресенье Даладье и Гитлер. Даладье в благородных выражениях просит, чтобы Гитлер воздержался от военных действий, говорит, что нет такой проблемы, которую нельзя было бы решить мирным путем, напоминает Гитлеру, что Польша, в конце концов, суверенное государство, и заявляет, что Франция выполнит свои обязательства по отношению к Польше. Гитлер сожалеет, что Франция намеревается воевать, чтобы "поддержать неправого". А затем впервые объявляет свои требования. Данциг и Данцигский коридор должны быть возвращены Германии. Он хорошо осознает последствия войны, но заключает, что Польше придется хуже, чем кому-либо еще.

В письме Даладье есть замечательная строка: "Если сейчас прольется кровь Франции и Германии, как это случилось двадцать пять лет назад... то каждый из двух народов будет сражаться с уверенностью в своей победе. Но несомненно, что истинными победителями окажутся разорение и варварство".

В тринадцать тридцать звонит из Лондона Эд Марроу. Уставший, но бодрый. Мы оба выходим в эфир четыре или пять раз в день - с полудня до четырех утра. Эд не согласен с тем, что сказал мне из Лондона по телефону прошлой ночью Билл Стоунмен, а именно: что британцы используют ситуацию в корыстных целях. Эд утверждает, что сейчас они не могут этого делать. Он считает, что Ген-дерсон, который возвращается сегодня из Лондона в Берлин, привезет ответ Гитлеру, который "повергнет его в шок". Введение продовольственных карточек и публикация писем Гитлера и Даладье, кажется, заставили

простых людей осознать серьезность положения, оценивая все своими глазами. Пожилой немец, читавший письма, сказал мне: "Да, они забыли, что такое война. Но я не забыл. Я помню".

Сегодня днем по улицам в восточном направлении движутся войска. Их везут на грузовиках, в продовольственных фургонах и т. п. Германия заверила Бельгию, Голландию, Люксембург и Швейцарию, что будет уважать их нейтралитет в случае войны.

Позднее. Гендерсон прилетел в восемь вечера, в десять тридцать поехал в рейхсканцелярию и оставался там до одиннадцати сорока. Никаких достоверных сведений об этой решающей встрече нет, хотя в полночь официальная реакция на Вильгельмштрассе не была никоим образом пессимистической.

Средний немец выглядит сегодня подавленным. Он не может пережить удар, нанесенный введением продовольственных карточек, что равнозначно для него объявлению войны. Прошлой ночью, когда Гендерсон прилетел из Лондона с ответом на требования Гитлера, - в ночь, когда каждый понимал, что решается вопрос войны и мира, - я был удивлен, что перед зданием рейхсканцелярии собралось менее 500 человек из 5 000 000 жителей Берлина. Эти немногие стояли мрачные и молчаливые. Чувствовалось почти пораженческое настроение. Один человек сказал мне прошлой ночью: "Коридор? Черт, мы не слышали о нем почти двадцать лет. Зачем сейчас поднимать этот вопрос?"

Позднее (три часа утра). Сегодня в девятнадцать пятнадцать Гитлер вручил Хендерсону свой ответ на британские предложения1. К удивлению Вильгельмштрассе, британский посол не вылетел с ним в Лондон, хотя немцы держали наготове самолет в Темпельхофе. Он просто отправил его обычной дипломатической почтой. Похоже, британцы наконец заняли жесткую линию. Сегодня в "Таверне" у некоторых корреспондентов, включая и меня, было такое ощущение, что британцы морочат капралу голову. Немецкие журналисты сегодня ночью в "Таверне" были не так хвастливы. Правда то, что Гитлер колеблется. Многие ярые нацисты считают, что он должен был двинуть войска в прошлую пятницу. Если британцы действительно морочат ему голову, то пойдут ли английские консерваторы на сделку, чтобы спасти его? Я забежал вечером в английское посольство, чтобы повидаться со старым приятелем. Холлы были заставлены вещами. "Мы все пакуем чемоданы", - посмеялся он.

Берлин, 30 августа

Британский ответ Гитлеру появился сегодня ночью. Какого содержания, мы не знаем. Гендерсон опять встретился с

Риббентропом, но никаких сообщений не поступало. Вполне возможно, что сегодняшняя ночь окажется решающей. Германское агентство новостей объявило, что будет давать новости всю ночь. Звучит зловеще. На Вильгельмштрассе постарались обратить наше внимание на то, что пакт о ненападении, заключенный с Россией, предусматривает также консультации и что эта его часть в последние несколько дней вступила в действие. Меня это удивляет, но сегодня ночью я сказал в своей радиопередаче: "Кажется, это означает, и действительно, информированные сотрудники на Вильгельмштрассе не оставляют в этом никаких сомнений, что в последние дни Германия и Советы вели какие-то переговоры и, как сказал ночью один из журналистов, "говорили о Польше". В этой связи германская пресса не забывает упомянуть о сообщении из Москвы о том, что Россия не только не вывела свои триста тысяч человек с западной границы, как передавали ранее, а наоборот, укрепила свои силы там, то есть на границе с Польшей. Я не понимаю смысл всего этого. Я знаю только, что этому придается здесь большое значение".

Позднее, Сегодня в четырнадцать тридцать поляки объявили всеобщую мобилизацию. Это не столь важно, потому что Польша уже мобилизовала столько человек, сколько могла вооружить и обуть. Но эта новость дала немецкой прессе повод пригвоздить Польшу к позорному столбу как агрессора. (Германия тоже провела мобилизацию, хотя неофициально.) Так как теперь Гитлер публично потребовал возвратить Данциг и Данцигский коридор, то немцы должны бы знать, кого следует считать агрессором. Но боюсь, что они верят геббельсовской пропаганде.

В полночь Гитлер объявил об образовании военного кабинета, который будет называться министерским советом по обороне рейха. Его возглавит Геринг, членами кабинета стали Фрик, Функ, Ламмерс и генерал Кейтель.

Сегодня ночью время бежит быстро.

Все против войны. Люди говорят об этом открыто. Как может страна вступать в большую войну, если большинство населения решительно выступает против нее? Люди обсуждают также и то, что их держат в неведении. Один немец сказал мне прошлой ночью: "Мы ничего не знаем. Почему они не говорят нам, что происходит?" Думаю, оптимизм в официальных кругах сегодня улетучивается. Гасс считает, что Гитлер держит в запасе еще одну важную карту договоренность со Сталиным, что тот нападет на Польшу с тыла. Я очень в этом сомневаюсь, но после русско-германского пакта все возможно. Некоторые думают, что "Великий человек" пытается сейчас отвести удар, но как?

Позднее. В девятнадцать сорок пять вышел в эфир. Сказал:

"Сегодня вечером ситуация критическая. Гитлер еще не дал ответа на британскую ноту, полученную прошлой ночью... Возможно, ответ не нужен... Новый совет по обороне заседал весь день. Вильгельмштрассе охвачена бурной деятельностью... Контактов между правительствами Великобритании и Германии не было. Вместо этого - между Германией и Россией. Берлин ожидает, что Советы ратифицируют русско-германский пакт сегодня вечером... Британский посол не приезжал на Вильгельмштрассе. Он имел беседу со своим французским коллегой М. Кулондром. Затем встретился с польским послом М. Липским. Все чемоданы в этих трех посольствах упакованы..."

Позднее (три часа утра). Вечером распространили типичный гитлеровский обман. В двадцать один час радио прекратило обычную программу и передало условия германских "предложений" Польше. Меня ошеломила их умеренность, я стал немедленно переводить их для наших американских слушателей и, так как мы были в эфире, упустил подвох. Он состоял в том, что Гитлер потребовал, чтобы Польша прислала в Берлин полномочного представителя для обсуждения этих условий прошлой ночью, хотя они были вручены Гендерсону предыдущей ночью{17}. В официальном заявлении Германии (очень лаконичном) содержалась жалоба на то, что поляки даже не приехали в Берлин, чтобы обговорить их. Понятно, что у них не было времени. И зачем это Гитлеру устанавливать жесткие сроки суверенному государству? Выдвинутые "предложения" - явно серьезно не воспринимаемые - читались почти как мягкое увещевание. Они содержали шестнадцать пунктов, из коих существенными были четыре: 1) возвратить Данциг Германии; 2) провести референдум о том, кому будет принадлежать Данцигский коридор;

3) осуществить обмен национальными меньшинствами;

4) Гдыня останется польской, даже если результаты голосования окажутся в пользу возвращения коридора Германии.

Сегодня ночью все великие армии, военно-морские и военно-воздушные силы приведены в боевую готовность. Каждая страна отгораживается от другой. Сегодня мы не смогли пробиться ни в Париж, ни в Лондон и, конечно, в Варшаву, хотя Тэсс в Женеву я дозвонился. И все же никаких решительных акций сегодня ночью не ожидается. Берлин вечером выглядит вполне обычно. Не было эвакуации женщин и детей, даже окна не закладывали мешками с песком. Получается, что нам придется прождать еще одну ночь, прежде чем мы все узнаем. Поэтому - ложусь спать, почти на рассвете.

Берлин, 1 сентября

В шесть утра позвонила - господи, помилуй! - Зигрид Шульц. Она сказала: "Это произошло". Я был очень сонный, - но меня просто парализовало. Я пробормотал: "Спасибо, Зигрид" - и вскочил с кровати.

Война началась!

Берлин, 1 сентября 1939 года

Это "контрнаступление"! Сегодня утром на рассвете Гитлер напал на Польшу. Это вопиющий, ничем не оправданный, не спровоцированный акт агрессии. Но Гитлер и верховное командование называют его "контрнаступлением". Серое утро с нависшими облаками. Когда я ехал в Дом радио на первую в этот день передачу, начинающуюся в восемь пятнадцать утра, на лицах прохожих читалось безразличие. Напротив отеля "Адлон" утренняя смена рабочих трудилась на строительстве нового здания "ИГ Фарбен" так, словно ничего не произошло. Никто не покупал экстренные выпуски газет, заголовки которых выкрикивали мальчишки-газетчики. По оси с востока на запад люфтваффе устанавливают пять больших зенитных орудий, чтобы обеспечить защиту Гитлеру, когда в десять утра он выступит с обращением к рейхстагу. Мы с Джорданом должны были оставаться на связи и передавать речь Гитлера в Америку. Когда я слушал речь Гитлера, мне казалось, что в его голосе проскальзывает какая-то странная напряженность, будто он озадачен тем затруднительным положением, в которое сам себя поставил, и ощущает безрассудство своего шага. Так или иначе, говорил он неубедительно, и оваций в рейхстаге было гораздо меньше, чем по другим, менее значительным поводам. Должно быть, у Джордана сложилось такое же мнение. Пока мы ждали перевода речи для Америки, он шепнул: "Похоже на лебединую песню". Действительно. Гитлер был явно растерян, когда сообщал рейхстагу, что Италия не станет вступать в войну, потому что "в этой борьбе мы не собираемся просить помощи со стороны. Мы справимся с этой задачей сами". А ведь параграф 3 военного договора держав Оси предусматривает немедленную и автоматическую поддержку Италии "всеми ее военными средствами на суше, в море и в воздухе". Как насчет этого? Прозвучала безнадежность и в его словах относительно вчерашней речи Молотова в связи с ратификацией Россией германо-советского договора: "Я могу только подписаться под каждым словом в речи комиссара иностранных дел Молотова".

Вероятно, завтра выступят Франция и Британия, и вот она, Вторая мировая война. Сегодня вечером британцы и французы направили Гитлеру ультиматум с требованием вывести войска из Польши, в противном случае их послы запросят свои паспорта.

По-видимому, они их получат.

Позднее (два тридцать утра). Кончается наша первая ночь со светомаскировкой. Город полностью затемнен. Привыкаешь к этому быстро. Продвигаешься по улицам на ощупь в кромешной тьме, и довольно скоро глаза к ней приспосабливаются. Начинаешь различать побеленный бордюрный камень. Первая в нашей жизни воздушная тревога была в семь вечера. Я был на радио и писал текст для моей передачи в восемь пятнадцать. Свет погас, все немецкие служащие схватили свои противогазы и, ничуть не испугавшись, устремились в убежище. Мне противогаз никто не предложил, но дежурные настояли, чтобы я отправился в подвал. В темноте и неразберихе я выскочил и спустился в студию, где нашел крохотное помещение, в котором горела свеча. Там и нацарапал свои заметки. Никаких самолетов не было. Но завтра, после вступления в войну Британии и Франции, все может измениться. Во всяком случае, я тогда окажусь в весьма затруднительном положении, так как надеюсь, что они разбомбят этот город ко всем чертям, а что будет со мной? Мерзкий вой сирен, беготня в подвал с противогазом (если он у вас есть), кромешная темнота ночью - насколько хватит человеческих нервов?

Любопытная деталь из жизни Берлина в первый день войны: все кафе, рестораны, пивные были полны народу. Мне показалось, что люди не очень-то встревожены после воздушной тревоги. Я закончил вещание в час тридцать, прошел, спотыкаясь, полмили по Кайзердамм и наконец увидел такси. Но из темноты выскочил другой прохожий и нырнул в него первым. В результате мы взяли его на двоих. Пассажир был пьян, таксист еще пьянее, и оба ругали затемнение и войну.

Изоляция от внешнего мира, которую ощущаешь в такую ночь, еще более усилится, потому что вечером вышел декрет, запрещающий слушать зарубежные радиостанции. Кто-то боится правды? Ничего удивительного. Странно, что ни один польский бомбардировщик не прорвался сегодня ночью. Не получится ли так же с британскими и французскими?

Уже два дня идет германское наступление на Польшу, а Британия и Франция до сих пор не сдержали свои обещания. Неужели Чемберлен и Бонне пытаются от них отвертеться? Гитлер сообщил Рузвельту телеграммой, что не будет бомбить открытые города, если этого не будут делать другие. Сегодня ночью налетов не было. Где же поляки?

Берлин, 3 сентября

В этот воскресный день гитлеровское "контрнаступление" на Польшу превратилось в мировую войну! Запомним этот день: 3

сентября 1939 года. Время: 11 часов утра. Сегодня в девять утра сэр Невиль Гендерсон посетил германского министра иностранных дел и вручил ему ноту с требованием до двадцати трех часов принять условия Британии и вывести свои войска из Польши. Он возвратился на Вильгельмштрассе вскоре после одиннадцати и получил ответ Германии в виде меморандума. На улицах сейчас появились экстренные -выпуски газет. Их раздают мальчишки-газетчики. Вот заголовки:

"БРИТАНСКИЙ УЛЬТИМАТУМ ОТВЕРГНУТ", "АНГЛИЯ ОБЪЯВЛЯЕТ СЕБЯ В СОСТОЯНИИ ВОЙНЫ С ГЕРМАНИЕЙ", "БРИТАНСКАЯ НОТА ТРЕБУЕТ ВЫВОДА НАШИХ ВОЙСК НА ВОСТОКЕ", "СЕГОДНЯ ФЮРЕР ОТПРАВЛЯЕТСЯ НА ФРОНТ".

Типичный заголовок над официальным сообщением:

"ГЕРМАНСКИЙ МЕМОРАНДУМ ДОКАЗЫВАЕТ ВИНУ АНГЛИИ".

Я стоял на Вильгельмплац, когда около полудня громкоговорители неожиданно известили, что Англия объявила войну Германии. Около двухсот пятидесяти человек стояли спокойно и внимательно слушали сообщение. Когда оно закончилось, я не услышал ропота в толпе. Люди просто замерли на месте. Как оглушенные. Они не способны были осознать, что Гитлер вверг их в новую войну. Для них еще не было подготовлено официальное разъяснение, хотя к концу дня таким объяснением стало просто "вероломство Альбиона", как это было в 1914 году. В "Майн кампф" Гитлер утверждает, что величайшей ошибкой кайзера было воевать с Англией и что Германия никогда не должна повторять эту ошибку.

Был чудесный сентябрьский день, сияло солнце, дул легкий ветерок такие дни берлинцы любят проводить в окрестных лесах или на озерах. Я бродил по улицам. На лицах людей удивление, подавленность. До сегодняшнего дня они занимались в основном своими обычными делами. Были карточки на продовольствие и на мыло, трудно было достать бензин, а по ночам пробираться в темноте. Но война на востоке казалась им чем-то далеким - две лунные ночи, над Берлином ни одного польского самолета, несущего разрушение. И газеты сообщают, что германские войска наступают по всему фронту, а польская авиация уничтожена. Вчера вечером я слышал, как немцы рассуждали, что "польская заварушка" продлится не больше нескольких недель, от силы месяцев. Мало кто верил, что Великобритания и Франция вступят .в войну. Риббентроп был уверен, что они этого не сделают, и уверял в этом фюрера, а тот верил ему. Британцы и французы уже приучены. Еще один Мюнхен, почему бы и нет? Вчера, когда казалось, будто Лондон и Париж колеблются, все,

включая обитателей Вильгельмштрассе, были настроены оптимистично. Почему бы и нет?

Я думаю, в 1914 году в первый день войны в Берлине царило сильнейшее возбуждение. Сегодня - ничего подобного, никаких "ура", никаких оваций, бросания цветов, никакой военной лихорадки и истерии. Нет даже ненависти к британцам и французам, несмотря на многочисленные обращения Гитлера к народу, партии, Восточной армии, Западной армии, в которых "английские поджигатели войны и еврейские капиталисты" обвинялись в развязывании войны. Когда я проходил днем мимо французского и британского посольств, тротуары перед ними оставались безлюдны. Перед каждым прогуливалось по одному Schupo{18}.

Мы собрались на ланч во внутреннем дворике "Адлона", чтобы выпить с сотрудниками британского посольства. Похоже, их совершенно не волновало происходящее. Они болтали о собаках и подобной чепухе. Что-то непонятное происходит с французами, на сегодня у них нет согласованности с британцами. Ультиматум от Кулондра поступил только в пять вечера, когда Британия уже шесть часов находилась в состоянии войны. Однако французы объяснили нам, что это произошло из-за плохой связи между Парижем и Берлином{19}.

Верховное командование ставит в известность о том, что на западном фронте Германия не начнет стрелять по французам первой.

Позднее. Вел радиопередачи всю вторую половину дня и весь вечер. Третья ночь со светомаскировкой. Никаких бомбежек, хотя мы и ожидали британцев и французов. Газеты продолжают восхвалять декрет, запрещающий слушать зарубежные радиостанции! Чего они боятся?

Берлин, 4 сентября

Уже полночь, и никаких налетов авиации, несмотря на вступление в войну британцев и французов. Не может быть, в конце концов, что в этой новой войне они не собираются бомбить крупные города, столицы, мирное население, находящихся в домах женщин и детей! Люди здесь уже вздохнули свободнее. Первые две ночи им не спалось.

Ночью я услышал по обратной связи с Нью-Йорком о потоплении "Атении" с 1400 пассажирами на борту, среди них было 240 американцев. Англичане заявили, что это сделала германская подводная лодка. Немцы упорно отрицают, но германской прессе и радио категорически запрещено упоминать инцидент до завтрашнего дня. Мне осточертело мусолить эту тему в эфире всю ночь, и я по собственной инициативе высказал

свою личную позицию, позицию американского радиожурналиста. Я сказал, что моя обязанность - сообщать новости из Германии, что официальные заявления, а значит, и заявление, в котором отрицается факт торпедирования "Атении" немецкой подлодкой, является одной из таких новостей, сказал и о том, что получал из своей страны указания воздерживаться от высказывания собственного мнения. Верховное командование ввело военную цензуру на все, что я говорю, но, к счастью, главный цензор, морской офицер, - честный и порядочный человек. В последние дни у меня случались с ним размолвки, но в рамках своей работы он действовал разумно.

Война начинает задевать обычных граждан. Вечером обнародован закон об увеличении подоходного налога на целых пятьдесят процентов, а также о значительном увеличении акцизов на табак и пиво. Кроме того, декрет о замораживании цен и заработной платы.

Персонал французского и британского посольств отбыл сегодня двумя большими пульмановскими составами. Я слегка шокирован удивительным фактом: идет смертоубийство, а все дипломатические церемонии соблюдаются враждующими сторонами до мелочей.

Надо было видеть лица немцев, когда сегодня поздно вечером пришло сообщение о том, что британцы в первый раз бомбили Куксхафен и Вильгельмсхафен! Война пришла в их дом, и, кажется, никому это не нравится.

Берлин, 5 сентября

Что-то странное с этим западным фронтом. На Вильгельмштрассе нас сегодня заверили, что там не произведено ни единого выстрела. Правда, один чиновник сказал мне, хотя я не очень ему доверяю, что германские войска обращаются по радио к французским солдатам, стоящим на границе: "Мы не будем стрелять, если вы не будете". Тот же источник сообщил, что транспарант с аналогичным содержанием свисает с аэростата. Сегодня Германская радиовещательная компания вела свой первый репортаж с фронта, и он показался достаточно достоверным. Разумеется, шел он в записи. Немцы говорят, что позволят мне осуществлять радиозапись на линии фронта, но американские радиостанции не позволят мне вести радиопередачи в записи, а жаль, потому что для радио это единственный способ освещать события на фронте. Я считаю, что мы пренебрегаем грандиозной возможностью, хотя Бог свидетель - нет у меня большого желания пасть смертью героя на поле боя. Сегодня пала крепость Грауденц, и немцы прорвались через Данцигский коридор. После неторопливого старта они,

похоже, собираются продвигаться чертовски быстро. На юге окружен Краков.

Берлин, 6 сентября

Днем захвачен Краков, второй по величине город Польши. Верховное командование сообщает также, что пал город Кильце. Разыскивая его на карте, я с удивлением обнаружил, что он расположен восточнее Лодзи и Кракова, чуть южнее Варшавы. Никто и не подозревал, что германские войска продвинулись так далеко. Всего за неделю немцы прорвались гораздо дальше своих границ 1914 года. Это становится похоже на разгром поляков.

Вечером я узнал, что лайнер "Бремен" после стремительного броска из Нью-Йорка успешно прорвал британскую блокаду и пришел в Мурманск, порт на северном побережье России. Будучи уверен, что единственный в городе знаю об этом, я первым и выдал сообщение в эфир. В последнюю минуту ворвался военный цензор и прервал передачу, сказал, что про это упоминать нельзя.

Позднее. Джо Барнес пришел в час ночи ко мне в номер, чтобы все обсудить. Мы оба считаем, что Британия и Франция не станут проливать много крови на западном фронте, а будут держать прочную блокаду и ждать, пока силы Германии не иссякнут. За это время Польша будет разгромлена.

Берлин, 7 сентября

Сегодня было много разговоров о мире! Есть мнение, что после победы Германии над Польшей Гитлер предложит Западу мир. Я очень осторожно вставил это в текст моей вечерней радиопередачи, но цензор не пропустил ни слова.

Только неделя прошла с начала "контрнаступления", а вечером я узнал от одного армейского знакомого, что немцы стоят уже в двадцати милях от Варшавы. Новый сегодняшний декрет устанавливает смертную казнь любому, кто "угрожает военной мощи германского народа". Такое определение дает шефу гестапо Гиммлеру множество вариантов для трактовки. Второй декрет принуждает рабочих соглашаться на другую работу даже в том случае, если за нее меньше платят.

Берлин, 8 сентября

Германское верховное командование объявило, что сегодня в семнадцать часов пятнадцать минут немецкие войска подошли к Варшаве. По радио сообщение передали в девятнадцать пятнадцать. Сразу после него прозвучали националистические песни "Германия превыше всего" и "Хорст Вессель". Даже наши военные атташе ошеломлены этими новостями. Вечером на улицах Берлина не слышно бурного ликования. В метро по дороге на радиостудию я отметил странное безразличие людей к таким грандиозным новостям. Польша терпит поражение, а на западном

фронте до сих пор ни одного выстрела! Так утверждают немцы. Первый, кого казнили по вышедшему вчера закону, - Гиммлер времени даром не теряет, - некто по имени Иоганн Хайнен из Дассау. Как объявлено, его расстреляли "за то, что он отказался участвовать в оборонительных работах".

Эн-би-си прекратила свое вещание из Европы. Эд Клаубер телеграфирует, что мы продолжаем в одиночку. Правильно мы сделали, что создали штат американских радиорепортеров. Сегодня вечером впервые с начала войны возвратился домой рано, в час ночи, и сразу же лягу спать. Вечером слушал передачу Эда из Лондона. Голос очень усталый, как и у меня после месяца вещания в эфире днем и ночью практически без сна.

В четыре утра вторая с начала войны воздушная тревога, но я ничего не слышал, нормально заснув впервые за целую вечность. Пока нет никаких известий о взятии германской армией Варшавы, и я начинаю подозревать, что вчерашнее сообщение было преждевременным. O.W., вернувшийся с фронта, рассказывал мне сегодня, что видел страшно изуродованные тела немцев, убитых поляками. Еще он описывал, как немцы окружают мирных поляков - мужчин, женщин и детей, ведут их в здание для короткого военно-полевого суда, потом выводят к стене на заднем дворе, где с ними расправляются немецкие расстрельные команды. Наш военный атташе говорит, что это позволительно, что так поступают с партизанами, но мне это не нравится, даже если эти люди были снайперами. И, судя по тому, что рассказывает O.W., я сомневаюсь, что полевой суд прилагает большие усилия, чтобы отличить партизана от того, кто виноват только в том, что он поляк.

Сегодня Геринг выступал по радио с местного завода по производству боеприпасов. Он предупредил людей, что война может быть длительной. Угрожал Британии и Франции страшным возмездием, если они начнут бомбить Германию. Заявил, что семьдесят германских дивизий, находящихся сейчас в Польше, в течение недели освободятся для продолжения службы "где угодно". Ясно, что война в Польше практически завершена. Большинство корреспондентов в подавленном состоянии. Британия и Франция не сделали на западном фронте ничего, чтобы ослабить чудовищное давление на Польшу. Похоже, что в лице Гитлера мы имеем нового Наполеона, который может ураганом пронестись по Европе и завоевать ее.

Берлин, 10 сентября

Спустя неделю после объявления Францией и Британией о вступлении в войну простые немцы начинают задумываться, мировая ли это война. Они рассуждают так. Да, Англия и

Франция формально выполняют свои обязательства перед Польшей. Уже неделю они официально находятся в состоянии войны с Германией. Но разве это война? - спрашивают они. Да, британцы отправили двадцать пять самолетов бомбить Вильгельмсхафен. Но если это война, то почему только двадцать пять? И если это война, то почему только несколько листовок сброшено над Рейнской областью? Это промышленное сердце Германии расположено вдоль Рейна и близко к Франции. Оттуда поступает большая часть боеприпасов, которые так стремительно разрушают Польшу. Тем не менее ни одной бомбы не упало на рейнские заводы. Война ли это? - задаются вопросом немцы. У немцев уже не такие вытянутые лица, какие я наблюдал в воскресенье.

Жизнь здесь до сих пор абсолютно нормальная. Опера, театры, кино - все работает, и везде полно народу. В Опере - "Тангейзер" и "Мадам Баттерфляй". В Государственном театре - "Ифигения" Гете. "Метрополь", любимое кабаре Гитлера, объявляет о премьере нового ревю в среду. Вечерние газеты сообщают, что сегодня в Германии сыграно двести футбольных матчей.

Берлин, 11 сентября

Верховное командование заявляет сегодня, что грандиозное сражение с целью полного уничтожения польской армии близится к концу. Сейчас бои идут вдоль реки Саны, на юго-востоке от Варшавы. В первый раз в сегодняшней военной сводке упоминается, что французы открыли артиллерийский огонь на западном фронте. Власти протектората объявили сегодня в Праге, что чехов, захваченных с оружием в руках, будут расстреливать как изменников.

Позднее (полночь). Вечером в метро, по дороге в радиостудию, я слышал множество недовольных высказываний о войне. Особенно подавленными выглядели женщины. И все-таки, когда я возвращался обратно, по платформе на станции, расположенной у Немецкой оперы, двигалась огромная толпа, преимущественно женщины. Они были в Опере, и казалось, что им безразлично, что идет война, что немецкие бомбы и снаряды падают на женщин и детей в Варшаве. Сомневаюсь, что без ужасных бомбежек или длительного полуголодного существования война войдет в дома этих людей.

Классический заголовок в сегодняшней газете: "ПОЛЯКИ БОМБЯТ ВАРШАВУ!" Пресса полна самых фантастических выдумок. Последняя о том, как два агента британской секретной службы организовали резню немцев в Бромберге. Когда я высмеял по этому поводу своего военного цензора, парня честного, он

покраснел.

Но вот одна мысль: не случится ли так, что если британцы и французы решат вести длительную войну на изнурение, то основная масса немцев забудет о своем отношении к режиму и сочтет своим долгом защищать отечество? Кое-что услышанное сегодня вечером от немцев заставляет меня так думать.

Берлин, 14 сентября

Вчера из штаб-квартиры Гитлера поступило официальное заявление, подписанное верховным командованием (но явно продиктованное Гитлером). В нем говорится, что до тех пор, пока польское гражданское население оказывает упорное сопротивление германской армии в городах, Германия будет использовать любые средства для его уничтожения, особенно бомбардировки с воздуха и обстрел тяжелой артиллерией, чтобы доказать им "бессмысленность их действий". Д., Х. и В., пробывшие на этой неделе три дня на фронте, рассказывают, что почти все польские населенные пункты, которые они видели, наполовину или полностью разрушены бомбами и артиллерией.

Все мы здесь сбиты с толку бездействием Британии и Франции. Из передач Эда из Лондона и Тома из Парижа ясно, что союзники преувеличивают свою активность на западном фронте. Немцы утверждают, что дальше мелких стычек там дело не идет, и подчеркивают, что французы даже не используют авиацию в своих "наступательных действиях". У. из нашего посольства рассказывал сегодня о телеграммах посла Биддла из Польши. Тот сообщает о чудовищных бомбардировках польских городов. Этот человек настаивает, что Гитлер имеет право бомбить и обстреливать города, гражданское население которых оказывает сопротивление. Понимаю, что выхожу из себя, но продолжаю спорить.

Ночью зашла горничная, чтобы поговорить о том, какой ужас эта война.

"Почему французы воюют с нами?" - спросила она.

"А почему вы воюете с поляками?" - спросил я.

"Хм, - произнесла она с непроницаемым лицом и закончила: - Но французы - они же люди".

"Но поляки, может быть, они тоже люди?" - поинтересовался я.

"Хм", - промычала она, опять-таки без всякого выражения на лице.

Берлин, 15 сентября

Сегодня из весьма авторитетного источника я узнал, что Россия может напасть на Польшу.

Несколько слов по поводу голых фактов. Как влияет на

Германию блокада союзников? Она лишает ее пятидесяти процентов привычного импорта. Основные продукты, которых Германия сейчас лишена: хлопок, олово, никель, нефть и каучук. Россия может поставить ей некоторое количество хлопка, но общий объем ее прошлогоднего экспорта составил всего 2,5 процента годовой потребности Германии. С другой стороны, Россия способна поставить Германии весь необходимый ей марганец и всю древесину, а вместе с Румынией достаточное для военных нужд количество нефти. Железо? В прошлом году Германия получила 45 процентов железной руды из Франции, Марокко и из других мест, от которых она сейчас отрезана. Но одиннадцать миллионов тонн ей поставили Швеция, Норвегия и Люксембург. Эти источники для нее пока открыты. В итоге Германия, несомненно, пострадала, потеряв 50 процентов импорта. Но, учитывая те возможности, которые открыты для нее в Скандинавии, на Балканах и в России, она не страдает так сильно, как в 1914 году.

Всего две недели назад началось "великое контрнаступление" на Польшу. Запущенная германская военная машина за четырнадцать дней отбросила польскую армию более чем на двести миль, захватила сто тысяч пленных и практически уничтожила Польшу. Сегодня германская армия стоит у крепости в Брест-Литовске, где в 1918 году Германия продиктовала большевикам жесткий договор. Другая германская армия находится близ румынской границы, приближая Германию к громадным нефтяным месторождениям и запасам зерна. Да, отважная польская армия, полностью окруженная в Кутно, в семидесяти пяти милях западнее Варшавы, еще держится. Но насколько ее хватит? Варшава тоже держится. Но сколько еще? Война в Польше завершена. Германские дивизии уже устремились на запад.

Сегодня мой цензор не возражал, когда я предположил в ночном эфире, что теперь выступит Россия и оккупирует те районы Польши, которые заселены русскими. Сегодня больше разговоров о мире.

Вот пример того, как высоко ценят наших изоляционистов в "Нациленде". Газетный заголовок: "Сенатор Борах предостерегает против поджигателей войны в США".

Всем немцам, с которыми я виделся сегодня, понравилось выступление по радио нашего знаменитого авиатора Линдберга. Его речь хорошо принята берлинскими газетами, гораздо лучше, чем речи Рузвельта. Заголовки доброжелательные. "Borsen Zeitung": "Полковник Линдберг предостерегает против агитации западных держав".

Знакомая американка купила сегодня банку сардин. Продавец настоял, чтобы она открыла ее прямо в магазине. Причина: вы не сможете запасать консервы, если продавец заставит вскрыть их при продаже.

Позднее (полночь). Немцы только что объявили, что если Варшава не сдастся в течение двадцати четырех часов, то германская армия применит все военные средства, чтобы заставить ее подчиниться. Что означает бомбардировки с воздуха и обстрел. В городе больше полумиллиона мирных жителей, в основном это женщины и дети.

Берлин, 17 сентября

Сегодня утром в шесть часов по московскому времени Красная армия начала вторжение в Польшу. Разумеется, у России был заключен с Польшей пакт о ненападении. Сейчас кажется, что это было давным-давно, хотя, на самом деле, и не давным-давно, а когда я сидел в Женеве и в других столицах и выслушивал рассуждения советских государственных деятелей о совместных действиях против агрессора. Теперь Советская Россия наносит Польше удар ножом в спину, а Красная армия присоединяется к нацистской армии в разгромленной Польше. Естественно, все это с одобрением воспринято в Берлине.

Мой цензор был сегодня необычайно доброжелателен. Он разрешил мне передать в эфир следующее: "Если Варшава не капитулирует, это означает, что один из крупнейших городов Европы будет уничтожен германской армией вместе с большей частью живущих в нем людей. Безусловно, в истории нет этому равного... Немцы заявляют, что именно поляки нарушают международное право, заставляя гражданское население защищать столицу. Но, как я сказал, я просто не могу мириться со всем, что происходит на этой войне".

Завтра - на "фронт", если нам удастся его обнаружить.

Сопот, близ Данцига, 18 сентября

Целый день добирались сюда из Берлина через Померанию и Данцигский коридор. Дороги забиты моторизованными колоннами германских войск, возвращающихся из Польши. В лесах коридора стоит сладковатый тошнотворный запах конских трупов и еще более сладкий - трупов человеческих. Немцы рассказывают, что здесь против сотен германских танков была брошена целая польская дивизия, и она была полностью уничтожена. На пирсе этого летнего курорта всего пять недель назад мы с Джоном Гунтером сидели поздней мирной ночью и спорили, заговорят ли пушки в Европе. А сегодня вечером мы наблюдаем, как идет яростное сражение у Гдыни. Вдалеке над морем видны вспышки орудийных залпов.

Доктор Бёмер, пресс-секретарь министерства пропаганды, ответственный за эту поездку, настаивал, чтобы я делил двухместный номер с Филипом Джонсоном, американским фашистом. Все мы терпеть не могли этого парня и подозревали, что он шпионит за нами по поручению нацистов. До последней минуты он изображал из себя в номере их противника и пытался выведать мои настроения. Я лишь несколько раз удостоил его невнятным бормотанием.

Данциг, 19-20 сентября, два тридцать утра

Сижу на местной радиостанции и с трепетом жду эфира в четыре утра. Я провел передачу в полночь, но из Берлина сообщили по телефону, что не уверены, что на Си-би-эс меня слышали. Попробуем еще раз в четыре.

Днем видел мельком настоящий бой, один из последних в польской войне, которая фактически завершена. Бой происходил в двух милях от Гдыни на горном хребте, протянувшемся на семь миль от моря в глубь суши. Во всем этом было что-то трагическое и вместе с тем гротескное.

Мы находились на горе под названием Штернберг в центре Гдыни под громадным - ирония судьбы! - крестом. Здесь оборудован немецкий наблюдательный пункт. Вокруг стояли офицеры и вели осмотр через полевые бинокли. Поверх крыш современных зданий этого образцового нового города, который олицетворял собой надежды Польши, мы видели бой, идущий в двух милях к северу. Утром мы были разбужены им в нашем отеле в Сопоте. В шесть утра в моем номере задребезжали стекла. Германский линкор "Шлезвиг-Гольштейн" стрелял из одиннадцатидюймовых орудий поверх наших голов. Сейчас мы видим, что немцы окружили поляков с трех сторон, а с четвертой они были отрезаны морем, откуда их накрывали огнем немецкие эсминцы. Немцы применяют все виды оружия, тяжелую и легкую артиллерию, танки, авиацию. У поляков нет ничего, кроме пулеметов, винтовок и двух зенитных установок, которые они безнадежно пытаются использовать как артиллерию против немецких пулеметных гнезд и танков. Слышатся тяжелый грохот германской артиллерии и треск пулеметов с обеих сторон. Поляки не только отстреливаются из окопов и зарослей кустарника, но и устанавливают пулеметные гнезда в городских зданиях, мы только догадываемся об этом по звуку стрельбы, так увидеть ничего невозможно, даже в бинокль. Два больших здания, офицерское училище и Гдыньскую радиостанцию поляки превратили в крепости и вели пулеметный огонь из нескольких окон. Через полчаса немецкий снаряд разрушил крышу училища и начался пожар. Немецкая пехота, поддерживаемая, а в бинокль

казалось ведомая танками, пробилась на вершину холма и окружила здание. Но они его не взяли. Поляки продолжали поливать их пулеметным огнем из полуподвальных окон горящего дома. Отчаянными храбрецами были эти поляки. Над хребтом парил германский гидроплан, корректирующий огонь артиллерии. Потом к нему присоединился бомбардировщик, и оба они спикировали вниз, обстреливая из пулеметов позиции поляков. И под конец появилась эскадрилья нацистских бомбардировщиков.

Поляки оказались в безнадежном положении. И все-таки они продолжали сражаться. Сопровождавшие нас немецкие офицеры не переставали восхищаться их храбростью. Прямо под нами на улицах Гдыни застыли в безмолвии женщины с детьми, наблюдая за ходом неравной битвы. Перед некоторыми домами стояли длинные очереди за продуктами. Перед тем как забраться на гору, я видел жуткую горечь на лицах людей, особенно женщин.

Мы наблюдали бой до полудня. За это время немцы продвинулись примерно на четверть мили. Их пехота, танки, артиллерия, связисты работали как часовой механизм. На лицах немецких офицеров, находившихся на нашем наблюдательном пункте, не было ни малейших признаков напряженности или волнения. Все они были очень деловиты и напоминали мне тренеров футбольной команды-фаворита, которые сидят вдоль боковой линии, спокойные и уверенные, и видят, что созданный их руками механизм работает так, как должен работать всегда.

Когда мы собрались уходить, ко мне обернулся Джо Барнес. "Трагедия и гротеск", - сказал он. Именно так. Неравный бой, потрясенные граждане на улицах внизу - действительно, трагично. А гротеск - это мы, ничем особо не рискуя, стоим и наблюдаем за убийством, как будто идет футбольный матч, а мы уютно устроились на центральной трибуне. Гротеск и в том, что у нас есть место на трибуне, откуда можно видеть стоящих внизу женщин, для которых гром орудий, что мы слышим, - страшная личная трагедия.

Когда мы уезжали, я спросил одного офицера, где же польская артиллерия.

"Нет у них никакой артиллерии, - ответил он. - Если бы было хоть одно 75-миллиметровое орудие, они бы разнесли нас в клочья. От них до нас всего две мили, и это место - отличная естественная цель".

Мы отправились на Вестерплатте, небольшой островок между Данцигом и открытым морем, который поляки использовали в качестве базы снабжения. В течение пяти дней маленький польский гарнизон держался на острове под огнем бьющих

прямой наводкой одиннадцатидюймовых орудий "Шлезвиг-Гольштейна" и под сбрасываемыми с пикирующих бомбардировщиков пятисотфунтовыми бомбами. Даже немцы оценили их храбрость, и, когда поляки наконец капитулировали, командиру гарнизона было разрешено оставить свою саблю. Сейчас Вестерплатте выглядит как выжженная земля под Верденом. Интересно, что бомбовые удары с самолетов оказались более смертоносными и более точными, чем снаряды со старого линкора. Круглый польский бункер, в диаметре не более сорока футов, получил два прямых попадания пятисотфунтовых бомб. Десятифутовая толща из стали и бетона была разорвана в клочья, словно папиросная бумага. Неподалеку мы видели могилы, в которых захоронены останки тех, кто находился внутри бункера.

Во второй половине дня нас повезли в ратушу города Данцига, очень красивое здание в готическом стиле, чтобы послушать первое, после обращения к рейхстагу 1 сентября о начале войны, выступление Гитлера. Я сидел на приставном сиденье, и, когда Гитлер проходил мимо к трибуне, мне показалось, что фюрер выглядел надменным, как никогда. Да и таким злобным во время речи я его никогда не видел. Когда он говорил о Британии, лицо его в приступе бешенства наливалось краской. Позднее знакомый нацист сообщил мне по секрету, что "старик" был в страшном гневе потому, что собирался выступать сегодня в Варшаве и три или четыре дня ждал недалеко от польской столицы, сгорая от нетерпения вступить в нее и произнести победную речь. Когда жители города отказались капитулировать и продолжили упорное сопротивление, терпение его лопнуло, и он помчался произносить свою речь в Данциг. Он должен был выступить! Мы предполагали, что Гитлер предложит Западу мир и объявит, какое будущее ожидает Польшу. Он не сделал ни того ни другого, а просто отметил, что Польша никогда не будет воссоздана по версальской модели и что он не имеет военных планов против Британии и Франции, но будет воевать с ними, если они продолжат войну. Когда Гитлер промчался по проходу мимо меня, его сопровождали Гиммлер, Брюкнер, Кейтель и еще несколько человек все в мышиного цвета полевой форме. Большинство из них были небриты, и, должен сказать, похожи они были на чикагских гангстеров. Гиммлер, отвечающий за безопасность Гитлера, расталкивал людей в проходе и покрикивал на них. Я слышал, что армия не прочь избавиться от него, но сделать это боится. Сегодня здесь отменена светомаскировка. Хорошо вновь увидеть огни.

Берлин, 20 сентября

Чтобы доставить нас из Данцига обратно, Гитлер предоставил

один из своих тридцатидвухместных самолетов. Сегодня вечерняя пресса открыто говорит о мире. "Frankfurter Zeitimg" пишет: "Зачем Англии и Франции проливать кровь у нашего Западного вала? С тех пор как польское государство прекратило свое существование, все договоры о союзе с ним больше не имеют смысла". Немцы, с которыми я общался сегодня, твердо уверены, что мир наступит в течение месяца. Все они воодушевлены. В ответ на мои слова о том, что самый удачный момент заполучить желанный мир был три недели назад, до нападения Гитлера на Польшу, а сейчас французы и британцы не пойдут на мировую, они смотрели на меня как на сумасшедшего. Я думаю, сейчас мир был бы только перемирием, во время которого Гитлер продолжал бы ослаблять дух сопротивления в демократических странах и укреплять свои вооруженные силы - до тех пор, пока не почувствует себя достаточно сильным, чтобы завоевать Западную Европу.

Сражение, которое подходит к концу западнее Варшавы и, видимо, войдет в историю под названием "сражение у Кутно", - это второй Танненберг. Я говорил об этом сегодня с одним офицером Генерального штаба. Он назвал мне некоторые цифры. Под Танненбергом потери русских составили 28 000 убитых и 92 000 пленных. Вчера только под Кутно немцы взяли в плен 105 000 поляков, а накануне 50 000. Верховное командование, обычно скупое на определения, назвало битву под Кутно "одним из самых разрушительных сражений всех времен". Краткой поездки на фронт тем не менее хватило, чтобы понять, что произошло с поляками. Они не подготовились к отражению сокрушительных атак немецких танков и бомбардировщиков. Они выставили довольно приличную, по меркам мировой войны 1914 года, армию против механизированных и моторизованных вооруженных сил, которые просто обошли ее или прошли насквозь. Германская авиация тем временем разрушала ее коммуникации. Польское верховное командование, скорее всего, не поняло, с чем столкнулось. Зачем, например, надо было держать свою лучшую армию в районе Познани даже после того, как немцы обошли Варшаву, - это загадка даже для нас, невеликих стратегов. Если бы поляки в первую неделю войны отошли за Вислу, им удалось бы продержаться до зимы, и тогда грязь и снег остановили бы немцев.

Воскресной ночью в Берлине взорвались две бомбы, одна - перед министерством авиации, другая - у входа в штаб-квартиру тайной полиции на Александерплац. Естественно, в прессе и по радио никаких упоминаний об этом. Злоумышленники скрылись под покровом темноты.

Меня до сих пор мучает вопрос: если война будет продолжаться, не поддержит ли большая часть населения существующий режим? Народ весьма патриотичный и напичканный в бешеном количестве пропагандой, утверждающей, что Англия - единственный виновник войны - вполне способна воспринять идею "защиты отечества". До сих пор мне не встретился ни один немец, даже среди тех, кому не нравится режим, который считает несправедливым уничтожение Польши. Всякое морализаторство остального мира по поводу агрессии против Польши практически не вызывает отклика у населения. Граждане всех сословий, женщины наравне с мужчинами, в течение двух недель толпились у витрин в Берлине, с одобрением глазея на карты, на которых красными булавками отмечалось победоносное продвижение германских войск в Польше. До тех пор пока немцам сопутствует удача и не приходится слишком затягивать ремни, эта война не станет непопулярной.

Вчера в саарской деревушке Оттвейлер немцы похоронили со всеми воинскими почестями лейтенанта французской армии Луи Поля Дешанеля. Его отец был президентом Франции. Офицер погиб, ведя свое подразделение на Западный вал. Немецкий военный оркестр исполнил на его погребении "Марсельезу". Немцы сняли церемонию на пленку и будут использовать эту кинохронику в пропагандистских целях, чтобы показать французам, что они ничего не имеют против Франции. Черт-те что творится с радио. Только что узнал: мое сообщение из Данцига не прошло.

Берлин, 21 сентября

В сегодняшнем приказе главнокомандующий сухопутных войск генерал фон Браухич объявил об окончании операции против Польши. Таким образом, "контрнаступление" завершилось. За восемнадцать дней потрясающая военная машина, коей является германская армия, разгромила Польшу, уничтожила ее армии и изгнала ее правительство с польской земли. Но Варшава до сих пор доблестно держится.

Слышал, что президент Рузвельт предложил на специальной сессии конгресса отменить закон о нейтралитете и разрешить продажу продукции военного назначения за наличный расчет при условии ее доставки не на американских судах тем государствам, которые смогут ее покупать, - Франции и Британии. Не успел президент закончить свое выступление, как на Вильгельмштрассе сделали заявление для иностранной прессы с обвинениями его в нарушении нейтралитета. Прошлым летом я пытался выяснить, принимают ли вообще нацисты Америку в расчет. И не нашел ни одного свидетельства, что мы их хоть сколько-нибудь интересуем.

Опять все как в 1914-1917 годах. Но теперь они начинают о нас задумываться.

Здесь очень надеются, что Россия поможет Германии пережить блокаду. Я, во-первых, не представляю, чтобы Гитлер поставил себя в такое положение, при котором его собственное существование будет зависеть от милостей Сталина. Во-вторых, не могу представить Советы, таскающие для нацистской Германии каштаны из огня.

Несмотря на то что немцы после уничтожения Польши хотели бы считать войну законченной, она, видимо, только начинается. Интересно, к чему бы это Гитлер сказал два дня назад в Данциге, а пресса повторила: "Мы никогда не капитулируем"? Зачем поднимать эту тему, когда твои позиции выглядят ;такими прочными? Говорил с Тэсс. Ей лучше, и в мое отсутствие она заведует женевским бюро.

Берлин, 22 сентября

Одна из газет, комментируя послание Рузвельта конгрессу об отмене закона о нейтралитете, сегодня вечером пишет: "Америка - это не Рузвельт, и Рузвельт должен считаться с американским народом". Другая узрела некоторую надежду в том, что она назвала "фронтом благоразумия" в Америке. В этот фронт она включила сенаторов Бораха и Кларка, полковника Линдберга и отца Кафлина!

Берлин, 23 сентября

Генерал фон Фрич, человек, создавший современную германскую армию, а затем, непосредственно перед аншлюсом, ушедший в отставку из-за стычки с Гитлером по поводу нападения на Австрию, против которого он возражал, погиб в бою под Варшавой. Это довольно странно. Он никем там не командовал, а находился в составе полка, где числился почетным полковником.

С послезавтрашнего дня вводятся новые продовольственные карточки. Теперь немецкие граждане будут получать еженедельно: фунт мяса, пять фунтов хлеба, три четверти фунта жиров, три четверти фунта сахара и фунт кофейного суррогата, приготовленного из ячменя. Рабочие, занятые на тяжелых работах, будут получать двойную норму, и доктор Геббельс - умница! - решил классифицировать нас, иностранных корреспондентов, как занятых на тяжелых работах.

Берлин, 24 сентября

Подводя итоги польской кампании, верховное командование заявляет, что судьба Польши фактически была решена за восемь дней. К этому времени германская армия уже выполнила свою главную стратегическую задачу окружение основных сил

польской армии в большой излучине Вислы. Вот еще некоторые данные: захвачено 450 000 пленных, 1200 орудий, уничтожено или захвачено 800 самолетов; к исходу восемнадцати дней ни одна польская дивизия, даже ни одна бригада не остались невредимыми.

Утром доктор Геббельс собрал пресс-конференцию. Мы набились в министерство пропаганды в надежде узнать, что пришел мир, или что-то в этом роде. Маленький доктор прошествовал с важным видом, по-бычьи отфыркиваясь, и все остальное время посвятил нападкам на Никербокера, которого обозвал "лжецом международного масштаба и фальсификатором". Док сказал, что сам, будучи журналистом, никого и никогда в жизни не оклеветал! Кажется, Ник опубликовал статью, в которой говорилось, что нацистская верхушка припасает за границей золото на черный день, на случай, если они проиграют войну. Это и привело доктора Г. в ярость. Он сообщил, что в четверг вечером (21 сентября), выступая на коротких волнах по германскому радио, предложил Нику десять процентов от любой суммы, которую ему удастся обнаружить на счетах нацистов за границей. Забавное предложение. Геббельс сказал, что дал ему срок до вечера субботы (до вчерашнего вечера). По-видимому, Ник находился в это время в море по дороге в Нью-Йорк. Здесь рассказывают, будто Ник радировал в ответ, что, как случается со всеми немецкими ультиматумами, срок этого истек до того, как он его получил.

Берлин, 26 сентября

Утром здесь хоронили генерала фон Фрича. Шел дождь, было темно и холодно - не помню другого такого мрачного дня в Берлине. Гитлер не появился, так же как Риббентроп и Гиммлер, хотя все они возвратились с фронта в Берлин. Официальные некрологи избегали обычных слов "погиб за фюрера" и сообщили: "погиб за отечество". Вчера, после того как Геббельс спустил пары, мы, несколько корреспондентов, задержались на улице и, поговорив, пришли к выводу, что Фрич либо был убит по приказу Гиммлера, своего смертельного врага, либо ему настолько опротивели жизнь и то состояние, до которого Гитлер довел Германию (а возможно, и бессмысленное истребление немецкими бомбами и снарядами польских женщин и детей), что он просто искал смерти, то есть совершил самоубийство. Что, спрашивается, такой высокопоставленный генерал делал на фронте под Варшавой, где снайперы косят ряды противника с завидной скоростью? Я слышал, что на самом деле он был убит, когда с небольшой разведгруппой пробирался по улице в предместье столицы за Вислой. Странное занятие для одной из величайших

личностей в современной военной истории Германии{20}.

Гитлер продемонстрировал типичное малодушие, уклонившись от присутствия на похоронах. Он не мог простить человека, выступившего наперекор ему, даже после смерти. Не смог он простить и фон Кара, подавившего его "пивной путч" в 1923 году, по приказу Гитлера его убили во время чистки 1934 года.

Еще большего количества семей коснулась война. Фрейлейн Т. потеряла вчера в Варшаве своего брата. Во время Первой мировой войны погибли ее отец и другой брат. В газетах полно помещаемых семьями официальных извещений о смерти. Почти в половине из них избегают выражения "пал за фюрера", пишут "пал за отечество". Это один из способов выразить свое отношение к Гитлеру.

Сейчас, после разгрома Польши, Германия не прочь установить мир с Западом. Сегодня началось большое мирное наступление. Этой темой заполнены газеты и радиопередачи. Главный вопрос: почему Британия и Франция все еще хотят воевать? Воевать-то не за что, Германии на Западе ничего не нужно.

Позднее. Сегодня вечером сюда прибыли семь сотрудников американского консульства в Варшаве, и мы пили с ними в баре "Адлона". Они рассказывали об ужасных обстрелах города и жертвах среди мирного населения. Некоторые из них до сих пор выглядят как контуженные. Выбрались они оттуда во время краткого перемирия между немцами и поляками. Один из немецких снарядов попал прямо в здание консульства, но, к счастью, персонал успел укрыться в подвалах посольства.

С сегодняшнего дня введены новые ограничения на приобретение одежды. Если я заказываю новый костюм, то портной должен соорудить его из куска материала размером 3,1 м на 144 см. А еще газеты извещают, что мы больше не сможем поставить новые подметки на обувь. Нет кожи. Надо подождать, пока не появится новый заменитель.

Еще одна проблема: как бриться? В декрете сказано, что вы можете использовать только одну мыльную палочку для бритья или один тюбик крема в течение последующих четырех месяцев. Начну отращивать бороду.

29.09

Сегодня после героического, но бесполезного сопротивления Варшава капитулировала. Верховное командование объявило, что утром польский командующий предложил капитуляцию "под впечатлением германского наступления".

Сегодня же немцы сообщили, что в первом бою военно-

морского флота с авиацией (годами адмиралы и командующие военно-воздушными силами спорили на бумаге, уязвим ли военный флот для воздушных атак) они уничтожили британский авианосец и нанесли повреждение линкору, не потеряв при этом ни одного самолета.

Вечером до выхода в эфир я отправился в Государственную оперу. Мне посоветовал сходить туда для успокоения нервов Джордж Кидд из UP. Это было открытие сезона и любимая с давних пор опера Вебера "Вольный стрелок". Состояние моей нервной системы меня слегка удивило. Не смог высидеть весь спектакль. Не выдержал вида этих самодовольных бюргеров, мужчин и женщин, многие из которых были в вечерних платьях, и даже музыка звучала как-то не так. Развлек только вкладыш в программку с инструкцией, как действовать в случае воздушной тревоги. Поскольку в здании Оперы нет бомбоубежища, на карте было показано, как добраться до моего убежища, которое значилось под номером один. Тревога, говорилось в инструкции, будет объявлена со сцены. После этого необходимо соблюдать спокойствие, взять свою шляпу и пальто в гардеробе и следовать в бомбоубежище. Когда она закончится, я должен вернуться в Оперу, сдать пальто и шляпу, и опера будет продолжена с того места, где спектакль прервался. Тревоги не было.

Риббентроп находится в Москве, и нам интересно, зачем он туда отправился.

Сегодня в полночь я провел интервью в прямом эфире с немецким асом-подводником, командиром подводной лодки капитаном Гербертом Шультце. Все прошло гораздо лучше, чем я ожидал. Во второй половине дня у меня была еще масса сомнений и большая головная боль. С помощью знакомых морских офицеров я после обеда поймал Шультце в Адмиралтействе. Он только что вернулся после своей первой "добычи". Капитан оказался приятным на вид парнем лет тридцати, в отличной форме, и он был полон грубовато-добродушной самоуверенности, которая, как мне кажется, появляется, когда приходится ежедневно рисковать своей жизнью и жизнями других.

Он сказал, что слегка боится за свой английский, и, послушав его, я тоже засомневался. Фактически я не мог понять ни одного слова из того, что он говорил, и нам пришлось перейти на немецкий. Кто-то предположил, что до вечера он сумеет подогнать английский, что он его просто подзабыл. Это вселяло надежду, и я телеграфировал в Нью-Йорк, что интервью назначено на полночь. Задал капитану свои вопросы, и он засел писать ответы на них по-немецки. Когда он заканчивал страницу,

я диктовал английский перевод секретарю Адмиралтейства, который почему-то писал по-английски безукоризненно, но на слух воспринимал с трудом. Мы пропотели почти всю вторую половину дня - четыре часа, - и наконец у нас получился текст на пятнадцать минут.

В сценарии эфира было два момента, которые волновали меня больше всего. Капитан рассказал историю о том, как он торпедировал британский корабль "Роял септе", но, рискуя собственной шкурой, организовал спасение людей, находившихся на его борту, другим британским судном - "Браунинг". Я вспомнил, что несколько дней назад Лондон сообщил, что по "Роял септе" была без предупреждения выпущена торпеда и члены экипажа вместе с пассажирами, всего шестьдесят человек предположительно, погибли. Интересно, кто был прав.

Пока мы трудились над интервью, капитан Шультце поведал также, что он и был тем самым командиром подводной лодки, который отправил мистеру Уинстону Черчиллю нахальную радиограмму, в которой сообщил координаты только что потопленного им британского судна, с тем чтобы первый лорд Адмиралтейства успел спасти экипаж. Но день или два назад мистер Черчилль сообщил палате общин, что командир германской подлодки, приславший ему радиограмму, схвачен и в настоящее время находится в плену у правительства ее величества.

Я напомнил капитану об этом случае и спросил у него, может ли он предоставить мне текст этой радиограммы. Его вахтенный журнал находился в Киле, но мы позвонили туда, и нам зачитали текст. Незадолго до нашего эфира произошло еще кое-что, от чего мое настроение улучшилось. Когда мы покидали Адмиралтейство, какой-то офицер принес сообщение Рейтер о том, что "Браунинг" только что пришвартовался в Байе, в Бразилии, и на его борту находятся все члены экипажа и пассажиры "Роял септе", целые и невредимые.

Одна удача следовала за другой. К моему удивлению, когда передача началась, английский язык капитана, как меня и успокаивали, значительно исправился. Он говорил с ужасным акцентом, но речь была внятной. Можно было разобрать каждый слог. Я знал по опыту, что большинство людей такого типа, оказываясь перед микрофоном, механически зачитывают текст. Но, к моему удовольствию, этот оказался прирожденным диктором, вещавшим так, будто ему не написали заранее ни строчки{21}.

Мирная инициатива Германии поддержана Россией.

Вчера ночью Риббентроп и Молотов подписали договор и

декларацию о намерениях. Текст последней раскрывает всю историю:

"После того как Германское правительство и правительство СССР подписанным сегодня договором окончательно урегулировали вопросы, возникшие в результате распада Польского государства, и тем самым создали прочный фундамент для длительного мира в Восточной Европе, они в обоюдном согласии выражают свое мнение, что прекращение идущей в настоящее время войны между Германией, с одной стороны, и Британией и Францией - с другой, отвечало бы интересам всех народов. Поэтому оба правительства будут концентрировать в случае необходимости свои усилия в сотрудничестве с дружественными державами в направлении достижения этой цели.

Однако, если усилия обоих правительств останутся безуспешными, то таким образом будет установлен факт, что Британия и Франция несут ответственность за продолжение войны, и в этом случае правительства Германии и России будут консультироваться друг с другом относительно необходимых мер".

Звучит абсурдно, но это может означать, что Россия вступает в войну на стороне Германии. Те же самые люди в нацистских кругах, которые утверждали в августе, что после первого соглашения между нацистами и Советами Британия и Франция воевать не будут, сегодня уверены, что теперь демократические страны прекратят войну. Они опять могут ошибаться, но я не совсем уверен.

Берлин, 30 сентября

Сегодня разговоры о мире на первом месте. Немцы в нем уверены, и один из секретарей советского посольства сказал мне сегодня, что Москва тоже уверена. Он заявил, что Лондон и Париж ухватятся теперь за эту возможность заключить мир. "Volkische Beobachter" рассуждает в сегодняшнем номере: "Вся Европа ждет из Лондона слов о мире. Будь проклят тот, кто отвергает его. Когда-нибудь они будут побиты камнями собственным народом".

Ночью провел четырехстороннюю радиопередачу с Лондоном, Парижем и Нью-Йорком, но, чувствуя, что программа идет поздно, настолько сократил свою часть, что она потеряла смысл.

Завтра Чиано встречается с Гитлером. Поговаривают, что немцы хотят использовать его, чтобы надавить на Лондон и Париж и вынудить их заключить мир.

Берлин, 2 октября

Только что услышал сообщение Би-би-си, что сегодня ночью

английские самолеты летали над Берлином. Это сюрприз для нас. Воздушной тревоги не было. Гула самолетов не слышали. Но в эти дни все врут. Например, немцы заявляют, что потопили "Арк Роял".

Семья Элеанор К., натурализовавшейся в Америке девушки германского происхождения, которая очень помогала мне в течение многих лет, со вчерашнего дня просит меня помочь разыскать ее. Несколько дней назад она выехала из Амстердама в Берлин, но добраться ей не удалось. Сегодня я съездил в консульство и упросил Г. отправить срочный запрос в отделение германской тайной полиции на границе с Голландией. Ответ: Элеанор арестована там. Как я объясню это ее семье?

После вчерашнего выступления Черчилля по радио энтузиазм по поводу мира здесь слегка поутих. Все время размышляю о единственном тюбике крема для бритья, который мне полагается по карточке на четыре месяца. У меня будет рыжая борода.

В субботу (30 сентября) внезапно объявился А. с девушкой, которую он встретил в Варшаве. Они три недели скитались в лесах Восточной Польши между германской и русской армиями. Он рассказал, что все эти дни они питались черствым хлебом, пробираясь от деревни к деревне. Черствый хлеб это единственное что продавали им крестьяне, хотя у них были и масло, и яйца, и мясо. Во многих деревнях уже установили власть местных советов. А., никогда не любивший поляков и еще больше не любивший нацистов, говорит, что в Восточной Польше все деревни, расположенные вдали от проселочных, железных дорог и шоссе и не имеющие никакого военного значения, по совершенно непонятным для него, причинам разрушены германскими военно-воздушными силами. Рассказывает, что немецкие самолеты часто пикировали на одиноких крестьянских женщин в поле, сбрасывали на них бомбы или обстреливали из пулеметов. Он видел трупы. А. и его подружка вышли в конце концов к германским позициям, несколько дней ехали в открытых грузовиках с немецкими беженцами и в итоге добрались до Германии.

Уайти, вернувшийся из Польши, рассказывает, что пролетал над Варшавой в субботу вечером (30 сентября), вся она была в огне. Те несколько зданий в центре города, которые не горели, были разрушены. По его мнению, там погибли десятки тысяч гражданских лиц. Три дня он " провел с частями Советской армии, но она не произвела на него большого впечатления. Его поразило, сколько женщин в Красной армии. Уайти принимал участие в странной миссии. Герингу сообщили, что несколько немецких летчиков, захваченных поляками, убиты в

концентрационных лагерях недалеко от русской границы. Четыре германских самолета, на одном из которых находились Уайти и несколько немецких офицеров, а три других были загружены гробами, вылетели на поиски тел. Они раскапывали могилы по всей Восточной Польше, но ничего не нашли. Наконец в поле им показалось, что это то, что они ищут. Там была большая яма, недавно закопанная. Они изо всех сил ее раскапывали. Нашли пять десятков лошадиных трупов.

Берлин, 4 октября

Выдержки из сегодняшней прессы: выделенный красным на первой полосе заголовок в "12-Uhr Blatt": "Англия несет ответственность за возмутительное провоцирование Варшавы к сопротивлению". Редакционная статья в "Nachtausgabe" утверждает, что Америка не так стремится вступить в войну, "как герр Рузвельт и его еврейская камарилья".

Завтра заседание рейхстага. Ожидается, что Гитлер выступит с мирными предложениями. Сам он сегодня вылетел в Варшаву, чтобы принять победоносный рапорт своих войск. Выступил с речью перед своими солдатами, речью Цезаря-завоевателя.

Народ здесь действительно хочет мира. Правительство, видимо, желает его на время. Примут ли его сейчас Британия и Франция, а потом, может быть в будущем году, придется снова объявлять мобилизацию? Гитлер выиграл войну в Польше и проиграл ее там - России. Советы без борьбы получили половину Польши, накинули удавку на Прибалтийские страны и теперь блокируют Германию от ее главных целей на востоке - украинского зерна и румынской нефти. Гитлер поспешно эвакуирует всех немцев из Прибалтики, где большинство из них проживали веками. Эстония капитулировала перед Москвой и согласилась на создание военно-воздушных и военно-морских баз на своей территории. Министры иностранных дел Латвии и Литвы мечутся между Москвой и своими столицами, пытаясь хоть что-нибудь спасти. А если Советы вклинятся в Балтийские государства, то как скоро эти государства станут большевистскими? Скоро. Скоро.

Сегодня в рейхстаге Гитлер известил о своих "мирных предложениях". Я отправился на это шоу, чтобы составить личную точку зрения. Когда он выдал свои "мирные предложения", то они оказались почти такими же, что я слышал от него с той же трибуны после каждой одержанной им победы, начиная с похода в Рейнскую область в 1936 году. И хотя эти предложения минимум уже пятые по счету, большинство немцев, с которыми я беседовал, пугаются, услышав сомнение, что внешний мир, наученный горьким опытом, поверит в них не больше, чем в

предыдущие.

Гитлер предложил мир на западе с условием, что Британия и Франция оставят Германии ее жизненное пространство в Восточной Европе. Будущее Польши остается неясным, хотя он и заявил, что Польша никогда больше не будет угрожать (!) германским интересам. Другими словами, это будет порабощенная Польша, похожая на нынешнюю порабощенную Богемию.

Я очень сомневаюсь, что Англия и Франция хоть ненадолго прислушаются к этим "предложениям", но некоторые мои коллеги считают, что так будет, обосновывая это тем, что теперь Россия соприкасается с Германией на широком фронте и всю прошлую неделю закреплялась в Балтийских государствах. Для Парижа и Лондона было бы вполне разумно заключить мир и подождать, пока Германия и Россия не столкнутся в Восточной Европе. Несколько месяцев назад Пертинэкс писал, что германская проблема не будет решена до тех пор, пока Германия не будет знать, что на востоке у нее есть препятствие, которое она не сможет преодолеть. Тогда она остановит экспансию, перестанет нарушать спокойствие остальной Европы и направит свои способности и энергию на более мирные цели. Таким препятствием может стать Россия. В любом случае - пока Россия выигрывает в этой войне, а Гитлер полностью зависит от расположенности к нему Сталина; Сталин же явно не расположен ни к кому, кроме себя и России.

Гитлер был сегодня спокойнее, чем обычно. У подпевал-депутатов в рейхстаге наблюдалось много веселости, но мало энтузиазма, кроме тех моментов, когда он восхвалял германскую мощь. Эти панегирики зажигают огонь в сердце каждого немца. Перед началом заседания члены кабинета стояли на сцене, где обычно выступают оперные певцы, и вели непринужденную беседу: Риббентроп с адмиралом Рёдером, доктор Геббельс с фон Нейратом и т. д. Большинство депутатов, с которыми я разговаривал позже, не сомневались, что мир обеспечен. Был прекрасный осенний день, холодный, но солнечный, и он как будто добавлял всем хорошего настроения. По дороге на заседание рейхстага (созванного, как обычно, в Кролл-Опера-Хаус) в Тиргартене я заметил, что повсюду установлены зенитные батареи.

Завтрашний утренний выпуск газеты "Volkische Beobachter", личного гитлеровского рупора милитаризма, чуть ли не принесен голубем мира. Вот его зажигательные заголовки: "СТРЕМЛЕНИЕ ГЕРМАНИИ К МИРУ", "ОТСУТСТВИЕ ВОЕННЫХ ПЛАНОВ ПРОТИВ ФРАНЦИИ И АНГЛИИ", "НИКАКИХ ТРЕБОВАНИЙ ПЕРЕСМОТРА

ГРАНИЦ, КРОМЕ ГРАНИЦ КОЛОНИЙ", "СОКРАЩЕНИЕ ВООРУЖЕНИЙ", "СОТРУДНИЧЕСТВО СО ВСЕМИ СТРАНАМИ ЕВРОПЫ", "ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ".

Если нацисты искренни, то могли бы на таком приятном языке изъясняться до того, как начали свое "контрнаступление".

Берлин, 8 октября

Сегодня в "Volkische Beobachter" целая полоса занята платными извещениями о смерти. Как много погибло только одних сыновей! Два типичных извещения: "Пал смертью героя за фюрера, народ и отечество 18 сентября в сражении в Польше мой единственный возлюбленный сын, в возрасте 22 лет". И "За любимое отечество пал 20 сентября в сражении под Кутно мой единственный сын, в возрасте 25 лет". Оба извещения подписаны матерями.

Завтра уезжаю в Женеву, чтобы привести мысли в порядок и забрать кое-что из зимней одежды, так как стало уже холодновато. Уезжая из Женевы ровно два месяца назад, я не взял никаких теплых вещей. Я и не подумал. Два месяца! Кажется - вечность. Как-то смутно видится в памяти то время, когда был мир. Тому миру пришел конец, а для меня, несмотря на все его недостатки, несправедливости, неровности, в целом он был хорош. Я вырос в том мире, и жизнь, которую он дарил, была свободной, цивилизованной, насыщенной, полной мелких невзгод и радостей, работы и отдыха, новых стран и новых лиц, редко скучной и никогда - . безнадежной.

А теперь мрак. Другой мир. Светомаскировка, бомбы, смерть, нацизм. Теперь - это ночь, это крики и варварство.

Женева, 10 сентября

Наконец дома на два или три дня. Ощущение неописуемое. Когда я приехал сегодня вечером, девочка уже заснула, личико на подушке, спит. На вокзале Тэсс - красивая и... Она привезла нас домой - Демари Бесс, которая приехала вместе со мной из Берлина, и Дороти. Непривычно было ехать по Женеве и видеть слепящие огни, сверкающие витрины магазинов, горящие фары машин после шести-то недель в затемненном Берлине. Непривычно и здорово.

Сегодня в Базеле мы с Демари бесстыдно набили свои желудки едой. Заказали громадную порцию масла, чтобы просто посмотреть на него, русскую икру, огромный бифштекс, сыр, десерт, несколько литров вина, потом коньяк и кофе - настоящее пиршество! И никаких продуктовых карточек не надо. Всю обратную дорогу из Базеля чувствовали себя в поезде превосходно. Горы, шале на склонах. Даже крепыши швейцарцы смотрелись как посланцы из рая.

Утром, подъехав к Рейну, по дороге из Карлсруэ в Базель ехали около сотни миль вдоль французской границы. Никаких примет войны, и проводники рассказывали, что на этом участке фронта с начала войны не было ни одного выстрела. В том месте, где поезд шел вдоль Рейна, видны были французские блиндажи и множество больших настилов, под которыми французы строили укрепления. Такая же картина на германской стороне. Похоже, войска соблюдают перемирие. Занимаются своим делом в условиях полной видимости и взаимной досягаемости. Кстати, наш поезд можно было уничтожить одним выстрелом из 75-миллиметрового французского орудия. Немцы подвозили по железнодорожной ветке орудия и боеприпасы, а французы им не мешали.

Странная война.

Женева, 11 октября

Любопытно читать швейцарские газеты, освещающие войну с обеих сторон. Если бы такое допускалось в странах с диктаторским режимом, то этим Цезарям не так-то просто было начинать войну. Очень весело возиться с Эйлин и Тэсс. Простудился. Тепло в дома еще не дали.

Берлин, 15 октября

Опять вернулся в подавленном настроении, неделя в Швейцарии пролетела незаметно. Из трех с половиной дней, проведенных в Женеве, два провалялся с простудой и температурой, один день ушел на подготовку передачи, которая не прошла из-за атмосферных помех. Но все равно это было здорово. Тэсс доехала со мной на поезде до Нешателя, и нам было грустно расставаться на маленьком вокзале над озером. В швейцарском поезде полно солдат. Эта страна держит под ружьем одну десятую часть своего населения, больше, чем любая другая страна мира. Это не их война. Но они готовы сражаться, чтобы защитить свой образ жизни. Я спросил у толстого бизнесмена, соседа по купе, согласился бы он на мир любой ценой, чтобы можно было снова делать деньги (бизнес в Швейцарии, которая со всех сторон окружена воюющими странами, а каждый здоровый мужчина служит в армии, рухнул).

"Только не такой мир, который предлагает Гитлер, - ответил он, - и не такой, в котором мы жили последние пять лет".

Ранним вечером, подъезжая к Рейну, видели все тот же ненастоящий фронт. Солдаты посматривают с обеих сторон, но не стреляют. Неосвещенный вокзал во Франкфурте оказался просто кошмаром. Сотни людей, в основном солдат, толпящихся почти в кромешной тьме на перроне, пытающихся сесть на поезд и натыкающихся на багаж и друг на друга. У меня было

забронировано место в спальном вагоне, но я не смог отыскать в темноте этот вагон и вернулся в сидячий, где и просидел ночь до самого Берлина. Проход в неосвещенном вагоне был забит людьми, которые всю,дорогу простояли в темноте.

На вокзале Ангальтер купил утренние газеты. Важные новости. "ГЕРМАНСКАЯ ПОДВОДНАЯ ЛОДКА ТОПИТ БРИТАНСКИЙ ЛИНКОР "РОЯЛ ОУК"! Британское Адмиралтейство признает это. Интересно, как все произошло. И где?

Позднее. Рассел Хилл, очень умный молодой человек, ему двадцать один год, он успевает работать на радио для нас и в качестве помощника корреспондента в "Herald Tribune", рассказал мне, что в среду, 11 октября, ложное сообщение о перемирии вызвало огромное воодушевление во всем Берлине. По его словам, рано утром на волне берлинского радио было передано, что британское правительство пало и грядет немедленное перемирие. Толстые старушки на овощных рынках, рассказывает Рассел, подбрасывали в воздух кочаны капусты, опрокидывали от радости свои прилавки и шли в ближайшие пивные, чтобы выпить шнапса за мир. Когда после полудня берлинское радио опровергло это сообщение, разочарование было, видимо, страшное.

Горничная, которая убирает мой номер, рассказывает, что прошлой ночью в Берлине слышна была очень громкая стрельба зенитных орудий, впервые с начала войны. Министерство пропаганды объясняет это тем, что ночью сошел с курса германский самолет и был сбит.

Берлин, 18 октября

Германская подводная лодка потопила британский линкор. "Роял Оук" не где-нибудь, а в центре Скапа-Флоу, крупнейшей военно-морской базы Британии! Звучит неправдоподобно. Один командир подлодки времен прошлой мировой войны рассказывал мне вечером, что в ту войну немцы дважды пытались провести субмарины в Скапа-Флоу, но обе попытки провалились, и субмарины погибли.

Капитан Приен, командир подлодки, примчался на нашу дневную пресс-конференцию в министерство пропаганды в сопровождении своего экипажа парней восемнадцати, девятнадцати и двадцати лет. Приену тридцать, подтянутый, самоуверенный нацист-фанатик, очевидно, способный. Его представил нам доктор Дитрих, пресс-секретарь Гитлера, который без устали ругал англичан и называл Черчилля лжецом. Приен не очень распространялся, как ему все удалось. Сказал, что они без особых трудностей преодолели боковое заграждение, защищающее бухту. У меня сложилось впечатление, хотя он

ничего и не сказал в подтверждение моей догадки, что они, скорее всего, прошли на базу вслед за британским кораблем, вероятно минным тральщиком. Это же надо было, чтобы британцы оказались такими неосмотрительными!

Сегодня в полдень немцы отключили от эфира и Эн-би-си, и нас. Я видел текст Хилла и одобрил его. Нацистский цензор настаивал, что он произведет плохое впечатление за рубежом. После обеда я позвонил доктору Бёмеру и сказал, что мы совсем прекратим вещание, если сегодняшняя акция означает, что можно говорить только о тех вещах, которые производят приятное впечатление. Он заверил меня, что произошла ошибка. Вечером цензор позволил мне сказать все, что я хотел. Верховное командование распространило сегодня подробный отчет о положении на загадочном западном фронте. В нем говорится, что там не происходило ничего, и я склонен этому верить, хотя Париж уже несколько недель заваливает Америку баснями о великом французском наступлении на Западный вал. Верховное командование сообщает, что к 17 октября германские потери на западе составили 196 человек убитых, 114 пропавших без вести и 356 раненых. Все это подтверждает, что боевые действия там носили локальный характер. Я почти убежден, что германские сухопутные войска правдиво рассказывают о своих действиях. Флот преувеличивает, а авиация просто врет.

Берлин, 21 октября

На Вильгельмштрассе в ярости оттого, что турки подписали позавчера пакт о взаимопомощи с англичанами. Папен спешно вернулся сюда и, как донесли мои агенты, был вызван к своему хозяину для порки. Это первый за долгое время дипломатический удар для Германии. Ударов они не любят.

В это воскресенье объявлен день Eintopf{22} - день одного горшка. Это означает, что единственное блюдо, которое вы можете получить на ланч, дешевая похлебка. Но платите вы за нее как за полный обед. Говорят, что разница идет на "зимнюю помощь" или что-то в этом роде. На самом деле она идет на военные нужды. В восемь пятнадцать Геббельс неожиданно вышел в эфир и обрушился на Черчилля с обвинениями в потоплении "Атении". Он назвал Черчилля лжецом не меньше дюжины раз и все время орал: "Ваша несусветная ложь, герр Черчилль! Ваша чудовищная ложь!" И это говорит Геббельс!

Берлин, 24 октября

Сегодня вечером в своем выступлении в Данциге Риббентроп наконец сказал народу Германии, который до последнего момента надеялся на мир: война будет продолжаться до победного конца. Я полагаю, что любое правительство, когда-либо начинавшее войну, старалось убедить свой народ в трех вещах: 1) что правота на его стороне, 2) что война ведется исключительно в целях защиты страны, 3) что оно уверено в победе. Конечно, и нацисты стараются вбить это в сознание своих

граждан. Современные средства информации, особенно радио, естественно, помогают им.

В Ганновере приговорены к смерти трое юнцов, вырвавших под покровом темноты из рук женщины дамскую сумочку.

Берлин, 28 октября

От деловых людей я слышал, что со следующего месяца вводятся строгие нормы на покупку одежды. Дело в том, что, совсем не имея собственного хлопка и почти не имея шерсти, германский народ вынужден будет до конца войны обходиться той одеждой, которая есть.

Берлин, 29 октября

Попробовал выяснить, что немцы читают в это мрачное время. Из романов три бестселлера: 1) "Унесенные ветром", 2) "Цитадель" Кронина и 3) "Вдали поют леса" Тригве Гулбранссена, молодого норвежского автора. Заметим, что все три романа зарубежных авторов и один из них написан англичанином.

Из научной и прочей литературы наибольшим спросом пользуются: 1) "Цветной фронт", анонимное исследование проблемы "белые против негров"; 2) "Все об Англии", пропагандистская книжка; 3) "Тотальная война", знаменитая книга Людендорфа{23}, весьма актуальная в данный момент; 4) "Пятьдесят лет Германии" Свена Гедина, шведского исследователя и приятеля Гитлера; 5) "Такова Польша" фон Ёрцена, сведения о Польше, впервые была опубликована в 1928 году.

Как мне рассказали, все еще хорошо продаются три антисоветские книжки, несмотря на то что после подписания августовского пакта с Москвой было официальное распоряжение ограничить любую антисоветскую и антибольшевистскую пропаганду. Самая популярная из них - "Преданный социализм" бывшего немецкого коммуниста по имени Альбрехт. По-прежнему в воюющей Германии пользуются популярностью детективные истории, хорошо идут наскоро сочиняемые тома о военных действиях в воздухе и под водой. Один немец сказал мне сегодня, что единственный американский журнал, который ему удалось найти в газетном киоске, - это "Правдивые истории любви" или что-то в этом роде, октябрьский номер.

Театры продолжают успешно работать, ставят в основном классику - Гёте, Шиллера, Шекспира. Один из самых популярных ныне здравствующих авторов Бернард Шоу. Единственная немецкая пьеса, которая пользуется успехом, - это новая вещь Гауптмана "Дочь собора". Бедный старый Гауптман, в прошлом пылкий социалист и великий драматург, превратился в нациста и очень дряхлого старика.

В кино самым популярным сейчас является Кларк Гейбл в

фильме "Приключения в Китае", так этот фильм здесь называется. Он уже четвертую неделю собирает полный зал в "Марморхаузе". Немецкий фильм хорошо если продержится неделю.

Вот она, сила радио! Мои замечания об отсутствии крема для бритья и вынужденном отращивании бороды получили широкий отклик на родине. После десяти дней я расстался со своей бородой. Была она рыжей и клочковатой, и все надо мной смеялись.

Берлин, 30 октября

Сегодня плохие новости для народа. Сейчас, когда наступила дождливая и холодная погода и скоро выпадет снег, правительство объявило, что этой зимой только пять процентов населения имеют право купить новые резиновые галоши и боты. Имеющиеся запасы такой обуви будут выдаваться в первую очередь почтальонам, газетчикам и уборщикам улиц.

Берлин, 31 октября

Обдумываю слова товарища Молотова, произнесенные им, как сообщают здесь, сегодня перед Верховным Советом: "Мы выступаем за добросовестное и точное выполнение договоров... и заявляем, что весь вздор относительно советизации балтийских государств служит только интересам нашего общего врага и всех антисоветских провокаторов".

Тайная полиция сообщила, что вчера два человека были застрелены за "оказание сопротивления при аресте". Один из них, как было объявлено, пытался склонить нескольких немецких рабочих прекратить работу на важном оборонном предприятии. Гиммлер теперь имеет право расстреливать кого угодно.

Берлин, 2 ноября

Сегодня первые полосы местных газет посвящены генералу Хью Джонсону, одному из немногих американцев, включая Линдберга, которых часто цитирует нацистская пресса. Точка зрения Джонсона на недавний захват нацистами американского судна "Сити оф Флинт" напечатана в "12-Uhr Blatt" под таким заголовком: "НЕУМЕСТНОЕ ВОЗМУЩЕНИЕ ПО ПОВОДУ "СИТИ ОФ ФЛИНТ" - ГЕНЕРАЛ ДЖОНСОН ПРОТИВ ПУБЛИЧНОГО ОБСУЖДЕНИЯ".

Антикоминтерновский пакт утратил свою силу. Я узнал, что нацистский антикоминтерновский музей, в котором нам обычно демонстрировали ужасы большевизма, тихо прикрыли. На этой неделе нацистский издатель журнала "Contra-Komintern" разослал своим подписчикам извинения за невыход номера в сентябре и сообщил, что далее он будет выходить под другим названием. Он дал понять, что редакцию убедили в том, что подлинные враги Германии не большевики, а евреи. "За спиной всех врагов

расцвета Германии, - пишет он, стоят те, кто требует нашей изоляции, давние враги германского народа и всех здоровых развивающихся наций - евреи".

Берлин, 4 ноября

Работники местного радио под большим секретом весьма любезно предлагали взять меня с собой в балтийский порт и провести радиорепортаж о намеченном на завтра прибытии "Сити оф Флинт". Но его еще позавчера захватили норвежцы и избавили меня от этой работы. На Вильгельмштрассе все в ярости и угрожают Норвегии ужасными карами, если она не вернет американское судно Германии.

Берлин, 5 ноября

Си-би-эс предлагает мне обрисовать в одной из передач, как трудится Гитлер в военное время. Я навел справки у своих информаторов. Они говорят: встает рано, съедает свой первый завтрак в семь утра. Он состоит обычно из стакана молока или фруктового сока и двух-трех булочек, густо намазанных джемом. Как и большинство немцев, он завтракает дважды, второй раз в девять. Ест то же самое, но в придачу немного фруктов. Рабочий день начинает с изучения государственных бумаг (занятие, которое он не выносит, потому что ненавидит кропотливую работу) и обсуждения плана на день со своими адъютантами, главным образом с руководителем СА Вильгельмом Брюкнером и, особенно, со своим заместителем Рудольфом Гессом, который когда-то был его личным секретарем, а сейчас один из немногих, кому Гитлер доверяет свои сокровенные мысли. До полудня Гитлер обычно принимает командующих трех видов вооруженных сил, заслушивает их доклады и диктует решения. С Герингом он беседует не только по вопросам военно-воздушных сил, но и по общим экономическим проблемам, вернее, по состоянию экономики, потому что детали и теории в этой области его не интересуют.

Гитлер съедает легкий ланч, обычно овощной суп или омлет с овощами. Разумеется, он вегетарианец, трезвенник и не курит. На ланч обычно приглашает узкий круг лиц, трех-четырех адъютантов, Гесса, своего пресс-секретаря доктора Дитриха и иногда Геринга. Во время этой трапезы подается специально сваренное для него одноградусное пиво, иногда - напиток под названием "Herve", приготовленный из кислой капусты с добавлением мозельского вина.

После ланча он возвращается в кабинет и работает. Опять государственные документы, совещания, часто с министром иностранных дел, иногда с каким-нибудь возвратившимся германским послом, обязательно с кем-то из партийных главарей,

вроде доктора Лея или Макса Амана, своего бывшего фельдфебеля во время прошлой мировой войны, а ныне возглавляющего процветающее издательство "Eher Verlag". Это издательство выпускает газету "Volkische Beobachter", держателем его акций является сам Гитлер. К вечеру он прогуливается в саду за рейхсканцелярией, продолжая беседу с теми, кому была назначена встреча на это время. Гитлер очень любит кино и по вечерам, если нет важных совещаний и поездок по стране, проводит пару часов за просмотром новых фильмов в своем личном кинозале в здании рейхсканцелярии. Больше всего ему нравится кинохроника новостей, и в последние недели он просмотрел все, что снималось на войне с Польшей, включая сотни и тысячи метров пленки, отснятых для военных архивов, которые никогда не появятся в открытом прокате. Любит он и американские фильмы, и ему часто показывают те, что никогда не демонстрировались в Берлине. Несколько лет назад он не один раз настаивал, чтобы ему показали "Это случилось однажды ночью". Хотя, по слухам, он и обожает вагнеровские оперы, в Берлинском театре почти не бывает. Любит кабаре "Метрополь", где ставят незатейливые музыкальные комедии с расчетом на красивых танцовщиц. Недавно он пригласил особенно понравившуюся ему девушку на чай. Но только на чай. По вечерам он любит также приглашать к себе д-ра Тодта, одаренного инженера, построившего большую сеть автобанов с двухполосным движением, а позднее - укрепления Западного вала. Гитлер, стараясь компенсировать непризнание за ним в его юные годы в Вене того, что он считает художественным дарованием, питает страсть к архитектурным макетам и готов часами давать указания доктору Тодту. Говорят, что недавно он даже пытался разработать новую военную форму. Ночью он засиживается допоздна и плохо спит.

Боюсь, "что это несчастье для всего мира.

Берлин 7 ноября

Королева Нидерландов и бельгийский король предложили свое посредничество в мирных переговорах. Слабая надежда, предложение встречено здесь прохладно. Голландцы и бельгийцы по-прежнему отказываются вести дипломатические переговоры совместно, но их исторически сложившийся нейтралитет, их отказ пойти на союз с той или другой и стороной приведут к тому, что они окажутся в трудном положении, если не откажутся от этого. Здесь ходит много разговоров, что немцы поглотят Голландию. Это не только позволит обойти линию Мажино, но и обеспечит немцам устройство своих авиабаз в сотне миль от английского побережья.

Позднее. Сегодня вечером мы, четверо или пятеро американских корреспондентов, имели беседу с Герингом - где бы вы думали? - в советском посольстве, куда нас пригласили на ежегодный прием в честь годовщины большевистской революции. Среди сверкающего убранства и обстановки, оставшейся от царской России, под портретом Ленина, улыбающегося нам сверху, у буфетного столика стоял Геринг, потягивая пиво и покуривая длинную сигару. Он был в приподнятом настроении и, когда напуганный адъютант напомнил ему, что он разговаривает с "американской прессой", сказал, что ему все равно. Мы по наивности предполагали, что Геринг выразит негодование по поводу отмены несколько дней назад нашего закона о нейтралитете и слухов о скорой поставке союзникам тысяч самолетов, чтобы помочь им разгромить нацистскую Германию. Ничего подобного. Вместо этого он пошутил насчет возможностей нашего самолетостроения.

"Если бы мы производили самолеты такими темпами, как вы, - сказал он, то оказались бы очень слабыми. Я говорю это серьезно. Ваши самолеты хорошие, но вы делаете их недостаточно и не так быстро".

"Хорошо, а Германия не предпримет массированное наступление в воздухе до того, как эти тысячи самолетов будут поставлены союзникам?" поинтересовались мы.

Он рассмеялся:

"Вы строите свои самолеты, наши враги - свои, а мы будем строить наши, и однажды вы увидите, кто строит больше самолетов и чьи лучше".

Беседа продолжалась:

"Что вы думаете о ситуации в целом?"

"Она весьма благоприятна для Германии".

"До сих пор только ваша авиация атаковала британские военные корабли. Зачем?"

"Военные корабли - очень важные цели. И это хорошая практика для нас".

"Вы собираетесь начать бомбардировки портов противника?"

"Мы гуманны".

Услышав это, мы не смогли сдержать смех, на что Геринг резко отреагировал: "Вам не следует смеяться. Я говорю серьезно. Я человек гуманный".

Берлин, 8 ноября

Сегодня вечером без предварительного объявления Гитлер неожиданно произнес речь в Мюнхене в "Бюргерброй Келлер" по поводу очередной годовщины "пивного путча" 1923 года. Ни радио, ни пресса не намекнули, что он собирается выступать, а

чиновники на Вильгельмштрассе узнали об этом за час до начала. Речь транслировалась немецкими радиостанциями, но нам почему-то не предложили передать ее в Америку. Гитлер призвал народ настроиться на длительную войну и сообщил, что в тот воскресный день два месяца назад, когда Британия и Франция вступили в войну, он отдал приказ Герингу готовиться к пятилетнему конфликту.

Вчера вечером через двенадцать минут после того, как Гитлер и все крупные партийные руководители покинули в Мюнхене "Бюргерброй Келлер", в девять часов девять минут в зале прогремел взрыв, убито семь человек, ранено шестьдесят три. Бомба была заложена в колонну, стоящую прямо за трибуной, с которой выступал Гитлер. Если бы он задержался еще на двенадцать минут, то наверняка был бы убит. Место, где он стоял, оказалось на шесть футов завалено обломками.

Пока никто не знает, кто это сделал. Нацистская пресса вопит, что это дело рук англичан, британской разведки! Они даже обвиняют в содеянном Чемберлена. Многим из нас кажется, что дело пахнет новым поджогом рейхстага. В прежние годы Гитлер вместе с другими партийными шишками оставались после доклада поговорить о старых временах с товарищами по путчу и выпить пива. Вчера же они спешно покинули помещение, оставив боевых друзей пить пиво одних. Попытка "покушения", несомненно, настроит общественное мнение в пользу Гитлера и возбудит ненависть к Англии. Любопытно, что официальная нацистская газета "Volkische Beobachter" оказалась единственной утренней газетой, напечатавшей сообщение об этом происшествии. Я узнал эту новость от приятеля сразу после окончания своего полночного эфира, но все работники германского радио и цензоры это отрицали. Они говорили, что все это глупые слухи.

Берлин, 11 ноября

День перемирия! Какая ирония! Слушали по радио репортаж из Мюнхена о государственных похоронах жертв взрыва в пивной. Гитлер присутствовал, но не говорил. Говорил Гесс. Он сказал: "Это преступление научило нас ненавидеть". Мне кажется, они умели это и прежде.

Сегодня мне рассказывали, что вчера вечером кто-то бросил кирпич в витрину, где придворный фотограф Генрих Хоффман выставляет приукрашенные им портреты Гитлера. Полицейский выстрелил, но злоумышленник скрылся в темноте. Усилена охрана важных шишек.

Что-то назревает. Узнал сегодня, что штабной поезд Гитлера стоит под парами. На вечеринке разговоры о массированном

воздушном налете на Англию. Прорыве через Голландию и Бельгию. Или через Швейцарию.

Берлин, 12 ноября

Немцы сообщают, что расстреляли "по приговору военно-полевого суда" польского мэра города Бромберг. По их словам, следствием установлено, что он "замешан в убийстве немцев и хищении городских средств". Таков, я полагаю, мир по-немецки. Не помню, чтобы союзники расстреливали мэров немецких городов после оккупации Рейнской области.

Берлин, 12 ноября

С сегодняшнего дня введены карточки на покупку одежды, и у многих немцев угрюмые лица. Есть отдельные карточки для мужчин, для женщин, для мальчиков и девочек, для грудных младенцев. Кроме грудных детей, каждый получает на этой карточке сто купонов. Носки или чулки стоят пять купонов, но вы можете приобрести только пять пар в год. Пижама стоит тридцать купонов, почти треть карточки, но можно сэкономить пять купонов, если купите вместо нее ночную сорочку. На новое пальто или костюм уйдет шестьдесят купонов. Вечером я подсчитал, что на свою карточку, которая лимитирует покупки по сезонам, я смогу приобрести с 1 декабря по 1 апреля: две пары носков, два носовых платка, один шарф и пару перчаток. С 1 апреля по 1 сентября: одну рубашку, два воротничка и комплект нижнего белья. На остаток года: два галстука и одну майку.

Вчера девять юных студентов Пражского университета были построены перед взводом немецких солдат и казнены. Мы спросили на сегодняшней пресс-конференции - за что, и нам ответили, что эти студенты организовали в Праге 23 сентября и 15 ноября антигерманские демонстрации. "В военное время не до шуток", - сказал оратор, несколько раздосадованный нашим вопросом. Позднее немцы признали, что еще трое чехов, из них двое полицейских, были расстреляны за "нападение на немца". Готов спорить на что угодно, что за двадцать лет, в течение которых три миллиона судетских немцев жили под управлением чехов, ни один из них не был казнен за участие в какой-нибудь демонстрации.

Здесь в Германии вчера казнили троих молодых людей за "измену". А двое девятнадцатилетних ребят приговорены к смерти в Аугсбурге за кражу, совершенную в доме военнослужащего.

Бич Конджер из "Herald Tribune", который прибыл сюда всего месяц назад, сегодня выслан. Нацистам не понравилась статья, которую он написал. Они потребовали опровержения. Он отказался. В последнюю минуту высокопоставленный нацистский чиновник вызвал его и "предложил" устроить его берлинским

корреспондентом крупной американской радиовещательной сети. Это его весьма удивило, как и меня. Большинство американских корреспондентов приехали проводить его на вокзал и преподнесли миссис Конджер цветы.

Хотя нацисты меня и не любят, но, думаю, никогда не выгонят. Дело в том, что тексты моих передач проходят предварительную цензуру, поэтому, что бы я ни сказал в эфире, это не может быть использовано против меня. Корреспонденты газет могут передавать по телефону все, что угодно, и рискуют, таким образом, повторить судьбу Конджера. Такая форма цензуры еще хуже, чем наша, потому что в нью-йоркских офисах пресс-ассоциаций и в нью-йоркских газетах не любят, когда их корреспондентов высылают.

Берлин, 19 ноября

Вот уже почти два месяца не было никаких боевых действий ни на суше, ни на море, ни в воздухе. Однако беседы с немецкими военными убедили меня, что ошибочно полагать, будто Германия примет вызов союзников вести эту войну главным образом на экономическом фронте. Это как раз такая война, в которой рейх окажется в невыгодном положении. И это одна из причин, почему большинство людей здесь ожидают военных действий в самом ближайшем будущем.

Генерал-губернатор оккупированной Польши Франк издал сегодня приказ, согласно которому отныне еврейское гетто в Варшаве должно быть отделено от остальной столицы заграждениями и поставлено под жесткий полицейский контроль. Он заявил, что "евреи - разносчики болезней и микробов". Знакомый американец, вернувшийся вечером из Варшавы, говорит, что нацистская политика заключается просто в уничтожении польских евреев. Их согнали в Восточную Польшу, заставили жить в неотапливаемых бараках и лишили любой возможности зарабатывать себе на пропитание. Он сказал, что несколько тысяч евреев из рейха тоже были отправлены в Восточную Польшу на верную смерть.

Берлин, 20 ноября

Сегодня вечером нацисты заставили бедного принца Августа Вильгельма, четвертого сына кайзера, появиться на пресс-конференции в министерстве пропаганды и опровергнуть слухи, которые ходят в последнее время, будто Гитлер что-то сделал с кем-то из членов семьи Гогенцоллернов. Ави, как его любят называть, единственный из Гогенцоллернов, кто был когда-то активным нацистом. Он был штурмовиком СА, а сегодня доктор Бёмер представил его нам как "обер-группенфюрера принца Аугуста Вильгельма". Нервничая и даже испытывая некоторый

стыд за свою роль, он произнес то, что ему было велено, и закончил свое выступление многократным "Хайль Гитлер!". Любопытный конец для Гогенцоллернов, - размышлял я, - этого могущественного прусского семейства, давшего Фридриха Великого и отца Фридриха, Вильгельма II, и превратившего сначала Пруссию, а потом и Германию в мировую державу.

Сегодня шеф гестапо Гиммлер объявил, что нашел человека, заложившего бомбу, чуть не разорвавшую Гитлера на части две недели назад в Мюнхене. Его имя Георг Эльзер, ему тридцать шесть лет, и за ним, по словам Гиммлера, стоят британская разведка и Отто Штрассер, бывший нацистский руководитель, а теперь злейший враг Гитлера, проживающий во Франции. Версия Гиммлера о том, как Эльзеру это удалось, звучит, конечно, неправдоподобно. Один немец, прочитав сообщение, сказал мне сегодня: "Теперь я точно знаю, что бомбу заложил Гиммлер"{24}.

Гиммлер поведал также, видимо для того, чтобы произвести впечатление на публику, что якобы руководитель отдела британской разведки в Западной Европе, некий мистер Бест, и его сообщник, некий капитан Стивене, были задержаны гестапо 9 ноября на границе Германии и Голландии. Это проясняет дело о похищении, о котором мы слышали из Амстердама. Голландцы говорят, что все произошло на голландской территории.

Завтра в "Volkische Beobachter" автор статьи напишет, что, "глядя на Эльзера, просто забываешь, что перед тобой злобный монстр. У него умные глаза и довольно мягкие черты лица".

Наверняка Гиммлер и его банда стремятся убедить легковерный германский народ, будто британское правительство пыталось выиграть войну, убив Гитлера и его основных соратников. Цензор вырезал сегодня в моем тексте все упоминания о поджоге рейхстага.

Берлин, 23 ноября

Сегодня День благодарения. В доме у поверенного в делах Александера Керка около сотни голодных американцев набросились на индеек, разложенных на буфетной стойке. В обед я уже ел индейку у Экснеров, так как перед этим в полночь затащил Дороти Экснер в студию для короткого интервью в прямом эфире на тему о том, как ей живется в воюющей Германии при карточной системе. Она замечательно объяснила, как из масла сделала крем для тыквенного пирога с помощью новой взбивающей машинки.

После 1 декабря лошади, коровы и свиньи, содержащиеся не на государственных фермах, тоже получат продовольственные карточки.

Берлин, 26 ноября

Здесь побывал Билл Уайт, сын Уильяма Аллена, и на этой неделе он помогал мне изучать ночную жизнь в военное время. Си-би-эс хочет, чтобы я вышел с такой программой сегодня ночью. Мы обнаружили, что ночная жизнь процветает. Завтра уезжаю на несколько дней в Женеву.

Женева, 1 декабря

Советский Союз вторгся в Финляндию! Вчера бомбардировщики военно-воздушных сил "красных" атаковали Хельсинки, погибло семьдесят пять гражданских лиц и несколько сот ранено. Великий защитник рабочего класса, страстный агитатор против "фашистской агрессии", праведный борец за "добросовестное и точное соблюдение договоров" (цитата из речи Молотова месячной давности) набросился на самую порядочную и действенную крошечную демократию в Европе, нарушив дюжину "торжественных" обязательств. Все нравственные основы в международных отношениях, которые закладывали для себя Советы в последнее десятилетие, рухнули как карточный домик. Сталин поставил себя на одну доску с Гитлером, Муссолини и японцами. Советская внешняя политика оказалась такой же "империалистической", как царская. Кремль предал революцию.

В течение тридцати часов я просто бесился от злости, прошлой ночью не мог уснуть, хотя и возможности-то особенно не было. Со вчерашнего дня непрерывно названивал в Хельсинки, Стокгольм, Берлин, Берн, Амстердам и Лондон, организуя линии связи для наших передач из Финляндии, полный решимости провести их не для собственного успокоения, а для того, чтобы о случившемся в Финляндии услышали в моей стране. Сделать это было непросто, неудачи следовали одна за другой, но все-таки мы вышли в эфир. Начали с того, что Макси связался со станцией в Женеве, работающей на Эн-би-си, единственным для нас промежуточным средством для передачи сигнала. Но прежде он договорился с финнами и шведами, каким-то образом убедив их, что интервью финского президента Каллио и министра иностранных дел Эркко будут эксклюзивными для Эн-би-си. Телефонный звонок властям в Хельсинки уладил все, что касалось финнов, но мне пришлось долго уговаривать в Стокгольме шведов, от которых зависела радиорелейная связь с Финляндией, чтобы интервью было эксклюзивным не только для Эн-би-си, но и для нас. Вчера всю вторую половину дня искал передатчик. Дом радио Берлина не предоставит мне ни передатчика, ни транзитных телефонных линий через Германию. Они получили указание не раздражать Россию. Позвонил в Амстердам и попытался уговорить голландцев одолжить мне их передатчик, но они очень уж боятся за свой нейтралитет,

который, само собой, ни Германия, ни Россия уважать не станут, если однажды им это покажется невыгодным. В конце концов все наши трудности решил Эд Марроу, хотя нас не услышат ни немцы, ни шведы, ни даже финны. Эд убедил Би-би-си поймать шведскую средневолновую радиостанцию, которая будет принимать передачу из Хельсинки по телефону, и ретранслировать ее. С Би-би-си ее перегнали в Регби, откуда на коротких волнах ее передали в наши студии в Нью-Йорке. Обычно, чтобы провести радиопередачу из Хельсинки, надо было перегнать ее по телефонной линии через Швецию и Германию в Швейцарию, а затем с женевской радиостанции транслировать на коротких волнах в Нью-Йорк. Но помешало то, что Германия отказалась предоставить нам транзитные телефонные линии, а Макси связался с местной радиостанцией. Из Нью-Йорка сообщили, что наша передача из Хельсинки была намного лучше, чем у конкурентов. Они, очевидно, делали свою, перехватывая в Женеве средневолновый передатчик из Стокгольма, но так как в Лондоне техника лучше, то и нас было лучше слышно.

Сегодня договорился с хельсинкским корреспондентом "Christian Science Monitor" подготовить для передачи первые свидетельства очевидца бомбардировки Хельсинки - это сенсация. Харальд Диттрих, глава коротковолнового вещания Германии, человек спокойный, отличный специалист (он высоко оценивает работу технических служб американских радиовещательных компаний, обеспечивающих прием из Европы, и, несмотря на то что является фанатичным нацистом и ревностно исполняет свой долг, он единственный человек, с которым я хорошо и успешно работаю), пообещал мне по телефону, что сделает все, что в его силах, чтобы Геббельс предоставил нам транзитные телефонные линии, если я гарантирую, что все выступающие будут американцами.

Я простудился, и у меня температура, но буду продолжать свои финские передачи. Тэсс замечательно впряглась в работу, проводит немало часов у телефона, крича в трубку на нескольких языках, включая скандинавские, датский она знает в совершенстве. Отправляет и принимает телеграммы, что мы должны делать исключительно по телефону, и очень помогает мне в работе. Телефонный счет за вчерашний и сегодняшний день, включающий бесчисленное множество звонков в Хельсинки, Стокгольм, Берлин, Амстердам, Лондон и Нью-Йорк, перевалил за тысячу долларов, а счета за телеграммы, в том числе за океан, по всей вероятности, составят половину этой суммы. Но Пол Уайт и Клаубер говорят: "Давай передачи".

Берлин, 7 декабря

Поймал в Стокгольме по телефону Билла Уайта и отправил в Хельсинки освещать для нас финскую войну{25}. Любопытная деталь: многим нашим слушателям в Нью-Йорке одна из его передач на днях показалась не совсем нейтральной, и они телеграфировали сюда, что хотя и согласны с антинацистским уклоном Билла, но советуют впредь быть более объективным. Когда, вернувшись позавчера, я зашел в Дом радио, ко мне подошел Диттрих с текстом Билла в руках. Я подумал, что он хочет устроить мне разнос.

"Прочтите это", - сказал он. "А в чем дело?" - спросил я, твердо решив защищать написанное, хотя сознавал, что Билл в своей иронии над нацистами зашел слишком далеко.

"Да ни в чем, это замечательно! Мы считаем, что это была прекрасная программа, остроумная, но справедливая - вы тоже могли бы делать такие, если бы иногда забывали про свою личную антипатию к нацизму", - ответил он.

Даже если я проживу в Германии тысячу лет, никогда не смогу понять этих людей.

Берлин, 10 декабря

В это воскресенье мы первый раз поговорили по телефону с Эдом Марроу с тех пор, как с началом войны была прервана телефонная связь с Лондоном. Это было во время радиопередачи. Кажется, идея принадлежала Полу Уайту, он любитель таких "аттракционов". На самом деле наши голоса проделали длинный путь. Я слышал голос Эда после того, как его передали на коротких волнах из Лондона в Нью-Йорк, а оттуда таким же образом в Берлин. Мой голос проделал этот путь в обратном направлении. Чтобы не дать какую-нибудь информацию в пользу противника, мы составили план беседы заранее, я загодя представил свои вопросы и ответы Эда, а также его вопросы и свои ответы немцам, а он британцам. Обе стороны одобрили весь текст. Приятно было услышать голос Эда. Раза два он пропадал, и я не слышал конца фразы, но все равно это было здорово.

Кажется, Элеанор К. была арестована гестапо в Бентхайме, недалеко от голландской границы. Она возвращалась из Амстердама в Берлин и выбросилась с верхнего этажа отеля, где ее содержали под стражей. Чудом она не погибла, но сломала позвоночник, обе ноги и руку. Я слышал, что ее освободили и она уехала в Нью-Йорк. Надо все до конца выяснить. Уверен, что в тайной полиции ничего на нее было.

Берлин, 13 декабря

Лайнер "Бремен" успешно прорвал британскую блокаду и проделал обратный путь из Мурманска вдоль побережья Норвегии в германский порт. В этой ситуации британский флот показал

себя не лучшим образом. Мы с Джорданом сцепились по поводу того, кому проводить радиоинтервью с коммодором Аренсом, капитаном "Бремена". Не люблю я такого рода конкуренцию. Ссорясь, мы играем на руку нацистам. Министерство пропаганды настаивает, чтобы интервью для нас обоих провел Лотроп Стоддард, американский писатель, сделавший себе имя книгой "Прилив цвета", его сочинения по расовым проблемам, как мне рассказывали, включены в нацистские школьные учебники. Я не могу допустить, чтобы министерство пропаганды назначало мне ведущих, и отказался от этого предложения, пусть даже это будет стоить Си-би-эс передачи.

"Белая книга" Риббентропа под названием "Документы о причинах войны", изданная министерством пропаганды, появилась сегодня сразу на нескольких языках. После беглого прочтения я пришел к выводу, что она так же лжива, как сам автор и хозяин, которому он служит. Ведь в своей "Майн кампф" Гитлер критикует прежнее имперское правительство за слабую пропаганду в отношении причин войны в период с 1914-го по 1918 год. Берлин в то время придерживался мнения, что в 1914 году Германия была виновна в войне не больше, чем любая другая европейская страна. Гитлер полагал, что эта пропаганда была плохой. Он пишет, что имперское правительство должно было вдолбить в головы всех немцев, что только союзники несут ответственность за войну. Он делает это сейчас.

Во введении Риббентроп повторяет старую ложь, которую Гитлер усердно возводит в этой стране в ранг святой истины, а именно: после Версаля Великобритания сопротивлялась всем попыткам Германии освободиться от пут мирного договора мирными средствами. Разве Британия противилась введению всеобщей воинской повинности в Германии в 1935 году? А оккупации Рейнской области в 1936-м? Аншлюсу в 1938-м? Передачи Германии Судетской области, которая никогда ей не принадлежала, в 1938-м?

Появляются рождественские ели, и они идут нарасхват. Каким бы суровым и грубым или каким бы атеистом ни был немецкий человек, он испытывает детскую страсть к рождественским елкам. В округе народ изо всех сил старается показать, что это Рождество ничем не отличается от тех прежних, которые были в мирное время. Сегодня делал небольшие рождественские покупки, и мне было немного грустно. В витринах выставлено столько красивых вещей, но купить их нельзя, они выставлены там только для показа, по приказу властей. Немцы обычно дарят друг другу на Рождество предметы одежды, мыло, духи, сладости, но в этом году, с введением

карточек, приходится искать что-то другое. В переполненных магазинах они покупают в основном книги, радиоприемники, граммофонные пластинки и ювелирные украшения. Я попытался купить граммофонные пластинки для четырех девушек - секретарш на берлинском радио, которые всегда дружески настроены и готовы мне помочь, но обнаружил, что новые пластинки можно купить только в обмен на старые. У меня ни одной нет, так что мне не повезло. Правительство немного увеличило нормы к празднику. Каждый получит в Рождественскую неделю дополнительно четверть фунта масла и сто граммов мяса, а также четыре яйца вместо одного.

Новый титул для Черчилля в нацистской прессе последних дней: "лгущий лорд". В большинстве случаев Черчилля называют в газетах инициалами W.C. буквами, которые написаны на каждом ватерклозете в Германии, вот нацисты этим и пользуются.

Берлин, 14 декабря

Сегодня германские вечерние газеты празднуют великую морскую победу "карманного" линкора "Граф Шпее" над тремя британскими крейсерами у Монтевидео. Я слышал по радио, что Лондон приписывает эту победу себе, и это напоминает мне Ютландское сражение, его тоже считали своим триумфом и Британия, и Германия. Немецкие газеты утверждают, что британские крейсеры применили боеприпасы с ипритом, хотя в германских военно-морских кругах это обвинение всерьез не воспринимают. Доктор Геббельс наверняка воспользуется этой историей в пропагандистских целях.

Берлин, 18 декабря

Народ до сих пор не может взять в толк, как это великая победа "Графа Шпее" неожиданно закончилась самозатоплением линкора у Монтевидео. Но Геббельс и Геринг что-нибудь уже придумали, чтобы заставить всех забыть про это как можно быстрее. Завтра внимание немецких людей усилиями прессы и радио будет сконцентрировано на чем-то другом, на очередной мнимой победе, на этот раз в воздухе - у Гельголанда. В официальном сообщении, которое газетам и радио ведено раструбить во всю мощь, говорится, что сегодня днем севернее Гельголанда были сбиты тридцать четыре британских бомбардировщика из сорока четырех. Очень своевременная победа. Мы как раз покидали ежевечернюю пресс-конференцию, выдав залп нескромных вопросов о "Графе Шпее", и уже надевали внизу пальто, когда примчался запыхавшийся доктор Бёмер и сказал, что у него есть важные новости и не желаем ли мы вернуться наверх в конференц-зал. Там он срывающимся голосом зачитал коммюнике о тридцати четырех сбитых британских

самолетах. Подозреваю, что это чушь.

Я слышал, что на флоте раздражены бездарной пропагандой Гитлера по поводу "Графа Шпее". Адмиралы особенно недовольны тем, что за день до того, как он затонул, Геббельс заставил прессу распространить сообщение (и переданные по радио фотографии) из Монтевидео, в котором говорилось, что линкор получил только незначительное повреждение, а то, что британцы сообщают, будто он серьезно поврежден, - ложь чистейшей воды.

Более тонкая пропаганда - та, что старается усилить поддержку войны народом, описывая тяжелые последствия в случае победы союзников. Завтра "Volkische Beobachter" опубликует карту, которая покажет, как будет выглядеть Германия в случае победы Франции и Британии. "Volkische Beobachter" утверждает, что такая карта уже опубликована в странах-союзницах, но я подозреваю, что это какой-то ловкий трюк нацистских журналистов. На этой карте Франции принадлежит Рейнская область, Польше Восточная Германия, Дании - Шлезвиг-Гольштейн, Чехословакии - Саксония, а южнее на карте изображена огромная империя Габсбургов, включающая большую часть Южной Германии. То, что осталось от Германии, обозначено как "оккупированная территория". Умная пропаганда, и народ на нее клюнет.

Позднее. Когда я упомянул описанную выше историю в передаче, то прокомментировал так: "Я не видел карты, на которой показано, как будет выглядеть Европа, если Германия выиграет войну". Мои цензоры сочли это высказывание нечестным и вырезали из текста.

Берлин, 21 декабря

Странное коммюнике распространили сегодня германские военно-морские силы: "Верховное командование военно-морских сил заявляет: командир "Графа Шпее" капитан Ганс Лангсдорф не захотел пережить гибель своего корабля. Верный традициям и в духе, воспитанном в Офицерском корпусе, членом которого он состоял тридцать лет, он принял решение. Обеспечив безопасность экипажа, он счел свой долг выполненным и последовал за своим кораблем. Флот понимает и одобряет его поступок. Капитан Лангсдорф оправдал таким образом, как солдат и герой, надежды фюрера, германского народа и военно-морского флота".

Несчастному германскому народу, абсолютно лишенному какой-либо информации извне, сказали неправду: капитан Лангсдорф не "последовал за своим кораблем", а совершил самоубийство, выстрелив себе в голову из пистолета в унылом номере отеля в Буэнос-Айресе. Людям этого не расскажут, хотя

флот изо всех сил старался намекнуть в своем коммюнике, что Гитлер в приступе ярости из-за поражения приказал капитану покончить с собой.

Гитлер и Риббентроп направили рождественские поздравления товарищу Иосифу Сталину. Какая глупость. Гитлер телеграфирует: "Наилучшие пожелания благополучия лично вам и счастливого будущего народам дружественного Советского Союза"{26}. После месяца боев русские не особенно продвинулись в Финляндии. Я помню, что говорил мне советник советского посольства за несколько дней до начала войны: "Все будет кончено за три дня".

За последние два дня сообщено об одиннадцати казнях. Примерно половина - наказание за шпионаж, а остальные - за "нанесение ущерба интересам народа в военное время". Все приговоры, кроме одного, вынесены так называемым народным судом, протоколы заседания которого никогда не публикуются. Один человек из одиннадцати был приговорен судом к пятнадцати годам тюремного заключения за "нанесение ущерба интересам народа", но Гиммлера такой приговор не удовлетворил, поэтому он просто заставил расстрелять беднягу. "Его застрелили при оказании сопротивления органам власти", - заявляет Гиммлер. А когда беседуешь с Генрихом Гиммлером, то видишь перед собой мягкого маленького человечка, который напоминает сельского учителя, кем он и был когда-то, - пенсне и все прочее. По-моему, Фрейд объяснял нам, почему такие кроткие коротышки или мужчины с отпечатком женственности, вроде Гитлера, иногда могут быть такими жестокими. По мне так уж лучше жестокость со стороны таких громогласных увальней, как Геринг.

Много немцев приговорены к длительным тюремным срокам за то, что слушают иностранные радиостанции, но все равно многие продолжают слушать. Их, действительно, так много, что сегодня вышло официальное предупреждение. В нем говорится: "Никакого снисхождения не будет к безрассудным нарушителям закона, которые слушают вражьи выдумки". Недавно я провел полдня с одной немецкой семьей - мать, две дочери и сын. Они довольно-таки нервничали, настраивая приемник, чтобы послушать шестичасовые новости Би-би-си. Мать рассказала, что, кроме привратника, который является официальным нацистским агентом в их доме, еще и еврей-домовладелец, как они только что узнали, в обмен на одежные карточки (евреям положены только продуктовые) стал соглядатаем в их доме, поэтому им приходится вести себя очень осторожно. Они включили радио так тихо, что я с трудом улавливал новости, при этом одна из дочерей стояла у

входной двери.

Берлину 24-25 декабря, три часа утра

Канун Рождества. Идет дождь, переходящий в снег. Первое военное Рождество так или иначе, но принесло в большинство домов войну, а не что-нибудь другое. Оно всегда было для немцев самым главным событием в году, но нынешнее Рождество какое-то унылое, подарков мало, еда спартанская, мужское население отсутствует, улицы затемнены, ставни и шторы плотно закрыты в соответствии с предписаниями полиции. Множество чудных вечеров провел я когда-то, гуляя по берлинским улицам в сочельник. Не было ни одного дома, даже в беднейших кварталах, где не стояли бы рождественские ели, украшенные свечами и сверкающие за незатемненными и незашторенными окнами. Сегодня ночью немцы почувствовали разницу. Они угрюмы, подавлены и печальны. Гитлер отбыл на западный фронт, но нам не разрешили сообщить об этом. Он выехал 21-го рассерженный, пропустив традиционную рождественскую вечеринку для персонала канцелярии и закадычных друзей по партии, хотя все это было запланировано. Я отправился в этот вечер к Экснерам на рождественский ужин, и он был замечательным. У них собралась большая часть сократившейся американской колонии. И все мы, кажется, слишком усердствовали в своих стараниях забыть о войне и немцах и наслаждаться быстро пролетающими минутами Рождества "по старому американскому обычаю". В прошлом остались для всех нас эти "добрые старые обычаи". Но была индейка с гарниром, и чудо кулинарного искусства Дороти - тыквенный пирог, и взбитые сливки, и настоящий кофе, и еще много хорошего красного вина, которое в последнее время очень трудно достать, увы, и шампанское, и громадная рождественская ель, и очаровательное создание с соломенно-желтыми волосами и невинными голубыми глазками, которое проносилось в танце, как порыв ветра... Завтра она уезжает со своим мужем на финский фронт, чтобы работать среди крови солдатских ран.

В полночь я должен был ехать на эфир. В Доме радио в одном из помещений поставили большую елку, и, когда я приехал, народ веселился и пил шампанское. Боюсь, что программа моя оказалась непростительно сентиментальной. Я не переставал думать о том, как во времена моего детства перед мировой войной Шуман-Хейнк пел в Чикаго "Тихую ночь". На вечеринке был со своей женой-англичанкой лорд Хау-Хау, британский предатель, который носит здесь фамилию Фрёлих. Его настоящее имя Уильям Джойс, и его голос слушают миллионы англичан каждый вечер, но я избегал общения с ним. Позже появился изрядно навеселе английский актер Джек Тревор, который тоже

стал предателем и ведет на радио пропагандистские передачи на Англию. Его я тоже не выношу.

Через два часа, в пять утра, должен выехать на машине в Гамбург и Киль, оттуда проведу завтра рождественскую передачу с кораблей германского военно-морского флота. Так как в Женеву на Рождество я попасть не смогу, то рад и такому развлечению. С начала войны ни один иностранец не видел германского флота. Нацисты пообещали мне устроить передачу с Западного вала в ответ на программу, организованную нашими парижскими сотрудниками с линии Мажино, но почему-то надули меня и отдали ее конкурентам. В знак протеста я прекратил вечернее вещание на неделю.

Берлин, 27 декабря

Это были просто-таки рождественские каникулы. Два дня на германском флоте, и я - первый иностранец, получивший такую возможность.

Мы выехали в рождественское утро задолго до рассвета, но мой армейский шофер заблудился в Берлине в темноте и густом тумане, и два часа ушло на то, чтобы найти моего сопровождающего, обер-лейтенанта Х. из верховного командования. Типичный офицер времен прошлой мировой войны, с моноклем и т. п., он был так зол, что даже говорить не мог. Он возмущался тем, что ему пришлось два часа проторчать на углу в темноте, под проливным дождем, а мы, оказывается, несколько раз проехали мимо него.

Когда мы добрались до Гамбурга, все еще лил дождь. Город очень напомнил мне Ливерпуль. Наконец нашли доки и по колено в грязи добрались туда, где стояли военные корабли. Я целый час осматривал новый 10 000-тонный крейсер "Адмирал Хиппер", который стоял в доке на приколе. На палубах и под палубами много мусора, но мне объяснили, что ведутся обычные ремонтные работы, как на любом новом корабле. Они клялись, что корабль не был поврежден противником. Мне как-то удалось найти общий язык с немецкими моряками, и, когда за портвейном с бутербродами я напомнил им, что британское Адмиралтейство сообщало недавно об обстреле торпедами какого-то крейсера британской подводной лодкой, командир подмигнул мне и велел следовать за ним. Мы забирались по трапам все выше и выше, я потел и задыхался, порвал пальто в пяти местах. Наконец мы очутились в боевой рубке.

"Взгляните туда", - сказал он с лукавой улыбкой. В сотне ярдов от нас в сухом доке стоял крейсер, в борту которого зияла огромная пробоина, не меньше пятидесяти футов в диаметре. Это был крейсер "Лейпциг". Офицер рассказал, что после попадания в

него английской торпеды его удалось довести до дока на плаву. Би-би-си, по его словам, сообщила о потоплении этого корабля. Несмотря на Рождество, там трудилась бригада рабочих. Возвращаясь к машине, чуть ниже по реке я заметил 35 000-тонный линкор "Бисмарк". Похоже, что его строительство близится к завершению. Этот корабль вместе со своим кораблем-близнецом окружены глубокой тайной, и только они из всех строящихся для германского флота судов имеют водоизмещение 35 000 тонн.

Пока мы мчались в Киль, похолодало, дождь перешел в снег, машина с трудом преодолевала подъемы из-за гололеда. В Киле официальный представитель, кажется, министерства пропаганды приветствовал меня краткой речью.

"Я только что узнал, - сказал он, - что вы побывали в Гамбурге и видели там наши боевые корабли. А вы видели крейсер "Лейпциг", герр Ширер?"

"Да, сэр, и..."

"Эти лжецы-британцы заявляют, что они потопили "Лейпциг", герр Ширер".

"Должен признаться, что он не выглядит потопленным, и буду рад сообщить по радио, что видел его, что он не потоплен, но..."

Он прервал меня громким смехом. "Герр Ширер, все отлично. Вы дадите ответ на эту подлую английскую ложь, не так ли? Вы расскажете правду великому американскому народу... Скажете всем, что видели "Лейпциг" своими собственными глазами, да? И что этот корабль не получил повреждений".

Прежде чем я успел ответить, он уже тащил меня вниз по сходням к морскому катеру. Я повернулся к моему обер-лейтенанту, чтобы выразить протест. Его монокль выпал из глаза, и вид у него был такой несчастный, что я воздержался. В конце концов, что он может сказать в таком окружении, ведь к нам теперь присоединились и морские офицеры, ожидавшие нас на катере?

На рейде Киля я, к своему удивлению, увидел почти весь германский флот, собравшийся здесь на Рождество. Заметил малый линкор "Дойчланд", два крейсера класса "Кельн" (в Берлине я долго изучал типы кораблей германского военного флота, поэтому мог их различать и был горд, когда один офицер подтвердил, что они относятся к классу "Кельн"), два линкора водоизмещением 26 000 тонн и около пятнадцати подводных лодок, не считая трех находившихся в сухом доке. Если бы англичане знали это, подумал я, могли бы ночью устроить налет, при почти полной луне, и весь этот флот уничтожить. Один настоящий массированный авиационный налет. Кельнский порт

красиво смотрелся в сумерках рождественского вечера. Окрестные холмы вокруг бухты были покрыты снегом.

Наконец наш катер остановился возле громадного сухого дока. В нем стоял линкор "Гнайзенау" водоизмещением 26 000 тонн. Мои хозяева решили мне его показать. Они торопливо объяснили, что он тоже поставлен на капитальный ремонт. Вынужден признать, что с той стороны корпуса, которую я мог видеть, пробоин не было. Мы целый час обходили этот огромный корабль. Меня поразил дух товарищества, который царил между офицерами и матросами линкора, и, как я вскоре заметил, моего обер-лейтенанта с моноклем времен прошлой мировой войны - тоже. На корабле нас сопровождали четверо или пятеро старших офицеров, и, когда мы зашли в один из кубриков, никто не вскочил и не застыл в стойке "смирно", вопреки моим ожиданиям. Командир, похоже, заметил наше удивление.

"Таков новый дух на нашем флоте", - сказал он с гордостью. Командир пояснил мне также, что на этой войне все военнослужащие получают такой же рацион питания, как офицеры. На прошлой войне подобного не было, и он процитировал одну флотскую поговорку о том, что одинаковая еда для солдат и офицеров кладет конец недовольству и помогает выиграть войну. Я вспомнил, что революция 1918 года началась именно здесь, в Киле, среди недовольных моряков.

Когда мы возвратились на катере на берег, над заснеженными холмами поднималась великолепная полная луна, освещая серебристым светом воду и стоящие на ней корабли. В отеле обсудили предстоящую передачу, которая должна была вестись с борта плавбазы подводных лодок. Туда только что прибыл экипаж одной из субмарин на празднование Рождества. Офицеры-моряки согласились принять меня в девять вечера. Мы должны ехать к кораблю на машине. Эфир назначен на десять пятнадцать. И вот уже девять... Никаких офицеров. Девять пятнадцать. Девять тридцать. У меня ни малейшего представления, где находится этот корабль. Да даже если б и знал, сомневаюсь, что таксист отыскал бы его в условиях полного затемнения.

Без пяти десять мои офицеры наконец появились. Мы прибыли на корабль как раз к началу передачи, а я планировал провести одну или две репетиции, одна-то уж точно необходима. Вольф Митлер, здоровенный добродушный малый с германского радио, приехавший мне помочь, быстро подключился к работе и заставил матросов, собравшихся за столом в недрах корабля, петь рождественские песни. Луна поднялась высоко над портом, и хорошо, что я решил начать передачу с верхней палубы с описания пейзажа, хотя старший офицер предупредил меня,

чтобы я - бога ради! - ни в коем случае не выдал англичанам, что здесь сейчас находится весь германский флот. Что было вполне резонно в данной ситуации. Я должен был начать на палубе при свете луны, а потом спуститься с микрофоном по трапу в кубрик, где провести основную часть программы. Первая половина прошла нормально, и, утомив собеседников вопросами, я начал спускаться, сжимая в руках микрофон. Увы, я не моряк. Пока добрался до подводной части корабля, или как там это называется у моряков, порвал рукав и поцарапал лицо секундомером, пристегнутым к запястью. Только я сразу этого не заметил. Я заходил в кубрики, заставлял моряков петь и рассказывал, как они, только что вернувшиеся из боевого похода, празднуют Рождество. Нашел добровольцев, которые вызвались сказать пару слов по-английски, и программа шла отлично. Я взглянул на часы, чтобы узнать, укладываемся ли мы в отведенное мне время. Циферблата на них не было. Я жестом показал капитану на его часы, но он мой язык жестов не понял. Наконец я закончил передачу. Позже, в Берлине, мне сказали, что мы пробыли в эфире всего десять лишних секунд. В спешке забыли о цензуре. И я не стал говорить, что "Лейпциг" только поврежден, а не затоплен. К счастью, никто из офицеров не понимал по-английски и никто ничего не заметил.

Удивительно, с какой выдумкой эти грубые низкорослые моряки украсили свою темную нору - иначе не назовешь - на Рождество. В углу большая рождественская елка, сияющая электрическими свечами, а вдоль стены матросы устроили выставку фантастических поделок. Одна из них представляла собой миниатюрный каток в центре заснеженного горного курорта, на котором парочки демонстрировали чудеса фигурного катания (приспособление с магнитом заставляет фигуристов двигаться). Другой экспонат изображает побережье Англии, и рядом с ним, на воде, с помощью электрического устройства происходит самое настоящее морское сражение. После передачи мы уселись за длинным столом, офицеры с матросами вперемешку, что шокировало моего обер-лейтенанта. Все ели и болтали. Командир выставил чай с ромом, а потом постепенно дело дошло и до мюнхенского пива. Мы с обер-лейтенантом испытывали некоторые трудности, стаканов не было, и приходилось пить из горлышка. Ближе к полуночи все стали слегка сентиментальны.

"Почему эти англичане воюют с нами?" - спрашивали меня матросы, но не время и не место было раскрывать мои собственные чувства. Тем не менее произвел впечатление высокий моральный дух экипажей подводных лодок, а еще

больше поразило полное отсутствие прусской кастовости. Офицеры и матросы за нашим столом, казалось, чувствовали себя на равной ноге, и всем это нравилось.

Мы возвращались в отель пешком при свете луны и, после заключительной порции спиртного, легли спать в три часа ночи.

Берлин, 28 декабря

Надо обязательно воспроизвести рождественскую листовку доктора Лея. "Фюрер всегда прав. Повинуйтесь фюреру. Мать - высшее проявление женственности. Солдат - высшее проявление мужественности. Бог не наказывает нас этой войной, он дарует нам возможность доказать, достойны ли мы нашей свободы".

Гиммлер неожиданно отменил разрешение кафе и барам работать всю ночь в канун Нового года и предостерег население против чрезмерного употребления алкоголя. Боится, что ли, что люди в этой стране загуляют, напьются (что обычно большая редкость для немцев) и выразят свое отношение к войне? В любом случае, в Новый год все обязаны закрыть свои заведения в час ночи.

Берлин, 31 декабря

Целый поток новогодних воззваний от всех вместе и каждого в отдельности: Гитлера, Геринга, Гиммлера и т. д. Гитлер дарит людям надежду на победу в 1940-м. Вот что он говорит: "Сплоченные внутри страны, подготовленные в экономическом отношении и в высшей степени сильные в военном отношении, мы вступаем в новый год германской истории... Пусть год 1940-й станет решающим. Что бы ни случилось, победа будет за нами". Чтобы оправдать войну, он не останавливается ни перед чем и доходит до абсурда. Если бы немцы не были так отравлены пропагандой и не были лишены возможности получать правдивую информацию из-за рубежа, они, наверное, посмеялись бы. Он заявляет, что войну начали "еврейские наемники-реакционеры в капиталистических странах демократии"! Слова больше ничего не значат ни для этого человека, ни, боюсь, для его народа. Он говорит: "Народ не хотел этой войны" (правда), "Я до последней минуты старался сохранить мир с Англией" (ложь), "Еврейские и реакционные поджигатели войны ждали этой минуты, чтобы осуществить свои планы уничтожения Германии" (ложь).

Любопытно, как немцы, которые должны были уже чему-то научиться, стараются запугать англичан хвастливыми угрозами. В "Volkische Beobachter", которая выйдет завтра, Геринг заявляет: "Вплоть до сегодняшнего дня германские самолеты только зорко следили за военными приготовлениями Англии. Но достаточно одного слова фюрера, чтобы направить туда вместо легкого груза, состоящего из фотокамер, разрушительный груз, состоящий из

бомб. Ни одна страна мира не открыта так для нападения с воздуха, как Британские острова... Когда германская авиация начнет действовать по-настоящему, то нанесет такой удар, какого не знала еще мировая история".

Холодно, а угля не хватает. Наш курьер сообщил вечером, что в офисе уголь окончился и больше его не достать.

1940

Берлин, 1 января 1940 года

Что-то принесет этот год? Будет решающим, как хвастался вчера Гитлер? Я еще не встречал немца, который не был бы абсолютно уверен в том, что эта липовая война не может продолжаться долго. Гитлеру придется обеспечивать новые победы, иначе его система даст трещину.

Вчера вечером на Курфюрстендамм было столько пьяных, сколько я никогда не видел в Берлине. Гиммлер наводнил город тысячами полицейских, обязав их следить за тем, чтобы никто не пользовался личными автомобилями, а все кафе закрылись точно в час ночи. Я проводил старый год у Зигрид Шульц, потом около часа провел с немцами на радио, потом с Расселом Хиллом в "Вирджинии". Около двух ночи на Курфюрстендамм прыгнули в такси. В другую дверцу втиснулись немец с женой и дочерью лет двенадцати, и мы договорились ехать вместе, потому что других машин практически не было. Позже на место рядом с водителем забрались еще солдат со своей девушкой. Мы недалеко отъехали, как нас остановил полицейский и велел всем вылезать на том основании, что мы не имели права пользоваться такси, если едем не по государственным делам. Я согласился, что в новогоднюю ночь, в два часа, государственных дел у меня нет, но с нами ребенок, и он болен. В конце концов он разрешил нам забиться обратно в машину. Проехали пару кварталов, и тут солдат начал буянить - то ли спьяну, то ли он был контужен, не могу сказать. Во всяком случае, он заорал водителю, чтобы тот выпустил его. Девица тоже начала орать, сначала на него, потом на шофера, требуя что-то сделать. Шофер, не знаю, то ли спьяну, то ли из-за своего характера, ничего делать не собирался. Мы продолжали ехать. Потом нервная атмосфера с переднего сиденья начала распространяться на заднее, где теснились мы впятером. Девочка неожиданно заплакала, то ли от клаустрофобии, то ли испугалась орущего солдата, а может, и от того, и от другого, мы с Расселом не поняли. Она, рыдая, тоже просилась наружу. За ней ее отец. От такого бедлама водитель наконец пробудился и решил остановиться. Выйдя на тротуар, отец с солдатом затеяли яростный спор, кто кому испортил Новый год. Мы с Расселом и таксистом потихоньку удрали, оставив их выяснять отношения.

Нервы сдают от этой войны, решили мы.

Берлин, 3 января

Сегодня узнал, что русские пообещали поставить Германии в этом году:

1 000 000 тонн фуража и зерна;

500 000 тонн семян масличных культур;

500 000 тонн соевых бобов;

900 000 тонн нефти;

150 000 тонн хлопка (больше, чем Россия поставила в прошлом году во все остальные страны);

на три миллиона золотых марок кожи и невыделанных шкур.

На бумаге смотрится красиво, но я готов поспорить, что русские поставят лишь малую долю того, что пообещали.

В официальном заявлении говорится, что Геринг назначается единовластным хозяином военной промышленности, - он уже выполнял эту работу в течение длительного времени. Пресса начинает раздувать тему "агрессивные устремления англичан в Скандинавии". Мы слышали, что Гитлер отдал приказ сухопутным войскам, флоту и авиации срочно разработать планы по разгрому союзников в Скандинавии, если те вздумают отправиться помогать Финляндии в войне с Россией. Армия и флот очень неплохо относятся к финнам, но понимают, что обязаны защищать торговые пути, ведущие к шведским месторождениям железной руды. Если Германия лишится их, она погибла.

Берлин, 8 января

Вечером сделал интервью на радио с генералом Эрнстом Удетом, но Гесс, его начальник, так искромсал текст, что оно получилось неинтересным. Я почти целый день потратил на то, чтобы натаскать генерала в английском, в котором он был не силен. Этот Удет, симпатичный малый, которого я иногда встречал у Доддов, - что-то вроде феномена. Будучи профессиональным пилотом, он был несколько лет назад настолько беден, что разъезжал по всей Америке с демонстрационными полетами, часто выступая в парадном вечернем костюме и в цилиндре. Сейчас он отвечает за проектирование и производство военных самолетов в Германии. Несмотря на отсутствие опыта в бизнесе, он показал себя на этой работе блестяще. В узких кругах его ставят на третье место, после Геринга и генерала Мильха, в ряду создателей современных военно-воздушных сил Германии. Сегодня я поймал себя на мысли, что человеку вроде Удета в Америке никогда бы не доверили такую работу. Посчитали бы, что у него "недостаточно делового опыта". К тому же бизнесмены, узнав о его несколько богемном образе жизни, не решились бы возложить на него такую

ответственность. А при этой безумной нацистской системе он проделал феноменальную работу. Любопытная деталь: вчера ночью Удет устроил у себя маленькую вечеринку, где три генерала, с переброшенными через плечо салфетками, сидели за стойкой его весьма внушительного бара. Там были красивые девушки и достаточно шалостей. Тем не менее эти люди создали самое страшное авиационное оружие в мире.

Берлин, 9 января

Сегодня здесь проездом был Гарри С., наверное, самый информированный человек в нашем посольстве в Москве, со своей женой, которая собирается рожать в Америке. Гарри, не враг большевизма, рассказывает странные вещи. Он говорит, что сейчас русский человек руководствуется одним-единственным соображением - строго придерживаться сталинского курса, лишь бы не лишиться работы, а то и жизни. Русские, по его словам, безнадежно увязли в Финляндии. Потери уже составили сотню тысяч. Госпитали в Ленинграде и в северных районах забиты ранеными. Но им еще повезло, потому что тысячи людей с легкими ранениями погибли от холода и обморожения. Гарри говорит, в Москве все, от Сталина до простых людей, думали, что Красная армия окажется в Хельсинки через неделю после начала войны. Они настолько были уверены в этом, что на 6 декабря назначили вторжение в Бессарабию и отложили его в последнюю минуту.

Сегодня был самый холодный день из всех, что я пережил в Европе за четырнадцать лет. Десятки тысяч домов и учреждений лишены угля. Многие по-настоящему страдают. Поскольку реки и каналы, по которым доставляется большая часть угля, замерзли, немцы не могут обеспечить его завоз. Узнал, что недавно в лагере для военнопленных восемнадцать поляков было убито и тридцать ранено. СС заявляет, что имел место "мятеж". Военные выражают Гитлеру протест против бессмысленной жестокости гестапо в Польше, но сомневаюсь, что это изменит положение.

Необходимо отметить новую пропагандистскую кампанию, цель которой убедить немецкий народ в том, что эта война не только против английской и французской "плутократии", но и священная борьба против евреев. Вот что говорит в сегодняшнем вечернем выпуске "Angriff" доктор Лей: "Мы знаем, эта война есть идеологическая борьба против мирового еврейства. Англия объединилась с евреями против Германии... Англия духовно, политически и идеологически заодно с евреями... Для нас Англия и евреи остаются общим врагом..."

Берлин, 11 января

Холодно. За окном пятнадцать градусов ниже нуля. Половина

населения замерзает в своих домах, конторах, мастерских, потому что нет угля. Жалко было видеть вчера на улицах людей, тащивших пакеты с углем в детских колясках или на собственных плечах. Удивительно, как нацисты допустили, чтобы положение оказалось настолько серьезным. Все ворчат. Ничто так не снижает моральный дух, как постоянный холод.

Гитлер вернулся в город и вчера, я слышал, устроил вместе с Герингом в рейхсканцелярии разнос за нерадивость крупным промышленникам, спешно вызванным из Рейнской области. Как мне рассказали, эти магнаты, своими деньгами проложившие Гитлеру путь к власти, сидели с красными физиономиями и пикнуть не смели. Вчера и сегодня Гитлер встречался также с военными, и идут разговоры о крупном весеннем наступлении. По данным моих источников, армия все еще против наступления на линию Мажино, несмотря на давление со стороны партии. Попытаются ли немцы пройти через Голландию, как считают многие? Они хотят иметь авиабазы на голландском побережье, чтобы начать боевые действия против Британии. Кроме того, здесь идут фантастические разговоры о вторжении в Англию, о вторжении Германии в Швецию, чтобы взять под контроль ее рудники. Оправданием послужит то, что Швеция замышляет пропустить армии союзников воевать в Финляндии.

От одного коммивояжера, вернувшегося из Праги, я узнал сегодня, что производители масла, муки и других продуктов в Словакии и Богемии ставят на своих товарах, предназначенных для Германии: "Сделано в России". Таков приказ из Берлина, и смысл его в том, чтобы показать, какая большая "помощь" уже поступает от Советов.

Чиновник с Вильгельмштрассе признал сегодня, что немцы ввели принудительный труд для всех евреев в Польше. Он сказал, что срок принудительного труда "всего два года"{27}. Вот что рассказал мне один немец, школьный учитель: преподаватели начинают день с такого приветствия учеников: "Gott, strafe England!"{28}, а дети должны ответить: "Да будет так".

Амстердам, 18 января

Мы с Эдом Марроу приехали сюда на несколько дней, чтобы обсудить освещение событий в Европе, по крайней мере, таков был предлог. На самом деле, опьяненные яркими огнями в .ночное время, отличной едой и переменой обстановки, мы резвились, как парочка юнцов, сбежавших вдруг от строгой старой тетушки или из исправительной школы. Вчера ночью мы возвращались в развеселом настроении с обильного обеда. Как конфетти, падал снег, и мы остановились под уличным фонарем, чтобы устроить грандиозное сражение снежками. Я потерял очки

и шляпу, и в отель мы притащились совершенно изможденные, но счастливые. Сегодня утрам катались на коньках по каналам с Мэри Марвин Брекинридж, которая оставила спокойную и скучную жизнь в американском обществе, чтобы представлять нас здесь. Голландцы все еще ведут правильный образ жизни. Пища, которую они едят, - и по качеству, и по количеству (устрицы, дичь, мясо, овощи, апельсины, бананы, кофе - то, чего никогда не видят воюющие народы) просто фантастическая. Они обедают, танцуют, ходят в церковь, катаются по каналам на коньках и занимаются своим бизнесом. И они не замечают - как же они слепы! - тех опасностей, которые им угрожают. Мы с Эдом попробовали провести небольшую миссионерскую работу, но боюсь, что без толку. Голландцы, как и все остальные, хотят иметь и то и другое. Они хотят мира и комфортной жизни, но не желают ничем жертвовать или просто принимать жесткие решения, чтобы обеспечить свой образ жизни надолго. Королева, по слухам, отказывается от серьезных переговоров не только с союзниками, но и с бельгийцами. Пересекая границу, я заметил, что немцы тем временем сосредоточивают силы и средства на голландской границе. Если только и как только все это придет в движение, времени на дипломатические переговоры не будет. Голландцы говорят, что если они даже шепотом заговорят с союзниками о совместных оборонительных планах, то для Гитлера это станет предлогом для вторжения. Можно подумать, Гитлер когда-нибудь нуждался в поводе, чтобы начать действовать!

Эд немного встревожен, судя по его рассказам о британской неразберихе и самоуверенности англичан относительно того, что союзники выиграют войну без больших человеческих потерь и многочисленных сражений, просто поддерживая блокаду и ожидая, пока Германия не рухнет. Сегодня вечером у нас была совместная передача из Хиль-версуна.

Амстердам, 20 января

Сегодня Эд уезжает в Париж, я, увы, должен возвращаться вечером в Берлин. Пригласил Марвин приехать в следующем месяце и сделать передачу "с точки зрения женщины". Днем встретил случайно в баре отеля "Карлтон" Тома Р., американского бизнесмена. От него наконец узнал, что произошло с Элеанор К. Он сам в этом замешан. Передал ей пару деловых писем для определенных компаний в Германии, в которых, как он считал, не было ничего компрометирующего, но, очевидно, все-таки было. Именно эти письма чуть не привели ее к гибели. Элеанор, даже не взглянув, бросила их в сумочку. В Бентхайме, на голландско-германской границе, их обнаружили гестаповцы. Они арестовали

ее, но смилостивились содержать в местном отеле, потому что подходящей тюрьмы там не нашлось. Каждый день ее подолгу допрашивали. Гестаповские инквизиторы пытались ее сломить и заставить признаться в том, в чем она признаться не могла, а именно - что знала содержание этих писем и была фактически курьером на службе теневого бизнеса, занимающегося как внутри страны, так и за ее пределами нелегальной финансовой деятельностью. Дело осложнялось тем, что одно из писем было адресовано еврею, живущему в Берлине. Однажды вечером Элеанор впала в состояние глубокой депрессии. Весь день гестаповцы продержали ее на допросе и угрожали ей. Она представила себе, как получит длительный тюремный срок, а ведь она намеревалась через несколько недель вернуться насовсем в Америку! Что же, теперь придется провести годы в нацистском концентрационном лагере или в сырой тюремной камере? Она решила сделать все, чтобы этого не случилось. Покончить жизнь самоубийством. Решившись, она хладнокровно подготовилась. Раздобыла веревку, привязала один конец к радиатору, другой обвязала вокруг шеи, открыла окно, села на подоконник и начала глотать сильнодействующее снотворное. Она знала, что скоро потеряет сознание и вывалится из окна, а петля сделает все остальное. Почему это не произошло, она никогда не узнает, сказал Том. Вероятно, веревка соскользнула с радиатора. Все, что ей известно, это то, что ей рассказали несколько дней спустя в больнице. Что снег на улице смягчил падение, что она пролежала там пять часов, пока на рассвете кто-то не наткнулся на ее почти окоченевшее тело. Что у нее переломаны почти все кости, но, вероятно, она поправится. В конечном счете, ее отвезли в тюремную больницу в Берлин, где американский консул тайно добился ее освобождения и тихо вывез из страны. Том говорит, что сейчас она в Америке.

Берлин, 22 января

Вчера я понял, насколько суровая зима и потребности армии парализовали немецкий транспорт, по крайней мере, как страдают железнодорожные пассажиры. На границе с Германией нам сказали, что регулярный экспресс на Берлин больше не ходит. С пятью десятками других пассажиров я укрылся от метели в здании вокзала в Бентхайме, и мы прождали несколько часов, пока железнодорожное начальство не организовало местный состав, который, по их словам, должен был провезти нас двадцать пять миль из двухсот пятидесяти остававшихся до Берлина. Этот состав, оказавшийся неотапливаемым, вскоре остановился. Мы, кто как мог, вывалились всей толпой в метель вместе со всем своим багажом, носильщиков в эту пору в Германии уже не

осталось.

К тому времени как стемнело, мы на разных местных поездах продвинулись на семьдесят пять миль, и на одной маленькой станции получили известие, что вскоре здесь пройдет экспресс из Кельна и он заберет нас в Берлин. Но когда он подошел, оказалось, что он полностью забит, а на платформе по крайней мере человек пятьсот народу, и все хотели в него попасть. Образовалась свалка. Я применил школьную футбольную тактику, и таким образом мне удалось втиснуться, держа багаж перед собой, в открытый тамбур сидячего вагона третьего класса под вопли и проклятия уже набившихся туда пассажиров. Следующие восемь часов, почти до самого Берлина, я простоял на этом холодном пятачке. Сотни раздраженных людей большую часть ночи простояли в проходах, а на платформах, где мы останавливались, их было тысячи, и они вообще не могли сесть на поезд. Я еще ни разу не слышал, чтобы немцы так роптали, с тех пор как началась война.

Берлин, 24 января

Я думаю, что Персиваль У., отошедший от дел американский бизнесмен немецкого происхождения и проживший в этой стране большую часть жизни, понимает что-то такое, что все время пытался уловить я. Мы никогда прежде не встречались, но сегодня утром он неожиданно зашел ко мне поговорить о том о сем. Мы говорили о немецком понимании этики, чести, правил поведения. Вот что он сказал: "Для немцев правильно, этично, благородно то, что согласуется с традиционными немецкими понятиями о том, что должен делать немец, или то, что служит интересам германизма или Германии. Но у немцев отсутствует абстрактное понятие этики, или чести, или правильного поведения". Он замечательно это проиллюстрировал. Один его немецкий приятель сказал ему: "Разве не ужасно то, что финны борются с Россией? Это совершенно неправильно". Когда мистер У. возразил, что финны, в конце концов, делают только то, чего вы бы ожидали от всех честных немцев, попади они в такую же переделку, а именно - если бы им пришлось защищать свою свободу и независимость, столкнувшись с необоснованной агрессией, его приятель резко ответил: "Но ведь Россия - друг Германии".

Другими словами, для немца защищать свободу и независимость своей страны - это справедливо. Для финна делать то же самое - неправильно, потому что это вредит германским отношениям с Россией. Абстрактное понимание справедливости в германском менталитете отсутствует.

Возможно, этим объясняется полнейшее отсутствие у немцев

понимания или сочувствия к бедственному положению поляков или чехов. То, что немцы делают с этими людьми, - убивают, например, - это справедливо, потому что делают это немцы, а жертвы, с точки зрения немцев, - низшая раса, которая должна считать правильным все, что немцы пожелают с ними делать. Как говорит д-р Лей: "Справедливо то, что делает фюрер". Все это подтверждает мнение, которое сложилось у меня давно: немецкое понятие чести, о котором немцы не перестают твердить, - нонсенс.

Мистер У. рассказывает, что находился в Германии почти до нашего вступления в войну в 1917 году, и до самой зимы 1916-1917 года гражданское население вообще не испытывало никаких лишений. Такие пайки и нехватка продуктов, как сейчас, появились у немцев только на третий год прошлой мировой войны. Он уверен, что дальше так продолжаться не может - чтобы на фронте все было спокойно, а трудности ограничивались холодом. "Что сейчас Германии необходимо, так это много стремительных побед".

Вчера забежал Джо Харш. Рассказывал, что у него в квартире настолько холодно, что, печатая свое сообщение, он вынужден был все время держать на плите кастрюлю с горячей водой и каждые пять минут греть в ней руки, чтобы пальцы могли ударять по клавишам пишущей машинки. Бургомистр сегодня предупредил население, что пользоваться газом для согревания комнат или воды нельзя. Пользоваться горячей водой, даже если у вас есть уголь, можно теперь только по субботам. Поэтому я опять начал отращивать бороду.

Берлин, 25 января (полночь)

Обедал в одиночестве у Хабеля. Полбутылки красного бордо 1923 года, но, несмотря на заверения официанта, оно оказалось не больно-то хорошим для такой выдержки. Для ординарных вин сейчас самый хороший 1934 год. Я уже собирался уходить, когда за мой столик уселся какой-то седовласый болван. Так как у него не было карточки на жиры для мясного блюда, которое он заказал, я предложил ему одну свою. Мы разговорились.

Он спросил: "Кто выиграет войну?"

"Не знаю", - ответил я.

"Почему? Само собой разумеется, Германия", - рассмеялся он. Он утверждал, что в 1914 году против Германии был весь мир, а теперь только Великобритания и Франция, а Россия - дружественная страна.

"Каждая сторона думает, что победит она, - сказал я. - Во всех войнах".

Он взглянул на меня своими старческими глазками с явным

сожалением. "Германия победит, - произнес он. - Это точно. Так сказал фюрер".

Продолжая беседовать, я почувствовал, что мои замечания его раздражают. Он становился агрессивным и раздраженным. Заявил, что это Британия и Франция начали войну.

"Но вы напали на Польшу, и кое-кто полагает, что с этого началась война", - вставил я. Он аж подскочил от удивления.

"Прошу прощения", - прохрипел он и потом минут десять пересказывал мне вранье о причинах войны, названных Гитлером. (Значит, немецкий народ действительно верит Гитлеру, размышлял я.) "Документы, опубликованные нашим министерством иностранных дел, - продолжал он, - не оставляют и тени сомнения в том, что войну начали Британия и Франция, и они действительно готовили ее больше года".

"Они для меня не убедительны", - сказал я.

Он чуть не задохнулся от этих слов и, придя в себя, продолжил: "Говорю вам, что документами доказано..."

Я заметил, что мои кислые замечания привлекают внимание остальной части зала, а два типа с вытянутыми физиономиями и партийными значками, сидящие за соседним столиком, похоже, не прочь были героически вмешаться. Поэтому я встал и ушел, пожелав старому джентльмену спокойной ночи.

В шесть вечера заезжала за продуктами, которые я привез ей от родственников из-за границы, фрейлейн Х. Она оказалась самой умной немкой из всех, с которыми мне доводилось общаться. Мы говорили о немецком театре и кино, у нее глубокие познания в этой области. Интересны ее мысли и о немецком характере, истории, нормах поведения. Беда немцев в том, сказала она, что они "geborene Untertanen" - прирожденные подчиненные субъекты, хотя слово Untertan имеет дополнительный оттенок - покорные субъекты. Власть и указание вышестоящего начальника - вот и все, что немцу нужно больше всего в жизни.

"Немец, - сказала она, - будет считать, что умрет добропорядочным немцем, если стоит на тротуаре, пока горит красный свет, а потом переходит улицу на зеленый, хотя прекрасно видит, что на него, нарушая правила, несется грузовик, который собьет его насмерть".

Для нее особенно горько, и эта горечь сквозила в ее словах, что Германия сделала ставку на войну, пожертвовав всем, на войну, которая может закончиться крахом западной цивилизации, определенные элементы которой не просто были привнесены в Германию, но и стремились создать единое целое с германской культурой. Она полагала, что нынешнему режиму западная

цивилизация совершенно безразлична и он представляет собой элемент варварства, который во все времена таился в глубине немецкой истории и для которого жизнь имеет смысл только тогда, когда подразумевает победоносную войну, применение силы, завоевание, жестокость, уничтожение более слабого противника, особенно если он славянин. Она негодовала по поводу полного отсутствия у немцев здравомыслия в политике, их рабской покорности власти, трусливого отказа думать или действовать самостоятельно.

Сейчас в Германии взял верх неевропейский, антизападный элемент цивилизации, как она это назвала, и единственным способом спасти западноевропейскую природу немца, по ее мнению, было бы новое поражение, даже новый Вестфальский мир (разделивший Германию в 1648 году на три сотни мелких государств). Я в общем-то склонен согласиться с ней.

Берлин, 27 января

Кое-какие факты. С выходом карманного издания "Майн кампф" для солдат, находящихся на фронте, общий тираж этой гитлеровской библии, как стало известно сегодня, составил 5 950 000 экземпляров... В Польше в настоящее время подходит к концу самая большая организованная миграция населения со времен обмена населением между Грецией и Турцией после прошлой войны. Около 135 000 немцев из оккупированной русскими Восточной Польши селятся сейчас в районах, аннексированных Германией... Д-р Франк, генерал-губернатор Польши, утвердил своим указом смертную казнь для поляков, которые укрывают свои товары от продажи или отказываются продавать свою продукцию, когда им предлагают "разумную" цену. Это позволит немцам завершить разграбление Польши. Если поляки возражают, головы им долой. Германский суд в Позене (Познани) приговорил восьмерых поляков, в том числе трех женщин, к смерти за плохое обращение с немецкими летчиками - вероятно, парашютистами. Даже немцы признают, что ни один из этих летчиков не был убит.

Странная война. Сегодняшние сводки с фронта сообщают исключительно о том, как немецкие пулеметы борются с французскими громкоговорителями. Вроде бы французы передают вдоль рейнского фронта какие-то записи, которые, по словам немцев, носят характер личного оскорбления фюрера.

"Французы не понимают, - говорится в сводке без тени юмора, и это так удивляет в немцах, - что любые нападки на фюрера получат незамедлительный отпор со стороны германских войск". Итак, немцы открыли огонь по французским громкоговорителям в Альтенхайме и Брейзахе. Военные рассказывали мне, что на самом деле французы транслировали записи старых речей

Гитлера, в которых он поносил большевиков и Советы.

Берлин, 28 января

В это воскресенье в Берлине с трудом верилось, что идет большая война. На улицах и в парках лежит глубокий снег, и на прудах и озерах Тиргартена тысячи людей катаются днем на коньках. Сотни детей, катающихся на санках. Думают ли дети о войне? Не знаю. В этот день в Тиргартене они, похоже, были заняты только санками, коньками, снежными горками и катком.

Берлин, 30 января

Марвин Брекинридж уже здесь, а завтра я еду на увеселительную прогулку в Гармиш, которую организует пресс-секретарь и доверенное лицо Гитлера д-р Диттрих (чтобы поддержать в нас дружественные чувства). Оттуда я надеюсь удрать на две недели в Швейцарские Альпы вместе с Тэсс и Эйлин. Сегодня вечером Гитлер произнес в Спортпаласе незапланированную речь по случаю седьмой годовщины прихода нацистов к власти. У меня не было жгучего желания присутствовать там, и вместо меня пошла Марвин. Она испытала сильный шок, увидев этого человека.

Гармиш-Партенкирхен, 3 февраля

Как-то нелепо вести отсюда передачи. Здесь проходят соревнования по зимним видам спорта, в которых участвуют страны - сателлиты Германии, а для нас они не представляют интереса. Я предполагаю ограничиться в своих репортажах более серьезной темой - темой войны. Беда в том, что единственный в городе микрофон находится на ледовом стадионе. Вчера во время эфира в два десять, как только я пустился в глубокие рассуждения о перспективах, которые ожидают этот несчастный воюющий народ, на льду прямо подо мной кто-то забил гол, на стадионе началось сумасшествие, и мне уже трудно было сосредоточиться на последующих шагах Гитлера. Ночная передача начиналась без десяти час, когда хоккейные матчи закончились и стадион настолько опустел, что мне пришлось провести под снегопадом уйму времени, прежде чем удалось разбудить сторожа, чтобы он меня впустил. В маленькой студии над стадионом было так холодно, что я громко стучал зубами и постоянно согревал дыханием пальцы, чтобы они оставались подвижными и можно было перелистывать страницы. Подозреваю, что слушатели Си-би-эс отнеслись к этим странным звукам неодобрительно.

Жаль мне Боба Х., приехавшего вместе с нами молодого американского корреспондента. С тех пор как началась война, он просто не выдерживал общения с немцами, что вполне объяснимо. Здесь, на нервной почве, он начал пить сильнее обычного, честно высказывать свои мысли, чему алкоголь иногда

способствует, но, к сожалению, и порядочно всем надоел. Думаю, по возвращении в Берлин немцы предложат ему покинуть страну. Сегодня два наших ведущих американских корреспондента отказались сесть с ним за один стол в обеденном зале, что мне показалось неуместным. Эти двое слишком уж добиваются расположения нацистов. Сегодня Гитлер установил декретом, что отныне вводятся карточки на одежду для младенцев. Плохо дело, если страна вынуждена экономить на пеленках.

В поезде Мюнхен - Лозанна, 4 февраля

Три сюжета, которые обязательно надо записать:

1. В Германии слушать зарубежные радиостанции - серьезное уголовное преступление. На днях мать одного немецкого летчика получила от люфтваффе извещение, что ее сын пропал без вести и его следует считать погибшим. Пару дней спустя Би-би-си, ежедневно передающая из Лондона списки немецких военнопленных, сообщила, что ее сын в плену. На следующий день она получила восемь писем от друзей и знакомых, которые слышали, что ее сын жив и находится в плену. После этого история приобретает дурной поворот. Мать заявила на всех восьмерых в полицию, сообщив, что они слушают английское радио, и их арестовали.

(Когда я попытался рассказать эту историю по радио, нацистский цензор вырезал ее на том основании, что американские слушатели не оценят героизм этой женщины, которая донесла на восьмерых друзей!)

2. Родителям офицера-подводника официально сообщили о смерти сына. Лодка не вернулась в назначенный срок, и германское Адмиралтейство признало ее погибшей. Родители заказали в церкви заупокойную службу. Утром в день службы к ним зашел мясник и попросил хозяина дома на пару слов. Потом пришел бакалейщик. Наконец, стали собираться друзья. Все они слышали сообщение Би-би-си, что молодой человек находится среди тех, кто взят в плен с подводной лодки. Но как отменить заупокойную службу, чтобы власти не узнали, что кто-то из близких этой семьи слушает зарубежную радиостанцию? А если родители не расскажут, то их самих арестуют. Собрали семейный совет. Решили службу не отменять. Когда она закончилась, участники церемонии собрались в доме родителей, где и поведали правду всем тем, кто еще не знал, и выпили шампанского.

3. Прошлым летом одна большая немецкая кинокомпания, затратив несколько миллионов марок, сняла фильм о подвигах германского легиона "Кондор" в Испании. Это был супербоевик о том, как проливались потоки немецкой крови в святой борьбе

против большевизма в Испании. Его смотрели, его хвалили Гитлер, Геринг, Геббельс, Гиммлер. Затем в августе появился нацистско-советский пакт. Фильм теперь лежит на полке. Публике его ни разу не показывали.

Виллар-сюр-Оллон, Швейцария, 20 февраля

Из окна на той стороне долины видны крутые склоны альпийских вершин Ден-дю-Миди. Ближе к вечеру в лучах заходящего солнца заснеженные склоны гор приобретают фантастический розовый оттенок. Десять дней я провалялся в постели со своим ежегодным гриппом. Завтра надо возвращаться в Берлин. Здесь скоро наступит весна. Боевые действия, наступление, война - все кажется здесь таким далеким. Тэсс появляется в сумерках с раскрасневшимися щеками после четырехмильного лыжного спуска со склона, расположенного позади отеля. Эйлин приходит с еще более красными щечками, провозившись весь день в снегу. Вечером, до моей болезни, великолепный ненормированный обед, а потом разговоры и танцы в баре, с людьми, не потерявшими здравый смысл. В первый день и в последние три после болезни катались на катке с Веллингтоном Ку, китайским послом в Париже, который сам выздоравливал после гриппа и только учился кататься на коньках. Ку (выглядит он на тридцать, но ему, вероятно, за пятьдесят) пытается привить мне широту взглядов, которой обладают китайцы, но у меня не хватает ни терпения, ни мудрости воспринимать все это. Он рассматривает войну в Китае и эту войну просто как главы длинной истории, как места, где люди останавливаются и делают паузу на долгом и длинном пути. И говорит он тихо, и еле передвигается на разъезжающихся в разные стороны коньках.

Берлин, 23 февраля

День моего рождения. Размышляю о том, что мне уже тридцать шесть, и что ничего еще не сделано, и как быстро пролетает этот средний возраст.

Вчера был неприятный момент на швейцарской границе: швейцарцы освободили меня от всех моих запасов - шоколада, мыла, консервов, кофе и бутылки виски, подаренной Уайнантом. Я их понимаю. Они отрезаны от внешнего мира, хотят сохранить то, что имеют, и не желают, чтобы что-то попало в руки немцев. Но я расстроился. На германской стороне границы гестаповцы обыскали две трети пассажиров, включая женщин. По какой-то причине, может, потому, что я последний получил штамп в паспорт, а поезд опоздал, меня отпустили с миром.

Возвратившись в пятницу утром, узнал, что сегодня день без мяса. Еда отвратительная. Рыбы, из-за холодного сезона, нет.

Даже в "Адлоне" смог поесть только картошки и немного консервированных овощей, а знакомые сказали, что мне еще повезло, - несколько дней не было даже картошки, из-за морозов снабжение ухудшилось. После швейцарских немецкие газеты кажутся пустыми. Но немцы глотают и эту пищу, и эту ложь. После ужасной прошедшей зимы их моральный дух снизился, но, похоже, они пребывают все в том же состоянии коровьей покорности. Трудно предугадать, сколько они выдержат еще.

Здесь много говорят о весеннем наступлении. Но где?

Берлин, 25 февраля

Сегодня Х. рассказал мне фантастическую историю. Он утверждает, что существует план спрятать ударные части СС в трюмах грузовых судов, доставить в порты Скандинавии, Бельгии и Африки и захватить их. Я не понял смысла. Даже если они проникнут в порты, что сомнительно, как они их смогут удержать? Подозреваю, что вся эта история - выдумка и нацисты хотят, чтобы мы ее распространяли, помогая им в войне нервов. Я не буду.

Берлин, 27 января

Марвин раскопала некоторые подробности из жизни Германии в военное время. Она побывала в одной из девяти школ нацистских невест, где жены и невесты эсэсовцев учатся быть хорошими домохозяйками и плодовитыми производительницами пушечного мяса для следующей войны{29}. Их учат также, как читать нацистские газеты и слушать радио. В спальнях девушек Марвин заметила только две книжки: "Вера в нордическое государство" и "Мужчины"... Из-за нехватки мыла некоторые священники, как выяснила Марвин, стали носить бумажные воротнички. Стоят они восемь центов, на второй день их можно перевернуть наизнанку, а потом выбросить... Марвин говорит, что многие общественные учреждения тихо прикрыли из-за нехватки угля, включая Инженерный колледж университета, Государственную библиотеку и большинство школ. Церквям не разрешено отапливаться углем до дальнейших указаний. Марвин вспомнила об этом, когда зашла на днях к одной престарелой немке, а пожилая леди была одета в два свитера и меховое пальто, на ногах боты. Температура в гостиной была около семи-восьми градусов... Хотя иммиграционная квота для немецких граждан, желающих выехать в Америку, составляет 27 000 человек в год, Марвин увидела в американском консульстве список ожидающих выезда из 248 000 фамилий. Девяносто восемь процентов - евреи, это почти половина всего еврейского населения, оставшегося в Германии.

Берлин, 1 марта

Сегодня утром прибыл Сэмнер Уэллес{30}. Предположительно, он находится здесь со специальным заданием президента прозондировать взгляды европейских лидеров.

Сегодня он встретился с Риббентропом и статс-секретарем Вайцзекером, а завтра встречается с Гитлером. В городе много разговоров о том, что нацисты его обманут и предложат мир, что звучит убедительно. Возможно, но невероятно, потому что наступление кажется неизбежным.

Каждый день через Берлин в западном направлении потоком идут воинские эшелоны. Много мужчин в последние несколько дней призвано на действительную воинскую службу. Все уполномоченные по гражданской обороне были предупреждены о готовности к выполнению своих обязанностей после 15 марта. Ходят слухи, - здесь никогда ничего не знаешь точно, - о большой концентрации войск рядом с Голландией. Судя по тому, что я видел в Нидерландах, голландцы будут для немцев легкой добычей. У них ничтожная армия. Их знаменитая оборонительная береговая линия едва ли чего стоит. Швейцарию сломить труднее, и я сомневаюсь, что немцы пойдут на это.

Уэллес принял нас в посольстве после ланча. Неразговорчивый парень, признался, что ничего не может сказать, Из того немногого, что он все-таки сообщил, я сделал вывод, что он заинтересован во встрече с Герингом. Не думает ли он, в конце концов, что Геринг может возглавить консервативное правительство?

Берлин, 3 марта

Уэллес так и уехал сегодня вечером с печатью на устах. В отличие от людей на Вильгельмштрассе. Они выдали нам, американским корреспондентам, материал на первую полосу, сообщив, что Гитлер прямо заявил Уэллесу:

1. Что нет шансов на немедленный, заключенный в результате переговоров мир. Война должна продолжаться до победного конца. Германия убеждена, что выиграет ее.

2. Что у Германии должны быть развязаны руки в отношении того, что она считает своим жизненным пространством в Восточной Европе. Она никогда не согласится на воссоздание Чехословакии, Польши и Австрии.

3. Условием любого мира должно быть прекращение британского господства на море, включая не только разоружение ее военно-морского флота, но и ликвидацию ее военно-морских баз в Гибралтаре, на Мальте и в Сингапуре.

Сомневаюсь, что это хвастовство произвело впечатление на Уэллеса, который показался мне достаточно циничным. В любом случае, немцы не сделали, как ожидали некоторые, звучащего

красиво, но бессмысленного мирного предложения. Мои источники сообщают, что Гитлер чувствует себя в эти дни уверенно и считает, что сможет выиграть полностью и быстро.

Трогательно, до чего же наивно немцы надеялись на то, что визит Уэллеса проложит путь к миру. Сегодня несколько немцев заходили, чтобы узнать, не "удалось ли что-нибудь Уэллесу".

Берлин, 4 марта

Прошлой ночью я передавал по просьбе начальства сюжет о том, как обычно происходит отсюда вещание в военное время. До того не переставал размышлять на эту тему. Несколько выдержек на память. Ежедневный выход в эфир в восемнадцать сорок пять по нью-йоркскому времени означает, что мы начинаем вещание без четверти час следующего утра. Если я достану бензин, то могу добраться до студии за двенадцать минут. На самом деле я десять минут иду пешком по совершенно темной Вильгельмштрассе до станции подземки. Редко мне удается не наткнуться на фонарный столб, или пожарный гидрант, или выступающую на тротуар лестницу, или не свалиться в сугроб. Благополучно добравшись до подземки, еду полчаса до Дома радио. Пройдя полпути поверху, поезд ныряет на пятнадцать минут в темноту. Карманы мои набиты пропусками. Если не найду красный, то, придя на станцию, должен оставаться в вестибюле и заполнять бумагу, чтобы получить разрешение войти. Добравшись наконец, иду в офис и пишу текст. Я слышу, как двумя офисами ниже лорд Хау-Хау смачно ругается со своей машинисткой или орет гнусавым голосом что-то по поводу "этого плутократа Чемберлена". За полчаса до эфира я должен передать свой текст в руки цензоров. Далее следует получасовая борьба с ними. Если они оставят достаточно текста, чтобы было что передавать (обычно они так и делают), я должен добраться до студии и микрофона. Для этого надо мчаться по извилистым коридорам Дома радио, потом долго спускаться по лестнице, выйти в темноте на пустынную стоянку, в центре которой есть скрытые ступеньки, стоянка устроена террасами, - при этом надо быть очень осторожным, чтобы не наткнуться на возникающие на моем пути навесы или не угодить в сугроб. Пробираясь через автостоянку, я должен пройти по крайней мере трех эсэсовских охранников в стальных касках, разглядеть которых в темноте невозможно, но я знаю, что они вооружены короткими автоматами и имеют приказ стрелять в любого, кто не отзовется на их оклик. Они должны проверить мой пропуск. Нащупываю его окоченевшими пальцами, и если мне везет и удается его найти, то прихожу в студию вовремя и не слишком запыхавшись, хотя и не всегда в лучшем настроении. Если меня задерживают цензоры или часовые, я опаздываю,

прибегаю запаленно дыша, раздраженный и недовольный. Наверное, слушатели недоумевают, почему мы так часто и тяжело дышим во время эфира...

Берлину 8 марта

Дипломатические круги взбудоражены слухами о тайных мирных переговорах в Стокгольме по прекращению русско-финской войны. Сегодняшний указ обязывает всех лиц и все фирмы, имеющих старые изделия из металла или железный металлолом, сдать их государству. Нехватка металла может стоить Германии поражения в войне.

Берлин, 10 марта

Сегодня в Германии День памяти, день поминовения погибших во всех войнах. В прежние годы немцы поминали два миллиона человек, убитых с 1914-го по 1917 год. Сегодня нацисты требуют, чтобы люди не особенно думали о тех, кто погиб в прошлую войну, а сосредоточили свои мысли на тех, кто уже погиб или погибнет в этой. Как могут люди упорствовать в своей неправоте! Вот выдержки из передовицы в газете "Local Anzeiger": "Сейчас не время быть сентиментальным, солдаты умирают за Германию днем и ночью...", "Чья-то личная судьба ныне не имеет значения...", "Не задавайтесь вопросом "почему?", если кто-то пал или убит горем".

В этом все дело. Если бы немцы спрашивали: "Почему?", то цвет их молодежи не всегда был бы обречен на жестокое и бессмысленное убийство на поле брани. Генерал фон Рунштедт, одна из главных военных фигур в завоевании Польши, пишет в "Volkische Beobachter": "День памяти - 1940: Конечно, мы искренне думаем о павших, но мы не скорбим". А на первой полосе этой газеты красными буквами призыв: "ЧЕРЕЗ МОГИЛЫ - !"

Сегодня Гитлер выступал во дворе Цейхгауза, Военного музея. Там, среди музейных экспонатов - оружия и боевых средств, которые использовали европейцы для уничтожения друг друга во всех прошлых войнах, он и ораторствовал. Речь его была полна ненависти, которой, казалось бы, следовало избегать в День памяти. Неужели у этого человека нет других эмоций? Он пообещал своему народу, что окончание этой войны принесет Германии величайший в истории военный триумф. Понимает ли он роль экономики в этой войне?

Риббентроп отбыл в Рим, чтобы выяснить, что будет делать Муссолини, когда начнется германское наступление, а заодно увидеться с папой. Ходят разговоры о новом конкордате. Монсеньор Чезаре Орсениго, папский нунций, еженедельно наносит визит на Вильгельмштрассе. Германия не соблюдает последний конкордат и преследует церковь всякий раз, как ей

вздумается. Но вероятно, они подпишут новый. Это поднимет авторитет Гитлера в стране и за рубежом.

Все немцы, с которыми я общался, боятся, что в этом месяце разверзнется преисподняя.

Берлин, 11 марта

Сегодня беседовал с генералом фон Шеллом, отвечающим за горючее и автомобильный транспорт. Он уверяет, что горючего у него хватит на десять лет войны. По его словам, заводы производят сейчас всего 20 типов грузовиков, а в прошлом году производили 120.

Начиная с 20 апреля все немецкие юноши в возрасте от десяти до восемнадцати лет обязаны вступить в Гитлерюгенд. Мобилизация молодежи была утверждена еще законом 1936 года, но вступает в силу только сейчас. Юноши, которым от семнадцати до восемнадцати лет, пройдут начальную военную подготовку.

Прошлой ночью в Москве был заключен мир между Россией и Финляндией. Это очень тяжелый мир для Финляндии, и, по сообщению Би-би-си, в Хельсинки сегодня приспущены флаги. Берлин тем не менее доволен. По двум причинам: 1) это освобождает Россию от бремени войны, поэтому она сможет теперь поставлять рейху сырье, в котором он так остро нуждается; 2) это устраняет опасность для Германии вести войну на протяженном северном фронте, а значит, осуществлять его снабжение по морю и распылять военные силы, сосредоточенные сейчас на западе для решающего удара, который теперь можно начать в любой день.

Думаю, что Норвегия и Швеция в конце концов поплатятся за отказ пропустить союзные войска через свою территорию на помощь Финляндии. Конечно, они оказались в неприятном положении. Браун фон Штумм из МИДа подтвердил сегодня, что Гитлер предупреждал Стокгольм и Осло, что, как только нога союзников вступит в Скандинавию, Германия немедленно вторгнется на север, чтобы отрезать их. Беда в том, что сто лет мирной жизни сделали скандинавов мягкотелыми сторонниками мира любой ценой. И у них не хватает смелости заглянуть в будущее. К тому времени, когда они решатся встать на чью-то сторону, будет уже слишком поздно, как это произошло с Польшей. Сандлер, министр иностранных дел Швеции, кажется, был единственным, кто правильно оценил ситуацию, и его вынудили уйти в отставку.

Теперь Финляндия отдана на милость России. Впредь Советы могут под любым надуманным предлогом ее захватить, поскольку финны обязаны теперь уничтожить свои укрепления, как и чехи

после Мюнхена. (Чехословакии удалось тогда продержаться пять с половиной месяцев.) Неужели настал такой исторический этап, когда ни одна малая нация не может чувствовать себя в безопасности, когда их существование зависит от милости диктаторов? Прошли те приятные времена девятнадцатого столетия, когда любая страна могла оставаться нейтральной и жить мирной жизнью, просто объявив об этом своем желании.

После заключения мира в Финляндии здесь сразу стало больше разговоров о германском наступлении. Один немец постоянно твердит мне, что оно ужаснет всех: отравляющие газы, бактериологическое оружие и т. п. Он, как и все немцы, хотя ему следовало бы знать лучше, считает, что наступление будет настолько замечательным, что принесет Германии скорую победу. Ему не приходит в голову, что у противника тоже есть отравляющие газы и бактериологическое оружие.

Для памяти: письмо от Кларка Брандта, отправленное из Нью-Йорка 7 октября прошлого года, пришло только позавчера. Его вскрывали и английские, и немецкие цензоры.

Берлин, 14 марта

Прошлой ночью в Лондоне некто Мохаммед Сингх застрелил сэра Майкла О'Дуайтера. Не Ганди, но большинство индийцев, которых я знаю, воспримут это как Божью кару. О'Дуайтер был когда-то вице-губернатором Пенджаба и частично несет ответственность за бойню в Амритсаре в 1919 году, когда генерал Дайер хладнокровно расстрелял тысячу пятьсот индийцев. Когда одиннадцать лет спустя, в 1930 году, я приехал в Пенджаб, в людях еще жива была горечь. Геббельс использовал это покушение по максимуму. Заголовок в сегодняшнем вечернем выпуске "Nachtausgabe": "ПОДВИГ ИНДИЙСКОГО БОРЦА ЗА СВОБОДУ - ОН СТРЕЛЯЕТ В УГНЕТАТЕЛЯ". И это пишут немцы, которые совершают массовые убийства в Богемии и Польше!

Заметки: еще два немца обезглавлены сегодня за "нанесение ущерба интересам народа". Третий приговорен к смерти, обвинение то же... Немцы гордятся, что цены здесь не выросли. Сегодня в "Адлоне" я заплатил доллар за тарелку вареной моркови... Геринг объявил, что немцы должны сдать изделия из меди, бронзы, латуни, олова, свинца и никеля. Как может Германия вести войну, если у нее всего этого не хватает? В 1938 году Германия импортировала около миллиона тонн меди, 200 000 тонн свинца, 18 000 тонн олова и 4000 тонн никеля.

Берлин, 15 марта

Год назад Гитлер вызвал в свою канцелярию Гаху, бывшего в то время президентом того, что осталось от Чехословакии после Мюнхена и устроенного нацистами "отделения" Словакии. После

продолжавшихся до четырех часов утра угроз уничтожить с помощью люфтваффе всю Прагу с ее миллионным населением он заставил несчастного старика "просить" у Германии "защиты". (Странно, как мало немцев знают пока, что произошло той ночью.) Сегодня Гитлер вынуждает Гаху прислать ему "поздравительную" телеграмму с дифирамбами по поводу уничтожения Чехословакии и пожеланиями победы в войне. Цинизм Гитлера просто высший класс, но миллионы немцев верят, что сегодняшний обмен телеграммами был абсолютно искренним. Гитлер отвечает, что он "глубоко тронут" телеграммой Гахи, и добавляет: "Германия не имеет намерений угрожать существованию чехов как нации". Когда он уже уничтожил ее! Нейрат, типичный образец немецких аристократов, продавших свою душу (ума у них нет) Гитлеру, угодливо шлет ему телеграмму с благодарностями за "исторический подвиг" и заверениями в "нерушимой преданности Богемии и Моравии". В интервью немецкой прессе Нейрат говорит, что чехи в массе своей лояльны, за исключением "немногочисленных интеллектуалов и подрывных элементов, подавленных нами с помощью мер, строгость которых не вызвала непонимания". Он имеет в виду массовые расстрелы чешских студентов прошлой осенью.

Мой хороший приятель, капитан военно-морского флота, который служит в верховном командовании, всю неделю не появлялся в форме. Сегодня он объяснил мне причину. "У меня больше нет белых рубашек. Восемь недель не мог сдать их в прачечную. Самому постирать - мыла нет, в прачечной то же самое. Остались только цветные рубашки. Вот и хожу в гражданской одежде". В хорошеньком положении находится флот!

Сегодня, в Вербное воскресенье, официальные учреждения сильно взбудоражены военной сводкой, которая сообщает, что самолеты люфтваффе атаковали и подбили три британских линкора в Скапа-Флоу. Для меня более важным показалось то, что немцы впервые признали факт бомбардировки их авиацией британских баз Стромнесс и Керкуолл. В нынешней вялотекущей войне это первый случай, когда одна из сторон целенаправленно сбрасывала бомбы на территорию противника. Думаю, что весной война начинается всерьез. Кирхер, автор статьи в сегодняшнем утреннем выпуске "Frankfurter Zeitung", пытается ответить на вопрос, который долгое время волновал умы военных в нейтральных странах. Почему немцы до сих пор не использовали свое знаменитое превосходство над союзниками - Англией и Францией - в воздухе? Почему они ждут, пока союзники с американской помощью сравняются с ними? Кирхер отвечает, что

союзникам никогда их не догнать, что относительное превосходство Германии значительно выросло за последние семь месяцев.

Весна наконец грозится наступить. Миллионы немцев начинают оттаивать после самой суровой на их памяти зимы. Сегодня, несмотря на воскресенье, в большинстве квартир не было горячей воды. Несколько друзей выстроилось в очередь помыться в моем номере.

Берлин, 18 марта

Утром, пока бушевала поздняя вьюга; Гитлер и Муссолини два с половиной часа совещались в Бреннере. Мы полагаем, Гитлер хотел удостовериться насчет дуче, прежде чем приступить к осуществлению своих весенних планов, каковы бы они ни были. По данным, якобы просочившимся с Вильгельмштрассе, Гитлеру удалось склонить Муссолини к мысли присоединиться к тройственному союзу с Германией и Советской Россией, который установит новый порядок в Европе. Может быть, и так.

Берлин, 19 марта

Заходил ко мне Джон Чэпмен, которого я не видел со времен учебы в школе в Сидер Рэпидс, в Айове. Он заведует международным отделом в "Business Week" и только что вернулся из поездки на Балканы и в Италию. Привез кое-какую секретную информацию. Он сомневается, что Италия вступит в войну. Я тоже. Италия может оказаться в блокаде. Джон заметил, что накал фашизма ослабевает.

Люди немного расслабились. Дуче не так уже давит на них. Он стареет, полнеет и много времени проводит со своей юной любовницей-блондинкой, от которой, как слышал Джон в Риме, у него только что родился ребенок. Джон виделся в Мадриде с Петэном. Старик сказал: "Молюсь, чтобы немцы попытались прорваться через линию Мажино. Ее можно прорвать - ценой некоторых усилий. Но пусть они просочатся. Я хотел бы тогда быть во главе союзной армии".

Сегодня встречался с майором Х. из посольства одной страны. Он видит три возможности, которые открываются перед Гитлером:

1. Германия может заключить мир. Он считает, что Германия хочет мира и может позволить себе заключить его на таких условиях, которые будут выглядеть справедливыми и устроят всех, кроме англичан, и этот мир обеспечит ему возможность достичь большинства поставленных целей. Такой мир, утверждает он, будет равнозначен победе Германии.

2. Германия может продлить существующее ныне положение, сохраняя нейтралитет Скандинавии и Италии и экономическое

сотрудничество с ними, осваивая при этом Юго-Восточную Европу и, особенно, Россию. На это уйдет время, по крайней мере три года, но, как только это произойдет, блокада союзников окажется относительно неэффективной. Майор отметил, что ни одно государство, потерявшее контроль над морями, никогда в истории не выигрывало большую войну. Но он считает, что сейчас это осуществимо, если Германия будет держать свои северные, южные и юго-восточные ворота открытыми и эффективно осваивать Россию. Связку с Россией он рассматривает как сильный ход Гитлера, но говорит, что на него надавил Генеральный штаб, просто объяснив, что воевать с Западом невозможно, если Россия присоединится к союзникам или даже останется абсолютно нейтральной, не недружественной по отношению к Германии.

3. Германия может попытаться форсировать события на западном фронте. Этот вариант он рассматривает как неправдоподобный. Германский Генеральный штаб с большим уважением относится к линии Мажино и французской армии. Он признает, что линию Мажино пробить стоит только дорогой ценой, но не факт, что это принесет победу в войне.

Берлин, 20 марта

Прошлой ночью англичане ответили на бомбардировку Скапа-Флоу, атакуя с воздуха германскую базу гидросамолетов на острове Сюльт в течение семи часов. Верховное командование заявляет, как обычно, что никакого ущерба не нанесено. По сообщениям ВВС, англичанам удалось сделать немало. В полдень правительство предложило нам слетать и самим посмотреть, но потом приглашение отменили. В тексте передачи я упомянул об этом приглашении. Сообщение о его отмене пришло, когда я уже вел передачу, поэтому сказал об этом в самом конце. Вечером, ожидая выхода в эфир, я настроился на ВВС. К моему удивлению (и замешательству, так как рядом сидел представитель германского радио), британский диктор передал мой дневной текст полностью. Он очень точно имитировал мой голос, особенно последнее сообщение - об отмене поездки на Сюльт, что возможно только в том случае, если он получил его с записи моей передачи, сделанной Би-би-си. Вероятно, я еще услышу об этом.

Все берлинские газеты, по приказу Геббельса, вынесли в заголовки сообщение о налете на германскую базу на острове Сюльт: "БРИТАНЦЫ БОМБЯТ ДАНИЮ!" Похоже, что пара бомб действительно упала на датскую территорию. Но это типичная фальсификация.

Заголовок в "12-Uhr Blalt" сообщает о вчерашней речи Чемберлена в палате общин: "ПРАЗДНИК ЛЖИ В НИЖНЕЙ

ПАЛАТЕ - ПИРАТЫ ПРИЗНАЮТСЯ В СВОЕМ ПРЕСТУПЛЕНИИ ПРОТИВ НЕЙТРАЛОВ!"

Берлин, 21 марта

Сегодня американских корреспондентов наконец повезли на Сюльт, но меня не пригласили. Вечером они позвонили в Берлин и сообщили, что не увидели больших разрушений на главной базе гидросамолетов в Хёрнуме - единственной, которую им показали. Я отметил это в своей вечерней передаче. По сообщению этих американских корреспондентов, завтра утром нацистской прессе приказано разыграть потрясающий спектакль.

Сегодня в Познани приговорены к смерти еще трое поляков якобы за убийство немца во время войны. Я слышал, что в берлинской тюрьме ожидают казни шестнадцать польских женщин, по приговору суда они должны быть обезглавлены.

Берлин, 22 марта

Убедил Ирвина с Эн-би-си тоже отметить, что американским корреспондентам показали не весь Сюльт. Верховное командование очень злилось на меня за то, что я упомянул об этом.

Сегодня Страстная пятница. На тротуарах толпится народ. Особой пасхальной радости на лицах не заметно. В последние дни длинные очереди у кондитерских магазинов. До чего же терпеливы немцы, что готовы стоять четыре часа под дождем за крошечной порцией праздничных сладостей! На прошлой неделе вместо одного яйца по норме давали три, на этой неделе еще на одно яйцо больше.

Позднее. Позвонили с радио. Завтра они самолетом отправят нас с Ирвином на Сюльт для осмотра северной части острова.

Берлин, 23 марта

В полночь позвонили с радио и сообщили, что наша поездка на Сюльт все-таки не состоится. Что же такое англичане натворили на северной части острова, что люфтваффе не хотят нам с Ирвином показывать?

В полдень большие неприятности на радио. Офицер из верховного командования обвинил меня и Ирвина в саботаже по отношению к нашим американским коллегам-журналистам. Он заявил, что после наших вчерашних передач ни одна американская газета не опубликует материал о Сюльте, который получили информационные агентства от своих берлинских корреспондентов. Однако немцы наверняка напечатают все, что написали американские репортеры. Из этого получится отличная пропаганда.

Сегодня объявлено, что все церковные колокола, сделанные из бронзы, будут сняты и переплавлены для производства орудий.

На следующей неделе начинается общенациональный сбор по домам всего имеющегося в наличии лома олова, никеля, бронзы и меди - металлов, которых Германии не хватает. Армия приказала сегодня всем владельцам грузовых автомобилей, которые находятся в бездействии в соответствии с запретом военного времени, а таких девяносто процентов, сдать аккумуляторы.

Завтра Пасха. Власти объявили людям, что они должны оставаться дома и не разъезжать, как в прежние годы, потому что дополнительных поездов не будет. На завтра запрещаются и поездки на частных автомобилях. Хорошо бы побыть дома. В прошлом году я тоже был в отъезде, ехал через этот город из Варшавы в Париж, а Европа бурлила по поводу вторжения Муссолини в Албанию, и ходили слухи, что Гитлер вступит в Польшу. Кажется, как давно это было...

Берлин, 24 марта

Светлое воскресенье, мрачное и холодное, но дождь прекратился. Я отказался от приглашения на ланч и на чай к нескольким моим немецким знакомым. Не мог сегодня общаться с немцами, даже если среди них нет друзей Гитлера. Хотелось побыть одному. Проснулся около полудня и послушал передачу из Вены. Классическая музыка, небольшая милая вещица Гайдна.

После обеда прогулка. Унтер-ден-Линден заполнена народом. Все-таки немцы самые некрасивые люди в Европе. Ни одной симпатичной женщины на всей Линден. Вероятно, их ужасная одежда усиливает это впечатление. На улицах относительно мало солдат. Мало увольнительных? Почему? Наступление скоро?

Я удивился, до чего обветшал дворец Кайзерпалас, расположенный в конце Линден. Штукатурка везде обваливается. Вид очень неряшливый. Разваливается на части каменная ограда балкона, на который Вильгельм II совершил свой знаменитый выход в 1914 году, чтобы объявить беснующейся у его ног толпе о начале войны. Что ж, когда началась эта война, они не бесновались под балконом Гитлера.

Я пытался прочесть на лицах людей, о чем они думают в этот пасхальный день. Но лица их выглядели пустыми. Война им явно не нравится, но они будут делать то, что им прикажут. Например, умирать.

Берлин, 25 марта

Немецкое национальное агентство сообщает сегодня: "На некоторых участках фронта вдоль Верхнего Рейна с французской стороны прошли пасхальные демонстрации против войны, которую ведут англичане, что ясно показывает, какой глупостью считают французские войска то, что Германия и Франция из-за происков Британии оказались врагами".

Берлин, 28 марта

Германия не может продолжать войну без поставок шведской железной руды. Большая часть этой руды отгружается в порту Нарвик на германские суда, которые ускользают от блокады, проходя вдоль побережья Норвегии в трехмильной зоне, где им не угрожает британский флот. Мы тут гадали, почему Черчилль никогда не мог с этим ничего поделать. Теперь начинает казаться, что может. На Вильгельмштрассе заявляют, что будут за ним следить. Для Германии это вопрос жизни и смерти. Х. уверяет меня: если британские эсминцы войдут в норвежские территориальные воды, Германия начнет действовать. Неясно только, каким образом. Германский флот уступает британскому.

Надеюсь, что не поставил себя в щекотливое положение, написав, исходя из того что услышал на этой неделе, в тексте своего сегодняшнего ночного эфира следующее: "Кое-кто здесь считает, что война может распространиться на Скандинавию. Сегодня в Берлине прошло сообщение, что на прошлой неделе эскадра, состоящая по крайней мере из девяти британских эсминцев, сосредоточилась у норвежского побережья и немецкие суда, перевозящие руду, несколько раз получали предупредительные выстрелы... Отсюда дело выглядит так, что нейтральные страны, особенно Скандинавские, могут в конце концов оказаться втянутыми в конфликт".

Я частенько вставляю подобные абзацы, чтобы проверить реакцию военного цензора. Он ни разу не возражал, что весьма интересно.

Берлин, 30 марта

Вчера вечером нацисты громогласно объявили о том, что, по их мнению, должно было произвести в Америке эффект разорвавшейся бомбы. Сегодня это больше напоминает бумеранг. И прекрасный образчик грубой дипломатической ошибки Германии.

Министерство иностранных дел опубликовало новую "Белую книгу", содержащую шестнадцать документов, якобы обнаруженных нацистами в польском МИДе. Риббентроп говорит, что это секретные донесения польских дипломатов. Наиболее важные - от польских послов в Лондоне, Париже и Вашингтоне. В них упомянуты американские послы Кеннеди, Буллит и Биддл, и суть их в том, что эти дипломаты, за спиной которых стоял Рузвельт, были главными участниками преступного сговора навязать нынешнюю войну Германии!

Хотя кажется невероятным, что немцы способны на такую глупость, но мои знакомые из министерства иностранных дел говорят, что Риббентроп всерьез полагает, будто эти

"разоблачения" сделают позицию Рузвельта настолько несостоятельной, что его поражение, или поражение его кандидата, если он не будет баллотироваться, обеспечено. Почуяв, что в Америке сильны настроения остаться в стороне от войны, Риббентроп решил, что такие "документы" будут отличным подспорьем для американских изоляционистов. Они убедят американский народ, что Рузвельт и назначенные им послы не только приложили руку к развязыванию войны, но и сделали все, чтобы втянуть в нее нас. К счастью, первые отклики американцев нормальные, и нью-йоркская пресса предполагает, что эти документы являются фальшивкой. Их невозможно было сфабриковать, вероятно, их только подправили.

Позднее. - В вечерней прессе появилась одна из самых забавных нацистских газетных "уток", которые я когда-либо видел. В ней немецкому народу сообщается, что публикация польских "документов" как громом поразила Америку. Смысл в том, что Рузвельт получил сокрушительный удар. Госсекретарь Халл официально опроверг измышления, содержащиеся в "документах". Национальное агентство исказило смысл его заявления и дало под таким заголовком: "Халл дезавуирует послов США!" Грубейшая фальсификация!

Беда только в том, что люди вроде Хэма Фиша и сенатора Раша Холта могут ухватиться за подобную нацистскую пропаганду и использовать ее в борьбе против Рузвельта. Национальное агентство прямо телеграфирует, что сенатор Холт "с германской "Белой книгой" согласен".

Берлин, 2 апреля

Сегодня в ночном эфире я сказал: "Сейчас Германия выжидает, что предпримут союзники для прекращения доставки шведской железной руды вдоль норвежского побережья в рейх. Здесь приняли как неизбежное, что англичане войдут в территориальные воды Скандинавских стран, чтобы остановить перевозку. Предрешенным считают здесь и то, что немцы на это отреагируют.;. Германия импортирует десять миллионов тонн шведской руды в год. Германия не может позволить себе остановить поставки руды без борьбы, и она будет бороться, чтобы этому помешать".

Но как? С. сообщает по секрету о концентрации нацистских войск в балтийских портах. Но что может сделать Германия против британского флота?

Берлин, 7 апреля

В сегодняшней газете: "Германия готова. Восемьдесят миллионов пар глаз обращены к фюреру..."

Берлин, 8 апреля

Англичане объявили, что заминировали территориальные воды Норвегии, чтобы остановить прохождение германских судов с рудой из порта Нарвик. На Вильгельмштрассе заявляют: "Германия сумеет ответить". Но как? Сегодня вечером ходили два слуха, но мы ни один подтвердить не можем. Первый о том, что германский флот вошел в Каттегат, прошел север Дании, западную часть Швеции и юг Норвегии и направляется в Скагеррак. Второй - что в балтийских портах формируются германские экспедиционные силы и в спешном порядке собираются десятки пассажирских судов, чтобы переправить их в Скандинавию.

Берлин, 9 апреля

В этот весенний день Гитлер оккупировал еще две страны. На рассвете вооруженные силы нацистов вторглись в две нейтральные страны - Данию и Норвегию, для того чтобы, как лицемерно говорится в официальном заявлении, "защитить их свободу и независимость". После молниеносно пролетевших двенадцати часов почти все было кончено. Дания, с которой всего год назад подписан пакт о ненападении сроком на десять лет, полностью повержена, и в Норвегии все важные стратегические объекты, включая столицу, в руках нацистов. Новости ошеломляющие. Сегодня утром оккупирован Копенгаген, после полудня - Осло, вечером - Кристиансанд. Захвачены все важные норвежские порты: Нарвик, Тронхейм, Берген, Ставангер. Как нацисты пробрались туда под носом британского флота - тайна для всех. Очевидно, что эта операция готовилась давно, еще дольше планировалась, и начали ее, конечно, до того, как британцы заминировали позавчера норвежские территориальные воды. Чтобы дойти от германских баз до Нарвика, требуется как минимум трое суток.

Сегодня в десять двадцать утра нас срочно вызвали на пресс-конференцию в МИД, назначенную на десять тридцать. Мы прождали полчаса. В одиннадцать с напыщенным видом вошел Риббентроп в безвкусной серой форме министерства иностранных дел. Выглядел он так, как будто весь мир был у его ног. Его пресс-секретарь Шмидт сообщил новости и зачитал текст меморандума, направленного сегодня рано утром Норвегии и Дании. В меморандуме содержался призыв принять "защиту" и предупреждение о том, что "любое сопротивление будет сломлено любыми имеющимися в распоряжении германских вооруженных сил средствами и поэтому приведет лишь к ненужному кровопролитию".

"Правительство рейха, - продолжал монотонно читать Шмидт, полный, рыхлый на вид молодой человек, - предполагает поэтому, что правительство Норвегии и норвежский народ проявят полное понимание действий Германии и не окажут какого-либо сопротивления... В духе существующих с давних пор добрых отношений между Германией и Норвегией правительство рейха заявляет королевскому правительству Норвегии, что у Германии нет и не будет в будущем намерений посягать на территориальную целостность и политическую независимость Королевства Норвегии".

Риббентроп как-то по-змеиному взвился и сказал: "Джентльмены, вчерашнее вторжение союзников в норвежские территориальные воды является самым вопиющим нарушением прав нейтральной страны. Это сравнимо с британским обстрелом

Копенгагена в 1807 году. Однако, - и он оскалился в самодовольной улыбке, - Германию это не застало врасплох... Британия намеревалась создать базу в Скандинавии, используя которую можно было бы атаковать Германию с фланга. Мы располагаем, джентльмены, неоспоримыми доказательствами. Их план включал оккупацию всей Скандинавии: Дании, Норвегии, Швеции. У германского правительства есть доказательства, что офицеры французского и британского Генеральных штабов уже находятся на скандинавской земле и готовят высадку союзников.

Теперь весь мир может видеть, - продолжал он, как-то извиваясь и напоминая червяка, - цинизм и жестокость, с которыми союзники пытались создать новый театр военных действий. Сейчас провозглашено новое международное право, которое разрешает одной воюющей стране принимать противозаконные меры в ответ на противозаконные действия другой стороны. Германия воспользовалась этим правом. Фюрер дал свой ответ... Германия оккупировала территорию Дании и Норвегии, чтобы защитить эти страны от союзников, и будет защищать их подлинный нейтралитет до конца войны. Таким образом была спасена от верной гибели достойная часть Европы", - так закончило свою речь это ничтожество, когда-то удачливый торговец шампанским, который женился на дочери своего босса, который самым мерзким образом пресмыкался перед Гитлером, который украл замок под Зальцбургом, отправив его законного владельца в концлагерь. Оглядев помещение, он изобразил еще одну улыбку - глупую и бесцветную. "Джентльмены, я еще раз благодарю вас и желаю вам всего доброго", - громко произнес он и удалился в сопровождении своих лакеев в униформе.

Меня это ошеломило, хотя и не должно было - после стольких лет, проведенных в стране гитлеризма, но тем не менее. Прошелся по Вильгельмштрассе, а потом через Тиргартен, чтобы немного остыть. В полдень отправился на радио делать очередную передачу. Люди на улицах, как я отметил, реагировали на новости спокойно. Даже не особенно покупали экстренные выпуски газет, о которых начали кричать мальчишки-разносчики. Из десятка комнат на радио доносился через динамики неприятный голос Геббельса. Он зачитывал разные меморандумы, воззвания, сводки новостей - сплошная ложь - с обычной для него истеричностью. Первое, что я заметил, - толпу цензоров. Они предупредили меня, чтобы я был "осторожен". Просмотрел последние немецкие сводки. Верховное командование сообщало в специальном коммюнике, что Копенгаген был полностью оккупирован к восьми часам утра. Германские войска, говорилось

в коммюнике, в течение ночи были переброшены на судах из балтийских портов, на рассвете высадились в Копенгагене и в первую очередь заняли крепость и радиостанцию{31}. Стало ясно, что датчане вообще не оказали сопротивления. Норвежцы, как выяснилось, сопротивляются, но немцы уверены, что к вечеру все закончится. Я позвонил двум знакомым. Датский посланник заявил рано утром протест на Вильгельмштрассе, но вскоре добавил, что Дания не в том положении, чтобы воевать с Германией. Норвежский посланник, человек, насколько я помню, пронацистских взглядов, тоже заявил протест, но сказал, что Норвегия будет сражаться. Я написал небольшое печальное сообщение и зачитал его в эфире.

Позднее. С Норвегией в этом деле явно получилось что-то не так. От норвежцев сопротивления не ожидали, но очевидно, что оно было, - по крайней мере, на одном или двух участках. Есть сообщения о потерях германского военного флота, но адмиралтейство хранит молчание. Всех датских и норвежских корреспондентов вытащили на рассвете из постели и упрятали в "Кайзерхоф". Первое, что они узнали, - их страны обрели защиту.

Вечерние нацистские газеты выдают просто-таки редкие "перлы". "Angriff": "Молодая германская армия завоевала новую славу своим знаменам... Это один из самых блестящих подвигов всех времен". Конечно, подвиг, а как же. "Borsen Zeitung": "Англия хладнокровно ступает по трупам малых народов. Германия защитит слабые страны от английских бандитов с большой дороги... Норвегия должна понять справедливость действий Германии, предпринятых для обеспечения свободы норвежского народа".

Завтра "Volkische Beobachter", предмет личной гордости (и источник дохода) Гитлера, выйдет с красным заголовком: "ГЕРМАНИЯ СПАСАЕТ СКАНДИНАВИЮ!" Восклицательный знак не мой.

В третий раз выходил в эфир в два утра, с коликами в желудке, потому что ничего не ел, ложусь в постель.

Берлин, 10 апреля

Из всего услышанного сегодня стало ясно, что Гитлер и верховное командование предполагали, что Норвегия сдастся вся без остатка. Сейчас, когда получилось не так, вчерашняя уверенность испаряется. В сегодняшнем инспирированном заявлении говорится: "Вчера было только начало отважного предприятия. С ответными действиями союзников пока приходится считаться". Дело в том, что в общении с представителями армии и флота у меня сложилось впечатление: направь Англия свой флот и поддержи его мощным десантом, и

Германия попадет в гораздо более серьезную переделку, чем она ожидала. Ее слабое место - недостаток военных кораблей. Гарнизоны в западных портах Норвегии можно снабжать только по морю. Севернее Ставангера нет и подходящих аэродромов.

Сегодня верховное командование после краткого отчета о сражении германских и английских эсминцев у Нарвика упоминает нечто такое, что нас слегка озадачило. Оно отмечает, что 8 апреля, то есть за день до захвата немцами норвежских портов, "в другой стычке был потоплен британский эсминец". Кое-кто из наших считает, что если мы сумеем разузнать что-нибудь про эту "другую стычку", то сможем разгадать тайну, как немецкому флоту удалось провести боевые корабли и десантные части в такое количество норвежских портов и настолько быстро, что британский флот оказался не в состоянии что-либо сделать{32}. Пока это необъяснимо.

Берлин, 11 апреля

Из Лондона сообщают, что союзники отбили Берген и Тронхейм. Германское верховное командование категорически это отрицает. Оно так же решительно отрицает сообщения из Лондона о крупном морском сражении в проливе Скагеррак - между прочим, эпизод Ютландского сражения времен прошлой мировой войны. Только потери флота, признанные на сегодняшний день, составили затопленные норвежской береговой артиллерией утром 9 апреля 10 000-тонный крейсер "Блюхер" во фьорде Осло и 6000-тонный крейсер "Карлсруэ" у Кристиансанда.

Узнал, что Гитлер предупреждал Швецию об ужасных последствиях нарушения нейтралитета в этот критический момент. Насколько я понимаю, шведы напуганы и не придут на помощь своим норвежским братьям, и потом поплатятся за это. Странно, почему эти маленькие страны предпочитают быть проглоченными Гитлером поодиночке.

Представитель МИДа сообщил нам сегодня, что господин Хамбро, председатель норвежского парламента, был "не джентльменом и евреем". Человеком нацистов в Норвегии оказался бывший министр обороны, некто Квислинг, и, похоже, у него была мощная организация, сыгравшая роль "пятой колонны". Один чиновник с Вильгельмштрассе сказал мне, что он будет норвежским премьером. "Borsen Zeitung" сетует на "неясную позицию короля Хаакона... Своей негибкой позицией он показал, что находится под дурным влиянием и не является подлинным защитником интересов своего народа".

Би-би-си цитирует вечером слова Черчилля, сказанные им сегодня в палате общин: "Гитлер совершил убийственную стратегическую ошибку", а также то, что британский флот берет

отныне на прицел норвежское побережье и будет топить все корабли в проливах Скагеррак и Каттегат. О Боже, надеюсь, что он все делает как надо.

Берлин, 14 апреля

Выяснил наконец, каким образом немцам удалось при нехватке кораблей оккупировать главные порты Норвегии вдоль тысячемильного побережья под самым носом у британского флота. Германские войска со всем вооружением и боеприпасами были доставлены к месту назначения на грузовых судах, якобы идущих в Нарвик за шведской железной рудой. Эти суда прошли в границах норвежской трехмильной зоны, как они все время делали с начала войны, и таким образом избежали встречи с британским военным флотом. По иронии судьбы, их даже сопровождали в пункты назначения норвежские боевые корабли, которые получили приказ защищать их от англичан!

Но это не объясняет, как британцы оставили на всем пути до Норвегии незамеченными почти половину кораблей германского флота - семь эсминцев, один тяжелый крейсер и один линкор.

В германских военно-морских кругах признают, что семь их эсминцев были вчера уничтожены в результате нападения превосходящих британских сил, но говорят, что город они продолжают удерживать. Завтрашние газеты сообщают: "МОЩНАЯ АТАКА АНГЛИЧАН НА НАРВИК ОТБИТА!" Когда я показал утренний выпуск одной из газет капитану ВМФ, он покраснел и выругался на Геббельса.

Узнал, что генерал фон Фалькенхорст расклеил в Осло такое воззвание: "Норвежское правительство отвергло несколько предложений о сотрудничестве. Сейчас норвежский народ должен решать будущее своего отечества. Если это воззвание будет послушно исполнено, как это с большим пониманием сделали в Дании, Норвегия окажется избавленной от ужасов войны. Но если сопротивление продолжится и рука, протянутая с дружескими намерениями, будет отвергнута, германскому верховному командованию придется действовать самым решительным образом, чтобы это сопротивление сломить".

Гитлер сеет в Европе такие семена, которые однажды уничтожат не только его, но и его народ.

Берлин, 17 апреля

Сегодня Гитлер направил поздравление королевскому семейству Дании по случаю рождения дочери у кронпринцессы!

Сегодня же германская пресса направила свои орудия против Голландии. Вот заявление, инспирированное министерством иностранных дел: "В отличие от Германии союзники не желают препятствовать втягиванию малых стран в войну".

Берлин, 18 апреля

Джо Харш привез из Копенгагена интересную историю. Он сообщает, что вечером 8 апреля датский король, несколько обеспокоенный донесениями этого дня, вызвал германского посланника и попросил объяснений. Посланник поклялся его величеству, что у Гитлера нет намерения вторгнуться в Данию и что эти глупые слухи - просто "вымыслы союзников". В действительности же в этот момент, и посланник об этом знал, несколько немецких сухогрузов стояли пришвартованные в копенгагенском порту, куда они прибыли двумя днями ранее. Под крышками люков, и это тоже было ему известно, находились немецкие солдаты.

На рассвете люки открылись, и немецкие солдаты вышли наружу. Королевский дворец расположен почти рядом с причалами. Нацистские войска промаршировали по улицам к дворцу. Удивленные датчане, едущие на велосипедах на работу, не могли доверить своим глазам. Многие потом говорили, что подумали, будто идут съемки какого-то фильма. Однако, когда немцы подошли к дворцу, королевские гвардейцы открыли огонь. Немцы ответили. Когда король услышал стрельбу, рассказывает Джо, он послал адъютанта сказать гвардейцам, чтобы они ради всего святого прекратили стрельбу. Адъютант вышел из дворца, размахивая белым носовым платком, и отдал приказ прекратить огонь. Немцы, благодарные за такое сотрудничество, окружили дворец. Рабочим, едущим на велосипедах на работу, немцы приказали ехать по боковой улице и объезжать дворец стороной. Некоторые из них понимали по-немецки недостаточно быстро. Немцы открыли огонь, убив около десяти человек. Х., американский бизнесмен, который оказался в это время в Копенгагене, считает, что немцы преуменьшают свои потери на море. Например, он говорит, что видел мачты затопленного малого линкора в шестидесяти милях от Копенгагена.

Сегодня, правда, германское Адмиралтейство призвало население проявлять больше терпения и не осаждать больше его чиновников, чтобы узнать о судьбе родных. Оно пообещало, что родственников непременно известят. Тем временем я узнал, что гестапо запретило родственникам погибших печатать в газетах извещения о смерти. Только двум или трем семьям высокопоставленных морских офицеров разрешили обнародовать этот факт.

Раненые матросы и солдаты, спасшиеся с "Блюхера", прибывают с ужасными ожогами на лице и шее. Похоже, когда крейсер затонул, на поверхности воды он оставил большое количество горящей нефти. Множество людей, державшихся на

воде, сгорело заживо. Полагаю, что половина из них утонула в воде, половина сгорела в огне - ничего себе комбинация.

В прессе об этом ни слова. Немецких людей кормят с ложечки только более приятными известиями, а лучше - победными реляциями с войны. Сомневаюсь, что в их нынешнем положении они могли бы вынести много плохих новостей.

Заметим, что немецкая оккупация привела датчан к краху. Три миллиона датских коров, три миллиона свиней и двадцать пять миллионов кур-несушек живут на импортных кормах, главным образом из Северной и Южной Америки и из Маньчжоу-Го. Теперь эти поставки прерваны. Дании придется отправить на убой большую часть поголовья скота, одного из главных источников своего существования.

Берлин, 19 апреля

Сегодняшнее официальное коммюнике: "Ввиду враждебного отношения норвежского короля и бывшего норвежского правительства, норвежскому посланнику и персоналу норвежской миссии сегодня предложено покинуть территорию Германии". Что они и сделали.

Завтра Гитлеру исполняется пятьдесят один год, и народу велено вывесить флаги. Вечером Геббельс сказал по радио: "Германский народ нашел в фюрере воплощение своей силы и наиболее яркое выражение своих национальных целей". Проходя вечером мимо рейхсканцелярии, видел человек семьдесят пять, ожидающих снаружи возможность хоть мельком увидеть своего вождя. В прежние годы накануне его дня рождения здесь их собиралось десять тысяч.

Берлин, 21 апреля

Сегодня верховное командование приоткрыло завесу секретности, под которой союзники скрывали место высадки своих войск в Норвегии. Они высадились в Намсусе и Ондалснесе, двух железнодорожных станциях соответственно севернее и южнее Тронхейма, ключевого порта в центре побережья Норвегии, оккупированного немцами. Один мой знакомый, который служит в верховном командовании, сказал, что в Норвегии все зависит от исхода сражения за Тронхейм. Если союзники его возьмут, то они спасут Норвегию, по крайней мере северную ее часть. Если же немцы, продвигаясь в северном направлении вдоль двух железнодорожных линий, идущих от Осло, доберутся туда первыми, тогда британцы должны эвакуироваться. Сегодня немцы заняли Лиллехаммер, в восьмидесяти милях к северу от Осло, но им надо пройти еще сто пятьдесят миль. Я думаю, что немцы больше всего боятся, что британский флот войдет в Тронхеймский фьорд и уничтожит стоящий в городе немецкий

гарнизон раньше, чем туда доберутся нацистские войска. В этом случае немцы проигрывают игру.

Вечером, обдумав все это, чувствую себя значительно лучше, чем когда-либо *с начала войны.

Противодействие немецким войскам, продвигающимся на север, становится ожесточеннее. Сегодня вечером германское верховное командование сообщает об упорном сопротивлении в этом районе. Однако люфтваффе наносит чудовищные удары по британским базам в Намсусе, Ондалснесе и Домбосе. Генерал Мильх, правая рука Геринга, отправился в Норвегию руководить военно-воздушными силами. Сейчас Германия возлагает на них самые большие надежды.

Берлин, 23 апреля

Йозеф Тербовен, строгий молодой гауляйтер Кельна, который на этом посту значительно превзошел Фрица Тиссена, назначен рейхскомиссаром Норвегии. Иными словами, если Германия победит, Норвегия станет всего лишь еще одной нацистской провинцией.

Уезжаю в Лозанну на совещание Международного радиовещательного союза. Весна на берегу озера у подножия Альп - это здорово.

Берлин, 29 апреля

Утром вернулся из Швейцарии. На этой неделе, по всей вероятности, произойдет решающее сражение за Тронхейм. Я заметил, что немцы сейчас гораздо более уверены в своих силах, чем неделю назад, когда я уезжал. Очевидно, британские экспедиционные части не так сильны, как ожидалось. Из того, что слышал в Швейцарии и сегодня здесь, становится ясно, что британские части, брошенные в бой под Лиллехаммером неделю назад, были малочисленны и слабо вооружены - ни танков, ни артиллерии, мало противотанковых орудий.

Фред Н., самый информированный относительно этой военной кампании человек в посольстве, шокировал меня сегодня, сказав, что до сих пор сомневается, принимает ли Британия в действительности норвежскую кампанию всерьез. Чтобы как-то приободрить себя, я напомнил ему, что в прошлую войну у британцев два года ушло на то, чтобы оказаться в пределах досягаемости Багдада, а потом их основная армия и ее главнокомандующий были захвачены турками в плен. Тем не менее год или два спустя британцы взяли Багдад и выгнали турок и немцев из Месопотамии. Что нужно британской армии или британскому флоту, так это одно-два поражения. Тогда они, возможно, станут серьезными.

Только что узнал, что высадившиеся первоначально в

Центральной Норвегии британские части уничтожены.

Берлин, 1 мая

Два дня назад я в четвертый или пятый раз с начала войны проехал вдоль Рейна из Базеля во Франкфурт. Первые двадцать миль или около того от Базеля едешь вдоль Рейна в том месте, где он разделяет Францию и Германию. Фактически, едешь как бы по ничейной земле, поскольку основные позиции немцев расположены за железнодорожной колеей на склонах возвышенности Шварцвальд. Две громадные армии стоят разделенные этой рекой. До сих пор все тихо. В одной из деревень на спортплощадке (это было воскресенье) немецкие дети играли на виду у французских солдат, слоняющихся без дела по другую сторону реки. На открытом лугу не далее двухсот ярдов от Рейна резвятся несколько немецких солдат, гоняя старый футбольный мяч на виду у французского блокгауза. По обоим берегам Рейна беспрепятственно пыхтели поезда, причем некоторые с тем самым грузом, который производит сейчас такие ужасные разрушения в Норвегии. Ни одного выстрела. В небе ни одного самолета.

Во вчерашней вечерней передаче я вопрошал: "Что же это за война, что за игра? Почему самолеты бомбят тыловые коммуникации в Норвегии, как это было в Польше, как это было везде во время прошлой мировой войны, а здесь, на западном фронте, где две самые большие армии в мире стоят лицом к лицу, полностью воздерживаются от убийства?"

Начинается нехватка бензина? В Берлине сегодня прекратили работу 300 из 1600 такси и приказом неожиданно запрещено движение двадцати пяти процентов частных легковых и грузовых машин, которые до сегодняшнего дня имели на это разрешение.

Ясно, что немцы со своими авиабазами на севере имеют абсолютное превосходство в небе над Норвегией. Будет ли одного этого достаточно, чтобы победоносно продвигаться к Тронхейму? Боюсь, что да. Именно угроза со стороны люфтваффе заставляет британский флот держаться подальше. Иначе чем объяснить неудачную попытку англичан атаковать Тронхейм с моря, как они атаковали Нарвик, который находится за пределами досягаемости для большинства немецких самолетов? Но если британцы не зайдут с моря, они, вероятно, никогда его не возьмут. Это гонка, и немцы продвигаются быстрее.

Позднее. - Сегодня, в германский День труда и выходной день для всех, кроме рабочих оборонных заводов, Гитлер издал по этому поводу грандиозный приказ своим войскам в Норвегии. Вчера вечером верховное командование объявило, что германские войска, идущие от Осло на север, и немецкая группировка, продвигающаяся на юг от Тронхейма, соединились южнее

последнего. Сражение за Тронхейм Гитлером выиграно. Где находятся союзники и что они делают - неясно. Но это не имеет большого значения. У них была прекрасная возможность остановить Гитлера, и они ее прошляпили. Похоже, подтверждается чье-то худшее подозрение, а именно - англичане никогда не вступали в сражение за Тронхейм (читай Норвегию) всерьез.

"Намерение союзников поставить нас на колени запоздалой оккупацией Норвегии, - торжествующе вопит Гитлер, - осуществить не удалось". Гитлер адресовал свой приказ "солдатам норвежского театра военных действий". Три недели назад Риббентроп уверял нас, что Гитлер не допустит превращения Норвегии в "театр военных действий".

Таким образом, этот Первомайский праздник оказывается для немцев днем победы. Впервые с тех пор, как пришел к власти, Гитлер не выступил и не появился на публике. Его заместитель Рудольф Гесс выступил от его имени на военных заводах Крупна в Эссене. Он постоянно упоминал господина Хамбро не иначе, как "этот еврей, господин Гамбургер".

Судя по виду добропорядочных бюргеров, заполонивших сегодня Тиргартен, их единственным сокровенным желанием является мир, и к черту эти победы. Но я думаю, что такой триумф в Норвегии поднимет моральный дух людей, переживших ужасную зиму. Некто С., ветеран здешнего корреспондентского корпуса, считает, что в этой стране каждый мужчина, каждая женщина, каждый ребенок - прирожденный убийца. Может быть. Но сегодня в Тиргартене я видел, как многие из них кормили белок и уток своим пайковым хлебом.

Берлин, 2 мая

День скорби для союзников. В номере Джо мы слушали печальные новости в вечерней шестичасовой передаче Би-би-си. Чемберлен только что объявил об ужасном поражении в палате общин. Британские войска, которые высадились южнее Тронхейма и в течение десяти дней оказывали сопротивление немцам, наступающим на Тронхейм от Осло, эвакуированы через Ондалснес - их береговую базу. Таким образом, англичане потеряли Южную и Центральную Норвегию наиболее важные ее части. Живущие на этой обширной территории норвежцы, которые вели героическую борьбу, брошены на произвол судьбы. Чемберлен признал, что именно германская авиация помешала англичанам выгрузить танки и артиллерию в Ондалснесе. Ну а как насчет хвастливого заявления Черчилля 11 апреля? Как насчет британского флота?

То, что германская армия успешно продвинулась более чем

на двести миль на север по долинам Эстердаль и Гудбрандсдаль от Осло до Тронхейма и в то же время легко удерживала последний малыми силами под натиском союзников одновременно и с севера и с юга, действительно впечатляет. Весь захват Норвегии, хотя и с помощью самого подлого предательства, это, несомненно, блестящее военное достижение. Англичане со всей их военно-морской мощью не смогли за три недели взять даже Нарвик.

Чемберлен хвалился, что в результате частичного уничтожения германского флота союзникам удалось укрепить свои военно-морские силы в Средиземном море. Таким образом, блеф Муссолини, что он может ввязаться в войну вслед за Гитлером, старик воспринял всерьез. Дело, конечно, не в этом. Нам здесь кажется невероятным, чтобы Британия вывела свой флот, который мог бы обеспечить ей взятие Тронхейма и разгром Гитлера в Норвегии, чтобы укрепить свои позиции против мощи итальянских жестяных корыт в Средиземном море.

Берлин, 4 мая

Британцы в беспорядке бежали из Намсуса, что севернее Тронхейма, завершив тем самым провал союзной помощи жителям Центральной Норвегии.

Где же был британский флот, который, как с гордостью заявлял Черчилль всего две недели назад, прогонит немцев из норвежских вод? Смотрел сегодня немецкую кинохронику. В ней показано, как немцы выгружают танки и тяжелые орудия в Осло. Кроме того, что союзники использовали подлодки, да и то, очевидно, не в большом количестве, они не делали серьезных попыток прекратить снабжение германских войск в Норвегии через Осло. Они не рискнули даже эсминцами в Скагерраке и Каттегате, не говоря уж о крейсерах и линкорах.

Не означает ли это, что во время короткой норвежской кампании авиация доказала, что она вытеснила флот? По крайней мере, в пределах досягаемости ваших наземных баз? В 1914-1918 годах такая уверенность немцев, как сейчас, была бы немыслимой. Когда же у люфтваффе появились полевые аэродромы в Дании и Норвегии, флот союзников не только не предпринял рейд в пролив Каттегат, чтобы остановить переброску германских войск и вооружения в Осло, но даже не попытался действовать в Тронхейме, Бергене или Ставангере, за исключением единственного обстрела аэродрома в Ставангере в течение восьмидесяти пяти минут в первую неделю войны. Теперь немцы похваляются, что военно-воздушные силы доказали свое превосходство над мощью флота.

Что получается в итоге? Самолеты Геринга выполнили в

Норвегии четыре жизненно важных задачи: 1) сохранили морской путь через Каттегат в Осло свободным от британских кораблей и обеспечили таким образом основным сухопутным силам Германии беспрепятственную переброску личного состава, танков и артиллерии; 2) предотвратили (или успешно отбили охоту) нападение британского флота на жизненно важные занятые немцами порты Ставангер, Берген и Тронхейм; 3) постоянно нанося бомбовые удары по тем портам, где разгружались суда союзников, они сделали почти невозможной для англичан доставку тяжелой артиллерии и танков, как это признал мистер Чемберлен; 4) сбрасывая бомбы и обстреливая из пулеметов позиции противника с воздуха, они значительно облегчили германским сухопутным частям продвижение по труднопроходимой территории. Иными словами, они круто изменили войну в Северном море и вокруг него.

Сегодня я разговаривал с одним знакомым из полиции. Он считает, что через несколько недель война перерастет в бомбардировку больших городов, и даже с применением газов. Я согласен с ним. Гитлер хочет закончить войну этим летом, если может. Если не может, то, несмотря на все германские победы, он, вероятно, проиграл.

Вышедший сегодня декрет разъясняет, что хотя топлива и много, но потребление его и дальше будет сокращаться. Изымается из эксплуатации много легковых и грузовых автомобилей. Возникает два вопроса: 1) запасы не настолько велики? 2) теперь, когда британский флот вытеснен из Намсуса и Германия выиграла войну в Норвегии, имеющиеся запасы топлива понадобятся для будущих широкомасштабных военных действий?

В сегодняшних немецких газетах полно обвинений Британии в том, что она намеревается "распространить войну" в Средиземное море, на Балканы и кое-куда еще. Я так понимаю, имеется в виду Голландия.

Видимо, чтобы немного отвлечься, читал после обеда некоторые письма Гёте. Напоминания о бедствиях, причиненных Германии Наполеоном, приободрили. По всей видимости, с Йеной, расположенной вблизи гётевского Веймара, французские войска обошлись совсем плохо. Но, несмотря на все это, великий поэт никогда не теряет надежды. Он не устает повторять, что Человеческий Дух восторжествует, европейский дух. Но где сегодня европейский дух в Германии? Мертв... Мертв...

Гёте без конца толкует о том, что писатель может осуществить задуманное только отойдя от дел мирских, когда он должен работать. Он жалуется на то, что мир лишь берет, но не дает. Некоторые письма великого поэта, касающиеся местных

административных проблем в Веймаре, забавны. В нем есть немного ворчливости. И - удивительно - он весьма подобострастно относится к своему правителю-принцу!

Берлин, 6 мая

Бернгард Руст, нацистский министр образования, в сегодняшней передаче для школьников очень хорошо формулирует образ мышления немцев в нынешнем, 1940 году. Он говорит: "Бог создал мир как место для труда и битвы. Тому, кто не понимает законов жизненных битв, будет объявлено поражение, как на боксерском ринге. Все, что есть хорошего на этой земле, - это призовые кубки. Их завоевывает сильный. Слабый их теряет... Немцы под руководством Гитлера не использовали оружие, чтобы вторгаться в чужие земли и заставлять другие народы служить им. Их заставили взяться за оружие те государства, которые преграждают им путь к хлебу и единству".

Мне начинает казаться, что неотложная проблема Европы не коммунизм или фашизм - и следовательно, она не является социальной. Эта проблема германизм, образ мышления, так ясно выраженный Рустом. Пока она не будет решена, мира в Европе не будет.

Сегодня немецких школьниц попросили приносить в школу остающиеся на расческах волосы. Их будут собирать, чтобы делать из них войлок.

Берлин, 7 мая

Уже дня три или четыре германские газеты проводят чудовищную кампанию, чтобы кого-то убедить, будто союзники, потерпев неудачу в Норвегии, готовы стать "агрессорами" в некой другой части Европы. Шесть недель назад мы наблюдали подобную кампанию, призванную убедить кое-кого, что союзники собираются стать "агрессорами" в Скандинавии. Потом Германия под предлогом агрессивных намерений союзников вторглась туда сама.

Куда Германия войдет в следующий раз? Подозреваю, что в Голландию, отчасти потому, что это единственное место, не упоминаемое особо в этой пропагандистской кампании. Или не собираются ли союзники, оттянув немецкую армию далеко от родных баз в Норвегию, заманить ее теперь далеко на Балканы?

Занятно читать сегодняшние заголовки: "ЧЕМБЕРЛЕН, АГРЕССОР", "ПЛАНЫ НОВОЙ АГРЕССИИ СОЮЗНИКОВ!". Если бы немцы настолько не истощили себя умственно или не были бы настолько бестолковы, то смогли бы уловить в этом юмор.

Мое предположение: через несколько недель война будет идти во всей Европе. И в конце концов, с применением всех видов

средств: бомбардировки городов, газ и все остальное.

Берлин, 8 мая

Невозможно было не заметить сегодня ощущения напряженности на Вильгельмштрассе. Что-то назревает, но что - мы не знаем. Ральф Барнес, только что вернувшийся из Амстердама, рассказывает, что охранники в поезде, в котором он ехал, зашторили окна на первые двадцать пять миль пути от голландско-германской границы к Берлину. Я слышу, что голландцы и бельгийцы нервничают. Надеюсь, что это так. Им следовало бы нервничать. Сегодня телеграфировал в Нью-Йорк, чтобы они задержали пока Эдвина Хартрича в Амстердаме. Его хотели отправить в Скандинавию, а там война закончилась.

Сегодня прямо перед моим выходом в эфир позвонил Фред Экснер и сообщил, что Уэбба Миллера нашли мертвым на рельсах у железнодорожного узла Клэпхэм, недалеко от Лондона. Это известие глубоко потрясло меня. Я знал его двенадцать лет, любил его, восхищался им. В первые годы моего репортерства здесь он опекал меня и всячески помогал. За последние десять лет наши пути часто пересекались: в Индии, на Ближнем Востоке, на Балканах, в Германии, в Женеве, Италии и, конечно, в Лондоне, где он работал ведущим корреспондентом и возглавлял европейский отдел. Уэбб был чрезвычайно скромным человеком, несмотря на свою выдающуюся - как ни у кого из американцев в те времена журналистскую карьеру. Успех никогда не кружил ему голову. Я помню, как во время многих важных событий он бывал нервным и возбужденным, но во время интервью - таким застенчивым, будто он самый молодой и неопытный из нас. Застенчив он был необычайно и так от этого и не избавился. Что же явилось причиной смерти? Усталость? Сонное состояние? Я знаю, что это не было самоубийство.

Вчера вечером ездил за город посмотреть фильм о разрушениях, нанесенных германской авиацией в Польше. Он назывался "Крещение огнем". С бесстыдством показано бессмысленное уничтожение польских городов и деревень, особенно Варшавы. Немецкая аудитория смотрела фильм в гробовом молчании.

Позднее. Сегодня мои цензоры отнеслись ко мне благосклонно. Позволили очень прозрачно намекнуть, что следующий удар Германия нанесет на западе Голландия, Бельгия, линия Мажино, Швейцария. Вечером город полнился слухами. На Вильгельмштрассе особенно злятся на сообщение АР о том, что две германские армии, одна из Бремена, другая из Дюссельдорфа, движутся по направлению к голландской границе.

Берлин, 9 мая

Какая жуткая ирония в том, что Уэбб Миллер, который большую часть жизни из последних двадцати четырех лет провел освещая различные войны, и часто под огнем, благополучно пережил все это лишь для того, чтобы погибнуть, выпав из вагона вдали от поля боя! В германской прессе сегодня много абсурдных статей насчет того, что Уэбб был убит британской секретной службой. Это не просто чушь. Это подло. (Что происходит в душе людей, которых ежедневно пичкают подобной ложью?)

Сегодня Гитлер, отдавая приказ освободить часть норвежских пленных, заявляет: "Против воли германского народа и его правительства король Норвегии Хаакон и его военщина привели свою страну к войне с Германией!"

Позднее. Кричащие заголовки в сегодняшних вечерних газетах увеличились в размерах, все мечут громы и молнии, обвиняя Англию в том, что она планирует крупный акт агрессии - где-то. "БРИТАНИЯ ЗАМЫШЛЯЕТ РАСШИРЕНИЕ ВОЙНЫ", - вопят они.

Что и заставило меня сказать в вечернем эфире: "Не важно, кто ее расширяет, но почти не остается сомнений в том, что она будет расширена. И вполне возможно, как многие здесь полагают, что эта война завершится до конца лета. Люди каким-то образом чувствуют, что Духов день в конце этой недели будет последним праздником, который увидит Европа в ближайшее время".

Цензорам этот абзац не понравился, но после долгих пререканий они разрешили его оставить. Для них главное было, чтобы вопрос не ставился так, будто Германия расширяет войну.

Берлин, 10 мая

Удар на западе нанесен. Сегодня на рассвете немцы вошли в Голландию, Бельгию, Люксембург. Это заявка Гитлера на победу сейчас или никогда. Очевидно, это правда, что Германия не сможет долго продержаться в экономической войне. Поэтому он и нанес удар, пока еще его армия имеет все необходимое, а военно-воздушные силы превосходят авиацию союзников. Кажется, он понимает, что рискует всем. Приказ по войскам он начинает так: "Час решающего сражения за будущее германской нации настал". И заканчивает словами: "Сражение, которое начинается сегодня, решит будущее германской нации на тысячу лет". Если он проиграет, то так и будет.

Насколько я понимаю, у Гитлера было три пути: ждать и вести войну на экономическом фронте, как он делал это всю зиму; драться с союзниками где-нибудь в удобном месте, например на Балканах; искать решения на западе, прорываясь через нейтральные Голландию и Бельгию. Он выбрал третий путь, самый рискованный.

Не могу сказать, что я был готов к этому. На самом деле после обычного ночного эфира, начинавшегося без четверти час, я крепко спал, пока в семь утра не зазвонил телефон. Звонила одна из девушек с радио. Она и сообщила мне эти новости.

"Когда вы хотите выйти в эфир?" - поинтересовалась она.

"Как только смогу добраться до студии".

"В восемь Риббентроп проводит пресс-конференцию в МИДе", - выдает девушка.

"Я ее пропущу, - отвечаю я. - Сообщите в Нью-Йорк, - пошлите им срочную телеграмму, - что я выйду в эфир через час".

На самом деле прошло два часа или около того, прежде чем я смог выйти в эфир. Пока оделся, пока добрался до Дома радио, пока все выяснил. На радио все были сильно возбуждены, и мне не сразу удалось вырвать из рук немецких дикторов различные коммюнике. К счастью, цензоры, которые получили секретную информацию, видимо еще ночью, были на работе и задержали меня не надолго. Единственное, чего было нельзя, так это называть действия немцев в Голландии и Бельгии "вторжением". Они это отрицали. Я вспылил, но в конце концов решил, что может оказаться еще хуже, если не заменить его в сообщении на слово "вступление", Дав хоть таким образом радиослушателям в Америке узнать новости из Берлина. Я был не в восторге от такого компромисса. Но вопрос стоял так, что пришлось бы ради одного слова пожертвовать всем сообщением. И во всяком случае, Америка узнала о вторжении, как только оно состоялось.

Позднее. Должен сказать, что люди в Берлине восприняли известия о сражении, которое, по словам Гитлера, определит их будущее на ближайшую тысячу лет, с обычным спокойствием. Никто не толпился у рейхсканцелярии, как это обычно бывает в дни великих событий. Немногие побеспокоились приобрести дневные газеты с этими новостями. Экстренные выпуски Геббельс почему-то запретил.

Германский меморандум, "оправдывающий" эту последнюю агрессию Гитлера, был вручен посланникам Голландии и Бельгии в шесть часов утра, примерно через полтора часа после нарушения немецкими войсками их нейтралитета. Этим они установили, я считаю, новый рекорд цинизма и откровенной наглости - даже для Гитлера. Он требует от правительства обеих стран отдать приказ не оказывать сопротивления германским войскам. "Если германские войска встретят сопротивление в Бельгии или Голландии, - продолжает он, - оно будет подавлено всеми возможными средствами. Ответственность за последствия и кровопролитие, которые в этом случае неизбежны, будут нести только бельгийское и голландское правительства".

В меморандуме, зачитанном Риббентропом на пресс-конференции в восемь утра, утверждается, что Британия и Франция готовились напасть на Германию через Нидерланды и рейх счел необходимым направить туда собственные войска, чтобы "защитить нейтралитет Бельгии и Голландии". Это бессмысленное лицемерие "подкреплено" фальшивым "документом" от верховного командования, которое утверждает, что у него есть доказательства готовности союзных войск вступить в Бельгию и Голландию и попытаться захватить Рур.

Очевидно, что германская армия нанесла удар всеми имеющимися в ее распоряжении средствами. Авиация постаралась изо всех сил и, видимо, собирается в полной мере использовать свое превосходство над союзниками. Верховное командование сообщает, что на рассвете люфтваффе бомбили множество аэродромов в Голландии, Бельгии и Франции, в южном направлении до самого Лиона. И еще одна новость: в коммюнике говорится, что германские войска осуществили воздушный десант во многие аэропорты Бельгии и Нидерландов. Немцы заявляют, что они захватили летные поля и оккупировали прилегающие территории. Видимо, они сбросили тысячи парашютистов, хотя цензор верховного командования и запретил мне рассказать об этом в сегодняшнем эфире. Сообщения о том, что немецкие парашютисты уже оккупировали часть Роттердама, не подтверждаются. Это немыслимо, но после Норвегии всякое может случиться.

Первые германские сводки сообщают, что немцы форсировали реку Маас (Мейзе) и захватили Маастрихт, а также прошли через Люксембург в Бельгию. Вечером германская армия расположилась перед Льежем, который в 1914 году был захвачен ею в течение нескольких дней. Там Людендорф впервые привлек к себе внимание.

Началась также война с мирным населением. Противоположная сторона сообщает, что многие погибли при налете немецкой авиации. Вечером немцы заявили, что три самолета союзников сбросили бомбы в центре Фрайбурга, убито двадцать четыре мирных жителя. Чтобы дать представление о том, каковой будет нынешняя фаза войны, в вечернем германском коммюнике говорится, что "отныне в ответ на каждую бомбардировку мирного германского населения в пять раз большее количество немецких самолетов будут бомбить английские и французские города". (Обратим внимание на прием, используемый нацистской пропагандой: 1. Такое заявление является частью психологической войны с противником. 2. Цель его - заставить немецких граждан терпеть бомбежки, заверив их,

что англичанам и французам живется в пять раз хуже.)

Это один образчик. Вот другой: когда бельгийский и голландский посланники обратились за своими паспортами на Вильгельмштрассе и одновременно выразили решительный протест против грубого нарушения нейтралитета их стран, тут же было опубликовано официальное заявление. В нем говорится, что "ответственный сотрудник (МИДа), ознакомившись с содержанием нот, которое отличало высокомерие и глупость, отказался принять их и предложил обоим посланникам обратиться за паспортами в обычном порядке"! Немцы сошли с ума.

Устал после целого дня, проведенного в эфире, и под ложечкой сосет.

Берлин, 11 мая

Германский паровой каток утюжит Голландию и Бельгию. Сегодня вечером немцы заявляют, что захватили важнейший, по словам верховного командования, форт Льежа Эбен-Эмаэль, который возвышается над местом слияния Мааса и Альберт-канала. Верховное командование под руководством Гитлера не упускает возможности для пропаганды и, создавая некоторую таинственность, сообщает, что форт был взят с помощью "нового способа атаки". История повторяется? В 1914-м, когда немцы захватили Льеж за двенадцать дней, германская армия тоже преподнесла сюрприз - новую 420-миллиметровую гаубицу, которая разнесла бельгийские форты, как будто они были построены из дерева.

Немцы хранят молчание по поводу своих войск, высадившихся в голландском тылу в Гааге и Роттердаме на парашютах и планерах. Но верховное командование, уязвленное сообщениями союзников, опровергло сегодня, что голландцы захватили аэродромы в Гааге и Роттердаме. Значит, у парашютистов тоже есть переносные радиостанции!

Странным выглядит безразличие людей перед лицом этого решительного поворота в войне. Большинство немцев, с которыми я сегодня встречался, не считая официальных лиц, погрузились от полученных новостей в глубокую депрессию. Вопрос: сколько немцев поддерживают эту последнюю, отчаянную попытку Гитлера? Когда мы говорили на эту тему сегодня в "Адлоне", большинство корреспондентов согласились: много, очень много. И все же я не мог найти ни одного немца, который действительно верит объяснениям Гитлера, будто тот вошел в нейтральные страны, территориальную целостность которых он гарантировал, чтобы воспрепятствовать аналогичному шагу, якобы планируемому союзниками. Даже для немцев это очевидная ложь.

Геббельсовская пропагандистская машина, набирая обороты, обнаруживает сегодня, спустя сутки после официального сообщения о гибели двадцати четырех человек в результате бомбежки во Фрайбурге, что тринадцать из них были дети, мирно резвившиеся на городской площадке для игр. Что делает орава детишек на игровой площадке в разгар воздушного налета? Это специальная фальшивка Геббельса, сфабрикованная, видимо, для того, чтобы оправдать убийства мирных граждан противника.

Сегодняшние берлинские газеты вышли с огромными заголовками о "позорных" протестах Нидерландов, Бельгии и Люксембурга против вторжения на их территорию.

Вчера нацисты заперли в "Кайзерхоф" всех голландских журналистов, которые не поддерживают нацистов, включая Гарри Масдайка, не очень верившего, что такое произойдет, когда уже происходило. Голландка-репортер из нацистской голландской газеты со вчерашнего утра сидит на радио и передает голландцам лживые сообщения на их родном языке. Своего рода леди Хау-Хау.

У меня еще один эфир в четыре тридцать утра, когда в Нью-Йорке всего десять тридцать прошлого вечера. На работе я с восьми утра.

Берлин, 12 мая

Воскресенье, я немного поспал. Дневную передачу взял на себя Хилл.

Всего лишь после двух дней боев верховное командование заявляет: немцы оккупировали всю северо-восточную часть Голландии к востоку от Зюйдер-Зее, прорвались через первую и вторую линии обороны в центр Голландии и проникли в восточный фланг бельгийской линии обороны вдоль Альберт-канала. Примерно год назад я видел этот канал, бельгийцы укрепили его рвами, которые выглядят как глубокие, труднопреодолимые противотанковые ловушки с очень крутыми каменными стенками. Неужели бельгийцы не взорвали мосты?

Сегодня в Берлине обычный воскресный день, никаких признаков, что берлинцы сильно озабочены битвой за свое тысячелетнее существование. Кафе приказано закрыть в одиннадцать вечера, вместо часа ночи. Это вынудит людей разойтись по домам до начала воздушных тревог, хотя у нас их пока и не было. Заодно на время запрещены и танцы. Вечером радио предупредило, что если с немцами в Голландии будут дурно обращаться, то есть "богатые возможности ответить тем же многочисленным голландцам, проживающим в Германии".

Берлин, 13 мая

Ошеломляющие новости. Заголовки газет в пять часов вечера:

"ЛЬЕЖ ПАЛ!", "ГЕРМАНСКИЕ СУХОПУТНЫЕ ЧАСТИ СОВЕРШАЮТ ПРОРЫВ И УСТАНАВЛИВАЮТ КОНТАКТ С АВИАДЕСАНТНЫМИ ЧАСТЯМИ ВБЛИЗИ РОТТЕРДАМА!".

Неудивительно, что один немецкий офицер сказал мне сегодня, что даже верховное командование слегка озадачено темпами.

Авиадесантные части - это парашютисты и те, кто приземлился на планерах на пляже около Гааги в первый же день кампании. Именно они захватили часть Роттердама (!), включая аэропорт, хотя у них не было артиллерии, а у голландцев ее должно было быть немало, ведь они народ богатый: Каким образом германские сухопутные части смогли свободно пройти через южную часть Голландии к морю, для всех здесь остается загадкой. Это могли быть только моторизованные войска, а в Голландии на их пути множество рек и каналов. Предполагается, что голландцы должны были взорвать мосты.

"СВАСТИКА РЕЕТ НАД ЦИТАДЕЛЬЮ ЛЬЕЖА", сообщают заголовки нынешним вечером. Очевидно, германская армия, форсировав Альберт-канал, окружила Льеж с северо-запада, где оборона была слабее всего, потому что бельгийцы ожидали удара с противоположной стороны. В 1914 году Льеж продержался двенадцать дней. Сейчас пал через четыре, что печально для союзников.

Зарубежные радиостанции продолжают сообщать о немецких парашютистах, сбрасываемых на всю территорию Бельгии и Голландии, которые захватывают аэропорты и города. (Мы пока не можем получить здесь никакой информации на эту тему.) Это новый вид боевых действий, и нам интересно узнать, какова их действенность, если она есть, в длительной и трудной кампании, не окажется ли она еще одной легкой победой Германии.

Вчера вечером премьер-министр Франции Рейно объявил, что немецкие парашютисты, которых обнаружат в тылу одетыми во что угодно, но не в германскую форму, будут расстреляны на месте. Сегодня вечером на Вильгельмштрассе нас проинформировали, что за каждого расстрелянного германского парашютиста немцы казнят десятерых французских военнопленных! До чего же немцы приятные люди! Это возвращает нас на тысячу или две тысячи лет назад. Но учтем, что это только часть нового гитлеровского способа террора.

Сегодня провел некоторое время в нашем посольстве. Все подавлены известиями, и большинство считает, что - на четвертый день наступления! - с союзниками покончено. Я пытался вспомнить, каким черным показался август 1914 года Парижу и Лондону, когда немцы обстреливали столицу и

французское правительство сбежало в Бордо. Прошлой ночью Тэсс сказала по телефону, что швейцарцы призвали в армию всех годных к службе мужчин. Когда придет очередь Швейцарии? Я попросил ее забронировать билет на ближайший пароход и уехать с ребенком домой. Она не хочет. Ее аргументы: она должна вести дела в нашем женевском офисе, она не любит, когда семья так разбросана, и теперь, когда война становится настоящей, она хочет ее увидеть.

Берлин, 14 мая

Сегодня вечером все мы были потрясены новостями.

Голландская армия капитулировала - после всего-навсего пяти дней боев. Что случилось с их знаменитыми каналами, которые считались непреодолимыми? С их более чем полумиллионной армией?

За час до того, как мы узнали об этом из специального коммюнике, нам сказали, что пал Роттердам. "Под ужасным впечатлением от германских пикирующих бомбардировщиков и неминуемой атаки немецких танков город Роттердам капитулировал и тем самым спас себя от разрушения", - говорится в сообщении немцев. Так мы впервые узнали, что Роттердам подвергался бомбардировкам и его собирались разрушить. Сколько же мирных граждан было убито там, на этой войне, которую Гитлер "обещал" не вести против гражданских лиц? Что, этот город с населением около полумиллиона человек был военным объектом, подлежащим уничтожению?

Совершив прорыв у Льежа, немцы, как они заявили сегодня вечером, проникли во вторую линию бельгийской обороны северо-западнее Намюра. Они должны быть совсем близко от Брюсселя. На немцев работают танки и авиация, особенно авиация. Как же преступно было со стороны англичан и французов пренебречь своими военно-воздушными силами!

Уже надоело слушать, как обставляет германское радио каждое сообщение о новой победе. Программа прерывается, звучат фанфары, потом зачитывают коммюнике, а после этого хор исполняет хит сезона: "Мы идем вперед на Англию". В случае больших побед дополнительно звучат два национальных гимна.

Берлин, 15 мая

Сегодня у иностранных корреспондентов и дипломатов лица сильно вытянуты от удивления. Верховное командование заявило, что прорвана линия Мажино в районе Седана и германские войска форсировали реку Маас и у Седана, и севернее - между Намюром и Живе. Тому, кто видел эту глубокую, заросшую густыми лесами долину Мааса, кажется просто невероятным, что немцам удалось пройти через flee так быстро, если хоть какая-

нибудь вообще армия защищала правый берег. Но обе воюющие стороны говорят о крупных танковых сражениях западнее Мааса.

Почти все мои друзья потеряли всякую надежду, но не я, пока. В августе 1914-го в Париже, когда ничто не могло преградить путь германской армии к столице, все, должно быть, выглядело еще мрачнее. Наши военные напоминают нам, что главное сражение еще не началось, что немцы еще не столкнулись с основными силами французских и британских армий. И у бельгийцев еще полмиллиона человек в строю. Сегодня линия обороны, занимаемая союзниками, проходит приблизительно через Антверпен, Лувен, Намюр, далее вниз по Маасу к Седану, но немцы форсировали реку в нескольких местах.

Сегодня из Рима хлынули слухи, что Италия - теперь, когда Германия, кажется, побеждает, - может в конце этой недели ввязаться в войну. Утром из Женевы позвонила Тэсс и сообщила мне эти новости. Я снова умолял ее уехать с ребенком, и она наконец решилась. Вместе с миссис В. и двумя ее детьми они будут пробираться через Францию в Испанию. Из Лиссабона они могут улететь в Нью-Йорк. Весь день переживал по этому поводу. Если Италия нападет на Францию, поездка транзитом из Женевы в Испанию окажется малоприятной, а то и невозможной.

Похоже, что причиной вчерашней капитуляции Голландии были жуткие немецкие бомбардировки Роттердама и угрозы сделать то же самое с Утрехтом и Амстердамом. Гитлеровский метод оказания поддержки своим войскам с помощью террора или запугивания настолько же совершенный, насколько и дьявольский.

Верховное командование, например, вечером пригрозило бомбить Брюссель, если в нем немедленно не прекратятся все замеченные немецкими самолетами-разведчиками передвижения войск. "Если бельгийское правительство, - говорится в коммюнике, - хочет спасти Брюссель от ужасов войны, оно должно немедленно прекратить все передвижения войск в городе и строительство укреплений".

Славная война...

Берлин, 16 мая

Беспокоюсь за Тэсс и ребенка. Если, как некоторые считают, Италия через день-два вступит в войну, то бегство в этом направлении для них исключено. Сегодня появились сообщения о нарастании активности немцев вдоль швейцарской границы. Теперь нацисты могут в любой момент вторгнуться в Швейцарию. Американское правительство уже порекомендовало находящимся в Швейцарии согражданам немедленно выехать в Бордо, где их

посадят на американские суда. Большинство сотрудников нашего консульства в Женеве уже отправили жен и детей с дипломатическими паспортами через Францию. Я полагаю, Гитлер разбомбит Женеву до основания просто из личной ненависти к Лиге Наций и к тому, что Женева символизирует собой.

Будут ли бомбить Брюссель - после вчерашней угрозы немцев? П., всегда хорошо информированный о намерениях Германии, считает, что в ближайшие сорок восемь часов Гитлер, - это ясно как день, - будет бомбить Париж и Лондон.

Я только что просмотрел на пресс-конференции в министерстве пропаганды не порезанный цензурой ролик кинохроники. Кадры прорыва германской армии через Бельгию и Голландию. Были показаны некоторые из самых разрушительных последствий работы немецких бомб и снарядов. Города безлюдны, кругом трупы убитых солдат и лошадей, от бомб и снарядов в воздухе столбы земли и известковой пыли. Немецкий диктор вопит: "Вот так мы несем смерть и разрушение нашим врагам!" Этот фильм, пожалуй, подвел итог моему представлению о немцах.

На закате дня мы гуляли с Джо Харшем по Тиргартену и пришли к выводу: безжалостное уничтожение противника с помощью взрывчатки и меча - вещь приятная и является осуществлением высокой жизненной цели германского народа; надо разрушить дом врага, убить его жену и его детей. Но пусть он попробует сделать то же самое с немцем - тогда он варвар, убивающий невинных жертв. Мы вспомнили, что фильм возвращал нас к событиям во Фрайбурге, где, как заявляют сейчас немцы, под бомбами союзников погибло около тридцати пяти человек, включая тринадцать детей (хотя Геббельс вспомнил про детей только через сутки после сообщения о бомбардировке и количестве жертв). Вот что с гневом произнес диктор: "Так наши жестокие и бессовестные враги бомбят и убивают, зверски убивают невинных немецких детей".

"Старая история, - сказал я Джо. - Немцы всегда не желают выбирать одно из двух".

Как бы я выдержал эту войну без Тиргартена, одного из прекраснейших, божественных парков! Мы отметили, какая сегодня ярко-зеленая трава, поспорили о достоинствах подстриженных газонов, как у нас дома, и нестриженой травы, выращиваемой, как здесь, на сено. Любопытно, что газонокосилка в Европе практически неизвестна. У небольшого ручья в центре парка листва была сегодня настолько великолепна, что напомнила мне пейзажи Барбизонской школы. Или "Нормандский

пруд с лилиями" Моне. Не хватало только статной дамы, сидящей неестественно прямо в деревенской лодке посреди пруда.

Поймал на коротких волнах Рузвельта, зачитывающего специальное послание конгрессу. Он очень легко справился со своей задачей. "В отличной форме", подумал я. Президент предложил строить по 50 000 (!) самолетов в год и выполнять заказы союзников незамедлительно. Он сказал, что Германия имеет сейчас 20 000 самолетов, против 10 000 у союзников, и продолжает строить их быстрее. Для всех нас здесь это очевидная истина, но обычно, когда мы сообщали об этом, нас обвиняли в том, что мы ведем нацистскую пропаганду. Рузвельта наградили самыми громкими аплодисментами, какие я слышал когда-либо в радиорепортажах из конгресса. То, что они там дома начинают наконец просыпаться, улучшает настроение.

Сколько еще времени пройдет, пока мы не вступим в войну, по крайней мере, не начнем осуществлять крупные поставки союзникам, если еще есть время? Немцы утверждают, что мы уже опоздали. По сообщению Би-би-си, сегодня "Herald Tribune" выступила за объявление войны Германии. В связи с этим некоторые американские корреспонденты рассуждали за обедом, каковы у нас, работающих здесь, шансы выбраться отсюда, если произойдет разрыв дипломатических отношений. Большинство считает, что нас интернируют. Никого такая перспектива не устраивает.

Сегодня мы накануне великого сражения, возможно, решающего, которое должно произойти на линии фронта протяженностью 125 миль - от Антверпена через Намюр до точки южнее Седана. Похоже, немцы собираются бросить в бой все силы, какие у них есть, а их много. Бросок немцев через Бельгию, кажется, вчера был остановлен на реке Маас и чуть севернее реки Диль. Но это только пауза перед заключительной решающей атакой. Гитлер должен победить в ней и во всех сражениях в ближайшие недели или месяцы, иначе он пропал. Его шансы, видимо, очень высоки. Но решающие битвы в истории не всегда выигрывали фавориты.

Берлин, 17 мая

Что за день! Что за новости! В три часа дня верховное командование выступило с ежедневной сводкой. Я бы ни за что не поверил ей, но с первых дней войны в Польше германская армия редко обманывала нас относительно своих достижений. Ее заявления часто звучали неправдоподобно, но в конечном итоге оказывались правдой.

Сегодня верховное командование заявляет, что его армии прорвали бельгийскую оборонительную линию вдоль реки Диль

южнее Вавра и захватили "северо-восточный фасад" крепости Намюр. Но еще важнее в его заявлении то, что линия Мажино прорвана на стокилометровом (!) участке фронта - от Мобежа до Кариньяна, к юго-востоку от Седана. Для союзников это действительно ужасно. И теперь похоже, что обещанная вчера Рузвельтом помощь союзникам, особенно самолетами, которые им так необходимы (немцы ведь выигрывают войну главным образом за счет превосходства в воздухе), придет, когда уже будет поздно. Если, конечно, немцы не замедлили или не остановили наступление. Пока они этого не сделали, - признала вечером Би-би-си. Она сообщила, что бои идут в Ретеле - на полпути от Реймса до Седана, Мы и не предполагали, что немцы прорвались так далеко. Вечером в Доме радио я заметил, что военные впервые заговорили о "французском разгроме".

Я вышел в эфир с экстренной сводкой новостей, как только удалось перевести коммюнике, в три тридцать пополудни. Вернувшись в посольство, заметил, что все ошеломлены этими новостями. Мало кого приободрила и газетная статья, заявляющая, что великий, решающий момент еще не наступил и что впереди у немцев еще трудный путь. Но, черт возьми, это наступление началось всего восемь дней назад. А немцы уже захватили Голландию, половину Бельгии и теперь находятся на полпути от французской границы к Реймсу!

Беспокоюсь за Тэсс. Днем позвонил ей и умолял сегодня же уехать с ребенком через Францию в Испанию. Сейчас, ночью, надеюсь, что она этого не сделала, особенно если французы заставят их ехать сначала на север в Париж, чтобы добраться в Бордо. После сегодняшних известий Париж не то место, куда надо направляться. Немцы могут обойти ее и там. Нервничаю, потому что вечером не смог дозвониться до нее еще раз, и терзаюсь мыслью, что она уже выехала во Францию. Думаю, лучше всего для нее укрыться в какой-нибудь горной швейцарской деревушке. Может, Гитлер не станет бомбить маленькое горное селение.

Сегодня выдался теплый и солнечный день, и по апатичному, почти ленивому состоянию берлинцев, загорающих в Тиргартене, невозможно было представить, что идет решающая битва, может быть, самая главная в этой войне. С начала нового наступления здесь не было ни одной воздушной тревоги, хотя мы слышали, что в городах Рура и Рейнской области они случаются по ночам.

Позднее. Поздно вечером верховное командование сообщило, что на закате германские войска вошли в Брюссель. В течение дня они прорвали оборону союзников севернее и южнее Лувена. События развиваются стремительно. В 1914 году немцам

понадобилось шестнадцать дней, чтобы дойти до Брюсселя. На этот раз восемь.

Берлин, 18 мая

Завтра еду на фронт. Наконец у меня будет шанс увидеть, - может быть, как германский военный колосс проделывал это - с легкостью проходил по Бельгии, Голландии и теперь северу Франции так быстро.

Я колебался в отношении поездки, опасаясь, что во Франции все решится, пока я буду в отъезде, и все основные события в таком случае будут здесь, а я их пропущу. Кроме того, с начала войны в сентябре нам устраивали столько бесполезных поездок, что, скорее всего, мы не увидим ничего действительно интересного.

В конце концов решил все-таки воспользоваться этой возможностью. Выезжаем завтра в десять утра и едем сначала в Аахен. В группе девять человек: четверо американцев, три итальянца, один испанец и один японец.

Сегодня пал Антверпен. И пока германская армия в Бельгии оттесняет союзные войска к морю, южная армия, прорвавшаяся через линию Мажино между Мобежем и Седаном, быстро продвигается к Парижу. Статья в вечернем выпуске хорошо информированной (по военным вопросам) газеты "Borsen Zeitung" намекает, что стягивающиеся к Парижу с северо-востока немецкие войска не обязательно будут пытаться взять Париж сразу, как в 1914 году, а направятся на северо-запад, к портам Ла-Манша, чтобы отрезать Англию от Франции. Вторая группировка, намекает газета, может действовать в другом направлении и попытается взять линию Мажино на востоке с тыла.

Германские сводки признают, что союзники оказывают в Бельгии и во Франции упорное сопротивление, но ударная мощь немецкого металла, особенно танков и самолетов, "оставляет их далеко позади". Возможно, в ближайшие несколько дней я смогу в этом убедиться.

Аахен, отель "Интернейшнл", 19 мая (полночь)

Самое удивительное, что в этом районе Рура, промышленном сердце Германии, которое самолеты союзников должны были (и мы считаем, могли) разнести в считанные дни, ночные бомбардировки англичан нанесли очень незначительный ущерб.

Я думал, что ночные бомбардировки территории Западной Германии, об ужасных последствиях которых хвастливо трубила Би-би-си с самого начала большого наступления, сказались на моральном состоянии людей. Но, проезжая всю вторую половину дня через Рур, мы увидели их, особенно женщин, стоящими на мостах над магистралями и приветствующими войска, которые

направлялись в Бельгию и во Францию.

Мы проезжали через многие центры Рура, которые, как предполагалось, союзники должны были сильно бомбить в последние ночи. Естественно, мы не смогли увидеть все заводы, мосты и железнодорожные узлы Рура, но некоторые мы видели, и с ними ничего не произошло. Мощные сети железнодорожных путей и мостов в районе Эссена и Дуйсбурга, о бомбардировках которых сообщали из Лондона, были целы. В Кельне мосты через Рейн, стоят на своих местах. Заводы по всему Руру дымят как обычно.

За несколько часов до нашего приезда был ночной налет английской авиации восточнее Ганновера. Местные жители рассказали, что было убито двадцать гражданских лиц, все в одном доме. В пятнадцати милях от Ганновера мы заметили в двухстах ярдах от автобана лежащий на поле подбитый тяжелый бомбардировщик "хэндли-пейдж". Жандармы рассказали нам, что он был сбит огнем зенитной артиллерии. Экипаж, состоявший из пяти человек, выбросился на парашютах. Четверо сами сдались бургомистру, одного до сих пор ищут, крестьяне и жандармы прочесывают местность. Мы осмотрели самолет. Задняя кабина бортстрелка очень маленькая и не защищена. Передние двигатели и кабина пилота сильно разбиты и обгорели. Странно: стекло в кабине бортстрелка не повреждено. Немецкие авиамеханики занимаются тем, что снимают приборы и детали из ценных металлов. Немцам все нужно, что ни подвернется. Вокруг стоят сотни крестьян и рассматривают обломки. Они вовсе не выглядят испуганными.

Весь день мы плутали. Нашу колонну из четырех машин вел молчаливый шофер. Наш водитель заметил: "Он такси водил в мирное время. Вечно плутал и всегда выбирал самый длинный кружной путь". Мы уже совсем проехали Кельн, когда за зеленеющими полями заметили башни собора, и повернули назад, только когда проехали полпути к Франкфурту и уже начинало темнеть. К концу путешествия светила почти полная луна, и было очень красиво, когда мы въезжали в Аахен по дороге, укрытой сводами деревьев. На дороге бесконечные колонны войск, на грузовиках и в пешем строю, двигались в сторону фронта, с песнями и в отличном настроении.

(Пример необычайного внимания германской армии к мелочам. На автобане на протяжении трехсот миль от Берлина до Кельна через каждые двести ярдов свален старый сельскохозяйственный инвентарь таким образом, чтобы с любой высоты это смотрелось, как зенитные орудия. Плуги с задранными вверх оглоблями похожи на пушки; бороны, тачки,

сеялки - весь этот хлам старательно установлен таким образом, чтобы выглядеть как деталь зенитного орудия. Пусть пилот союзников, пролетающий над дорогой, проникнется мыслью, что атаковать ее - самоубийство. На карте, найденной в английском самолете, вблизи Гамбурга красным цветом отмечено большое скопление немецкой зенитной артиллерии. Другая задача этой сельхозтехники - конечно, помешать посадке самолетов союзников на шоссе. Этой же цели служат телефонные кабины, установленные на узкой полоске земли между двойными полосами движения.)

Не считая нескольких немецких бомбардировщиков, взлетавших в окрестностях Ганновера, мы за целый день не увидели в небе ни одного самолета, даже когда подъезжали близко к бельгийской границе. Проехали мимо кельнского аэродрома. Он забит самолетами, но ангары не тронуты. Они прекрасно закамуфлированы маскировочными сетями. Очевидно, что ночные налеты британцев не только не вывели Рур из строя, но даже не повредили ни одного аэродрома. Кажется, союзники до сих пор ведут странную войну.

Мой номер в отеле "Интернейшнл" находится на самом верхнем этаже, почти на чердаке. Неприятное место, если ночью налетят английские бомбардировщики. Но вот уже два часа, как стемнело (сейчас час ночи), а их пока нет.

Позднее. Три тридцать ночи. Они прилетели без десяти три. Я проснулся от грохота зенитных орудий и треска пулеметов на крыше дома на противоположной стороне улицы. Судя по звуку моторов и по тому, как непрерывно стреляло зенитное орудие на вокзале в сотне ярдов, от моего окна, англичане бомбили железнодорожный узел Аахена. Никакого сигнала воздушной тревоги не было. Первый сигнал мы получили от внезапного грохота зениток. Я вышел в холл посмотреть, что люди делают в таких случаях, как они реагируют. Шесть испуганных женщин в ночных халатах бешено неслись вниз по лестнице с застывшими от ужаса лицами. Несколько мужчин, мне показалось офицеры, спускались не спеша. Но ни одного из девяти журналистов нашей компании. Бравада? Просто никто не рисковал напрасно, поскольку военные не были напуганы. Налет продолжался двадцать пять минут, потом все затихло. Очень хочется спать, но в пять часов надо вставать.

Аахен, 20 мая (полночь)

Это был знаменательный день в моей жизни. Мне суждено было увидеть разрушения, которые несет война, увидеть то, что пушки и бомбы делают с домами и живущими в них людьми, с городами, мостами, железнодорожными вокзалами, рельсами и

поездами, университетами и старинными зданиями, с солдатами противника, грузовиками, танками и лошадьми, попавшими под огонь.

Зрелище не привлекательное. Нет, его не назовешь приятным. Например, Лувен, старинный университетский город, в ярости сожженный немцами в 1914 году и заново отстроенный - частично с американской помощью. Сейчас большая его часть в развалинах. Огромная университетская библиотека, восстановленная на пожертвования американских школ и колледжей, полностью разрушена. Я спросил у немецкого офицера, что сделалось с книгами.

"Сгорели", - ответил он.

Должно быть, я выглядел довольно-таки шокированным, наблюдая все это разорение и размышляя над тем, какой удар нанесен образованию и культуре и всему прекрасному, что есть в европейской жизни.

Офицер добавил: "Очень плохо. Жаль. Но, дружище, это же война. Поймите".

Я понял. Но это больно.

В передаче, которую мне придется вести из Кельна, если до него доберемся, я подведу итог всему, что сегодня увидел.

Вот почти хронологический отчет.

Сразу, как рассвело, мы выехали из Аахена (Аи-ля-Шапель) и направились через голландскую провинцию Лимбург в Маастрихт. Не похоже, что голландцы оказали здесь сильное сопротивление. Дома целы, окна не разбиты. На редких и нарядных, как игрушечные, голландских домиках следы пулеметных очередей, но не более того. Видно, что голландцы не предпринимали попыток задержать продвижение немцев, взорвав дорогу на Маастрихт. Поврежден лишь один мост через реку. Больше ничего.

Мы пересекали Маас (Мейзе) у Маастрихта. Река в этом месте широкая и представляет собой естественный оборонительный рубеж, но голландцы им не очень-то воспользовались. Мосты взрывали неохотно. Взорван один из семи или восьми пролетов на двух мостах, которые я видел. У немцев, очевидно, были в тылу запасные пролеты, сделанные из стальных рам, и, как только в пределах нескольких часов их доставляли, мосты выглядели как новые. Когда мы проезжали, по обоим мостам грохотали немецкие тыловые части.

7.30 утра. Прибыли на Альберт-канал. С его крутыми берегами высотой по тридцать футов, которые бельгийцы зацементировали, чтобы по ним невозможно было взобраться, он был отличным оборонительным рубежом, особенно против

танков. Вот только мост бельгийцы не взорвали. Я поинтересовался у немецкого офицера почему.

"Мы слишком быстро наступали", - ответил он. Очевидно, здесь произошло то же самое, что и на большинстве других важных мостов через Альберт-канал в направлении к Льежу. Немецкие парашютисты-десантники ударили по мостам с тыла, уничтожили защищающие их пулеметные расчеты, подавили все огневые точки и перерезали провода, ведущие к заложенным в мостах взрывным устройствам, еще до того, как бельгийцы успели их взорвать. Конкретно этот мост через канал на бельгийской стороне защищала долговременная огневая точка на самом мосту и по одной в ста ярдах справа и слева от него. Бункер на мосту, скорее всего, был взят тем же таинственным способом, что и форт Эбен-Эмаэль у Льежа, парашютистами, оснащенными каким-то современным оружием.

Немецкий офицер предупредил нас, чтобы мы не заходили в бункер, потому что там остались мины, но двое все-таки рискнули. Я сразу же заметил, что внутри бункера был пожар. Из чего сделал вывод, хотя и с некоторыми оговорками: у парашютистов, бравших бункер с тыла, наверное, был огнемет, и они огнем уничтожили тех, кто находился внутри. Неподалеку заметил свежие могилы. Над ними высились колья с бельгийскими касками. Возможно, это личный состав дота.

Скорость тоже играла свою роль, создавая эффект неожиданности. Моторизованные германские части пересекли голландскую границу в двадцати милях отсюда в пять часов утра и перебрались через этот канал в Бельгию (минуя Маастрихт, который должен был хорошо обороняться, но не оборонялся) в десять, то есть за пять часов.

Разница между Голландией и Бельгией сразу же бросается в глаза. Как только мы пересекли границу Бельгии, вдоль дороги потянулись кварталы домов, буквально превращенных в пыль. Очевидно, бельгийцы были сделаны не из того теста, что голландцы. Вначале они дрались как львы. За каждый дом.

7.45. Тонгр. Здесь мы в первый раз неожиданно столкнулись с настоящим опустошением. Значительная часть города, там, где мы проезжали, разнесена вдребезги. Железнодорожный вокзал в руинах - видимо, работа пикирующих бомбардировщиков. Все рельсы вокруг покорежены, вагоны и локомотивы сброшены с путей. Мы представили себе, если вообще это можно было представить, ужас местных жителей. Когда в четверг (9 мая) они легли спать, Бельгия пребывала в мире со всем миром, включая Германию. В пятницу на рассвете немецкие бомбардировщики уже нацеливались на вокзал и город, на те самые дома, в которых

люди так мирно заснули, чтобы превратить их дома в обугленную кучу руин. Сам город полностью опустошен. Две-три голодные собаки печально обнюхивают развалины в поисках воды, пищи и своих хозяев.

8.10. Тронд. Этот город находится примерно в двенадцати милях от Тонгра. Пока мы медленно пробирались через развалины на улицах, я сделал несколько черновых заметок: "Дома снесены... хаос... горестные лица бельгийцев... они только сейчас начинают возвращаться... рыдающие женщины... а их мужчины?., где они?., дома здесь бомбили наугад... небрежность летчиков?., или специально?., война на дорогах... германская армия на колесах... немцы просто заполонили все дороги... танки, самолеты, артиллерия, противотанковые орудия, все, что угодно... все утро дороги забиты грузами, марширующими войсками... и, странно, ни одного самолета союзников... эти бесконечные колонны войск, орудий, боеприпасов на всем пути от германской границы... отличная цель!.. Вдоль дороги под палящим солнцем в пыли потоки беженцев... сердце разрывается..."

Беженцы устало плетутся по дороге, на руках у старух дети, их матери тащат семейные пожитки. Кому повезло, везут их на велосипедах. Настоящие счастливчики - на тележках. Их лица - изумленные, испуганные, застывшие от горя и страдания, но полны достоинства. Что только не вынесет человеческое существо! И выживает, и движется вперед! Через несколько часов они будут рыться в обугленных обломках того, что еще позавчера было их домами.

8.30. Тирлемон. Здесь немецкий офицер сказал: "Нам потребовалось пять дней, чтобы дойти до Тирлемона". От Аахена мы проехали уже около ста километров - значит, двадцать километров в день. Неплохо. Кстати, на всем пути я не видел на дороге ни одной воронки от бомбы. Из этого следует, что немецкие летчики, выводя из строя бельгийские железные дороги, старались не трогать дороги или мосты. Очевидно, немецкое командование решило заранее не пытаться использовать бельгийские железные дороги, только автомобильные. Их армия предназначена для передвижения на машинах с бензиновым двигателем.

Мы подъехали к громадной яме, образовавшейся в том месте, где дорога пересекала небольшую речку на въезде в город. Яма тридцать ярдов в диаметре и двадцать пять футов в глубину. Офицер объяснил, что это сделали французы.

"Опытные французские подрывники, - сказал он. - Кое-где они отлично сработали. Но наши танки они не остановили. Танки прошли через завод, который вы видите слева, пробили заводские

стены, как будто они из папиросной бумаги сделаны, форсировали речку в двухстах ярдах выше по течению и атаковали врага. Мы немного времени потеряли, - добавил он, - хотя французы здесь неплохо справились".

Его восхищение французскими подрывниками производило впечатление.

В Тирлемоне множество следов уличных боев. Дома изрешечены автоматными пулями, многие из них артиллерия и штурмовики сровняли с землей.

9.15. Лувен. Старинный университетский город, который немцы в порыве гнева сожгли в 1914 году, теперь снова в значительной степени разрушен. Таково первое впечатление, и оно просто ошеломляет. Квартал за кварталом сплошные развалины. Все еще дымящиеся. Ведь город был взят только два или три дня назад.

Пробираемся через руины к университету, к университетской библиотеке. Она тоже была сожжена немцами в 1914 году и восстановлена (и вновь заполнена книгами?) на пожертвования американских учебных заведений.

"Что случилось с библиотекой?" - спросил я у местного коменданта, пожилого полковника с одутловатым лицом, который определенно не относился к "несочувствующим".

"Через минуту будем там. Сами увидите, - ответил он. Немного помолчал и добавил: - В самом городе была жестокая схватка. Тяжелые уличные бои. Город несколько раз переходил из рук в руки. Только войдем, нас выбивают. Разрушения были неизбежны, майн герр".

Значит, она уничтожена, решил я. Вскоре мы оказались около нее, подъехав через изрытую рядами окопов площадь перед библиотекой. Выходим из машин и смотрим...

Величественное здание библиотеки полностью выгорело. Руины все еще дымятся. Некоторые балки, на которых держится крыша, еще на месте. Фасад в тюдоровском стиле, почерневший от копоти, держится горделиво, но немецкий солдат подбежал предупредить меня, чтобы я слишком близко не подходил, потому что стены могут в любую минуту обрушиться. Но мы все-таки подошли вплотную.

Меня заворожили надписи на камнях. Некоторые я записал на клочке бумаги: "ШКОЛА ФИННА"; "УНИВЕРСИТЕТ РОЧЕСТЕРА"; "АКАДЕМИЯ ФИЛИПСА", "ЭНДОВЕР"; "УНИВЕРСИТЕТ ИЛЛИНОЙСА"; "АМЕРИКАНСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ЖЕЩИН-ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ УНИВЕРСИТЕТОВ"; "СРЕДНИЕ ШКОЛЫ ГОРОДА ФИЛАДЕЛЬФИЯ В ПЕНСИЛЬВАНИИ". И так далее. Эти заведения и многие другие передали деньги на

восстановление библиотеки. Я ищу знаменитую надпись, вокруг которой велось так много глупых споров (сегодня они уже не кажутся такими глупыми) между некоторыми американскими жертвователями и бельгийскими властями в ту пору, когда в 1925 году я впервые приехал в Европу. Тогда здание только что отстроили. Не могу ее найти. Пытаюсь вспомнить точный текст и тоже не могу. Кажется, там было что-то вроде: "Разрушено германской яростью; восстановлено американским великодушием".

"А книги?" - спросил я у коменданта, который все больше производил на меня впечатление порядочного человека.

"Сгорели, - ответил он, - видимо, все".

Ко мне подходит немецкий рабочий с грубой жуликоватой физиономией. Желтая повязка на рукаве говорит о его принадлежности к организации, которая следует за германской армией и расчищает завалы. Он заявляет: "Это сделали англичане. Подожгли перед уходом. Типично для них, не так ли?"

Я ничего не ответил, но потом, оставшись с полковником наедине, рассказываю ему об этом. Он смотрит на меня, пожимает плечами и говорит: "Майн герр, я сказал вам: в городе шло сражение. Тяжелые уличные бои. Артиллерия и бомбы. Вы же видите, как много разрушено. Сам не знаю, почему одно пострадало больше, другое меньше. Рухнула ли библиотека, как другие здания, то ли по иной причине".

Перед нашим отъездом из Берлина к нам на Вильгельм-плац приехал один офицер германской армии, чтобы сообщить: "Джентльмены, мы только что получили сообщение. Из Лувена. Англичане разорили этот прекрасный город. Разорили самым постыдным образом".

Мы провели утро в Лувене, осматривая руины, заглядывая в уцелевшие дома, разговаривая с первыми вернувшимися жителями, а также со священниками и монахинями, некоторые из них пережили уличные бои, забившись в кельи близлежащих монастырей. Мы не видели и не слышали ни одного свидетельства, что город разорен англичанами. И, честно говоря, никто из боевых офицеров такого не говорил.

Когда в девять пятнадцать утра мы въезжали в город, разрушенные улицы были пустынны. Ни одного гражданского лица вокруг, только немногочисленные войска и люди из тыловых частей в чешской военной форме (немецкой не хватает?) или вспомогательных отрядов в невзрачной рабочей одежде и с желтыми нарукавными повязками.

Сорок одна тысяча человек проживали в Лувене до того утра, когда Гитлер двинулся на запад. Неделю спустя, когда нацистская

армия вошла в город, ни осталось никого. Мы так и не смогли выяснить, сколько гражданских лиц было убито. Возможно, что очень немного. Может, и ни одного. Произошло вот что: население, охваченное страхом перед нацистскими ордами и наверняка не забывшее, как входили немцы прошлый раз, в 1914 году, когда в качестве ответной меры якобы против снайперов было расстреляно двести взятых в заложники самых выдающихся граждан города, - покинуло Лувен до прихода германских войск.

Уезжая около полудня, видим первых возвращающихся жителей. Надо видеть их лица! Изумленные, охваченные ужасом, горестные и возмущенные... И все же - преисполненные достоинства! Я понимаю: в такие минуты за маской достоинства на человеческих лицах прячется страдание - это благородно и даже прекрасно. Нашим суперумникам, вроде Олдоса Хаксли, необходимо побольше такого увидеть - во плоти, среди руин.

Наш комендант везет нас в кафедральный собор и ратушу. Они не повреждены, не считая пары окон. В 1914 году они, видимо, избежали пожара, потому что здания не новые. Один немецкий офицер замечает: "У пикирующих есть одно преимущество перед обычными бомбардировщиками".

"Какое?" - спрашиваю я.

"Они более точные. Обратите внимание, как сохранились ратуша и собор. Обычные бомбардировщики, атакуя город, угодили бы в них тоже. Но не наши. Они бьют точно в цель".

Мы зашли в ратушу. В длинном средневековом зале, - возможно, это помещение для приемов, так как находится в передней части здания, - мы сразу видим, что здесь был британский штаб. На большом столе из некрашеного дерева - карты, бумага для записей, бутылки из-под виски и пива, коробки из-под печенья с причудливыми английскими наклейками. Все говорит о том, что англичане были здесь совсем недавно.

Коридор ведет во внутренние помещения поменьше, в которых, видимо, размещались британские офицеры. На столах тоже карты, англо-французские словари. На одном я заметил артиллерийское наставление. В одной из комнат пятна крови на полу. Комендант отважился сообщить, что здесь умерли от потери крови два раненых бельгийца. В каждой комнате под огромными картинами эпохи Возрождения - растерзанные матрасы, на которых спали англичане. Большинство из них в пятнах крови, словно в последние дни на них не столько спали, сколько умирали.

Когда мы покидали ратушу, проходя через зал приемов, я заметил большую бронзовую доску, стоящую у задней стены. Она была испорчена, половина надписи отбита и снята.

"А с ней что?" - спросил я офицера.

Он промямлил что-то насчет чести германских вооруженных сил и что на этой доске была увековечена память о мучениках Лувена - двухстах граждан, расстрелянных в качестве заложников немецкой армией в 1914 году. И всему миру известно, что расстреляли их из-за бельгийских снайперов, убивавших немецких солдат, и что на этой доске было написано что-то о варварстве немцев, и что надо было поддержать честь германской армии, и вследствие этого та часть надписи, где говорилось о "героических жертвах и немецких варварах", была удалена, но зато другая половина, увековечившая героические подвиги бельгийской армии, защищавшей родину в 1914 году, осталась, потому что немцы ничего против нее не имеют - даже наоборот.

Среди развалин на площади железнодорожного вокзала уцелел каменный монумент, у которого немцы и англичане дрались три дня. Он тоже напоминает добропорядочным бюргерам о расстрелянных в 1914 году. На нем даже перечислены их имена. Однако немцы его не взорвали.

На этой площади мы остановились, чтобы перевести дух. Пробираясь через развалины, начинают стекаться испуганные и потрясенные беженцы. Они молчаливы, печальны и полны достоинства. Хотя это и тяжело, но мы останавливаем некоторых из них и задаем вопросы. Наши пытаются докопаться до истины по поводу того, что немцы обвиняют англичан в обстреле библиотеки Лувена, надеясь услышать, что виноваты немцы, и восстановить таким образом против нацистов американское общественное мнение. Но, завидев стоящих рядом с нами немецких офицеров, люди молчали, смущались и ничего не рассказывали. Все утверждали, что ничего не видели. Во время боев их не было в городе. Все бежали в горы.

"Как я мог что-нибудь увидеть?" - возражает старик, со злостью поглядывая на немцев. Бельгийский священник столь же скрытен. "Я находился в келье монастыря, - говорит он. - Молился за свою паству". Немецкая монахиня рассказывает, как три дня пряталась с пятьюдесятью шестью детьми в кельях женского монастыря. Она помнит, что бомбы начали падать утром в пятницу, десятого числа. Что воздушной тревоги не было. Никто не ожидал бомбежки. Бельгия не участвовала в войне. Бельгия никому ничего не сделала... Она замолкает и видит, что на нее смотрят немецкие офицеры.

"Вы ведь немка, не так ли?" - спрашивает один из них.

"Да, - отвечает она и испуганно добавляет: - Конечно, как немка я была рада, когда все закончилось и пришли немецкие войска".

Комендант, приободрившись, хочет свозить нас в монастырь, чтобы поговорить там с другими немецкими монахинями, но мы догадываемся, - что все это в целях пропаганды, и требуем у офицеров двигаться дальше. Выезжаем в Брюссель.

Когда около полудня мы мчимся по пыльной дороге в Брюссель, кто-то из нас замечает Штеенокерзеель и старинный, похожий на средневековый замок, где живет Отто фон Габсбург со своей матерью Зитой, бывшей императрицей Австро-Венгрии. Остановились посмотреть. Здесь бомбили.

Замок Отто представляет собой величественное сооружение, изуродованное многочисленными башнями и сложным очертанием. Вокруг него заболоченный ров. Подойдя поближе, мы увидели, что часть крыши сорвана и одна стена кажется шаткой. Наверняка это последствия взрывной волны от мощного взрыва. Подойдя еще ближе, ви-д4ш две громадные воронки, ставшие фактически частью рва и расширившие его. Здание уцелело только потому, что обе бомбы, минимум пятисотфунтовые, упали в ров, где вода и грязь смягчили силу взрыва. Ров отделяют от замка всего лишь шестьдесят футов, бомбы сбрасывали прицельно. Несомненно, это работа пикирующих бомбардировщиков.

Но зачем бомбить замок Отто Габсбурга? Я задаю этот вопрос одному офицеру. Он не может найти подходящий ответ. В конце концов выдвигает такое предположение: "Наверняка англичане использовали его как штаб. Поэтому он представлял собой настоящий военный объект".

Позже, когда мы обошли весь замок снизу доверху, мы не нашли никаких следов пребывания там англичан. Попав внутрь замка, мы вскоре обнаружили, что он разграблен, но не так уж сильно. Заметно, что обитатели покидали его в большой спешке. На верхнем этаже на полу, на стульях и кроватях разбросана женская одежда, как будто те, кто там находился, не могли решить, что надеть, и у них не было ни времени, ни места для багажа, чтобы взять больше. Все шкафы забиты платьями и парадной одеждой, аккуратно развешенной на плечиках. В одной из комнат, которую занимал мужчина, разбросаны книги, свитера, костюмы, клюшки для гольфа, пластинки и блокноты. Внизу в гостиной, большой комнате, обставленной в ужасном буржуазном вкусе, громадный стол загроможден лежащими в беспорядке книгами, блокнотами и фарфором. Огромная книга про жуков, которую явно кто-то часто листал, возможно Отто. В помещении наверху, которое, как мне показалось, было его кабинетом, мне попалась на глаза книга на французском языке под названием "Грядущая война". Я просмотрел его книги.

Несколько очень хороших на французском, немецком и английском языках. Несомненно, у него был отличный литературный вкус. Много, конечно, его университетских учебников по политике, экономике и пр.

Полчаса мы слонялись по комнатам. Обставлены они в основном небогато. Ванные весьма примитивны. Помню великолепие, виденное мною в Хофбурге, Вене, где так долго царствовали Габсбурги. Совсем не то. Некоторые из нашей компании нагрузились сувенирами, саблями, старинными пистолетами, различными безделушками. Я подобрал страницу из какого-то сочинения на английском языке, которое Отто писал, видимо, когда зубрил английский перед недавним визитом в Америку. Чувствую себя грабителем. Немецкий офицер протягивает мне студенческую фуражку Отто. Я ее безропотно принимаю. Кто-то находит личные визитные карточки Зиты и сует мне одну. На ней написано: L'lmperatrice d'Autriche et Reine de Hongrie{33}. Кладу ее в карман, мародер - вот кто я. Печальная, голодная, недоумевающая собака бродит по комнатам среди разбросанных вещей и провожает нас до машины. Вокруг ни одного человеческого существа.

От Штеенокерзееля до Брюсселя дороги разбиты немецкими военными грузовиками и самоходными орудиями, стремительно движущимися на запад - с правой стороны, а с левой - нескончаемая колонна усталых беженцев, возвращающихся по жаре и в пыли в свои разрушенные города. Перед ланчем в Брюсселе у меня было разыгрался аппетит. Это зрелище отбило его.

2 часа дня. Брюссель. Брюссель уцелел, единственный город в Бельгии, который полностью или частично не лежит в руинах. Гитлер угрожал бомбить или уничтожить его за то, что через него бельгийцы перебрасывали войска, и отныне он не является открытым городом. Возможно, быстрое падение спасло его.

Когда едешь по городу, то там, то здесь попадаются разрушенные дома, на которые упали случайные немецкие бомбы (просто чтобы попугать людей?). А все мосты через канал в центре города, их было более десяти, взорваны англичанами.

Теплый день поздней весны, и на улицах толпятся местные жители. Те же горестные, но полные достоинства лица, что мы видели в других городах. Немецкий офицер, который отвечает за наши четыре машины, останавливается, чтобы спросить у прохожего дорогу к ресторану, где нам заказана еда. Джентльмен, профессорского вида, с бородкой и в широкополой шляпе, указывает направление. Он холодно вежлив. Офицер благодарит его, отдав честь. Профессор чуть приподнимает шляпу.

Вскоре мы уже в центре города, перед Восточным вокзалом, и быстро несемся, немилосердно и без необходимости сигналя, по улице к площади перед отелем "Метрополь". Как много дней и ночей бродил я по этой улице в мирное время, наблюдая добропорядочных бюргеров Брюсселя, размалеванных шлюх, витрины, заполненные товарами, которых не увидишь в Германии: апельсины, бананы, масло, кофе, мясо; фасады кинотеатров с афишами новинок Голливуда и.Парижа, открытые кафе, никогда не пустующие на этой площади.

Обедаем в таверне "Руайаль", где я часто бывал, приезжая в Брюссель: Мне несколько неловко показываться здесь с немецкими офицерами. К счастью, метрдотель и его персонал меня не узнают или делают вид, что не узнают. Ресторан, как и отель "Метрополь", занят армейскими, хотя во время обеда заходят два или три случайных гражданских посетителя, и их обслуживают, видимо, в порядке исключения. Едим мы хорошо. Немцы из министерства иностранных дел и министерства пропаганды и офицеры - особенно. Такая еда в Берлине уже давно недоступна.

Некоторые из нашей компании за несколько минут скупают ресторанные запасы американских табачных изделий. Я беру три пачки "Лаки страйк". Трудно удержаться после года курения гадких сигар в Германии. Приберегу их для завтрака, по одной в день, на потом. Большинство покупают блоками, это успокаивает мою совесть. Расплачиваемся марками по абсурдному курсу - десять франков за одну марку. После ланча большинство наших отправляются мародерствовать со своими бумажными марками, стоящими теперь целого состояния. Покупают обувь, сорочки, дождевики, женские чулки, всё. Один итальянец, помимо обуви и одежды, берет кофе, чай и два галлона растительного масла.

Мы с Ф. отправляемся на поиски магазина, в котором я был постоянным покупателем, не за покупками, а просто поговорить. Магазином управляет жена хозяина. Она еле вспоминает меня. Женщина удивлена, испугана, но храбрится. Она еще не осознает, что произошло. Говорит: "Это случилось так неожиданно. Я все еще не могу прийти в себя. Сначала немцы напали, потом правительство сбежало. Мы не знали, что происходит. Потом в пятницу (сегодня понедельник следующей недели) около восьми вечера вошли немцы". Она признает, что немецкие солдаты ведут себя "корректно".

"А где ваш муж?" - спрашиваю я.

"Не знаю. Он был мобилизован. Ушел на фронт. Больше ничего не слышала. Продолжаю только надеяться, что он жив".

Ввалились два немецких солдата и купили по полдюжины

пачек американских сигарет. В Германии им разрешили бы купить, самое большее, по десятку плохих немецких. Когда они ушли, она сказала:

"Держу магазин открытым. Но надолго ли? Наши товары поступали из Англии и Америки. А еще ребенок. Где взять молоко? У меня есть консервированное месяца на два. А потом..."

Она помолчала. И в заключение высказалась:

"В конце концов, как все будет? Я имею в виду, как вы думаете, будет Бельгия опять такой, как прежде, - независимой, с нашим королем?"

"Ну конечно, если союзники победят, все будет как прежде", - дали мы очевидный ответ.

"Если... Но почему же они так быстро отступают? Вместе с англичанами и французами у нас в Бельгии было больше полумиллиона солдат. И они не продержались столько, сколько горстка бельгийцев в 1914 году. Я этого не понимаю".

Мы тоже не понимали, и мы ушли. В ресторан, подле которого нас ожидали машины, возвращался народ из нашей компании, нагруженный трофеями. Многие еще не вернулись, поэтому мы с Ф. бродили по Ратхаузплац. Над ратушей в солнечном небе развевался флаг со свастикой. В остальном, если не считать толпящихся вокруг немецких солдат, площадь выглядела как обычно. Мы заметили контору американского банка. Зашли и спросили управляющего. До того, за обедом, мы просили немецких офицеров отвезти нас в американское посольство, но они отказались. Персонал американского посольства сбежал вместе с бельгийским правительством, сказали нам. Я возразил, что хотя бы секретарь посольства должен был остаться и исполнять свои обязанности. Нет, уверяли они, остался один привратник. Это была явная ложь, но мы с Ф. сдались. Идти туда пешком слишком далеко, а времени у нас мало.

Двое управляющих банком, один из них приехал из Нью-Йорка за два дня до захвата Бельгии, были рады нас видеть. Они сообщили, что наш посол Кьюдэхай и весь его персонал остались в Брюсселе. Но их лишили возможности связываться с внешним миром. Насколько им известно, все американцы в безопасности. Некоторые пытались с группой еврейских беженцев уехать за пару дней до прихода немцев. Но в двадцати милях от столицы немцы разбомбили железнодорожный мост, и составу пришлось остановиться. Была паника, особенно среди евреев, что вполне понятно. Евреи и пять-шесть американцев решили двигаться пешком в сторону побережья. Остальные, в том числе и один из этих управляющих, вернулись в Брюссель. Никто не знает, что произошло с теми, кто пробивался к побережью.

Некоторые заметки о Брюсселе. Трамваи ходят, но движение частного автотранспорта запрещено. Большинство личных автомобилей немцы реквизировали. Нельзя пользоваться телефоном. Кинотеатры закрыты, а афиши все еще рекламируют французские и американские фильмы. Военные запретили населению слушать зарубежные радиостанции. Повсюду щиты с обращением бургомистра на французском и фламандском языках, призывающим население сохранять спокойствие и с уважением относиться к германским войскам. На американских учреждениях развешаны написанные на бланках посольства уведомления: "Это американская собственность, которая находится под защитой правительства США".

Из Брюсселя выехали далеко за полдень, наши машины забиты трофеями, практически каждый что-то купил. В Аахен вернулись примерно в половине десятого. Мне почти повезло. Договорился с немецкими инженерами о передаче из Кельна в четыре тридцать утра.

Только что закончил подготовку сообщения. Пришлось вытаскивать из постели цензоров из министерства пропаганды и верховного командования, чтобы они его прочитали. Хотя давно уже мало сплю, усталости и сонливости я не ощущаю. Нанял машину с водителем, чтобы добраться до Кельна, это около сорока миль. Он настаивает на том, чтобы выехать сейчас - в час ночи. Говорит, нас будут задерживать войска на дороге, а возможно, и английские бомбардировщики. Однако сегодня ночью их не было видно, несмотря на полную луну.

21 мая, 6.15 утра. Эфир прошел нормально. Никаких английских бомбардировщиков. Из-за светомаскировки трудно было найти радиостанцию. Пока толстая блондинка, стоявшая на крыльце с солдатом, не показала нам, как проехать по Кельну, и это помогло. В студии удалось полчаса поспать, и еще полтора часа подремал на обратном пути в Аахен. Короче, проспал всю дорогу. Был чудный рассвет, и я наконец проснулся, чтобы полюбоваться на него. Теперь позавтракать, и в половине седьмого утра мы снова едем на фронт. Нет времени переодеться, но успел кое-как побриться.

Дополнение к 20 мая. Возвращаясь из Брюсселя в Аахен, мы проезжали мимо группы британских военнопленных. Это было где-то в голландской провинции Лимбург, думаю, в окрестностях Маастрихта. Их согнали на выложенный кирпичом двор недействующего завода. Мы остановились, подошли и поговорили с ними. Вид у них жалкий. Все пленные так выглядят, особенно сразу после боя. У некоторых явные контузии, некоторые ранены, и все смертельно уставшие. Но больше всего меня поразило их

физическое состояние, все с впалой грудью, тощие и узкоплечие. Примерно у трети плохо со зрением, они в очках. Характерно, заключил я, для молодежи, которой Англия столь преступно пренебрегала все двадцать два послевоенных года, в то время как Германия, несмотря на поражение, изоляцию и шесть миллионов безработных, вытаскивала свою молодежь на солнце и свежий воздух. Я спросил у ребят, откуда они родом и чем занимались дома. Примерно половина - из офисов Ливерпуля, остальные служащие из Лондона. Они сказали, что их военная подготовка началась девять месяцев назад, когда объявили войну. Но она, как видно, не помогла наверстать упущенное из-за плохого питания, недостатка солнца, свежего воздуха и физических тренировок в послевоенные годы. В тридцати ярдах от нас в. сторону фронта маршировали немецкие пехотинцы. Невольно сравнивал их с этими английскими парнями. Все немцы загорелые, крепко сложены, на вид здоровые, как львы, грудь колесом и т. д. Это один из аспектов неравной схватки.

Я знал, что английские юноши дрались храбро, как настоящие мужчины. Но храбрость - это не все, этого недостаточно в войне машинного века. Нужно обладать телом, способным выдержать чудовищные нагрузки. А еще, именно в этой войне, необходимо иметь всю боевую технику. Я поговорил об этом с англичанами. Шестеро из них, стоявшие немного в стороне, - это все, что осталось, как они мне рассказали, от роты, вступившей в бой под Лувеном.

"У нас не было никаких шансов, - сказал один из них. - Нас просто давили. Особенно пикирующие бомбардировщики и танки".

"А где же ваши бомбардировщики и танки?" - спросил я ребят.

"Ни одного не видели", - ответили они хором.

У троих солдат грязные окровавленные повязки через глаз. Один из них в особенно тяжелом состоянии, он стоял и скрипел зубами от боли.

"Жаль его, - шепнул мне его товарищ, - остался без глаза. Очень переживает из-за этого".

"Скажите ему, что это не так страшно, - сказал я, пытаясь неловко успокоить его, - я сам потерял один глаз, а вы этого никогда и не заметите". Хотя не думаю, что он мне поверил.

Но в целом, несмотря на контузию, мрачное будущее в качестве военнопленных, они не унывали. Один невысокий парнишка из Ливерпуля улыбнулся глазами сквозь толстые очки.

"Знаете, вы первый американец, которого я вижу. Забавное место для первой встречи, правда?"

Остальные тоже в этом признались, и мы хорошо посмеялись.

Но в душе мне не было так хорошо. Мы с Ф. отдали им все сигареты, что у нас были, и уехали.

Аахен, 21 мая

Сегодня наконец попал на настоящий фронт и воочию увидел мой первый бой. Он шел на берегу реки Шельды в западной части Бельгии. Это был первый настоящий бой, который я видел со времени сражения за Гдыню в прошлом сентябре.

По пути на фронт мы опять проезжали Лувен. Поразительно, сколько людей вернулось. Крестьяне привезли продукты. К нашему удивлению, на разбитой улице работал небольшой овощной рынок.

Направляясь на юго-запад от Брюсселя, мы ехали по дороге на Турнэй, который все еще находится в руках союзников. В Тюбизе, в нескольких милях юго-западнее Ватерлоо, знакомые следы недавних боев: дома вдоль улиц разрушены, кругом полусгоревшие обломки. До сих пор, подумал я, эта война велась вдоль дорог, двумя армиями, передвигающимися на колесах. Почти каждый город частично или полностью разрушен. Но поля по соседству не тронуты. Возвратившиеся крестьяне уже их обрабатывают.

Около полудня мы добрались до Энгиена и поехали в штаб генерала фон Рейхенау, командующего 6-й армией. Штаб расположился в замке неподалеку от города. В парке, ведущем в замок, повсюду стоят зенитные орудия. Это один из прелестных замков эпохи Возрождения, которых так много в сельской местности Бельгии и Франции. Парк и ведущая к нему лужайка были прохладными и зелеными.

Генерал Рейхенау, которого я как-то случайно видел в Берлине перед войной, встретил нас у подъезда. Он, как всегда, загорелый и подтянутый, с неизменным моноклем в глазу. С типично немецкой скрупулезностью и видимой откровенностью, удивившей меня, он рассказывал о боевых действиях, то и дело прерываясь, чтобы ответить на наши вопросы. В короткой телеграмме на Си-би-эс, наспех составленной позже по записям, сделанным во время интервью, я написал:

"Несмотря на успех немцев до настоящего времени, Рейхенау подчеркнул, что до сих пор бои велись только с целью окружения противника, а решающее сражение еще впереди.

- Когда и где? - спросил я у него.

- Где, - засмеялся он, - частично зависит от того, что предпримет противник. Когда и как долго оно продлится - это вопрос будущего. Оно может быть коротким или длительным. Вспомните, предварительное сражение у Ватерлоо продолжалось несколько дней. Решающая битва при Ватерлоо завершилась за

восемь часов.

Рейхенау признался: "Возможно, наше продвижение теперь замедлится, если Вейган решит оказать серьезное сопротивление. Мы начали это сражение, будучи абсолютно уверены в своих силах. Но мы не питаем иллюзий. Мы знаем, что великая битва еще впереди".

Рейхенау сказал, что германские потери относительно невелики, они составляют примерно десятую часть от числа военнопленных противника. Последние официальные данные о численности военнопленных - 110 000 человек, не считая полумиллиона сдавшихся голландцев.

Кто-то поинтересовался, каким образом немецкая пехота так быстро переправилась через реки и каналы, с учетом того, что союзники разрушили все мосты.

- В основном на надувных лодках, - ответил он".

Еще несколько цитат из Рейхенау, которые я записал кратко:

"Гитлер фактически управляет армией из своей ставки. Большинство подрывов мостов и дорог в Бельгии осуществили при отступлении французские специалисты... Я проезжаю в день по 150 миль вдоль фронта и до сих пор не видел ни одного воздушного боя. Нас, конечно, удивило, что союзники не пытались хотя бы бомбить наши переправы на реке Маас и на Альберт-канале. Англичане попытались сделать это только однажды в дневное время. Мы сбили восемнадцать их самолетов. Но нет сомнения, что англичане придерживают свою авиацию. По крайней мере, у меня такое впечатление".

А у меня сложилось впечатление, что это его беспокоит!

Еще несколько записей разговора с Рейхенау:

"У англичан в Бельгии два армейских корпуса, в основном моторизованных. Бельгийцы удерживают северный сектор, англичане - центр и южные фланги... Мы столкнулись с одной марокканской дивизией. Она хорошо сражалась, но им не хватало сил, и долго продержаться они не смогли. В первые дни самый трудный бой шел у Альберт-канала. Затем, позднее, вдоль реки Диль, особенно вокруг Жембло, к северо-западу от Намюра".

Далее несколько вопросов и ответов. Генерал просто-таки в веселом настроении. Он раскован, спокоен, неторопливый. Возникает вопрос: "Есть ли вообще нервы у этих немецких генералов?" Ведь, в конце концов, он управляет огромной армией в важном сражении. В нескольких милях отсюда два миллиона человек пытаются уничтожить друг друга. Он командует почти миллионом из них. Генерал улыбается и весело прощается с нами.

- Я только что дал разрешение повезти вас на фронт, -

говорит он. Его глаза загораются. - Вы можете попасть под огонь. Но вы должны использовать свой шанс. Мы все должны.

Он передает нас на попечение своему адъютанту, который угощает всех великолепным бордо, наверняка из подвалов замка. Потом мы выезжаем на фронт.

Вскоре слышится далекий гул артиллерии. Мы движемся по дороге в Ат, который, я вижу на карте, находится на равном расстоянии от Лилля, все еще удерживаемого французами, и Брюсселя. Все больше признаков того, что бои идут прямо перед нами. Все чаще мимо проезжают машины с красными крестами. Зловоние конских трупов на деревенских улицах. На пастбищах вдоль дороги лежит неподвижный скот, убитый бомбами или снарядами.

Вблизи Ата делаем небольшой объезд и попадаем на чудесную сельскую дорогу. Обер-лейтенант, в недавнем прошлом чиновник министерства на Вильгельмштрассе, а сейчас один из наших сопровождающих, встает, подобно Наполеону, на переднем сиденье своей машины и, отчаянно жестикулируя, подает нам сигналы: сейчас повернуть, сейчас остановиться и т. д. Наши водители, все они солдаты, говорят, что его взволнованные жесты ровным счетом ничего не значат. Ребята, сидящие за рулем в наших машинах, смеются. Но обер-лейтенант явно чует запах сражения, хотя мы еще находимся на некотором расстоянии от него.

Вдруг мы чувствуем жуткий запах. Все, что осталось от небольшой смешанной французской колонны после налета немецкой авиации. Вдоль узкой дороги лежат больше десятка мертвых лошадей, смердя на жаре; два французских танка с разорванной, как папиросная бумага, броней; оставленные шестидюймовое орудие, 75-миллиметровая пушка и несколько грузовиков, брошенных в большой спешке, потому что вокруг них разбросаны котелки, шинели, рубашки, каски, консервные банки и - письма домой женам, девушкам и матерям.

Я замечаю свежие могилы прямо у дороги, каждая отмечена столбиком с надетой на него французской каской. Подобрал несколько писем в надежде, что когда-нибудь смогу отправить их или доставить по назначению и, может быть, объяснить, как выглядит место гибели. Но ни конвертов, ни адресов, ни фамилий не было. Просто написанные наспех строчки: "Моя любимая... дорогая мама..." и т. д. Одно-два просмотрел. Они были написаны, скорее всего, перед началом наступления. В них рассказывается о скуке армейской жизни, о том, как ждут очередного увольнения в Париж...

Зловоние, исходящее от конских трупов на весеннем

солнцепеке, трудно выдержать, хотя кто-то уже присыпал их известью. Поэтому двигаемся дальше. Проезжаем крохотную деревушку. Пять или шесть сельских домиков на пересечении дороги с тропой. На выгонах пасется рогатый скот. На скотных дворах визжат свиньи. Все хотят пить, но фермерские дома безлюдны. Коров не доили несколько дней, и вымя у них болезненно распухло.

Теперь мы очень ясно слышим раскаты орудий. Едем по пыльной дороге мимо нескончаемых колонн немецких грузовиков, везущих солдат, боеприпасы, всем нужное топливо, тянущих за собой пушки, большие и малые. Мост через реку или канал в Лейзе взорван, но немецкие инженеры уже соорудили временный, по которому мы и едем.

Лейзе забит машинами и войсками. Кварталы домов разрушены вдребезги. Некоторые еще дымятся. Мы сделали получасовую остановку на симпатичной маленькой площади, вокруг которой стоят церковь, школа и ратуша или какое-то другое административное здание. В школе расположился пункт Красного Креста. Зашел туда. Семь-восемь санитарных машин стоят в очереди, ожидая, когда разгрузят раненых. Даже в обращении с ранеными здесь такая же механическая обезличенная организация. Ни волнения, ни напряженности. Кажется, что даже раненые играют свою роль в этом гигантском деловитом механизме. Они не стонут. Они не ропщут. Не жалуются.

В ожидании удается слегка перекусить - куском черного хлеба, намазанным каким-то консервированным рыбным рагу. Потом выезжаем на фронт. Перед отъездом дежурный армейский офицер предупреждает нас об опасности. Говорит, что мы должны неукоснительно следовать его инструкциям. Объясняет, что в случае появления самолетов союзников или удара французской артиллерии надо бежать на соседнее поле и залечь ничком. Теперь, когда мы продвигаемся вперед, наша компания немного нервничает. Едем на север, параллельно линии фронта, примерно в пяти милях от него, в Ренэ, быстро пересекаем город, затем опять на север к реке Шельде, где идет бой. На многочисленных подходах к реке в пешем строю разворачивается пехота, первый раз мы видим ее пешей. Тяжелую артиллерию, шестидюймовые орудия на резиновых колесах, тащат вверх по склону холма тягачи на гусеничном ходу со скоростью сорок миль в час удивительное зрелище. (Может быть, в этом и состоит один из военных секретов немцев, что такие большие орудия передвигаются так быстро?) Наконец мы останавливаемся. Скрытая в саду под деревьями справа от дороги батарея

шестидюймовых орудий палит вовсю. Теперь мы видим долину Шельды и склоны на противоположном берегу. Грохочет артиллерия, и секунду спустя видишь на далеких склонах дым от разрыва снарядов. Офицер поясняет, что ведется обстрел дороги в тылу противника. По дыму от каждого разрыва можно проследить изгибы этой дороги на противоположной стороне. Мы выбираемся из машин, но тут же кто-то приказывает вернуться назад. Кто-то объясняет, что мы слишком на виду. Здесь нас может достать авиация или артиллерия противника. И мы быстро разворачиваемся назад, потом поворачиваем на запад и взбираемся на холм, расположенный за пределами артиллерийских позиций, теперь они находятся позади нас и стреляют через наши головы. Здесь в лесу, на самой вершине холма, артиллерийский наблюдательный пункт. Мы сидим на склоне и смотрим сквозь деревья на линию фронта.

Но испытываем разочарование. На самом деле мало что видно. Невозможно узреть пехоту и то, чем она занимается. Офицер поясняет, что бой идет внизу у реки. Союзники удерживают пока оба берега, но отходят вдоль Шельды. Единственным свидетельством участия в бою пехоты является продвижение вперед заградительного огня артиллерии. Потом он прекращается. Потом начинается снова, уже ближе к нам. Из чего следует вывод, что противник контратакует и после заградительного вала огня собственной артиллерии снова должна начаться атака немцев. Офицер, дилетант с Вильгельмштрассе, утверждает, что он видит пехоту. Я хватаю свой бинокль. Но пехота не видна.

По дыму от разрывов снарядов на склонах за Шельдой можно понять, что немцы подвергают жесточайшему обстрелу тыловые коммуникации противника. В бинокль видно, как немцы обстреливают дорогу, точно следуя всем ее изгибам. Спустя некоторое время на той стороне расплывается огромное облако дыма. До сих пор мы не особенно много знали о германской артиллерии как факторе их поразительного успеха. Наше внимание привлекали, главным образом, пикирующие бомбардировщики. Но ясно, что германская моторизованная артиллерия, доставляемая на позиции сразу вслед за наступающими танками со скоростью сорок миль в час, является мощнейшим фактором. Вероятно, союзники не предполагали, что артиллерия может передвигаться столь быстро. Теперь немцы ведут вокруг нас огонь из шестидюймовых орудий и 105-миллиметровых гаубиц. Грохот не такой оглушительный, как я предполагал. Возможно, уши к нему привыкают.

Молодой солдат подходит к нам и пытается вести какую-то

пропаганду. Ни с того ни с сего заявляет, что вчера вечером англичане провели контратаку, дошли как раз до этого леса, где мы находимся, и угнали с собой все гражданское население. На большинство из нас это не произвело впечатления. Я думаю, что если они на самом деле контратаковали и вернулись сюда на один вечер, то большинство мирных жителей ушли с ними по доброй воле, лишь бы не попасть в лапы к немцам. Даже итальянцы смеются вместе с нами.

Я замечаю, что над линией фронта весь день кружатся два-три немецких самолета-разведчика, очевидно корректирующих огонь артиллерии. Они крутятся над полем боя беспрепятственно. Но нет самолетов, корректирующих огонь артиллерии союзников, который нацелен, кажется, исключительно на передовые позиции немцев, а не на их артиллерию, и это странно. Отсутствие разведывательных самолетов само по себе ставит союзников в трудное положение. За весь день мы не увидели практически ни одного их самолета. Пару раз объявляли воздушную тревогу, но они не появились. Как же расплачиваются теперь Англия и Франция за свое преступное невнимание к авиации!

На исходе дня, прошедшего под грохот орудий, артиллерийские части, расположенные рядом с нами, получают приказ продвинуться вперед на новые позиции. Можно предположить, что наступление развивается по плану. Тотчас вокруг нас в зарослях леса начинается движение людей и машин, которых мы даже до этого не заметили, солдаты стряхивают ветки деревьев, так здорово их маскировавшие, и исчезают. Мы бросаем последний взгляд на долину Шельды, на дым, поднимающийся при разрыве снарядов на противоположном берегу реки. Наверное, для немецких офицеров, стоящих рядом с нами, все это имеет смысл. У каждого просвистевшего снаряда свое задание. Каждое орудие и каждый грузовик, который мчится по дороге, следуют в какое-то предписанное им место. Каждый из многих, многих тысяч. На самом деле весь этот хаос (для меня) на поле боя представляет собой картину приведенной в действие хорошо смазанной машины уничтожения.

Мы возвращаемся в Брюссель. Над головой проносятся немецкие пикирующие бомбардировщики, направляющиеся на небольшие вечерние задания. Над Брюсселем демонстративно летают немецкие истребители и бомбардировщики. Это германская идея, как произвести впечатление на население...

До Аахена мы добираемся после полуночи. В Маастрихте немцы ожидают налета британских бомбардировщиков. За четверть мили от восстановленного моста нас останавливает солдат. Все огни следует потушить. Едем по мосту при свете

луны, сегодня почти полнолуние, очень красиво. Через четверть мили за мостом нас опять останавливает солдат, говорит, что фары можно включить. Четкая работа.

Многие ребята из нашей компании вторично ограбили Брюссель и теперь беспокоятся, как бы немцы (которые все еще держат таможенную будку на прежней голландско-германской границе!) не отобрали их трофеи. Но они и не отбирают.

Для эфира уже слишком поздно, поэтому я запишу текст, чтобы передать его по телефону в Берлин, оттуда телеграммой в Нью-Йорк, а там его зачитают по радио. Только уселся писать, как на Аахен налетают англичане. Покидаю свой номер, который расположен выше последнего этажа (на перестроенном чердаке), и пишу сообщение в столовой на первом этаже. Зенитный огонь из орудий всех калибров продолжается. То и дело чувствуешь толчки от бомб и слышишь их взрывы. Наша маленькая гостиница расположена в ста ярдах от вокзала. Англичане, видно, стараются попасть в него и в сортировочную станцию. Доносится рев их больших самолетов, иногда вой немецких ночных истребителей...

Мой заказ на телефонный разговор выполняют в час двадцать утра. Слышно с трудом из-за грохота орудий и разрывов бомб.

Пока готовлю свой материал, все время делаю пометки, как проходит налет авиации.

12.20 ночи - звук зениток.

12.40 - раздается сигнал воздушной тревоги.

12.45 - неожиданно где-то поблизости ударило большое зенитное орудие.

12.50 - звуки авиационных пушек с немецких истребителей.

1.00 - открывают огонь легкие зенитные орудия у вокзала.

1.15 - все продолжается.

Продолжался налет ровно до четырех утра. Но после разговора с Берлином я, почувствовав сонливость, забрался в кровать и тут же уснул.

Берлин, 24 мая

Две недели назад Гитлер начал свой блицкриг на западе. С тех пор произошли следующие события: захвачена Голландия; оккупировано четыре пятых территории Бельгии; французская армия отброшена к Парижу; армия союзников, которая, как предполагалось, насчитывала миллион человек и представляла собой элиту франко-британских вооруженных сил, попала в ловушку и окружена у Ла-Манша.

Надо было увидеть германскую армию в действии, чтобы поверить в это. Вот несколько особенностей, которые, насколько я понимаю, делают ее сильной.

Она обладает абсолютным превосходством в воздухе. Это может показаться неправдоподобным, но на фронте в дневное время я не видел ни одного самолета союзников. Пикирующие бомбардировщики ослабляют оборонительные позиции союзников, и их становится легче атаковать. Они также крушат коммуникации в тылу союзников, сбрасывая бомбы на дороги, забитые грузовиками, танками и орудиями, разрушая стратегически важные железнодорожные вокзалы и узлы. Кроме того, разведывательные самолеты дают германскому командованию полную картину всего того, что происходит. Союзники по сравнению с ними слепы, их самолеты-разведчики появляются редко. И бомбардировщикам союзников своими дневными ударами совершенно не удалось нарушить немецкие коммуникации. Одно из впечатлений, особо поразивших на фронте, это огромные масштабы переброски германских войск, техники и боеприпасов, которая не встречает препятствий. Так как бельгийцы и французы самым тщательным образом разрушали свои железнодорожные мосты, немецкое командование решило использовать исключительно автомобильный транспорт. На фронте целый день, двигаясь со скоростью сорок - пятьдесят миль в час, едешь мимо нескончаемых механизированных колонн. Они тянутся через всю Бельгию без единого просвета. И они быстро продвигаются - тридцать или сорок миль в час. Удивляешься, как им хватает бензина и смазочных материалов. Но они ими обеспечены. Запасы горючего следуют вперед вместе со всем остальным. Каждый водитель знает, где он может заправиться, когда кончается горючее.

Какими отличными целями служили бы эти нескончаемые

колонны, если у союзников были бы хоть какие-то самолеты!

И до чего же великолепна эта машина, которая обеспечивает их бесперебойную работу! Вот фактически главное впечатление, которое остается от наблюдения за германской армией в действии. Это гигантская, бесстрастная военная машина, работающая так же спокойно и эффективно, как, например, наша автомобильная промышленность в Детройте. Непосредственно за линией фронта, где ничего не слышно и не видно от орудийной стрельбы, над головой ревут самолеты, а по пыльным дорогам грохочут тысячи моторов, солдаты и офицеры сохраняют спокойствие и деловитость. Абсолютно никакого волнения, никакой нервозности. Офицер, который управляет артиллерийским огнем, прерывается на полчаса, чтобы объяснить вам, чем он занимается. Генерал фон Рейхенау, управляющий громадной армией в решающем сражении, тратит целый час на то, чтобы разъяснить дилетантам свою задачу.

Моральный дух германских войск фантастически высок. Вспоминаю инженерно-саперную роту, которая готовилась к выдвижению к реке Шельде для установки понтонного моста под огнем противника. Солдаты сидели на опушке леса и читали свежий номер ежедневной армейской газеты "Western Front". Никогда еще я не видел, чтобы солдаты, идущие в бой, из которого кто-то наверняка не вернется живым, были такие - ну, беззаботные, что ли. Утверждение Би-би-си, что эти летучие германские колонны, вроде той, что прорвалась к морю у Аббевиля, являются слабыми силами и едва ли смогут удержать то, что они захватили, - это миф. Немцы пробиваются не только с помощью танков и немногочисленной пехоты, а используя все, что у них есть. За танками и пехотой сразу идет легкая и тяжелая артиллерия на механизированной тяге.

Берлин, 25 мая

Сегодня вечером германские военные высказались вполне определенно. Они заявили, что судьба огромной союзной армии, окруженной во Фландрии, окончательно решена.

Берлин, 26 мая

Пал Кале. Теперь Англия отрезана от континента.

Берлин, 28 мая

Король Леопольд предал союзников. На рассвете бельгийская армия, которая вместе с британской и французской за неделю оказалась загнанной в постоянно сужающийся мешок во Фландрии и Артуа, сложила оружие. Ночью король Леопольд направил в расположение немецких войск эмиссара с предложением о перемирии. Немцы потребовали безоговорочной капитуляции. Это поставило англичан и французов в

затруднительное положение. Верховное командование заявляет, что теперь оно "безнадежно". Утром поймал по радио речь Рейно, обвиняющего Леопольда в измене союзникам. Черчилль, если верить Би-би-си, более осторожен. В коротком обращении к палате общин он сказал, что не будет давать оценки.

В здешней прессе большое ликование по поводу капитуляции Бельгии. Через восемнадцать дней, - напоминают нам берлинские газеты. Именно восемнадцать дней потребовалось немцам, чтобы уничтожить поляков. Вероятно, до конца этой недели остатки союзной армии окажутся у них в "котле". Как сообщает Би-би-си, Черчилль предупредил палату общин, что вскоре ожидаются плохие вести.

Сегодня впервые дневные сводки поступали из "штаб-квартиры фюрера". Все они звучали так, как будто были продиктованы самим Гитлером. Например, эта типичная попытка выглядеть великодушным: "Штаб-квартира фюрера, 28 мая. Фюрер приказал, чтобы обхождение с королем бельгийцев и его армией было достойным храбрых боевых солдат, каковыми они себя проявили. Поскольку король бельгийцев не высказал пожеланий для себя лично, ему будет предоставлен замок в Бельгии, до тех пор пока его местожительство не будет окончательно определено".

Кем определено?

Нацистская пропаганда изо всех сил старается показать, что Леопольд сделал честный и разумный шаг. Вот слова специального коммюнике, которые, как заявило Германское радио своим слушателям, "наполнят германскую нацию гордостью и восторгом":

"Из штаб-квартиры фюрера сообщается: под впечатлением разрушительного воздействия германской армии король бельгийцев решил положить конец бессмысленному сопротивлению и просить перемирия. Он принял требования Германии о безоговорочной капитуляции. Сегодня бельгийская армия сложила оружие и после этого прекратила свое существование. В этот час мы думаем о наших храбрых солдатах... Вся германская нация с чувством глубокой благодарности и безграничной гордости смотрит на свою армию... которая добилась этой капитуляции... Король бельгийцев, дабы положить конец дальнейшему кровопролитию и абсолютно бессмысленному разорению своей страны, принял решение сложить оружие против желания большинства членов своего кабинета. Этот кабинет, который в основном несет ответственность за обрушившуюся на Бельгию катастрофу, кажется, даже сейчас желает по-прежнему следовать примеру своих английских и французских хозяев".

Заголовки сегодняшних вечерних газет: "ЧЕРЧИЛЛЬ И РЕЙНО ОСКОРБЛЯЮТ КОРОЛЯ ЛЕОПОЛЬДА!", "ТРУСЫ В ЛОНДОНЕ И ПАРИЖЕ ОТДАЮТ ПРИКАЗ ПРОДОЛЖАТЬ САМОУБИЙСТВО ВО ФЛАНДРИИ". Германское радио заявило вечером: "Леопольд действовал как солдат и как человек".

На прошлой неделе я видел на фронте, какому ужасному обстрелу подвергалась бельгийская армия; видел всю Бельгию за пределами Брюсселя, опустошенную германской артиллерией и бомбардировщиками. То, что Леопольд захотел сдаться, в известном смысле можно понять. Но англичане и французы говорят, что он сделал это без консультации с ними, предав их таким образом и оставив в ужасном положении, без всякой надежды вызволить свои армии из западни. Три армии, будучи вместе, имели небольшой шанс вырваться из нее. С уходом со сцены полумиллионной армии прекрасных бельгийских солдат судьба французской и британской армий, кажется, предрешена.

До чего же красивая, цивилизованная война. Сегодня вечером Геринг сообщает, что в ответ на полученную им информацию о плохом обращении французов с захваченными в плен немецкими летчиками все находящиеся в немецком плену французские летчики немедленно будут закованы в кандалы. Далее Геринг заявляет, что, если он услышит, что французы расстреляли хоть одного немецкого летчика, он прикажет расстрелять пятерых французских пленных. И еще: если он узнает, что немецкий летчик убит "при спуске на парашюте", то прикажет расстрелять пятьдесят французских военнопленных.

Насколько мне известно, союзники расстреливают парашютистов, которые отказываются сдаваться, потому что эти ребята во многом ответственны за падение Голландии и устроенный ими ад в тылу. Возможно, обычных немецких летчиков, выбросившихся на парашютах с подбитых самолетов, приняли за таких наводящих ужас десантников. Тем не менее приказ Геринга - это явно часть гитлеровского способа завоевания с помощью террора. Б., который был на прошлой неделе в Роттердаме, рассказывает, что город был сильно разрушен после капитуляции. Немцы объясняют это тем, что известие о капитуляции пришло, когда бомбардировщики уже взлетели и их невозможно было отозвать! Звучит неубедительно, потому что со всеми самолетами есть радиосвязь и они постоянно имеют контакт с землей.

Геринг добавил, что правило о расстреле пятерых за одного или пятидесяти за одного не будет применяться к англичанам, "поскольку они пока не дали повода для подобных ответных мер".

Вечером министерство пропаганды показало нам

полнометражную кинохронику, со звуковыми эффектами, о разрушениях в Бельгии и Франции. Малые и большие города, один за другим, взрываются в огне. Крупные планы потрескивающего пламени, уничтожающего дома, вырывающегося из окон, из-под крыш и стен, где всего несколько дней назад люди вели мирную, если не счастливую, жизнь.

Энтузиазм немецкого комментатора по поводу разрушений, казалось, возрастал по мере появления все новых и новых сожженных городов. Голос у него был безжалостный, скрипучий, а в конце, казалось, выявил настоящий приступ садизма. "Посмотрите на это разрушение, дома объяты пламенем! - орал он. - Вот что бывает с теми, кто противостоит германской мощи!"

Неужели в Европе вскоре будут править и господствовать такие люди, такие садисты?

Берлин, 29 мая

Сегодня владелец одной из крупных американских радиовещательных сетей (не Си-би-эс) прислал в Германскую радиовещательную компанию телеграмму: "ПОЖАЛУЙСТА ОРГАНИЗУЙТЕ РАДИОВЫСТУПЛЕНИЕ КОРОЛЯ ЛЕОПОЛЬДА".

Захвачены Лилль, Брюгге, Остенде! Штурм Ипра! Бомбардировки Дюнкерка! Судьба окруженных союзных войск предрешена!.. Невероятные заголовки следуют сегодня один за другим. Кажется (во всяком случае, в Берлине), что нынешним вечером близится к своему завершению еще один этап этой гигантской, беспрецедентной в истории битвы.

Германское верховное командование так поведало о происходящем в самом начале сегодняшней сводки: "Французская армия в Артуа обречена! Ее сопротивление южнее Лилля потерпело крах. В настоящее время массированной атакой мы уничтожаем также английскую армию, зажатую западнее Дюнкерка в районе вокруг Диксмюде, Арментьера, Бойле и Берже".

А затем вечером германское командование объявило, что в ходе стремительного наступления, задача которого - разбить британскую армию, идет штурм Ипра и Кеммеля.

Действительно, немцы рассказывают, что со вчерашнего дня французская и британская армии изолированы друг от друга и каждая армия загнана в свой крошечный "котел". Меньший, в форме квадрата со сторонами примерно двенадцать миль, оказался южнее Лилля - до Дуа. На этом маленьком пятачке зажаты остатки трех французских армий, и вечером немцы атакуют их с четырех сторон. Больший "котел", грубо говоря, представляет собой полукруг у порта Дюнкерка радиусом миль двадцать пять. В нем заперты англичане.

Что же будет дальше, если британская и французская армии капитулируют или будут уничтожены в своих "котлах", как заявляют немцы? Первое вторжение в Британию с 1066 года? Если в последнюю минуту не произойдет чуда, английские базы на континенте пропали. Южные соседи, расположенные сразу за Ла-Маншем и за узкой южной частью Северного моря, которые всегда были важнейшей составляющей британской оборонительной системы, находятся теперь в руках противника. Утеряны и французские порты на Ла-Манше, связывавшие Британию с союзной Францией.

Большинство людей здесь предполагают, что теперь Гитлер попытается завоевать Англию. Вероятно. Я в этом не уверен. Может быть, сначала он постарается покончить с Францией.

Один загадочный момент во вчерашнем сражении: когда немцы захватили французские позиции восточнее Касселя, они фактически разрушили фортификационные сооружения вдоль франко-бельгийской границы с тыла, с обратной стороны.

Принц Вильгельм Прусский, погибший в бою на западном фронте, был сегодня погребен с воинскими почестями в Потсдаме. Если бы у немцев все шло гладко после 1914 года, то, вероятно, он стал бы германским императором. На похоронах присутствовали кронпринц и принцесса, Макензен и много офицеров времен мировой войны в своих причудливых остроконечных касках. Бывший кайзер прислал соболезнование.

Война нервов продолжается: в сегодняшнем официальном заявлении говорится, что за каждого убитого мирного немца и за каждый камень, поврежденный в Германии во время налетов британской авиации, возмездие будет многократным.

Берлин, 30 мая

Наш День поминовения. Вспомнил об этом, когда мне позвонил один из консулов и напомнил о назначенной месяц назад игре в гольф. Сколько человек погибло в Гражданской войне?

Сегодня заходил один немец. Он спрашивал: "Сколько лет продлится эта война?" Вопрос удивил меня в свете последних новостей. На прошлой неделе трое немцев с Вильгельмштрассе уверяли, что через три недели немцы будут в Лондоне. Значит, осталось две недели.

Этот немец упомянул также о том, что меня волновало: потери немцев и как люди реагируют на запрет Гитлера сообщать их размеры и имена убитых (Гитлер не разрешает публиковать списки потерь). Он сказал, что люди сравнивают нынешнюю ситуацию с тем, что было в 1914-1918 годах, когда газеты ежедневно печатали имена погибших, а каждые несколько

месяцев публиковали сводку общих потерь к этому дню - убитых и раненых. А сегодня никто из немцев не имеет ни малейшего понятия, во сколько немецких жизней обошлось наступление на западе, никто не знает также, чего стоила норвежская кампания. Последние цифры, которыми он располагает, относятся к польской кампании, но даже и тогда он скептически воспринимал то, что сообщал Гитлер.

Сегодня великая битва во Фландрии и Артуа подошла к концу. Эта победа Германии ужасает. Вчера, по данным германского верховного командования, англичане предприняли отчаянную попытку спасти с моря то, что осталось от британских экспедиционных сил. Они направили более пятидесяти транспортных судов, чтобы забрать свои войска с побережья вокруг Дюнкерка. Немцы говорят, что направили бомбить их свыше двух авиационных корпусов. Сообщают, что потопили шестнадцать транспортных судов и три "военных корабля" (наверняка преувеличивают), подожгли и повредили двадцать одно транспортное судно и десять боевых кораблей (вероятно, еще большее преувеличение). На защиту своего флота англичане направили сотни самолетов. Немцы заявляют, что сбили 68 британских самолетов. Англичане заявляют, что сбили 70 немецких.

Из немецких сводок можно понять, что постепенно ликвидируется все, что осталось от трех французских армий, оказавшихся отрезанными во Фландрии и Артуа. Сегодня немцы заявили, что взяли в плен командующего 1-й французской армией генерала Прие. До этого они уже захватили генерала Жиро, командующего одной из двух других армий, в день его вступления в должность. Видимо, французы окружены полностью. Англичане имеют пока выход к морю и, несомненно, вывозят своих людей по мере возможности. Лондон сказал вчера, что англичане ведут "величайшие арьергардные боевые действия в истории". Но они вели их слишком долго.

Здесь много говорят о том, что Гитлер собирается разбомбить до основания Лондон и Париж. Пресса и радио уже ведут кампанию по подготовке к этому собственного населения. Сегодня нападки в основном на французов. "Volkische Beobachter" назвала их "выродившимися, негроидизированными, испорченными" и обвинила в пытках немецких летчиков, захваченных в плен. Газета заявляет, что вскоре французов заставят заплатить за все это.

На сегодняшней пресс-конференции германский посол в Бельгии длинно разглагольствовал о том, как плохо обращались с ним французы на пути в Швейцарию. Как сказал мне после этого

один немец, кажется, немцы не способны понять, что ненависть к ним во Франции и Бельгии вызвана фактом вторжения Германии в эти страны (причем в Бельгию - без малейшего повода или какого-либо оправдывающего обстоятельства), разрушением городов и деревень, смертью тысяч мирных жителей под бомбежками и обстрелами. Это еще один пример неспособности немцев хоть на секунду увидеть что-то глазами другого человека. Отсюда и возмущение по поводу плохого обращения с их летчиками. Противник суров с летчиками, выбрасывающимися на парашютах, потому что знает, как с помощью высадившегося в тыл десанта Гитлер захватил Голландию. Но немцы считают, что противник не должен защищать себя от этих спускающихся с неба людей. Если он так делает, то Германия будет жестоко казнить пленных, находящихся в ее руках.

Берлин, 31 мая

Кажется, Италия уже близка к тому, чтобы принять решение о вступлении в войну на стороне Германии. Сегодня Гитлера в его штаб-квартире посетил итальянский посол Альфиери.

Три недели прошло с того дня, как Гитлер бросил свои армии на Голландию, Бельгию, Люксембург и Францию, сделав отчаянную .попытку разбить союзников одним ударом. Итак, три недели спустя - сплошной успех. Каких потерь в живой силе и технике ему это стоило, мы до сих пор не знаем. Вот что ему удалось сделать за три недели:

1. Завоевать Голландию, заставить голландскую армию капитулировать.

2. Завоевать Бельгию, заставить бельгийскую армию капитулировать.

3. Продвинуться далеко на юг от линии Мажино на участке фронта протяженностью более двухсот миль, от Монмеди до Дюнкерка.

4. Разбить 1-ю, 7-ю и 9-ю французские армии, которые в результате прорыва одной германской армии к морю остались отрезанными от остальных сил.

5. Разбить британские экспедиционные силы и так же окружить их. По крайней мере, некоторая часть их личного состава эвакуируется на кораблях из Дюнкерка. Но эта часть уже перестала быть армией. Они не могут вывести свои орудия, танки и боеприпасы.

6. Заполучить голландское, бельгийское и французское побережье Ла-Манша в качестве трамплина для вторжения в Англию.

7. Занять крупные угольные шахты и промышленные центры Бельгии и Северной Франции.

В сегодняшней вечерней передаче я сказал: "Немцы, конечно, выиграли жуткий первый раунд. Но удара в нокаут не было - пока. Бой продолжается".

Некоторым моим знакомым это показалось немного оптимистичным - с точки зрения союзников. Может быть. Не уверен.

Первый захваченный немцами в плен американский водитель санитарной машины - некто мистер Гарибальди Хилл. Немцы пообещали сразу его освободить. Вот только найти его не могут.

По сведениям наших людей в Брюсселе, запасов продуктов в Бельгии осталось лишь на пятьдесят дней.

Встретил одного человека из нашего консульства в Гамбурге. Рассказывает, что ночью город очень жестоко бомбили англичане. Похоже, что пытались поджечь нефтехранилища. Но он думает, что они были сухими. Немцы, кажется, забрали из Гамбурга на фронт все зенитные орудия. Следовательно, англичане подлетели без всяких затруднений и могли сбрасывать бомбы точно в цель с достаточно небольшой высоты. Население настолько напугано, что власти вынуждены вернуть часть орудий назад.

Хотя публика взволнована великими победами на Ла-Манше не более, чем всем остальным в этой войне, сегодняшние газетные заголовки изо всех сил стараются подогреть к ним интерес. Типичные заголовки: "КАТАСТРОФА У ВОРОТ ПАРИЖА И ЛОНДОНА", "ПЯТЬ АРМИЙ ОКРУЖЕНО И РАЗГРОМЛЕНО", "АНГЛИЙСКИЙ ЭКСПЕДИЦИОННЫЙ КОРПУС БОЛЬШЕ НЕ СУЩЕСТВУЕТ -1-я, 7-я, 9-я ФРАНЦИИ УНИЧТОЖЕНЫ!".

Основные силы германских войск, которые ликвидировали союзные войска во Фландрии, готовы теперь к выполнению новых задач. Германскому верховному командованию открыты два пути. Оно может ударить через Ла-Манш по Англии или отбросить французов к Парижу и попытаться вывести Францию из войны. Судя по тому, что я узнал от представителей военных кругов здесь, нет сомнений, что германское командование уже выбрало второй путь и действительно перебросило большую часть своих войск непосредственно к позициям остатков французской армии на реках Сомма и Эн. У генерала Вейгана было десять дней, чтобы разместить свои армии вдоль этой линии, однако тот факт, что он чувствовал себя достаточно сильным, чтобы попытаться напасть севернее Соммы на очень слабые позиции немцев, - такой маневр в случае успеха мог спасти французские, британские и бельгийские армии во Фландрии, - убедил немецких генералов, если, конечно, их нужно было убеждать, что они могут легко сломить его силы и быстро прорваться к Парижу, к портам Нормандии и Бретани.

От одного офицера из верховного командования я узнал, что Бог даровал наконец англичанам передышку. Два дня в Дюнкерке стоял густой туман и моросило, поэтому люфтваффе не могли сильно бомбить транспортные суда, энергично вывозившие британские войска. Сегодня погода прояснилась, и бомбардировщики Геринга вернулись к своей работе над пляжами Дюнкерка. Вечером верховное командование сообщает в специальном коммюнике: "Остатки разгромленных британских экспедиционных сил попытались сегодня бежать на различных малых плавсредствах к транспортным судам и боевым кораблям, стоящим на рейде Дюнкерка. Германские военно-воздушные силы сорвали эту попытку посредством непрерывных налетов главным образом пикирующих бомбардировщиков "юнкере" на британские корабли. Согласно полученным до сих пор сообщениям, три боевых корабля и восемь транспортных судов общим водоизмещением 40 000 тонн потоплены, а четыре боевых корабля и четырнадцать транспортных судов - подожжены или получили повреждения. Сорок английских истребителей, защищавших эти корабли, сбиты".

Ни одного упоминания о немецких потерях в воздухе, из чего я делаю вывод, что они были больше британских, иначе Геринг сказал бы о них. Пикирующий бомбардировщик "Юнкерс-87" является легкой добычей для английского истребителя.

Немцы заявляют сегодня, что потоплен линкор "Нельсон", флагманский корабль британского флота, потери экипажа составили 700 человек из 1350 находившихся на борту. Насколько я могу судить, единственным источником такой информации является сомнительное сообщение, распространенное Ассошиэйтед Пресс в Нью-Йорке. Но один морской офицер утверждал вечером, что это правда. Он сказал, что этот корабль был потоплен 11 мая.

Берлин, 2 июня

Эти английские "томми" еще дерутся в Дюнкерке, как бульдоги. Германское верховное командование признает это. Вот его сегодняшнее официальное коммюнике: "В результате тяжелых боев полоса побережья по обе стороны от Дюнкерка, которую вчера британцы защищали так же упорно, сузилась еще больше. Ньюпор и берег к северо-западу от него находятся в руках немцев. Взяты Адинкерк, западнее Фюрне, и Гивель, в шести с четвертью милях восточнее Дюнкерка". Шесть с четвертью миль - это уже близко.

В воздухе немцы снова громко заявляют о себе. Официальное коммюнике: "Нашими бомбардировщиками потоплено четыре боевых корабля и одиннадцать транспортных судов общим

водоизмещением 54 000 тонн. Получили повреждения от наших бомб четырнадцать боевых кораблей, включая два крейсера, два легких крейсера, крейсер ПВО, шесть эсминцев и два торпедных катера, а также тридцать восемь транспортных судов общим водоизмещением 160 000 тонн. Перевернуто бесчисленное множество шлюпок, плотов, буксиров..."{34}

Несмотря на отсутствие народного энтузиазма по поводу такой колоссальной победы Германии во Фландрии, я прихожу к выводу, что довольно много немцев начинают думать, будто все лишения, которым их подвергал Гитлер в течение пяти лет, были не напрасны. Вот что сказал мне утром коридорный в нашем отеле: "Наверное, теперь англичане и французы хотят, чтобы у них было меньше масла и больше пушек".

И все же картина, которую представляет столица в такой великий в истории Германии момент, продолжает меня удивлять. Вчера вечером я проходил в сумерках по Курфюрстендамм. На ней полно гуляющих в свое удовольствие людей. Большие уличные кафе на этом широком проспекте с тремя полосами движения заполнены тысячами посетителей, спокойно беседующих за своим эрзац-кофе или мороженым. Заметил даже нескольких модно одетых женщин. Сегодня выходной день, теплый, солнечный, и десятки тысяч горожан, в основном семьями, отправились за город в леса и на берега озер. Тиргартен, я заметил, тоже переполнен. Везде царит ленивая, беззаботная, воскресно-праздничная атмосфера.

Одной из причин такого странного положения вещей, думаю, является то, что война еще не вошла в дома этих людей в Берлине. Они читают о ней в газетах или узнают по радио, слышат даже грохот больших орудий. Но это и все. Париж и Лондон, возможно, ощущают опасность. Берлин - нет. Последняя воздушная тревога, которую я могу вспомнить, была в начале сентября. А потом ничего не было.

Берлин, 3 июня

Би-би-си только что сообщила, что сегодня днем немцы бомбили Париж. Может быть, нынче ночью союзники тоже сбросят несколько бомб на Берлин.

Сегодня наш поверенный в делах Дональд Хит был приглашен на Вильгельмштрассе, где ему вручили пресс-релиз, в котором германское правительство утверждает, что из конфиденциальных источников ему известно о якобы существующих планах британской секретной службы потопить три американских лайнера: "Президент Рузвельт" и "Манхэттен", находящиеся сейчас с американскими гражданами на борту на пути в Нью-Йорк, и "Вашингтон", следующий в Бордо за

очередной партией американских беженцев. Немцы информировали американское правительство посредством этого пресс-релиза, странная для дипломатического общения процедура, - что командирам всех немецких военных кораблей отдан строгий приказ не нападать ни на один их этих трех американских пароходов.

В официальном заявлении говорится: "Правительство рейха ожидает, что американское правительство примет все необходимые меры, чтобы помешать этому планируемому англичанами преступлению".

Немецкая "теория" такова: если эти пароходы окажутся потопленными, американцы обвинят Германию. Что-то есть во всем этом подозрительное. Что могло бы помешать немцам самим торпедировать эти американские суда, а потом поднять шум, будто это сделали англичане, а Берлин якобы даже отступил от своих правил и заранее предупредил Вашингтон об их намерениях? Идентифицировать подводную лодку по перископу весьма сложно.

Берлин, 4 июня

Большое сражение во Фландрии и Артуа завершилось. Сегодня германская армия вступила в Дюнкерк, и оставшиеся союзные войска, около 40 тысяч, сдались. Германское верховное командование заявляет в официальном коммюнике, что это сражение войдет в историю как "величайшее сражение всех времен по своей разрушительной силе". Потери Германии во время наступления на западе, как сообщили сегодня вечером, составляют: убитыми - 10 252 человека, пропавшими без вести - 8467, ранеными - 42 523 человека, сбитых самолетов 432. Все это довольно странно. Только три дня назад военные сообщали по секрету, что скоро будут объявлены потери, и они составят примерно от 35 до 40 тысяч убитыми, от 150 до 160 тысяч ранеными. Но большинство немцев поверят любым предъявленным цифрам.

В коммюнике говорится и о потерях союзников: 1 200 000 пленных, включая бельгийцев и голландцев. И уничтожен весь флот: потоплено пять крейсеров и семь эсминцев, повреждено десять крейсеров и двадцать четыре эсминца. В нем утверждается также, что германский флот не потерял ни одного корабля.

Из Парижа сообщают, что во время вчерашнего авиационного налета погибло 50 человек и 150 ранено. Би-би-си говорит, что парижане требуют реванша. Но вчерашней ночью сюда не прилетел ни один самолет, сегодня тоже...

Беспокоюсь о Тэсс и ребенке. Она звонила сегодня днем и сказала, что получила наконец пропуск на "Вашингтон", но он не

заходит в Геную. Она должна сесть на него в Бордо. Но ей не советуют ехать сейчас через Францию, когда французы находятся в таком паническом настроении. Железную дорогу под Лионом, по которой ей придется проезжать, немцы бомбили на этой неделе дважды. И она по-прежнему предпочитает оставаться в Европе.

Берлин, 6 июня

Сегодня звонили все колокола и по приказу Гитлера в честь победы во Фландрии вывешены все флаги. Явного энтузиазма по поводу победы в народе не заметно. Никаких эмоций. В высокопарных воззваниях к армии и народу Гитлер объявил, что сегодня на западе начато новое наступление. Никаких подробностей здесь пока нет, однако Би-би-си сообщает, что наступление идет на двухсоткилометровом фронте от Абвиля до Суасона, наибольшее давление немцы оказывают на линии вдоль канала, соединяющего Сомму и Эн.

Я слышал, что несколько последних ночей союзники бомбили Мюнхен и Франкфурт. Но Берлин ни разу не сказал об этих налетах вражеской авиации. Здесь еще никто не ощущает войны.

Берлин, 7 июня

Немцы по-прежнему очень немногословны по поводу нового наступления на Сомме. Верховное командование просто сообщает, что так называемая линия Вейгана прорвана по всему фронту, хотя никаких деталей не дает и никаких географических названий. Сегодня вечером не было специального военного коммюнике. Не означает ли это, что наступление проходит не так гладко?

Сегодня сюда приехал наш посол в Бельгии Кьюдэхай. Он подтвердил то, что мнеˆ говорили несколько дней назад: у бельгийцев запасов продуктов осталось на пятьдесят дней.

Вчера я устроил себе выходной от войны. Несколько часов бродил в Грюнвальде, искупался в Гавеле и нашел в лесу маленький чистенький ресторанчик, где готовили удивительно хорошие бифштексы. После ланча опять гулял, загорал, купался.

Берлин, 8 июня

Все еще никаких известий о наступлении, хотя уже кончается четвертый день. Верховное командование 'сообщает только, что оно развивается успешно, но деталей не приводит и не дает названий населенных пунктов. Кое-кто смеет думать, что...

Берлин, 9 июня

Сегодня верховное командование сенсационным заявлением нарушило свое молчание в отношении великого наступления. В нем говорится, что французы разбиты южнее Соммы и в районе Уазы по всей линии фронта. Германские войска продвигаются к

низовьям Сены, а это черт знает как далеко от Соммы, где они начинали наступление четыре дня назад. В шесть вечера это подтвердила Би-би-си. Вейган передал еще один приказ по войскам: держаться. Но в этом есть что-то тревожное.

Немцы сообщают также: "Сегодня утром началось новое наступление на следующем участке фронта во Франции". Вейган разъясняет, что это на отрезке от Реймса до Аргонны. Сейчас немцы прорываются на линии фронта протяженностью двести миль от моря до Аргонны. Таких масштабов не имело ни одно наступление в Первую мировую войну!

Верховное командование сообщает также, что только два немецких линкора, "Гнейзенау" и "Шарнхорст", вышли в море и отправились на помощь германским войскам, выбитым пару недель назад из Нарвика. В чем немцам не откажешь, так это в способности к сюрпризам. Как мог британский флот позволить двум линкорам подойти к Нарвику? Верховное командование заявляет, что они уже потопили британский авианосец "Глориэс", транспортное судно "Орама" водоизмещением 21 000 тонн и танкер водоизмещением 9100 тонн. Еще один пример того, как немцы используют возможность - проявляют инициативу. Союзники, похоже, не делают ни того ни другого.

Берлин, 10 июня

Италия вступила в войну.

Она ударила Францию ножом в спину в то время, когда немцы стоят у ворот Парижа и Франция близка к поражению.

В шесть вечера, когда люди настраивали свои приемники, чтобы послушать последние известия о наступлении германской армии на Париж, диктор объявил: "Через час дуче выступит с обращением к итальянскому народу и ко всему миру. Все германские радиостанции будут передавать его речь".

Час спустя они и передали, с помощью немецкого радиокомментатора, очень кстати оказавшегося на площади Венеции (его для этого отправили в Рим в прошлую субботу, 8 июня), чтобы описать этот взрыв чувств.

Мы поняли, откуда ветер дует, еще около полудня, когда нас на семь вечера пригласили на специальную пресс-конференцию в министерство иностранных дел, чтобы прослушать заявление Риббентропа. В половине пятого в министерстве пропаганды нам показали английский агитационный фильм "У льва есть крылья". Даже с учетом того, что он был снят осенью, мне он показался очень плохим. Высокомерным. Глупым. На шестичасовой пресс-конференции нам преподнесли очередную порцию еженедельной немецкой кинохроники. Снова разрушенные города, мертвые человеческие тела, гниющие конские трупы. Один кадр

показывает обугленные останки английского пилота и обломки его сгоревшего самолета. Большинство немцев получают, кажется, садистское удовольствие от этих картин смерти и разрушения. Но я знаю и тех, кто его не испытывает. Некоторые реагируют как обычные человеческие существа.

Я отправился в МИД около семи и вскоре оказался в зале в спрессованной толпе. Это было нечто! В зал, рассчитанный на пятьдесят человек, набилось уже пятьсот. День был жаркий, окна плотно закрыты, и включены горячие прожектора, чтобы Риббентропа можно было хорошо сфотографировать. В одном углу самый мощный из всех радиоприемников, который я когда-либо слышал, извергал речь Муссолини в Риме на площади Венеции. Я уловил достаточно, чтобы понять, что он объявляет о решении Италии вступить в войну на стороне Германии. Я был сыт этим грохотом, спертым жарким воздухом, потасовкой фотографов, и в большинстве своем стоящими там и потеющими газетчиками, и всем остальным. Мы с С. протолкнулись к выходу еще до прибытия Риббентропа. Я вернулся в номер Джо, настроил приемник и поймал из Рима довольно комичный английский перевод речи дуче.

Примерно в то же время перед зданием итальянского посольства разыгрывалась комедия, о которой мне рассказал Ральф. Две-три сотни итальянских фашистов, проживающих в Берлине, орали во всю глотку на маленькой улочке, проходящей от Тиргартена мимо посольства. Немцы вывесили громкоговорители, чтобы толпа могла слушать речь дуче. Потом на балконе появились Риббентроп и Альфиери, новый итальянский посол. Улыбаясь, они произнесли, по словам Ральфа, краткие бессмысленные речи. Тем временем германская армия приближается к Парижу. Похоже, что дела союзников сегодня плохи. В час пятнадцать ночи Рузвельт выступил по радио.

Прошедшей ночью Рузвельта было слышно по радио очень хорошо. Он пообещал оказать немедленную материальную помощь союзникам. Резко критиковал Муссолини за предательство. В здешней прессе и по радио об этой речи ни слова.

На Вильгельмштрассе продолжают считать, что американская помощь придет слишком поздно. Один человек, вернувшийся с аудиенции у фюрера, рассказал мне: фюрер уверен, что с Францией будет покончено к 15 июня, значит, через четыре дня, а с Великобританией - самое позднее к 15 августа! Он говорит, что Гитлер ведет себя так, словно весь мир у его ног, но некоторые генералы, хотя и весьма довольные военными успехами, все же слегка тревожатся за будущее с таким необузданным и

фанатичным человеком.

Здесь поговаривают, что французское правительство покинуло Париж. Сегодня вечером немцы подошли к Парижу так же близко, как 1 сентября 1914 года. Это позволило верховному командованию напомнить нам, что сейчас положение немцев гораздо лучше, чем тогда. Во-первых, потому, что их правый фланг сильнее и наступление продолжается западнее Парижа, в то время как в 1914-м оно развернулось восточнее столицы. Во-вторых, там нет действующей британской армии, которая могла бы прийти на помощь французам. В-третьих, нет восточного фронта, поэтому, в отличие от 1914 года, вся германская армия может быть брошена на Париж. (В 1914 году два армейских корпуса были спешно переброшены из Франции, чтобы остановить на востоке русских. Теперь Париж и Лондон расплачиваются за свою недальновидную антирусскую политику! Еще до Мюнхена, даже после Мюнхена, даже год назад они могли направить русских против Германии.)

Сегодня после моего выхода в эфир в ноль сорок шесть мы сидели в кабинете у Д., и он поймал передачу из Нью-Йорка. В ней сообщалось, что лайнер "Вашингтон", набитый американскими беженцами, в основном женщинами с детьми, через день после выхода из Лиссабона на пути в Тэлуэй (Ирландия) на рассвете был остановлен неизвестной субмариной. Ему дали десять минут, чтобы спустить на воду шлюпки, перед тем как он будет отправлен на дно. У Тэсс с дочкой были забронированы места на этот рейс "Вашингтона", но, после того как лайнер отменил запланированный заход в Геную, у нее не было возможности добраться вовремя до Бордо. В итоге, когда десять минут истекли, командир подлодки просигналил: "Извините. Ошибка. Следуйте дальше". Немецкий морской офицер, служивший в прошлую войну командиром подводной лодки, случайно слушал это вместе со мной. Он ужасно разозлился. "Британская подлодка! Никаких сомнений! - воскликнул он. - Эти англичане ни перед чем не остановятся!" Когда я предположил, что лодка могла быть немецкой, капитан сердито добавил: "Не может быть. Да как же! Ведь немецкий командир, совершивший такое, был бы отправлен под трибунал и расстрелян".

Берлин, 12 июня

И все-таки это была германская субмарина - та, что остановила "Вашингтон".

В Берлине официально признали это после целого дня молчания на Вильгельмштрассе. Немцы возлагают вину за происшедшее на госдепартамент и наше посольство. Они

утверждают, что наше посольство не проинформировало германское правительство о том, что "Вашингтон" следовал в Ирландию из Лиссабона.

Если правительство об этом не знало, то германская пресса и радио точно знали. Они сообщили об этом за несколько дней до отплытия.

Я пошел в посольство, чтобы все проверить, но там все были расстроены и попросили нас дождаться ответа из госдепартамента, что вполне резонно. Если они и в самом деле не проинформировали немцев, то это была чудовищная ошибка.

Официальное заявление дает здесь еще одно курьезное объяснение. В нем говорится, что "ошибка" произошла из-за того, что командир германской субмарины принял "Вашингтон" за греческий (!) пароход, который они останавливали ранее и которому было приказано изменить курс. Когда на горизонте появилось американское судно, он подумал, что это греческий пароход, не подчинившийся его приказу, и решил его остановить.

Можно задать вопросы: 1. Есть ли у греков хоть одно судно, приближающееся по размерам к "Вашингтону", который является 24-тонным лайнером? Ответ: нет. 2. Почему командир подводной лодки приказал пассажирам и экипажу перейти в шлюпки, прежде чем правильно идентифицировал пароход? 3. Если командир подумал, что это греческий пароход, почему он выжидает десять минут после того, как "Вашингтон" просигналил, что это американское судно? Эти моменты никак не отражены в официальном заявлении. Цензоры разрешили мне упомянуть в эфире только первый вопрос. По их мнению, последние два вопроса были некорректны.

Ввиду подозрительного немецкого предупреждения от 3 июня, когда Берлин заявил, что знает о намерении англичан торпедировать "Вашингтон", я убежден, что Берлин сам отдал приказ потопить этот корабль. Затем они собирались запустить жуткую пропагандистскую кампанию, обвинив в этом преступлении англичан и указав, что германское правительство еще 3 июня предупреждало Вашингтон. Думаю, Риббентроп наивно полагал, что таким образом сможет отравить англо-американские отношения и поставить заслон на пути наших поставок в Британию. Немецкие военные моряки рассказали мне, что подлодка задержала "Вашингтон" точно на рассвете. В сообщениях из Вашингтона говорится, что лайнер немного отставал от расписания. Тогда вполне возможно, что командир немецкой субмарины планировал торпедировать судно, пока темно и его подлодку трудно опознать. Но "Вашингтон" пришел на место не до рассвета, а на два часа позже, чем ожидалось, и

командир воздержался от пуска торпеды только из опасения, что при свете дня его лодку опознают как германскую. Она находилась в надводном положении, и поэтому узнать ее было несложно.

После обеда я был в жуткой панике. В три пятнадцать слушал Би-би-си, и там сообщили, что прошлой ночью Женева подверглась бомбардировке, бомбы упали на жилой пригород, есть убитые и раненые. На мгновение я потерял дар речи. Наш дом находится в одном из жилых пригородов.

Чтобы дозвониться до Женевы по срочному вызову, понадобилось несколько часов. Но около восьми я услышал голос Тэсс. Бомбы действительно упали в нашем районе, сказала она, дом задрожал, они угодили в отель на той улице, где мы жили прежде, убито пять или шесть человек, ранено гораздо больше. У них было две воздушные тревоги, и она пряталась с ребенком в подвале. Я сказал, что ей надо приехать с ребенком в Германию, как бы ни ненавистна была нам эта мысль. Сейчас это самое безопасное место. Все пути вернуться домой для них отрезаны.

Одна из газет рекламирует прощальную программу парижского корреспондента Си-би-эс, которая состоится в понедельник ночью. Вероятно, это Эрик Севарейд. Газета цитирует его заключительные слова: "Если в ближайшие дни кто-то будет вещать на Америку из Парижа, это будет уже не под контролем французского правительства". Полагаю, речь идет обо мне. Это моя работа. Это будет самая печальная командировка в моей жизни.

Хотя германское верховное командование об этом и не говорит, но немцы и действительно стоят сейчас у ворот Парижа. Слава богу, Париж не будет разрушен. Французы благоразумно объявили его открытым городом и не станут его защищать. Возникал вопрос, признают ли немцы его открытым городом, но к полуночи выяснилось, что признают.

Взятие Парижа будет страшным ударом для французов и союзников. Восточнее Парижа союзникам удалось прорваться к Шалону.

Берлин, 14 июня

Париж пал. Гитлеровский флаг со свастикой развевается на Эйфелевой башне над Сеной, в том Париже, который я так хорошо знал и любил.

Сегодня утром немецкие войска вступили в город. Мы узнали эти новости по радио в час дня, перед этим четверть часа трубили фанфары, призывая правоверных слушать последние известия. Новостью оказалась военная сводка верховного командования. В ней говорится: "Полный крах всего французского фронта от Ла-

Манша до линии Мажино у Монмеди расстроил первоначальный план французского руководства защищать столицу Франции.

Поэтому Париж был объявлен открытым городом. Победоносные войска только что начали вхождение в Париж".

Я завтракал во дворике своего отеля. Большинство посетителей столпилось у громкоговорителя в баре, чтобы послушать новости. Они возвращались к своим столикам, широко улыбаясь, но особого веселья не было, и все продолжили еду.

Фактически Берлин воспринял взятие Парижа так же бесстрастно, как и все остальное на этой войне. Позднее я поехал искупаться в Галензее, было тепло, и я чувствовал необходимость немного расслабиться. Там было полно народу, но я не слышал, чтобы кто-то обсуждал эти новости. Когда прибежали орущие мальчишки-газетчики, из пятисот человек только трое купили экстренные выпуски.

Тем не менее было бы неверным делать вывод, что взятие Парижа ничего не всколыхнуло где-то очень глубоко в сердцах большинства немцев. Здесь он всегда оставался заветной мечтой миллионов. И это помогает стереть горькие воспоминания о 1918 годе, которые так долго, двадцать два года, отягощали немецкую душу.

Несчастный Париж! Я оплакиваю его. Сколько лет он был моим домом, и я любил его, как любят женщину. "Volkische Beobachter" пишет сегодня утром: "Париж был городом фривольности и коррупции, демократии и капитализма, где евреев допускали ко двору, а ниггеров - в салоны. Такой Париж никогда больше не возродится". А верховное командование обещает, что поведение его солдат "будет отличаться от поведения французов в Рейнской области и в Руре, как день от ночи".

Верховное командование сообщает также сегодня: "Второй этап кампании завершился взятием Парижа. Начался третий этап. Это преследование и окончательное уничтожение врага".

Вечером я на полном ходу врезался в дверь "Herald Tribune". Первый раз с тех пор, как ввели светомаскировку, она оказалась закрытой. Здорово порезал нос, но мне залепили его пластырем в ближайшем пункте первой помощи и почти привели меня в чувство, так что я могу отправляться и вести полуночную передачу.

Завтра я, вероятно, поеду в Париж. Ехать мне не хочется. Не хочется видеть, как кованые немецкие сапоги грохочут по улицам, которые я любил.

Берлин, 15 июня

Сегодня я уезжаю в Париж.

У Магдебурга, 15 июня (позднее)

Ночь провели в гостинице у автобана, очень хорошей и современной, и еда лучше, чем в Берлине. Через шесть миль от Берлина по дороге в Потсдам у нас сломалась машина. Задержались на два часа в ожидании другой машины. Чувствую, завтра мы в Париж не попадем. В десять вечера в придорожном ресторане услыхали новость. Верден взят! Тот самый Верден, который стоил немцам шестисот тысяч убитых, когда они пытались взять его в прошлый раз. А на этот раз взяли за один день. В условиях, когда французская армия находится в тупике, а падение Парижа еще больше деморализовало ее. И все-таки задаешься вопросом: что случилось с французами? Немцы заявляют также, что прорвана линия Мажино.

Мобёж, 16 июня

Поднялись в три часа ночи, в четыре из маленькой придорожной гостиницы выехали в Аахен. В Руре мало свидетельств английских ночных бомбардировок. В Аахен приехали в одиннадцать утра. Потом двинулись через Лимбург на Льеж и Намюр. Удивился, что на этой дороге мы видели так мало разрушений. Совсем не похоже на дорогу из Аахена в Брюссель, где большинство городов лежит в руинах. Целый день ехали по долине Мааса. Поразительно мало следов войны. Обед в Шарлеруа. Горестные лица на улицах. В городе нет хлеба, вода - только для питья. Но в маленьком бистро нам дали какое-то мясо и салат.

Купил местную газету "Journal de Charleroi". Она публикует и немецкие, и французские военные сводки. Приказ в газете гласит, что немецкие войска и бельгийская жандармерия будут без предупреждения открывать огонь по любым освещенным окнам. Другое объявление немецкой "Feldkommandatur" требует прекратить все забавы с почтовыми голубями. Еще одно, за подписью главного армейского врача, предписывает всём местным медикам пройти регистрацию. Каждый нарушивший приказ будет наказан. "Никакие объяснения приниматься не будут", - добавляет он.

Сам Мобёж сильно разрушен. Центральная часть города превращена в груды камня, скрученных балок и золы. Один немецкий офицер рассказал нам, что произошло. Немецкие танки попытались пройти через город. Спрятанные в домах французские противотанковые орудия пять или шесть из них подбили. Немцам пришлось отступить. Вызвали самолеты. Они прилетели и сделали свое дело с обычной убийственной эффективностью. Под церковью, рассказал нам комендант, находилось самое большое в городе бомбоубежище. Одна из бомб угодила точно в него.

Результат: пятьсот мирных жителей остались лежать погребенными под обломками. Погребены они наглухо, потому что, несмотря на теплый звездный летний вечер, запаха не чувствуется.

Один солдат, родом из Южной Германии, шепнул мне потом: "Да, это пруссаки, они разрушили город". Он, простой немецкий солдат, возмущен таким разгромом. "Всегда страдают простые люди", - говорит он.

Местный комендант, призванный из запаса немецкий бизнесмен, принимает нас в одном из немногих уцелевших в городе зданий. Несколько полученных от него фактов: десять из двадцати четырех тысяч жителей возвратились или благополучно избежали бомбежки и обстрела. Германская армия и вот уже несколько дней немецкие спасатели помогают им не умереть от голода. Они привозят хлеб из Германии. Но вчера, говорит комендант, ему удалось найти немного зерна, и теперь он мелет муку. "Один бизнес, кажется, не сворачивался здесь ни на минуту, ни во время боев, ни после. Местный бордель. Я в конце концов прикрыл его, но мадам пришла ко мне и была очень настырна. "Обычный бизнес, не так ли?" - сказала она. А вчера верховное командование приказало открыть все дома терпимости в той части Франции, которая оккупирована немецкими войсками. Теперь надо посылать за мадам. Она будет рада услышать это", - усмехнулся он.

Мы выпиваем несколько бутылок отличного вина и закусываем крошечными бисквитами, а комендант продолжает с энтузиазмом рассказывать о своих проблемах. Ему явно нравится его работа, и он определенно не похож на старого жестокого прусского хозяина из сказок. В целом весьма гуманная личность. Наверное, скучает по дому. Надеется, что война долго не продлится. Он считает, что это как-то страшнее того, что он пережил за четыре года прошлой мировой войны в этих же местах. Но может быть, это оттого, что все произошло недавно, а старые воспоминания большей частью стерлись из памяти. Как бы то ни было, он рассказывает о своей собаке, своей жене и своей семье.

Наконец мы расстаемся. Ординарец показывает нам наши квартиры в заброшенном доме с уродливой псевдовосточной обстановкой. Этот дом, как мы вскоре установили по гобеленам и разбросанным повсюду бумагам, занимал один из крупных местных банкиров. Французский буржуазный вкус находится на самой низшей ступени развития. Я выбрал для себя одну из семейных спален. Матрас все еще лежит на старомодной двуспальной кровати. Одежда банкира аккуратно развешана в

шкафах. Даже его длинное черное пальто висит здесь, можно представить себе его хозяина, толстого, важного, шествующего в нем в церковь по воскресеньям. Он явно покидал дом в большой спешке. Не было времени уложить свой гардероб. Мы заметили внизу на столе остатки завтрака. Трапеза, которая никогда не закончится.

Какой же, должно быть, внезапной переменой в его уютной буржуазной жизни было это поспешное бегство, пока не разрушили город! Здесь, в этом доме, до прошлого месяца царили уверенность, определенный комфорт, респектабельность; безделушки для этого дома собирались всю жизнь. Этот дом и есть чья-то жизнь. А потом - бабах! Бомбардировщики, снаряды. И эта жизнь, подобно домам вокруг, разлетается вдребезги. Уверенность, респектабельность, надежды испарились в один миг. И вы со своей женой, а может быть, и с детьми бредете вдоль дороги, жаждущие глотка воды, словно животные или, в лучшем случае, кто бы мог представить это месяц назад, - словно пещерные люди.

В сумерках трое солдат повели нас на прогулку среди развалин. Прямо у городских ворот неряшливого вида женщина роется в куче кирпичей. Солдаты кричат ей, чтобы прекратила. Уже наступил комендантский час. Она продолжает копаться. Один солдат, сжимая винтовку, идет ее прогнать. Мы слышим ее приглашающий возглас. Она просит его лечь с ней в постель. Ей-богу, здесь не все погибло. Солдат смеется и слегка подталкивает ее, чтобы она ушла прочь. Видимо, она живет в подвале по соседству - как крыса. Мы идем по городу дальше и очень скоро видим ее на развалинах того, что прежде было переулком. Она кричит: "Coucher" - и убегает. Мы бредем по городу и задерживаемся у того, что осталось от церкви. Трудно представить себе, что под этими обуглившимися кирпичами и щебенкой погребены пятьсот женщин и детей.

Возвращаемся в дом нашего банкира с наступлением темноты. Всю ночь мимо дома едут армейские грузовики. Один раз за ночь я слышу, как где-то дальше по дороге стреляют зенитные орудия. Поднимаемся на рассвете, самочувствие неплохое, и едем в направлении Парижа.

Париж, 17 июня

Мне было не до смеха. Когда мы въезжали по знакомым улицам в Париж, у меня внутри все сжималось. Лучше бы мне было не приезжать. У моих немецких спутников при виде города поднялось настроение.

Приехали мы около полудня, и был один из тех очаровательных июньских дней, которыми в это время всегда

славился Париж. В мирное время люди ехали бы сейчас на скачки в Лоншамп, или на теннис в Роллан-Гаррос, или беспечно бродили по бульварам под сенью деревьев, или сидели бы в прохладной тени летних кафе.

Первый шок: улицы абсолютно пустынны, магазины закрыты, жалюзи на всех витринах опущены. Именно пустота поражала больше всего. Въехав со стороны Ле-Бурже (я с грустью вспомнил ту ночь, когда бежал оттуда до города, чтобы написать материал о приземлении Линдберга), мы поехали по улице Лафайет. По ней с грохотом неслись немецкие армейские машины и мотоциклы. А на тротуарах ни души. Многочисленные кафе на углу улиц, которые мне были так хорошо знакомы. Столики унесли внутрь, ставни закрыли. И все исчезли - хозяева, гарсоны, посетители. Наши две машины с шумом катили по Лафайет, сигналя на каждом перекрестке, пока я не попросил нашего водителя прекратить.

Вот на углу здание редакции "Petit Journal", где я работал на чикагскую "Tribune", когда в 1925 году первый раз приехал в Париж. Через дорогу от него кафе "Trois Fortes", как много приятных часов провел я там, когда Париж для меня был прекрасным и цветущим; и мой дом!

Мы свернули налево на улицу Пеллетье к Большим Бульварам. Вокруг было пустынно, если не считать нескольких немецких солдат, глазевших на витрины немногих открытых магазинов. Теперь площадь Оперы. Впервые в моей жизни там не было автомобильной пробки, не было и французских полицейских, без толку орущих на водителей застрявших в пробке машин. Фасад здания Оперы закрыт мешками с песком. "Cafe de la Paix", похоже, только открывалось. Одинокий гарсон вытаскивал наружу столы и стулья. Их подхватывали стоявшие на веранде немецкие солдаты. Потом мы свернули к Мадлен, - ее фасад тоже закрыт мешками с песком, - и помчались по улице Рояль. "Ларусс" и "Вебер", я заметил, тоже закрыты. Теперь перед нами знакомый вид. Площадь Согласия, Сена, здание Народного собрания, над которым развевается гигантский флаг со свастикой, а в отдалении купол Дома инвалидов. Минуя министерство морского флота, охраняемого немецким танком, въезжаем на площадь Согласия. Подъехали к отелю "Крийон", где теперь размещается главный немецкий штаб. Наш офицер зашел туда, чтобы узнать, где нас поселят. Я, к неудовольствию сопровождающих нас немецких чиновников, пошел навестить американское посольство, которое находится по соседству. Все, кого я знал, - Буллит, Мэрфи, - ушли на ланч. Я оставил Мэрфи записку.

Нам дали номера в отеле "Скриб", где я часто останавливался в лучшие времена. К моему удивлению и удовольствию, в вестибюле я встретил Демари Бесс и Уолтера Керра, которые продолжали работу после того, как почти все их коллеги уехали. Они поднялись ко мне в номер, и мы поговорили. Уолтер казался еще более нервным, чем прежде, но все таким же славным. Демари невозмутим как обычно. Они с Дороти жили в отеле "Элизи Парк" у Рон-Пуа. За день до взятия Парижа к ним прибежал запыхавшийся хозяин отеля и уговаривал их тоже бежать; все равно он смывается и закрывает отель. Они убедили его оставить отель на них!.. Я расспросил о своих знакомых. Большинство из них покинули Париж.

Демари говорит, что паника в Париже была невообразимая. Все голову потеряли. Правительство не давало никаких распоряжений. Людям велели бежать, и по меньшей мере три из пяти миллионов человек бежали, бежали без вещей, бежали в буквальном смысле слова, на своих ногах, на юг. Кажется, парижане действительно поверили, что немцы будут насиловать женщин и еще хуже обойдутся с мужчинами. Они слышали фантастические истории о том, что происходило, когда немцы оккупировали какой-либо город. Те, кто остался, весьма удивлены корректным поведением армии - пока.

Жители в обиде на свое правительство, которое в последние дни, насколько я понимаю, совершенно пало духом. Оно даже забыло сообщить людям, пока не поздно, что Париж не будет обороняться. Остались французская полиция и пожарные команды. Странно видеть ажанов без их пистолетов. Они регулируют дорожное движение, причем на дорогах - исключительно немецкие армейские машины, или патрулируют улицы. У меня такое ощущение, будто то, что мы наблюдаем сейчас в Париже, - это полное крушение французского общества: коллапс армии, правительства, морального состояния народа. Это слишком страшно, чтобы в это поверить.

Париж, 18 июня

Маршал Петэн попросил о перемирии! Парижане, уже потрясенные всем случившимся, с трудом могут в это поверить. Так же, как и все мы. Что французская армия должна капитулировать, это ясно. Но большинство из нас ожидали, что она сделает, как датская и бельгийская армии, а правительство, как хвастался Рейно, уедет в Африку, где Франция с ее флотом и африканскими армиями сможет продержаться длительное время.

Горожане узнали о поступке Петэна из громкоговорителей, для удобства установленных немцами почти на каждой площади города. Когда поступило первое сообщение, я стоял в толпе

французов и француженок на площади Согласия. Для них это был почти смертельный удар. К отелю "Крийон", в котором останавливался Вудро Вильсон во время Мирной конференции, когда разрабатывались условия для Германии, подъехали машины и высадили группу высокопоставленных офицеров. Было много пристальных взглядов через монокли, щелканья каблуками, козыряния. А на площади, равной которой нет в Европе, откуда с одного пятачка вы можете видеть Мадлен, Лувр, чуть ниже по Сене Нотр-Дам, Народное собрание, золотой купол Дома инвалидов, где похоронен Наполеон, потом Эйфелеву башню, над которой сегодня плывет огромная свастика, и, наконец, Елисейские Поля, Триумфальную арку, - люди на площади Согласия не замечают суеты перед главным германским штабом в "Крийоне". Они уставились в землю, потом друг на друга. Они говорили: "Петэн капитулирует! Что это значит? Кто нам объяснит?" И не было никого, у кого хватило сил ответить.

Вечерний Париж странный и неузнаваемый. Комендантский час с девяти вечера - за час до наступления темноты. Действует светомаскировка. Улицы ночью темные и пустынные. Париж с яркими огнями, смехом, музыкой, женщинами на улицах - где все это? И что это?

Заметил сегодня что-то вроде открытого братания между немецкими солдатами и местными жителями. Большинство солдат, кажется, австрийцы, они хорошо воспитаны и немного говорят по-французски. Большинство немецких военных ведут себя как наивные туристы, и это приятный сюрприз для парижан. Это покажется смешным, но у каждого немецкого солдата в руках фотоаппарат. Я их тысячами видел сегодня, фотографирующих Нотр-Дам, Триумфальную арку, Дом инвалидов. Тысячи немецких солдат толпятся у могилы Неизвестного солдата, где под аркой до сих пор горит огонь. Они обнажают свои блондинистые головы и стоят там, созерцая.

Вчера в Париже появились две газеты: "La Victoire" (т. е. "Победа", вот ведь насмешка судьбы!) и "Le Maten". Вчера в посольстве я видел Бюйо-Варийа, издателя "Le Maten". Мне сказали, что он горит желанием ублажить немцев и считает, что его газета стартует в благоприятных условиях. Она уже начала нападать на Англию и обвиняет ее в том, что Франция оказалась в таком тяжелом положении! "La Victoire", издаваемая каким-то маньяком, призывает парижан никогда больше не называть немцев "бошами". Ее вчерашняя редакционная статья заканчивалась приветственными словами: "Vive Paris! Vive la France!"

Париж, 19 июня

Перемирие будет подписано в Компьене! В том самом спальном вагоне маршала Фоша, который присутствовал при подписании другого перемирия - 11 ноября 1918 года в Компьенском лесу. Французы ничего пока не знают. Немцы держат это в секрете. Я узнал сегодня по чьему-то недосмотру.

В шестнадцать тридцать военные потащили меня в Компьен. То была ошибка. Им не следовало этого делать. Но перепутали приказы, и еще до того, как успели разобраться, я уже был там. Вчера Гитлер и Муссолини встречались в Мюнхене, чтобы выработать условия перемирия для Франции. Когда мы выезжали, я вспомнил, как вчера полушутя спросил у одного чиновника из германского МИДа, не собирается ли Гитлер (слухи об этом ходили) настаивать, чтобы перемирие было подписано в Компьене. Ему не понравился мой вопрос, и он сухо ответил: "Конечно нет".

Но когда мы в шесть вечера прибыли на место, немецкие саперы яростно крушили стену музея, где решено было хранить личный вагон Фоша, в котором в 1918 году было подписано перемирие. Это здание было построено на деньги Артура Генри Флеминга из Пасадены, штат Калифорния. До нашего отъезда саперы, действуя пневматическими отбойными молотками, разрушили стену и вытащили вагон из укрытия.

План заключается в том, рассказывают мне нацисты, чтобы поставить вагон точно на то место на маленькой полянке в Компьенском лесу, на котором он стоял в пять часов утра 11 ноября 1918 года, и заставить французов подписать это перемирие здесь... Мы обсудили технические детали проведения радиопередачи с разными военными и чиновниками. Программа будет впечатляющая, но трагичная для американцев. Какой-то полковник провел меня в вагон перемирия. Разложенные на столе карточки показывают, где кто сидел во время исторической встречи в 1918 году.

Возвращаясь под вечер в Париж, мы остановились у дороги, огибающей лесистые холмы между Компьеном и Сенли. На этой дороге разбомбили небольшую французскую колонну. На четверть мили вдоль дороги разбросано двадцать торопливо вырытых могил. Чуть присыпанные землей лошадиные трупы все еще воняют. У дороги стояло 75-миллиметровое орудие и валялись разные предметы одеяла, шинели, башмаки, носки, винтовки, боеприпасы и т. п., - судя по всему, были брошены в большой спешке. Я взглянул на дату изготовления орудия. 1918-й! Французы защищали здесь самую важную дорогу к столице с помощью артиллерии времен прошлой мировой войны!

Для меня все еще остается загадкой, как Гитлеру удалось так

легко выиграть эту кампанию. Признано, что французы сражались в городах. Но в городах не могло сражаться много солдат из подготовленных миллионов, им там негде было развернуться! Но они не воевали и на полях сражений, как во всех других войнах. На двадцать футов от дороги колосья не тронуты солдатскими башмаками или колесами десятков тысяч машин. Это не значит, что французы не сражались доблестно во множестве других мест. Наверняка сражались. Но не было организованного, хорошо продуманного сопротивления, как в прошлой войне. Судя по тому, что я видел, французы позволили немцам навязать новый тип ведения боевых действий. Они велись в основном вдоль главных дорог, редко - по какой-то линии, пересекающей эту страну. А на дорогах у немцев было все, что нужно для успеха: подавляющее превосходство в танках и авиации - главных средствах ведения войны на коммуникациях. Вчера вечером один солдат-австриец пояснил мне, что все было неправдоподобно просто. Они шли по дорогам с танками при поддержке артиллерии с тыла. Какое-либо серьезное сопротивление встречали редко. Огонь вели из траншей или с укрепленных позиций. Немецкие танки с прочной броней обычно не обращали на это внимания, просто продолжали движение по дороге. Подразделения пехоты, едущие следом на грузовиках, и легкая артиллерия уничтожали огневые точки и пулеметные гнезда. Время от времени, если сопротивление было чуть посильнее, они по телефонной связи, либо по радио, либо с помощью сигнальной связи запрашивали поддержку артиллерии из тыла. Если и большие орудия не могли его преодолеть, вызывали самолеты, которым это неизменно удавалось. Так и шло, сказал он, день за днем.

Продолжаю задаваться вопросом: если французы собирались обороняться всерьез, почему они не взорвали главные дороги? Почему осталось в целости так много стратегически важных мостов? Вдоль дорог то здесь, то там попадаются противотанковые заграждения, это несколько бревен, или камней, или груда обломков, но никакого серьезного препятствия для танков. Ни одного настоящего противотанкового рва, которые швейцарцы строили тысячами.

Это была война машин, которая велась по магистральным дорогам, и оказалось, что французы к ней не были готовы, они не смогли ее осмыслить и не имели средств, чтобы ее остановить. Это невероятно!

Прошлой ночью генерал Глайзе фон Хорстенау (австриец, бессовестно предавший Шушнига и назначенный теперь Гитлером главным официальным историографом этой войны) изложил

ситуацию иначе. Его идея заключается в том, что Германия захватила союзников в один из тех редких исторических моментов, когда в течение нескольких недель, месяцев или лет наступательное оружие превосходит оборонительное. Он поясняет, что такая фантастическая кампания могла, видимо, осуществиться только летом 1940 года. Если бы ее отложили до следующего лета, союзники уже имели бы оборонительное оружие противотанковые, зенитные орудия, истребители, - способное вывести из строя наступательные средства Германии. Результатом, по его мнению, было бы нечто вроде такой же тупиковой ситуации, которая сложилась на западном фронте в 1914-1918 годах, когда оборонительные и наступательные силы были примерно равны.

И еще: я не думаю, что потери с обеих сторон были велики. Так мало видишь могил.

Париж, 20 июня

Те, кто ездил вчера в Орлеан и Блуа, рассказывают жуткие вещи. Вдоль дороги они видели, по их оценкам, около 200 000 беженцев - люди всех сословий, бедные и богатые, лежат на обочинах дорог или на опушках леса, умирая от голода, - без пищи, без воды, без крова, лишенные всего.

Это только малая часть того множества тех миллионов людей, которые покинули Париж и другие города перед приходом немцев. Они бежали по дорогам страшно напуганные, со своими пожитками на спине, или на велосипедах, или в детских колясках, с детьми на руках. Дороги быстро оказались запруженными. Войска тоже пытались воспользоваться ими. Прилетели немцы и начали бомбить эти дороги. Появились убитые и умирающие от ран. И нет пищи, нет воды, негде укрыться, некому позаботиться. Буллит оценивает число беженцев между Парижем и Бордо в семь миллионов. Если срочно не будут приняты какие-то меры, все они окажутся перед лицом голодной смерти. Германская армия немного помогает, но не так уж сильно. Она сама вынуждена привозить для себя продовольствие из Германии. Красный Крест делает что может, но этого явно недостаточно.

Гуманитарная катастрофа, какой не было даже в Китае. (А сердца скольких французов или других европейцев были тронуты, когда наводнение, эпидемия голода или война уносили жизни миллионов китайцев?)

Завтракал с Буллитом в его резиденции. Он все еще потрясен случившимся. Он рассказал, что, хотя Гитлер, Риббентроп и Геббельс ненавидят его так же сильно, как проклинают Рузвельта, германские военные власти оказали ему необходимые почести.

Нацисты потребовали от представителей трех американских пресс-ассоциаций обещания не встречаться с Буллитом и даже не заходить в американское посольство (это обещание они твердо держали, однако Фред Ошер имел мужество позвонить по телефону в посольство и засвидетельствовать свое почтение). Я считаю, что, несмотря на давление нацистов, у меня нет никаких обязательств и я не могу не быть здесь свободным американским гражданином, и с радостью принял приглашение посла, которого я знаю много лет. Самым болтливым гостем на ланче был М. Анри-Эй{35}, сенатор и мэр Версаля. Он один из немногих политиков, удержавшихся на своей должности. Его обида на англичан, высказанная в беседе за ланчем, сопоставима только с его обидой на немцев. Не знаю, кого он больше осуждал за крах Франции, он поливал грязью и тех и других. Он был сильно возмущен. Вчера, по его словам, один молодой немецкий офицер ворвался в его кабинет в мэрии Версаля и бесцеремонно приказал отремонтировать его машину. Если через час машина не будет готова, сказал немец, М. Анри-Эй будет арестован. Для мэра-сенатора это было слишком.

"Сэр, - сказал он, по его словам, немцу, - вы разговариваете с французским сенатором и мэром Версаля. Я немедленно доложу о вашем поведении вашему начальству в Париже".

После этого он сразу, хотя у него и плохо с бензином, помчался в Париж, чтобы выполнить свое обещание.

Париж, 21 июня

В том же самом месте, на небольшой поляне в Компьенском лесу, где 11 ноября 1918 года в пять часов утра было подписано перемирие, положившее конец мировой войне, Адольф Гитлер вручил сегодня свои условия перемирия Франции. Чтобы германский реванш был полным, встреча немецкого и французского уполномоченных состоялась в личном вагоне маршала Фоша, где тот предъявлял условия перемирия Германии двадцать два года назад. Использовали даже тот самый стол в ветхом старинном вагоне. А сквозь окна мы видели Гитлера, восседающего на том самом месте, где сидел Фош, когда диктовал условия того договора.

Унижение Франции и французов было полным. И все же в преамбуле к условиям перемирия Гитлер заявил, что выбрал это место не из мести, а только для того, чтобы исправить старую ошибку. По поведению французских делегатов я понял, что разницы они не почувствовали.

Германские условия нам пока неизвестны. В преамбуле говорится, что генеральная линия их такова: 1) предотвратить возобновление боевых действий; 2) предоставить полные

гарантии нейтралитета Франции, необходимые Германии для продолжения ее войны против Англии; 3) заложить фундамент для мирного сосуществования, основой которого должны стать репарации за несправедливость, причиненную Германии силой. Последний пункт, видимо, означает: реванш за поражение 1918 года.

Вечером Керкер для Эн-би-си и я для Си-би-эс в совместной получасовой передаче постарались, как смогли, описать сегодняшнее потрясающее представление. Думаю, передача получилась хорошая.

Мирные переговоры начались в три пятнадцать дня. Теплое июньское солнце освещало громадные вязы и сосны, отбрасывавшие приятную тень на лесные аллеи, когда появился Гитлер в сопровождении германских полномочных представителей. Он вышел из машины перед французским монументом Эльзас-Лотарингии, стоящим в конце аллеи, примерно в двухстах ярдах от поляны, где на том же самом месте, что и двадцать два года назад, их ожидал вагон перемирия.

Монумент Эльзас-Лотарингии, я заметил, был покрыт немецкими боевыми знаменами так, чтобы невозможно было ни разглядеть его, ни прочитать на нем надпись. Но я видел его несколько лет назад. Огромный меч, представляющий собой меч союзников, вонзается своим острием в большого жалкого орла, олицетворяющего бывшую империю кайзера. Внизу надпись на французском языке гласит: "Героическим солдатам Франции... Защитникам страны и справедливости... Доблестным освободителям Эльзас-Лотарингии".

Я вижу в бинокль, что фюрер останавливается, бросает взгляд на монумент и изучает флаги рейха с большими свастиками посередине. Затем он медленно направился в нашу сторону, к маленькой поляне в лесу. Я наблюдал за выражением его лица. Оно было важным, серьезным, но все-таки отражало жажду мести. Его пружинистая походка символизировала триумфатора-завоевателя, покорителя мира. Было в выражении его лица и еще нечто такое, что трудно описать. Какое-то мелочное внутреннее удовольствие от присутствия при этом великом повороте судьбы - повороте, который он сам и совершил.

Теперь он подходит к маленькой лесной поляне. Останавливается и неторопливо осматривается вокруг. Поляна эта круглая, диаметром около двухсот ярдов, и спланирована как парк. Ее окружают кипарисы, за ними высятся огромные лесные вязы и дубы. В течение двадцати двух лет это место было одной из национальных святынь Франции. Мы ведем наблюдение, стоя на почтительном расстоянии по периметру поляны.

Гитлер задерживается и пристально смотрит вокруг. В стоящей за его спиной группе другие полномочные представители Германии. Геринг, сжимающий в руке свой маршальский жезл, он одет в небесно-голубую форму военно-воздушных сил. Все немцы в форме. Гитлер в двубортном сером кителе с Железным крестом на левом нагрудном кармане. Рядом с Герингом два немецких военачальника: генерал Кейтель, глава верховного командования, и генерал фон Браухич, главнокомандующий сухопутными войсками. Возраст обоих приближается к шестидесяти, но выглядят они моложе, особенно Кейтель, который имеет щеголеватый вид в своей чуть сдвинутой набок фуражке.

Еще там находится Эрих Рёдер, гросс-адмирал германского флота, в синей морской форме с неизменным стоячим воротником, который носят обычно все немецкие морские офицеры. В гитлеровской свите двое гражданских - министр иностранных дел Иоахим фон Риббентроп, в мышино-сером мундире министерства иностранных дел, и Рудольф Гесс, заместитель Гитлера, в серой партийной униформе.

Сейчас три часа восемнадцать минут. На небольшом флагштоке посередине поляны поднимается личный штандарт Гитлера.

Там же, в центре, стоит, возвышаясь примерно на три фута над землей, большая гранитная глыба. Гитлер, в сопровождении остальных, медленно подходит к ней, делает шаг вперед и читает надпись, выбитую крупными буквами на камне. Она гласит: "ЗДЕСЬ 11 НОЯБРЯ 1918 ГОДА НЕ УСТОЯЛА ПРЕСТУПНАЯ ГЕРМАНСКАЯ ГОРДЫНЯ ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ... ПОБЕЖДЕННАЯ СВОБОДНЫМИ НАРОДАМИ, КОТОРЫЕ ОНА ПЫТАЛАСЬ ПОРАБОТИТЬ".

Гитлер читает ее, и Геринг читает ее. Все они читают надпись, стоя в тишине под июньским солнцем. Пытаюсь уловить выражение лица Гитлера. Я нахожусь всего лишь в пятнадцати ярдах от него и в бинокль вижу его так, словно он стоит прямо передо мной. Много раз наблюдал я это лицо в великие моменты жизни Гитлера. Но сегодня! Оно источает презрение, гнев, ненависть, жажду мести, триумф. Он отходит от монумента и ухитряется даже этим шагом мастерски изобразить презрение. Он пренебрежительно и злобно оглядывается на камень, злобно, это чувствуется, потому что не может стереть эту ненавистную, раздражающую надпись одним взмахом своего высокого прусского сапога. Он медленно обводит взглядом поляну, и теперь, когда его глаза встречаются с нашими, осознаешь всю глубину его ненависти. Но и его торжество тоже - реваншистская торжествующая ненависть. Неожиданно, будто оттого, что лицо

не дает полную картину его эмоций, он принимает и соответствующую его настроению позу. Резко хлопает себя руками по бедрам, расправляет плечи, широко расставляет ноги. Великолепная поза для выражения полного пренебрежения и испепеляющего презрения к этому месту и ко всему тому, что в течение двадцати двух лет оно символизировало, ибо оно было свидетелем унижения Германской империи.

Наконец Гитлер ведет свою компанию к другому гранитному камню, поменьше, стоящему в пятидесяти ярдах от первого. На этом месте размещался железнодорожный вагон, в котором во время переговоров о перемирии жили с 8-го по И ноября 1918 года германские представители. Гитлер бросает взгляд на надпись: "Германские представители". Мне видно, что камень установлен между старыми проржавевшими рельсами, теми самыми, на которых стоял двадцать два года назад немецкий вагон. Недалеко от края поляны высится большая статуя маршала Фоша из белого камня. Он изображен таким, каким вышел утром 11 ноября 1918 года из вагона перемирия. Гитлер проходит мимо, похоже, не видит.

Время пятнадцать двадцать три, и немцы направляются к вагону перемирия. Минуту-другую стоят, беседуя, на солнышке около вагона. Затем Гитлер поднимается в вагон, за ним все остальные. Сквозь окна вагона нам все отлично видно. Гитлер занимает то место, где сидел во время подписания условий перемирия в 1918 году маршал Фош. Остальные рассаживаются вокруг него. Четыре стула напротив Гитлера остаются свободными. Французы еще не появились. Но ждать приходится недолго. Точно в три тридцать они выходят из машины. Они прилетели из Бордо на ближайший аэродром. Они тоже бросают взгляд на мемориал Эльзас-Лотарингии, но мельком. Затем в сопровождении трех немецких офицеров идут по аллее. Теперь, когда они вышли на освещенную солнцем поляну, мы видим их.

Генерал Хюнтцигер, в выцветшей форме цвета хаки, генерал ВВС Бержере и вице-адмирал Ле Люк, оба в темно-синих мундирах, М. Ноэль, посол Франции в Польше. Немецкий почетный караул, выставленный у входа на поляну, встает по стойке "смирно", но "на караул" не берет.

Это черный час в истории Франции. Французы смотрят только прямо перед собой. Лица мрачные, напряженные. Они - олицетворение трагического величия.

Французы чопорно шествуют к вагону, где их встречают два немецких офицера, генерал-лейтенант Типпельскирх, начальник интендантской службы, и полковник Томас, начальник личного штаба Гитлера. Немцы отдают честь. Французы отдают честь.

Обстановка, как говорят европейцы, "корректная". Честь отдают, но никаких рукопожатий.

Дальше мы наблюдаем за происходящим через пыльные окна старого спального вагона. Гитлер и остальные германские руководители встают, когда французы входят в кабинет. Гитлер вскидывает руку в нацистском приветствии. Риббентроп и Гесс тоже. Мне не видно, отвечает М. Ноэль на приветствие или нет.

Гитлер, насколько мы можем видеть сквозь стекла, не говорит ни слова ни французам, ни кому бы то ни было. Он кивает сидящему рядом с ним генералу Кейтелю. Нам видно, что генерал Кейтель раскладывает документы. Затем начинает читать. Он читает преамбулу к германским условиям перемирия. Французы сидят с каменными лицами и внимательно слушают. Гитлер и Геринг сидят, уставившись в зеленую крышку стола.

Чтение преамбулы занимает всего несколько минут. Гитлер, как мы наблюдаем вскоре, не намерен задерживаться надолго. В пятнадцать часов сорок две минуты, то есть через двенадцать минут после прибытия французов, Гитлер встает, чопорно отдает честь и выходит из кабинета в сопровождении Геринга, Браухича, Рёдера, Гесса и Риббентропа. Французы, как каменные изваяния, остаются за зеленым столом. С ними остается генерал Кейтель. Он начинает зачитывать подробное изложение условий перемирия...

Гитлер и его помощники направляются по аллее к монументу Эльзас-Лотарингии, где их ожидают машины. Когда они проходят мимо почетного караула, немецкий оркестр начинает играть два национальных гимна: "Deutschland uber Alles" и "Horst Vessel". Вся церемония, в ходе которой Гитлер достиг новой вершины своей головокружительной карьеры, а Германия отомстила за поражение 1918 года, длится четверть часа.

Париж, 22 июня

Слишком устал, чтобы описывать сегодняшний день. Вот что я передал в эфир: "Перемирие подписано. Перемирие между Францией и Германией было подписано ровно в восемнадцать пятнадцать по летнему германскому времени, то есть час двадцать пять минут назад... Подписано оно было здесь, в старом железнодорожном вагоне посреди Компьенского леса, где было заключено перемирие 11 ноября 1918 года... Сейчас это перемирие, хотя оно и подписано французами и немцами, еще не вступило в силу. Нам сообщили, что французская делегация вылетает на специальном самолете в Италию. Когда она прибудет туда, Италия выдвинет условия прекращения своей войны с Францией... Как только французы и итальянцы подпишут перемирие, немцам будет передано сообщение. Те немедленно

проинформируют французское правительство в Бордо. И тогда по истечении шести часов останавливаются боевые действия, прекращается огонь, приземляются самолеты и заканчивается кровопролитие. Это означает: между Германией и Италией, с одной стороны, и Францией - с другой. Война с Британией, конечно, продолжается...

Мирные переговоры прошли гораздо быстрее, чем ожидалось. Было множество телефонных переговоров и многократный обмен телеграммами между французами, находящимися здесь, и теми, кто в Бордо. Одним из маленьких чудес этой войны была линия телеграфной связи с Бордо, которая шла прямиком через обе линии фронта, где до сих пор ведутся бои.

А вчера поздно ночью немцам и французам удалось установить и телефонную связь между полномочными представителями здесь в Компьене и французским правительством в Бордо. Несколько минут назад я слушал запись первого, после того как была установлена связь, разговора. Это интересная, если не печальная, запись для истории.

Немцы протянули телефонную линию до Тура на реке Луаре. Там немецкие инженеры перебросили провода по мосту через реку, где линию подключили каким-то хитрым образом к французской телефонной станции, которая соединила ее с Бордо. Слышно, как немецкий телефонист говорит: "Привет, Бордо! Привет, французское правительство в Бордо!" Он сказал это и по-французски, и по-немецки. Жутко прозвучало, и для французов, должно быть, тоже, когда он сказал по-французски: "Говорит штаб германской армии в Компьене, вызываем французское правительство в Бордо". Связь была отличная, и мы очень хорошо слышали телефониста. Потом линию предоставили французскому правительству и его представителям здесь.

Так и продолжались переговоры о прекращении войны всю прошлую ночь и сегодняшний день. Французская делегация периодически возвращалась из своей палатки в вагон для дальнейших переговоров с генералом Кейтелем. Около полуночи переговоры прервали, и немцы отвезли французских делегатов, хотя у них и были приготовлены койки в палатке, в Париж, расстояние до которого примерно пятьдесят миль, где они и провели ночь. Наверное, город показался им чужим.

Утром французские представители вернулись в Компьенский лес. Около половины одиннадцатого мы увидели, как они заполняют старый пульмановский вагон маршала Фоша. Они сидели около получаса, потом приехал генерал Кейтель. Мы видели сквозь стекла, что они беседуют и просматривают разные документы. В половине второго устроили перерыв, чтобы

французы смогли в последний раз связаться со своим правительством в Бордо.

И вот наступил великий момент. В восемнадцать пятьдесят находящиеся в вагоне джентльмены начинают ставить свои подписи под германскими условиями перемирия. Генерал Кейтель поставил подпись от имени Германии, генерал Хюнтцигер - от имени Франции.

Через несколько секунд все было кончено".

А потом я ухожу из эфира, чтобы предоставить слово Керкеру, который должен провести свою часть передачи. Мне известно, что у немцев в вагоне перемирия есть скрытые микрофоны. Разыскиваю в лесу машину с громкоговорителем. Меня никто не останавливает, поэтому задерживаюсь, чтобы послушать. Как раз момент перед подписанием перемирия. Слышу утомленный, дрожащий голос генерала Хюнтцигера. Записываю его точные слова по-французски. Они произносятся медленно, с большим усилием, по одному. Он говорит: "Я объявляю, что французское правительство приказало мне подписать эти условия перемирия. Я желаю зачитать личное заявление. Вынужденная силой оружия прекратить борьбу, в которой мы участвовали на стороне союзников, Франция осознает навязанные ей весьма жесткие условия. Франция имеет право рассчитывать, что на будущих переговорах Германия проявит дух, который позволит двум великим соседним странам мирно жить и трудиться".

Затем я слышу скрипение перьев, несколько приглушенных замечаний на французском. Позднее кто-то из наблюдавших через окно рассказывал мне, что, когда подписывали документ, адмирал Ле Люк с трудом сдерживал слезы. Потом звучит низкий голос Кейтеля: "Прошу всех членов германской и французской делегаций встать, чтобы выполнить долг перед храбрыми немецкими и французскими солдатами, которые это заслужили. Давайте почтим вставанием память всех, кто пролил кровь за свое отечество, и всех тех, кто погиб за свою страну". Все встают, и наступает минута молчания.

Как только я закончил говорить в микрофон, мне на лоб упала капля дождя. Сквозь деревья я видел на дороге беженцев, медленно и устало тянувшихся мимо - пешком, на велосипедах, в повозках, немногие на грузовиках - нескончаемой вереницей. Они были измождены и находились в каком-то оцепенении, у тех, кто шел пешком, сбиты ноги, и они не знали еще, что теперь война очень скоро закончится.

Я вышел на поляну. Небо затянуло, начинался дождь. Целая армия немецких саперов с веселыми криками уже начала двигать

вагон перемирия.

- Куда? - спросил я.

- В Берлин, - ответили они.

Париж, 23 июня

Кажется, мы вчера всех опередили. Раньше всех сообщили о заключении перемирия, не говоря уж о том, что подробно его описали. Некоторые из тех, кто нам помогал, получают нагоняй. До сегодняшнего утра я понятия не имел, что мы были первыми. Утром Уолтер Керр рассказал мне, что прошлой ночью поймал несколько американских радиопередач. Часа два-три, говорит он, мы были единственными с этими новостями. Кое-кто из наших комментаторов уже начал нервничать, когда время шло, а подтверждения все не было. Они, наверное, вспоминали преждевременное сообщение UP о подписании перемирия 7 ноября 1918 года.

Первый раз за неделю ночью поспал и чувствую себя немного лучше. Позавтракал в полдень в "Cafe de la Paix" с Джо Харшем и Уолтером. Пили кофе со сливками и бриошами, солнце на террасе было теплым и ласковым. В час дня отправились к "Филиппу", где у нас был приятный ланч, первый приличный ланч со дня приезда.

Потом мы с Джо совершили небольшое "сентиментальное путешествие". Пешком, потому что ни машин, ни автобусов, ни такси нет. Мы шли по Вандомской площади и рассуждали о Наполеоне. Потом продолжили свой путь через Тюильри. Мне стало как-то легче, когда увидел, как много там детей. Они качались на качелях. Крутилась заполненная детьми карусель, пока какой-то разгневанный ажан не закрыл ее неизвестно почему (выслуживался перед немцами?).

Был великолепный июньский день, и мы остановились, чтобы полюбоваться из Тюильри (я - точно в миллионный раз) видом на Елисейские Поля с силуэтом Триумфальной арки на горизонте. Вид был хорош как всегда. Потом пошли через Лувр и пересекли Сену. Рыболовы, кал обычно, свесили с берега свои удочки. Я подумал: "Наверняка так будет до скончания Парижа, до скончания мира... люди с удочками на Сене". Остановился, чтобы в тысячный раз посмотреть, - после всех пережитых лет, - может, удастся стать свидетелем хоть небольшой поклевки у кого-нибудь из них. Однако, хотя они без конца дергали свои удочки, никто ничего не поймал. Я никогда не видел рыбы, пойманной в Сене.

Дальше вдоль Сены к Нотр-Дам. От главного портала мешки с песком уже убраны. Мы остановились, чтобы осмотреть собор. Внутри него было слишком много света - из оригинального окна в виде розы и двух окон в поперечных нефах. А со стороны реки,

откуда мы подходили, фасад выглядел грандиозно, готика во всем ее великолепии. Мы обошли собор вокруг.

Потом я стал гидом для Джо. Повел его в соседнюю церковь Сен Жюльен ле Повр, самую старую в Париже, потом по маленькой улочке мимо "Отель-дю-Каво", в винных погребах которого провел в молодые годы столько вечеров. Немного дальше я показал ему бордель на другой стороне улочки шириной восемнадцать футов напротив полицейского участка. Шлюхи, очевидно, сбежали, как почти все приличные люди Франции. Затем миновали Музей Клюни, который был закрыт, задержавшись у памятника Монтеню с его крылатой фразой о том, что Париж это "слава Франций". Рядом с Сорбонной выпили пива в пивной "У Бальзара", где я провел множество ночей в первые мои годы жизни в Париже. Затем, поскольку это было "сентиментальное путешествие", явное и бесстыдное, мы очутились на бульваре Сен-Мишель, потом по улице Вожирар дошли до "Отель-де-Лис-бон", где я прожил два года во время первого приезда в Париж. "Лисбон" был таким же грязным и ветхим, как тогда. Но, судя по объявлению, у них появилась ванная комната. Когда я здесь жил, таких признаков цивилизации у них не было.

Дальше с Сен-Мишель свернули к Пантеону, а потом прошлись по Люксембургскому саду, как всегда прекрасному и как всегда заполненному детьми, при виде которых я опять повеселел, и были статуи французских королев вокруг главного пруда, где детвора пускала кораблики, и в стороне стоял дворец, и прелестная девушка сидела под статуей королевы такой-то, правившей, как я успел заметить, когда мы оторвали взгляд от красотки, в тысяча сто каком-то году.

Потом был Монпарнас с аперитивами на тротуаре возле "Ротонды", и на другой стороне улицы "Дом", как обычно заполненный сумасшедшими, а за большим столом общество француженок, буржуа средних лет, явно выходящих из оцепенения, судя по тому, как они раздражались при виде девиц (они ведь прежде всего француженки!), пытавшихся "подцепить" немецких солдат.

А затем двинулись в обратный путь, выпили в "Маго" напротив Сен-Жермен-де-Пре, массивная башня которого, казалось, сегодня, как никогда, излучала покой, дальше вниз по улице Бонапарта мимо книжных и художественных лавочек, таких цивильных, мимо дома, где мы с Тэсс жили в 1934 году. Опять перешли через Сену, и Джо захотелось прогуляться по саду Пале-Руайаль, что мы и сделали, в нем было так же спокойно, как всегда, не считая гудящих немецких самолетов над головой.

И оттуда - в наш отель, забитый немецкими солдатами, с движущейся по бульвару перед ним длинной колонной немецкой артиллерии. Вернулся из Парижа. Выехали оттуда в семь утра и двинулись по "полям сражений" (точнее, по разрушенным городам, где в эту войну велись сражения) в Брюссель. Немецкие офицеры и чиновники сказали, что не прочь еще разок как следует пообедать перед возвращением в фатерлянд, поэтому я отвез их в таверну "Руайаль". Мы навалились на закуски, бифштексы, горы овощей и свежую клубнику со сливками и запили все это двумя бутылками отличного "Шато Марго".

По пути в Брюссель мы проезжали через Компьен, Нуайон, Валенсьен и Мо все сильно разрушены. Но, кроме как в городах, я нигде не видел следов тяжелых боев. То там, то здесь брошенные танки и грузовики союзников, но вдоль дорог никаких признаков серьезного сопротивления французов. В городах французы и бельгийцы все еще выглядят подавленными, но не слишком озлобленными, как можно было бы ожидать. Так же, как везде, они исключительно корректны по отношению к немцам.

Атташе германского посольства в Брюсселе провожал нас до самого Лувена, и причина этого вскоре прояснилась. В Лувене нас подвезли прямо к обугленным руинам библиотеки. Только мы вышли из машин, как к нам, якобы случайно, подъехал на велосипеде местный священник и поприветствовал нас. Так получилось, что он вроде бы был в хороших отношениях с чиновником германского посольства. И затем они оба изложили историю, которую пропагандисты преподнесли мне пару недель назад на этом же самом месте, а именно - что библиотеку подожгли перед отступлением англичане.

Признаюсь, было несколько моментов, которые меня смущали. Абсолютно не пострадало ни одно из соседних зданий, а некоторые находятся в каких-то пятидесяти футах отсюда. В них даже окна целы. Немцы с бельгийским священником без конца твердили об этом в доказательство того, что немецкие бомбы в библиотеку не попадали. В то же время я замечаю две небольшие пробоины в башне, которая все еще держится. Сброшенные на библиотеку зажигательные бомбы не повредили бы соседние дома. Правда, если бы их сбросили много, то некоторые могли не попасть в цель и поджечь дома по соседству.

Священник, сказавший, что он был одним из библиотекарей, разъяснил, что бесценные манускрипты хранились в подвале в огнеупорных сейфах. Потом он утверждал, что англичане начали поджог с подвала и огонь проник в хранилище. И он, и немцы без конца подчеркивали, что по виду обугленных обломков, перекрытий и всего прочего ясно, что пожар начался с подвала.

Но мне это не показалось очевидным.

Добравшись к заходу солнца до германской столицы, мы не поехали по дороге Маастрихт - Аахен, так как наших немцев предупредили в германском посольстве в Брюсселе, что таможенники рейха будут с нами очень строги. А обе наши машины были доверху нагружены трофеями, приобретенными за марки, которые французам навязали по грабительскому курсу: двадцать франков за одну марку. Немецкие офицеры и чиновники совершили налет на Париж, скупив костюмы, отрезы шотландской шерсти, дамские сумочки, шелковые чулки, духи, нижнее белье и т. п. Несколько часов мы колесили по дорогам, пытаясь найти одинокий таможенный пункт. Чем ближе мы подъезжали к границе, тем больше нервничали немцы. Офицер из верховного командования, один из самых порядочных из всех, кого я знаю, без конца повторял, какой это будет для него позор, если его в форме задержат с поличным при провозе такого количества барахла. Он рассказал, что его коллеги офицеры так оскандалились, злоупотребив своими возможностям, что несколько дней назад Гитлер дал строгое указание таможенникам отбирать у возвращающихся солдат и офицеров все, что найдут. В конце концов я предложил взять все на себя, если дело дойдет до досмотра, и сказать таможенникам, что вся добыча моя.

Небольшая долина восточнее Льежа была к вечеру зеленой и прохладной, и там почти не было следов войны, не считая одной разрушенной деревни и взорванных мостов на железной дороге в Аахен. Наконец мы прибыли на германскую границу. Наш водитель, рядовой солдат, тоже, конечно, накупивший немало товаров, так нервничал, что готов был выскочить и убить таможенника. Но наш офицер из верховного командования говорил твердо и убедительно, и мы проехали со всей своей добычей.

В Аахен приехали как раз вовремя, чтобы успеть на ночной поезд до Берлина. Продрогший и измученный от недосыпания, я забрался на верхнюю полку и сразу же провалился в глубокий сон. Это было около десяти вечера. Примерно в половине двенадцатого меня разбудил дикий вой сирен. По шуму я понял, что мы стоим на станции (потом я узнал, что в Дуйсбурге). Едва смолкла сирена, поезд резко дернулся и так быстро начал набирать скорость, что я боялся, как бы он не сошел с рельсов на каком-нибудь повороте. Я уже совсем проснулся и, если честно,, ничуть не был напуган. Сквозь грохотание поезда услышал звук низколетящих английских бомбардировщиков, потом они нырнули еще ниже, видимо пытаясь нас достать (Керкер утром рассказал, что видел их из окна вагона). В конце концов

англичане, видимо, махнули на наш поезд рукой, как на мелюзгу, каковой он и был. По крайней мере, я не слышал разрывов бомб. Гул британских самолетов затих вдали. Наш машинист умерил скорость до нормальной, и я снова уснул.

Берлин, 27 июня

Подведем итоги.

С некоторыми оговорками. В том плане, что пока еще слишком рано, чтобы знать все. Что всего не увидишь в любом случае. Вот так.

Но из того, что я увидел в Бельгии и Франции, из разговоров с немцами и французами в обеих странах, с французскими, бельгийскими и английскими военнопленными на дорогах, мне абсолютно ясно следующее.

Франция не воевала.

Если воевала, то свидетельств этому мало. Не я один, несколько моих знакомых проехали от германской границы до Парижа и обратно, по всем основным дорогам. Никто из нас не видел никаких признаков ожесточенных боев.

Поля во Франции не тронуты. Боев не было ни на одной укрепленной линии. Германская армия продвигалась вперед по дорогам. Но даже на дорогах мало следов того, что французы делали что-то большее, чем просто подгоняли противника. И это-то делалось только в городах и деревнях. И они их только поторапливали или задерживали ненадолго. Не было ни одной попытки занять жесткую оборону и провести хорошо организованную контратаку.

А если немцы избрали войну на дорогах, то почему французы их не остановили? Дороги - отличные цели для артиллерии. И тем не менее я не видел в Северной Франции ни одного ярда дороги, пострадавшего от артиллерийского огня. На пути в Париж, когда мы проезжали район, где началось второе германское наступление, офицер верховного командования, не принимавший участия в этой кампании, не переставал твердить, что вот на той высоте, господствующей над дорогой и прекрасно укрытой густым лесом, французы могли бы догадаться поставить несколько орудий. Всего несколько орудий, и дорога оказалась бы непроходимой, повторял он, и даже велел нам остановиться, чтобы изучить обстановку. Но на тех лесистых высотках никаких орудий не было, как и воронок от снарядов - ни на дороге, ни рядом с ней. Немцы прошли здесь мощной армией, едва ли сделав хоть один выстрел.

Французы взорвали много мостов. Но и оставили множество стратегически важных, особенно через Маас - крупную естественную преграду, глубокую, с крутыми берегами,

заросшими лесом. Не один французский солдат из тех, с кем я беседовал, считает это откровенным предательством.

Ни в одном месте во Франции и только в двух-трех местах в Бельгии видел я грамотно заминированные дороги. В деревнях и городах французы набросали наспех противотанковые заграждения, обычно груды камней и хлама. Немцы разметали их в считанные минуты. Громадную воронку от разорвавшейся мины невозможно было бы не заметить.

В Париже Д.Б., наблюдавший войну с другой стороны, приходит к выводу, что предательство во французской армии было сверху донизу: сверху - фашисты, снизу - коммунисты. Я слышал из немецких и французских источников множество историй о том, как коммунисты получали от своей партии приказ не воевать, и не воевали...

Многие французские военнопленные говорят, что ни разу не видели боя. Когда казалось, что он неминуем, они получали приказ отступить. Именно этот неизменный приказ отступать еще до вступления в схватку или, по крайней мере, не доведя ее до конца разрушил сопротивление бельгийцев.

Сами немцы рассказывают, как в одном танковом бою, когда у них кончались боеприпасы, их атаковала большая группа французских танков. Немецкий командир приказал отступать. Когда немецкие танки, очень осторожно преследуемые французами, отошли на некоторое расстояние, немцы получили приказ развернуться и симулировать атаку, стреляя из автоматов и из всего, что найдется в танках, и выполнять при этом запутанные маневры. Они так и сделали, а французы, завидев армаду надвигающихся на них танков, хотя те и были без боеприпасов, повернулись и ушли.

Один немецкий офицер-танкист, с которым я беседовал в Компьене, сказал: "Французские танки в некотором отношении превосходили наши. У них более надежная броня. И временами, скажем в течение нескольких часов, французские танковые корпуса здорово и храбро дрались. Но вскоре мы начинали явно чувствовать, что у них пропал энтузиазм. Как только мы это понимали и начинали действовать уверенно, все заканчивалось". Месяц назад я счел бы такие рассказы нацистской пропагандой. Теперь я им верю.

Другая загадка. После того как немцы прорвались через франко-бельгийскую границу от Мобёжа до Седана, они рассказывают, что двигались прямо через Северную Францию к морю без единого выстрела. Когда они вышли к морю, то Булонь и Кале обороняли в основном англичане. Вся французская армия казалась парализованной, не способной ни на малейшее

действие, ни на какое сопротивление.

Да, у немцев было превосходство в воздухе. Да, англичане не обеспечивали той воздушной поддержки, которую могли и должны были обеспечивать. И все-таки даже это не объясняет поражение французов. Насколько можно понять, эффективность военно-воздушных сил в этой войне преувеличена. Читаешь о массированных авиационных налетах по колоннам союзников на дорогах. Но напрасно искать там следы этих налетов. Воронок от бомб нет. Да, германская тактика состояла в том, чтобы сначала обстрелять войска из пулеметов, а потом, когда они рассредоточатся по обочинам дороги, бомбить эти обочины (сохранив таким образом дорогу, которой они захотят воспользоваться в будущем). Но и по ним едешь плавно. Редкие воронки вдоль обочин или на прилегающих полях - этого недостаточно, чтобы уничтожить армию. Самая смертоносная работа была проделана германской авиацией у Дюнкерка, где англичане сдерживали немцев ровно десять дней.

Тогда выходит, что в целом, хотя французы и сражались храбро то в одном, то в другом месте, их армия оказалась парализованной сразу же после первого прорыва немцев. А потом она прекратила свое существование, практически без борьбы. Во-первых, у французов, словно их кто одурманил, не оказалось воли к борьбе даже тогда, когда на их землю вступил самый ненавистный враг. Это был полнейший коллапс всего французского общества и французского духа. Во-вторых, имели место предательство или преступная халатность в верховном командовании и среди старших офицеров в войсках. А в широких солдатских массах победу одержала коммунистическая пропаганда. Ее идея была: "Не воевать". Никогда еще этот народ так не предавали.

Еще два соображения.

Первое. Профессионализм союзного и германского командования. Всего несколько недель назад генерал сэр Эдмунд Айронсайд, начальник британского имперского Генерального штаба, хвастливо говорил американским корреспондентам в Лондоне о своем главном преимуществе, которое заключалось в том, что во Франции в его распоряжении было несколько генералов, командовавших во время прошлой мировой войны дивизиями, а немецкие генералы гораздо моложе, и в прошлую войну они командовали разве что ротами. Сэр Эдмунд всерьез полагал, что имеющийся у его престарелых генералов опыт в конце концов окажется решающим фактором.

Это было глупое хвастовство, и наверняка сейчас, в свете происшедших событий, генерал о нем сожалеет. Да, командный

состав германской армии по большей части просто юнцы по сравнению с теми французскими генералами, которых мы видели. Последние производят впечатление культурных, интеллигентных, дряхлых и болезненных стариков, у которых новые идеи перестали возникать лет двадцать назад, а больших физических нагрузок не было уже лет десять. Немецкие генералы - полная противоположность. Многим нет и сорока лет, большинству - от сорока до пятидесяти, немногим, среди высших чинов, - от пятидесяти до шестидесяти. И у них есть все свойства молодости: энергия, смелость, воображение, инициативность и хорошее физическое здоровье. Генерал фон Рейхенау, командовавший в Польше Целой армией, первым форсировал Вислу. Он ее переплыл. Командиром нескольких сот германских парашютистов в Роттердаме был генерал, который рисковал наравне с лейтенантами и рядовыми, его тяжело ранило. Во главе всех крупных танковых атак шли боевые генералы. Они не сидели в специально вырытых за десять миль от линии фронта безопасных убежищах и не управляли войсками по радио. Они находились в своих танках в гуще сражения и командовали по радиосвязи или с помощью сигналов оттуда, откуда они могли видеть, как идет бой.

И, как полагается юным, эти молодые генералы не испытывали сомнений относительно нововведений, неординарных и рискованных действий.

Главная беда союзного, особенно французского, командования была в том, что в нем преобладали старики, которые совершили фатальную ошибку, полагая, что эта война будет вестись по тем же общим схемам, что и прошлая. Их негибкое военное мышление застряло где-то между 1914-м и 1918 годом, и эта матрица в их умах осталась неизменной. Я думаю, это объясняет, почему, столкнувшись с новым немецким типом ведения войны, французы не смогли настроить себя на противостояние ей.

Ничто не заставило этих дряхлых стариков заранее приспособиться к совершенно новому виду боевых действий. Непостижимым в нынешней военной кампании на западе является то, что союзное командование вообще, кажется, не позаботилось о том, чтобы учесть уроки польской кампании. Ведь в Польше германская армия применила ту же тактику, что и позднее в Нидерландах, Бельгии и Франции: парашютисты и пикирующие бомбардировщики для нарушения коммуникаций в тылу, стремительные, пронзающие, как игла, удары танковых дивизий по главным дорогам через линии обороны противника, чтобы оттеснить его поглубже и зажать в клещах, избегая таким

образом фронтальных атак и не давая противнику возможности вести фронтальную оборону вдоль охраняемого рубежа, и выход в глубокий тыл противника еще до того, как он сумеет обустроить позиции. Восемь месяцев отделяют польскую кампанию от наступления на западе, и до сих пор мало что свидетельствует об использовании генералами Британии и Франции этого драгоценного времени для организации новой системы обороны, соответствующей тактике, примененной немцами в Польше. Видимо, они сильно недооценили сопротивление, оказанное польской армией. Возможно, решили, что она была просто плохо вооруженной толпой и что в столкновении с первоклассной армией, подобной французской, укрывшейся за линией Мажино, новый стиль боевых действий немцев не будет столь эффективен. Если бы линия Мажино простиралась от Седана до моря, такая точка зрения была бы оправданна. Но союзники знали, и немцы помнили, что линия Мажино заканчивалась как раз в нескольких милях восточнее Седана.

Второе обстоятельство - фантастически высокий моральный дух германской армии. Из тех, кто не видел ее в действии, мало кто понимает, насколько она отличается от той, которую кайзер бросил против Бельгии и Франции в 1914 году. Я вспоминаю, как удивил меня в прошлое Рождество совершенно новый дух в германском военно-морском флоте. Он основывался на товарищеских отношениях между офицерами и рядовыми. То же самое и в немецкой сухопутной армии. Это трудно объяснить. Старый прусский "гусиный шаг", щелканье каблуками, "Так точно!" рядового при ответе офицеру - все это еще есть. Но громадная пропасть между рядовыми и офицерами в эту войну исчезла. Немецкий офицер больше не представляет собой или, по крайней мере, не осознает себя представителем какого-то класса или касты. И солдаты в строю чувствуют это. Они чувствуют себя членами одной большой семьи. Даже отдание чести имеет новый смысл. Немецкие военнослужащие отдают честь друг другу, придавая этому жесту скорее товарищеский смысл, нежели просто признавая старшинство в чине. В кафе, ресторанах и закусочных солдаты и офицеры в неслужебное время сидят за одним столом и разговаривают как мужчины с мужчинами. Такое было бы немыслимо в прошлую войну и, вероятно, необычно для армий Запада, включая нашу. На фронте солдаты и офицеры обычно питаются с одной полевой кухни. В Компьене я обедал с одним молодым капитаном, который стоял в очереди к полевой кухне вместе с солдатами. Вспоминаю полковника в Париже, который устроил десятку своих солдат великолепный ланч в маленьком баскском ресторанчике на авеню Опера. Когда ланч закончился,

он с заботливостью любящего отца составил им план осмотра достопримечательностей Парижа. Уважение этих простых солдат к своему полковнику трудно было бы преувеличить. Причем не как к старшему по званию, а как к человеку. Гитлер сам разработал для немецких офицеров подробные инструкции о том, как они должны проявлять интерес к личным проблемам своих подчиненных. Одним из самых эффективных подразделений германской армии на фронте является полевая почта, доставляющая солдатам письма и посылки из дома, независимо от места их расположения, и заботящаяся о своевременной отправке писем и посылок с фронта. В последние дни редкий солдат не отправил домой бесплатно по полевой почте шелковые чулки и духи.

Одна из причин высокого морального духа солдат заключается в том, что они осознают: все самое лучшее, что может, страна отдает им, а не гражданским лицам, находящимся дома. У них лучшая еда и одежда. Зимой в Германии могут не отапливаться жилые дома, но не казармы. Гражданские лица на своих безопасных работах могут не видеть апельсинов, кофе и свежих овощей, но войска получают их ежедневно. В прошлое Рождество солдаты отправляли домой продовольственные посылки, а не наоборот. Гитлер сказал однажды, что как бывший солдат мировой войны позаботится о том, чтобы солдаты новой армии извлекли пользу из полученного им опыта. И в этом, по крайней мере, случае он, кажется, сдержал свое обещание.

Берлин, 28 июня

Несколько слов о том, за что гестапо расстреляет меня, если гестаповцы или военная разведка обнаружат мои записи. (Я прячу их в своем гостиничном номере, но их легко сможет отыскать даже сыщик-любитель.)

Я был шокирован тем, как германская армия обманно использует знак Красного Креста в Бельгии и во Франции.

На днях мы остановились в сорока милях от Парижа у одного крупного армейского склада горючего, чтобы заправить наши машины. В саду под деревьями стояло сорок - пятьдесят армейских бензовозов. На некоторых из них были наклеены огромные знаки Красного Креста. Многие обычные грузовики с брезентовыми тентами, на которых перевозят бочки с горючим, имеют наверху и по бокам красные кресты и действительно выглядят как санитарные машины. Немецкий офицер, который заметил, что я заинтересовался бессовестным использованием этого знака, быстренько затолкал нас в машины и увез.

Этим можно объяснить, почему люфтваффе не считались со знаком Красного Креста на стороне союзников. Вероятно, Геринг

рассудил, что союзники занимаются тем же самым. Это объясняет и кое-что из рассказов корреспондентов, побывавших на днях в Дюнкерке. Их больше всего поразила колонна обгоревших останков английских и французских санитарных машин, растянувшаяся вдоль берега. Видно было, что из них собирались перегружать раненых на какие-то суда, когда налетевшие бомбардировщики забросали их фугасными и зажигательными бомбами. Обугленные тела раненых все еще лежат в машинах. Ни один немецкий летчик, отметили корреспонденты, не мог не заметить больших красных крестов на крышах санитарных машин.

Я также заметил в Бельгии и во Франции, что многие немецкие штабные офицеры разъезжают на машинах с красными крестами.

Сегодня двадцать первая годовщина подписания Версальского договора. А созданный им мир, похоже, прохрипел сегодня свою лебединую песню, когда германские войска достигли испанской границы, а советские вошли в Бессарабию и Буковину. На прошлой неделе в Париже я узнал из одного авторитетного источника, что Гитлер планировал устроить еще одно унижение Франции, организовав парад победы перед Версальским дворцом в этот день двадцать первой годовщины. Он должен был произнести речь в Зеркальном зале, где был подписан договор, и официально объявить о его прекращении. По какой-то причине все это отменили. Я слышал, что парад будет проведен в Берлине.

Сегодняшний официальный комментарий из Румынии на захват Россией Бессарабии и Буковины: "Румыния выбрала разумный путь".

Выдвижение Уилки занимает в сегодняшних берлинских газетах три строки. Его называют там "General-Director" Уилки.

Один или два представителя американских пресс-ассоциаций так жестко разговаривали с доктором Бёмером, пресс-атташе министерства пропаганды, насчет того, как мы по радио опередили всех с сообщением о перемирии в Компьене, что он заверил их, будто я не имел разрешения использовать германский передатчик и, должно быть, передал свой материал через "какую-то французскую радиостанцию". В действительности мы воспользовались немецким передатчиком, находившимся под Берлином, и д-ру Бёмеру это наверняка известно.

Дело в том, что немцы провели грандиозную в техническом отношении работу, передав наши сообщения о перемирии. Приложив нечеловеческие усилия, военные связисты за пару дней проложили радиокабель из Брюсселя в Компьенский лес. Ранее, в

ходе этой военной кампании, они связали бельгийскую столицу с Кёльном, ближайшим пунктом в радиотрансляционной сети рейха. Первый же день в Компьене показал, что необходимо было иметь радиокабель, а не простую воздушную телефонную линию. Если наши с Керком голоса, как нам сообщили, звучали в Нью-Йорке чисто, как колокольчики, то корреспонденты американских газет, передававшие свои сообщения по телефону не далее как в Берлин, жаловались, что, хотя и орали во всю глотку", в Берлине их еле слышали.

Получив прекрасную кабельную линию через Брюссель и Кёльн, мы решили девять десятых наших проблем. Германская радиовещательная система снабдила нас микрофонами, которые они установили в пятидесяти футах от вагона перемирия, и усилителем в машине. Это было все, что нам нужно. Кроме того, в Берлине был человек, который постоянно держал связь с Нью-Йорком на коротких волнах, чтобы сообщить им, когда мы выйдем в эфир. Пол Уайт телеграфировал, что в первый день они поймали нас всего за минуту, как мы начали говорить, поэтому у них было мало времени, чтобы отключить идущую в эфире программу и подключить нас.

Тем, что мы передали это сенсационное сообщение раньше всех, мы обязаны, как всегда бывает в таких случаях, благоприятному стечению обстоятельств. Во-первых, мы не знали, что до опубликования в Берлине официальное коммюнике о подписании перемирия должно быть утверждено Гитлером. Поскольку Гитлер находился в другом месте, на это ушло несколько часов. Предполагалось, что радио Германии распространит коммюнике в Берлине, как только в 18.50 о нем сообщат из Компьена, в ту же секунду, когда перемирие будет подписано. Мы не выходили в эфир до 20.15, то есть вышли на час и двадцать пять минут позже.

Фактически нас задержали на сорок пять минут, поскольку национальный радиокомитет, естественно, использовал линию для собственной передачи в Берлин. К счастью, немцы решили не транслировать ее немедленно, а записать в Берлине и попридержать, пока не будет получено одобрение верховного командования. А это, на нашу удачу, заняло несколько часов.

А за день до этого верховное командование заставило нас пройти такую же процедуру. То есть мы должны были передать по радио наше сообщение о первом дне переговоров в Берлин, где его записали и дали прослушать цензорам, и после того, как военные дали нам "добро", мы вышли в эфир напрямую в Нью-Йорк. Но на второй день я увидел, что можно воспользоваться взволнованным состоянием немцев по поводу подписания

перемирия. Путем запугивания и с помощью троих немцев - Адамовски, главы германского радио, Дитриха, начальника коротковолнового вещания, и одного полковника из германского верховного командования - мы обошлись без записи и начали вещание прямо на Нью-Йорк. Никто от нас этого не ожидал. Позже три перечисленных выше джентльмена клялись, что не предполагали, что мы выйдем в эфир. Важно было то, что в царившем там возбуждении я заставил их отдать распоряжение просто переключить тумблер в аппаратной студии в Берлине, которая выводит нас в эфир, прямо на Нью-Йорк. Когда Гитлер, верховное командование и Геббельс узнали, что мы выдали американскому народу подробное тридцатиминутное описание церемонии заключения перемирия за несколько часов до того, как о нем даже официально было объявлено в Берлине, и до того, как германское радио объявило о нем своему народу, они пришли в ярость. Троим моим немецким помощникам грозил военный трибунал или кое-что похуже, и они пережили несколько неприятных дней, пока дело в конце концов не замяли.

Любопытная вещь: в этой стране только германская армия понимает положение американского радио как поставщика новостей и аналитических обзоров в Соединенные Штаты. Доктор Геббельс и его шеф отдела по связям с зарубежной прессой доктор Бёмер никогда этого не понимали, и только по настоянию военных нас с Керкером вообще взяли в Компьен. Бёмер, явный противник радио, фактически выпроводил Лохнера, Хасса и Ошнера из Компьена на самолете в Берлин утром того дня, когда было подписано перемирие, с тем чтобы из германской столицы они первыми смогли передать эту новость. Как оказалось, это было стратегической ошибкой, и в день подписания в Компьене не оказалось ни одного корреспондента газеты.

Так как пара американских репортеров часто жаловались нацистам по поводу моих поездок на фронт - на том основании, что моментальная радиосвязь ставит их в невыгодное положение, поскольку им приходится передавать свой материал менее быстрым способом - по телефону или телеграфу, я пытался сглаживать эту абсурдную идею о конкуренции, соглашаясь задерживать свои обычные радиопередачи до тех пор, пока их сообщения не попадут в Нью-Йорк. А так как Эн-би-си и Си-би-эс являются подписчиками всех американских пресс-ассоциаций, то для радио нет опасности, что газеты его когда-нибудь опередят. И я считаю, что мы проделываем здесь разную работу, просто дополняя в итоге друг друга. Здесь не должно быть никакой глупой конкуренции между американской прессой и радио.

Женева, 4 июля

Приехал сюда в отпуск на неделю. Смрад конских трупов и трупов солдат в Бельгии и во Франции кажется частью какого-то другого мира, в котором ты жил давным-давно. Восторженные крики Эйлин, когда я впервые в ее жизни, в солидном возрасте двух с половиной лет, взял ее купаться, мягкий голос Тэсс, читающей Эйлин перед сном сказку, - все это опять стало реальностью, и это здорово.

Здесь много говорят о "новой Европе", тема, которая у большинства людей вызывает дрожь. Швейцарцы, призвавшие на военную службу больше мужчин на душу населения, чем какая-либо другая страна в мире, начинают частичную демобилизацию. Они считают свое положение абсолютно безнадежным, окруженные победившими тоталитарными режимами, они вынуждены просить их о поставках продовольствия и других товаров. Ни у кого нет иллюзий по поводу будущего отношения к ним диктаторов. Газеты полны советов: готовьтесь к трудным временам. Прощай высокий уровень жизни, свобода личности, благопристойность в общественной жизни...

Возможно также, что швейцарцы не представляют, что диктаторы в действительности готовят для них. И теперь, когда Франция потерпела полный крах, а немцы и итальянцы окружили Швейцарию со всех сторон, военные усилия безнадежны.

Вид с набережной на Монблан был сегодня волшебным, снег на нем в лучах послеполуденного солнца казался розовым. Позже я поехал к консулу на празднование 4 июля. Чудный уютный домик в деревне, коровы, щиплющие траву на соседних лугах. Чересчур много разговоров.

Люди обсуждают вчерашнюю акцию англичан, затопивших в Оране три французских линкора, чтобы не допустить их захвата немцами. Французы, которые сами по себе потонули глубже некуда, заявляют, что разорвут отношения с Британией. Они говорят, что верят обещанию Гитлера не использовать французский флот против англичан. Достойно сожаления. И все же во Франции будет большой траур. Сердечное Согласие{36} умерло.

Мы обедали у озера, на альпийской стороне, под старым густым каштаном, ветви которого простирались над водой. Юрские горы казались такими синими, глубокого дымчато-синего цвета, какого я никогда не видел. Они выглядели одинокими и гордыми, и теперь их оккупировали немцы. Я оставил компанию и подошел к парапету, чтобы полюбоваться заходом солнца. Переполняющая синева Юрских гор отразилась в воде Женевского озера, которое напоминало стекло, аккуратно уложенное меж зеленых холмов и деревьев. На озере начали вспыхивать огоньки.

Женева, 5 июля

Авенол, генеральный секретарь Лиги Наций, вероятно, надеется, что получит работу в гитлеровских Соединенных Штатах Европы. Вчера он уволил всех британских помощников, посадил их в автобус и отправил во Францию, где они, скорее всего, будут арестованы немцами или французами.

Сегодня на закате сквозь деревья видно было здание Лиги Наций из белого мрамора. У него величественный вид, и в сознании многих людей Лига олицетворяла великую надежду. Но она не постаралась ее оправдать. Нынешней ночью это была только скорлупа: здание, организация, надежда - все мертво.

Берлин, 8 июля

Завтра Франция, еще несколько недель назад считавшаяся последним оплотом демократии на континенте, отбрасывает свою демократию и вступает в ряды тоталитарных государств. Лаваль, которого Гитлер выбрал для выполнения этой грязной работы во Франции (посредником выступает печально известный Отто Абец) заставит палату депутатов и сенат собраться и проголосовать за самороспуск, передав всю власть маршалу Петэну, а Лаваль за его спиной будет дергать за ниточки в качестве гитлеровского ставленника, хозяина марионеток. Нацисты смеются.

Сегодня сюда прибыл вагон перемирия.

Берлин, 9 июля

Нацисты все еще смеются. Вот что пишет "Dienst aus Deutschland", печатный орган министерства иностранных дел, комментируя сегодняшний вишистский роспуск французского парламента: "Замена прежнего режима во Франции на авторитарную форму правления никоим образом не повлияет на политические итоги войны. Дело в том, что Германия не считает пока, что все счеты между ней и Францией сведены. Они будут сведены позднее с учетом исторических реалий... не только двух десятилетий, прошедших после Версаля, но и гораздо более ранних времен".

На сегодняшней вечерней пресс-конференции Альфред Розенберг сообщил нам, что Швеция должна будет присоединиться к остальной Скандинавии и добровольно перейти под протекторат рейха. Присутствовавшие в зале эмиссары Геббельса и Риббентропа тут же помчались докладывать своим боссам о неосторожных высказываниях Розенберга и вернулись еще до того, как он закончил выступление (он был очень многословен). Оба передали председательствовавшему доктору Бёмеру записки. Как только Розенберг сел на место, Бёмер вскочил и взволнованно объявил, что выступавший говорил только от своего имени, а не от имени германского

правительства.

Берлин, 10 июля

Ганс приходил меня навестить. Он только что приехал сюда на машине из Ируна, с франко-испанской границы. Говорил, что не может забыть Вердена, в который заезжал вчера. В нем ни на одном доме ни царапины. А в прошлую мировую войну там не осталось ни одного целого дома. Вот вам и разница между 1914-1918-м и 1940 годами.

Берлин, июль (без даты)

Ральф Барнес, корреспондент "Herald Tribune" (и один из моих самых старых друзей), приехавший сюда прямо перед началом большого наступления, сегодня покинул Берлин, по требованию властей. Вместе с ним уехал и Рассел Хилл, помогавший и мне, и ему. Их вышвырнули из-за статьи Ральфа, в которой говорилось, что русско-германские отношения сейчас не такие дружественные, как прежде. На Вильгельмштрассе весьма чувствительны к этой теме. Но я думаю, что истинная причина кроется в ненависти нацистов к издательской политике "Herald Tribune" и к той настойчивости, с которой она держит здесь ничего не боящихся независимых корреспондентов, единственная из всех нью-йоркских газет. Хотя Рассел и не имел отношения к той информации, нацисты не могли ему простить твердый отказ подчиняться им и использовали появившуюся возможность, чтобы заодно избавиться и от него. Мы с Ральфом совершили прощальную прогулку по Тиргартену. Он, естественно, подавлен и не очень-то понимает, что его отъезд есть доказательство того, что он был честнее многих из нас, кому позволено остаться{37}.

Сегодня немецкие газеты проинформировали своих читателей, что германские вооруженные силы всех родов войск "находятся в состоянии готовности к нападению на Англию. Дата наступления будет определена фюрером лично". Ходят слухи, что верховное командование от этого не в восторге, но Гитлер настаивает.

Берлин, 17 июля

В Берлине триста эсэсовцев начали изучать суахили. Суахили - это смешанный язык общения в бывшей германской колонии в Восточной Африке.

Берлин, 18 июля

Сегодня, впервые после 1871 года, германские войска устроили парад победы через Бранденбургские ворота. Они были представлены дивизией, сформированной в Берлине. Магазины и заводы закрыть, таков приказ, и весь город вышел веселиться. Ничто так не радует берлинцев, в целом наивных и простых людей, как хороший военный парад. И свободный от тупой

работы и унылого дома день. Я смешался с толпой на Паризерплац. Повсеместно царило праздничное настроение. Никакой воинственности в людях. Они просто пришли хорошо провести время. Глядя на них, я задавался вопросом, понимает ли кто-нибудь из них, что происходит сейчас в Европе. Имеют они хотя бы отдаленное представление о том, что их веселье, победный парад "гусиным шагом" зиждятся на трагедии миллионов других людей, которых эти солдаты и их вожди поработили? Держу пари, что ни один из тысячи даже не подумал об этом. На площади было довольно душно, и десятка два женщин на площади упали в обморок. Опытные санитары из Красного Креста поднимали их с тротуаров на носилки и уносили в ближайшие пункты скорой помощи.

Все солдаты были крепкими и загорелыми, и они маршировали гусиным шагом, как автоматы. Лошадь под одним офицером, видимо не привыкшая к парадам победы, устроила небольшой цирк. Дико взбрыкнув, она ударилась задом о зрительскую трибуну, чуть не угодив в доктора Геббельса.

Последний раз германские войска маршировали через Бранденбургские ворота после войны, холодным пасмурным днем 16 декабря 1918 года. Это был день возвращения прусской гвардии. Память коротка.

Мы слышали, что завтра Гитлер будет выступать в рейхстаге. Но нас припугнули высылкой, если мы сообщим об этом в Америку. Гиммлер боится налета английских бомбардировщиков. Ходят разговоры, не будет ли это, как уже было однажды хмурым утром 1 сентября, подходящим моментом для объявления нового блицкрига, на этот раз против Британии, или для предложения мира. Моя гостиница заполнена высшим генералитетом, собравшимся на это представление.

Берлин, 19 июля

Это не будет блицкриг против Британии, по крайней мере пока. Сегодня вечером в рейхстаге Гитлер "предложил" мир. Он заявил, что не видит причин продолжать эту войну. Но разумеется, это мир с Гитлером, оседлавшим континент в качестве завоевателя. Покидая фантастическое шоу в рейхстаге, а оно было самым красочным из всех, что я видел, я размышлял, как расценят это англичане. Что касается немцев, то здесь сомнений нет. Это был мастерский ход, рассчитанный на то, чтобы сплотиться для войны с Англией. Потому что теперь немецкий народ скажет: "Гитлер предлагает Англии мир, и без всяких условий. Он заявляет, что не видит причин для продолжения войны. Если она продолжается, виновата Англия".

Меня интересовало, каков будет ответ Англии, и как только я

приехал на радио, чтобы подготовиться к своей передаче, сразу поймал Би-би-си на немецком языке{38}. И ответ уже был! Внушительное громкое НЕТ. Чем больше я размышлял над этим, тем меньше удивлялся. Мир Англии с Германией, абсолютной хозяйкой на континенте, невозможен. Далее: у англичан, должно быть, есть какие-то основания для уверенности в том, что они смогут успешно защищать свой остров и в конце концов победить Гитлера. Потому что Гитлер предоставил легкий способ спасти для себя хоть что-то. Всего полтора года назад я видел в Мюнхене, как они ухватились за подобную соломинку. НЕТ на Би-би-си было весьма впечатляющим. Диктор осыпал насмешками каждое высказывание Гитлера. Сидевшие в комнате офицеры верховного командования и чиновники из различных министерств не могли поверить своим ушам. Один из них крикнул мне: "Вы что-нибудь понимаете? Вы в состоянии понять этих английских идиотов? Отвергать мир сейчас?" Я только хмыкнул неопределенно. "Они с ума сошли", сказал он.

Гитлер преподнес свое мирное "предложение" весьма красноречиво, по крайней мере для немцев. Он сказал: "В этот час я считаю своим долгом перед собственной совестью еще раз воззвать к разуму и здравому смыслу. Я не вижу причин для продолжения этой войны".

Не было ни аплодисментов, ни радостных возгласов, ни стука тяжелых башмаков. Была тишина. И она была напряженной. Потому что в глубине души немцы сейчас хотят мира. Гитлер продолжил в тишине: "Меня огорчает мысль о том, каких жертв она потребует. Я хотел бы предотвратить их, в том числе и для моего собственного народа".

Гитлер, которого мы видели сегодня вечером в рейхстаге, был победителем, и он осознавал это, и в то же время он был таким замечательным актером, так умело манипулировал умами немцев, что ему великолепно удавалось сочетать уверенность победителя с той скромностью, которая всегда хорошо действует на массы, когда они знают, что перед ними победитель. Сегодня его голос звучал тише. Он редко кричал, не как обычно. И ни разу не взвизгнул истерично с трибуны, чему я часто бывал свидетелем. Как оратор он был в прекрасной форме. Часто сидя на галерке Кролл-Опера-Хаус во время подобных заседаний рейхстага и наблюдая за выступлениями этого человека, я размышлял, насколько же он потрясающий актер, каковыми, собственно, и являются все хорошие ораторы. Меня всегда восхищало, как он играет своими руками, слегка женственными и очень артистичными. Сегодня он работал ими красиво, казалось, "говорил" руками, раскачиваясь при этом всем телом, - не меньше, чем словами и голосом. Я обратил также внимание на его умение использовать мимику, глаза (он их выпучивал), поворот головы для выражения иронии, которой в сегодняшней речи было предостаточно, особенно когда он упоминал мистера Черчилля.

Я снова заметил, что он может произносить ложь с честным лицом порядочного человека. Возможно, кое-что из его вранья ему самому таковым не кажется, потому что он фанатично верит всему, что говорит. Примером могут служить его неверная интерпретация прошедших двадцати двух лет и бесконечное повторение того, что Германия никогда не терпела поражения в прошлой войне, ее только предавали. А сегодня он говорил также, и это звучало в его устах в высшей степени правдоподобно, что все ночные бомбардировки англичан в последние недели не нанесли никакого военного ущерба. Интересно, что у него на уме, когда он рассказывает подобные сказки. Джо Харш был поражен, когда впервые увидел, как он выступает, и рассказывал, что не мог глаз оторвать от его рук, жестикуляция, по его мнению, была блестящая.

До сих пор мне нигде еще не приходилось видеть так много генералов в расшитых золотом мундирах. Собранные в кучу, увешанные крестами и прочими наградами, они заполняли треть первого яруса. Часть этого шоу предназначалась им. Неожиданно прервав свое выступление на середине, Гитлер поступил как Наполеон, одним жестом руки (в данном случае нацистским приветствием) присвоил двенадцать фельдмаршальских званий, а так как у Геринга оно уже было, то для него, в виде особой чести, ввел звание рейхсмаршала. Забавно было наблюдать за Герингом.

Приподняв свою тушу с председательского места, он повел себя как счастливый ребенок, разбирающий подарки в рождественское утро. (Ужасно только, что некоторые игрушки, в которые он играет, помимо электрической железной дороги на чердаке Карин-Холл, оказываются бомбардировщиками!) Во время выступления Гитлера Геринг сидел склонившись над столом и, мусоля карандаш, записывал крупными каракулями, текст своей краткой речи, которую он должен был произнести после Гитлера. Он грыз карандаш, хмурился и быстро писал, напоминая школьника, которому до конца урока надо сдать сочинение. Но одним ухом он внимательно слушает слова вождя, чтобы в нужный момент отложить карандаш и от всей души поаплодировать и одобрительно улыбнуться от уха до уха. Для него было два великих момента, и он реагировал на них с непосредственностью большого ребенка. Первый - когда Гитлер произвел двух его генералов в фельдмаршалы. Геринг просиял и с гордостью старшего брата улыбкой выразил свое одобрение и свою радость сидевшим на балконе генералам, хлопая в ладоши с изяществом Гаргантюа и указывая своими громадными лапами на новых фельдмаршалов так, словно представлял боксеров на ринге. Кульминационным был момент, когда Гитлер произвел его в рейхсмаршалы. Гитлер развернулся и вручил ему коробочку со всеми знаками отличия, которые полагается носить рейхсмаршалу. Геринг принял коробочку, и его мальчишеская гордость и радость были бы почти трогательны, не будь он закоренелым убийцей. Он не смог удержаться, чтобы не заглянуть тайком под крышку. А затем снова принялся грызть карандаш и писать свою речь. Я размышлял о его популярности (в стране он второй по популярности человек после Гитлера) и пришел к выводу, что причина ее в том, что всегда в подобных ситуациях он выглядит очень человечным, эдаким большим добродушным малым. (Но этот добрый малый в июне 1934 года сотнями ставил людей к стенке.)

Граф Чиано, который примчался из Рима, чтобы одобрить от имени стран Оси гитлеровское мирное "предложение" Британии, выступал в этот вечер в роли клоуна. Он сидел в первом ряду дипломатической ложи в серой с черным форме фашистской милиции и каждый раз, когда Гитлер останавливался перевести дыхание, вскакивал, как черт из табакерки, с нацистским приветствием. Текст речи был у него в руках, но, видимо, на итальянском языке, поэтому он не мог следить за словами Гитлера и без малейшего повода подпрыгивал и вытягивал в приветствии руку. Невозможно было не заметить, как нервничал Чиано. У него все время двигался подбородок. Не жвачку же он

жевал!

Самой печальной фигурой на этом заседании, я не беру в расчет деревянных истуканов, которые в качестве "депутатов" сидели в партере, был для меня генерал Гальдер, начальник германского Генерального штаба. Многие считают, что он является мозгом германской армии, что именно он разрабатывал окончательные планы польской кампании и большого наступления на запад и справился с этим на удивление успешно. Но он никогда не раболепствовал перед Гитлером. Широко известно, что иногда он говорил с "Великим Человеком" очень резко. И что поэтому Гитлер его ненавидит. Во всяком случае, фельдмаршалом он сегодня не стал, ему просто присвоили очередное звание (после польской кампании Гитлер тоже обошел его при раздаче почестей, но армия так возмутилась, что Гитлер с запозданием внес поправки). Сегодня вечером я наблюдал за ним, когда он тепло поздравлял своих молодых генералов, которые теперь обошли его, став фельдмаршалами, наблюдал за его лицом классического интеллектуала, и мне показалось, что за ним скрывались усталость и досада.

Наш поверенный в делах Александр Керр тоже присутствовал там. Нацисты усадили его в последнем ряду вместе с коллегами из малых стран, но он, кажется, не возражал. Просидел там весь вечер с лицом сфинкса, лишь изредка иронически усмехаясь, когда его коллеги-дипломаты с Балкан вскакивали с рабским приветствием. Квислинг, коротышка с поросячьими глазками, сжавшись на угловом сиденье первого яруса, впитывал в себя волнующую атмосферу.

Берлин, 20 июля

Никакой официальной реакции Британии на "мирное предложение" Гитлера нет, но сегодня вечером Геббельс заставил местную прессу осторожно сообщить немецкому народу, что англичанам, видимо, нечего сказать. Немцы, с которыми я общался, просто не могут ничего понять. Они хотят мира. Им не нужна еще одна зима, подобная прошлой. Они ничего не имеют против Англии, несмотря на всю провокационную пропаганду. (Подобно слишком большой дозе лекарства, она перестает действовать.) Немцы считают себя победителями. Они думают, что смогут одолеть и англичан тоже, если дело дойдет до выяснения отношений. Но они предпочитают мир.

Рузвельта выдвинули в Чикаго на третий срок. Это удар для Гитлера, и на Вильгельмштрассе этого почти не скрывали. Геббельс дал указание берлинским газетам не комментировать этот факт, но разрешил национальному агентству распространить краткое сообщение от его вашингтонского корреспондента,

заявив, что способы, которыми достигнуто выдвижение Рузвельта, "сурово осуждены всеми присутствовавшими".

Теперь Гитлер будет надеяться, что Уилки победит Рузвельта на выборах. Ясно, что Гитлер Рузвельта боится. Он только сейчас начинает понимать, что поддержка Рузвельтом Великобритании - это одна из причин, по которой англичане отказываются принимать его псевдомир. Как пишет Рудольф Кирхер, редактор "Frankfurter Zeitung" в завтрашнем номере, "Рузвельт является отцом британских иллюзий по поводу этой войны. Возможно, бесчестная тактика Рузвельта надоела американцам, возможно, они не переизберут его, а если переизберут, то, может быть, он будет строго придерживаться курса своей партии на невмешательство. Но ясно и то, что до тех пор, пока ему не разрешено вмешиваться с помощью своей армии и флота, отбудет вмешиваться с помощью своих речей, интриг и мощной пропаганды, которую он предоставит в распоряжение англичан".

Берлин, 21 июля

Голландия начинает ощущать на себе нацистский хомут. Мы слышим о массовых арестах.

Берлин, 22 июля

Гитлер сделал Муссолини подарок ко дню рождения. Бронепоезд для противовоздушной обороны.

Галифакс передал по радио британский ответ на гитлеровское "мирное предложение". Это было категорическое "нет". Хотя речь показалась мне слабой. Она звучала чересчур благочестиво. Он слишком часто обращался к Богу. Я помню его по Индии как очень набожного человека. Но до сих пор Господь был милостив к Гитлеру...

Берлин, 23 июля

Кажется, жребий брошен, как пишут сегодняшние вечерние газеты. Речь Галифакса встряхнула официальные круги. В полдень на пресс-конференции у нацистов были злые лица. Вот что гневно прорычал оратор: "Лорд Галифакс отказался принять мирное предложение фюрера. Джентльмены, будет война".

Утром пресса стремительно начала кампанию, направленную на то, чтобы настроить народ на войну с Британией. Практически все газеты в Берлине вышли с одним и тем же заголовком: "ОТВЕТ ЧЕРЧИЛЛЯ - ТРУСЛИВОЕ УБИЙСТВО БЕЗЗАЩИТНОГО НАСЕЛЕНИЯ!"

В статье говорится, что, как только Гитлер выступил перед рейхстагом с "призывом к миру", англичане сразу ответили усилением ночных бомбардировок по беззащитным женщинам и детям. Нам вдруг раскрыли не публиковавшиеся прежде подробности о масштабах этих бомбардировок. Бомбили Бремен,

Гамбург, Падерборн (где расположены крупные заводы по производству танков), Гааген и Бохум (набитый военными объектами). Но если верить геббельсовской лжи, пострадали только женщины и дети. Боюсь, немцы клюнут на это. Они сильно подавлены тем, что англичане не хотят мира. А теперь они связывают свои надежды с быстрой победой, которая будет достигнута к осени, и эта победа избавит их от еще одной военной зимы.

Берлин, 25 июля

Сегодня мы получили первое представление о том, как Гитлер намеревается поделить Францию. Для пяти французских департаментов, входящих в состав Бретани, специально назначен германский губернатор по имени Вайер и образован бретонский Национальный комитет, который заставили провозгласить Бретонское национальное государство.

Сегодня в Эльзасе убрали французские надписи и заменили их немецкими. От доктора Функа, президента Рейхсбанка и министра экономики, который выступил на нашей вечерней пресс-конференции, мы получили также первое впечатление о гитлеровском "новом порядке".

Этот Функ, изворотливый коротышка, который, говорят, много пьет, но неглуп и не лишен чувства юмора, совершенно откровенно признал, что цель "нового порядка" - сделать Германию богаче. Он изложил это так: "Новый порядок должен обеспечить Германии максимум экономической безопасности, а также максимальный уровень товарного потребления. Это задача новой европейской экономики". Позднее цензор вырезал этот кусок из моего сообщения.

Функ сказал также, что золото в качестве основы новой европейской валюты будет отменено, теперь его заменит ничего не стоящая рейхсмарка. Он заявил, что золото потеряет также свое значение в качестве средства международных платежей. Таким образом, огромный золотой запас Америки в основном потеряет свою ценность. Рейхсбанк, продолжал Функ, будет действовать как расчетная палата для новой европейской системы. Другими словами, любая сделка, которую, скажем, Америка захочет заключить с европейской страной, должна быть проведена через Берлин. С другой стороны, Функ был настроен воинственно по поводу американского "вмешательства" в торговлю Германии с Южной Америкой. "Или мы будем напрямую торговать с суверенными южноамериканскими государствами, или не будем торговать вообще", - орал он. Тем самым явил еще один пример того, что немцы для себя желают определенный уровень стандарта, а для других - более низкий.

Неприязнь Функа к д-ру Шахту, которого он изгнал из Рейхсбанка и министерства экономики, проявилась, когда мы спросили о распространившихся сообщениях, будто Шахт тоже разработал план "нового порядка". "Я о нем не слышал", - отрезал он. Секунду поразмыслив, добавил: "Я что-то читал об этом в зарубежной прессе, но и наполовину не верю в то, что пишут газеты". А потом добавил уже серьезно: "Фюрер доверил мне экономические планы "нового порядка".

Берлин, 28 июля

Кое-что еще о "новом порядке". Д-р Альфред Питцш, президент Экономической палаты рейха, заявил, что при "новом порядке" население континентальной Европы составит 320 000 000 человек, а площадь достигнет 1 500 000 квадратных миль. Она будет выращивать 160 000 000 тонн картофеля и 120 000 000 тонн зерна и практически полностью обеспечивать себя продовольствием. Д-р Питцш признает то, что не признают большинство нацистов. Он говорит, что находящийся под влиянием Гитлера континент будет далек от самообеспеченности сырьем. К примеру, на нем не произведешь много шерсти и практически не вырастишь хлопка. В настоящее время, говорит он, континент импортирует на полтора миллиарда долларов в год.

Гиммлер объявил сегодня, что польский сельскохозяйственный рабочий повешен за то, что спал с немкой. Загрязнение расы недопустимо.

Сегодня выслали еще одного американского корреспондента. Это капитан Корпенинг из чикагской "Tribune", по слухам, доверенное лицо полковника Маккормика. Он приехал вчера из Швейцарии и дал сообщение о германских условиях мира для Британии, которые, по его мнению, были переданы в Лондон через Швецию. Министерство пропаганды попыталось "повесить" эту статью на постоянного корреспондента "Tribune" Зигрид Шульц, которую они хотели бы выгнать за ее независимость и осведомленность в закулисных делах, но в конце концов решили выслать одного капитана.

Берлин, 31 июля

Сегодня кинохроника показала, как немецкие саперы взрывают французский монумент в честь перемирия в Компьене. На воздух взлетело все, кроме памятника маршалу Фошу. Месяц назад в Париже один немецкий чиновник приглашал меня в Компьен посмотреть на взрыв, но, когда я выразил удивление по поводу такого варварского акта со стороны немцев, он отозвал свое приглашение.

В сегодняшнем вечернем эфире я хотел отметить, что в

данный момент немцы определенно получают пользу от того количества овощей, яиц и бекона, которое поставляют им голландцы и датчане. Цензоры заявили, что я не могу касаться этой темы.

Сегодня Геббельс заставил германское радио исказить заявление министра обороны США Стимсона. Оно процитировало Стимсона таким образом: "Британия будет вскоре побеждена, и британский флот перейдет под контроль противника". Это часть новой пропагандистской кампании, направленной на то, чтобы убедить немецкий народ, будто даже Соединенные Штаты распрощались с надеждой спасти Англию.

Всем не терпится узнать, когда начнется вторжение в Британию. Я слышал о двух новых пари, предложенных нацистами на Вильгельмштрассе. Первое, что свастика будет развеваться над Трафальгарской площадью к 15 августа. Второе - к 7 сентября. Нацисты говорят, что генерал Мильх, правая рука Геринга, поставил на последнюю дату как абсолютно точную.

Берлин, 3 августа

Сэр Ланселот Олифант, британский посол в Бельгии, которого нацисты держат в качеству пленника в школе подготовки гестапо, которая находится между Берлином и Потсдамом, очень зол. Накануне ночью у них была воздушная тревога и он заявил, что будь он проклят, если станет прятаться в подвале, когда его соотечественники прилетают бомбить. Эсэсовские охранники все-таки силой затолкали его в убежище. Сэр Ланселот поднял такой шум, что дело дошло до Гитлера. Решение Гитлера: черт с ним, пусть остается где хочет, когда прилетают его земляки, но он должен подписать бумагу, снимающую с немцев всякую ответственность.

Сильное волнение на нашей вчерашней двенадцатичасовой пресс-конференции в МИДе. Официальный докладчик что-то бубнил, как обычно, когда вдруг разом заговорили все зенитные орудия на крыше рейхсканцелярии и министерства авиации, которые расположены дальше по улице. Все присутствовавшие уже готовы были бежать в укрытие, но огонь прекратился. Кажется, немецкий пилот-курсант вошел в запретную воздушную зону над Берлином без соответствующего сигнала.

Вчера я вылетел в Гамбург на странном ветхом транспортном самолете, который немцы использовали прежде для перевозки трофейных лошадей из Парижа в Берлин. В нем не было сидений, поэтому мы сидели на полу, который здорово вибрировал. Немецкие власти позвонили мне и сообщили, что приглашают меня и еще двух человек лететь в Гамбург, где мы сможем увидеть все, что захотим. Англичане, по их словам, только что

сообщили, будто Гамбург превращен в пыль королевскими ВВС.

Когда я приехал в аэропорт, там было еще двадцать приглашенных, а по прибытии в Гамбург я убедился, что немцы не собираются показывать мне "все", что я хочу увидеть. Перед отлетом я два часа изучал план Гамбурга и составил список военных объектов: нефтехранилища, авиационные заводы, судостроительные верфи и один секретный аэродром. После того как для нас провели двухчасовую экскурсию и показали среди прочего, как одна английская бомба разнесла крыло клиники для эпилептиков, я предъявил тем, кто сопровождал нашу группу, свой список.

"Конечно, - ответили они, - мы все вам покажем".

После этого они промчали нас на автобусе через доки со скоростью тридцать пять миль в час. Доки явно не были превращены в пыль, но увидеть, были ли в них попадания, оказалось невозможно. Потом мы поднялись на верхушку башни Святого Михеля высотой триста футов, откуда нам открылась панорама порта. Вынужден признаться, что даже с помощью бинокля я не смог ничего разглядеть. Нефтехранилища находились слишком далеко для детального осмотра. Но доки и верфь "Блом унд Фосс" поблизости казались нетронутыми. На одном участке реки затонуло два небольших судна, их мачты виднелись над водой. Вскоре начало темнеть, и нас повезли обратно к самолету.

Размышляя об увиденном на обратном пути в Берлин на содрогающемся полу самолета, я пришел в уныние. При том что немцы не сдержали своего обещания показать мне все, о чем я просил, очевидно, какой незначительный ущерб был нанесен. Я ожидал, что после двух месяцев почти еженощных бомбежек королевским ВВС удалось сделать гораздо больше. Порт, хотя, несомненно, в него и были попадания, не слишком пострадал от бомб. Два важнейших моста через Эльбу в центре порта целы, ближайшая к ним бомба упала в двухстах ярдах от них. Два самых больших пассажирских судна Германии, "Бремен" и "Европа", стоят невдалеке пришвартованные у Финкенвер-де, явно невредимые. В гавани производили разгрузку несколько воинских эшелонов, полагаю, это часть тех сил, которые будут осуществлять вторжение в Британию. Говорили, что их погрузят на два больших корабля.

Суть в том, что квадратная миля или более того в центре Роттердама было стерто с лица земли за одну получасовую бомбардировку немецкими самолетами. Почему же тогда англичане за два месяца бомбардировок не стерли с лица земли гамбургские портовые сооружения и верфи "Блум унд Фосс",

которые энергично строят военные корабли, особенно субмарины? Важные цели сосредоточены в основном на двух островах на Эльбе, эти объекты трудно не заметить, если летишь от моря вверх по течению реки. Грустно и то, что британская пропаганда, вероятно, преувеличивает результаты своих налетов и в других районах Германии.

Главное, на что жаловались жители Гамбурга, с которыми я беседовал, это не ущерб, а то, что налеты англичан лишают их сна.

Сегодня после полудня гулял в Тиргартене, было тепло, ярко светило солнце. В шести самых разных местах собрались толпы, чтобы посмотреть, как кто-нибудь кормит белок. Даже солдаты в увольнении остановились понаблюдать. А ведь эти любители белочек - те самые люди, которые стремительно пронеслись по Норвегии до Нарвика и по Голландии, Бельгии и Франции до самого моря!

Берлин, 5 августа

Несмотря на все разговоры о том, что нападение на Британию начнется через несколько дней, здешние военные говорили мне, что люфтваффе предстоит еще очень большая работа, прежде чем встанет вопрос о высадке войск. Геринг так и заявил в статье за подписью Арминиус (латинский эквивалент его имени Герман) во вчерашнем номере газеты "Volkische Beobachter". Он объяснил, что главной задачей авиации будет завоевание полного господства в воздухе. Оно будет достигнуто путем уничтожения самолетов, аэродромов, ангаров, нефтехранилищ и противовоздушной обороны противника. Закончится этот этап, говорит он, - начнется другой, когда авиация сможет в основном посвятить себя поддержке наземных войск. Такой была стратегия Германии в Польше и на западе.

У меня вопрос: почему тогда люфтваффе не атакуют Британию в больших масштабах? Не потому ли, что Гитлер все еще надеется заставить Черчилля пойти на мировую? Или потому, что генералы наземных родов войск все еще не хотят попытаться совершить высадку? Или потому, что королевские ВВС достаточно сильны, чтоб рисковать всеми люфтваффе в одном мощном ударе?

Снова работают французские угольные шахты. На этот раз французская армия их не разрушила, как в 1914 году. Фотография в одной из газет демонстрирует, как французские шахтеры грузят уголь в забое. За ними надзирает немецкий солдат в каске и со штыком. Когда Франция была свободной, их коммунистическая партия, контролируемая из Москвы, и их профсоюзы велели им не работать и не воевать. Теперь они

вынуждены работать под немецкими штыками.

Сегодня вечером в рейхстаге прошло большое совещание Гитлера с верховным командованием. Мои люди заметили входящих туда Кейтеля, фон Браухича, Йодля, Геринга, Рёдера и других высокопоставленных военных. Они должны решать вопрос о вторжении в Британию. Цензоры не позволят нам упомянуть об этом.

Берлин, 8 августа

Сегодня на Вильгельмштрассе нам сообщили, что Германия снимает с себя всякую ответственность за любые перебои с продуктами, которые могут возникнуть на территориях, оккупированных германской армией. Немцы надеются, что Америка будет кормить людей на оккупированных землях. Им бы хотелось видеть Гувера осуществляющим эту миссию.

Берлин, 10 августа

Сегодня министерство иностранных дел Германии официально заявило, что лояльные к де Голлю французские моряки будут считаться "пиратами" и в случае захвата их в плен им не будет пощады.

Берлин, 11 августа

Уже несколько дней рабочие заняты сооружением новых трибун перед моим отелем на Паризерплац. Сегодня они их покрасили и установили двух огромных золотых орлов. С каждой стороны водрузили также гигантские копии Железных крестов. В партийных кругах сейчас говорят, что Гитлер настолько уверен в окончании войны - либо после победы над Англией, либо в результате достижения мира путем "переговоров", - что приказал подготовить эти трибуны к концу месяца для большого парада победы через Бранденбургские ворота.

Функ, выступая утром в Кенигсберге, от всей души похвалил Линдберга за такое его замечание: "Если богатые слишком богаты, а бедные слишком бедны, то нужно что-то делать".

"Это именно то, что я сказал недавно", - отметил он.

Позднее. Сегодняшний день увидел над побережьем Англии величайшее воздушное сражение этой войны. Немецкие цифры британских потерь весь вечер росли. Сначала люфтваффе сообщили: 73 сбитых британских самолета против 17 германских, потом - 79 против 14, наконец, в полночь - 89 против 17. Сейчас, когда я подсчитал данные о потерях, поступавших время от времени в течения дня, получилось, что англичане потеряли 111 самолетов. Люфтваффе врут с такой скоростью, что цифры не совпадают даже с их собственными подсчетами.

Берлин, 13 августа

Сегодня третий день массированной воздушной атаки немцев

на Британию. Вчерашний счет, по данным люфтваффе, составил 71 к 17. К исходу сегодняшнего, третьего дня его называют как 69 к 13. Каждый день британские цифры, которые давал Лондон, были почти обратными. Подозреваю, что лондонские данные более правдивы. Завтра вылетаю на Ла-Манш с несколькими другими корреспондентами. Мы не знаем, зачем нас везут: то ли для того, чтобы увидеть начало гитлеровского вторжения в Британию, то ли просто понаблюдать за воздушными атаками.

В немецком военно-транспортном самолете между Берлином и Гентом, 14 августа

Прошлой ночью у нас была первая за долгое время воздушная тревога. Началась она в два часа ночи, как только я вернулся с радиопередачи. Мы с Тэсс, приехавшей на несколько дней в Берлин, остались посмотреть фейерверк, но он не состоялся.

Из Штаахена мы взлетели в десять сорок пять утра, летели на небольшой высоте, футов пятьсот, чтобы германским зенитным батареям легче было нас распознать. Они уже слишком много своих самолетов сбили... Сейчас Антверпен на севере, и пилот снижается... Один неприятный момент. Из облаков на нас пикируют два истребителя, и мы думаем, что это могут оказаться "спитфайры" (на днях они сбили немецкого генерала, летевшего из Парижа в Брюссель). Но это "мессершмитты", и они уходят в сторону. Теперь пилот пытается найти свой аэродром, задача нелегкая из-за маскировки летного поля...

Гент, Бельгия, 14 августа

Маскировка этого летного поля стоит того, чтобы о ней упомянуть особо. Я заметил, что сверху оно выглядело как любая другая часть ландшафта, беспорядочно пересеченная тропинками, как будто это фермерская земля. У каждого самолета на земле свой собственный временный ангар, собранный из покрытых травой циновок. Циновки поддерживаются палаточными стойками. Задняя и боковые стороны этого шатра из циновок укрыты мешками с песком для защиты самолетов от осколков. Ангары сделаны настолько искусно, что едва ли их можно обнаружить с высоты более тысячи футов. Сам аэродром небольшой, но немцы лихорадочно его расширяют. Бригады бельгийских рабочих заняты тем, что сносят прилегающие к нему здания - особняки местной знати. Кстати, это пример того, как бельгийцы помогают немцам в войне против союзника Бельгии Англии. Я заметил один ловкий способ, которым немцы прячут свои самолеты. Это строительство "карманов" - небольших расчищенных участков земли на некотором расстоянии от аэродрома. От главного летного поля к ним ведут узкие дорожки. По бокам таких "карманов" стоят ряды самолетов, спрятанных под

деревьями. С воздуха эти "карманы" заметить трудно, и можно долго бомбить аэродром, не задев ни одного самолета.

Гент представляет для меня некий романтический интерес, потому что я помню школьный курс истории, рассказывающий о подписании здесь в канун Рождества мирного договора, положившего конец нашей войне 1812 года. Если верить фламандским художникам, этот фламандский городок должен быть живописным местом в канун Рождества. Это здесь американские и британские делегаты не торопясь пришли к соглашению об окончании войны, которой не хотела ни одна сторона. В воздухе витало Рождество, на узких извилистых улочках снег, конькобежцы на каналах, и множество людей, которые пьют и едят от души. Но тогда не было ни радио, ни телеграфных линий через Атлантику, и Америка узнала о мире только три месяца спустя. Тем временем Джексон сражался в Пью-Орлеане.

Мы сидим в безвкусно обставленной гостиной в особняке торговца сахаром, который заняли немецкие летчики. Ждем машин, чтобы добраться до "фронта". Кто-то забыл заказать их заранее. Д-р Фрёлиг из министерства пропаганды, которого мы называем "этот болван", большой, неуклюжий, добродушный немец с гарвардским дипломом и женой-американкой, никак не может заставить себя принять решение. Мы ждем, а немецкие летчики угощают нас напитками из замечательного погреба сахароторговца. Машины не приходят, поэтому мы садимся в автобус и едем осматривать город. Не настолько Гент романтичен, как я себе представлял. На улицах много немецких солдат, скупающих в магазинах последние запасы товаров на свои бумажные марки. Заходим побеседовать с местным лавочником. Он говорит, что солдаты ведут себя вполне пристойно, но опустошают город своими закупками. Когда нынешние запасы кончатся, возобновить их будет неоткуда.

Остенде, Бельгия, 14 августа

Наконец к семи часа вечера пришли наши машины и мы выехали в Остенде, обогнули Брюгге, сказочный город, где я провел свою первую ночь на континенте пятнадцать лет назад. На пути в Остенде я во все глаза высматривал баржи и суда, которые должны переправить германские войска для вторжения в Британию, но мы видели очень мало каких бы то ни было судов и на каналах за городом лишь несколько барж. Немцы выбрали для нас отель "Пикадилли".

Позднее. 15 августа, 6 часов утра. Просидел всю ночь. Когда немцы ушли спать, хозяин с женой и чрезвычайно привлекательной, темноволосой и черноглазой дочерью лет

семнадцати вынесли прекрасные выдержанные вина, и мы славно провели с ними вечер. К нам присоединились несколько местных бельгийцев, и мы (Фред Экснер, Дик Бойер и я) долго по-доброму беседовали. Как трогательно бельгийцы продолжают надеяться, что прилетят английские бомбардировщики! Они, кажется, не против, чтобы англичане их убивали, только при условии, что и немцам достанется от королевских ВВС. Одна бельгийская женщина, злость которой грела мне душу, объяснила, что почти весь ущерб в Остенде, где разрушено большинство домов, был нанесен немецкой артиллерией, которая еще долго продолжала вести огонь, после того как ушли англичане. Незадолго до рассвета мы отправились прогуляться по пляжу. Был легкий туман, смягчавший лунный свет, и даже руинам вдоль берега моря он придавал какую-то красоту. Запах морской воды и плеск волн способствовали хорошему настроению. Бельгийцы не переставая ругали англичан за то, что они не возвращаются.

Кале, 15 августа (полдень)

Проезжая вдоль берега, я был поражен оборонительными мерами немцев. Линии окопов, блиндажей, пулеметных гнезд, полностью укомплектованных личным составом, тянулись по песчаным дюнам в ста ярдах от воды на всем пути до Дюнкерка. Там множество зенитных орудий, а на расстоянии в четверть мили в глубь тыла - бессчетное количество артиллерийских батарей. До этого я не думал о возможном нападении англичан. Мы не увидели ни на одном участке побережья никаких признаков германских приготовлений к вторжению. Никаких значительных концентраций войск, танков или барж. Но они, конечно, могли там быть, а мы просто их не заметили.

Примерно в десяти милях от Дюнкерка мы почувствовали вдруг тошнотворный запах мертвой конской и человеческой плоти. Очевидно, не успели выловить трупы из многочисленных каналов. Сам Дюнкерк очищен, и те, кто побывал здесь два месяца назад, с трудом его узнают. Часовой не разрешает нам проехать в ту часть города, которая прилегает к порту, видимо потому, что мы можем узнать что-нибудь о силах вторжения. В самом Дюнкерке и вокруг него большие площади заняты грузовиками и военным снаряжением, оставленными британскими экспедиционными силами. Немецкие механики занимаются тем, что пытаются заставить эти грузовики по крайней мере двигаться. Другие снимают резиновые покрышки, качество которых неведомо в Германии. В городе стоят длинные очереди французов к суповым кухням за порцией еды. Удивительно, что после смертоносных бомбежек и артобстрелов в этом городе еще осталось гражданское население. Все мы

недооцениваем способности человеческих существ к выживанию.

Едем на пляж, откуда эвакуировались четверть миллиона британских солдат. Что меня удивляет после хвастливых заявлений немцев о потоплении на этом берегу всех транспортных и других судов (в Берлину нам говорили, что в один день люфтваффе потопили пятьдесят единиц), так это то, что на протяжении двадцати пяти миль видишь обломки только двух грузовых судов. Кроме них, там есть еще останки двух эсминцев, один из которых, я уверен, разбомбили задолго до вывода войск из Дюнкерка, и одного торпедного катера. Всего пять небольших кораблей. А любое судно, затопленное на большом расстоянии от берега, было бы видно, потому что море в этом месте мелкое. Хотя, когда бомба попадает в корабль, она здорово его разрушает. Ближайший к нам эсминец, в двухстах ярдах от берега, получил прямое попадание в переднюю часть мостика. Огромная пробоина шириной около двадцати футов разорвала корабль до ватерлинии.

Позднее. Пока перекусываем в Кале, слышим рев первой волны немецких бомбардировщиков, направляющихся к Англии. Они летят так высоко, что их едва видно. Я насчитываю двадцать три бомбардировщика, а выше них рой истребителей "мессершмитт". Погода проясняется. День обещает быть прекрасным - для пилотов. Примерно в три часа дня отправляемся на машинах вдоль берега к Кап-Гри-Не. Проезжая гавань, я отмечаю, что здесь тоже нет сосредоточения кораблей, барж или даже небольших торпедных катеров. Только три катера пришвартованы в бухте. Может такое быть, что немцы блефовали насчет своего вторжения в Британию? Мы едем по прибрежному шоссе. Над нами сейчас гудят немецкие самолеты, там эскадрилья из двадцати семи бомбардировщиков, здесь им навстречу выходит полсотни "мессершмиттов". Все они разворачиваются и устремляются на очень большой высоте в сторону моря к Дувру. Вскоре становится ясно, что британцы не летят им навстречу, по крайней мере, не залетают далеко. Мы высматриваем британские самолеты над Ла-Маншем. Ни одного "спитфайра" не видно.

Едем по берегу в Кап-Гри-Не, где Гертруда Эдерле, а позднее какой-то толстый египтянин и множество других раскидывали обычно лагерь в те времена, - кажется, так давно! - когда мир еще интересовался юношами и девушками, плавающими в Ла-Манше. Сейчас воздух наполнен гулом самолетов, бомбардировщиков и истребителей, только немецких. Теперь от Дувра возвращается рой бомбардировщиков "хейнкель" (ни одного пикирующего мы пока не видели). Трем или четырем из них там досталось, а один,

почти неуправляемый, еле дотягивает до узкой полоски земли за клифом. "Мессершмитты-109 и -110" - последние двухмоторные модели - проносятся со скоростью примерно 350 миль в час, напоминая множество наседок, защищающих свой выводок. Они остаются в воздухе, пока не приземлятся бомбардировщики, а потом взмывают вверх и направляются в сторону Англии. Мы останавливаем машины, чтобы понаблюдать. Один из наших офицеров клянется, что "хейнкель" был обстрелян "спитфайром" и что английский истребитель был сбит, но это все в его воображении, потому что видел он не больше нашего. Так будет весь день. Мы возобновляем движение. Крестьяне работают на сноповязалках, убирая созревшую пшеницу. Мы нервно крутим шеями, чтобы увидеть в небе смертоносные машины. Крестьяне шеями не крутят, вверх не смотрят. Они смотрят на пшеницу. Задумаешься, у кого сейчас больше выдержки. Сейчас мы проезжаем стоящее на платформе большое корабельное орудие, участвовавшее в обстреле Дувра. Оно тщательно закамуфлировано сетями, к которым немцы привязали снопы пшеницы. По всему берегу бригады французских рабочих строят под надзором немцев артиллерийские позиции. Наконец мы сворачиваем к морю на дорогу, ведущую к Кап-Гри-Не. Вокруг множество новых артиллерийских позиций и прожекторов, все тщательно замаскировано сетями. Насколько же больше немцы уделяют внимания искусству маскировки, чем союзники! Солдаты заняты камуфляжем всех оборонительных сооружений в Кап-Гри-Не, которые французы, кстати, оставили невредимыми и никогда не пытались скрыть. Бригады рабочих выкапывают дерн с соседнего пастбища и укладывают его поверх гравия вокруг орудийных позиций и наблюдательных пунктов. Это имеет большое значение, потому что светлый гравий - хороший ориентир на фоне зеленых полей.

Остаток дня мы проводим в Кап-Гри-Не, гуляя по траве на краю обрыва. Над нашими головами продолжает стоять гул немецких бомбардировщиков и истребителей, направляющихся в Дувр. В бинокль можно ясно разглядеть скалы Дувра и иногда даже пятнышко английского аэростата, защищающего гавань. Я замечаю, что немецкие бомбардировщики летят туда в правильном боевом порядке на очень большой высоте, обычно около пятнадцати тысяч футов, а возвращаются гораздо ниже, в расстроенном порядке или поодиночке. Мы продолжаем высматривать, нет ли где воздушного боя или "спитфайров", атакующих летящие назад немецкие бомбардировщики. Бесполезное дело. За весь день не видим ни одного британского самолета. Сегодня над Ла-Маншем у немцев полное

превосходство в воздухе. С нашей стороны к берегу прижимаются небольшие патрульные корабли, в основном торпедные катера. Они могли бы стать легкой добычей для английских самолетов, если бы хоть один налетел. Море гладкое, как стеклышко, и немецкие гидропланы с большими красными крестами на крыльях непрерывно взлетают и садятся. Их задача - подобрать летчиков, сбитых над Ла-Маншем. Примерно в шесть вечера мы видим, как шестьдесят больших бомбардировщиков - "хейнкели" и "Юнкерсы-82" - пролетают на большой высоте в сопровождении сотни истребителей в сторону Дувра. Через три-четыре минуты ясно слышим, как в районе Дувра вступают в бой английские зенитные орудия. Судя по низкому гулу, у англичан есть несколько тяжелых зенитных орудий. Доносится другой глухой удар, еще более сильный, и один из наших офицеров предполагает, что это звук от разрывов бомб. Через час возвращается, как нам кажется, та самая эскадрилья. Из вылетевших туда шестидесяти бомбардировщиков мы насчитываем только восемнадцать. Остальных сбили англичане? Трудно сказать, мы знаем, что немцы часто получают приказ садиться не на те аэродромы, с которых взлетели. Очевидно, это делается в том числе и из тех соображений, чтобы немецкие летчики не узнали о своих потерях.

Мы с Бойером все еще надеемся, что покажутся "спитфайры". Но солнце уже низко. На море штиль. В небе тишина. День, проведенный на берегу, больше напоминает буколический пикник, чем фронтовой день войны в воздухе. Такая же неравная схватка, какую мы видели в Бельгии и во Франции. Ни одного английского самолета над головой, ни одной сброшенной бомбы. Маленький япошка крадется к орудийной позиции, чтобы сделать несколько снимков, пока его не схватывает часовой. Остальные лениво поднимаются с травы и со скалы швыряют в море камешки. Пора возвращаться в Кале и ужинать. Прибегает наш взволнованный офицер и сообщает, что сегодня над французским побережьем сбито три "спитфайра". Это удивляет. Мы просим показать.

Первый из показанных нам на обратном пути "спитфайров" пролежал там так долго, что немецкие механики уже успели снять с него роллс-ройсовский двигатель и приборную доску. Он уже покрывается ржавчиной, на что мы и указываем. Наш офицер предлагает продемонстрировать другой. Он находится на пляже у маленькой деревушки на полпути к Кале. Мотор пока на месте, приборная доска тоже, но меня отводит в сторону молодой лейтенант с расположенной по соседству зенитной батареи и по секрету сообщает мне интересную информацию: именно этот

"спитфайр" был сбит несколько недель назад, а лейтенанту как раз сегодня удалось во время отлива вытащить его из моря. Когда наш сопровождающий предложил показать свой третий "спитфайр", мы сказали, что проголодались, и предложили возвращаться в Кале.

Позднее. Чего мне никогда не забыть, так это как молятся бельгийцы и французы в этих маленьких приморских городках о том, чтобы прилетели английские бомбардировщики. Несмотря на то что, когда их молитвы оказываются услышанными, это для них часто означает смерть, они благословляют бомбу, которая их же и убивает. Сейчас три часа ночи, немецкие зенитки стреляют без остановки с тех пор, как в половине двенадцатого мы услышали первый за сегодняшнюю ночь разрыв английской бомбы рядом с гаванью. К счастью, англичане целятся в порт, а здесь, в городе, поблизости от нас не падало ничего такого, что могло вызвать беспокойство. Воздушной тревоги не было. Для нас единственный признак происходящего - грохот зениток и разрывы бомб. В подвал никто не спускается. Когда немцы удалились, мы сидели с хозяином-французом, членами его семьи и двумя официантами и пили красное вино за каждую разорвавшуюся английскую бомбу. Теперь в постель, но боюсь, что в номере есть клопы.

Кале, 16 августа

Клопы были. За завтраком все почесывались и жаловались, что не могли уснуть. Можно проспать всю ночь под бомбежки, но не под натиском клогшв и блох. Мы торопливо завтракаем и в восемь тридцать выезжаем в Булонь.

Булонь, 16 августа

'о До чего же здорово немцы замаскировали свои временные аэродромы! От Кале до Булони мы проехали по крайней мере мимо трех. Они устроили их не на пастбищах, как я ожидал, а на пшеничных полях. В поле стоят копны, а между ними оставлены узкие дорожки через все поле для взлета и посадки самолетов. Каждый самолет спрятан в укрытии, сделанном из веревочной сетки, а поверх нее привязаны снопы пшеницы. Как и в Генте, задняя стенка укрытия и две боковые защищены мешками с песком. На одном большом пшеничном поле размещалась, должно быть, сотня подобных укрытий. Мастерские и склады горючего тоже спрятаны в таких укрытиях. Есть и система "карманов", которые я видел в Генте. Приземлившись, самолет заруливает по шоссе или дорожке в ближайший "карман", который может находиться на некотором удалении от поля. Там самолет либо укрывают сеткой, либо загоняют в лес.

Наши офицеры и чиновники очень внимательно следили за

тем, чтобы мы не общались с возвращавшимися с задания пилотами. Но вчера и сегодня утром я говорил с несколькими моряками и армейскими офицерами, несущими службу на береговых батареях, и меня удивила их уверенность, что через несколько недель война закончится. Один морской капитан, командир большого орудия в Кап-Блон-Не (это на полпути от Кале до Кап-Гри-Не), отвел меня сегодня утром в свой блиндаж, вырытый в склоне холма, чтобы показать, как он его оборудовал. Там было очень уютно. Между стенами он подвесил гамак и поставил столик, который был завален немецкими книжками и журналами. Капитан был родом из пригорода Гамбурга, очень интеллигентный молодой человек с соломенного цвета аккуратно подстриженными волосами. Я его еще накануне заприметил.

- У вас здесь неплохое местечко, - сказал я, - только...

- Что - только? - засмеялся он.

- Ну, я знаю Нормандию зимой, с конца октября по апрель здесь чертовски холодно, каждый день дождь. Сейчас-то ваш блиндаж отличный, капитан, но зимой здесь будет не так уютно.

Он взглянул на меня с явным удивлением.

- А я вовсе и не собираюсь проводить здесь зиму, - продолжил он уже совершенно серьезным тоном. - Война-то закончится задолго до нее. Вы, наверное, пошутили, да?

- Нет, я не шутил, - ответил я, слегка оторопев от его железной уверенности. - Вы имеете в виду, что, без всякого сомнения, вторжение и захват Англии завершатся к Рождеству, капитан?

- В это Рождество я буду со своей семьей, - ответил он.

Второй завтрак у нас в Булони, отличная еда, бутылка великолепного "Шато Марго" 1929 года. После ланча наша группа опять отправляется грабить магазины на свои марки. В парфюмерном магазине я коротко побеседовал с очаровательной французской продавщицей, но только после того, как убедил ее своим акцентом, что я американец. Она говорит, немцы смели в городе все шелковые чулки, все нижнее белье, мыло, духи, кофе, чай, шоколад, табак и коньяк. Но больше всего ее волнует еда. "Как запастись продуктами, чтобы пережить эту зиму?" - спрашивает она. Около четырех дня выезжаем в Брюссель, проехав немного в глубь страны через Сен-Омер, Лилль, Турне.

Брюссель, 16 августа

Сегодня мы видели на двух полях по дороге нечто напоминающее под камуфляжем баржи и понтоны, нагруженные танками и артиллерией. Но для вторжения в Англию этого явно недостаточно. Тем не менее сопровождавшие нас офицеры заостряли на них наше внимание и намекали, что есть еще

многое, чего мы не видели. Может быть. Но я человек недоверчивый. Мне кажется, немцы хотят, чтобы мы рассказали всем страшную историю о неизбежном вторжении в Британию.

Позднее, 2 часа ночи. Сейчас надо спать, а немецкие зенитки обстреливают британские бомбардировщики. Грохот начался вскоре после полуночи. Не слышу и не ощущаю разрыва бомб. Подозреваю, что англичане целятся в аэропорт.

Брюссель, 17 августа

Досадно, что мы возвращаемся в Берлин не сегодня. Ощущаю депрессию в этих оккупированных городах. К тому же немцы не разрешают мне вести передачи отсюда.

Пошел навестить мадам Х., бельгийку русского происхождения, с которой знаком уже двенадцать лет. Она только что прошла через ужасные испытания, но по ее разговору никогда об этом не догадаешься. Она очаровательна, жизнерадостна и прекрасна, как всегда. Когда немцы подходили к Брюсселю, она с двумя маленькими детьми уехала из города на своей машине. Где-то под Дюнкерком оказалась между союзной и германской армиями. Нашла прибежище в сельском доме и несколько дней провела в кошмаре непрерывных обстрелов и бомбежек. К счастью, еды в доме было достаточно, так что они не голодали. Дети, по ее словам, вели себя прекрасно. Когда все закончилось, с легкостью говорит она, в сарае нашлось достаточно бензина, чтобы вернуться в Брюссель. Банки закрылись, денег у нее не было, но немцы, конфисковавшие машину, заплатили ей несколько тысяч франков наличными, и она смогла купить продукты.

Она говорит, что больше всего волновалась за своего мужа Пьера, но и с ним все оказалось лучше, чем можно было ожидать. Несмотря на то что он был ветераном мировой войны и депутатом парламента, Пьер в первый же день войны записался добровольцем и ушел воевать. Она ничего о нем не слышала до прошлой недели, когда пришла весть о том, что он в плену.

- Он жив, - тихо проговорила она. - Мне повезло... Мы оба запросто могли погибнуть. Но мы живы. И дети тоже. Я оказалась удачливой.

Она слышала, что Пьера отправили работать на картофельную ферму под Гамбургом.

- Но ведь Гитлер месяц назад объявил, что отпускает всех пленных бельгийцев, - сказал я.

- Надо быть терпеливым, - ответила она. - Он жив, он на ферме, он не голодает. Я могу подождать.

В моих беседах с бельгийцами и французами в течение последних нескольких дней меня ободряет то, что и те и другие

связывают свои последние, отчаянные надежды с готовностью англичан держаться до конца. Потому что теперь они понимают: если победит Гитлер, им уготована судьба порабощенного народа. Несмотря на суровую тюремную кару, назначенную нацистами всем тем, кто слушает зарубежные радиостанции, приемники у всех настроены на Лондон, хотя вместе с новостями, которые они получают с Би-би-си, их надежды тают и улетучиваются. Все они взволнованно спрашивали меня: "Продержатся ли англичане? Есть ли у них шанс? Поможет ли Америка?" То обстоятельство, что все газеты на оккупированной территории вынуждены печатать германскую пропаганду, часто погружает их в депрессию, ведь Геббельс ежедневно пичкает их самой фантастической ложью.

На Ла-Манше немцы не дали нам поговорить с немецкими пилотами, а сегодня мы с Бойером, посиживая от нечего делать на террасе кафе, разговорились с молодым офицером германских ВВС.

Он рассказывает, что летает на "мессершмитте", который вчера и позавчера участвовал в массированной атаке на Лондон (это те самолеты, что мы видели летящими из Кале в сторону Лондона). Он не похож на хвастливого юнца, каких я встречал среди немецких пилотов.

Он спокойно заявляет: "Знаете, это дело двух недель - покончить с королевскими ВВС. Через две недели у англичан не останется самолетов. Поначалу, дней десять назад, они доставляли нам много хлопот. Но на этой неделе их сопротивление все слабее и слабее. Например, вчера я практически не видел в воздухе английских истребителей. Может, в целом штук десять, которые мы быстро сбили. Большинство из нас долетели до наших целей и вернулись без всяких помех. Англичанам конец, джентльмены. Я уже строю планы поехать в Южную Америку и заняться авиационным бизнесом. Это была приятная война".

Мы расспрашиваем его об английских самолетах.

"Спитфайры" так же хороши, как и наши "мессершмитты", - говорит он, "харрикейны" не очень, а "дефайенты" ужасны".

Он поднимается и объясняет, что должен навестить в госпитале товарища, который был ранен вчера и доставлен сюда на операцию. Мы с Диком Бойером поражены и подавлены. Дик только что приехал сюда и не очень хорошо знает немецкий.

"Я напишу статью о том, что он рассказывал, - говорит Дик и замечает: Кажется, обговорил искренне".

"Именно так. Но давай подождем. Ты же знаешь, какие у летчиков горизонты".

Позднее. Дик, Фред Экснер и я сидим в баре у отеля "Атлантис" и пьем "на посошок", вдруг на улице раздается неясный глухой звук.

"Бомба близко", - предполагает официант-бельгиец.

Выходим на улицу, но ничего не видно. Когда попозже Дик заходит ко мне, он сообщает, что бомба разнесла дом в соседнем квартале, все, кто в нем был, погибли.

По дороге на аэродром мы слышим стрельбу зениток.

На борту германского военно-транспортного самолета, Брюссель - Берлин, 18 августа

Интересны утренние брюссельские газеты. Вчера бельгийская газета вышла с таким заголовком над статьей, рассказывающей о бомбардировке, которую мы слышали прошлой ночью: "ПОДЛОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ АНГЛИЧАН ПРОТИВ БРЮССЕЛЯ!" Подобные заголовки бельгийцев заставляют сочинять немцы. Но меня в большей степени заинтересовало коммюнике верховного командования в "Brusseler Zeitung", выходящей на немецком языке. В коммюнике говорится, что в пятницу в ходе воздушных боев над Британией англичане потеряли 83 самолета, а немцы - 31. Зачем это нам рассказывал наш "искренний" молодой пилот "мессершмитта", будто практически не видел в пятницу английских самолетов?

В Брюссельском аэропорту я замечаю, что нас везут к самолету кружным путем таким образом, чтобы мы подъезжали к нему не со стороны ангаров. Но наш самолет еще не готов, и десяток немецких офицеров спорят возле него, кому достанутся два свободных места на Берлин. Я пользуюсь возможностью и отправляюсь прогуляться до ангаров. Два из них только что разбомбили, и за ними виднеются груды разбитых немецких самолетов. Значит, налеты англичан не настолько уж безрезультатны.

Надо записать слова с плаката, который я видел вчера расклеенным по всему Брюсселю: "В деревне Савантэм под Брюсселем совершен акт саботажа. Мною взяты пятьдесят заложников. Дополнительно, впредь до особого распоряжения, с 20.00 вводится комендантский час. До особого распоряжения закрываются также все кинотеатры и другие центры развлечений".

Подписано немецким комендантом. Неплохие новости. Они говорят о том, что бельгийцы сопротивляются. Сейчас полдень, мы прибываем в Берлин.

Берлин, 20 августа

Ночью была воздушная тревога, вторая за неделю, хотя за год с начала войны их и полдюжины не набралось. И берлинцы, в отличие от жителей Северной и Западной Германии, едва ли

испытали хотя бы малейшее неудобство от этой войны.

Перед моим выходом в эфир вой сирен продолжался сорок пять секунд. Я сидел в студии вместе с немецким диктором (который, как я успел заметить, следит по копии моего текста, не мошенничаю ли я). Мы слышали сигнал тревоги, но не видели причин для того, чтобы прерывать нашу работу. В окно студии постучал испуганный мальчишка-англичанин, семнадцатилетний сын бывшего работника Би-би-си, оказавшийся вместе со своей матерью предателем и работающий на нацистов. Он крикнул: "Воздушная тревога!" Сидящий со мной немец, к счастью, не испугался и знаком велел ему убраться. Потом началась наша передача. После этого я был удивлен волнению в диспетчерской, так как в Бельгии и во Франции люди не особенно обращают внимание на ночные бомбардировки. Волнение отчасти было и потому, что диктор, передававший новости на испанском языке, умчался в убежище при первом же звуке сирены и пропустил свой эфир, который должен был начаться, как только закончится мой. Когда я вернулся в офис студии, один из курьеров, который ночью становится ответственным дежурным по гражданской обороне, попытался затолкать меня в подвал, но я отказался. Мы слушали пальбу зенитных орудий с балкона и следили за прожекторами, но им не удалось высветить британские самолеты, которые направлялись к заводским районам на севере.

Берлин, 24 августа

Немцы признают теперь акты саботажа в Голландии. Генерал Кристиансен, командующий там германскими войсками, предупредил, что, если саботаж будет продолжаться, на голландские общины наложат штраф и будут взяты заложники. О природе этого, саботажа можно судить по тому предупреждению, которое генерал сделал голландцам относительно "недонесения о приземлении вражеских летчиков на голландскую землю". Он добавляет: "Голландцы, которые предоставляют убежище вражеским солдатам, будут сурово наказаны, вплоть до смертной казни". Это подтверждают полученные мной от частных лиц сведения о том, что англичане по ночам сбрасывают своих агентов на парашютах.

Немцы отрицают, что вывозят продукты питания из оккупированных стран, но в одной голландской газете я видел официальное сообщение германских властей о том, что в период с 15 мая по 31 июля из Голландии в рейх отправлено 150 000 000 фунтов продовольствия и свежих овощей.

На этой неделе здесь введены новые карточки на одежду. В отличие от прошлогодних в них сто пятьдесят купонов вместо ста, хотя это обычное надувательство нацистов. Вы получаете

больше купонов, но за каждый предмет одежды их и отдавать надо больше. За то, что прежде стоило 60 купонов, теперь требуется 80 и т. д. А пальто стоит 150 купонов. Один купон фактически дает вам право на приобретение шестнадцати граммов ткани, по стоимости вся карточка примерно на пять фунтов в год.

Германский МИД отверг просьбу американцев о безопасном проходе американских судов для эвакуации из зоны военных действий детей до шестнадцати лет.

Берлин, 26 августа

Прошлой ночью у нас был самый сильный авиационный налет за всю войну. Сирены прозвучали в ноль двадцать, а отбой воздушной тревоги в три двадцать три. Впервые британские бомбардировщики появились прямо над городом и сбросили бомбы. Сосредоточение огня зенитных орудий было мощнейшим. Он представлял собой жуткое и завораживающее зрелище. И огонь этот оказался удивительно неэффективным. Ни один самолет не был сбит, даже ни один не пойман прожекторами, которые всю ночь беспорядочно шарили по небу туда-сюда.

Берлинцы ошеломлены. Они не верили, что такое может случиться. Когда эта война началась, Геринг их заверил, что этого не будет. Он хвастливо заявлял, что ни один вражеский самолет никогда не прорвется сквозь внешнее и внутреннее кольцо противовоздушной обороны столицы. Берлинцы люди простые и наивные. Они ему поверили. Тем сильнее их сегодняшнее разочарование. Надо видеть их лица, чтобы оценить его. Геринг усугубил дело, три дня назад проинформировав жителей о том, что им не надо бежать в убежища при звуке сирен, они должны отправляться туда только тогда, когда услышат поблизости стрельбу зениток. Подразумевалось, что такому не бывать. Это внушило людям уверенность, будто английские бомбардировщики, даже прорвавшись к пригородам Берлина, никогда не появятся в небе над столицей. И вдруг прошлой ночью зенитки начали стрелять по всему городу и английские моторы загудели прямо над головой. По всем сообщениям, была паника, пять миллионов напуганных горожан бросились в подвалы.

Я сидел на радио и писал текст моего сообщения, когда раздался вой сирен и почти тотчас же залаяли зенитки. Как это ни странно, но за несколько минут до этого я спорил с цензором из министерства пропаганды насчет возможности бомбардировки Берлина. Только что бомбили Лондон. Вполне естественно, сказал я, что англичане попытаются отыграться. Он рассмеялся и заявил, что это невозможно. Вокруг Берлина слишком много зенитных орудий.

Я понял, что трудно сосредоточиться на сценарии. Зенитный огонь в районе Дома радио был особенно сильным, окно в моем кабинете дрожало при каждом залпе батареи или разрыве бомбы. Одетые в пожарную форму дежурные по гражданской обороне, усиливая панику, носились по этажам и приказывали всем идти в убежища. На германском радио это в основном привратники и рассыльные, и вскоре стало ясно, что они максимально используют свою временную власть. Большинство находившихся на рабочих местах немцев, однако, не теряя времени, отправились в подвал.

По расписанию я должен был выйти в эфир в час ночи. Как я уже ранее объяснял, чтобы добраться до студии, надо выйти из здания, где мы пишем текст и показываем его цензорам, и пробежать ярдов двести по неосвещенной пустынной стоянке до подземного помещения, где установлены микрофоны. Когда пять минут первого я вышел из основного здания, начали палить зенитки, защищающие радиостанцию. И в ту же секунду я услышал более тихий, но гораздо более зловещий звук. Как будто град бил по железной крыше. Можно было различить его падение сквозь кроны деревьев, на крыши гаражей... Это была шрапнель от зенитных орудий. Впервые в жизни я пожалел, что у меня нет стальной каски. В немецких стальных касках для меня всегда было что-то отталкивающее, символизирующее грубую германскую силу. Я и на фронте отказывался ее надевать. А теперь мог бы и преодолеть свое предубеждение. Я замешкался в дверях. Через две-три минуты должна была начаться передача. И я помчался туда, бежал с закрытыми глазами, испуганно пригибаясь к земле, спотыкаясь на деревянных ступенях там, где был помост. Зигрид одолжила мне свой карманный фонарик. Я включил его. Часовой у двери рявкнул, что надо выключить. От его крика я отпрянул, врезался в угол гаража и растянулся на песке. Звук падающей вокруг шрапнели заставил меня подняться на ноги. Последний бросок, и я влетел в дверь студии.

"С ума сошли, - прорычал охранник, - где ваш пропуск?"

"У меня эфир через минуту", - выпалил я, задыхаясь.

"А мне какое дело. Где ваш пропуск?"

Наконец я нашел его. В студийном отсеке инженер попросил меня говорить прямо в микрофон. Он не объяснил почему, но и так было ясно. Чем ближе к микрофону я говорю, тем меньше улавливаются посторонние звуки. Но мне хотелось, чтобы пушки были услышаны в Америке. Цензоры разрешили произнести только одну фразу о налете, просто упомянуть, что он продолжается.

Как ни странно, но, когда я начал говорить, не ко времени

возникла заминка в стрельбе. Только издалека через дверь студии доносился слабый гул. В Америке, очевидно, орудия были слышны лучше, чем в моей студии, потому что спустя несколько минут я поймал на коротких волнах конец нашей программы и услышал, как Элмер Дэвис в Нью-Йорке говорит, что звуки орудий и бомб были весьма реалистическими. Это меня здорово обрадовало, но я заметил, как помрачнели лица немецких чиновников, тоже поймавших комментарий м-ра Дэвиса.

Зигрид, которая полчаса спустя вела передачу для "Мьючиал", смело бросила вызов падающей еще плотнее, чем прежде, шрапнели, несмотря на попытки некоторых отговорить ее от похода в студию. Случилось так, что, пытаясь увернуться от града осколков, она споткнулась, упала и сильно поранила при этом ногу. Передачу она вела, превозмогая ужасную боль. Но ей не повезло. Тот самый передатчик, который всего лишь несколько минут назад отлично работал для Си-би-эс и Эн-би-си, вдруг испортился, и ее выступление до Америки не дошло.

Почти до самого рассвета мы наблюдали это зрелище с балкона. Была низкая облачность, и немецкие прожектора тщетно пытались отыскать британские бомбардировщики. Лучи света вспыхивали на несколько секунд, бешено обшаривали небо и исчезали. Англичане бороздили воздушное пространство над центром города, как хотели, и, судя по реву двигателей, летали совсем низко. Немецкие зенитки вели сумасшедший огонь, ориентируясь исключительно на звук. По их стрельбе легко было проследить за маршрутом самолета над городом, по тому, как батареи одна за другой улавливали звук мотора и вслепую били в небо. Больше всего шума доносилось с севера, где находятся военные заводы.

Сегодня эта бомбардировка - единственная тема разговоров среди берлинцев. Поэтому особенно забавляет, что Геббельс разрешил местным газетам напечатать лишь сводку в шесть строк, содержание которой сводится к следующему: вражеские самолеты летали над столицей, сбросили несколько зажигательных бомб на пригороды и повредили один деревянный сарай в саду. Там нет ни строчки о фугасных бомбах, падение которых ясно слышалось. Не упомянуто и о трех улицах Берлина, перегороженных сегодня, чтобы помешать любопытным увидеть, что бомба может сделать с их домом. Интересно будет наблюдать реакцию берлинцев на усилия властей скрыть масштабы этого воздушного налета. Впервые у них появилась возможность сравнить то, что произошло в действительности, с тем, что сообщил д-р Геббельс. Англичане сбросили также ночью несколько листовок, обращенных к простому народу, в которых

говорится, что "война, которую начал Гитлер, будет продолжаться, и она будет длиться столько, сколько Гитлер будет ее вести". Хорошая пропаганда, но, к сожалению, мало кому удалось эти листовки увидеть, их сбросили совсем немного.

Прошедшей ночью снова атаковали Берлин крупными силами, и впервые в столице рейха есть жертвы. По официальным сообщениям, в Берлине убито десять человек и ранено двадцать девять. На Коттбузерштрассе, ведущей в Темпельхоф (в который, вероятно, целились англичане), и неподалеку от железнодорожной станции Гёрлитцёр (туда они тоже могли целиться) на мостовую упали две стофунтовые бомбы. В результате оторвало ногу дежурному по гражданской обороне, который стоял у входа в свой дом, и убиты четверо мужчин и две женщины, по неосторожности наблюдавшие за фейерверком из дверного проема.

Думаю, на простых берлинцев больше, чем первые жертвы, подействовал тот факт, что английские самолеты смогли беспрепятственно прорваться к центру Берлина. В первый раз война пришла к ним в дом. Если англичане будут продолжать в том же духе, это окажет огромное влияние на моральный дух населения.

Геббельс неожиданно сменил тактику. После первой большой бомбежки он приказал замять эту историю в прессе. Сегодня он распорядился, чтобы все газеты кричали о "жестокости" английских летчиков, нападающих на беззащитных берлинских женщин и детей. Следует иметь в виду, что народ здесь пока не знает о смертоносных бомбардировках Лондона немецкой авиацией. Одинаковый для всех сегодняшних газет заголовок: "ТРУСЛИВОЕ БРИТАНСКОЕ НАПАДЕНИЕ". И коротышка-доктор заставляет прессу вбивать в головы людей, что немецкие самолеты бомбят в Англии только военные объекты, в то время как "британские бандиты" по личному приказу Черчилля "атакуют только невоенные цели". Германский народ, вне всякого сомнения, клюнет на эту ложь. Одна газета доходит до пика истерии: в ней говорится, что королевские ВВС получили приказ "истребить население Берлина".

Судя по тому, что мы наблюдали в последние ночи, ясно, что защиты от ночных бомбардировок здесь нет, и Герингу это должно быть известно. Ни в воскресную, ни в прошлую ночь средства противовоздушной обороны Берлина, возможно, лучшие в мире, - не смогли не то что сбить, а даже захватить лучом прожектора хотя бы один английский самолет. Официальное коммюнике, не решившись рассказывать населению, что прошлой ночью были сбиты какие-то самолеты над городом, потому что

тысячи людей видели, что не был сбит ни один, сообщило сегодня об одном бомбардировщике, сбитом на пути в Берлин, и одном сбитом на пути из Берлина.

Прошедшей ночью у меня были еще собственные неприятности на радио. Во-первых, цензоры объявили, что в дальнейшем нам нельзя упоминать о налете в то время, когда он происходит (Эд Марроу в Лондоне не просто упоминает, но и описывает его). Во-вторых, я поссорился с сотрудниками германского радио. Я закончил передачу, и они приказали мне идти в подвал. Я пытался объяснить, что приехал сюда в качестве военного корреспондента и, отправляя меня в подвал, они препятствуют выполнению моих служебных обязанностей. Мы обменялись довольно резкими выражениями. Я заметил, что лорд Хау-Хау единственный человек, не считая самых смелых девушек-секретарш, кто не бросается в убежище при звуке сирен. Я целый год избегал общения с ним, но недавно подумал, что, может быть, полезно познакомиться с этим предателем. Во время воздушных тревог он проявил храбрость.

Берлин, 31 августа

Слег с гриппом. Когда вчера как раз перед началом бомбежки зашла горничная, я спросил: "Прилетят сегодня англичане?"

"Наверняка", - вздохнула она обреченно. Вся ее уверенность, как и уверенность пяти миллионов берлинцев в том, что столица защищена от нападения с воздуха, улетучилась.

"Зачем они это делают?" - спросила она.

"Потому что вы бомбите Лондон", - ответил я.

"Да, но мы наносим удары только по военным объектам, а англичане, они бьют по нашим домам".

Она представляла собой хороший продукт геббельсовской пропаганды.

"Может быть, вы тоже бомбите их дома", - сказал я.

"В наших газетах пишут, что нет", - возразила она. Она заявила, что немцы хотят мира, и хотела узнать, почему англичане не приняли мирное предложение Гитлера. Эта женщина из рабочей семьи. Ее муж рабочий, возможно, бывший коммунист или социалист. И все-таки она пала жертвой официальной пропаганды.

Англичане устроили прошедшей ночью хорошую атаку с бреющего полета, и даже германские официальные лица признали, что ущерб оказался значительнее, чем когда-либо прежде. Ко мне заходил один приятель и сообщил, что бомбы попали в заводы Сименса. Заголовок в сегодняшнем вечернем выпуске "Borsen Zeitung": "АНГЛИЙСКИЕ ВОЗДУШНЫЕ БАНДИТЫ НАД БЕРЛИНОМ".

Я отклонил предложение министерства пропаганды ездить каждое утро после налетов вместе с другими корреспондентами в организованные экскурсии по городу для осмотра последствий. Я знаю, что немецкие военные власти не намерены показывать нам пораженные ударами военные объекты. Чтобы провести настоящую ревизию, надо несколько часов колесить по огромной территории Берлина.

В полночь я лежал в ванне и не слышал воя сирен. Узнал о налете, только когда загрохотали зенитки. Так как мой грипп все еще при мне, то лег спать, но среди ночи меня разбудили грохот и сотрясения от разрывов двух бомб где-то очень близко от нашего отеля.

Сегодня верховное командование официально сообщает, что прошедшей ночью отличная работа столичной противовоздушной обороны "помешала" британским летчикам сбросить бомбы и поэтому бомбы упали только за пределами города.

Это странно, потому что сегодня закрыт Тиргартен, а вечерние газеты признают, что в парке после ночного налета обнаружено несколько воронок от бомб. Вечером я поплелся в Дом радио делать юбилейную передачу. Военный цензор, вполне приличный парень, был удивлен противоречивыми сообщениями немцев об этой бомбежке.

"Мои инструкции таковы, что вы не можете противоречить сообщениям верховного командования", - сказал он.

"Но им противоречит немецкая пресса, - возразил я. - Я сам слышал, как бомбы падали в Тиргартене, и берлинские газеты это признают".

Он был честный игрок и дал мне почитать эти противоречащие друг другу отчеты.

Главным результатом недели непрерывных ночных бомбардировок стало великое разочарование людей и посеянное в их умах сомнение. Кто-то сказал мне: "Никогда больше не поверю тому, что они говорят. Если они врали про налеты в других районах Германии, как врут про Берлин, то там, должно быть, дела совсем плохи".

На самом деле английские бомбардировки не были так уж ужасны. Англичане задействовали слишком мало самолетов, пятнадцать - двадцать за ночь, и им приходилось слишком далеко летать, чтобы донести по-настоящему эффективный боезапас. Главный аспект - моральный, и англичане умно поступают, что делают это каждую ночь. Сегодня еще один налет начался прямо перед моим эфиром, но шоу было так себе.

Год назад началось "великое наступление" на Польшу. За этот год германское оружие достигло таких побед, равных которым не

было в блестящей военной истории этой агрессивной милитаристской нации. И все же война еще не окончена и не выиграна. И именно на этом, если я хоть что-то понимаю, сосредоточены сейчас мысли немцев. Они страстно желают мира. И они хотят его до наступления зимы.

Берлин, 2 сентября

Сегодня я узнал, что немцы, которые занимаются обезвреживанием бомб замедленного действия, это в основном заключенные концентрационных лагерей. Если они останутся живыми, им обещано освобождение. Фактически, для них такой выбор, возможно, самый легкий. Даже смерть - это желанное избавление от пыток гестапо. А здесь всегда есть шанс, что бомба не взорвется. Некоторые бомбы, упавшие в Тиргартене, оказались, как теперь стало известно, бомбами замедленного действия.

Уже в течение некоторого времени наши цензоры не позволяют нам произносить в эфире слово "нацисты". Говорят, его плохо воспринимают в Америке. Следует говорить "национал-социалисты" или вообще избегать этого термина, как это делаю я. Слово "вторжение" применительно к тому, что случилось в Скандинавии и на западе и что планируется в Англии, тоже под запретом.

Изучая немецкие цифры потерь в воздухе над Британией, которые заведомо неверны, я обнаружил, что почти ежедневно счет был 4 к 1 в пользу люфтваффе. Для кого-то из министерства авиации это соотношение, должно быть, обладает магической силой.

Берлин, 4-5 сентября (3 часа ночи)

Сегодня днем Гитлер произнес удивительную речь по случаю начала кампании зимней помощи. Подобно "фольксвагену", дешевому "народному автомобилю", за который немецкие рабочие ежемесячно платят миллионы марок в качестве паевых взносов, хотя завод, где их предполагалось делать, производит только оружие, кампания зимней помощи - тоже один из постыдных фактов нацистского режима, хотя этого не понимает ни один немец. Очевидно, что в стране, где нет безработицы, "зимняя помощь" не очень требуется. И все-таки каждую зиму нацисты продолжают выжимать из народа несколько сот миллионов марок на "зимнюю благотворительность". А на самом деле расходуют большую часть собранных денег на вооружение и партийные нужды.

Сегодняшнее появление Гитлера держалось в секрете до последней минуты. Министерство пропаганды в спешном порядке отправило корреспондентов с дневной пресс-конференции в Спортпалас. Непонятно, чего боится Гиммлер, если британские

бомбардировщики не могут прилететь в светлое время суток. Боится "инцидента"?

Это собрание явилось еще одним прекрасным примером того, как Гитлер использует доверчивость своего народа. Например, он сказал, что если немецкая авиация атаковала Британию днем, то трусливые королевские ВВС прилетают только ночью. Но он не объяснил, почему так происходит. Не объяснил, что немцы могут летать над Англией днем, потому что она находится всего в двадцати милях от немецких баз и они могут прикрывать свои бомбардировщики истребителями. А Германия слишком далеко от Британии, чтобы англичане могли обеспечивать прикрытие своим бомбардировщикам.

С восхитительным лицемерием Гитлер заявил: "Три месяца я оставлял без ответа британские ночные бомбардировки в надежде, что они прекратят это безобразие. Но герр Черчилль увидел в этом признак слабости. Вы поймете, что теперь мы даем ответ, ночь за ночь. И если британские ВВС сбрасывают две, три или четыре тонны бомб, то мы сбросим за одну ночь 150, 230, 300 или 400 тонн".

Здесь он был вынужден сделать паузу для восторженных аплодисментов аудитории, состоявшей в основном из немецких женщин - медсестер и социальных работников.

"Раз они заявляют, - продолжал Гитлер, - что усилят атаки на наши города, то мы сровняем их города с землей". Здесь юные медсестры и социальные работники совсем с ума посходили и неистово зааплодировали. Когда они пришли в себя, он сказал:

"Мы прекратим художества этих воздушных пиратов, и да поможет нам Бог".

При этих словах молодые немки вскочили на ноги и, вздернув грудь, прокричали свое одобрение.

"Придет час, - продолжил Гитлер, - когда один из нас окажется сломленным, и это будет не национал-социалистическая Германия". В этом месте неистовым девам хватило ума прервать свои радостные вопли скандированием хором: "Никогда! Никогда!"

Хотя Гитлер почти весь вечер был беспощаден и источал ненависть, в его речи имели место и юмористические, шутливые высказывания. Слушателям показалось очень смешным, когда он сказал: "В Англии все полны любопытства и без конца спрашивают: "Почему он не приходит?" Спокойствие. Спокойствие. Он идет! Он идет!" И этот человек голосом выжимал каждую каплю юмора и сарказма. Речь не транслировали напрямую, а записали и передали спустя два часа после ее окончания.

Позднее. Сегодня ночью опять прилетели англичане, в свое обычное время, за пятнадцать минут до полуночи. Тот факт, что прожектора редко захватывают самолет своими лучами, породил среди берлинцев слухи, будто английские бомбардировщики покрыты невидимой краской. Нынешней ночью они кружили над городом с интервалом в два часа. Зенитки стреляли им вслед как сумасшедшие, но безрезультатно. Еще одна бомба упала в Тиргартен и убила полицейского.

Берлин, 5 сентября

По-прежнему раздражает, что чиновники германского радио не разрешают мне делать обзор ночных воздушных налетов, происходящих каждую ночь, когда я нахожусь в радиостудии. Нельзя упоминать о них, даже если они случаются во время нашего эфира. Когда приехал сегодня на передачу, обнаружил, что для нас установили переносной микрофон. Чтобы ваш голос был услышан, надо приложить его к губам. Но зато доносящиеся снаружи звуки зенитных орудий он не улавливает. Вот поэтому они его и поставили. Зато он находится в этом же здании, и нам не надо теперь мчаться под градом шрапнели, чтобы добраться до микрофона.

Соединенные Штаты готовы передать англичанам пятьдесят эсминцев в обмен на военно-морские и военно-воздушные базы в британских владениях нашего Восточного побережья. Немцы называют это нарушением нейтралитета, но не собираются ничего предпринимать и даже протестовать. Они надеются, что наши изоляционисты и наши пронацисты не дадут нам вступить в войну, и поэтому хотят воздержаться от каких бы то ни было действий, угрожающих их положению.

Берлин, 7 сентября

Прошедшей ночью была самая сильная и самая результативная бомбардировка за всю войну. В последние дни немцы установили еще несколько зенитных батарей, и ночью они устроили ужасающий шум, но не смогли сбить ни одного самолета.

На этот раз англичане целились точнее. Когда я после трех ночи вернулся с радио, небо над северной частью центра Берлина освещало пламя двух больших пожаров. Один был на товарном складе железнодорожной станции Лертер. Оказалась разрушенной также станция на Шуссендорфштрассе. Мне сказали, что был подожжен завод резиновых изделий.

Несмотря на это, верховное командование сообщает сегодня в своем коммюнике: "Прошедшей ночью враг снова напал на германскую столицу, причинив в результате беспорядочного сбрасывания бомб на гражданские объекты в центре города ущерб

населению и городскому хозяйству. Отныне германские ВВС начинают ответные атаки на Лондон крупными силами".

Ни намека на то, что последние две недели немцы сбрасывали бомбы в самый центр Лондона (и люди в Германии об этом не знают). Мои цензоры предостерегали меня сегодня, чтобы я не углублялся в рассуждения на эту тему. У меня явно есть немецкие слушатели, которые могут ловить мою программу с коротковолновой германской радиостанции, передающей ее в Нью-Йорк. Так как это германская радиостанция, то наказание не полагается.

Заявление верховного командования, которое оно наверняка сделало по личному указанию Гитлера (он частенько прикладывает руку к написанию официальных военных сводок), умышленно лжет, что Германия приняла решение бомбить Лондон только после того, как англичане первыми начали бомбить Берлин. И немцы клюнут на это, как почти на все, что им в эти дни говорят. Определение, никогда в новейшей истории, с тех пор как пресса, а позднее и радио сделали теоретически возможным для большей части человечества узнавать обо всем, что происходит в мире, - ни один великий народ не был так оболванен, так бессовестно обманут, как немцы, живущие при этом режиме.

И вот сегодня верховное командование, которое, по мнению всех порядочных немцев, говорит одну святую правду, распространило специальное коммюнике. В нем говорится, что в ответ на британские налеты на Берлин сегодня вечером Лондон впервые был атакован крупными силами. В результате этой ответной атаки, сообщает оно, "одно огромное облако дыма простирается теперь от центра Лондона до устья Темзы".

Чтобы американцы имели представление о той пропаганде (хотя я и не имел права так ее называть), которой подвергается немецкий народ, я зачитал в вечернем эфире следующую цитату из вечернего выпуска берлинской газеты "Borsen Zeitung": "В то время как атаки германской авиации совершаются исключительно против военных объектов (этот факт признают и британская пресса, и британское радио), королевские ВВС не находят ничего лучше, как атаковать гражданские объекты в Германии. Отличным примером этому был преступный налет на центр Берлина прошлой ночью. Во время этого налета поражались только жилые дома и ни одного военного объекта".

Немецкий народ понятия не имеет (потому что нацистская пресса и радио замяли эту историю), что только в августе в результате налетов люфтваффе на британские "военные объекты" погибло более тысячи мирных английских жителей.

Еще одна разновидность здешнего вранья. В официальном заявлении о бомбардировке прошлой ночью сообщается, что первые две волны британских самолетов были отбиты силами ПВО столицы, а из третьей волны удалось проскользнуть всего нескольким самолетам. Сейчас любой берлинец знает, что английские самолеты гудели над головой с того самого момента, как прозвучала сирена. Волн было несколько, и каждый раз гул моторов был слышен. Но все равно, боюсь, что большинство поверит официальным объяснениям.

Газета вчера дошла до того, что сообщила своим доверчивым читателям, будто все военные объекты в Германии настолько надежно защищены зенитными орудиями, что у английских самолетов нет никакой возможности их бомбить, поэтому они и целятся в незащищенные гражданские здания. Интересно, скольким немцам придет в голову спросить: почему при таком сосредоточении зенитных орудий в Берлине и вокруг него, - какого мир еще никогда не видел, - до сих пор не был сбит ни один самолет?

А лично я уже просто устаю от цензурных ограничений на наши попытки донести в Америку хоть минимум правды об этой воздушной войне. Долго я этого не выдержу.

Берлин, 8 сентября

Во всех утренних воскресных газетах один и тот же заголовок: "БОЛЬШАЯ ОТВЕТНАЯ АТАКА НА ЛОНДОН".

Берлин, 9 сентября

Сегодня со мной сыграли типичную нацистскую шутку. Трое моих цензоров так долго воевали со мной по поводу текста моего вещания, которое должно было состояться в два часа дня, обвиняя меня в неуместной иронии насчет "ответных" бомбежек Лондона, что, когда они наконец утвердили текст, у меня уже не было времени, чтобы выйти в эфир. Мои пять минут эфирного времени истекли.

Крыть было нечем, поскольку цензоры имеют полное право задержать непонравившийся им текст, так же как я имею право не выходить в эфир, если сочту, что они выхолостили истинный смысл моего сообщения. Но вечером я узнал от Пола Уайта, получив от него телеграмму из Нью-Йорка по таким каналам, которые не позволяют немцам узнавать содержание нашей переписки, что начальник коротковолнового вещания Германской радиовещательной компании прислал ему по телеграфу объяснение, почему я не вышел в эфир в два часа дня. В нем говорится: "К сожалению, Ширер опоздал сегодня на передачу".

Ни прошлой, ни позапрошлой ночью британским бомбардировщикам прилететь не удалось. Официальное

разъяснение германскому народу: две ночи подряд британские самолеты пытались прорваться к Берлину, но были обращены в бегство. Всякий раз, когда британцы решат не бомбить Берлин, я буду слышать теперь, как Геббельс приказывает сообщать народу, что они пытались это сделать, но были отброшены замечательной противовоздушной обороной столицы.

Теперь, как только английские самолеты появляются в небе над Германией, большинство немецких радиостанций спешно прекращают свою работу в эфире, чтобы не служить радиомаяками для британских пилотов. Сегодня вечером германское радио объявило, что его вещание, в последние две недели уже сильно сокращенное по "военным причинам", будет урезано еще больше. "Сейчас не время, - говорится в сообщении, - подробно объяснять причины этого".

Берлин, 10 сентября

Небольшой налет прошлой ночью, хотя несколько домов разрушено. Комментируя эту бомбардировку, газета "Local Anzeiger" говорит: "Пилоты Его Британского Величества нанесли тяжелый удар по законам, определяющим благородное и подобающее мужчинам ведение войны".

В министерстве пропаганды нам показали сегодня одно из британских "секретных орудий", новый вид зажигательного оружия. Оно выглядит как большая визитная карточка, площадью примерно два квадратных дюйма, и сделана из деллулоида. Два склеенных листа целлулоида, а между ними таблетка фосфора. Англичане сбрасывают их во влажном состоянии. Когда они высыхают, полежав несколько минут на солнце или десять минут на сухом дневном воздухе, то воспламеняются и слабо горят в течение двух-трех минут. На самом деле их первыми использовали ирландские республиканцы, которые подбрасывали их в почтовые ящики в Англии. Немцы признают, что англичане подожгли зерновые и сено на полях, а также несколько лесных массивов. Вероятно, начав разбрасывать эти зажигательные устройства в августе, англичане надеялись уничтожить значительные площади зерновых. К сожалению, август оказался слишком влажным, и лишь несколько этих устройств достаточно высохли, чтобы воспламениться.

Берлин, 11 сентября

Прошлой ночью была жесточайшая бомбежка. А немецкие газеты превзошли самих себя. "Borsen Zeitung" называет наших воздушных визитеров "варварами" и дает шапку на всю полосу: "ПРЕСТУПЛЕНИЕ БРИТАНЦЕВ НАД БЕРЛИНОМ". Если верить нацистам, убито только пять человек, но англичане впервые сбросили большое количество зажигательных бомб, и возникло

несколько небольших пожаров. Три "зажигалки" упали во двор "Адлона", пять - в сад посольства по соседству, а еще полдюжины - в сад д-ра Геббельса, прямо за этим посольством. Попали также в офис министра военного снабжения, который расположен между "Адлоном" и посольством. Все "зажигалки" были потушены еще до того, как успели нанести хоть какой-то ущерб. На самом деле англичане целились в Потсдамский вокзал, но им не повезло. У них был почти точный заход на цель: первые бомбы поразили Рейхстаг, потом они падали по направлению к Потсдамскому вокзалу - на Бранденбургские ворота, посольство и сады за ним. Но последняя упала примерно в трехстах ярдах от вокзала.

Би-би-си заявляет сегодня, что было попадание в Потсдамский вокзал, но это неправда, и по крайней мере трое немцев из тех, кто слушал Би-би-си, жаловались мне сегодня, что разочарованы неполной достоверностью сообщений британского радио. Суть в том, что британцы плохо сработали - сообщили людям, находящимся здесь и на немецком языке, что подожжен важный вокзал, когда тот остался цел и невредим.

Прошлой ночью я чуть не распрощался с жизнью. Когда мчался на своей машине с радио после сигнала отбоя со скоростью пятьдесят миль в час, меня вдруг занесло на какие-то обломки, и я остановился в двадцати футах от свежей воронки. Это было на магистрали восток - запад, примерно в ста пятидесяти ярдах от Бранденбургских ворот. В темноте воронку не было видно, а дежурные гражданской обороны ее еще не обнаружили. Один из осколков бомбы, образовавшей эту воронку, пролетел двести ярдов до американского посольства и пробил двойные рамы в кабинете Дональда Хита, нашего первого секретаря. Осколок проделал аккуратную дырочку в двойных окнах, пролетел прямо над столом Дона и ушел на четыре дюйма в стену в дальнем конце кабинета. Дон должен был дежурить прошлой ночью и сидеть в это время за своим столом, но по какой-то причине Керк, наш поверенный в делах, велел ему идти домой и сам остался на ночное дежурство.

Берлин, 12 сентября

Уезжаю на несколько дней в Женеву, чтобы обсудить некоторые вопросы с Нью-Йорком по телефону и не быть при этом подслушанным нацистами. Немцы хотят выслать Хатрича, моего помощника, а я против этого.

Ходят слухи, что большое вторжение в Англию назначено на 15 сентября, когда начнется полнолуние и будет сильный отлив в Ла-Манше. Я в любом случае использую этот шанс уехать.

Женева, 16 сентября

Новость, дошедшая через близкую отсюда границу с

Францией, состоит в том, что немцы попытались осуществить высадку в Британии, но получили отпор и понесли тяжелые потери. Это сообщение следует воспринимать скептически.

Ланч с Джоном Уайнэнтом, главой Международного бюро труда. Он мужественно борется за сохранение своей организации и всех принципов, которые она защищает, спасая ее от удара, который нанесла война. Он более, чем любой другой американский общественный деятель, из тех, с кем я знаком, разбирается в социальных процессах и изменениях, которые произошли за последнее десятилетие как у нас, так и в Европе и которые зарождаются сейчас в результате войны. Мы поговорили о том, какая работа предстоит по окончании войны, если Англия победит и если не повторятся ошибки 1919 года. Он высказывал свои мысли о восстановлении хозяйства и переходе с военной экономики на мирную без диспропорций, высокой безработицы, снижения цен и депрессии, последовавших за прошлой войной. Лично я не способен заглядывать так далеко. Я не в состоянии видеть будущее дальше разгрома Гитлера. Сделать это - настолько гигантская и настолько сверхважная задача, что все остальное кажется второстепенным, хотя, несомненно, хорошо, что есть и более дальновидные люди.

Уайнэнт - симпатичный, сухощавый, застенчивый человек, в нем есть что-то от Линкольна, и он показал себя достаточно толковым политиком и администратором, раз его дважды переизбирали губернатором Нью-Хэмпшира. Думаю, он мог бы стать достойным преемником Рузвельта в 1944 году, если тот откажется от третьего срока.

Берлин, 18 сентября

Прошлой ночью по дороге из Базеля, где-то в районе Франкфурта, проводник в вагоне вдруг заорал: "Воздушная тревога!" - и вдалеке раздался звук орудийной стрельбы, но в нас не попали. На Потсдамский вокзал прибыли вовремя, и я еще раз убедился, что он цел, несмотря на сообщения Би-би-си. Заметил, как несколько солдат с легкими ранениями, в основном из авиации, отцепляют от нашего поезда специальный дополнительный вагон. Судя по повязкам, раны у них были ожоговые. Заметил также длиннющий санитарный поезд, никогда таких не видел. Он растянулся на полмили, до самого моста через Ландвер-канал. Санитары драили вагоны швабрами. Раненых, вероятно, выгрузили ночью. Обычно немцы разгружают свои госпитальные поезда с наступлением темноты, чтобы не волновать население лицезрением одной из самых мрачных сторон этой победоносной войны. Меня заинтересовало, откуда так много раненых, ведь на западе боевые действия прекращены

три месяца назад. Поскольку носильщиков на платформе было мало, мне пришлось немного подождать, и я успел переговорить с одним рабочим-железнодорожником. Он сказал, что большинство раненых из санитарного поезда пострадали от ожогов.

Может, в тех историях, которые я слышал в Женеве, есть доля правды? Говорили, что то ли во время попытки немцев высадить крупный десант на английском побережье, то ли во время маневров с участием катеров и барж у французских берегов англичане задали немцам хорошую трепку. Из Франции в Швейцарию доходят сведения, что уничтожено множество немецких судов и барж и много немцев утонуло. Рассказывали также, будто англичане использовали новый тип радиоуправляемой торпеды (швейцарцы говорят, что это их изобретение), выбрасывающей на воду горящую нефть и поджигающей баржи. Так что те ожоги, которые я наблюдал на вокзале, заслуживают внимания.

Сегодня вечером Риббентроп неожиданно выехал в Рим. Многие гадают зачем. Мое мнение: чтобы сообщить Муссолини, что этой осенью попыток вторжения в Англию не будет. Это поставит дуче в затруднительное положение, ведь он уже начал наступление в Египте и продвинулся на сто миль в пустыне Сиди-эль-Баррани. Но эти усилия итальянцев, похоже, были предприняты только для того, чтобы отвлечь внимание от германского вторжения в Англию. Сейчас создается впечатление (хотя я все-таки думаю, Гитлер может попытаться напасть на Англию), что нынешней зимой война переместится на Средиземное море, где державы Оси постараются отправить Англию в нокаут, захватив Египет, Суэцкий канал и Палестину. Наполеон уже проделал такое однажды, но его удар не свалил Британскую империю. (Планировал Наполеон напасть и на Британию, тоже собирал суда и баржи в том самом месте, где и Гитлер, но на вторжение так и не решился.) А теперь захват Суэцкого канала державами Оси может вывести Британскую империю из строя. Причина нахождения здесь, в Берлине, подручного Франко, Серрано Суньера, заключается в том, что Гитлер хочет, чтобы Франко либо сам взял Гибралтар, либо разрешил германской армии прийти из Франции и выполнить эту задачу. Здесь много говорят о дележе Африки между Германией и Италией, и, если Франко вступит в игру, ему достанется кусок пожирнее.

После моего отъезда здесь был только один авиационный налет, поэтому пять миллионов берлинцев отоспались и теперь снова полны спокойствия и уверенности. Они и вправду думают, что британским самолетам не удается прорваться. Черчилль

совершает ошибку, не посылая больше самолеты на Берлин. Хватило бы полдюжины бомбардировщиков, чтобы среди ночи загнать людей в подвалы и лишить их сна. Когда англичане прилетали почти каждую ночь, моральный дух в Берлине сильно пошатнулся. Я слышал много жалоб на то, что из-за недосыпания и повышенной нервозности снизилась производительность труда рабочих на военных заводах и даже государственных служащих в учреждениях. Чтобы опустошить Берлин, у англичан самолетов не хватает, но чтобы сломить дух самого главного города страны, их достаточно - по пять-шесть каждую ночь. Уж не надеются ли англичане, оставив в покое Берлин, остановить страшные бомбардировки Лондона? Было бы глупо на это рассчитывать.

Берлин, 19 сентября

Сэкономив немного бензина из моей ежемесячной нормы в тридцать семь галлонов, я поехал сегодня с Джо Харшем и Эдом Хартричем в Сименштадт, чтобы посмотреть, нанесен ли бомбардировками какой-нибудь ущерб заводу Сименса. Это один из наиболее важных военно-промышленных объектов Германии. Любопытно было также узнать, каково настроение рабочих. Мы не спеша объехали вокруг завода, но никаких следов повреждений найти не смогли. Тысячи рабочих, выходящих после дневной смены, показались нам откормленными и вполне довольными. У некоторых вид был просто преуспевающий: выходя, они закуривали сигары. Когда англичане в течение двух недель прилетали практически каждую ночь, нагрузка десятичасовой рабочей смены после бессонной ночи, как рассказывали мне немцы, уже начинала сказываться на них. Но сегодня они выглядели бодрыми.

Когда мы, слегка разочарованные своими наблюдениями, возвращались в город, то заметили на мосту через железную дорогу большую толпу. Мы подумали, что там произошел какой-то несчастный случай. Но оказалось, что люди молча наблюдают за выгрузкой раненых из санитарного поезда. Это уже интересно! Только в течение двух недель в сентябре, когда громили поляков, и одного месяца весной, когда расправлялись с Западом, нам довелось повидать в Берлине столько санитарных поездов. Утром один дипломат рассказывал мне, что вчера члены его миссии отметили еще два больших санитарных поезда, выгружавших раненых на сортировочной станции Шарлоттенбург. Значит, мне известно о прибытии уже четырех больших составов с ранеными.

Никогда еще немецкая пресса не была так переполнена ненавистью к англичанам, как сегодня. Согласно ее сообщениям, прошлой ночью британские самолеты разбомбили в Бетхеле (Западная Германия) лечебницу Бодельшвинга для умственно

отсталых детей, погибло девять и ранено двенадцать подростков.

Те же газеты, которые только что начали смаковать "атаки возмездия" на центр Лондона и, чтобы продемонстрировать успех "репрессивных мер", опубликовали английские данные о тысячах погибших под немецкими бомбами гражданских лиц, включая сотни детей, сегодня полны праведного негодования против англичан за то, что они якобы делают то же самое с немцами. Некоторые заголовки из вечерних выпусков: "НОЧНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ АНГЛИЧАН ПРОТИВ 21 НЕМЕЦКОГО РЕБЕНКА. ЭТОТ КРОВАВЫЙ АКТ ВЗЫВАЕТ О ВОЗМЕЗДИИ" ("Nachtausgabe"); "УБИЙСТВО ДЕТЕЙ В БЕТХЕЛЕ; ОТВРАТИТЕЛЬНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ ("Deutsche Allgemeine"); "УМЫШЛЕННОЕ УБИЙСТВО - ЭТО НЕ ВОЙНА, ГЕРР УИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ!", "БРИТАНСКИЙ ОСТРОВ УБИЙЦ ОЩУТИТ ПОСЛЕДСТВИЯ СВИХ ПРЕСТУПНЫХ БОМБАРДИРОВОК" ("B.Z. am Mittag").

Редакционные статьи комментируют в том же духе. "Borsen Zeitung" пишет: "Они хотят, по заказу Черчилля, просто убивать... Альбион показал себя кровожадным зверем, которого германский меч уничтожит в интересах не только своего народа, но и всего цивилизованного мира... Садистские угрозы британских апостолов ненависти сгинут в дыму своих городов".

Эта газета в той же самой редакционной статье сообщает, сколько магазинов на западе Лондона и сколько станций метро уничтожено германскими бомбами.

"Diplo", печатный орган германского МИДа, претендуя на непогрешимость, заявляет сегодня вечером: "Всем известно, что Германия ведет войну чистыми средствами и по-рыцарски". (А Лондон бомбят беспорядочно каждую ночь, дневным атакам люфтваффе мешают британские истребители.)

Следует иметь в виду, что газеты здесь не отражают общественное мнение. Истеричное негодование искусственно создается сверху. Несомненно, что истинной его причиной является желание оправдать в сознании немцев то, что люфтваффе творят в Лондоне.

Цензура наших радиопередач становится все более невыносимой. Вечером у меня была серьезная стычка с нацистским цензором. Он не разрешал мне зачитать процитированные выше заголовки газет. Заявил, что это даст Америке "неправильное представление". Говорил, что я слишком ироничен в подборе заголовков.

Берлин, 20 сентября

Сегодня имеем еще один замечательный пример лицемерия нацистов. В сценариях обеих моих сегодняшних передач я написал, что германская пресса и радио выжали максимум из

нью-йоркского сообщения о том, что британская цензура запретила иностранным корреспондентам в Лондоне упоминать об авианалетах в тот момент, когда они происходят. Германское министерство пропаганды ухватилось за это сообщение и попыталось по каналам коротковолнового радиовещания и иностранной пресс-службы внушить всему миру, что Америка будет лишена таким образом достоверной информации из Лондона. Я, среди прочего, заметил, что нацисты некоторое время назад зажали нас в тисках точно такой же цензуры. Мои цензоры даже слышать не хотели о том, чтобы я говорил подобные вещи.

Все время задаюсь вопросом, зачем я здесь. Первые восемь месяцев войны цензура была вполне терпимой, более терпимой, чем контроль, с которым Севарейду и Грандену пришлось иметь дело в Париже. Но с тех пор, как война стала беспощадной и опасной, с началом вторжения в Скандинавию, цензуру постоянно ужесточали. Последние несколько месяцев я как мог изворачивался, чтобы эмоциональной окраской голоса, его модуляцией, затянувшейся более обычного паузой, с помощью американизмов (которые большинство немцев, изучавших английский язык в Англии, не улавливают), извлекая из каждого слова, каждой фразы и каждого абзаца все, что только могло мне помочь, показать, где правда, а где ложь. Но нацисты меня раскусили. С недавних пор моими цензорами из министерства пропаганды стали два джентльмена, которые понимают американский английский не хуже меня. Это профессор Лессинг, проработавший долгое время в одном из американских университетов, и герр Краусс, двадцать лет состоявший партнером одного банка на Уолл-стрит. Очень часто мне не удается их надуть. В личном плане оба - приличные образованные люди, как и капитан Эрих Кунтци, бывший директор Австрийской радиовещательной системы, а ныне мой главный военный цензор. Но они должны делать то, что им велят. А министерство иностранных дел и министерство пропаганды продолжают получать послания из Соединенных Штатов - не только из своего посольства в Вашингтоне, но и от своей хорошо организованной на всей территории нашей страны разведывательной службы, - о том, что мне все сходит с рук (хотя это не так) и меня следует резко осадить. Д-р Курт Зель, нацистский агент в Вашингтоне, в чьи обязанности, помимо всего прочего, входит отчет о содержании наших передач, несколько раз неблагоприятно отозвался об их тоне. Если я не смогу передавать правдивую и точную информацию, у меня нет ни малейшего интереса в дальнейшем пребывании здесь. А цензура с каждым днем делает мои передачи все менее достоверными. Сегодня вечером я

впервые заметил, как один молодой немец, который осуществлял для меня настройку (вызывал с помощью передатчика Нью-Йорк перед моим выходом в эфир) и по тексту следил, то ли я зачитываю, что одобрено цензурой, внимательно просматривая копию моего сценария во время эфира, ставил странные маленькие штришки под слогами, как мы обычно это делали в школе при разборе стихотворения. Я думаю, он пытался отмечать те слова, которые я выделял, которые произносил с ненужным сарказмом и т. д. Я был настолько поражен этим открытием, что даже замолк где-то на середине передачи, чтобы понаблюдать за ним.

Берлин, 21 сентября

Сегодня ко мне в номер в "Адлоне" заглянул Х. После того как мы отключили телефон и убедились, что нас никто не подслушивает через щелку в двери соседнего номера, он рассказал мне невероятную историю. Он говорит, что гестапо систематически убивает умственно отсталых людей на территории рейха. Нацисты называют это "милосердной смертью". Рассказывает, что несколько дней назад пастора Бодельшвинга, который содержит большую лечебницу для детей с различными отклонениями, приказали арестовать за то, что он отказался передать нескольких наиболее тяжелых душевнобольных детей тайной полиции. Вскоре после этого в его лечебницу попадает бомба. Якобы английская. Надо заняться этой историей.

Берлин, 22 сентября

Нам известно, что по крайней мере одного поляка Гиммлер повесил без суда за интимную связь с немецкой женщиной. Известно также, что несколько немецких женщин получили длительные сроки заключения за то, что проявили благосклонность к польским военнопленным или к сельскохозяйственным рабочим. Несколько немцев рассказывали мне о плакатах, развешанных на видных местах в провинциальных городах и требующих не иметь никаких дел с польскими рабочими и обращаться с ними строго. На прошлой неделе каждая семья получила листовку от местного отделения "Союза немцев за рубежом" с предупреждением не общаться с поляками, работающими сейчас в Германии, или с военнопленными. Несколько выдержек из этого документа:

"Германский народ никогда не должен забывать, что именно зверства поляков заставили фюрера защищать наших немецких соотечественников с помощью оружия!.. Под рабской покорностью германским работодателям поляки скрывают свое коварство; под их дружелюбием таится подлость... Помните: между немцами и поляками не может быть ничего общего!

Остерегайтесь каких-либо связей, исходящих из общих религиозных убеждений!.. Наши фермеры могут подумать, что каждый поляк, приветствующий их словами "Хвала Иисусу!", порядочный человек, и ответить словами "На веки вечные, аминь!". Немцы! Поляк никогда не должен стать вам товарищем! Для каждого немца поляк, работающий на ферме или на заводе, - подчиненный. Будьте справедливыми, какими всегда были немцы, но никогда не забывайте, что вы принадлежите к расе господ!"

Я обратил внимание, что работающие в Германии поляки обязаны теперь иметь нарукавную повязку или пришитую на груди эмблему с большой красной буквой "P" на желтом фоне. В оккупированной немцами Польше евреи носят такую же эмблему с буквой "J".

Позднее. Риббентроп вернулся из Рима, и пресса намекает, что "заключительный этап войны" - дело решенное. Рудольф Кирхер, редактор "Frankfurter Zeitung", пишет из Рима, что военная обстановка для стран Оси настолько благоприятная, что на самом деле Риббентроп и дуче занимались большую часть времени планированием "нового порядка" для Европы и Америки. Возможно, это улучшит настроение немцев, но большинство из тех, с кем я говорил, впервые начинают задумываться, почему до сих пор не было вторжения в Англию. Они по-прежнему верят, что война закончится к Рождеству. Но две недели назад они верили, что все закончится до наступления зимы, а она начнется у нас через месяц. Я выиграл все пари с нацистскими чиновниками и газетчиками насчет даты, когда свастика появится на Трафальгарской площади, и получу - должен получить - столько шампанского, что хватит на всю зиму. Когда сегодня я предложил им еще одно небольшое пари, чтобы они смогли отыграть часть своего шампанского, им это не показалось забавным. И заключать его они не будут.

Немецкие корреспонденты в Риме сообщили сегодня, что Италия недовольна Грецией и что англичане нарушают нейтралитет греческих вод так же, как когда-то в Норвегии. Звучит дурно. Полагаю, следующей окажется Греция.

Берлин, 23 сентября

После недельного отсутствия прошлой ночью английские бомбардировщики прилетели вновь и продержали народ в убежищах два часа двадцать минут. Для большинства людей это оказалось просто шоком, так как им всю неделю твердили, что англичане пытались несколько раз прорваться, но силы противовоздушной обороны неизменно заставляли их повернуть назад. Из-за этой бомбардировки местные газеты опять беснуются по поводу "британских преступников". Заголовок на всю полосу в

"Nachtausgabe": "НОВЫЙ АКТ НОЧНОГО ПИРАТСТВА". Эта же газета пишет в редакционной статье: "Вчера Уинстон Черчилль вновь отдал приказ английским летчикам сбросить бомбы на мирное население Германии и продолжить таким образом убийство стариков, женщин и детей". "Borsen Zeitung" утверждает, что "прошлой ночью Черчилль продолжил серию своих преступных ударов по мирному германскому населению". "Честно говоря, - продолжает газета, - Черчилль относится к такому типу преступников, которые в своей тупой жестокости не способны ничему научиться".

Конечно, пока Геббельс диктует подобного рода чушь немецкой прессе, немцы, я думаю, не смогут воспринимать ночные бомбардировки так, как британцы. Если бы Лондон был чуть-чуть решительнее, он бы это осознал. Стратегия британской авиации, видимо, заключается в том, чтобы сосредоточить удары на военных заводах и складах. Но несмотря на то, что им удалось поразить несколько важных объектов, например заводы Лейна, где уголь перерабатывают в бензин (бомбы в них попали, но окончательно не вывели из строя), ясно, что англичане не смогли нанести ощутимый урон германской военной промышленности и уничтожить большое количество складов. Все, что они должны делать, это держать немцев по ночам в их сырых холодных подвалах, не давать им спать и трепать им нервы. Их нервы и так уже порядком истощены за семь лет затягивания поясов в ходе нацистской мобилизации для тотальной войны.

Вчера вечером ко мне зашел один старый немецкий знакомый. Сейчас он служит в люфтваффе и последние три недели летал в составе экипажа ночного бомбардировщика на Лондон. Он рассказал любопытные подробности.

1. На него произвели впечатление размеры Лондона. Говорит, что они три недели бомбили город, а его еще на удивление много осталось! По его словам, перед вылетом им часто сообщали, что свою цель они обнаружат по квадратной миле, охваченной в городе пожарами. Однако вместо квадратной мили пожаров виднелись только разрозненные очаги.

2. Они подлетают к Лондону на высоте от 15 до 16 тысяч футов, пикируют до 10 тысяч и с этой высоты сбрасывают свои бомбы, что слишком высоко для точного ночного бомбометания. Они не решаются опускаться ниже 7 тысяч футов из-за аэростатов заграждения. Он характеризует зенитный огонь над Лондоном как "весьма ожесточенный".

3. Экипажи немецких ночных бомбардировщиков, по его словам, устали. Они постоянно перерабатывают. Люфтваффе рассчитывали уничтожить королевские ВВС в ходе дневных

операций, как они уничтожали польскую, голландскую, бельгийскую и французскую авиацию, поэтому пренебрегли подготовкой достаточного количества личного состава для ночных боевых действий. Имеющиеся экипажи, признался он, летают четыре ночи в неделю. В отличие от д-ра Геббельса, пропагандистская машина которого внушает людям, что британские летчики трусы, если не грубые скоты, мой знакомый совершенно откровенно говорит, что немецкие пилоты в полном восхищении от своих британских противников, от их мастерства и храбрости. Особенно их восхищает один английский пилот истребителя, который вечно рвется в бой с окурком сигареты, щегольски зажатым в уголке губ. Если этого парня когда-нибудь собьют на германской стороне фронта, немецкие летчики поклялись, что спрячут его и не сдадут в качестве военнопленного.

4. Он подтверждает, что по ночам английские бомбардировщики устраивают сущий ад на французском и бельгийском побережье. И очень часто внезапно налетают ночью и расстреливают из пулеметов базы немецких бомбардировщиков именно в тот момент, когда те взлетают или совершают посадку.

5. Он подтверждает, что Геринг действительно летал над Лондоном. Эту новость сообщили здесь представителям иностранной прессы, но из немецких газет изъяли, что заставило нас усомниться в ней.

6. Он рассказывает, что англичане построили множество ложных аэродромов и забили их деревянными самолетами, однако немцы большинство из них уже распознали.

7. Он подтверждает, что из полета на Британию немецкие бомбардировщики возвращаются на разные базы, причем редко на те, откуда они взлетели. По его словам, бомбардировщики стартуют с аэродромов, разбросанных по Франции, Бельгии и Голландии, но sceifta по строгому графику, чтобы избежать в темноте столкновения. Точный обратный курс из Лондона они всегда получают заранее, чтобы самолеты, которые заходят в зону боевых действий, не столкнулись с теми, которые ее покидают. Он дал интересное объяснение большой трепке, которую немцы получили во время дневного налета в прошлое воскресенье, когда, по данным англичан, было сбито 185 немецких самолетов, в основном бомбардировщиков. По его мнению, у немцев произошла ошибка в расписании, и немецкие истребители, которые должны были прикрывать бомбардировщики, слишком рано прибыли в назначенный пункт встречи у британского побережья и бомбардировщиков там не обнаружили. Прождав двадцать минут, они вынуждены были вернуться домой,

поскольку у них кончалось топливо. Бомбардировщики прилетели наконец со стороны Северного моря, но истребителей сопровождения там не оказалось, и британские перехватчики их сбили.

8. Он сообщил, что немецкие ночные бомбардировщики летают эскадрильями из семи самолетов. Он также настаивал на том, что каждая база люфтваффе докладывает точные цифры своих потерь, а их фальсификацией занимаются либо в штабе, либо в Берлине.

Он подтверждает, что люфтваффе не удалось пока заполучить превосходство над Англией в воздухе, хотя пять недель назад, когда я был на Ла-Манше, немцы уверяли, что это дело каких-нибудь двух недель.

Это достоверный факт, уже примерно две недели назад немцы отказались от широкомасштабных дневных воздушных атак на Англию и перешли главным образом на ночные бомбардировки, что само по себе - уже признание поражения.

Берлин, 24 сентября

Прошлой ночью англичане всерьез взялись за Берлин. Они бомбили сильно и очень метко на протяжении четырех часов. Им удалось поразить военные заводы на севере города, большой склад горючего и железнодорожную сортировочную станцию севернее остановок Штеттинер и Лертер.

Но нам не дают рассказать об этом. Власти заявляют, что никакого военного ущерба не нанесено, а министерство пропаганды, которое вдруг очень занервничало из-за разрушений прошлой ночи, предупредило всех корреспондентов, что мы можем сообщать только то, что говорят военные. Министерство Геббельса отменило даже традиционную экскурсию по городу после налета, объясняя это тем, что смотреть особо не на что, да и времени мало, чтобы рассмотреть все.

Никогда еще германскую прессу и радио не заставляли так здорово врать, как сегодня. Даже бесстрастных немцев, судя по их разговорам, расшевелила ложь собственных газет. В официальной сводке говорится: "Несмотря на мощный зенитный огонь, нескольким британским бомбардировщикам удалось прошлой ночью достичь северных и восточных пригородов Берлина и сбросить несколько бомб. Места падения бомб, удаленные от военных и промышленных объектов, являются еще одним свидетельством того факта, что английские летчики безжалостно атакуют жилые кварталы. Никакого военного ущерба не нанесено".

Даже верховное командование, в правдивость которого многие немцы до сих пор верят, повторило позднее эту ложь в

своем ежедневном коммюнике. Сотни тысяч жителей северных пригородов, которым трижды приходилось выходить из своих поездов и проезжать на автобусах три участка главной железнодорожной магистрали, где рельсы были взорваны английскими бомбами, несколько удивились тому, что прочитали в своих газетах.

Англичанам дважды не удалось взорвать эстакаду городской железной дороги, пересекающей центр Берлина с востока на запад. Оба раза бомбы упали в нескольких ярдах от железнодорожных путей и повредили соседние дома. По этой магистрали идет не только основной поток пригородных электричек, но и большое количество пассажирских поездов. Это самая важная дорога -в пределах города. Обломки зданий, в которые вчера попали бомбы, задержали вчера движение по ней, но сегодня эта линия действует.

Серрано Суньер, зять Франко и министр внутренних дел, возвратился из поездки на западный фронт как раз вовремя, чтобы впервые испытать на себе английскую бомбардировку. Это может оказаться полезным. Мы, корреспонденты, живо представляем себе, как Суньер возвращается в Мадрид. Франко, на которого Берлин и Рим давят сильнейшим образом, чтобы заставить его примкнуть к победившей команде Оси, расспрашивает еще об этих британских налетах на Берлин, и Суньер отвечает: "Какие налеты? Я не видел никаких налетов. Я десять дней провел в Берлине. Британцам ни разу не удалось прорваться. С британцами покончено, генералиссимо, и Испании пришло время принять участие в дележе добычи стран Оси".

Когда прошлой ночью началась бомбежка, Геббельс и другие светила нацистской партии давали в "Адлоне" обед в честь Суньера. Банкет пришлось прервать незадолго до подачи десерта, и все присутствовавшие проследовали в просторное убежище "Адлона", которое находится по соседству с парикмахерской. Когда в четыре утра я возвращался с радио, они уже разъезжались.

Я узнал, что в четверг сюда приезжает Чиано. Между Римом и Берлином идут переговоры о завершении этой зимой войны в Африке и разделе "черного континента". Но прежде они должны быть уверены в Испании и настаивают, чтобы Франко либо сам захватил Гибралтар, либо дал это сделать немцам.

Вечером Берлин обрадовало, что французы, которые практически без боя сдали Индокитай японцам и каждый день безропотно идут на все новые уступки странам Оси, сегодня открыли огонь по де Голлю и англичанам, пытавшимся захватить Дакар.

Вчерашняя бомбежка напоминает мне, что лучшее бомбоубежище в Берлине принадлежит Адольфу Гитлеру. Специалисты сомневаются, что его когда-то там можно убить. Убежище находится глубоко, оно защищено металлическими балками и огромным количеством армированного бетона, имеет собственные энергетические и вентиляционные установки, кинозал и рабочий кабинет. Даже если английские бомбы вдребезги разнесут рейхсканцелярию, отрезав все обычные пути бегства из подземелья, фюрер со своими подручными смогут спокойно выйти на поверхность по одному из тоннелей, веером расходящихся на несколько сот ярдов. Гитлеровский бункер имеет также несколько спальных помещений - немаловажная деталь, почему-то не предусмотренная в большинстве убежищ. Ведь недосыпание приносит немцам больше вреда, чем английские бомбы.

Если у Гитлера самое лучшее убежище в Берлине, то у евреев самое плохое. Чаще всего у них вообще его нет. Там, где условия позволяют, у евреев есть специальные щели для укрытия, обычно маленькая комнатка в подвале по соседству с основным помещением, где собираются "арийцы". Но во многих берлинских подвалах есть только одно помещение. Оно предназначено для "арийцев". Евреи должны спасаться на нижнем этаже, обычно в холле, ведущем от двери квартиры до лифта или лестницы. Место это вполне безопасное, если бомба угодит в крышу, так как есть шанс, что она не пробьет здание до нижнего этажа. Но опыт показал, что это самое опасное место во всем здании, если бомба падает рядом на улице. Там, где толпятся евреи, сила взрыва ощущается максимально, туда же попадает и большая часть осколков.

Д-р Бёмер, пресс-секретарь министерства пропаганды, типичный нацист, за исключением того, что образован и много путешествовал, особенно по Америке, время от времени жалуется на "недостаточную признательность" за такое нацистское благодеяние, как выдача корреспондентам дополнительного пайка. Если путь к сердцу корреспондента лежит через желудок, то д-р Геббельс действительно очень старается. Во-первых, он классифицирует нас как "работающих на тяжелом производстве". Это означает, что мы получаем двойную норму мяса, хлеба и масла. Каждый второй четверг после пресс-конференции мы выстраиваемся в очередь за дополнительными продуктовыми карточками на следующие две недели. Более того, д-р Геббельс не только разрешает, но и поощряет, чтобы мы еженедельно закупали в Дании за свободную плату в долларах продовольственные наборы. Это наш спасательный круг. Он

позволяет мне есть на завтрак яичницу с беконом четыре-пять раз в неделю. Обычно я не ем яйца с беконом на завтрак, но при нынешних скудных военных пайках я обнаружил, что это дает силы на целый день. До начала войны на западе я привез из Голландии столько кофе, что обеспечил себя им месяцев на шесть. Короче говоря, мы, корреспонденты, не очень страдаем от нормирования продуктов в военное время. Еды у нас много. А немцы заботятся о том, чтобы у нас всего хватало, не потому, что нас любят, а потому, что считают, - и, я полагаю, правильно, - что на сытый желудок мы будем к ним доброжелательнее, все мы люди, в конце концов. "

Более того, министерство пропаганды и министерство иностранных дел, во многом соперничающие друг с другом, повели жестокую борьбу за то, чтобы доказать, кто из них содержит лучший клуб-ресторан для представителей иностранной прессы. Заведение Риббентропа "Ausland Presse Club" на Курфюрстендамм роскошнее, чем "Ausland Club" Геббельса на Лейпцигплац. Но доктор, я слышал, только что выделил несколько миллионов марок на модернизацию своего клуба, чтобы тот стал пышнее риббентро-повского. Обычно пару вечеров в неделю я ужинал в "Ausland Club". Он удобно расположен, и перспектива съесть настоящий бифштекс и выпить настоящий кофе была весьма соблазнительна. Кроме того, это место, где можно было поболтать с нацистами и узнать, что у них на уме, если вообще там хоть что-то есть. После их неспровоцированного нападения на Бельгию и Голландию я туда не заходил, не в силах переваривать нацистов вместе с их обедом.

Если мы хорошо питаемся, это не значит, что немецкий народ тоже. Но зарубежные сообщения о том, что люди здесь голодают, сильно преувеличены. Они не голодают. После года блокады они имеют сейчас достаточно хлеба, картофеля и капусты, чтобы продержаться еще долгое время. Взрослые получают по фунту мяса и по четверти фунта масла в неделю. Американцы едва ли выжили на такой диете. Но немцы, организм которых веками приспосабливался к большому количеству картофеля, капусты и хлеба, кажется, прекрасно этим обходятся. Норма мяса и жиров, хотя и значительно ниже той, к которой они привыкли, все-таки достаточна, чтобы они чувствовали себя относительно сытыми.

Остро ощущается нехватка фруктов. Жестокие холода прошлой зимой привели к неурожаю немецких фруктовых садов. Прошедшей зимой мы не видели ни апельсинов, ни бананов и вряд ли увидим в эту зиму. Оккупация Дании и Голландии помогла на какое-то время пополнить запасы овощей и молочных продуктов, но неспособность Германии обеспечить эти страны

кормом для скота в скором времени превратит их в обузу в проблеме обеспечения продовольствием. Никто не сомневается, что немцы разграбили все продовольствие в Скандинавии, Голландии, Бельгии и Франции, хотя, правда, заплатили за него - бумажными марками, которые не стоят ничего. Только здешний представитель м-ра Гувера сомневается.

Важно то, что в ближайшие, скажем, два-три года Британия не выиграет эту войну, уморив голодом немецкий народ. А Гитлер, который никогда не был сентиментальным по отношению к негерманцам, позаботится, чтобы умер от голода каждый из ста миллионов человек на оккупированной территории, прежде чем хоть один немец умрет. В этом мир может быть уверен.

Берлин, 26 сентября

Прошлой ночью у нас был рекордный по длительности налет за всю войну с одиннадцати вечера до четырех утра. Если надо было идти на работу к семи или восьми утра, как сотням тысяч людей, спать пришлось совсем немного. Англичанам следует делать это каждую ночь. Не важно, что разрушений будет немного. В прошлую ночь ущерб оказался невелик. Но психологический эффект огромный.

Никто не ожидал англичан столь рано, и тысячи людей были застигнуты в метро, в городских электричках, автобусах и трамваях. Они в спешке бросились в ближайшие общественные укрытия и провели там большую часть ночи. Первый результат вчерашнего налета англичан (теоретически они могли прилететь в десять вечера, через два часа после наступления темноты) - это то, что сегодня все театры объявили о новом времени начала спектаклей - в шесть вечера, вместо семи тридцати или восьми. А министерство образования разослало в начальные школы рекомендацию отменять занятия на следующее утро после налетов, продолжавшихся после полуночи, чтобы дети могли выспаться.

Меня злит, что я не могу упоминать в своей передаче о происходящем в этот момент налете. Прошлой ночью во время моего эфира зенитные орудия, защищающие Дом радио, устроили такой грохот, что я не слышал собственного голоса. Переносной микрофон, которым мы теперь вынуждены пользоваться по ночам, ограждает слушателей в Америке от этого аккомпанемента моим словам, это жаль. Я заметил также прошлой ночью, что перед началом моего эфира власти запустили в эфир громкую оркестровую музыку. Это было сделано для того, 4fb6bi заглушить залпы орудий.

Вот как "B.Z. am Mittag" начинает свой отчет о прошедшей бомбардировке: "Величайший в истории поджигатель войны

Уинстон Черчилль прошлой ночью снова направил своих убийц на Берлин..."

Как только в час ночи я закончил свою передачу, дежурившие нацисты загнали меня в подвал. Я пытался читать прекрасную книгу Карла Кроу "Четыреста миллионов клиентов", но освещение было слабое. Мне стало ужасно скучно. Наконец, лорд Хау-Хау и его жена предложили смыться. Мы проскользнули мимо охранников и нашли редко посещаемый подземный тоннель, где начали распивать литровую бутылку шнапса, которую принесла с собой "леди" Хау-Хау. Пьет Хау-Хау не хуже, чем любой другой, и, если преодолеть изначальную неприязнь к нему как к предателю, он может показаться забавным и даже умным малым. Когда бутылка опустошилась, мы ощутили себя слишком свободными, чтобы возвращаться в убежище. Хау-Хау обнаружил потайную лестницу, мы поднялись в его кабинет, раздвинули шторы и стали наблюдать фейерверк. В южной части города грохотали орудия и освещали все небо.

Сидя в темноте кабинета, я долго беседовал с этим человеком. Хау-Хау, чье настоящее имя Уильям Джойс, но в Германии его зовут Фрёлих, что значит "веселый", свое предательство отрицает. Он утверждает, что просто отказался от британского гражданства и стал гражданином Германии, что он такой же "предатель", как и тысячи англичан и американцев, поменявших свое гражданство, чтобы стать товарищами в Советском Союзе, или как те немцы, которые отказались от своего гражданства после 1848 года и бежали в США. В отличие от него меня этим не убедишь. Он постоянно говорит "мы", "нам", и я спросил, какой народ он имеет в виду.

"Конечно же нас, немцев", - огрызнулся он.

Он человек плотного телосложения, ростом примерно пять футов девять дюймов, с ирландским огоньком в глазах и лицом в шрамах, не от драк в германском университете, а от фашистских побоищ на мостовых английских городов. Он отлично говорит по-немецки. Я бы сказал, что у него есть два комплекса, которые довели его до нынешней дурной славы. Он чудовищно ненавидит евреев и точно так же - капиталистов. Эти два вида ненависти и стали главной движущей силой в его сознательной жизни. Если бы не истерия по поводу евреев, он запросто мог бы стать преуспевающим коммунистическим агитатором. Как ни странно, он считает нацизм пролетарским движением, которое освободит мир от оков "плутократов-капиталистов". Он видит себя, в первую очередь, освободителем рабочего класса.

(Коллега Хау-Хау Джек Тревор, английский актер, который ведет антибританские программы для д-ра Геббельса,

пролетариатом не интересуется. Единственная сжигающая его страсть - это ненависть к евреям. Прошлой зимой обычным делом было видеть его стоящим в сильную метель на снегу и бессвязно толкующим часовому перед входом в студию, что необходимо повсеместно истребить евреев. Часовой, который наверняка не испытывал особой любви к евреям, а думал только о том, сколько ему еще в эту мерзкую зимнюю ночь стоять на посту, притоптывал коченеющими ногами и, отворачиваясь от резкого ветра, бормотал "Ja. Ja. Ja. Ja", наверное удивляясь при этом, что за чудаки эти англичане).

История Хау-Хау, которая сложилась из наших с ним бесед и его брошюрки "Сумерки над Англией", только что вышедшей в Берлине (он вручил ее мне, после того как я презентовал ему провезенную контрабандой английскую книжку "Жизнь и смерть лорда Хау-Хау"), такова.

Он родился в Нью-Йорке в 1906 году, родители - ирландцы, потерявшие, по его словам, все деньги, что имели в Ирландии, "по причине своей преданности британской короне". Он изучал литературу, историю и психологию в Лондонском университете, а в 1923 году, после неудавшегося гитлеровского путча в Мюнхене, присоединился к британским фашистам. Говорит, что в те времена зарабатывал на жизнь репетиторством. В 1933 году вступил в Британский союз фашистов сэра Освальда Мосли и стал одним из его главных ораторов и публицистов. Три года он возглавлял у Мосли пропаганду. Утверждает, что покинул его движение в 1937 году из-за "разногласий по вопросам, носившим организационный характер". Сошелся с Джоном Бекеттом, бывшим депутатом парламента от социалистов, и они основали Национал-социалистическую лигу, но спустя несколько месяцев Бекетт вышел из нее, так как посчитал методы Джойса "слишком экстремистскими".

Джойс пишет об этих днях: "Мы жили национал-социализмом... Мы были достаточно бедны, чтобы познать все ужасы свободы при демократии... Одного из наших членов полтора года безработицы и голода свели с ума. Я месяцами жил с настоящими друзьями, которые любили Англию и не могли получить от нее на пропитание".

В год перед войной его дважды арестовывали по обвинению в оскорблении действием и нарушении общественного порядка. Потом сгустились военные тучи.

"Мне было легко, - пишет он, - принять решение. Утром 25 августа мне стало ясно, что величайшая в истории битва неизбежна. Возможно, самым правильным было бы остаться в Англии и неустанно трудиться на благо мира. Но у меня было

приобретенное традицией или унаследованное предубеждение... Англия собиралась воевать. Я ощущал, что по своим истинным убеждениям не могу сражаться за нее и должен покинуть ее навсегда".

Так он и сделал. 25 августа вместе с женой, "которая вынуждена была уехать, даже не попрощавшись со своими родителями", он бежал в Германию, чтобы принять участие в том, что называет "священной борьбой за освобождение мира".

Любая точка зрения, рассматривающая хладнокровное уничтожение Гитлером свободных народов Европы как священную борьбу за освобождение мира, говорит сама за себя. Книжка Хау-Хау представляет собой сборную солянку из нацистских выдумок про Англию, сдобренную банальными истинами о худших и темных сторонах ее истории, известных всему миру.

Слишком гнусавый голос Хау-Хау сначала показался министерству пропаганды абсолютно неподходящим для радиовещания. Один радиоинженер, из нацистов, который обучался в Англии, первым заметил его способности, и ему устроили испытание. По радио этот молодой фашистский вожак толпы с тяжелыми кулаками и изуродованным лицом говорит как представитель вырождающейся британской аристократии голубых кровей - тип людей, знакомый нашему обществу. Прошлой зимой Эд Марроу рассказывал мне, что, как показали исследования, выступления Хау-Хау в эфире захватывали по крайней мере половину всех английских радиослушателей. Но это было в те времена, когда англичане устали от "странной войны" и находили эту войну и Джойса забавными. Думаю, он и сам понимает, что большую часть власти над слушателями в Англии он потерял. В последнее время его тоже начали раздражать глупости, которые заставляет произносить Геббельс.

Есть еще третий английский предатель, о котором стоит упомянуть. Это Бэйли Стюарт, бывший капитан Сифортского шотландского полка. Несколько лет назад он был приговорен к тюремному заключению за выдачу военных секретов одной иностранной державе. Девица, которая распотрошила его, была коварной немецкой соблазнительницей, и после освобождения он последовал за ней. Сначала Стюарт сделал несколько радиопрограмм, но его шотландский характер показался нацистским чиновникам из министерства пропаганды Германской радиовещательной системы слишком негибким. Сейчас он не выходит в эфир, а работает переводчиком в министерстве иностранных дел.

Раз уж я коснулся этой темы, надо упомянуть еще и трех

американцев, ведущих нацистскую пропаганду на германском радио. Фред Кальтенбах из Ватерлоо, штат Айова, возможно, лучший из этой компании, действительно с искренним фанатизмом верит в национал-социализм и постоянно воюет с наемными писаками из нацистской партии, когда они не соглашаются с ним. Он неплохой радиоведущий. Я избегаю всех троих, и Кальтенбаха видел только однажды. Это было в Компьене во время его очередной схватки с нацистскими чиновниками с радио. Они распорядились, чтобы его не брали в Компьен, но Кальтенбах приехал тайком с какими-то армейскими офицерами и "зайцем" пробрался на церемонию. Военные постоянно его арестовывали и выдворяли из страны, но он всегда возвращался обратно. Большинство нацистов считают, что на их вкус он "слишком американец", но Кальтенбах готов умереть за нацизм.

Второй американский ведущий - некто Эдуард Леопольд Делани, который проходит здесь под именем Э.Д. Уард. Он актер-неудачник, перебивавшийся раньше случайной работой в бродячих труппах в Соединенных Штатах. У него патологическая неприязнь к евреям, а так он тихий малый, который выдает по радио самую грубую нацистскую пропаганду, не задавая лишних вопросов.

Третья личность - мисс Констанс Дреквель, много лет назад она писала для филадельфийской "Public Ledger". Как мне удалось узнать, нацисты нанимают ее главным образом за то, что она единственная в городе женщина, которая готова продавать им свой американский акцент. Странно, она постоянно надоедает мне насчет работы. Одна американская радиосеть наняла ее в начале войны, но почти сразу уволила.

Для вещания на других языках у нацистов нанят штат иностранцев: выходцы из Балканских стран, голландцы, скандинавы, испанцы, арабы и индусы. Редко, но случается, что кто-нибудь из этих дикторов оказывается "неблагонадежным". Так, один югослав однажды вечером начал свою передачу словами: "Дамы и господа, то, что вы приготовились услышать сегодня из Берлина, это вздор, сплошная ложь, и, если вы не лишены разума, поверните ручку настройки". Продолжить он не смог, потому что существуют специальные "контролеры", сидящие в министерстве пропаганды, на другом конце города, для прослушивания. Последний раз этого парня видели, когда эсэсовские охранники уводили его в тюрьму.

Вчера вечером нацистский комиссар в Осло, гауляйтер Тербовен, в резкой форме проинформировал норвежцев, что впереди их ждут тяжелые испытания. Гауляйтер объявил: 1)

Норвежский королевский дом утратил свое политическое значение и никогда не вернется в Норвегию; 2) это относится и к находящемуся в эмиграции правительству Нюгаарсвольда; 3) поэтому любая деятельность в пользу Королевского дома или сбежавшего правительства запрещена; 4) согласно приказу Гитлера для выполнения функций правительства создан совет уполномоченных; 5) все старые политические партии немедленно должны быть распущены; 6) любые объединения с целью осуществления какой бы то ни было политической деятельности запрещены.

Таким образом, Норвегия, то есть все, что было в ней честного и демократического, уничтожена - на данный момент. А Германия явно демонстрирует свою неспособность править кем-нибудь еще. За короткий период времени, истекший с тех пор, как рейх впервые пришел в Норвегию, - то же самое можно сказать и о Голландии, - Германия могла бы успешно завоевать расположение местного населения, которое понимало, что безнадежно бороться против подавляющей военной мощи Гитлера. Но немцы сделали все возможное, чтобы лишиться их расположения, и в течение нескольких недель этот настрой переменился. Теперь во всех оккупированных странах гитлеровских правителей люто ненавидят. Ни один порядочный норвежец или голландец не будет иметь с ними дела.

Это выступление гауляйтера по радио явилось замечательным примером немецкой бестактности. Он сказал норвежскому народу, что безрезультатно пытался вести переговоры с прежними политическими партиями, но они настойчиво требовали власти и "не обращали внимания" на его предупреждения, поэтому он и решил их ликвидировать. В заключение он заявил норвежцам, что теперь ему стало ясно: только курс движения Квислинга всегда был единственно приемлемым для Норвегии, и эта партия останется единственной, к которой немцы будут терпимы в будущем. Таким образом, он фактически объявил норвежцам, что жалкий предатель, к которому питают отвращение девяносто девять с половиной процентов населения, не только устраивает нацистов, но и будет отныне единственным, кто сможет высказывать свое мнение, - насколько вообще это будет дозволено любому норвежцу, - о будущем их страны.

Не требуется большого ума, чтобы сделать вывод: власть грубой силы, применяемая сейчас немцами на оккупированных территориях, долго не продержится. Ибо, несмотря на абсолютное военное и полицейское могущество, которым, конечно, обладают немцы, невозможно вечно править другими европейскими

народами, которые тебя ненавидят и презирают. Поэтому гитлеровский "новый порядок" в Европе заранее обречен. Разумеется, нацисты, которые никогда не утруждали себя изучением европейской истории, а руководствовались извечным германским стремлением завоевывать, не думая о последствиях, полагают, что, устанавливая "новый порядок" в Европе, находятся на правильном пути и что этот режим будет во власти Германии во благо Германии на все времена. Их долгосрочный план состоит не только в том, чтобы вечно держать подчиненные европейские народы безоружными, лишая их возможности восставать против своих немецких хозяев, но и в том, чтобы сделать их экономически зависимыми от Германии, чтобы они не могли существовать, не будь на то воля Берлина. Поэтому тяжелые и высокотехнологичные производства, которые пока действуют в порабощенных странах, будут сосредоточены в Германии. Порабощенные народы станут производить сырье и продовольствие для немецких хозяев. Это будут в основном сельскохозяйственные и шахтерские общины, роль которых во многом будет напоминать современную роль Балканских стран в хозяйстве Западной Европы. И они будут полностью зависимы от Германии.

Покоренные народы Европы будут спасены, только если Британия устоит и в конечном итоге выиграет войну. .Но даже если Германия победит в этой войне, она проиграет битву за устройство Европы. Немцы, в чем я глубоко убежден после многолетнего общения с ними, не способны обустроить Европу. Их неуравновешенность, пугающая жестокость, когда они дорываются до власти, прирожденная неспособность хоть немного разбираться в сердцах и умах других людей, заблуждение, что отношения между людьми могут строиться лишь как взаимоотношения хозяина и раба и никогда на принципах равенства, - все эти черты характера немцев делают их и всю нацию неспособными к лидерству в Европе, к чему они всегда стремились, и придают уверенности в том, что, как бы немцы ни старались, в будущем они все равно проиграют.

Завтра сюда приезжает из Рима Чиано. Многие полагают, что для объявления о вступлении Испании в войну на стороне Оси. Суньер, зять Франко, министр внутренних дел, находится здесь для участия в этой церемонии, если она состоится.

Берлин, 27 сентября

Гитлер и Муссолини устроили еще один сюрприз.

Сегодня в час дня в рейхсканцелярии Япония, Германия и Италия заключили военный союз, направленный против Соединенных Штатов. Я оказался застигнутым врасплох, полагая,

что Чиано приехал втянуть в войну Испанию. Суньер даже не присутствовал на этом театральном представлении, поставленном сегодня фашистами Европы и Азии.

Я осознал свою ошибку сегодня утром, когда увидел школьников, маршировавших по Вильгельмштрассе, приветственно размахивая японскими флажками. Так как моя передача начиналась в два часа дня, а корреспондентов созывали на пресс-конференцию в рейхсканцелярию для "важного сообщения" в час, я попросил Хартрича сделать отчет о церемонии. Я следил за ней по радио.

Суть пакта содержится в статье III, где говорится: "Германия, Италия и Япония принимают на себя обязательство помогать друг другу всеми политическими, экономическими и военными средствами, когда одна из договаривающихся сторон подвергнется нападению державы, не вовлеченной в настоящее время в европейскую войну или в китайско-японский конфликт".

Ни в одну из этих войн не вовлечены пока две великие державы: Россия и Соединенные Штаты. Но статья III не относится к России. России касается статья V. В статье V говорится: "Германия, Италия и Япония подтверждают, что вышеперечисленные условия договора никоим образом не влияют на политический статус, существующий в настоящее время между каждой из трех договаривающихся сторон и Советской Россией".

Советский Союз вне игры. Тогда остаются США. Сегодня вечером в нацистских кругах даже не старались скрыть этот очевидный факт, хотя, как я и ожидал, цензоры пытались не дать мне рассказать об этом. Пришлось выкручиваться изо всех сил, чтобы протащить этот материал в эфир. Наверное, было бы правдивее и точнее прямо заявить: нацисты не скрывают того, что этот военный союз заключен против Соединенных Штатов. Но я вынужден был смягчить все до такого замечательного вступительного предложения: "Сегодня вечером в здешних информированных кругах не делалось никаких попыток скрыть тот факт, что военный союз, заключенный сегодня в Берлине... имеет в виду одну великую державу. Эта держава - Соединенные Штаты". Затем, чтобы положить конец спорам, я пустился в туманный анализ текста договора и его толкования немцами. Все это цензоры, после нескольких раздраженных замечаний, наконец пропустили.

Итак, почему Гитлер, инициатор этого альянса, поспешил состряпать его именно сейчас? У меня такая версия. Две недели назад Риббентроп совершил вдруг путешествие в Рим, чтобы сообщить Муссолини, что предполагаемое вторжение в Британию, которое, как пообещал Гитлер немецкому народу несколько дней назад в Спортпаласе, должно вот-вот произойти, не может быть осуществлено, как это было запланировано ранее. Муссолини уже начал вторжение в Египет, чтобы совместить его по времени с

нападением на Британию, разделив, таким образом, силы Британской империи, и больше этой осенью ничего не предпринимать. Нам известно, что Риббентроп пробыл в Риме дольше, чем планировал. Дуче, несомненно, обеспокоила отмена Гитлером главного удара по Британии. Он был уверен, этот удар завершит войну. Италия и вступила-то в войну только потому, что посчитала ее почти законченной. Что было делать Оси? Казалось бы, ясно: посвятить эту зиму нападению на сердце Британской империи - Египет, захватить его, взять Суэцкий канал, завладеть Палестиной, Ираком, где под рукой окажется так необходимая нефть, и, может быть, продвинуться по Евфрату и захватить Персидский нефтяной регион или хотя бы порты на Персидском заливе, откуда нефть отправляется на экспорт. Германия могла бы предоставить тысячи самолетов, танков, несколько танковых дивизий, сосредоточенных для удара по Британии, Если потребуется, можно оккупировать Югославию и Грецию (Италия всегда хотела заполучить Далмацию) и использовать Южную Грецию в качестве стартовой площадки для немецких самолетов в войне против Египта и британского средиземноморского флота.

Чтобы обеспечить полный и своевременный успех этой кампании, Испания должна принять в ней участие и немедленно захватить Гибралтар, подорвав таким образом положение Британии на западе Средиземноморья. Суньер находился в Берлине. Лично он казался настроенным положительно. Однако Франко, неблагодарная личность, колебался. Англичане, думал Франко, еще не разбиты и...

Был и еще один фактор - Соединенные Штаты.

До недавнего времени Берлин не особенно принимал этот фактор в расчет. Прошлой осенью Геринг посмеялся перед нами по поводу того, что американская помощь союзникам может сыграть какую-то роль в этой войне. Все лето, пока германская армия ломилась на запад, Берлин был уверен, что война к осени закончится, поэтому американская помощь, которая могла стать реальной только к будущей весне, Германию не волновала. Похоже, в это здесь искренне верили до недавнего времени. В последние две-три недели что-то не заладилось с вторжением в Англию. Может, его отменили, может, нет, но, вероятно, отменили. Как бы то ни было, несколько дней назад до Берлина дошло, что Британию, возможно, и не удастся победить этой осенью, что придется воевать следующей весной и тогда американская помощь Британии, особенно самолетами, даст себя почувствовать. В конце концов, . надо что-то делать с Соединенными Штатами. Что? Что-нибудь такое, что их напугает и заставит американских изоляционистов снова поднять крик об

угрозе войны.

В Японии несколько недель назад пришло к власти новое правительство во главе с принцем Коноэ. Оно провозгласило "новую жизнь" и "новый порядок" в Восточной Азии. Принц оказался тем человеком, с которым немцы могли иметь дело. Герр Штамер, доверенное лицо Риббентропа, которого обычно использовали для работы с британскими миротворцами, получил задание прозондировать почву. За этим последовал военный союз, который заключен для того, чтобы запугать Америку и удержать ее от вступления в войну. Насколько я могу судить об американском характере, никого из нас, за исключением таких, как Уиллер, Ной и Линдберг, этим не запугаешь. Эффект будет прямо противоположный тому, что ожидают Гитлер и Риббентроп, которые ни разу не ошиблись в оценке англо-саксонского характера - так они думают.

Кроме того, подписанный трехсторонний пакт - это то, вокруг чего державы Оси, особенно Германия, могут поднять грандиозную шумиху и отвлечь таким образом умы людей от того факта, что обещанное вторжение в Англию не удается и что война, которая должна через месяц-другой завершиться, чего каждый немец с уверенностью ждет с середины лета, до начала зимы все-таки не закончится.

Шумиха уже сегодня была колоссальной, она вытеснила с первых полос все остальные новости. Германскому народу говорят, что этот пакт является мировой сенсацией и что вскоре он принесет окончательный "мир во всем мире". Церемония подписания, по рассказам присутствовавшего на ней Хартрича, была проведена с присущей странам Оси театральностью. На первом месте - сам сюрприз произошедшего события. Затем - эффектное художественное оформление. Когда Риббентроп, Чиано и японский посол М. Курусу, маленький смущенный человечек, вошли в парадный зал рейхсканцелярии, вспыхнули прожектора, чтобы запечатлеть эту сцену для истории. Повсюду яркие разноцветные мундиры. Присутствует весь персонал итальянского и японского посольств. (Других дипломатов не было. Русского посла пригласили, но получили ответ, что его не будет в этот день в городе.) Троица усаживается за позолоченный стол. Риббентроп поднимается и дает знак одному из своих прислужников, д-ру Шмидту, зачитать текст договора. Затем они его подписывают, при этом усердно работают камеры. После этого наступает кульминационный момент, по крайней мере так считают нацисты. Раздаются три громких удара в гигантскую дверь. В огромном зале напряженная тишина. Японцы затаили дыхание. Медленно открываются двери, и входит Гитлер.

Риббентроп вскакивает и официально извещает его о том, что договор подписан. "Великий человек" одобрительно кивает, но не удостаивает ответом. Он величаво занимает центральное место за столом, а два министра иностранных дел и японский посол торопятся занять свои места. Когда все устраиваются, они по очереди вскакивают и зачитывают заготовленные приветствия, которые радио передает на весь мир.

Остается добавить: статья I договора констатирует, что Япония признает лидерство Германии и Италии в создании "нового порядка" в Европе. В статье II говорится: "Германия и Италия признают лидерство Японии в создании нового порядка на большей части восточноазиатской территории".

Ни одна из двух сторон не может оказать ни малейшей экономической или военной помощи третьей стороне до тех пор, пока они разделены британским флотом. Что Япония получает от этого договора - неясно, так как если мы начнем с ней воевать, то ни Германия, ни Италия не причинят нам вреда, пока не одолеют британский флот. А если мы вступим в войну с Берлином и Римом, Япония вынуждена будет объявить войну нам, хотя это может противоречить ее собственным интересам. Однако в этом случае она наверняка сможет найти предлог, чтобы забыть об этом договоре.

Ясно одно: Гитлер не стал бы обнародовать этот трехсторонний пакт, если бы рассчитывал, что война закончится до наступления зимы. Тогда в нем не было бы нужды.

Берлин, 30 сентября

Прошлой ночью была двухчасовая воздушная тревога, но мы ничего не слышали. Видимо, англичане атаковали Бранденбург, который находится к западу от столицы. Хотя ущерб от британских бомбардировок пока незначительный, власти, как я узнал, приказали эвакуировать из Берлина всех детей до четырнадцати лет. Министр сельского хозяйства Дарре заявил сегодня, что запасы продовольствия на зиму обеспечены. Он оценивает урожай картофеля в шестьдесят миллионов тонн. Урожай зерновых на два миллиона тонн меньше, чем в прошлом году, но этого хватит. Нормы на мясо, жиры и хлеб не будут меняться всю зиму.

Берлин, 3 октября

Мне донесли, что Гитлер и Муссолини проведут завтра в Бреннере незапланированную встречу. Гитлер уже покинул Берлин, как всегда в обстановке секретности. Нам не разрешено упоминать об этом, поскольку все передвижения Гитлера считаются военной тайной. (Гиммлер оставляет штандарт фюрера развевающимся над рейхсканцелярией даже в отсутствие этого

"Великого человека".) Мне удалось вставить в текст сегодняшней передачи заключительное предложение о том, что "завтра ожидается развитие событий, представляющее особый интерес".

Берлин, 4 октября

Встреча в Бреннере состоялась сегодня незадолго до полудня. Официальное коммюнике не дает никакой информации об этих переговорах, не считая того, что там присутствовал Кейтель. В МИДе нас предупредили, чтобы мы не строили предположений.

Я думаю, резонно сделать вывод, что между этими двумя державами Оси существуют настолько серьезные разногласия, что Гитлер посчитал нужным встретиться с дуче лично. Так как в прошедшем месяце Риббентроп ездил в Рим, а Чиано побывал здесь, то недостатка в контактах между номинальными главами внешнеполитических ведомств не было. Самое подходящее объяснение - что Муссолини огорчен явным отказом немцев от плана вторжения в Британию этой осенью, из-за чего ему придется расхлебывать кашу с наступлением в египетской пустыне, где его армия, углубившаяся в пески на семьдесят пять или сто миль, вынуждена возить за собой воду. Риббентропу, очевидно, не удалось успокоить итальянцев, поэтому надо было, чтобы подключился Гитлер. Но сделать вывод, что сегодняшняя встреча оказалась безрезультатной, означало бы принять желаемое за действительное. Наверняка рассматривались военные планы на будущее, и, возможно, было решено нанести Британской империи серьезный удар в уязвимое место, направив усилия на Египет и Суэцкий канал. Может быть, Германия согласилась создать военные базы на Балканах, чтобы помочь этому наступлению. Здесь много говорят о плане Германии осуществить через Турцию нападение на Ближний Восток.

Берлин, 5 октября

Любопытно читать сегодня в немецких газетах репортажи о встрече в Бреннере. Они разразились редакционными статьями о том, что это событие имеет потрясающее значение для всего мира, но не дают читателям ни малейшей информации, почему это так. Они вообще не дают какой бы то ни было информации. Но в этой тоталитарной системе, где слова потеряли свое значение, истиной становится все, что угодно, просто потому, что так говорит пресса. Сегодня я получил одно заслуживающее доверия сообщение о том, что встреча в Бреннере проходила довольно бурно. Муссолини иногда срывался на крик. Находящиеся здесь итальянцы передают одну историю, возможно выдуманную, но показательную для германо-итальянских дружественных отношений. Они рассказывают, что дуче спросил вчера фюрера, почему тот отверг план вторжения в Британию.

Гитлер промолчал, а потом увильнул от ответа, задав свой вопрос:

"А почему вы, дуче, не смогли захватить такую маленькую территорию, как Мальта? Я этим очень огорчен".

Итальянцы говорят, что Муссолини скривился и ответил:

"Фюрер, не забывайте, что Мальта тоже остров".

Сегодня пошла пятая неделя великого германского наступления на Британию с воздуха. И немцы сильно призадумались, потому что англичане не хотят признавать себя побежденными. Немцы не могут скрыть свою ненависть к Черчиллю за то, что он по-прежнему поддерживает в своем народе надежду на победу, вместо того чтобы проявить покорность и сдаться, как до сего дня делали все противники Гитлера. Немцы не могут понять людей с характером и силой воли.

Берлин, 7 октября

Характерная журналистская фальшивка нацистов. Пресса цитирует Никербокера, которого они величают "известным на весь мир американским лжецом", якобы он заявил в Лиссабоне португальским журналистам, что сбежал из Лондона, потому что дальше там жить невозможно. Зная Ника, я уверен, что это выдумка чистейшей воды.

Берлин, 8 октября

Ланч с греческим посланником и мадам Рангабе. Присутствовала их дочь Эльмина, темноволосая балканская красавица, которую мы встречали обычно у Марты Додд. Посланник очень мрачен, все его ценные вещи упакованы, так как со дня на день ждет вторжения итальянцев. Не оставляет надежду, что Гитлер спасет Грецию, по причине того, что он называет фюреровским "восхищением перед славой Афин".

Несмотря на то что ночью я вещаю на Америку до без четверти двух, приходится быть в Доме радио в десять вечера, поскольку теоретически возможно, что к этому времени над городом появятся британские бомбардировщики. Когда они прилетают, немцы останавливают всякое движение, нельзя даже по улицам ходить. Значит, если тревога настигнет меня где-нибудь в другом месте, передача может не состояться. Прошлым вечером, когда пробило десять, я помогал отметить отъезд на родину "наглеца" Леверича, второго секретаря посольства, на вечеринке, устроенной ему Хитами. Я испытывал огромное искушение остаться. Все присутствовавшие были уверены, что англичане не прилетят. Однако я ушел и безнадежно заблудился в темноте где-то южнее Виттенбергплац, но в конце концов сориентировался и добрался на своем "форде" сквозь кромешную

тьму до Дома радио. Только успел заглушить двигатель, как завыли сирены и, прежде чем я успел дойти до здания, градом посыпалась шрапнель от зенитных снарядов. Налет англичан продолжался до четырех утра и был самым интенсивным за все время. Снова бомбы разнесли железнодорожные пути севернее станций Лертер и Штеттинер. Одна молодая немка, которую я знаю, спасла себе жизнь тем, что не успела добежать до своего пригородного поезда каких-то двадцать футов. Села на следующий состав, уходивший на пятнадцать минут позже, но он уехал недалеко. В первый прямым попаданием угодила английская бомба и разнесла его на куски, пятнадцать пассажиров погибло!

Германская пресса без конца твердит о том, что атаки люфтваффе на Англию - это "репрессалии" в ответ на деяния того рода, как мы пережили прошлой ночью. Публику уже просто тошнит от этого термина, а тошноты немцам и так хватает. По городу ходит шутка, что, покупая вечернюю газету за десять пфеннигов, простой берлинец говорит теперь газетчику: "Дай-ка мне репрессалий на десять пфеннигов". Кстати, интересно, до чего же мало народу покупает вечерние газеты. В метро или в автобусе в вечерние часы ни один немец из десяти не читает газету.

Как бы туго они ни соображали и какими бы ни были терпеливыми, думаю, до них начинает доходить, что их газеты приводят мало новостей и даже эта малость сильно искажена пропагандой... Новости по радио не лучше, и в последнее время я часто замечал, что не один немец выключал приемник через пару минут после начала новостных выпусков с выразительным берлинским восклицанием "Oh, Quatschf", что посильнее, чем "чепуха". Точнее перевести как "бред".

Берлин, 15 октября

Я уже окончательно все решил относительно моих личных проблем. В течение некоторого времени я получал информацию из военных кругов о том, что Гитлер готовится вступить в Испанию с целью захвата-Гибралтара, - нравится это беспомощному Франко или нет. Тогда будет отрезан последний путь для бегства моей семьи из Женевы. Сейчас единственный путь, которым можно попасть из Европы в Америку, - это через Швейцарию, неоккупированную часть Франции, Испанию и Португалию добраться до Лиссабона, единственного сейчас на континенте порта, где можно сесть на пароход или самолет до Нью-Йорка. Если дела пойдут совсем плохо, я всегда смогу выбраться через Россию и Сибирь, но это приключение не для двухлетнего ребенка. Немцы, чтобы продемонстрировать, что в их

власти наказать швейцарцев, упрямых сторонников демократии, отказываются отправлять предстоящей зимой в Швейцарию даже небольшое количество угля, необходимое людям для обогрева жилищ. Из тех же подлых соображений немцы пропускают в Швейцарию очень мало продовольствия. Этой зимой жизнь в Швейцарии будет тяжелой. Тэсс хотя и предпочла бы остаться, но в итоге согласилась в конце этого месяца уехать домой.

Я последую за ней в декабре. Думаю, пользы от моего пребывания здесь уже почти нет. До недавнего времени, несмотря на цензуру, я считал, что, сообщая новости из Германии, я могу делать свою работу честно. Но это становилось все труднее и труднее, а сейчас почти невозможно. Новые инструкции как для военных, так и для политических цензоров заключаются в том, что они не могут позволить мне говорить что-то такое, что может создать в США неблагоприятное впечатление о нацистской Германии. Кроме того, новые ограничения на освещение по радио авиационных налетов вынуждают либо давать абсолютно лживое их описание, либо не упоминать о них вообще. Обычно я выбираю последнее, но это почти так же нечестно, как и первое. Короче говоря, рассказывать о войне или условиях жизни в Германии все как есть больше нельзя. Нельзя называть нацистов нацистами, а вторжение вторжением. Ты разжалован до ретранслятора лживых официальных коммюнике, а это может делать любой автомат. Более интеллигентные и порядочные цензоры даже спрашивают меня в конфиденциальной обстановке, зачем я здесь. Оставаться в таких условиях у меня нет ни малейшего интереса. С моей глубокой и жгучей ненавистью ко всему, что олицетворяет собой нацизм, мне никогда не было приятно жить и работать здесь. Но все это отходило на второй план, пока была работа, которую нужно делать. Ничья личная жизнь в Европе больше не берется в расчет, и у меня не было ее с тех пор, как началась война. А теперь нет даже работы, которую стоит делать...

Цюрих, 18 октября

Удивительная вещь - облегчение, которое испытываешь всякий раз в ту минуту, когда выезжаешь из Германии. Сегодня днем вылетел из Берлина. От Мюнхена до Цюриха летели на "Дугласе" со швейцарскими пилотами, слева всю дорогу красовалась величественная панорама Альп, вершины и высокие хребты уже утопают в снегу. Когда солнце начало садиться, снег приобрел волшебный розоватый оттенок. От Мюнхена нас полчаса преследовали два немецких истребителя, пилоты-новички практиковались на нас в пикировании. Раза три-четыре, устремляясь на наш самолет, они едва не задели наши крылья. Я начал покрываться испариной... У них парашюты, у нас нет.

Вскоре землю под нами укрыла полоса густых облаков, и я слегка забеспокоился, как мы зайдем сквозь них на посадку в аэропорт Цюриха, окруженный высокими горами. И вот мы нырнули в эти облака. Потом оказалось, что мы заблудились, так как пилот, покружив минут пять, снова поднялся выше облаков и развернул самолет в сторону Мюнхена. Затем еще один нырок, на сей раз глубокий, и вдруг стало темно. Мысль, что мы, возможно, собираемся совершить вынужденную посадку в Германии, привела меня в уныние, ведь всего несколько минут назад я наконец почувствовал себя абсолютно свободным от рейха. Теперь мы снижались довольно круто. Пилот дал сигнал затянуть ремни безопасности. Я крепко вцепился в кресло. И вот из темноты показались красные противотуманные огни аэродрома, знакомые крыши и сияющие огни города. Это не мог быть никакой город затемненной Германии, это мог быть только Цюрих, и через минуту мы оказались на твердой земле. Пилот мастерски совершил в тумане посадку вслепую.

Сижу в Банхофе в ожидании женевского поезда. Хорошее красное вино "Дол", спешащие через зал свободные граждане Швейцарии - на все это стоит посмотреть! Ощущается облегчение и вместе с тем грусть, оттого что через неделю придется сказать Женеве "прощай" и от сознания того, что разрушен еще один дом, который мы пытались создать.

Женева, 23 октября

Сегодня утром на рассвете Тэсс и Эйлин выехали на швейцарском автобусе, который за два дня и две ночи напряженной езды по неоккупированной части Франции доставит их в Барселону, где они смогут сесть на поезд до Мадрида и Лиссабона, а из Лиссабона на пароходе отправиться домой. Через Францию поезда пока не ходят. Единственный путь - добраться автобусом, и нам, кажется, повезло, потому что тысячи беженцев томятся здесь в ожидании возможности уехать на этих двух автобусах, которые отправляются в Испанию один раз в неделю. Они не могли взять много багажа, поэтому нам придется оставить наши вещи здесь на хранение. "Американ экспресс" не прислала сегодня своего автобуса, потому что получила сообщение, что дождевыми потоками в Пиренеях размыты дороги между Францией и Испанией. Но наша компания заявила, что есть надежда прорваться, я разделяю эту надежду. Тэсс взяла с собой еду и воду для себя и ребенка, так как купить продукты по пути через Францию невозможно.

Когда автобус отъезжал, дочка была счастлива и взволнованна, а я радовался, что она слишком мала, чтобы заметить или почувствовать трагедию пассажиров, большинство

из которых были евреи из Германии. Они нервничали и находились на грани истерики, потому что боялись, что французы высадят их и отправят Гиммлеру на расправу или не пропустят испанцы{39}. Если они доберутся до Лиссабона, то окажутся в безопасности, но Лиссабон далеко.

Бетти Сарджент рассказывает, что в Америке умер Роберт Делл, мэтр либеральной английской журналистики, чья любовь к справедливости, порядочности, миру, демократии, жизни, хорошей беседе, хорошей еде, хорошему вину и красивым женщинам не сравнима ни с чьей, кого я знаю. Мне будет его не хватать.

Берн, 24 октября

Сегодня днем грустный отъезд с Джо Харшем из Женевы. С тяжелым сердцем смотрел я из окна вагона, как исчезали швейцарцы, Женевское озеро, Монблан, зеленще холмы и мраморный дворец Лиги Наций.

Мюнхен, 25 октября

Приземлились вслепую в густом тумане, и из-за плохой видимости власти не разрешили нам продолжить полет в Берлин. Сяду в ночной поезд. Вечером все рестораны, кафе и пивные забиты дюжими баварцами. Замечаю, что они совсем перестали говорить: "Хайль Гитлер!"

Берлин, 27 октября

Эд Хартрич через пару дней уезжает домой, а я поеду в начале декабря. Принимать мои обязанности приезжает Гарри Флэннер из Сент-Луиса.

Берлин, 28 октября

Сегодня мы наблюдали классический пример того, как фашистская диктатура скрывает новости, если считает, что они могут шокировать людей. Утром итальянская армия вступила в Грецию. Утром же Гитлер неожиданно объявился во Флоренции и встретился с Муссолини по поводу этого последнего акта фашистской агрессии. Берлинские газеты вышли с огромными заголовками о встрече во Флоренции. Но ни строчки об итальянском вторжении в Грецию. Мои информаторы сообщают, что Геббельс попросил пару дней, чтобы подготовить к этому известию германское общественное мнение.

От Тэсс ни слова, с тех пор как она покинула Женеву. При нынешнем хаосе на неоккупированной территории Франции и в Испании все может случиться.

Берлин, 29 октября

Спустя двадцать четыре часа после начала ничем не оправданной итальянской агрессии против Греции немцы все еще лишены своими правителями какой-либо информации об этом.

Ни одной строчки в утренних или дневных газетах. Однако Геббельс осторожно готовит свой народ к такому сообщению. Сегодня утром он распорядился, чтобы пресса опубликовала текст злобного итальянского ультиматума греческому правительству. Это почти точная копия ультиматумов, которые немцы посылали Дании и Норвегии, а позднее Голландии и Бельгии. А германская публика может поинтересоваться, что же произошло после этого ультиматума, ведь его срок истек вчера утром.

Позднее. Эту новость наконец преподнесли немецкому народу в дневных выпусках в виде итальянского военного коммюнике. И все. Однако в местной прессе напечатали тошнотворные передовицы, обвиняющие Грецию в том, что она не осознает "новый порядок" и находится в заговоре с англичанами против Италии. В какой нравственной выгребной яме барахтаются сейчас немецкие газетчики, отлично проиллюстрировали их сегодняшние статьи. Хотя это продолжается уже несколько лет, я все еще нахожу ситуацию возмутительной. Ко всему прочему прибавились еще и обычные геббельсовские фальшивки. Например, кто-то сообщает, что греки даже не ответили на ультиматум, хотя на самом деле они это сделали. Они отвергли его.

В народе определенно нет энтузиазма по поводу последнего бандитского шага Оси. Германские военные, которые всегда высокомерно относились к итальянцам, говорят, что Греция не станет для легионов Муссолини легкой победой. Горная местность представляет трудности для действия моторизованных частей, более того, считается, что у греков лучшая горная артиллерия в Европе. По их словам, генерал Метаксос, премьер-министр, и многие греческие офицеры прошли обучение в Потсдаме.

Берлин, 31 октября

Говорят, что Гитлер примчался из Франции, где встречался с Франко и Петэном (участники встречи рассказывают, что французский маршал произвел большое впечатление на фюрера, но не Франко), во Флоренцию, чтобы удержать Муссолини от вторжения в Грецию. Он опоздал на четыре часа, и к тому моменту, когда встретился с Муссолини, отступать было поздно. Дело в том, что Гитлер думает, будто может захватить Балканы без боя. Он не хочет войны там по двум причинам: во-первых, она нарушает и без того недостаточные коммуникации, необходимые для доставки продовольствия и сырья с Балкан в Германию; во-вторых, она заставляет его еще более распылять свои вооруженные силы, которые должны сейчас удерживать линию фронта, простирающуюся более чем на тысячу миль от Нарвика

до Эндайе на западе, и протяженную границу с Россией, где он держит минимум тридцать пять дивизий и целый воздушный флот. Гитлер, говорят, обозлился на своего младшего партнера по Оси за его своеволие.

С приближением зимы становится очевидным, что этой осенью германской попытки вторгнуться в Британию не будет. Почему такая попытка не была предпринята? Что произошло с главными направлениями гитлеровской стратегии? Почему нет окончательной победы, нет до сих пор триумфального мира? Мы знаем, что в начале июня он был уверен, что все это случится к концу лета. Его уверенность вселила такое же чувство в вооруженные силы и весь германский народ. И он, и они в этом не сомневались. Разве не были установлены, покрашены и увенчаны сверкающими орлами, свастикой и черно-серебряными железными крестами трибуны для грандиозного парада победы через Бранденбургские ворота? Они были готовы в начале августа.

Что же, в самом деле, вышло не так?

Пока мы не знаем полного ответа. Кое-что можем собрать по кусочкам.

Во-первых, Гитлер колебался, и его колебания наверняка могли оказаться такой же колоссальной ошибкой, как нерешительность германского верховного командования под Парижем в 1914 году, и это есть поворотный момент в нынешней войне, который никто из нас не в состоянии пока осознать, хотя, конечно, еще слишком рано об этом говорить. Французская армия была уничтожена к 18 июля, когда Петэн запросил перемирия. Многие из тех, кто следил за германской армией во Франции, предполагали, что Гитлер немедленно развернется и ударит по Британии, - куй железо, пока горячо, пока ему и его великолепной военной машине еще приписывают обладание магической формулой непобедимости. Англичане, Гитлер знал это, содрогнулись от обрушившихся на них титанических ударов. Они лишились своего союзника Франции. Они только что принимали дома деморализованные остатки своих континентальных экспедиционных сил, дорогостоящие и невосполнимые вооружение и техника которых остались брошенными на пляже Дюнкерка. У них не было больше хорошо организованной и оснащенной сухопутной армии. Их береговая оборона была ничтожной. Их всемогущий флот не мог воевать в полную силу в тесных водах Ла-Манша, которые отныне контролировали геринговские бомбардировщики и "мессершмитты", действовавшие с приморских баз.

Такова была ситуация, когда 21 июня Гитлер вышел на

маленькую поляну в Компьенском лесу, чтобы продиктовать Франции жесткие условия перемирия. Теперь я вспоминаю, хотя в то время этот факт не произвел на меня никакого впечатления, что в Компьене со стороны немецких военных не заметно было никакой спешки в том, чтобы покончить с Британией. Собирая по крупицам, когда прошло уже немало времени, отдельные обрывки разговоров, подслушанных то там, то здесь в Компьене и в Париже, я понимаю, что был намек Гитлера: хотя вторжение в Англию и должно быть быстро и тщательно подготовлено, необходимости в нем никогда не будет. Черчилль примет тот мир, который уже вынашивал в своей голове маленький австриец. Это будет мир по-нацистски, он отделит наконец-то Великобританию от континентальной Европы; это будет просто перемирие, передышка, во время которой Германия сможет сосредоточить на материке настолько превосходящие силы, что Британии придется в конце концов без боя склониться перед нацистским завоевателем, и такой мир поможет Черчиллю спасти свое лицо. И он его примет. Думаю, Гитлер действительно верил, что так будет. И эта его уверенность сдерживала и замедляла работу, которая была необходима для вторжения сокрушительной силы - строительство и сосредоточение барж, понтонов, погрузочных средств и тысяч видов различного снаряжения.

Позднее. 1941 год. Эта передышка могла быть использована и для того, чтобы свести счеты с Россией. В конце июня некоторые наблюдатели были уверены, что Гитлер искренне стремился заключить мир с Англией (разумеется, на своих условиях), чтобы заняться Советским Союзом - своей постоянной долгосрочной целью. Гитлер, по их мнению, был убежден, что англичане это поймут. Разве политика Чемберлена, министра иностранных дел, не подстрекала к тому, чтобы германская военная машина повернула на восток против России? Тот факт, что в последние дни июня и первые три недели июля германские дивизии одна за другой отзывались из Франции и спешно направлялись в то место, которое немцы обычно называли "русским фронтом", похоже, подтверждает это. Что, впрочем, не бесспорно. Россия, Гитлер знал, была слаба. С Россией можно было подождать. Что было действительно важно, так это убрать с пути Великобританию. Его помыслы еще были полны противоречий. Он очень ясно понимал, что гегемония на континенте, не говоря уж о прочном положении в Африке, никогда не будет в безопасности, пока Британия удерживает свое господство на морях и обладает растущими военно-воздушными силами. Но Гитлер должен был знать, что Британия, пусть даже побитая и нетвердо стоящая на ногах, после всего, что случилось во

Франции, Бельгии и Нидерландах, никогда не примет мира, который лишит ее власти на морях и ослабит ее нарастающую мощь в воздухе. Но это единственный мир, который он в состоянии был предложить ей. Однако решающим фактором, по-видимому, оказалась его уверенность в том, что Черчилль скорее предпочтет принять такой мир, чем оказаться перед угрозой германского вторжения.

Гитлер, вполне возможно, ожидал, что Черчилль первым сделает шаг к миру. Разве англичанин не понял, что он проиграл? Гитлер готов был ждать, когда это дойдет до сознания твердолобого британца.

Он ждал месяц. Прождал всю чудную последнюю неделю июня и первые три недели июля. В Берлине до нас доходили слухи, будто в Стокгольме установлены контакты между Берлином и Лондоном и ведутся переговоры о мире, но подтверждения этому мы так и не получили. Скорее всего, их и не было.

19 июля Гитлер выступил в рейхстаге. Он публично предложил Британии мир, хотя и не раскрыл его условий. Но тот факт, что большую часть того заседания он посвятил присвоению званий фельдмаршалов своим генералам, как будто война уже победоносно завершилась, показал: Гитлер был твердо уверен в том, что Черчилль будет добиваться мира.

Люфтваффе тогда уже более месяца как прочно закрепились на Северном море и Ла-Манше, но немецкая авиация воздерживалась от каких-либо серьезных налетов на землю Британии. Гитлер выжидал.

Я думаю, что немедленная и резкая реакция в Англии на его "мирное предложение" оказалась для него шоком. Он не был готов к такому скорому и категорическому отказу. Видимо, он колебался до конца июля - двенадцать дней, прежде чем принял этот отказ как окончательный ответ Черчилля. Но к тому времени было в значительной степени потеряно полтора месяца драгоценного времени.

Есть основания полагать, что большинство генералов верховного командования, особенно генерал фон Браухич, главнокомандующий сухопутными войсками, и генерал Гальдер, начальник Генерального штаба, имели серьезные сомнения относительно шансов на успешное вторжение в Британию сухопутной армии, особенно к концу июля, когда англичане, как им стало известно, до некоторой степени оправились от майских и июньских ударов. Во-первых, их, видимо, озадачивала проблема участия военно-морского флота. Кроме того, хотя Геринг и заверял их, что за две недели разгромит королевские ВВС, как за

три дня уничтожил польскую авиацию, у них были на этот счет некоторые сомнения, которые в результате полностью оправдались.

Весь июль немцы стягивали баржи и понтоны на каналы, реки и в гавани вдоль побережий Франции, Бельгии и Голландии, торговый флот - в Бремен, Гамбург, Киль и различные порты Дании и Норвегии. Стало привычным видеть на дорогах Западной Германии перевозимые на платформах аж с самого Дуная самоходные баржи, которые направлялись в сторону побережья. Мастерские и гаражи по всему рейху занимались изготовлением небольших самоходных понтонов, способных переправить через Ла-Манш, в штиль конечно, танк, тяжелое орудие или роту солдат. 16 августа я видел много таких за Кале и Булонью.

Вечером 5 августа, как записано в этом дневнике, Гитлер долго совещался в рейхсканцелярии со своими главными военными советниками. Присутствовали Геринг, адмирал фон Рёдер, Браухич, Кейтель и генерал Йодль, который был членом личного военного штаба Гитлера и с начала наступления на западе чрезвычайно влиятельной персоной в армии. На этом совещании Гитлер, видимо решив начать попытку вторжения как можно скорее, прорабатывал планы с командованием трех видов вооруженных сил.

Что же это были за планы? Вероятно, мы никогда этого не узнаем. Но из той скудной информации, которая все же просочилась, думаю, можно выявить основные направления принятой стратегии. Она оказалась осторожной и традиционной. Мощное наступление с воздуха должно было начаться 13 августа. К 1 сентября должны были быть разгромлены королевские ВВС. А затем при абсолютном господстве в воздухе над Ла-Маншем, что не допустит сосредоточения британского флота, и над Англией, что приведет к уничтожению британской береговой артиллерии, должно было начаться вторжение. Основные силы предполагалось переправить на баржах, понтонах и небольших судах. Другие корабли под прикрытием авиации вышли бы из Бремена, Гамбурга и норвежских портов и осуществили высадку войск в Шотландию, но это был бы второй шаг, который зависел от активности британского флота в этих водах. Еще одна небольшая экспедиция судов из Бреста готовилась для захвата Ирландии. И конечно же планировалась широкомасштабная десантная операция с воздуха для деморализации англичан и ирландцев в тылу.

Сухопутная армия не должна была выдвигаться, пока не будут уничтожены королевские ВВС. От выполнения этого пункта зависел ввод в действие других пунктов, связанных

непосредственно с вторжением. Геринг обещал, что первый пункт будет выполнен быстро. Но, как и многие немцы до него, он серьезно просчитался с британским характером и, следовательно, с британской стратегией. Уверенность Геринга, - думаю, теперь это ясно, - была основана на весьма простом расчете. У него было в четыре раза больше самолетов, чем у англичан. Не важно, хороши или плохи английские самолеты и летчики, - он с уважением относился и к тем, и к другим, - ему нужно было просто атаковать превосходящими силами. Даже если он потерял бы столько же самолетов, сколько противник, в итоге у него остался бы значительный воздушный флот, а у англичан - никакого. Причем маловероятно потерять столько же самолетов, сколько противник, когда постоянно атакуешь превосходящими силами.

Чего Геринг и все прочие немцы не могли понять, так это того, что британцы готовы были скорее увидеть свои города разрушенными, чем рисковать в серьезных воздушных сражениях всеми своими самолетами, чтобы их защитить. Для англичан это было проявлением здравого смысла и единственной тактикой, которая могла их спасти. Для немецких военных это оказалось непостижимым. Я убежден, что именно из-за этой ошибки, такой типичной для немцев, был отменен план вторжения в Англию в этом году.

Чтобы уничтожить английскую авиацию, Герингу надо было оторвать ее от земли. Но как он ни пытался (когда в середине августа я был на Па-де-Кале, он посылал через него ни много ни мало тысячу самолетов в день, чтобы поднять англичан в воздух), ему это так и не удалось. Большую часть своих самолетов англичане держали в резерве. В результате какое-то время страдали их города. Но королевские ВВС оставались невредимы. А пока они невредимы, сосредоточившаяся на побережье сухопутная армия двинуться не могла.

Многие здешние немцы спрашивали, почему люфтваффе не могли уничтожить британскую авиацию на земле. Немцы уничтожили большую часть военно-воздушных сил Польши, Голландии, Бельгии и Франции на аэродромах раньше, чем их самолеты смогли взлететь. Ответ, который дают сами воздушные силы, наверняка правдив. Немецкие летчики рассказывали мне, что англичане рассредоточили свои самолеты на тысячах разбросанных по всей стране аэродромов. Никакая авиация в мире, даже в отсутствие какого бы то ни было сопротивления, не смогла бы выследить их в таком количестве, чтобы уничтожить значительную часть имеющихся у Британии самолетов.

Существует и еще одна причина неудач Геринга, которая нам

здесь в Берлине не вполне понятна. В течение месяца - с середины августа до середины сентября - он пытался уничтожить военно-воздушные силы британской обороны. Эти попытки совершались во время дневных налетов, потому что невозможно уничтожить всю авиацию страны ночью. Но начиная с третьей недели сентября массированные атаки в дневное время прекратились. Я помню, что в тексте моей ночной передачи 23 сентября я написал: "Теперь, по прочтении немецких сводок, кажется, ясно, что массированные налеты на Британию, в отличие от того, что было месяц назад, происходят не днем, а ночью. Сейчас верховное командование называет дневные полеты "разведкой с применением оружия", а ночные полеты - "атаками возмездия". Военному цензору этот абзац не понравился, и он пропустил его, только когда я смягчил выражения, написав, что крупномасштабные налеты люфтваффе "с недавних пор происходят больше по ночам". По-английски это звучало плохо, но зато не помешало донести эту мысль до слушателя.

На первый взгляд может показаться, что есть некоторое противоречие между нашей верой здесь в то, что англичане скорее предпочтут увидеть свои города разрушенными, чем каждый раз, чтобы прогнать немцев, рисковать многими самолетами, и тем, что всего через месяц королевские ВВС нанесли такой тяжелый удар немецкой авиации, что Герингу пришлось прекратить свои грандиозные дневные налеты. Это противоречие беспокоило здесь военно-воздушных атташе нейтральных стран, которые, как и все мы, имели доступ к информации только с немецкой стороны.

Возможно, в этом вообще нет никакого противоречия. Судя по тому что рассказывали мне немецкие летчики, истина, видимо, заключается в том, что англичане хотя и не рисковали одновременно значительным количеством самолетов, но посылали их достаточно, чтобы сбивать больше немецких бомбардировщиков, чем Геринг мог себе позволить их потерять. Дело в том, что он посылал их крупными соединениями не просто бомбить, а в основном в качестве приманки для британских истребителей, заставляя тех подниматься в воздух. Таким образом "мессершмитты" получали возможность уничтожать воздушную оборону Британии. И здесь тактика англичан в воздухе сыграла важную роль. Немцы рассказывают, что британские истребители имели четкий приказ избегать, когда это возможно, схватки с немецкими истребителями. Взамен они получали инструкции целиться в бомбардировщики и сбивать как можно больше тяжелых машин, а потом удирать, пока их не перехватили немецкие истребители. Такая тактика привела к

тому, что многие пилоты "мессершмиттов" выражали недовольство трусостью пилотов британских "спитфайров" и "харрикейнов", потому что те сбегали, едва завидев немецкий истребитель. Подозреваю, немецкие летчики понимали, что это была не трусость, а хитрость. Зная, что они в меньшинстве, что цель немцев - уничтожить всю авиацию противовоздушной обороны и что они потеряют Англию, когда будут уничтожены последние английские истребители, англичане выработали единственную стратегию, которая могла их спасти. Они охотились за немецкими бомбардировщиками, которые были легкой добычей для истребителей, и избегали "мессершмиттов". "Мессершмитты", в конце концов, не несли в себе бомбы, способные на серьезные разрушения. Только за три дня в конце августа и в начале сентября британские истребители сбили от 175 до 200 немецких самолетов, в основном бомбардировщиков, и примерно вдвое больше немецких машин получили повреждения. Это были удары, от которых люфтваффе сразу же стало не по себе. Несмотря на численное превосходство немцев, англичане теряли самолетов в три-четыре раза меньше, и это были в основном истребители.

Был и другой фактор". Поскольку большинство воздушных боев происходило над Англией, англичане спасали до крайней мере половину своих пилотов со сбитых машин. Те могли выброситься с парашютом и благополучно приземлиться. Но каждый раз, когда сбивали немецкий самолет, хотя экипаж и мог спасти себе жизнь с помощью парашютов, но для люфтваффе он был потерян до конца войны. В случаях с бомбардировщиками каждый сбитый самолет означал потерю четырех хорошо подготовленных людей.

И вот прошли две недели сентября, а немцам все еще не удалось уничтожить британские ВВС, а следовательно, и обеспечить себе полное господство в небе над Британией. А огромная сухопутная армия ждала, прохлаждаясь за скалами в Булони и Кале, а также на берегах ведущих к морю каналов. Она не была в полной безопасности. Ночью, как я уже записал в этом дневнике на основе личного опыта, прилетали британские бомбардировщики и наносили удары по портам, каналам и пляжам, куда стягивали и где загружали баржи. Германское верховное командование хранит полное молчание о том незначительном эпизоде войны. К каким потерям в людских и материальных средствах привели эти настойчивые атаки англичан, неизвестно. Я не смог получить достоверную информацию по этому вопросу. Но, судя по тому, что видел я сам и что рассказывали немецкие летчики, мне кажется, что немецкая

армия не сможет когда-либо собрать в портах Булони, Кале, Дюнкерка и Остенде или на соседних пляжах столько барж или судов, чтобы их хватило для вторжения в Англию теми силами, которые для этого потребуются. Будет ли предпринята серьезная попытка вторжения, остается под сомнением.

Доходящие из Франции слухи, будто бы примерно в середине сентября была осуществлена попытка широкомасштабного вторжения, но англичане ее отбили, тоже, как мне кажется, лишена оснований, судя по тому, что известно здесь. Во-первых, англичане, чей моральный дух в последнее время не слишком высок, обязательно бы сообщили о том, что им удалось пресечь массированное наступление Германии с целью вторгнуться в их страну. Обнародование таких новостей не просто потрясло бы британскую и европейскую общественность, но имело бы неоценимое значение для активизации американской помощи.

Мне рассказали, что в августе Вашингтон едва не поверил, что Англия потеряна, и дрожал от страха, что британский флот попадет в руки Гитлера ведь тогда восточный морской фланг Америки окажется в большой опасности. Кроме того, англичане могли бы на коротких волнах без особых проблем сообщить германскому народу на немецком языке о том, как провалилась грандиозная попытка Гитлера покорить Британию. Психологический эффект в Германии оказался бы сокрушительным.

Насколько нам удалось выяснить, произошло, вероятно, вот что. В начале сентября немцы устроили довольно масштабную репетицию вторжения. Они вывели баржи и суда в море, погода оказалась неблагоприятной, британский флот и авиация их обнаружили, подожгли несколько барж, и было значительное число жертв. Необычно большое количество санитарных поездов, заполненных пострадавшими от ожогов, подтверждает эту версию, хотя никакой другой конкретной информации у нас нет.

Может быть, англичане уже предоставили всю информацию, и тогда мои рассуждения, почему не состоялось вторжение в Британию, излишни. Я записываю их как итог того, что известно в Берлине, а этого, конечно, недостаточно. Немцы сообщают достоверные факты в единственном случае - когда они побеждают или уже победили. О своих потерях под водой, например, они не упоминают почти год.

Берлин, 5 ноября

Если все будет нормально, через месяц я уеду отсюда, полечу сначала на самолете "Люфтганзы" до Лиссабона, а оттуда на трансатлантическом лайнере до Нью-Йорка. Сама перспектива уехать снимает ужасный груз забот и мыслей. Чувствую себя

отлично. Это будет мое первое Рождество дома за шестнадцать лет, все другие краткие визиты случались летом или осенью. Сегодня вечером пошел на филармонический концерт. Концерт Баха для трех фортепьяно с оркестром под управлением Фуртвенглера, за роялем Вильгельм Кемпф и еще один известный пианист, был действительно хорош. После этого играл на аккордеоне, - святотатство после филармонии и Баха! - но мужчина с неприятным голосом, занимающий соседний номер, не оценил моих стараний и стучал в стену до тех пор, пока я не удалился со своим аккордеоном в ванную. Вероятно, он один из рейнских промышленников, который приехал сюда отоспаться, так как Западную Германию королевские ВВС навещают каждую ночь. Таких полно в отеле, и все они очень нервные.

Берлин, 6 ноября

Рузвельт переизбран на третий срок! Это громкая пощечина Гитлеру, Риббентропу и всему нацистскому режиму, так как, несмотря на то что Уилки почти превзошел президента в своих обещаниях потрудиться на победу Британии, нацисты страстно желали победы республиканцев. Нацистские "шишки" не делали из этого секрета в частных беседах, хотя Геббельс заставил прессу игнорировать эти выборы, чтобы у демократов не было преимущества из-за того, что Уилки поддерживают нацисты.

На прошлой неделе мне звонили по крайней мере трое взволнованных чиновников с Вильгельмштрассе и интересовались, можно ли доверять службе опросов Гэллапа. Они сказали, что только что получили телеграмму из Вашингтона о том, что по результатам опроса шансы Уилки пятьдесят на пятьдесят. Эта новость их чрезвычайно обрадовала.

Поскольку Рузвельт является одним из немногих реальных лидеров, проявивших себя в государствах с демократическим правлением после начала войны (посмотрите на Францию, посмотрите на Англию до победы Черчилля!), и он может быть жестким, Гитлер всегда испытывал к нему огромное уважение и даже немного побаивался его. (Он и Сталиным восхищается за его жесткость.) Своим успехом Гитлер частично обязан тому, что, на его счастье, за судьбы демократии отвечали такие серые личности, как Даладье и Чемберлен. Мне говорили, что, отказавшись от вторжения в Британию этой осенью, Гитлер все больше и больше видел в нем самого опасного врага на своем пути к мировому господству и даже к победе в Европе. И бесспорно, возлагал вместе со своими приспешниками большие надежды на поражение президента. Даже если бы Уилки превратился в заклятого врага Берлина, нацисты рассчитывали, что в случае его избрания в Вашингтоне будет двухмесячный

переходный период, в течение которого не будет никаких шагов для оказания помощи союзникам. После этого еще несколько месяцев никакие решения приниматься не будут, до тех пор пока Уилки, не искушенный в политике и мировых проблемах, не войдет в нормальный режим. Нацистской Германии это пошло бы только на пользу.

Но теперь нацисты оказываются лицом к лицу с Рузвельтом еще на четыре года. Лицом к лицу с человеком, на которого Гитлер возлагал большую ответственность за упорное сопротивление британцев, чем на кого-либо другого, за исключением Уинстона Черчилля. Неудивительно, что, когда сегодня вечером стало ясно, что Рузвельт победил, у многих на Вильгельмштрассе вытянулись лица.

Берлин, 8 ноября

Мы слышим, что сегодня вечером англичане нанесли мощный удар по Мюнхену. Сегодня очередная годовщина "пивного путча", следовательно, подходящий вечер для бомбежки. Путч произошел вечером 8 ноября 1923 года в заведении "Бюргерброй Келлер" в Мюнхене, и все торжества по случаю его годовщин всегда проводятся там. В прошлом году в этот вечер взорвалась бомба в зале, откуда за несколько минут до этого ушли Гитлер и все нацистские руководители, погибла более мелкая рыбешка. Сегодня Гитлер не дал Гиммлеру шанс подложить под себя еще одну бомбу. Он произнес речь в другой пивной "Лёвенброй". Как всегда, с тех пор как стали прилетать англичане, он начал свое выступление до темноты, чтобы завершить сборище до прибытия бомбардировщиков королевских ВВС. С освещением его сегодняшнего обращения у американского радиовещания возникли проблемы. Ни Си-би-эс, ни Эн-би-си не разрешено передавать его в записи по своим сетям. Когда сегодня во второй половине дня мне позвонили из Германской радиовещательной компании, чтобы предложить трансляцию гитлеровской речи Си-би-эс, мне показалось несколько подозрительным назначенное для вещания время - восемь вечера. Я не предполагал, что фюрер решится выступать так поздно, так как темнеет сейчас рано и англичане вполне могут появиться в районе девяти. Поэтому я поинтересовался, не запись ли они нам предлагают. Высокопоставленный чиновник компании не ответил. Сказал, что это военная тайна.

"Вам не разрешено, - добавил он, - телеграфировать в ваш нью-йоркский офис о ваших сомнениях по поводу того, запись это или нет. Если будете отправлять телеграмму, то надо просто сообщить, что мы предлагаем передать речь Гитлера в Америке".

У меня была возможность очень быстро связаться с Полом

Уайтом в Нью-Йорке без помощи частной немецкой радиослужбы, которая первым делом передает мои сообщения цензору. Но на самом деле сегодня вечером это было необязательно. Прежде чем я успел связаться с Нью-Йорком, пришло сообщение, что речь Гитлера вообще не будут передавать по радио сегодня вечером. Ее передадут только завтра. Передаче помешала британская бомбардировка. Позже я выяснил, что немцы знали, что предлагают мне передать в восемь часов запись выступления, так как речь была произнесена в пять вечера. Надо было сообщить об этом в Нью-Йорк.

Забавно замечать в последнее время на столах немецких чиновников, с которыми мне приходится иметь дело, копии моих телеграмм в Нью-Йорк и тех, что я получал оттуда. Разумеется, я давно знал, что они просматривают всю мою входящую и исходящую корреспонденцию, и немало повеселился, отправляя в Нью-Йорк бессмысленные послания с критикой в адрес каждого из них или какими-нибудь небылицами, заставляющими их строить догадки. К счастью, Пол Уайт был человек с юмором и присылал мне соответствующие ответы.

Берлин, 9 ноября

Надо записать несколько анекдотов, которые рассказывают сейчас немцы.

Начальник противовоздушной обороны Берлина недавно посоветовал жителям города ложиться спать пораньше, чтобы урвать часа два-три для сна до начала бомбежки. Кто-то следует этому совету, большинство же нет. Берлинцы говорят, что последовавшие этому совету приходят в убежище после объявления тревоги и приветствуют своих соседей словами: "Доброе утро!" Это значит, что они уже поспали. Другие приходят и здороваются: "Добрый вечер!" Эти еще не ложились. Некоторые входят и салютуют: "Хайль Гитлер!" Это означает, что они спят постоянно.

Другой анекдот. Самолет, на котором находятся Гитлер, Геринг и Геббельс, терпит крушение. Все трое погибли. Кто спасся?

Ответ: немецкий народ.

Один человек из Кельна рассказывает подлинную, по его словам, историю. На улицах сейчас видишь так много самой разной униформы, что разобраться в ней невозможно. И вот случилось так, что английский летчик, офицер, выбросившийся с парашютом недалеко от Кельна, пришел сдаваться. Он ожидал, что полиция или кто-то из военных тут же на улице его и арестуют. Но они щелкали каблуками и отдавали ему честь. У него был с собой банкнот в десять марок, как и, по словам моих

знакомых, у всех английских летчиков, летающих над Германией. И он решил попытать счастье в кинотеатре. Попросил билет за две марки. Кассир дал ему девять марок сдачи, вежливо пояснив, что люди в военной форме проходят за полцены. После окончания сеанса он до полуночи бродил по улицам Кельна, пока не нашел полицейский участок и не сдался. Он поведал полицейским, как трудно британскому летчику в полной военной форме заставить себя арестовать в центре города. Полицейские не хотели в это верить, но на всякий случай решили допросить кассира из того кинотеатра.

"Вы продали этому человеку билет на сегодняшний вечерний сеанс?" спросили его.

"Конечно, - захныкал он, - за полцены, как всем людям в военной форме. - Затем, разглядев аббревиатуру RAF{40} на форме летчика, с гордостью добавил: - Не каждый день доводится принимать у нас Reichs Arbeits Fuhrer{41}. Уж мне-то известно, что означает RAF".

В Берлин приезжает Молотов. Более года, - с тех пор как в августе 1939 года Риббентроп летал в Москву и подписал там акт, который соединил двух самых заклятых врагов на этой земле, - ходили слухи, что большевик номер два нанесет ответный визит. Я точно знаю, что как-то летом, готовясь к визиту Молотова, в рейхсканцелярии уже доставали и отряхивали от пыли уйму красных советских флагов. Но визит не состоялся, главным образом потому, что Москва настаивала на приезде полка ГПУ в гражданской одежде, а Гиммлер соглашался только на роту. Потом Гитлер и Риббентроп оказывали всяческое давление, чтобы заставить Сталина послать сюда Молотова до выборов в Америке. Они почему-то считали, что, если поднять необходимую шумиху, это напугает американцев и приведет к поражению Рузвельта. Сталин, очевидно, понял причину и отказал. Но сегодня вечером уже есть официальное сообщение. Молотов прибудет на следующей неделе. Время визита все равно выбрано удачно. Он поможет смягчить удар от победы Рузвельта, что, как смутно догадывались немцы, не было для Гитлера хорошей новостью, и укрепить престиж стран Оси, пошатнувшийся из-за неудач итальянцев в Греции.

Берлин, 11 ноября

День перемирия, который воспринимается теперь как насмешка. В германской прессе ни одного упоминания о нем. В Бельгии и во Франции германские власти не разрешили его празднование. Речь Рузвельта по поводу перемирия была здесь полностью запрещена. Мы передаем за океан любое высказывание Гитлера, а германскому народу не позволено узнать ни слова из

того, что сказал Рузвельт. Думаю, в этом одна из слабостей демократии, хотя некоторые считают, что в этом одна из сильных ее сторон.

Вечером пошел посмотреть, как танцует Харальд Кройцберг. Он немного постарел и уже не так грациозен и легок в движениях, хотя все еще очень хорош. Зал был полон.

Промозглый пасмурный день. Приехал Молотов, и его прием был чрезвычайно натянутым и формальным. Когда он проезжал по Унтер-ден-Линден в советское посольство, то показался мне похожим на обрюзгшего провинциального школьного учителя. Но чтобы выжить в этой беспощадной кремлевской конкуренции, он должен собой что-то представлять. Немцы убедительно говорят о том, что позволят Москве осуществить ее старую мечту - заполучить Босфор и Дарданеллы, а они возьмут себе остальные Балканы, Румынию, Югославию и Болгарию. Если итальянцам удастся захватить Грецию, что начинает казаться сомнительным, они смогут получить это.

Когда я поехал сегодня в наше посольство, чтобы забрать банку кофе из моих запасов, которые я там храню, то коробки с моим полугодовым запасом не оказалось. Она просто исчезла. Если бы мне не уезжать вскоре, это было бы ударом для меня. С тех пор как в Германии стало невозможно купить кофе, он приобрел какой-то судьбоносный смысл в жизни человека. То же самое и с табаком. Иногда посольство проявляло ко мне чувство жалости, но в основном я курил немецкий трубочный табак. В последнее время это было дрянное курево.

Берлин, 14 ноября

Мы думали, что англичане прилетят прошлой ночью, когда Риббентроп и Геринг давали официальный государственный банкет в честь Молотова. На Вильгельмштрассе очень нервничали по поводу такой перспективы, потому что им не хотелось вести своих высоких русских гостей в убежище. А англичане прилетели сегодня вечером, незадолго до девяти, раньше, чем когда-либо. В это время Молотов принимал немцев в советском посольстве. Говорят, он отказался идти в убежище и наблюдал разрывы сквозь затемненное окно. Англичане позаботились, чтобы не сбросить ничего поблизости.

По сообщениям германского радио и варшавской газеты "Zeitung", здешний американский представитель м-ра Гувера направил свои поздравления д-ру Франку, грубому и ничтожному нацистскому правителю Польши, по случаю годовщины его пребывания в этой должности. Он поздравляет его с тем, что тот сделал для поляков!

По моим данным, от польского народа ничего не останется,

когда д-р Франк и его нацистские головорезы разберутся с ним. Конечно, они не смогут всех убить, но смогут превратить всех поляков в рабов.

Приятно пообедал и провел вечер в семье Х. в Далеме. Было две очень известных в Германии личности, один - высокопоставленный нацистский чиновник, и они провели вечер, рассказывая анекдоты про нынешний режим, особенно про Геббельса, которого, похоже, оба ненавидят. Около десяти вечера прилетели англичане, и мы вышли на балкон полюбоваться фейерверком, довольно изрядным. Вдруг донесся знакомый свист падающей поблизости бомбы. Автоматически мы нырнули в дверь затемненной спальни и кучей повалились на пол. Бомба сотрясла дом, но осколки не долетели. Жалко, что англичане могут выделять так мало самолетов для работы над Берлином. Сегодня ночью их было не более дюжины. Пока они нанесли здесь сравнительно небольшой урон.

Берлин, 20 ноября

Сегодня был Бусстаг, какой-то немецкий протестантский праздник. Чувствуя себя неважно, поехал на концерт при свечах в Шарлоттенбургский замок и послушал струнный квартет, который прекрасно играл Баха. Я точно улетаю в Лиссабон 5 декабря, если вовремя получу все необходимые документы. Перед выездом мою выездную визу должны подтвердить министерство иностранных дел, полиция, тайная полиция и т. д. И получить испанскую и португальскую визу тоже непросто. Мне на замену приехал Гарри Флэннер из Сент-Луиса.

Берлин, 23 ноября

Был замечательный обед и интересная беседа за столом у дипломата Г., когда в восемь сорок пять дворецкий позвал меня к телефону. Звонила одна девушка с радио, она сказала, что английские бомбардировщики будут примерно через десять минут и мне лучше поторопиться, если я хочу провести вечернюю передачу. Я бросился к машине. Дежурный гражданской обороны, который тоже заранее получил предупреждение, пытался меня остановить, но я промчался мимо. Затемненные улицы в этом районе были мне незнакомы, и я дважды чуть не въехал на большой скорости в Ландвер-канал.

Добрался до Кни, что примерно в двух милях от Дома радио, и завыли сирены. Остановиться, сделать все как надо, выключить фары, припарковаться и бежать в убежище, как требовал закон? Это означало бы, что передача не состоится. Лучше было остаться в гостях и провести, для разнообразия, приятный вечер. До этого я ни одной передачи не пропустил из-за воздушных налетов. Я решил не подчиняться закону. Оставил прикрытые колпаками

фары включенными и нажал на газ. На Кайзердамм полицейские выскакивали один за другим и размахивали маленькими красными фонариками. Я пролетел мимо них со скоростью пятьдесят миль в час. Это было глупостью, потому что несколько раз я слегка задел машины, которые, как предписывал закон, остановились в темноте и выключили фары. Их невозможно было разглядеть. Я чудом не врезался ни в одну из них, но примерно в трех кварталах от Дома радио решил, что мне уже достаточно везло до сих пор, поэтому оставил машину и добежал до студии раньше, чем полиция смогла загнать меня в убежище.

Из партийных кругов узнаю, что Юлиус Штрайхер, садист, юдофоб, наместник Франконии и пользующийся дурной славой издатель антисемитского еженедельника "Sturmer", арестован по приказу Гитлера. Никто слез лить не будет ни в партии, ни вне ее, потому что его ненавидели почти все. Я никогда не забуду, как он вышагивал, размахивая хлыстом для верховой езды, который всегда носил с собой, по улицам Нюрнберга, где чувствовал себя абсолютным хозяином. Люди из партии говорят, что он арестован и находится под следствием за какие-то финансовые дела. Если бы Гитлер захотел, он мог бы провести еще кое-какие расследования. Он мог бы заняться таким пустяком: как это получается, что многие партийные лидеры обзавелись огромными поместьями и замками?

Берлин, 25 ноября

Я наконец докопался до подноготной этих "милосердных убийств"{42}. История зловещая.

Гестапо, с ведома и одобрения германского правительства, систематически отправляет на смерть умственно неполноценных жителей рейха. Скольких людей лишили жизни, знают, вероятно, только Гиммлер и горстка нацистских заправил. Один консервативно настроенный и заслуживающий доверия немец оценивает это число в сто тысяч. Я думаю, эта цифра слишком высока. Но ясно, что счет идет на тысячи и растет с каждым днем.

Начало этой специфической нацистской практики было положено прошлым летом после падения Франции, тогда эту идею подбросили Гитлеру какие-то радикально настроенные нацисты. Сначала планировалось, что фюрер издаст указ, санкционирующий умерщвление определенных лиц, признанных умственно неполноценными. Но решили, что указ, попади он в прессу, может быть неверно истолкован и повредит лично Гитлеру. В конце концов Гитлер просто написал письмо руководству секретной полиции и. медицинским властям, санкционирующее смертельный удар, прекращающий страдания и нанесенный из милосердия в тех случаях, когда доказано, что

люди страдают от неизлечимых умственных или нервных заболеваний. Говорят, что посредником между Гитлером и нацистскими экстремистами при выработке этого решения выступал Филипп Боулер, статс-секретарь рейхсканцелярии.

И здесь в этой истории появляется Бетхель, городок, который я уже упоминал в этих записях. Доктор Фридрих фон Бодельшвинг - протестантский пастор, одинаково любимый в Западной Германии и католиками, и протестантами. В Бетхеле, как я уже говорил, находится его приют для умственно отсталых детей. Немцы утверждают, что это образцовое учреждение такого рода и оно известно во всем мире. Кажется, в конце прошлого лета пастора фон Бодельшвинга попросили передать властям самых тяжелых больных. Очевидно, он понял, что их ждет, и отказался. Власти настаивали. Пастор фон Бодельшвинг поспешил в Берлин, чтобы выразить протест. Он связался со знаменитым берлинским хирургом, личным другом Гитлера. Хирург, не поверив в эту историю, бросился в рейхсканцелярию. Фюрер заявил, что сделать ничего нельзя. Тогда пастор с хирургом пошли к Францу Гюртнеру, министру юстиции. Гюртнера, похоже, больше взволновал тот факт, что убийства осуществлялись без соответствующего закона, чем то, что они осуществлялись. Тем не менее он согласился подать жалобу Гитлеру.

Пастор фон Бодельшвинг возвратился в Бетхель. Местный гауляйтер приказал ему отдать нескольких пациентов. Он опять отказался. Тогда Берлин приказал его арестовать. На этот раз запротестовал гауляйтер. Пастор был самым популярным человеком в его области. Его арест в разгар войны взволновал бы весь мир. Сам он отказался арестовывать этого человека. Пусть гестапо берет на себя такую ответственность, он не возьмет. Это было как раз накануне той ночи 18 сентября. Последовала бомбардировка бетхельского приюта. Теперь я понимаю, почему так много людей задавались вопросом, кто сбросил эти бомбы.

В последнее время мои информаторы из провинций обращали мое внимание на довольно странные извещения о смерти, появившиеся в местных газетах. - (В Германии среди людей всех сословий принято в случае смерти давать небольшие платные объявления в газету, в которых сообщаются дата и причина смерти, возраст усопшего, время и место погребения.) Однако эти извещения звучат как-то странно, а место смерти всегда указано одно из трех: 1) Графенек, уединенный замок, расположенный недалеко от Мюнцингена, в шестидесяти милях юго-восточнее Штутгарта; 2) Гартхейм, рядом с Линцем на Дунае; 3) Государственный институт медицины и санитарии имени

Зонненшайна в Пирне, близ Дрездена.

Вот эти три места, которые немцы называли главными штабами "милосердных убийств".

Мне сообщили также, что, когда родственники несчастных жертв получали прах (тела им никогда не выдавали), тайная полиция строго предупреждала их, чтобы они не требовали объяснений и не "распространяли ложных слухов". Эти провинциальные некрологи приобретают, таким образом, гораздо большее значение, чем просто сообщения о смерти. Приведу здесь несколько самых типичных, заменив по понятным причинам имена, даты и названия.

"Leipziger Neueste Nachrichten", 26 октября: "Иоганн Дитрих, солдат-фронтовик 1914-1918, имеющий несколько воинских наград, родившийся 1 июня 1881 года, скончался 23 сентября 1940 года. После нескольких недель неизвестности я получила невероятное извещение о его внезапной смерти и кремации в Графенеке, Вюртемберг".

Из той же газеты в октябре: "После недель неизвестности погребение моего любимого сына Ганса, внезапно скончавшегося 17 сентября в Пирне, состоится 10 октября".

И снова: "Мы получили невероятное известие о том, что мой самый любимый сын, инженер Рудольф Мюллер, внезапно и неожиданно для нас скончался вблизи Линца-на-Дунае. Кремация состоялась там же".

Еще одно: "После того как состоялась кремация, мы получили из Графенека печальное известие о внезапной смерти нашего любимого сына и брата Оскара Рида. Захоронение урны состоится в узком кругу на кладбище Х. по ее получении".

И еще: "После недель тревожной неизвестности 18 сентября мы получили шокирующее известие, что наша возлюбленная Марианна скончалась от гриппа 15 сентября в Пирне. Кремация состоялась там же. Теперь, когда урна получена, ее захоронение состоится в узком кругу на родной земле".

Последнее извещение датировано 5 октября. Это свидетельствует о том, что власти на три недели задержали отправку праха. По моим данным, в лейпцигских газетах за первые две недели этого месяца появилось двадцать четыре подобных сообщения.

В предпоследнем извещении меня поразила следующая фраза: "После того как состоялась кремация, мы получили печальное извести о внезапной смерти..." Поражают и фразы из первых двух: "после недель неизвестности" наступила "внезапная смерть", а также слова "невероятное известие".

Неудивительно, что для немцев, привыкших читать между

строк в своих газетах, подвергающихся жесточайшей цензуре, эти некрологи казались в высшей степени о подозрительными. Наступает ли внезапная смерть естественным путем после "недель неизвестности"? И почему тела сначала кремируют, а потом извещают родственников о смерти? Почему их вообще кремируют? Почему тела не отправляют домой, как это делается обычно?

Несколько дней назад я видел форму письма, которое получают семьи жертв. В нем написано:

"С прискорбием сообщаем, что ваш - - , переведенный недавно в наше учреждение по распоряжению министерства, скоропостижно скончался - числа месяца. Все усилия наших врачей оказались тщетны.

Учитывая характер его серьезного неизлечимого заболевания, смерть, которая спасла его от пожизненного пребывания в клинике, следует рассматривать всего лишь как избавление.

В связи с существующей здесь опасностью инфекции, мы были вынуждены по распоряжению полиции сразу же кремировать усопшего".

Такое письмо едва ли убедит даже самого доверчивого немца, и некоторые, получив его, отправились в уединенный замок Графенек, чтобы что-нибудь разузнать. Они обнаружили, что замок охраняют эсэсовцы в черных мундирах, которые не разрешили им туда войти. Новенькие знаки со свежей краской на всех дорогах и тропинках, ведущих в это уединенное место, предупреждали: "Не подходить! Угроза эпидемии!" Перепуганные местные крестьяне рассказали им, как неожиданно появились эсэсовцы и расставили охрану вокруг поместья. Они говорили, что видят, как в ворота замка въезжают грузовики, но только по ночам. По их словам, никогда прежде Графенек не использовали в качестве больницы.

Другие родственники, как мне рассказывали, потребовали объяснений от учреждения в Гартхейме, что рядом с Линцем. Им велено было молчать, а если заговорят, их ждет суровое наказание. Некоторые из них, набравшись храбрости, напечатали эти извещения о смерти наверняка в надежде привлечь внимание общественности к этому кровавому делу. Я слышал, что сейчас гестапо запретило публикацию подобных объявлений, так же как Гитлер после тяжелых потерь у берегов Норвегии запретил делать это родственникам утонувших моряков.

Х., немец, рассказывал мне вчера, что родственники торопятся забрать своих близких из частных психиатрических клиник и из лап властей. Он говорит, что гестапо умерщвляет даже лиц, страдающих временным помрачением рассудка или

обычным нервным расстройством.

Что мне пока неясно, так это мотивы таких убийств. Сами немцы выдвигают три:

1. Они осуществляются для того, чтобы сэкономить продукты питания.

2. Это делается в целях испытания новых отравляющих газов или "лучей смерти".

3. Это результат деятельности радикальных нацистов, осуществляющих свои идеи в области евгеники и социологии.

Первый мотив - очевидно абсурдный, потому что смерть 100 000 человек не сэкономит много еды для 80-миллионного населения. Кроме того, в Германии нет острой нехватки продовольствия. Второй мотив возможен, хотя я в этом сомневаюсь. Для уничтожения этих несчастных могли использовать ядовитые газы, но если так, то проведение опытов было только второстепенной задачей. Многие немцы, с которыми я беседовал, считают, что там применяется какой-то новый газ, сильно уродующий тело, поэтому останки жертв кремируются. Но я не могу найти реальных подтверждений этому.

Третий мотив представляется мне наиболее вероятным. В течение многих лет группа радикально настроенных нацистских социологов, которые содействовали принятию в рейхе законов о стерилизации, настаивала на проведении национальной политики уничтожения умственно неполноценных. Говорят, у них есть последователи среди социологов в других странах, и это не исключено. Пункт второй официального письма, которое отправляют родственникам, явно несет на себе отпечаток подобного социологического мышления: "Учитывая характер его серьезного неизлечимого заболевания, смерть, спасающая его от пожизненного пребывания в клинике, следует рассматривать всего лишь как избавление".

Некоторые предполагают и четвертый мотив. Они говорят, нацисты подсчитали, что на каждые три-четыре клинических случая необходим один здоровый немец для ухода за такими больными. Это уводит несколько тысяч здоровых немцев из сферы производительного труда. Если сумасшедших будут убивать, доказывают нацисты, то освободятся громадные больничные площади для раненых на случай, если война будет продолжаться и повлечет за собой большие потери.

Вот они, грязные дела нацистов{43}.

Берлин, 27 ноября

Флэннер, хотя он только что приехал, должен ехать в Париж. Нацисты взяли с нас слово не разглашать тайну относительно важного события, которое, по их утверждению, состоится там на

следующей неделе. На радио мы должны, по возможности, заблаговременно технически подготовиться. Но я уеду из этого города 5 декабря, в любом случае. Много разговоров о том, что в Голландии растет саботаж. Немцы взбешены тем, сколько их людей, военных и полицейских, утонуло в многочисленных голландских каналах, куда их просто спихнули в эти темные ночи. Х. рассказывает мне кое-что смешное. Он говорит, что в Голландии прекрасно работает британская разведка. Обе воюющие стороны построили за время этой войны множество ложных аэродромов и заполнили их деревянными самолетами. По его словам, немцы закончили недавно строить один такой очень большой аэродром вблизи Амстердама. Они поставили на поле более сотни деревянных макетов и ждали, когда англичане прилетят и начнут их бомбить. Англичане прилетели на следующее утро. Они сбросили кучу бомб. Все бомбы были из дерева.

Берлин, 1 декабря

Поскольку сегодня воскресенье и нет дневного эфира, несколько слов, чтобы подытожить свои наблюдения перед отъездом.

Полтора года блокады причинили неудобства Германии, но не подвели германский народ к черте голода, равно как и не помешали всерьез нацистской военной машине. Люди в этой стране питаются еще вполне нормально. Диета не изысканная, и американцы ее вряд ли выдержали бы, но немцы, как я уже отмечал выше, организм которых привык за последнее столетие к огромным количествам картофеля, капусты и хлеба, до сих пор чувствуют себя замечательно - на картошке, капусте и хлебе. Им не хватает мяса, растительных жиров, масла и фруктов. Нынешняя норма - фунт мяса и четверть фунта масла или маргарина в неделю - это не так много, по сравнению с тем, что они имели в мирное время, но, вероятно, даст им возможность сколько-то продержаться.

Чего остро не хватает, так это богатых витаминами фруктов. Сильные морозы прошлой зимой привели к неурожаю фруктов в Германии. Сейчас единственные фрукты на рынке - это яблоки, и их берегут для детей, больных и беременных женщин. Прошлой зимой мы не видели ни апельсинов, ни бананов, не появились они и этой зимой. В войсках и детям тем временем выдают витамины в таблетках очень низкого качества. Действительно, немцы не имеют ни кофе, ни чая, ни шоколада, ни фруктов. Они получают одно яйцо в неделю и очень мало мяса и жиров. Но у них есть почти все остальное, и в обозримом будущем они не собираются голодать.

Если война будет долгой, остро встанет проблема одежды. Германии приходится ввозить практически весь хлопок и почти всю шерсть, и нынешняя система обеспечения одеждой базируется на том, что, пока война не кончится и не будет снята блокада, немецкий народ должен обходиться тем, что на нем или что хранится в шкафах. Нехватку тканей ощущают не только гражданские лица, но и в армии, которой недостает шинелей, чтобы одеть всех солдат этой зимой. Гитлеру пришлось уже одеть служащих своего Трудового фронта в украденную чешскую форму. Так называемая "Organisation Todt", включающая несколько сот тысяч человек, выполняющих работу, которую у нас обычно делают армейские строительные батальоны, вообще не имеет формы для своих служащих. Когда я видел их прошлым летом на фронте, они были одеты в рваную гражданскую одежду. Немцы изо всех сил стараются преодолеть недостаток сырья и разрабатывают эрзац-ткани, главным образом из целлюлозы. Но я не думаю, что можно одеть восемьдесят миллионов человек исключительно продукцией из древесины.

Что касается сырья, необходимого для продолжения войны, то ситуация такова. У Германии много железной руды. А из Югославии и Франции она получает достаточно бокситов, чтобы обеспечить себя алюминием для строительства громадного количества самолетов. Есть серьезная нехватка меди и олова, но она, вероятно, получает их с Балкан и из России достаточно, чтобы не испытывать острой нужды.

Что касается нефти, то "Дженерал Шелл", король нефтяного бизнеса, говорит, что причин для беспокойства нет. Даже если бы они были, никто, конечно, в этом не признался бы. Но следует учитывать следующие факты.

1. Германские военно-воздушные силы абсолютно не зависят от поставок импортного топлива. Двигатели немецких самолетов разработаны и изготовлены для работы на синтетическом бензине, который Германия сама производит из собственного угля. Ее нынешний объем производства - около четырех миллионов тонн в год, что вполне достаточно для нужд люфтваффе. Англичане могут поставить эти запасы под угрозу, сбрасывая бомбы на перегонные заводы, где уголь перерабатывают в бензин. Они пытаются делать это. Они нанесли удары по крупным заводам Леуна вблизи Лейпцига и по еще одному заводу в Штеттине. Но их атаки были слишком слабыми, чтобы вывести эти заводы из строя или даже серьезно повлиять на их производительность.

2. Германия имеет сейчас в своем распоряжении практически весь объем добычи на румынских нефтяных месторождениях и, во

всяком случае на бумаге, получает ежегодно миллион тонн нефти из России, хотя я сомневаюсь, что Советы действительно поставляли им столько после начала войны.

3. Когда началась война, у Германии были большие запасы топлива и к тому же она получила как бы в подарок топливо от Норвегии, Голландии и Бельгии.

4. Потребление топлива на невоенные цели сведено к минимуму. Запрещена эксплуатация всех частных легковых машин и почти всех грузовиков. Запрещено использовать жидкое топливо для отопления.

Я предполагаю, что Германия имеет или получит достаточно нефти, чтобы удовлетворять свои военные нужды в течение по крайней мере двух лет.

Что касается британских воздушных налетов на Германию, то до сих пор они были важны в психологическом отношении тем, что несли войну в дом уставшего гражданского населения, трепали немцам и без того расстроенные нервы и лишали сна. Реальный физический ущерб, нанесенный этими бомбами, после шести месяцев ночных налетов в целом оказался невелик. Его истинные размеры нам, конечно, неизвестны. Вероятно, это знают только Гитлер, Геринг и верховное командование, а они не расскажут. Но я думаю, мы рассуждаем правильно. Наибольший урон в итоге нанесен Руру, где сосредоточена тяжелая промышленность Германии. Если бы этот регион действительно был разрушен, Германия была бы не в состоянии продолжать войну. Но до сих пор Рур получал только булавочные уколы. Боюсь, что пока германская военная промышленность фактически не пострадала от налетов королевских ВВС. Вероятно, наиболее серьезным их последствием в Руре стал не реальный физический ущерб заводам или транспорту, а кое-что другое. Два фактора: во-первых, были потеряны миллионы часов рабочего времени, так как часть вечернего времени рабочие вынуждены были проводить в убежищах; во-вторых, из-за недосыпания рабочих снизилась производительность труда.

Вслед за Руром жесточайшим бомбежкам подверглись германские порты в Гамбурге и Бремене, а также военно-морские базы Вильгельмсхафен и Киль. Но до сих пор они не выведены из строя. Несомненно, самые сильные бомбардировки англичане приберегли для оккупированных немцами портов на Ла-Манше. Туда английским ВВС лететь ближе, и они могут нести более тяжелые бомбы и в большем количестве. Мало что осталось от доков в Остенде, Дюнкерке, Кале и Булони.

Сам Берлин мало пострадал от ночных налетов. Думаю, иностранец, приехавший сюда впервые, может часами бродить по

деловой и жилой части города и не встретить ни одного поврежденного здания. Возможно, было поражено не более пятисот зданий, и так как англичане использовали небольшие бомбы, то большинство этих зданий было отремонтировано и заселено в течение месяца. Большая часть британских ударов была направлена на заводы в пригородах. Некоторые из них точно получили повреждения, но, насколько мне известно, за исключением двух-трех небольших, ни один не был разрушен. Были попадания в огромные электрические заводы Сименса на северо-западной окраине Берлина, где-то пострадал цех, где-то складское помещение. Но очень сомнительно, что производство вооружения на них снизилось более чем на пять процентов в день. Когда я недавно объезжал их, станки гудели, и никаких внешних повреждений я не обнаружил.

В последние полтора месяца англичане по какой-то причине значительно сократили свои налеты на Берлин. Это большая ошибка. Потому что, когда они прилетали каждую ночь, моральный дух этого нервного центра, объединяющего всю Германию, заметно ослаб. Я убежден, что немцы просто не в состоянии выносить бомбардировки, подобные тем, что люфтваффе устраивают в Лондоне. Конечно, англичане такого устроить не могут, но могут же они пять-шесть раз в неделю присылать небольшое количество самолетов, чтобы держать берлинцев в их подвалах. Это здорово бы воздействовало на их моральное состояние.

Почему королевские ВВС не нанесли большего ущерба? Потому что атаковали слишком малыми силами и бомбовая нагрузка у них была небольшая. Военно-воздушные атташе нейтральных стран расходятся в своих оценках количества самолетов, которые британцы задействовали для бомбардировок Берлина. По самым смелым оценкам - максимум тридцать самолетов за одну ночь, в среднем - примерно пятнадцать. Всего в удачную ночь над Германией бывает от шестидесяти до восьмидесяти самолетов.

Бомбовая нагрузка у британцев сравнительно мала, потому что им приходится летать на большое расстояние, поэтому они вынуждены брать большой запас топлива. До Берлина и обратно они должны проделать путь в 1100 миль. "Летающие крепости" американского производства способны донести до Берлина бомбовую нагрузку большой разрушительной силы и благополучно вернуться в Англию. Но их мы до сих пор не видели и не слышали. У британских летчиков, действительно самых смелых людей в мире, и так очень небольшой запас времени, чтобы найти свои цели в Берлине. Вероятно, не более пятнадцати

минут. Люди из люфтваффе говорят, что некоторые самолеты не возвращаются, падают в Северное море из-за нехватки горючего.

Сколько самолетов имеет Германия? Не знаю. Не уверен, что в мире наберется десятка два человек, которые это знают. Но мне известно кое-что о германском самолетостроении. Сейчас они производят от 1500 до 1600 самолетов в месяц. Максимальные германские мощности рассчитаны на 3000 самолетов в месяц. Это означает, что Геринг мог бы довести выпуск самолетов до этой цифры, если бы имел все необходимые материалы и отдал всем действующим заводам приказ работать на полную мощность двадцать четыре часа в сутки семь суток в неделю. Между прочим, с начала войны Германия не нарастила ни одного квадратного фута производственных площадей авиационных заводов. В настоящее время Геринг, Мильх и Удет лихорадочно ищут новый тип истребителя, нечто такое, что действительно превзойдет новые "спитфайры" и "аэрокобры", которые Англия заказывает в Америке.

После полутора лет по-настоящему тотальной войны моральный дух немцев еще высок. Надо это признать. Нет народного энтузиазма по поводу этой войны. Его никогда не было. А после восьми лет лишений, связанных с подготовкой нацистов к войне, люди устали и потеряли терпение. Они жаждут мира. Они разочарованы, подавлены, огорчены тем, что мир не наступил этой осенью, как того обещали. И все же на пороге второй длительной и темной зимы моральное состояние нации весьма приличное. Как объяснить такое противоречие? Надо иметь в виду три следующих момента.

Во-первых, длившееся тысячелетие политическое объединение немцев достигнуто. Гитлер достиг этого там, где его предшественники - Габсбурги, Гогенцоллерны, Бисмарк - потерпели неудачу. Мало кто за пределами этой страны понимает, насколько это объединение связало германскую нацию, дав людям уверенность в себе и ощущение своей исторической миссии, заставив забыть о личной неприязни к нацистскому режиму, его лидерам и варварским деяниям, которые они совершили. Кроме того, вместе с возрождением армии и военно-воздушных сил, с тотальной реорганизацией промышленности, торговли и сельского хозяйства в масштабах, никогда ранее в мире не виданных, это заставляет немцев ощущать себя сильными. Для большинства немцев это само по себе цель, ведь в соответствии с их жизненными принципами быть сильным - это все, что нужно в жизни. Это проявление примитивного племенного инстинкта древних германских язычников, живших в обширных северных лесах, для которых

грубая сила была не только средством выживания, но и целью жизни. Это примитивный расовый инстинкт "крови и земли", который нацисты разбудили в германской душе гораздо успешнее, чем кто-либо из их предшественников в новой истории, и он показал, что влияние христианства и западной цивилизации на германскую жизнь и культуру было лишь видимостью.

Во-вторых, моральный дух немцев высок, потому что немецкий народ считает, что летом он отомстил за свое ужасное поражение в 1918 году и одержал одну за другой военные победы, которые наконец обеспечили ему место под солнцем - сегодня господство в Европе, а завтра, возможно, и в мире. А немецкий характер таков: немец должен либо подчинять, либо подчиняться. Других отношений между людьми на земле он не понимает. Золотая середина греков, которой в какой-то степени достиг западный мир, - это концепция, которая выходит за пределы их понимания. Более того, огромная армия рабочих, крестьян и мелких торговцев, равно как и крупных промышленников, убеждена, что, если Гитлер преуспеет со своим "новым порядком", в чем они сейчас не сомневаются, это будет означать, что в мире больше будет молока и меда для них. То, что это неизбежно будет получено за счет других народов - чехов, поляков, скандинавов, французов, - немцев нисколько не волнует. На этот счет у них никаких угрызений совести нет.

В-третьих, одна из главных пружин, толкающих немецкий народ на полную поддержку войны, по поводу которой у них нет ни малейшего энтузиазма и которую, была б их воля, они закончили бы хоть завтра, это нарастающий страх перед последствиями поражения. Медленно, но верно они начинают осознавать ужасную мощь тех семян гнева, которые их солдаты и гестаповцы посеяли в Европе с момента захвата Австрии. Они начинают соображать, что победа при нацистском режиме, как бы большинству из них он ни был неприятен, лучше, чем еще одно поражение Германии. Случись такое на этот раз, и Версаль покажется миром по доброму согласию, и это будет уничтожение не только их государства, но и немцев как народа. В последнее время многие немцы признавались мне в своих страхах. Они представляют себе, как в случае поражения Германии озлобленные народы Европы, которых они жестоко порабощали, чьи города безжалостно разрушали, чьих женщин и детей тысячами хладнокровно убивали в Варшаве, Роттердаме и Лондоне, разъяренными ордами катятся по их прекрасной и опрятной стране, разрушая ее до основания и оставляя тех, кого не убьют, умирать от голода на опустошенной земле.

Нет, эти люди, как бы они ни были задавлены и обмануты

самой бессовестной бандой правителей из всех, что знала современная Европа, пройдут очень, очень долгий путь в этой войне. Только отрезвляющее осознание в один прекрасный день того, что выиграть они не смогут, вкупе с гарантиями союзников, что прекращение войны не будет означать их полного уничтожения, заставит немцев засомневаться раньше, чем будет уничтожена та или другая сторона.

Нам, находившимся в Германии так близко к месту действия, видевшим своими глазами марширующие по Европе нацистские сапоги и слышавшим своими ушами истеричные, полные ненависти тирады Гитлера, трудно было исследовать происходящее в историческом аспекте. Я полагаю, что причины, по которым Германия вступила на путь необузданных завоеваний, лежат глубже, чем очевидный факт, что власть в этой стране захватила банда жестоких и беспринципных гангстеров, которая развратила народ и настроила его на нынешний курс. Корни, я думаю, уходят гораздо глубже, хотя я сильно сомневаюсь, что это растение расцвело бы так, не будь Гитлера.

Одним из таких корней является странный, противоречивый характер немецкого народа. Неправильно говорить, что, как заявили многие либералы у нас дома, нацизм - это форма правления и образ жизни, несвойственные немецкому народу, навязанные против его воли несколькими фанатичными изгоями прошлой войны. Это верно, что нацистская партия никогда не получала в Германии большинства голосов на свободных выборах, хотя и была очень близка к этому. Но за последние три-четыре года нацистский режим проявил что-то очень глубоко скрытое в германском характере, и в этом смысле он дал представление о том народе, которым управляет. Немцам как нации не хватает уравновешенности, достигнутой, скажем, греками, римлянами, французами, британцами и американцами. Их постоянно разрывают внутренние противоречия, делающие их неуверенными, неудовлетворенными, разочарованными и толкающие их из одной крайности в другую. Веймарская республика оказалась такой крайностью в своем либеральном демократизме, что немцы не смогли ее вынести. А теперь они обратились к другой крайности - к тирании, поскольку демократия и либерализм заставляли быть личностями, думать и принимать решения, как это делают все свободные люди, а в хаосе двадцатого столетия это оказалось им не под силу. Они чуть ли не с радостью мазохистов обратились к авторитарному режиму правления, который освобождает их от труда личного решения, личного выбора и индивидуального мышления и дает им то, что для немцев является роскошью: возможность, чтобы

кто-то другой принимал решения и брал риск на себя. А они охотно платят за это своим послушанием. Средний немец страстно желает безопасности. Ему нравится, когда жизнь идет по привычному пути. И он пожертвует своей независимостью и свободой, - по крайней мере, на данном этапе своего развития, - если его правители обеспечат ему такую жизнь.

У немца есть две особенности характера. Как индивидуум он отдаст свою пайку хлеба, чтобы накормить белочек в Тиргартене. Он может быть добрым и тактичным человеком. Но как единица германского общества он может преследовать евреев, мучить и убивать своих соотечественников в концлагере, зверски убивать женщин и детей с помощью бомб и артобстрелов, без малейшего намека на оправдывающие обстоятельства захватывать земли других народов, порабощать их и, в случае протеста, истреблять.

Следует также отметить, что безумная страсть Гитлера к кровавым завоеваниям - отнюдь не исключение для Германии. Стремление к экспансии, завоеванию земель и пространства давно запало в душу этого народа. Некоторые лучшие умы Германии выразили это в своих трудах. Фихте, Гегель, Ницше и Трайчке воодушевляли на это немецкий народ в прошлом веке. Но и в нашем столетии не было недостатка в последователях, хотя их мало кто знает за пределами страны. Карл Хаусхофер выдал из-под печатного станка нескончаемый поток книжек, которые изо всех сил вдалбливали немцам, что если их нация хочет быть великой и существовать вечно, то для этого она должна иметь больше "жизненного пространства". Его книги, такие, как "Власть и земля", "Мировая политика сегодня", оказали сильное влияние не только на лидеров нацизма, но и на огромные народные массы. То же самое можно сказать о книге Ганса Гримма "Народ без пространства", романе, который разошелся в этой стране тиражом около полумиллиона экземпляров, несмотря на то что в нем почти тысяча страниц. Как и "Третий рейх" Мелера ван ден Брука, написанный за одиннадцать лет до того, как Гитлер основал свой Третий рейх.

Во всех этих произведениях упор делался на то, что Германии по законам природы и истории предназначено пространство, более соответствующее ее жизненной миссии. То, что это пространство придется отобрать у других народов, в основном у славян, которые обосновались на нем, когда германцы были еще грубыми дикарями, не имело значения. Главным почти для всех немцев является убежденность, что "малые народы" Европы не имеют таких же, как у немцев, неотъемлемых прав на кусок земли для жизни и пропитания, на города и селения, созданные их тяжким трудом, если всего этого жаждет Германия. Такая

убежденность отчасти является причиной нынешней ситуации в Европе.

И именно злой гений Адольфа Гитлера пробудил в них это чувство и придал ему некое материальное выражение. Именно благодаря этому выдающемуся и внушающему ужас человеку германская мечта имеет ныне шанс осуществиться. Вначале немцы, а потом и весь мир сильно его недооценили. Это оказалось страшной ошибкой, и немцы первыми поняли это, а сейчас начинает понимать весь мир. В настоящее время, с точки зрения подавляющего большинства его соотечественников, он достиг такой вершины, какой в прошлом не достигал ни один правитель Германии. Он стал - еще при жизни - мифом, легендой, почти божеством, с такой же степенью святости, какую японцы приписывают своему императору. Для многих немцев он фигура далекая, нереальная - сверхчеловек. Он для них непогрешим. Они говорят так, как говорили многие народы о почитаемых ими богах: "Он всегда прав".

Вопреки многим зарубежным сообщениям, утверждающим обратное, сегодня он единственный и абсолютный хозяин Германии, который не терпит ничьих мнений, редко просит советов у своих запуганных заместителей и никогда им не следует. Все окружающие его люди преданы ему, все его боятся, и никто из них не является его другом. Друзей у него нет, и после убийства Рема никто из его последователей не обращается к нему фамильярно на "ты". Геринг, Геббельс, Гесс и все прочие обращаются к нему только "мой фюрер". Он ведет уединенную жизнь под строгой охраной, и с начала войны Гиммлер тщательно скрывает его местонахождение от публики и всего внешнего мира.

В эти дни он редко обедает со своими главными помощниками, предпочитая им более приятную компанию своих закадычных партийных друзей старых "боевых" времен, людей вроде Вильгельма Брюкнера, своего адъютанта, Гесса, личного секретаря, - единственного в мире человека, которому он полностью доверяет, и Макса Аммана, своего фельдфебеля времен прошлой мировой войны. Последнего он сделал владыкой высокоприбыльного нацистского издательства "Eher Verlag"{44}.

Действительно крупные шишки в нацистском мире, Геринг, Геббельс, Риббентроп, Лей и командующие разными видами вооруженных сил, встречаются с Гитлером либо в назначенное время в течение дня, либо вечером после обеда, когда он приглашает их на частный просмотр фильмов. Гитлер страстный любитель кино, включая и продукцию Голливуда (два его любимых фильма - "Это случилось однажды ночью" и "Унесенные

ветром").

Герман Геринг определенно человек номер два в Германии и единственный нацист, который смог бы сохранить нынешний режим с уходом Гитлера. Тучный, весь увешанный наградами рейхсмаршал пользуется такой популярностью в массах, которая сравнима только с популярностью Гитлера, но по совершенно противоположным причинам. Если личность Гитлера - далекая, легендарная, неземная, загадочная, то Геринг - живой, земной и могучий человек из плоти и крови. Немцам он нравится, потому что он понятен для них. Как у любого простого человека, у него есть недостатки и добродетели, и народ восхищается им и за то, и за другое. Он по-детски любит военную форму и награды. И они тоже. Он питает страсть к хорошей еде и выпивке в гигантских количествах. Они тоже. Он любит выставлять напоказ дворцы, приемные в мраморе, большие банкетные залы, кричащие костюмы, слуг в ливреях. Им это тоже нравится. И несмотря на все старания Геббельса возбудить в народе критическое отношение к своему сопернику, они не испытывают к нему никакой зависти, не осуждают его за ту эксцентричную, средневековую и безумно расточительную жизнь, которую он ведет. Такой образ жизни они и сами не прочь вести, если бы была такая возможность.

Ни один другой сторонник Гитлера не обладает такой популярностью, силой и способностью, чтобы сохранить нацистский режим у власти.

Гитлер всегда надеялся, что его преемником сможет стать его протеже Гесс, и в своем завещании назвал его вторым после Геринга. Но Гессу не хватает силы, амбиций, динамичности и воображения для того, чтобы занять должность высшего руководителя. Геббельс, обычно стоявший под номером три, сдал свои позиции с началом войны, отчасти оттого, что его потеснили военные и тайная полиция, отчасти оттого, что провалил пропаганду в решающие моменты, приказав, например, прессе и радио праздновать победу "Графа Шпее" в тот день, когда его потопили.

Место Геббельса в качестве третьего человека в Германии занял Генрих Гиммлер, маленький человечек с мягкими манерами, напоминающий безобидного сельского учителя, но его безжалостность, жестокость и организаторские способности выдвинули его на ключевые позиции в Третьем рейхе. Он влиятельная личность, потому что превратил гестапо в учреждение, которое следит сейчас почти за всеми сферами жизни в стране и бдительно присматривает даже за армией. Гиммлер единственный из заместителей Гитлера, в чьей власти

казнить или миловать любого гражданина Германии и оккупированных стран, и редкий день он не пользуется ею. Свидетельства этому можно отыскать в крошечных заметках, которые прячутся на последних страницах газет: "Глава СС Гиммлер извещает, что Ганс Шмидт, немец (или Ладислав Котовски, поляк), убит при оказании сопротивления полиции".

В окружении Гитлера есть еще два "больших человека": Иоахим фон Риббентроп и д-р Роберт Лей. Риббентроп, пустой и полный самомнения человек, абсолютно не любим ни в партии, ни в народе, но все еще в фаворе у Гитлера, потому что правильно угадал насчет Англии и Франции в Мюнхене (Геринг не угадал, и в результате его слава ненадолго померкла). Тот факт, что Риббентроп не угадал в сентябре 1939 года и заверил Гитлера, что англичане воевать не будут, почему-то не повлиял на его положение в рейхсканцелярии. С недавних пор Гитлер стал называть его "вторым Бисмарком", хотя люди вроде Геринга, презирающие его, не могут понять почему.

Д-р Роберт Лей, возглавляющий нацистский партийный аппарат и немецкие профсоюзы, человек грубый, неотесанный, сильно пьющий, обладает организаторскими способностями и фанатично предан своему шефу.

Эти люди - Геринг, Гиммлер, Гесс, Риббентроп и Лей - составляют "большую пятерку" гитлеровского окружения. Их приглашают для консультаций. Все, кроме Геринга, предлагают советы осторожно и с некоторой робостью. В любом случае решение всегда остается за Гитлером.

Есть в этой иерархии и люди помельче: кое-кто из нацистских начальников, которым доверена важная работа, люди, которые занимают свои посты, потому что Гитлер считает их толковыми исполнителями. Наиболее значимые из них: Вальтер Дарре, способный и предприимчивый министр сельского хозяйства, Бернгард Руст, который, будучи министром образования, произвел революцию в школах Германии и привел их в упадок, Вильгельм Фрик, вечный государственный служащий, который получил свою нынешнюю должность министра внутренних дел за измену баварскому правительству, где имел постоянное место чиновника, д-р Вальтер Функ, вытеснивший д-ра Шахта с поста президента Рейхсбанка и министра экономики, и д-р Тодт, блестяще одаренный инженер, построивший для Гитлера густую сеть высококлассных шоссе, а также укрепления Западного вала.

Альфред Розенберг, наставник Гитлера на заре его партийной деятельности и в прошлом один из главных людей в партии, сейчас совсем пропал из виду и не играет никакой роли ни в партии, ни в стране. Он был в большей степени мечтателем, чем

практиком, и проиграл в жестокой борьбе за место под солнцем людям более безжалостным. Со времени заключения нацистами альянса с Москвой, против чего он в одиночестве протестовал, о нем почти не слышно. Чтобы смягчить его переживания, Гитлер присвоил ему великолепный титул: специальный уполномоченный вождя по надзору за национал-социалистическим движением. Ему удалось также удержаться на посту редактора ежедневной гитлеровской газеты "Volkische Beobachter", хотя он мало что может сказать о ее политике.

Юлиус Штрайхер, некогда зловещая сила в этой стране, человек, терроризировавший Франконию, гауляйтером которой он был, с помощью хлыста, был убран со сцены, как я уже говорил, за то, что не мог содержать в порядке свои финансовые дела.

Надо заметить, что, когда Гитлер принимает политические решения, он выслушивает и мнение армии. Иногда, но не часто, открыто высказывается генерал фон Браухич, способный, но не блестящий командующий сухопутными войсками. Кейтель не более чем связующее звено между Гитлером и Генеральным штабом. Генерал Гальдер, начальник Генштаба, возможно, самый умный человек в армии, но он не пользуется доверием у Гитлера, который поощряет разговоры о том, что он-де самостоятельно разрабатывает и тактику, и стратегию крупных кампаний. Генерал фон Рейхенау говорил лично мне, что это правда, но я сомневаюсь. С другой стороны, несомненно, Гитлер принимает главные решения где будет нанесен следующий удар и когда. Одним из его основных советников является очень влиятельный в армии, хотя и совершенно неизвестный германской публике генерал Альфред Йодль, начальник личного военного штаба Гитлера.

Остается последний вопрос, с которым надо разобраться в этих моих беспорядочных умозаключениях: предполагает ли Гитлер войну с Соединенными Штатами? Я часами обсуждал этот вопрос со многими немцами и многими находящимися здесь американцами и обдумывал его долго и тщательно. Я твердо убежден, что он ее предполагает, и если одержит победу в Европе и в Африке, то в конце концов начнет ее, если мы не будем готовы отказаться от своего образа жизни и приспособиться к положению подчиненных в его тоталитарной системе.

Потому что, по мнению Гитлера, в этом маленьком мире не будет места для двух великих систем жизни, управления и торговли{45}. Я думаю, по этой же причине, прежде чем взяться за Америку, он нападет на Россию.

Это не только проблема конфликта между тоталитарным и

демократическим образом жизни, но и конфликта между пангерманским империализмом, цель которого мировое господство, и основополагающим стремлением большинства других народов земли жить так, как им хочется, то есть свободно и независимо.

И точно так же, как гитлеровская Германия никогда не сможет господствовать в Европе, пока держится Англия, она никогда не сможет властвовать над миром, пока Соединенные Штаты будут бесстрашно стоять на ее пути. Это длительный, принципиальный конфликт действующих в мире сил. Столкновение неизбежно, как неизбежно столкновение в космосе двух планет, неумолимо несущихся навстречу друг другу.

В действительности это может произойти раньше, чем представляет себе большинство американцев. На днях один офицер верховного командования слегка шокировал меня, когда мы обсуждали эту тему. Он сказал: "Вы думаете, что Рузвельт может выбрать наиболее выгодный для Америки и Британии момент, чтобы вступить в войну. А вы никогда не думали, что, со своей стороны, Гитлер, мастер точного расчета, может выбрать момент для начала войны с Америкой, момент, который, по его мнению, обеспечит эту выгоду ему?"

Я признался, что никогда об этом не думал.

Насколько мне удалось узнать, Гитлер и верховное командование не предпримут подобного шага в течение ближайших нескольких месяцев. Они все еще исходят из того, что смогут поставить Англию на колени раньше, чем американская помощь станет действительно эффективной. Теперь они заявляют, что выиграют войну самое позднее к середине следующего лета. Но есть люди, занимающие высокие посты, которые считают, что если Гитлер действительно объявит войну Америке (он еще ни одной войны не объявил), то получит бесспорные преимущества. Во-первых, это послужит сигналом к широкомасштабному саботажу тысячам нацистских агентов от одного побережья до другого, что не только деморализует Соединенные Штаты, но и приведет к сокращению поставок в Британию. Во-вторых, в случае действительного объявления войны, доказывают они, наша армия и особенно флот, встревоженные тем, что может предпринять Япония (согласно трехстороннему пакту, она должна будет вступить в войну против нас), будут держать все свои военные ресурсы дома, ресурсы, которые в противном случае могли быть отправлены в Британию. В-третьих, они считают, что усилится внутренняя борьба в Америке, изоляционисты станут обвинять в сложившейся ситуации Рузвельта, как они винили его за пакт трех держав Оси. Этот третий пункт, конечно, заблуждение, так

как объявление Германией войны в один момент покончит с изоляционистскими настроениями в Америке.

Линдбергам и его друзьям смешна сама мысль, что Германия когда-либо сможет напасть на Соединенные Штаты. Немцы приветствуют их смех и хотят, чтобы смеялось еще больше американцев, точно так же, как они поощряли британских друзей Линдберга смеяться над мыслью, что Германия когда-нибудь выступит против Англии.

Каким же образом Германия нападет на Соединенные Штаты? У меня нет авторитетной информации о германских военных планах. Но я слышал, что немцы предполагают следующие варианты.

Если они получат весь британский флот или часть его или у них будет время построить на европейских верфях (суммарные производственные мощности которых намного превосходят наши) достаточно сильный флот, то смогут попытаться уничтожить в Атлантике ту часть нашего флота, которая не связана Японией на Тихом океане. Как только они это сделают, они могут начать поэтапно переправлять армию и военно-воздушные силы через Северную Атлантику, сначала базируясь в Исландии, потом ? Гренландии, далее на Лабрадоре, Ньюфаундленде, а затем двинуться на наше Атлантическое побережье. По мере продвижения баз на запад, воздушная армада будет проникать все дальше, сначала к границам, а затем и в глубь Соединенных Штатов. Может быть, это кажется фантастикой, но в настоящее время у нас нет таких мощных военно-воздушных сил, чтобы противостоять ее продвижению.

Большинство немцев гораздо убедительнее говорят о наступлении через Южную Атлантику. Они предполагают, что Германия получит французский порт Дакар, откуда сможет совершить прыжок в Южную Америку. Они предполагают также, что основной флот Соединенных Штатов будет занят на Тихом океане. Из Дакара путь до Бразилии гораздо короче, чем из Хэмптон-Роудз. Германскому военному флоту, базирующемуся в африканском порту, легко будет действовать в бразильских водах, а для американского флота эти районы слишком далеки, чтобы действовать там эффективно. Из Дакара суда доберутся туда скорее, чем из Америки. Действия "пятой колонны" - сотен тысяч немцев, живущих в Бразилии и в Аргентине, - парализовали бы любое сопротивление, которое захотели бы оказать эти страны. Таким образом, полагают эти немцы, Южную Америку захватить было бы очень легко. А как только они окажутся в Южной Америке, убеждают немцы, война выиграна.

Берлин, 2 декабря

Осталось всего три дня!

Берлин, 3 декабря

Серия прощальных вечеринок, которых я изо всех сил старался избежать, но не смог. Забавный инцидент на одной из них, когда один чиновник министерства иностранных дел, порядочнее многих, изрядно выпив, сказал, что давно хотел мне кое-что показать. И вытащил документ, удостоверяющий, что он работает на тайную полицию! Должен сказать, что его я не подозревал, хотя и знал, что некоторые его коллеги были оттуда.

МИД все еще тянет с моим паспортом и выездной визой, что меня беспокоит. Сегодня вечером провел свою последнюю передачу из Берлина и, боюсь, пару раз всхлипнул.

Перед моим выходом в эфир позвонил из Парижа Флэннер. Он очень взволнован по поводу сообщения, которое, по его словам, послезавтра всех потрясет. У него явно стоял за спиной какой-то немецкий чиновник, потому что мне не удалось вытянуть из него даже намека на то, что там произошло. Здесь ходят слухи, что Гитлер собирается предложить Франции своего рода временное мирное урегулирование, поставив у власти Лаваля и сделав Петэна просто номинальной фигурой в обмен на присоединение Франции к Оси и вступление ее в войну против Британии.

Берлин, 4 декабря

Получил паспорт и официальное разрешение на выезд. Теперь ничего, кроме сборов. Уолли Дьюэл, так же стремившийся уехать, как и я, отбыл сегодня. Он собирался лететь на самолете, но была плохая погода, и немцы, потерявшие за последние три недели три больших пассажирских самолета (на одном из которых погиб мой хороший знакомый), отправили его до Штутгарта на поезде. Надеюсь, мне больше повезет. Я вынужден бросить здесь все свои книги и большую часть одежды, так как провоз багажа на самолете ограничен. Эд Марроу обещает встретить меня в Лиссабоне. Последняя ночь при светомаскировке. Завтра ночью огни... и цивилизация!

В самолете Берлин - Штутгарт, 5 декабря

Было темно и мела метель, когда сегодня утром я выехал из "Адлона" в аэропорт Темпельхоф. Были некоторые сомнения, сможем ли мы взлететь, но в девять тридцать утра, несколько минут назад, нам это наконец удалось. Не люблю я летать в такую погоду...

Дрезденский аэропорт, позднее. Только что у нас была неприятная ситуация. Оставалась треть пути до Штутгарта, когда неожиданно началось обледенение нашего большого 32-местного пассажирского "юнкерса". Я видел сквозь окно, как образуется лед

на крыле и двух двигателях. Стюардесса, хотя и храбро старалась это скрыть, все же испугалась, а когда в самолете пугается стюардесса, мне тоже становится страшно. По лбу сотрудника "Люфтганзы", который сидел напротив меня, заструился пот. Он выглядел очень обеспокоенным. Куски льда, отрываясь от двигателей, ударялись о борт салона с жутким треском. Пилот, которому с трудом удавалось вести самолет, попытался подняться повыше, но лед оказался слишком тяжелым. В конце концов он повернул назад и резко опустился с 2500 метров до 1000 (примерно с 8200 футов до 3200).

"Он не может спуститься ниже, иначе мы врежемся в гору", - объяснил мне сотрудник "Люфтганзы".

"Так, так..." - сказал я.

"Не может воспользоваться радиосвязью, потому что метель ее забивает", - продолжил он.

"Может, нам удастся где-нибудь приземлиться?" - предположил я.

"Здесь негде, - ответил он. - Видимость на земле нулевая".

"Так, так..." - произнес я.

Самолет подбрасывало и трясло. Очень скоро я увидел на приборе, что мы опустились ниже 1200 метров. Ледяная нагрузка была слишком велика. Следующие пятнадцать минут показались вечностью. А потом из тумана и снега мы вынырнули к дороге. Это был двухполосный автобан. Мы летели вдоль него на высоте пятьдесят футов, но иногда, когда попадали в снежный заряд или облако тумана, пилот моментально слеп и взмывал вверх, опасаясь врезаться в дерево или в гору. А потом в одиннадцать тридцать мы пошли на посадку. Это оказался аэропорт Дрездена, от которого до Штутгарта так же далеко, как от Берлина, если не дальше. Приятно было ощущать землю под ногами. Когда оба пилота вышли из кабины, их, похоже, трясло. Здесь за ланчем я подслушал, как один из них рассказывал начальнику аэропорта, что ему пришлось изо всех сил бороться за то, чтобы удержать машину в воздухе. Странно: не успели мы войти в буфет, как началась дневная радиопередача, и первое сообщение в новостях было о том, что вблизи аэропорта в Чикаго разбился американский самолет и несколько человек погибло. Просто день несчастливый, подумал я.

В самолете Штутгарт - Лион - Марсель - Барселона, 6 декабря

Легкое похмелье... прошлой ночью волнение при отъезде из Германии, рискованная ситуация в самолете, прекрасные бары в Штутгарте... В самолете появляется Хэллет Джонсон, советник нашей дипломатической миссии в Стокгольме. Говорит, что я проспал целый час - с момента вылета из Штутгарта, и что это его

первый полет, и что мы летим вслепую в облаках, и... У нас дозаправка в Лионе. Германская авиация контролирует здешний аэродром, хотя это и не оккупированная территория Франции. По одну сторону летного поля свалено большое количество разобранных французских самолетов, по другую - выстроились в ряд сто французских самолетов в отличном состоянии, некоторые из них французы ни разу не использовали в бою... Чиновник министерства иностранных дел с довольным видом смотрит на разбитые самолеты и усмехается: "Прекрасная Франция! И как мы ее разделали! Лет на триста, не меньше!.." Приближаясь к Барселоне, мы огибаем побережье, и вдруг по правому борту я вижу небольшую испанскую деревушку Льорет-де-Мар, под полуденным солнцем белые домики на фоне зеленых холмов. Как давно...

Позднее. Барселона. Фашизм принес сюда хаос и голод. Это уже не та счастливая Барселона, которую я знал раньше. На Пасео, на Рамблас, на Пласа-де-Каталунья движутся в молчании изможденные, голодные, несчастные лица. В отеле "Ритц", в который мы добираемся с аэровокзала на разбитом деревенском фургоне, потому что там нет бензина для машин, я встречаю пару моих знакомых.

"Боже, что здесь случилось? - спрашиваю я. - Я знаю, что гражданская война оставила тяжелый след, но это..."

"Здесь нет продуктов, - отвечают они. - Нет порядка, тюрьмы переполнены. Если бы мы рассказали тебе о грязи, тесноте, нехватке еды в них, ты бы нам не поверил. Но теперь никто не питается нормально. Мы просто поддерживаем свое существование".

Испанские чиновники продержали нас в аэропорту полдня, загнав всех в служебное помещение, хотя нас было всего несколько человек. Они тоже как парализованные, не способны ничего организовать. Старший офицер полиции руки не мыл неделю. Его больше всего интересуют наши деньги. Мы без конца пересчитываем перед ним нашу мелочь, купюры, дорожные чеки. Наконец, когда начинает темнеть, он нас отпускает.

Примерно через час после нашего прибытия из Штутгарта прилетает на немецком самолете Уолли. Ему есть что рассказать о том, как он покидал Германию. Его самолет из Берлина не полетел в Штутгарт, и он проделал этот путь на поезде, потеряв, таким образом, целый день. Из-за этого его выездная виза закончилась до того, как он покинул территорию Германии. Ни один чиновник в Штутгарте не мог взять на себя ответственность и выдать новую. Он должен был возвращаться в Берлин. Возвращение в Берлин означало, что все надо начинать заново:

ждать новой выездной визы, ждать испанскую и португальскую визы, несколько месяцев ждать места в самолете или на пароходе, которые отправляются из Лиссабона в Америку. Он понимал, что его отъезд в Америку откладывается на неопределенный срок, возможно - до конца войны. В последнюю минуту тайная полиция наконец разрешила ему выехать.

Эшторил, вблизи Лиссабона, 7 декабря

Лиссабон, и наконец-то свет и чистота! Мы летели из Барселоны при встречном ветре, скорость которого была сто километров в час. Пилот старого тихоходного "Юнкер-са-52" в какой-то момент решил, что придется возвращаться назад, потому что нам не хватит топлива, но все-таки долетел. Всю дорогу мы тряслись над горами, частенько лишь в нескольких футах от вершин. Были такие воздушные ямы, что двое пассажиров ударились о потолок и один из них от удара потерял сознание.

Хаос в мадридском аэропорту был еще ужаснее, чем в Барселоне. Офицеры-франкисты носились кругами как безумные. Из-за урагана власти решили не выпускать ни один самолет. Потом разрешили один из трех рейсов на Лиссабон. Мне сказали, что я могу вылететь, потом - что не могу, потом - что я могу успеть на поезд, который уходит в четыре дня, потом - что этот поезд уже ушел. Все это время вокруг теснилась толпа чиновников и пассажиров. Был там ресторан, но еды в нем не оказалось. Наконец пассажиров пригласили на лиссабонский рейс. Разрешили лететь только группе испанских чиновников и немецкому дипломату. Я потребовал свой багаж. Никто не знал, где он. Потом ко мне протиснулся какой-то служащий и потащил меня к самолету. Я даже не успел спросить, где мой багаж и куда летит этот самолет. Через минуту мы оторвались от земли, пролетели над развалинами университета Сите, затем до самых сумерек летели над долиной Тагуса, и внизу показался Лиссабон. Пару часов меня продержали в аэропорту португальские власти, потому что я не мог предъявить им билет до Нью-Йорка, но все-таки отпустили. Отели в Лиссабоне переполнены, свободных номеров нет, город забит беженцами, но мне удалось устроиться. Вечером хорошо пообедал и прогулялся по городу, чтобы полюбоваться огнями, а потом лег спать с ощущением, что избавился от тяжкого груза. Завтра из Лондона приедет Эд Марроу, и мы здорово отметим встречу.

Эшторил, 8 декабря

Не смог уснуть, внезапно разболелся зуб, впервые в жизни, и сейчас расплачиваюсь за свою беспечность, хотя в Германии невозможно было что-то сделать, потому что у них не хватает золота и других металлов и дантисты могли поставить пломбу

только из какого-то оловянного сплава. Но светило прекрасное южное солнце, и я все утро бродил по городскому парку, радуясь, как много еще цветущих растений, потом по пляжу, на который накатываются огромные синие волны и яростно разбиваются в пену на залитом солнцем песке. Спокойствие, умиротворенность, мягкий шум моря - все это было великолепно. Благополучие в избытке, на это надо было настроиться, что трудновато с утра. Я сбежал, поймал такси и поехал в Лиссабон ждать самолета Эда. Подозрительные англичане из авиакомпании ни за что не хотели сообщать, когда прилетит самолет из Лондона и прилетит ли он вообще, явно опасаясь, что эта информация может каким-то загадочным образом попасть к немцам и они его собьют. Я прождал до темноты и вернулся в Эшторил.

Позднее. Наконец приехал Эд, и это здорово. С десяти вечера мы до изнеможения проговорили про этот год войны и в пять утра, приятно утомленные, легли спать. Учитывая пережитые Эдом бомбежки и сумасшедший режим работы, выглядит он лучше, чем я ожидал, действительно отлично.

Эшторил, 9 декабря

Бродили по солнечному пляжу. Эд говорит, что бомбежки в Англии были жестокие, но не такие, как хвастаются немцы. Кроме Лондона, ужасные разрушения в Ковентри, Бристоле/ Саутгемптоне и Бирмингеме, и самые тяжелые удары пришлись на центры этих городов - на церкви, общественные здания, жилые дома. Сокращение производства в военной промышленности, считает Эд, произошло не столько из-за нанесенного предприятиям физического ущерба, сколько из-за дезорганизации в тех городах, где живут рабочие и где сосредоточено все энерго-, водо - и газоснабжение. Англичане, говорит он, утверждают, что во время налетов самолеты люфтваффе не целятся в заводы, перед ними стоят две другие задачи: во-первых, посеять страх среди гражданского населения; во-вторых, вывести из строя основные коммунальные службы и парализовать таким образом жизнь городов. Я тоже так думаю.

Эд хорошо отзывается о моральном состоянии британцев, по поводу чего у нас в Берлине были некоторые сомнения. Он говорит, что оно на высоком уровне.

Эшторил, 10 декабря

Пэт Келли, добродушный и толковый менеджер компании "Пан-Американ-Эйруэйз", признается, что у меня мало шансов добраться до дома к Рождеству, если буду ждать скоростной трансатлантический лайнер. Рейсы задерживаются из-за резкой перемены погоды в Хорте, что мешает взлету больших самолетов. Он советует сесть на пароход. Поскольку это должно было быть

мое первое Рождество дома, сегодня днем я пошел в контору "Экспорт Лайнз", чтобы взять билет на "Эксамбион", который отправляется в пятницу. Контора забита беженцами, все просят место, любое, на следующий пароход. Но, как объяснил мне один из сотрудников компании, в Лиссабоне их три тысячи, а пароходы берут только по сто пятьдесят пассажиров и в неделю бывает один рейс.

Он пообещал мне место на "Эксамбионе", отплывающем в пятницу, 13-го, хотя это может быть лишь койка в служебном помещении.

Вечером обследовали с Эдом казино. Игровые залы были заполнены какой-то странной публикой: немецкими и английскими агентами, мужчинами и женщинами, богатыми беженцами, которым чудом удалось вывезти много денег, и они сорили ими направо и налево, разорившимися беженцами, очевидно решившими попытать счастье, чтобы заработать себе на дорогу, и обычными мошенниками всех мастей, которых всегда можно встретить в подобных заведениях. Ни мне, ни Эду не повезло в рулетку, и мы отправились в танцевальный зал, где такого же рода публика пыталась утопить какие бы то ни было чувства в выпивке и джазе. Посетил лиссабонского дантиста. Он дал мне какие-то травы, чтобы полоскать мой воспаленный зуб, который мешал мне спать с самого момента приезда сюда.

Эда расстроила телеграмма, которую он получил днем из Лондона. В ней сообщалось, что немцы разбомбили его новый офис. К счастью, никто не погиб. Прежний его офис был разрушен немецкой бомбой пару месяцев назад.

Эшторил, 12 декабря

Мы просидели до четырех утра, готовя совместную передачу, назначенную на сегодняшнюю ночь. Вполне довольны проделанной работой.

Позднее. Передачи не будет. Эфир был назначен на два часа ночи, и мы отправили текст на местное радио в восемь вечера, в расчете, что у португальских цензоров будет уйма времени. В полночь позвонил цензор и очень вежливо сказал, что смог перевести только две из десяти страниц, но они показались ему очень интересными, и он наверняка закончит на следующей неделе, тогда мы и сможем сделать передачу, Мы проспорили с ним почти до самого выхода в эфир, но стало ясно, что португальцы не намерены рисковать, так как боятся задеть чувства как британцев, так и немцев. Мы уговорили Нью-Йорк отложить передачу до четырех утра, но к половине четвертого никакого успеха не добились и, потерпев поражение, отправились спать.

На борту "Эксамбиона", 13 декабря (полночь)

Весь день мы с Эдом пребывали в подавленном состоянии из-за расставания, ведь мы очень тесно были связаны работой в течение последних бурных трех лет, и это были очень искренние отношения, какие не часто могут случаться в жизни. К тому же у нас возникло предчувствие, конечно нелепое, может быть, сентиментальное, что превратности войны, даже небольшая бомба, могут сделать эту нашу встречу последней.

В сумерках, ожидая отплытия судна, бродили мы по причалу туда и обратно. Там был небольшой открытый бар для портовых грузчиков, за стойкой которого стояла грубоватая неряшливая португалка. Разливая напитки, она ни на минуту не умолкала. Вскоре стемнело, и начали поднимать трап. Я взошел на борт, и Эд исчез в ночи.

Над Тагусом светила полная луна, и ярко сверкали миллионы огней Лиссабона и еще больше на холмах за широкой рекой, пока наш пароход плавно выходил к морю. Но надолго ли это? За Лиссабоном почти по всей Европе эти огни погасли. Они продолжали сиять на этой крошечной полоске юго-западной оконечности континента. Цивилизация, какой бы она ни была, не растоптана пока здесь нацистским сапогом. А что будет через неделю? Через месяц? Или через два? Не захватят ли гитлеровские орды и ее и не погасят ли эти последние огни?

В маленьком судовом баре сидели пятеро других американских корреспондентов, возвращавшихся домой с войны, из Англии, Германии и Франции. Это был очень хороший способ смягчить расставание. Я присоединился к ним. Взял коктейль. Но алкоголь не всегда спасает. Я испытывал волнение и беспокойство. Поднялся на палубу. Постоял какое-то время, прислонившись к поручням и наблюдая, как тают огни над Европой, где я провел целых пятнадцать лет моей самостоятельной жизни, где приобрел опыт и все те, пусть не очень большие, знания, что имею сейчас. Это был большой период, но прожитые здесь годы оказались счастливыми - лично для меня, и для всех народов Европы они были полны смысла и вселяли надежду, пока не пришли эта война, и нацистская зараза, и ненависть, и ложь, и политический бандитизм, и убийства, и резня, и невероятная нетерпимость, и страдания, и голод, и холод, и грохотание бомб, разносящих людей в домах на куски, грохотание бомб, разрушающих человеческие надежды и достоинство.

Примечания

{1} Union Nationale des Combattants - правая организация, насчитывающая около восьмисот тысяч членов. Остальные четыре

миллиона французских ветеранов Первой мировой войны состояли в Federation des Anciens Combattants. (Примеч. авт.)

{2} Американское агентство Ассошиэйтед Пресс. (Примеч. перев.)

{3} Союз защиты родины - вооруженная организация фашистского типа. (Примеч. перев.)

{4} Французское информационное агентство (Havas) в 1835 - 1940 гг. В 1944 г. на его базе основано агентство Франс Пресс. (Примеч. перев.)

{5} Вооруженные силы Германии в 1919 - 1935 гг., созданные на основе Версальского мирного договора. В 1935 г. Германия отвергла военные статьи этого договора и приступила к созданию вермахта на основе всеобщей воинской повинности. (Примеч. перев.)

{6} Вот этот текст: "Закон о воссоздании Национальных вооруженных сил.

Правительство рейха приняло следующий закон, который провозглашает:

1. Служба в вооруженных силах основывается на всеобщей воинской повинности.

2. Германская мирная армия, включая входящие в нее подразделения полиции, состоит из двенадцати корпусных соединений и тридцати шести дивизий.

3. Дополнительные законы по регулированию всеобщей воинской обязанности будут составлены и представлены кабинету министров рейха министром обороны". (Примеч. авт.)

{7} Аншлюс, т. е. присоединение Австрии к Германии, был провозглашен в марте 1938 г. (Примеч. перев.)

{8} UP, United Press - в те годы крупнейшее информационное агентство США. (Примеч. перев.)

{9} INS, International News Servise - информационное агентство США, в 1958 г. объединилось с UP, образовало агентство UPI. (Примеч. перев.)

{10} Титул императора в Эфиопии до упразднения монархии (март 1975 г.). (Примеч. перев.)

{11} Линдберг Ч. (1902 - 1974) - американский летчик, совершивший первый (1927 г.) беспосадочный перелет через Атлантику, известный своими пронацистскими настроениями. (Примеч. перев.)

{12} Сэр Невиль Гендерсон позднее рассказал в своей книге "Провал миссии", что во время первой встречи, после того как Чемберлен изложил свой план полной капитуляции перед Гитлером, фюрер посмотрел на него и сказал: "Очень сожалею, но меня это больше не устраивает". Чемберлен по словам

Гендерсона, выразил свое "удивление и возмущение". (Примеч. авт.)

{13} В последующие дни он стал единственным средством связи между Прагой и внешним миром. (Примеч. авт.)

{14} Протекторат Богемии и Моравии просуществовал до 1945 г. (Примеч. перев.)

{15} Пэнтена арестовали в Копенгагене в апреле 1940 г., когда немцы вошли в Данию и изолировали ее. Французский посланник в Копенгагене настоял, чтобы всех захваченных немцами французских и польских корреспондентов выпустили из страны. Британский же представитель не предпринял никаких усилий, и четверо английских журналистов были арестованы и интернированы. (Примеч. авт.)

{16} Только в ночь на 31 августа, за девять часов до начала войны, мы узнали, что ответ содержал требование, чтобы Польша прислала представителя, наделенного неограниченными полномочиями, в среду 30 августа, то есть в течение двадцати четырех часов. Гендерсон заметил Гитлеру: "Это звучит как ультиматум", но "Великий человек" отверг обвинение. В течение этого периода корреспондентов держали в неведении по поводу переговоров, а на Вильгельмштрассе нам советовали (лживо) сохранять оптимизм. (Примеч. авт.)

{17} Даже это не правда. Позже Гендерсон рассказал, что Риббентроп, будучи в самом что ни на есть нахальном настроении, прочитал ему эти шестнадцать пунктов так быстро, что он не смог уловить их смысла. Когда же он попросил копию предложений, то германский министр иностранных дел отказался ее предоставить! (Примеч, авт.)

{18} От Schutzpolizist (нем.) - в нацистской Германии полиция общественного порядка. (Примеч. перев.)

{19} На самом деле Бонне заявлял после франко-германского перемирия, что он отверг требование Галифакса об одновременном объявлении войны. Он до самого конца ставил на мир любой ценой. (Примеч. авт.)

{20} Много месяцев спустя я узнал из достоверного источника, что Фрич действительно искал смерти, и это подтверждают три письма, написанные им незадолго до этого задания. В немецких военных кругах говорили, что хотя его ранение и было серьезным, но, скорее всего, оно не оказалось бы смертельным, если бы генерал не отверг предложения адъютантов вывезти его в тыл. Он не хотел их даже слушать и умер от потери крови. (Примеч. авт.)

{21} Позднее британское Адмиралтейство подтвердило его версию как эпизода с "Роял септе", так и с нахальным посланием

Черчиллю, включая и тот факт, что Шультце никогда не был в плену. (Примеч. авт.)

{22} Густой суп, заменяющий первое и второе блюдо (нем.). (Примеч. перев.)

{23} Людендорф Эрих (1865 - 1937) - немецкий генерал, один из идеологов германского милитаризма, участник Первой мировой войны. При Гитлере депутат рейхстага, ярый нацист и антисемит. (Примеч. перев.)

{24} Мы четыре месяца подряд на каждой пресс-конференции задавали вопрос, когда же состоится суд над Эльзером. Сначала нам отвечали, что его будет судить Верховный суд в Лейпциге, как и "поджигателей" рейхстага, что вполне соответствует ситуации, поскольку в обоих случаях подозрение ложится на самих нацистов. Несколько недель спустя наш ежедневный вопрос "Когда будут судить Эльзера?" вызвал лишь сдержанный смешок корреспондентов и еще большее раздражение доктора Бёмера, пресс-секретаря министерства пропаганды, пресс-секретаря министерства иностранных дел и его заместителя Брауна фон Штумма. В конце концов нам дали понять, что с этим вопросом уже не до смеха, и, выжав из этой шутки все, что можно, мы про нее забыли. Насколько известно, Эльзера никогда не судили. Казнили ли его - тоже неизвестно. (Примеч. авт.)

{25} Его волнующий рождественский репортаж с финского фронта вдохновил Роберта Шервуда на создание пьесы "Ночь не наступит". (Примеч. авт.)

{26} На что Сталин ответил: "Дружба народов Германии и Советского Союза, скрепленная кровью, имеет все основания быть длительной и прочной". (Примеч. авт.)

{27} Официальный немецкий документ гласит: "Все евреи от четырнадцати до шестидесяти лет привлекаются к принудительному труду. Срок принудительного труда два года, но он может быть продлен, если его воспитательная цель не будет признана выполненной. Евреи, призванные на принудительные работы, должны явиться незамедлительно и иметь при себе двухдневный запас продуктов и постельные принадлежности. Квалифицированные еврейские рабочие должны явиться со своими инструментами. Те, кто не явится, будут приговорены к десяти годам тюремного заключения". (Примеч. авт.)

{28} Боже, покарай Англию (нем.). (Примеч. авт.)

{29} В браке или вне брака. 28 октября 1939 г. Генрих Гиммлер, шеф германской полиции и глава СС, приказал, "переступая через, возможно, необходимые буржуазные законы, традиции и взгляды, поставить великую задачу перед девушками и женщинами благородной крови, даже не связанными узами

брака, не по легкомыслию, а по глубокой моральной убежденности становиться матерями детей солдат, уходящих на войну... На тех мужчин и женщин, которые по воле государства остаются дома, нынешнее время тоже накладывает большую, чем когда-либо, священную обязанность становиться отцами и матерями детей". Гиммлер пообещал, что СС позаботится обо всех законных и незаконных детях арийской крови, отцы которых погибнут на фронте. (Примеч. авт.)

{30} В то время заместитель государственного секретаря США. (Примеч. перев.)

{31} Дальнейшие записи покажут, что это было неправдой. (Примеч. авт.)

{32} Это был, как мы позже узнаем, эсминец "Глоу Уорм", единственный корабль из всего британского флота, наткнувшийся на десятки германских военных и транспортных судов, которые подкрались к побережью Норвегии, еще до 9 апреля. Эсминец заметил 10-тонный германский крейсер "Адмирал Хиппер" у норвежских берегов 8 апреля, но разлетелся на куски, не успев уйти. Окажись в тот день даже небольшое соединение британского военного флота, вроде того, что позднее вошло в Нарвик, в пределах досягаемости берега Норвегии, и гитлеровская авантюра провалилась бы. Единственный вывод, который можно сделать, - британский флот был застигнут врасплох. (Примеч. авт.)

{33} Императрица Австрии и королева Венгрии (фр.). (Примеч. перев.)

{34} Яркий пример геринговских преувеличений. Когда два с половиной месяца спустя я побывал на пляже Дюнкерка, то обнаружил обломки только двух грузовых судов, двух эсминцев и одного торпедного катера. (Примеч. авт.)

{35} Позднее был назначен маршалом Петэном послом Франции в Вашингтоне. (Примеч. авт.)

{36} Entente Cordiale (фр.), в просторечии Антанта военно-политический союз Англии и Франции (до 1917 г. и России). (Примеч. перев.)

{37} Менее чем через четыре месяца он погиб в британском бомбардировщике, возвращавшемся после налета на итальянские позиции в Албании. (Примеч. авт.)

{38} Надо честно признать, что чиновники Государственной радиовещательной компании, которые обращались со мной во время войны с величайшей учтивостью, никогда не возражали против того, чтобы я слушал, что говорил противник по Би-би-си. Для этих целей они обычно оставляли в моем распоряжении приемник. Для иностранных корреспондентов делали исключение

по части закона, запрещающего слушать зарубежные радиостанции, при условии, что они не пересказывают услышанное немцам. В Берлине радио было для нас единственным средством узнать, что происходило во внешнем мире. Продажа иностранных газет, за исключением итальянских или из оккупированных городов, была запрещена. Иногда сюда попадали с почтой американские газеты и журналы, но к моменту доставки они были двух-шестимесячной давности. (Примеч. авт.)

{39} Большинство из них отправили назад с испанской границы. (Примеч. авт.)

{40} Royal Air Force - Королевские военно-воздушные силы (англ.). (Примеч. перев.)

{41} Фюрер Трудового фронта (нем.), этот титул носил Лей, один из сподвижников Гитлера. (Примеч. перев.)

{42} См. запись от 21 сентября. (Примеч. авт.)

{43} 6 декабря 1940 г. Ватикан осудил "милосердные убийства". Отвечая на вопрос, запрещается ли властям отдавать приказ убивать тех, кто хотя и не совершил преступления, заслуживающего смертной казни, тем не менее признан бесполезным для общества или государства из-за физической или умственной неполноценности, Высший совет Священной инквизиции заявил, что "подобные убийства противоречат естественным и Божественный законам". Сомнительно, что большая часть немецких католиков, даже если они узнали об этом заявлении из Рима, что само по себе невероятно, поняла, о чем идет речь. Об этих "милосердных убийствах" в Германии знает только меньшинство. (Примеч. авт.)

{44} Амман является также президентом Печатной палаты рейха и в этом качестве руководит германскими газетами. Через "Eher Verlag" и его филиалы Амман получил и финансовый контроль над большинством крупных газет в стране. (Примеч. авт.)

{45} Он публично признал это в своей речи 10 декабря 1940 г. Сопоставляя тоталитарный и демократический миры, он сказал: "Мы никогда не сможем согласиться с этим миром... Один из этих миров должен разломиться на куски... Это два мира, и я уверен, что один из этих миров должен развалиться". (Примеч. авт.)